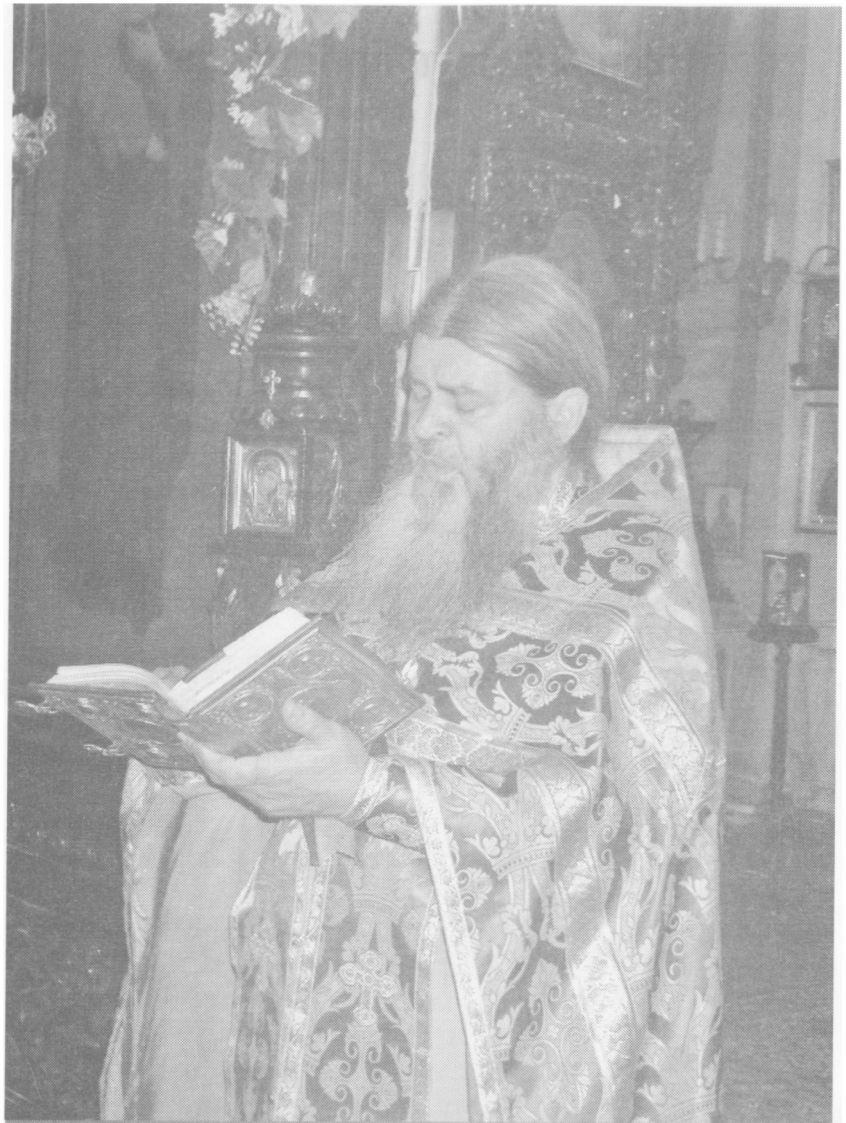

Полный КРУГ проповедей

Полный круг проповедей

Протоиерей Вячеслав Резников

Протоиерей Вячеслав Резников

Полный круг
проповедей
на ежедневные Апостольские и Евангельские чтения

Издание второе, исправленое

ДЕРЖАВА XXI ВЕК ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2011

ОДОБРЕНО ОТДЕЛОМ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КАТЕХАЦИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Проповедь получается, когда один из множества насущных вопросов, рождающихся в душе, вдруг жестко сцепится со священным текстом, и Писание прозвучит именно для тебя — властным повелением, неожиданным напоминанием или милостливым утешением. «Полный круг...» предлагается в помощь постоянному читателю Священного Писания, с молитвенной благодарностью проповедникам всех времен и народов, которые непрестанно помогают всем нам усваивать неисчерпаемое богатство Слова Божия.

© Протоиерей В. Резников, 2011

Предисловие

Невеста, прежде чем сочетаться браком, старается все узнать о женихе. Так и для христианина вполне естественно — знать все о Небесном Женихе, с Которым сочетался во святом крещении. А для этого необходимо читать Священное писание, и особенно — Нового завета. В состав книг Нового завета входят четыре Евангелия, книга Деяний Апостолов, двадцать одно Апостольское послание и Откровение Иоанна Богослова.

Евангелия, это — свидетельские показания тех, кто своими глазами видел дивные дела Христовы, видел Его смерть, Его воскресение из мертвых, Его вознесение на небо.

Книга Деяний говорит о первых шагах на земле Христовой Церкви.

Апостольские послания, адресованные разным церковным общинам, более подробно объясняют, что Господь Иисус Христос сделал для нас, как угодить Ему, что Он любит, что ненавидит, что ждет от нас, и чего ждать от Него и в этой, и в будущей жизни.

А «Откровение», это таинственная книга о судьбах мира и Церкви.

Все эти книги имеют авторов, но все они написаны Святым Духом, и без чтения этих книг невозможно быть христианином.

Книги Нового завета мы не просто покупаем в магазине или берем с полки, как все другие книги. Мы получаем их из рук Церкви, и получаем вместе с церковным опытом чтения этих книг, вместе с примерами, как люди жили по этим книгам, вместе с наукой, как молитвенно вспоминать описанные здесь события. Все эти ветви от одного корня.

За две тысячи лет Христианства было сказано, написано и дошло до нас много поучений на тему Священного Писания. Все они об одном, и в то же время все они очень разные, потому что произносились разными людьми, для

разных народов, в разные времена. Христианство переживало то подъемы и расцветы, то расколы и гонения. Каждый раз перед проповедником вставали свои задачи: разоблачить ложь, поддержать гонимых, или просто расшевелить заснувших.

Но главная цель проповедника, раскрывшего Писание, это — открыть нечто для себя самого, чтобы один из множества насущных вопросов, рождающихся в душе, зацепился бы за нечто в Священном тексте, и чтобы Священный текст заговорил именно для тебя. А потом уже — поделиться этим открытием со слушателями.

Слово Божие следует читать каждый день. Это так же необходимо, как молиться Богу. Как в общении с человеком: и говоришь, и слушаешь, так же и с Богом: молитва — то, что мы говорим Ему, а Священное писание — то, что Он говорит нам.

Иные читают Писание подряд, по главам, иные — по церковному календарю. Из глубокой древности дошло разделение «Евангелия» и «Апостола» на так называемые «зачала» для чтения за Богослужением. Каждый день положено одно зачало из «Евангелия» и одно из «Апостола». За год совершается полный круг.

Начинается же он со дня Святой Пасхи. Если мы откроем церковный календарь, то увидим, что на этот день написано: «Деян. 1, 1–8. Ин. 1, 1–17». Это значит, читается из первой главы Евангелия от Иоанна с первого по семнадцатый стих, а из первой главы книги Деяний Святых Апостолов с первого по восьмой стих. И так далее. Но не всегда строго подряд. А в субботы и «недели» вообще свой порядок. И нельзя не заметить, что между Евангельским и Апостольским чтениями дня почти всегда есть живая связь: они дополняют и раскрывают друг друга.

«Неделей», кстати, в церковном обиходе называется то, что у нас в быту называется «воскресеньем». А то, что мы привыкли называть «неделей», в церковном обиходе называется «седмицей». Интересно, что от Пасхи до Пятидесятницы (или Троицы) «седмица» начинается с «недели», например, за Пасхой идет первая, пасхальная седмица. А после «неде-

ли Пятидесятницы» все седмицы начинаются с понедельника, и кончаются соответствующей «неделей». Например, после «недели 10» в следующий день прочитаем: «понедельник, 11», после которого ближайшая «неделя» тоже будет иметь номер «11».

Всего в церковный круг входят: семь седмиц от Пасхи до Пятидесятницы; тридцать шесть седмиц до Великого поста; субботы и «недели» великого поста (в седмичные дни Великого поста Новозаветных чтений не положено); чтения страстной седмицы, начиная с Великого понедельника. Заканчивается круг Великой субботой.

Поскольку Пасха каждый раз приходится на разные дни года, чтобы уложиться с чтениями до следующей Пасхи, существует система так называемых «отступок», когда некоторые чтения либо переносятся, либо повторяются.

Настоящая книга представляет полный круг проповедей на все дни церковного Богослужебного года, от Пасхи до Великой субботы. Всего 347: 365, минус седмицы Великого поста, когда нет новозаветных чтений, плюс великие праздники.

В иных проповедях охватывается Евангелие и Апостол; в иных только Евангелие; в иных только Апостол, а Евангелие откладывается на тот последующий день, когда будет читаться сходное, или, как говорится, «параллельное» место из другого Евангелиста.

Если в тексте нет сноски на источник той или иной цитаты, значит, эта цитата находится в границах текстов, указанных в начале проповеди.

В конце книги приводится таблица, где все новозаветные чтения размещены по порядку, с указанием страницы, где их можно найти.

Эта книга предлагается в помощь постоянному читателю Нового завета, с молитвенной благодарностью проповедникам всех времен, которые помогли и продолжают помогать всем нам.

Протоиерей Вячеслав Резников

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА

Пасха

Ин. 1, 1–17
Деян. 1, 1–8

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Христос воскресе!

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — так Святая Церковь каждый год обновляет круг евангельских чтений. Снова и снова начинается проповедь о том, что все, что есть, только по воле Бога «начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»; о том, что только в Боге жизнь, которая есть единственный свет для нас, человеков, что этот свет «во тьме светит, и тьма не объяла его».

Слово Божие сегодня звучит особенно торжественно, особенно победоносно. Сегодня оно озарено светом величайшего дела Божия, светом Его победы над грехом и смертью, светом отверстых врат Царства Небесного. Слово Божие сегодня звучит среди неповторимых пасхальных песнопений, среди восклицаний: «Христос воскресе!» Оно звучит на разных языках, и мы чувствуем, что для Слова Божия нет границ.

Проповедь Воскресения Христова — проповедь живых свидетелей. Воскресший Господь сказал: «вы примете силу, и будете Мне свидетелями... даже до края земли». И Апостолы всюду возвещали, что «Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его». Уверуйте в Него, и Он даст вам невиданную «власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились».

От опустевшего гроба свет Воскресения стал неудержимо разливаться по всему миру, изгоняя смерть и делая жизнь по-

истине жизнью. И каждый церковный праздник, каждое святое воспоминание обретает смысл только в свете Воскресения. Потому что если Христос не победил смерть, то для чего чистота Пресвятой Девы? Для чего страдали мученики? И все события земной жизни Господа, даже Его Рождество: если Христос не воскрес, то для чего Он родился?

Вот какой сегодня день. «Просветимся, людие: Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе, победную поющия».

Но как важно и при таком торжестве не пропустить ни одного слова Евангелия! И вот, читаем: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли».

Как же так? Ныне все исполнено света, «небо же и земля и преисподняя», а мир Его не познал? Адская тьма не может Его поглотить, а свои могут не принять? Да кто же эти «свои»?..

Вспомним читанное на страстной седмице. Когда Господь сказал Апостолам: «один из вас предаст Меня, ... они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: «не я ли, Господи» (Мф. 26, 21–22)? Так и сегодня: «Не я ли, Господи?»

Чему я радуюсь? Песнопениям? Праздничному убранству? Концу поста? Или я радуюсь Господу, Который есть «первый и последний, Который был мертв, и се, жив» (Откр. 2, 8)? Жду послабления плоти, или готов на все, лишь бы возвеличился «Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Флп. 1, 20)?..

Господь всех зовет на Свой праздник. И тех, кто с первого часа трудился, и кто с шестого; и в «единонадесятый час пришедших» призывает. Воздержанных и ленивых, постившихся и не постившихся, чтобы никто не мог отговориться. Он все глубже и глубже сходит за нами, Он поистине снисшел «в преисподняя земли».

Но и мы способны все глубже и глубже уходить от Него в бездонную пропасть греха и богоотвержения... Не я ли, Господи?..

Но «да не одолеет наша злоба Твоей неизглаголанной благости и милосердия»!

Христос воскресе!

О священной иерархии

Пасхальная вечерня
Ин. 20, 19–25

Христос воскресе!

Мы не знаем точного времени, когда воскрес Христос. Жены-мироносицы едва дождались начала дня, следующего за субботой. Было еще темно. Камень был отвален. Тела Иисусова уже не было во гробе. Ангелы возвестили Его Воскресение, потом Он явился Марии Магдалине, потом другим мироносицам, потом двум ученикам по дороге в Эммаус.

Прошел день, наступил вечер. Ученики собрались в доме. Вдруг Сам Господь явился среди них и сказал: «Мир вам!» Он явился, когда двери были заперты. Евангелист Лука говорит, что ученики, «смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа». Но Господь показал «руки и ноги и ребра Свои», и спросил: «есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними».

Итак, Господь воистину воскрес. Но Его тело, хотя и было именно Его телом, стало иным. Теперь оно способно проникать сквозь стены. Казалось бы, теперь можно явить Себя всему миру и неоспоримо доказать Свое воскресение из мертвых. Но Господь благоволил явиться только Своим верным ученикам, Своим призванным Апостолам.

Он повторил: «Мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас». Потом дунул и сказал: «примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». Твердо и навсегда запомним эти слова: в них Божественная сила. Когда-то Бог говорил: «Да будет», и по каждому Его слову из небытия возникали одна за другой части нашего мира (Быт. 1). Так и тут: Господь сказал, и возникла священная иерархия, появились люди, наделенные властью прощать грехи и соединять людей с Богом.

Враги истины в своем так называемом «новом, современном переводе» Нового Завета «перевели» эти слова так: «если вы будете прощать грехи другим, то они будут прощены и вам. И если вы не будете прощать, то и вам грехи не про-

стятся». Трудно откровеннее обнаружить перед всем миром своего отца, который есть и отец лжи; и трудно лучше доказать важность этой Божественной заповеди.

Апостолы получили эту власть от Самого Христа. Потом они передавали ее своим преемникам, епископам и священникам тех церквей, которые возникали по их проповеди. Дошла эта власть и до современных священнослужителей, каждому из которых в таинстве священства Господь сказал: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. ... Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся».

И когда мы слышим во время богослужения: «Мир всем!» — это не что иное, как несмолкаемое приветствие, сказанное воскресшим Христом две тысячи лет назад.

В каждом священном таинстве действует все то же дуновение Господне.

А благословляющая рука священника — живое продолжение благословляющей Господней руки.

Будем же держаться за эту руку, чтобы не кончался для нас и этот благословенный день, и этот благословенный вечер, и чтобы всегда перед нами был Господь с Его победоносной плотью, с Его язвами, принятыми за нас, и чтобы всегда в наших сердцах горело радостное:

«Христос воскресе!»

О свидетельстве и свидетелях

Понедельник **Ин. 1, 18–28**

Деян. 1, 12–17, 21–26

Христос воскресе!

Этими словами мы пред всем миром свидетельствуем о величайшем, удивительнейшем, и совершенно невероятном событии.

А не много ли мы на себя бѐрем? Ведь свидетельствовать можно только о том, что видели сами. Апостолы, когда им надо было принять в число двенадцати кого-то вместо Иуды предателя, твердо знали, что это должен быть непременно «один из тех, кто находился» с ними «во все время, когда пребывал и обращался» с ними «Господь Иисус, на-

чиная от крещения Иоаннова и до того дня, в который Он вознесся».

И свидетельствуют не столько словами, сколько всею жизнью, и порой самый вид свидетеля сильнее всего доказывает истину его слов.

Сегодня мы читали о самом великом свидетеле пришествия Христова. «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн ... Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о свете» (Ин. 1, 6, 8). И как он свидетельствует? — А он без конца повторяет: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3,2)! Если грозит опасность, кричат: «Берегись!» Так и Иоанн Креститель повторяет и повторяет: «Покайтесь», исправьтесь, приведите себя в должный вид, ибо Господь приблизился.

А тут вдруг «Иудеи прислали спросить его: кто ты?» — Но как трудно стоящему пред Богом взглянуть на себя! И первое, что отвечает Иоанн, зная, за Кого могут принять: «Я не Христос!» Посланные снова спрашивают: «Что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет». Но люди не отстают: «Кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом?»

И тогда, наконец, Иоанн говорит: «Я глас вопиющего в пустыне». Как — глас? Ведь это лишь мгновенное сотрясение воздуха, как круги на воде от брошенного камня. Да и глас-то когда прозвучавший? «Исправьте путь Господу», — как сказал пророк Исаия, который жил несколько сот лет назад!

Вот — тот, о ком Господь сказал, что «из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя». Сам он почитает себя лишь гласом, на мгновенье прозвучавшим по воле Божией.

А мы с вами, произнося «Христос воскресе», заявляем себя свидетелями не только пришествия Христова, но и Его Креста, и Его славного Воскресения!

И помоги нам Бог, чтобы, когда мы произносим это пасхальное приветствие, люди видели бы на нашем лице ту небесную радость, с которой жены-мироносицы бежали от опустевшего гроба!

Христос воскресе!

О приготовлении души

Вторник **Лк. 24, 12-35**
Деян. 2, 14-21

Христос воскресе!

Но разве только Христос воскрес? Воскресли и Лазарь (Ин. 11), и дочь Иаира (Мф. 9, 23–25), и сын вдовы наинской (Лк. 7, 11–16). И даже может показаться, что они-то именно и воскресли по-настоящему. Только что лежали бездыханными, и встали, возвратились в круг живых, никуда не исчезают, каждый может их видеть.

А Господь — не так. Никто не видел, как Он восстал из гроба. Вот лежат Его пелены; вот о Нем возвещают Ангелы. Вот, наконец, Он Сам является мироносицам, ученикам. Но эти явления кратковременны, и сначала Его или не видят, или не узнают. Мария Магдалина видит и думает, что это садовник; Апостолы видят и думают, что это призрак.

Сегодня читаем об одном явлении Господа, которое особенно подробно описано в Евангелии.

Два ученика шли и говорили о последних событиях. Иисус приблизился, но «глаза их были удержаны, так что они не узнали Его». Господь спросил, о чем их беседа, и когда получил ответ, сказал: «О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!» Он долго объяснял из Писания, что все именно так и должно было произойти. Затем сделал вид, что хочет идти Своим путем, но они упросили остаться. И только в доме, во время трапезы, Он открылся. Но тут же стал невидим.

Итак, сначала Господь попустил ученикам какое-то время беседовать одним. Когда они говорили между собой, то наверное, как это бывает между своими, говорили полусловами, полунамеками. А Господь, задав вопрос, заставил собраться с мыслями и все изложить последовательно. Вроде бы для Него, а на самом деле для самих себя.

И лишь когда они высказали все, что знали и о чем недоумевали, Господь стал говорить Сам. Он стал говорить на их языке, отвечать именно на их недоумения, продолжать именно с того, на чем они остановились. Они слушают, и сердца их горят неведомой радостью.

Тут Господь делает вид, что хочет уйти. И это тоже не случайно: Господь побудил их удерживать Его, выразить же-

лание еще и еще слушать слова истины, еще и еще чувствовать таинственное горение сердца.

По их просьбе Господь вошел в дом. Во время трапезы Он, «взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его; но Он стал невидим».

Вот так Господь приготовил души учеников: напитал истиной, зажег огнем любви, пробудил волю. И только после этого открылся. И только к такой душе приложимо пророчество Иоиля: «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется».

Имя Господне сможет вырвать из бездны и вознести на небо только ту душу, которая вся, до последнего уголка, ухватится за Него.

Потому-то и нас так тщательно готовила Церковь ко дню Воскресения Христова: молитвой, постом, чтением слова Божия.

Христос воскресе!

О свидетелях и лжесвидетелях

Среда **Ин. 1, 35–51**
Деян. 2, 22–36

Христос воскресе!

Евангелие сегодня говорит о первых учениках Господних, а книга Деяний Апостолов о том, как они впервые вышли на проповедь. Между этими двумя событиями немногим более трех лет. Все это время Апостолы неотлучно были со Христом, много слышали, много видели, и даже сами сподобились благодатию Божией исцелять больных и изгонять бесов. Но нельзя сказать, чтобы за три года они заметно изменились. То у них сомнения, то недоумения, то непонимание, то споры. А впоследствии — и страх, и трусость, и отречение.

Но вот проходит еще несколько дней, и ученики дерзновенно выходят на улицу и перед многотысячной толпой проповедуют Христа. И это уже другие люди. Они не оглядываются назад, не боятся ни угроз, ни страданий. Они ни во что ставят и самую смерть.

Что же произошло за эти несколько дней? — А произошло то, чему были посвящены богослужения страстной сед-

мицы и последующих светлых дней. Учитель осужден, убит и погребен, и вдруг, в третий день явился воскресшим! И не так, как сын вдовы наинской, или как Лазарь, которые получили только временную отсрочку. Христос воскрес, чтобы не умирать вовеки; явился в новом, духовном теле, которому уже ничто не может причинить вреда.

«Воскресение Христово видевши», Апостолы несомненно уверовали и в свое грядущее воскресение. Они избавились от страха смерти, который делал их рабами. Они всю землю исходили, возвещая, что «сего Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели». Для Апостолов Христос воистину воскрес, и поэтому они стали воистину другими. Поэтому и люди верили им и отвечали: «Воистину Христос воскрес!»

А когда мы с вами говорим: «Христос воскрес», то в ответ слышим: «Если Он воистину воскрес, то почему вы сами не живете по Его заповедям?» Мы говорим: «Христос воскрес», а нам отвечают: «Если Он воистину воскрес, то почему вы с такой безмерной скорбью переживаете кончину близких?» Мы говорим: «Христос воскрес», а нам в ответ: «Если Он воистину воскрес, то почему вы ничуть не меньше нас привязаны к земному, к тленному, к удобствам жизни, к вещам?..»

И нам нечего ответить. Мы перед людьми оказываемся лжецами, потому что возвещаем величайшее событие, а сами живем, как будто его никогда не было.

Епископ Феофан Затворник пишет: «Слова Ангела «тецыте и миру проповедите» по отношению к нам значат, что живите так, чтобы ваша жизнь была единым словом: «Христос воскрес», и чтобы смотря на вас, все люди могли сказать: «Воистину воскрес», — потому что видимо живет в Его последователях».

Христос воскресе!

О рождении свыше

Четверг **Ин. 3, 1–15**

Христос воскресе!

И днем, и ночью приходят к Господу Иисусу ученики. Днем — кто обрел решимость все оставить и последовать за Ним. Ночью — кто хотя и тянется к истине, но еще не

в силах оставить мирские привязанности, подняться выше мирских страхов. А Господь всех принимает. Каждому дает, что он может вместить, и каждого побуждает на большее и на лучшее.

Однажды ночью пришел и Никодим, один из начальников иудейских. Он пришел и заговорил об одном, а Господь сразу заговорил о другом, о главном, о необходимости заново родиться, если хочешь быть с Богом. «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Никодим удивленно спросил: «Как может человек родиться, будучи уже стар?» Какое рождение, когда скоро смерть?

На что Господь ответил: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие».

Здесь Господь говорит о святом крещении. Как в рождении по плоти: младенец находится в материнской утробе в полной тьме, и вдруг выходит в ослепительный свет. Его окружает множество предметов, множество звуков, среди которых он начинает различать голоса родителей. Но ребенок не сразу осознает, что с ним произошло. Лишь постепенно развивается способность ощущать и запоминать, он осваивается в Божьем мире и уже не представляет, как могло быть иначе, как он мог не существовать?

Так и во Святом Крещении. Человек рождается от воды и Духа в жизнь вечную. Сын плотских родителей усыновляется Небесному Отцу, Который есть Дух. И как свет Божьего мира не сравним с утробной тьмой, так и свет Царствия Небесного не сравним с этим миром.

И даже когда крестившийся не испытывает сразу полноты чувств, — все равно: событие произошло, и теперь он будет духовно расти и все отчетливее слышать голос Отца Небесного, о чем Господь и сказал Никодиму: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит, и куда уходит».

Не знаем откуда, не знаем куда, но знаем, что везде звучит для нас этот голос Духа: и в Священном Писании, и в церковном богослужении, и в подвигах истинных христиан, и в премудром устроении мира. И пасхальная радость, которую мы переживаем в эти дни, тоже голос Духа. Казалось

бы, отчего? Мы же видим, что люди умирают, знаем, что и нас ждут врата смерти и тления. Откуда же радость, откуда надежда?

Не знаем, откуда приходит и куда уходит, но знаем, что это есть. И заглушить этот голос не смогли и не смогут, как писал Апостол Павел, «ни скорбь, ни теснота, ни гонения, ни голод, ни нагота, ни опасности, ни меч» (Рим. 8, 35).

Все мы от этого Духа родились, и пусть мы еще младенцы духовным возрастом, но и мы в эти дни, вместе с совершенными радуясь о Господе Спасителе нашем, несем друг другу великую весть, разлитую во всем мире:

Христос воскресе!

О биче Божием

Пятница **Ин. 2, 12–22**

Христос воскресе!

Когда все совершилось, и Господь воскрес, ученики вспомнили и поняли многое, чего раньше не понимали. Вспомнили они и слова, которые однажды сказал Господь: «Разрушьте храм сей; и Я в три дня воздвигну его». Вспомнили и уразумели, что «Он говорил о храме Тела Своего». Вспомним и мы, по какому поводу эти слова были сказаны.

Однажды Господь пришел на праздник «и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег». Тогда Он, «сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул».

Мы в нашей жизни тоже видим множество примеров неподобающего отношения к святыне, много небрежения и даже сознательного кощунства. Не должны ли и мы вот так же, подобно Господу, бичом наводить порядок?..

Но если уж уподобляться Господу Иисусу, то уподобляться во всем.

Вглядимся, что было до, и что после этого события.

Только еще подходя к Иерусалиму, Господь, «смотря на него, заплакал о нем и сказал: О, если бы ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это скрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги

твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19, 41–44).

Потом, когда Господь уже очистил храм, подошли книжники и спросили: «Каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?» Господь ответил: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его».

И если уж Небесный Учитель почел Своим долгом объясниться, то и ученик, желающий подражать Его ревности, должен быть готов отвечать.

Вот ты взял в руки бич, чтобы наказать нечестивых. Но плакал ли ты, подобно Господу, о страшных бедствиях, которые они уготовили себе и в этой, и в будущей жизни?

И готов ли ты предать за них, как Господь, на поругание и разрушение храм своего тела?

Боюсь, что уже после этих вопросов окажемся в положении тех иудеев, которым Господь ответил, указав на обличаемую ими грешницу: «кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Ин. 8, 7). И нам тоже придется, бросая бичи, «уходить один за другим, начиная от старших», то есть тех кто поумнее, и до «последних» (Ин. 8, 9).

А уж третий вопрос окончательно, в пыль сокрушит самоуверенность: а сможешь ли ты, подобно Господу, заново воздвигнуть разрушенный храм своего тела?..

Нет, бич не для наших рук, а для наших грешных спин. Это ясно.

Но почему Церковь напоминает нам об этом именно теперь, на пасхальной седмице, когда пришло время радости и утешения?

А вот как раз в том, что сегодня читали, и есть величайшее утешение: потому что не о самом биче напоминает Церковь, — что о нем напоминать, когда этот бич, то есть страдания и скорби, всегда и на нас, и перед нами.

Церковь утешает, показывая, в Чьей руке этот бич. В руке Того, Кто не только плакал о наших грехах, не только предал Себя за нас, но и чудесно восстал из мертвых. Вот Кто стоит над всем, и в Чьей руке все и вся. Разве может от этой руки исходить что-то злое, что-то несовершенное,

что-то неразумное? Как часто мы горевали, когда случалось несчастье, приходила беда, — а ведь это Сам Господь Своей могучей любящей рукой отталкивал от края адской бездны!

И поэтому сегодня, прославляя Воскресение Христово, мы с особым чувством произносим слова молитвы Господней: «да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли». И с особой радостью принимаем и прославляем эту Его спасительную власть над нами.

«Слава Воскресению Твоему, Христе, слава Царствию Твоему, слава смотрению Твоему, Едине Человеколюбче!»

Христос воскресе!

О росте и умалении

Суббота **Ин. 3, 22–23**
Деян. 3, 11–16

Христос воскресе!

Путь к воскресению Христову начался еще в раю, когда Бог утешил падших прародителей, пообещав, что семя жены сотрет главу змия. Потом Бог через пророков и праведников долго готовил людей к пришествию Спасителя, а после Воскресения — через Апостолов и других святых помогал приходить к Нему.

Бог вечен, и дело Его идет через тысячелетия, а дни человеческой жизни — «семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет» (Пс. 89, 10). И каждый, кого избирает Господь, какое-то время находится как бы на самом гребне дела Божия, а потом неизбежно отходит в сторону. Но Божий человек всегда остается Божьим человеком. Сегодняшние чтения показывают таких людей и в расцвете, и на исходе служения.

Вот Апостолы, исполненные Святого Духа, совершают чудесное исцеление. «И как исцелевший хромой не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбежался к ним». Казалось бы, вот успех! Но Апостолы больше всего опасаются собственной славы, и умаления славы Господа Иисуса. И они как бы отталкивают сбежавшихся людей, даже укоряют: «Что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?»

И далее — Апостолы — нет бы забыть все прошлое, — начинают обвинять собравшихся в преступлениях против Иисуса, Которого те «предали, и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его»: «Вы от Святого и Праведного отреклись и просили даровать вам человека убийцу; а Начальника жизни убили».

Апостолы знают, что истинных детей спасения, тех, кого призвал Бог, словами справедливого укора не оттолкнешь, а скорее приведешь к умилению и покаянию. А отойдут, обидятся, разгневаются те, кого привело пустое любопытство.

Иоанн Креститель тоже не обольщался, что к нему идут люди, и не угодничал перед ними, но — кого надо — обличал жестокими словами: «порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (Мф. 3, 7). Но все равно «Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему» (Мф. 3, 5).

Это было совсем недавно, а теперь мы читаем о времени заката славы Иоанна Предтечи. Другой в центре внимания. Он крестит, творит чудеса, все идут к Нему, оставляя Иоанна. Ученики переживают за своего учителя, но сам Иоанн не скорбит, не сетует на мимолетность человеческой славы. Он говорит: «Ему должно расти, а мне умаляться». И мы помним, как умалился Иоанн: до тюрьмы, до смерти, причем, какой смерти — просто в темнице отсекли ему голову в угоду человеческой злобе.

Но чем ниже умалялся этот великий муж, тем сильнее радовался о Женихе Небесном, о Господе Иисусе Христе, слава Которого возрастала с каждым днем! «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостию радуется, слыша радость жениха. Сия-то радость моя исполнилась».

Вот так истинные делатели стараются отвлечь от себя славу и радуются, когда Сам Господь ее отводит.

Не всякому дано потрудиться для Божьего дела, но умаления не миновать никому. И при любом умалении, от чего бы оно ни происходило, мы должны сказать, как Иоанн Креститель: «Ему должно расти, а мне умаляться».

Даже если не видим Христа, как видел он, даже если вокруг бесконечно умножается нечестие и всякое зло, — все равно не имеем права забывать о величии нашего Господа.

Пусть уже нет сил трудиться, — ну что же, это только то значит, что наконец-то Он призовет более достойных, более бескорыстных, и теперь-то дело Божье пойдет, как оно и должно идти...

Но вот умалилась и светлая пасхальная седмица. Сегодня последний праздничный день, вечером закроются Царские врата. Но пусть растет наша вера в Воскресшего Господа. Ему должно расти — в нашей жизни, в наших сердцах, в наших делах. А нам — умаляться пред Его бесконечной премудростью и силой.

Христос воскресе!

СЕДМИЦА 2-Я ПО ПАСХЕ

О блаженном неверии

Неделя 2-я по Пасхе **Ин. 20, 19–31**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Первое воскресение после Пасхи носит название: «Неделя о Фоме».

Через семь дней после явления Апостолам Господь явился еще раз — ради одного Фомы, которого тогда не было со всеми. «Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». Но как он мог не поверить собратьям? Почему за свое упорное неверие Фома заслужил величайший дар, а не примерное наказание?

О Фоме сказано очень немного, но это немногое много стоит. Когда Господь узнал о смерти Лазаря и собрался идти в Иудею, Он сказал ученикам: «Лазарь умер. И радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдем к нему» (Ин. 11, 14–15). А что значит «пойдем к нему», если Лазарь мертв и если иудеи ищут убить и Самого Иисуса? Фома сразу все понял и решительно сказал: «Пойдем и мы умрем с Ним» (Ин. 11, 16). Такие слова услышишь не часто, и такие слова не забывают ни люди, ни Бог.

А вот слова «если не увижу, ... не поверю» приходится слышать постоянно. Но как правило, их произносят люди, которые сами не ищут Бога, не ищут истину и не собирают-

ся ни с кем и ни за кого умирать. Таким Господь никогда не явится, чтобы не вызвать прямого богохульства: когда некуда будет спрятаться от неопровержимой истины.

Господь явился Фоме, потому что Фома готов был, даже не зная о победе над смертью, умереть вместе с Иисусом. Фома уже тогда решил для себя: если Иисуса не станет, жить незачем.

Господь явился, как и в первый раз, и сразу обратился к Фоме: «подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим». И Фома только и мог воскликнуть: «Господь мой и Бог мой!»

После этого Господь сказал как бы с укором: «ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие». Но что для Фомы этот укор, когда он весь поглощен радостью — снова видеть Учителя? Теперь он готов на любые страдания, только бы доказать свою любовь.

И нам Господь обещает блаженство, если не видя, будем стараться уверовать в Него, если поймем, что вопрос веры и неверия — вопрос жизни и смерти. Ведь в том и блаженство — встретить Христа не как доказательство, что Он есть, но как долгожданного гостя, по которому истомилось сердце и без которого невозможно жить.

Поэтому — блажен Фома, наконец увидевший и уверовавший, и блаженны все, не видевшие, но тоже уверовавшие и ждущие в надежде.

О самом первом чуде

Понедельник **Ин. 2, 1–11**
Деян. 3, 19–26

Сегодня — о самом первом чуде, которое совершил Господь Иисус Христос. «Был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак». На свадьбе «недостало вина». Заметим, что именно «недостало»; люди уже выпили, но хотят еще. Тогда Мать Иисуса говорит Своему Божественному Сыну: «вина нет у них»...

Впоследствии Господь исцелял больных, изгонял бесов, кормил голодных, но самым первым чудом было — умножить вино на свадьбе. Он велит служителям налить воду в водоносы, потом почерпнуть и нести к распорядителю пира, который «не знал, откуда это вино; знали только служители, почерпавшие воду». Распорядитель пробует и хвалит жениха за то, что он «хорошее вино сберег доселе». Жених, видимо, не стал выяснять, откуда на самом деле взялось вино, а просто велел подавать на столы.

Как видим, Господь хотел только утешить людей, не привлекая к Себе внимания. Так и вышло: в суете никто толком ничего не понял, открылась истина позже, при сопоставлении рассказов участников, и тут уже «уверовали в Него ученики Его».

Это самое первое чудо очень поучительно. Ведь у нас как бывает: если не веруем, то верующий — сумасшедший, и его надо срочно лечить. А если уж с горем пополам уверовали, сумасшедшим тут же становится любой неверующий, и мы хватаем его, тащим «к спасению», бесцеремонно вырывая все из его рук.

Мы сочувствуем друг другу только когда у нас схожие пристрастия и интересы. Если пьем, непьющий — гордец, не уважает. А если в вине не нуждаемся, пьющий нам просто противен.

Но кто менее всего нуждался в винном утешении, чем Господь, Дух Животворящий, о Котором возвещали «все пророки от Самуила, и после него»? И когда Мария говорит служителям: «что скажет Он вам, то сделайте», — это слова той же силы, что и слова пророка Моисея о грядущем Спасителе: «Слушайтесь Его во всем... Всякая душа, которая не послушает» Его, «истребится из народа».

Господь пришел на землю, чтобы возвестить спасительную волю Отца Небесного. Но сейчас Он на свадьбе, и Он видит, чего сейчас здесь не хватает. Он не хочет, чтобы были обиды и нарекания на хозяев, Он просто дает потребное, не говоря при этом ни о спасении, ни о Царствии Небесном.

Он принес на землю бесценный дар, но и самое высшее благо не станет благом, пока человек не готов его принять.

О Божием суде

Вторник **Ин. 3, 16–21**

Священное Писание часто говорит о грядущем суде. Эти мотивы слышны и в церковных песнопениях: «Судии седящу, и ангелом стоящим, трубе гласящей, пламене горящу, что сотвориши, душе моя, ведома на суд? Тогда бо лютая твоя предстанут, и тайная обличатся согрешения». От таких слов становится не по себе, и начинаешь вопрошать: как же так? почему суд? и как совместить Божие милосердие с вечной мукой?

И сегодняшнее чтение вроде бы посвящено суду. Господь в беседе с Никодимом говорит на эту тему несколько фраз.

Только вот первая — совсем не о суде: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Вторая даже прямо отрицает идею суда: «Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него».

В третьей — тоже не удается увидеть Бога судящим, потому что и «верующий в Него не судится» (что вполне понятно), но и неверующий тоже не судится, потому что он, оказывается, «уже осужден».

Начало четвертой обещает четкое определение: «Суд же состоит в том...» В чем же? — а «в том, что свет пришел в мир».

В общем, пока мы обращены к Богу, пока мы вопрошаем Его, мы всякий раз вместо судейского кресла видим Крест Его Божественной любви.

Но едва взглянем на себя, все становится понятным. Оказывается, хотя свет и пришел в мир, но люди сами «более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий зло, ненавидит свет, и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны».

Вот в чем дело: мы сами своими делами превратили милостивого Бога в «Судию седящего», и согревающий свет Его

любви — в нестерпимый «пламень горящий». И сами ведем себя на суд и на осуждение.

Бог есть любовь. Он не хочет никого судить. Он принес в мир Свой свет. Но нам почему-то этого не надо. Мы не ищем света, не хотим, чтобы он был, иными словами, просто не веруем в него. А неверующий уже осужден, потому что — веруем или не веруем, а свет этот есть; а что не есть свет, то — тьма кромешная, и если мы не во свете, то во тьме, где «плач и скрежет зубов» (Мф. 8, 12).

А верующий в Него поистине не судится, потому что не остается добровольно во тьме осуждения, но медленно начинает путь к свету, где нет суда.

Тянет во тьму и отвращаешься от света лишь до тех пор, пока делаешь зло. Но стоит хотя бы раз во имя Христово удержаться от зла, или сделать что-нибудь доброе, как сразу почувствуешь, что тебя неудержимо потянуло к свету. И пусть за спиной очень много уже содеянного зла, но кто ради Христа перестал делать новое, тот уже не боится, что свет осветит и обличит все старое, каким бы страшным оно ни было. Кто светом Божиим высветил в себе зло и сам беспощадно осудил его, тот поистине не судится. «Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1 Кор. 11, 31).

Мы твердо верим, что из любой тьмы можно с Божией помощью выбраться. Мы верим, что та душа, которая еще не растворилась во тьме, которая еще отделяет себя от тьмы, — та душа еще не погибла. Ведь для того и явился в мир свет, чтобы побеждать даже самую страшную тьму...

Мы видели, что хромому от чрева матери достаточно было только взглянуть на Петра и Иоанна, чтобы исцелиться от своего недуга, когда те, «всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас» (Деян. 3, 4–5).

Так и Господь взором, полным милосердия и силы, смотрит на нас и ждет, когда же и мы, наконец, ответим Ему взором веры и надежды. И Церковь, рисуя картину Страшного суда, всегда показывает и ту узкую тропу, по которой этот суд можно миновать: «прежде конца возопий Судии: Боже, очисти мя и спаси мя!»

«Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему», — говорит Господь.

О служении истине

Среда **Ин. 5, 17–24**
Деян. 4, 13–22

Господь говорил своим ученикам: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой» (Мк. 13, 11).

И вот, Апостолов привели в синедрион. Старейшины иудейские «приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали».

Сколько здесь спокойного достоинства, простоты и силы! Апостолы помнят, с кем они говорят: со старейшинами богоизбранного народа, которые считают, что «ведом во Иудее Бог». Поэтому Апостолы предлагают самим этим старейшинам рассудить по справедливости: разумно ли предпочесть чью-либо волю — воле этого Бога? Вы велите нам замолчать. Да, если бы мы говорили свое, человеческое, то, конечно, должны были бы отступить перед вашим всенародным авторитетом. Но не преступно ли перестать свидетельствовать о тех Божиих делах, которые сами «видели и слышали»?

В таком же духе отвечал и Сам Господь. Его обвинили, что исцелял в субботу. А Господь сказал: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Господь ссылается на Бога Отца Своего, ведь Он говорит с теми, кто утверждает, что чтит Бога, знает Его и служит Ему. А можно ли, зная Бога, предположить, что Он хотя бы на миг прекратит заботу о мире? Мир тут же рассыпется в прах.

И заповедь о субботе, это заповедь о милосердии: «Не делай» в субботу «никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнули раб твой и раба твоя и осел твой, как и ты» (Втор. 5, 14). А если Бог заповедал не перетруждать подвластных, то может ли быть Ему неугодным прямое делание добра?

Иисус же — Сын Своего Отца, и Он делает только то, чему научен: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не

увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам». Разве может быть у Отца «выходной» от добрых дел? И разве может Сын сказать тому, кто в субботу просит у Него милости, — «приходи завтра»? Ведь и в Писании сказано: «не говори другу твоему: «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе» (Притч. 3, 28).

Но иудеи «еще более искали убить Его... за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу»...

Очень трудно, многою кровью входит истина в растленный грехом мир. И все же стоять за истину — великое счастье. Чтобы защищать истину, не надо специального искусства, не надо особого красноречия. У истины есть говорящее за себя дело. У истины есть мирное, спокойное слово. Посланец истины твердо знает, кем он послан, у кого научился. Для него истина самоочевидна.

А защитникам лжи приходится закрывать глаза, когда невозможно не видеть. Им приходится с угрозой запрещать, когда «нельзя ничего» по существу «сказать вопреки». «Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину» (2 Кор. 13, 8).

«О, мужи! — говорит Зоровавель во второй книге Ездры. — ... Велика земля, и высоко небо, и быстро в своем течении солнце; ибо оно в один день обходит круг неба и опять возвращается на свое место. Не велик ли Тот, Кто совершает это? И истина велика и сильнее всего. Вся земля взывает к истине, и небо благословляет ее, и все дела трясутся и трепещут пред нею. И нет в ней неправды... И нет у ней лицеприятия и различения, но делает она справедливое, удаляясь от всего несправедливого и злого, и все одобряют дела ее. И нет в суде ее ничего неправого; она есть сила и царство и власть и величие всех веков: благословен Бог истины!» (2 Езд. 4, 34–40).

О молитве

Четверг **Деян. 4, 23–31**

Однажды святые Апостолы Петр и Иоанн исцелили человека, который от рождения был хромым. Его прино-

сили и сажали у входа в храм для собирания милостыни. В Иерусалиме его знали, и на глазах у многих произошло исцеление. Изумленным людям Апостолы объяснили, чьей силой совершено это чудо; и по их слову обратилось около пяти тысяч человек. Тут же Апостолы были взяты под стражу, и на следующий день предстали пред начальниками. Старейшины, хотя и кипели злобой, но побоялись народа, и Петр с Иоанном благополучно вернулись к своим.

Выслушав их рассказ, никто не стал ни хвалить друг друга, ни проклинать гонителей. «Они, — как сказано, — выслушав, единодушно возвысили голос к Богу», то есть единодушно встали на молитву. И как от избытка сердца говорят уста, так и в молитве вылилось то, что всегда, при всех случаях жизни, переполняло их сердца.

И первым делом они исповедали пред Богом Его Всемогущество. Они сказали: «Владыко Боже, сотворивший небо и землю, и море, и все, что в них!» Они исповедали, что всегда знают и помнят, Кто превыше всего, от Кого — все, без Чьей воли ничто не совершается на свете. Потом исповедали пред Богом Его Всеведение и Премудрость, ибо в Писании, почти за тысячу лет, было предречено все, чему стали свидетелями. Они сказали: «Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его. Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским». И хотя они распяли Господа Иисуса, однако же, сделали не более, чем предопределила рука Божия и совет Его.

Исповедуя это, Апостолы не поминают своих заслуг, не обольщаются, что врагам на этот раз не удалось одержать верх. Они не забывают, Чьей силой совершаются через них чудеса и знамения, Кто хранит каждый их шаг. Они всегда все повергают пред Господом: и свои скорби, чтобы Господь рассудил о них; и свои дары и способности, чтобы снова получить их из рук Творца.

«И ныне, Господи, — молятся они, — воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово

Твое, тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса».

И поскольку молитва эта была истинной молитвой, то «по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого, и говорили слово Божие с дерзновением».

И вот, если уж такие, бесстрашные, богато одаренные люди ни на минуту не забывали, что они сильны только постоянной молитвенной связью с Богом, то и нам необходимо об этом помнить. Молитвой надо начинать всякое дело, с молитвой совершать, молитвенно за все благодарить.

«Приобретенное многими молитвами и трудами бывает твердо и прочно», — читаем у преподобного Иоанна Лествичника. «Кто непрестанно опирается о жезл молитвы, тот не преткнется; а если бы это случилось, то не падет совершенно», потому что молитва по сути своей есть «пребывание и соединение человека с Богом».

О первой лжи

Пятница **Деян. 5, 1–11**

Чем ярче свет, тем гуще тени; и кому больше дано, с того больше спросится. Много было предателей, но страшнее всех Иуда, потому что был в сонме учеников, вокруг Солнца правды.

И грехи первых христиан кажутся особенно уродливыми на фоне святости всей общины: «У множества ... уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех них. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4, 32–35).

И вдруг — этот случай с Ананией и Сапфирой. Они тоже продали имение, тоже принесли и положили к ногам

Апостолов деньги. Но принесли только часть, а чтобы не выглядеть хуже других, сказали, что принесли все.

Апостол Петр обличил Ананию: «Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоем? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен». Та же участь постигла и его жену, которая пришла позже и повторила то же.

Если Всемилостивый Господь так сурово поступил, значит, тут произошло нечто из ряда вон выходящее; значит, здесь начиналось то, что надо было пресечь самым решительным образом.

А начиналась здесь ложь.

Бог вечен. Он всегда есть. А ложь, это как раз то, чего нет. Солгать человеку — низко. Но солгать Богу, Всеведущему и Всеблагому, пытаться подсунуть Ему пустоту вместо своего сердца, пытаться вставить в возводимую стену Церкви пустой камень, призрак камня?!.

Господь умертвил Ананию и Сапфиру, не дав им раскрыть рта. Кто решился солгать Святому Духу, тот будет оправдываться до конца, прилагая ложь ко лжи, и так — неудержимый поток лжи хлынет в Церковь. Господь сразу пресек это в назидание всем.

Этот единственный в своем роде пример показывает, насколько Христовой Церкви чужда ложь во всех ее видах: как притворство, как мнительность и подозрительность, как лицемерие, как ханжество, как все, что имеет лишь вид благочестия, но не имеет его силы. Этот пример живо показывает, какой смертоносный меч готовит себе лжец.

Преподобный Дорофей пишет, что «нужно большое внимание, чтобы нам не быть окраденными ложью, ибо лжец не имеет общения с Богом». Ложь чужда Богу. В Писании сказано, что ложь от лукавого, который, собственно, и есть ложь, поэтому он же есть и отец всякой лжи (Ин. 8, 44).

А истина есть Бог, ибо Он Сам говорит: «Аз есмь путь, истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Видите, от Кого мы отлучаем себя ложью, и с кем ложью соединяемся?

Так что если хотим спастись, должны всеми силами хранить себя от всякой лжи, чтобы она не отлучила нас от истины и жизни.

О Небесном и о земном хлебе

Суббота **Ин. 6, 14–27**
Деян. 5, 21–33

Когда после чудесного насыщения пяти тысяч пятью хлебами Иисус переправился на другой берег Геннисаретского озера, весь народ последовал за Ним. И даже говорили: «Это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир».

Но Господь с грустью укоряет их: «вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились».

И через минуту это подтвердилось. Когда Господь сказал: «вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6, 29), — в ответ услышал: «какое же Ты дашь знамение, чтобы мы ... поверили Тебе? ... Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть» (Ин. 6, 30–31). Вот чего ждали от Иисуса: еще хлеба.

И еще они хотели «придти, нечаянно взять Его и сделать царем», чтобы хлеба и всегда было вдоволь.

А Господь говорит: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий».

Да, от хлеба жизнь. От земного хлеба — земная, временная жизнь. А от Небесного — вечная, небесная. С земным просто: откусил, разжевал, проглотил, и продлятся твои дни на земле. А к Небесному порой не знаешь, с какой стороны и подойти.

Но о земном сказано: «Пища для чрева, и чрево для пищи, но Бог уничтожит и то, и другое» (1 Кор. 6, 13). А Небесный хлеб таков, что Сам Господь питается им. «Моя пища, — говорит Он, — в том, чтобы творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4, 34).

Этот же хлеб настолько сроден и человеческой душе, что вкусивший не откажется от него даже под угрозой отъятия земного хлеба и земной жизни. Апостолы, когда их в очередной раз привели в синедрион, и угрозами заставляли молчать, спокойно и твердо ответили: «должно повиноваться более Богу, нежели человекам». Здесь не шутки; здесь речь о вечной жизни. Апостолов поистине питает знание, что «Бог ... воскресил Иисуса, Которого ... умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать ... покаяние и прощение грехов».

А признающие только земной хлеб при этих словах «разрывались от гнева и умышляли умертвить их»...

Человек не сразу привыкает к Небесному хлебу, как ребенок не сразу привыкает к твердой пище. И первый тут шаг, первое, как сказал Господь, «дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого» послал в мир Бог Отец.

Заметим, что о необходимости веровать в Самого Пославшего Господь и не говорит, как о чем-то совершенно для всех очевидном. В те времена весь мир так или иначе еще веровал в Верховное Существо. И мы ни разу не увидим в Деяниях, чтобы Апостолы пришли к совершенным безбожникам. Они приходят к иудеям и доказывают, что Иисус и есть Тот Самый Спаситель, о Котором писали пророки. Они приходят к язычникам и проповедуют Того Самого «неведомого Бога», Которого те, не ведая, чтут перед воздвигнутым Ему алтарем (Деян. 18).

А современному миссионеру зачастую приходится доказывать, что насыщение пяти тысяч пятью хлебами — далеко не самое удивительное из Божьих чудес. Ведь тысячи лет, из года в год, дает Он столько хлеба, что им кормятся миллиарды обитателей земли!

И начиная путь к Богу, прежде всего надо научиться так смотреть на Божий мир, чтобы привычное и обычное раскрывалось как величайшее чудо, только что перед нами и именно для нас сотворенное Самим Богом. Тогда и самый обычный земной хлеб станет частицей хлеба Небесного, дающего вечную жизнь.

СЕДМИЦА 3-Я ПО ПАСХЕ

О безрассудной верности

Неделя 3-я по Пасхе **Мк. 15, 43–16, 8**

Третье воскресенье по Пасхе посвящается тем, кто первыми узнал о Воскресении Господа Иисуса Христа и первыми увидели Его Воскресшим. Церковь называет их женами-мироносицами. Среди них и Пречистая Матерь Господа, и Мария Магдалина, и другие женщины, которые, когда Господь был жив, следовали за Ним «из Галилеи, служа Ему» (Мф. 27, 55).

Когда же Он был убит и погребен, и тогда они последовали за Ним, чтобы служить, чем только возможно, и мертвому.

И вот, словно и сами навсегда умершие, идут мироносицы ко гробу. Они знают, что там огромный камень, с которым не справиться. Знают, что у гроба поставлена стража. И все-таки отправляются в путь, едва начался день, следующий за субботой.

Так и наш крестный ход в пасхальную полночь, это вовсе не победное, не торжественное шествие. Это мы вместе с мироносицами отправляемся ко гробу. Идем в самый безнадежный, в самый отчаянный путь, не будучи уверенными даже в том, что сможем хотя бы увидеть тело нашего Господа.

Так шли мироносицы.

И вдруг, словно первый удар колокола в ночной тишине: «взглянув, видят, что камень отвален». Они подходят, ожидают увидеть мертвое тело, и — второй удар колокола: «вошедши в гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду, и ужаснулись». И — удар за ударом — слова Ангела: «не ужасайтесь... Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам».

Что они пережили? Какой пасхальный благовест поднялся в сердцах! «И вышедши, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись». В Евангелии от Матфея говорится, что они побежали «со страхом и радостию великою» (Мф. 28, 8). Когда

приближается Бог, когда отворяется рай, тут все: и страх, и ужас, и радость, и «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4).

А приблизились они к райским вратам путем безрассудной любви и верности. «Мудрые века сего» не станут рисковать жизнью, чтобы получить мертвое тело, не встанут чуть свет для того, чтобы помазать мертвеца ароматами. Но Господь посрамляет человеческую мудрость ради богоподобной любви, которая не останавливается и перед гробом.

И мы, когда начинаем пасхальный крестный ход, как бы подражаем этому святому безумию. Как драгоценность, несем все, что нам осталось: Его изображение; крест, на котором Он испустил дух; книгу с Его словами. Все это само по себе никогда не утешит, а будет только напоминать о страшной утрате. Но мы свято храним это и несем с собою ко гробу. Мы выходим из храма, чтобы идти за Ним до конца. И как мироносицы, находим Его Воскресшим.

Так будем же уверены, что Господу угодно не только когда мы изучаем Писание, молимся, совершаем добрые дела; но и когда украшаем свой храм, когда благоговейно прикладываемся ко всему, что напоминает о Нем, когда поклоняемся и возжигаем свечу пред Его образом. И пусть «мудрые и разумные» иронически пожимают плечами, мол, кому это нужно? Но мы-то знаем: именно те, что пошли совершать по-видимому бессмысленное и безрассудное, сподобились первыми вкусить небесную радость, которой да сподобит Господь и всех нас.

О первомученике Стефане

Понедельник **Деян. 6, 8–7, 5, 47–60**

Святой Стефан, один из семи диаконов, «исполненный веры и силы», проповедуя, «совершал великие чудеса и знамения в народе». Некоторые вступили с ним в спор. Но поскольку «не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил», прибегли к клевете.

И вот, Стефан перед судом первосвященника. Его обвиняют в том, что он «говорил хульные слова на Моисея и на Бога», «на святое место сие и на закон», будто бы «Иисус

Назорей разрушит место сие и переменит обычаи», заповеданные Моисеем.

Первосвященник спрашивает: «Так ли это?» — Но Стефан, вместо того чтобы оправдываться, неожиданно начинает говорить о призвании Богом Авраама, о судьбе его потомков, о переселении в Египет; о том, как Бог через Моисея вывел народ из рабства, дал закон, научил богослужению; как, наконец, народ вошел в землю обетованную. Он говорит о царе Давиде и доходит до Соломона...

Для Стефана словно нет ни суда, ни смертельной опасности. Он не защищается, а просто продолжает, как и прежде, возвещать истину. Священное Писание для него — вечные, живые дела Живого Бога. Он и сам с благоговением их созерцает, и других зовет созерцать вместе с ним. У него одна цель: слава Бога.

И Стефан сразу чувствует, где кроется опасность умаления этой славы. Вот он говорит о построении храма: «Соломон же построил Ему дом». Здесь — вершина Божией заботы о Своем народе. Бог освятил место, где Он будет принимать жертвы и посылать благословения. Здесь — величайшее торжество.

Но здесь и величайшая опасность: замкнуть Бога в четырех стенах, окончательно присвоить Его, забыв, что Бог — не только Бог иудеев, и что Он не только щедро дает, но и строго спрашивает. Здесь камень преткновения. И Стефан перестает говорить о промысле Божием и начинает говорить о Самом Боге. Да, «Соломон построил Ему дом. Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: «Небо престол Мой, а земля — подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сие?» (Ис. 66, 1–2).

А поскольку перед ним люди, которые как раз преткнулись об этот камень, Стефан бесстрашно обличает их, словно он не подсудимый, а судья: «Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались вы. Вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили»...

Все, что говорил Стефан, всегда было пред его мысленным взором. И поэтому когда он кончил говорить и «будучи исполнен Духа Святого» воззрел на небо, то он увидел и телесными очами «славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога».

Мы называем страдальцев за Христа «мучениками», а греки называли их «свидетелями». И поистине только свидетели славы Божией могут терпеть такие мучения, о которых нам и читать-то бывает страшно. Для Стефана, как и для всех последующих свидетелей Христовых, смерть — не смерть, а исход на небо: «Господи Иисусе! приими дух мой!» И поэтому убийцы для него не враги, а несчастные, заблудшие люди: «Господи! не вмени им греха сего!»

Святые мученики, как Стефан, и под угрозой смерти совершавшие свое служение, продолжают это служение и после смерти. Еще более укрепленные приближением к Богу, они таинственно участвуют в жизни Церкви. Их же молитвами да будет и Сам Господь, и Его Великие дела — всегда перед нами.

О белой магии

Вторник **Ин. 6, 27–33**

После убиения Стефана «произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (Деян. 8,1).

Но Господь обратил зло во благо: гонение привело к распространению веры. «Так Филипп пришел в город Самарийский и проповедовал им Христа. Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя, какие он творил чудеса» (Деян. 8, 5–6).

В то же время в Самарии был некий «муж именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого». Жизнь иногда задает такие загадки. И у одного чудеса, и у другого. За кем же идти?

Но обратим внимание: Симон «изумлял» народ своими волхвованиями. А после проповеди Филиппа «была радость великая в том городе». В одном случае «изумление», бесплодное напряжение ума, а в другом — «радость», чувство духовного насыщения.

Но вот и Симон уверовал, и даже «не отходил от Филиппа». Однако будем внимательны: в то время, как в народе радость, Симон теперь сам «изумлялся на Филиппа». Значит, не сумел войти в простую радость детей Божиих. Симон по натуре так и остался волхвом, хотя внешне и принял крещение.

Ведь существует не только черная магия, когда хотят достичь своих целей с помощью темных сил. Есть и белая магия, когда стремятся, хотя и с помощью церковной святыни, но опять же во что бы то ни стало достичь своих целей.

И это всегда можно распознать. Например, чтобы прошла зубная боль, некоторые советуют столько-то раз прочитать молитву «Отче наш», крестя больной зуб. Казалось бы, что плохого? Но получается: несколько раз говорим «да будет воля Твоя» для того... чтобы в конце концов непременно совершилась воля моя, чтобы непременно прошла боль.

Или советуют три дня подряд причащаться, чтобы выздороветь. Что тут плохого? А дело в том, что всякая Евхаристия, всякое причащение Тела и Крови Христовых — есть полнота, есть совершенная Пасха. Можно причащаться хоть каждый день, если к этому есть живое стремление. Но заведомо разделить полноту на три, значит разрушить ее!

Волхвованию учатся. Учатся, какие совершать магические действия, чтобы получать желаемое. Так и Симон внимательно наблюдал за Филиппом, пытаясь уловить какие-то закономерности, чему-то научиться. Но тщетно, потому что вера Христова проста, бесхитростна, и нельзя научиться делам веры, пока по-детски не уверуешь.

Но когда пришли Апостолы Петр и Иоанн, Симон оживился. Он увидел, как «чрез возложение рук Апостольских подается Дух Святой» (Деян. 8, 18), и захотел за деньги научиться этому, так сказать, «приему»...

Враг очень тонко проникает в Церковь, даже во Святая Святых, чтобы незаметно подменить и уничтожить спасающую силу. Господь же попускает этому, чтобы мы учились все делать со вниманием, разумно и сознательно, точно постигая смысл всякого церковного действия.

О святыне и о деньгах

Среда **Ин. 6, 35–39**
Деян. 8, 18–25

Когда Симон волхв увидел, что «чрез возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого».

По имени этого волхва, грех торговли священством и получил название: «симония». В двадцать девятом Апостольском правиле говорится: «Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон, деньгами сие достоинство получит: да будет извержен и он, и поставивший его, и от общения совсем да отсечется, яко Симон волхв».

Столь же сурово Церковь относилась и к торговцам другими таинствами. Согласно двадцать третьему правилу Шестого Вселенского собора, «никто из епископов или пресвитеров, или диаконов, преподая пречистое причастие, да не требует от причащающегося за таковое причащение денег, или чего иного. Ибо благодать не продаема; и мы не за деньги преподаем освящение Духа, но неухищренно должно преподавать оное достойным сего дара».

В то же время мы знаем, что и Апостолы жили от благовествования (1 Кор. 9, 14), и впоследствии церковный клир всегда пользовался заботой мирян. Но одно дело, когда священник с готовностью трудится, не ставя никаких условий, а прихожане по своим возможностям благодарят его. И совсем другое, когда плата становится непременным, а то и единственным условием. Святитель Тарасий Константинопольский в своем каноническом послании пишет, что таковые делают Бога Духа Святого своим рабом. «Поелику всякий господин все, что имеет, продает, раба ли, или иное что из стяжаний своих; такожде и покупающий, желая быти господином покупаемого, ценою сребра приобретает оное».

Грешат оба: и покупатель, и продавец. И тот, кто говорит: не получишь, если не заплатишь; и тот, кто нуждается, а не приходит, не просит только потому, что считает себя обязанным заплатить, а заплатить нечем. И тот, и другой ставят бесценные дары вечной жизни в один ряд со

всем тленным и суетным, что в миру продается за деньги. На обоих одинаковый грех.

Но все-таки сначала явился покупатель святыни, а не продавец. Пришел и услышал: «Серебро твое да будет в погибель с тобою; потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги».

Не Церковь несет в мир грех и соблазн. Они извне проникают в церковную ограду.

Но как быть человеку, который приходит в храм и видит, что тут уже на все — твердые цены: и на таинства, и на священные предметы, и на священническую молитву перед Престолом Божиим? Что посоветовать тем, для кого это становится стеной соблазна? Во-первых, как учил Господь, вынуть бревно из своего глаза. Подумай, чем для тебя самого являются деньги, с которыми ты пришел в храм: платой за благодать, или добровольной жертвой? Думаешь ли ты, что за свой рубль получишь благодати ровно на эту цену? Или ты всегда помнишь, что «не мерою дает Бог Духа» (Ин. 3, 34)?..

Общее обновление Церкви зависит от каждого. Поэтому когда идешь в храм, заранее реши, сколько ты хочешь пожертвовать. Столько и пожертвуй. Подай записку за ту или иную цену, или купи свечу, или тайно от всех положи деньги в церковную кружку. Когда будешь думать, сколько пожертвовать, вспомни слова Апостола: «Если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, что кто имеет, а не по тому, чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность» (2 Кор. 8, 12—13). «Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением» (2Кор. 9,7), чтобы жертва твоя была «как благословение, а не как побор» (2 Кор. 9, 5). Помни и ту вдовицу, две лепты которой были пред Богом драгоценнее многих богатых даров.

Но главное, помни: сколько бы ты ни жертвовал, все это ничто перед бесценными дарами Святого Духа. Не наши деньги, не наши жертвы спасают нас, но одна только милость Божия. Помни об этом, и серебро твое будет не в погибель тебе, а во спасение.

И если нечего пожертвовать, все равно приди. Получишь ничуть не меньше, чем все остальные. «Приходящего ко

Мне не изгоню вон». Не возводи сам стену между Господом и тобою, и тогда никакие стены не помешают придти к Нему.

О чуде воцерковления

Четверг **Ин. 6, 40–44**
Деян. 8, 26–39

Священное Писание говорит, что Бог есть Дух. И хотя Он пребывает везде, но грешный человек не может Его видеть. А человек, это плоть, которую можно и видеть, и слышать, и осязать. Бог во Христе нераздельно соединился с человеком. Люди видели человека, но, видя Его дела, должны были понять, что это Бог.

И все же для многих трудно было от Христа Человека подняться ко Христу Богу; от видимой плоти к невидимому Духу. Для многих человечество Христа было соблазном. Когда Он говорил: «Я есмь... сшедший с небес», люди роптали: «Не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с неба?»

Так мы всегда: если не видим, требуем: «покажи, тогда поверю». А увидим — махнем рукой, или придумаем какое-нибудь «научное объяснение».

Вот и Церковь, которую Господь основал на земле, тоже двуедина. В ней есть и плоть: это те, кто считает себя ее членами. Есть в ней и Дух Божий. И если уж сквозь пречистую, безгрешную плоть Христову люди далеко не всегда могли подняться к Духу, то как же трудно бывает через нашу грешную плоть приходить ко Христу! Про нас говорят: «они такие же порочные и слабые; как же они говорят, что с ними Бог?»

Но все же люди приходят к Богу, все же присоединяются к Церкви, и это в наше время выглядит как величайшее чудо.

Но и всегда приход человека в Церковь — чудо. Из книги Деяний Апостолов узнаем об одном из таких чудес.

Некий вельможа ехал по дороге. Душа его была расположена к исканию Бога, и он по пути читал книгу пророка Исаии. Сам он никогда бы не уразумел смысла пророчества. В это вре-

мя Ангел Господень сказал Апостолу Филиппу: «Встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу». Апостол встал, пошел и пристал к колеснице. А тот как раз читал о страданиях грядущего Спасителя. Филипп спросил: «Разумеешь ли, что читаешь?» — и объяснил, о Ком говорит пророк, и что нужно для спасения. Тут подъехали к воде, вельможа принял крещение, Дух Святой сошел на него, и он продолжал путь свой, радуясь. А Филиппа Ангел Господень восхитил к новым трудам.

Вот обычное, рядовое событие, вот будни Церкви. Просто оно показано как бы в разрезе, где вскрыто невидимое. А так всегда и во всем участвуют и Ангелы, и другие посланцы Божии; и над всеми Сам Бог. Он следит за каждым движением сердца, и вовремя посылает и книгу, и истолкователя, и приводит в храм. Поэтому и говорит Господь: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня».

И надо научиться всегда и во всем чувствовать над собой Его руку, и в каждом подошедшем человеке видеть вольного или невольного Божьего посланника.

О обращении гонителя

Пятница **Деян. 8, 40–9, 19**

Сегодня мы читали о чудесном обращении Савла, будущего святого славного и всехвального первоверховного апостола Павла. Сначала он был самым жестоким гонителем христиан. Он «терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян. 8, 3). Но Иерусалима было мало, и он, «дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим».

Но когда Савл шел с отрядом воинов к Дамаску, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл! Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна».

Вслушаемся в этот Божественный голос, в эти Божественные слова: «Савл! что ты гонишь Меня?» — В недоумении спрашивает Господь. — «В чем Моя вина?» И далее с искренним сочувствием к человеку, который трудится, не жалея себя, но заведомо обречен на неудачу, говорит: «трудно тебе идти против рожна».

И вот уже перед нами не хищный и жестокий волк, но кроткий агнец, спрашивающий своего пастыря: «Господи! что повелишь мне делать?»

Вчера мы читали, как Господь послал на помощь Апостола, а тут явился Сам. Но почему Он не сделал этого раньше, почему попустил Савлу зайти так далеко?..

Во-первых, чтобы не лишить победных мученических венцов и Стефана, и других, кому пришлось пострадать от Савла.

А во-вторых, как это ни покажется странным, — чтобы и самого Савла привести в совершенство. Потом Господь сказал о нем: «он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми».

Известно, что чем выше дом, тем глубже должно быть его основание. А основание для Божьего служителя — смирение. И вот даже много лет спустя, в апогее своих апостольских трудов, Павел пишет, что он «недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1Кор. 15, 9). И еще Апостол писал: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12, 7). Что это? Может быть, телесная болезнь, а может быть, мучительное, смиряющее воспоминание о своем богоборческом прошлом...

Удивительными и многообразными путями призывает Господь людей. Но прежде, чем ввести в Царство Небесное, Он на земле приводит их в Свою Церковь. Так было и с Савлом. Три дня, ослепший, пребывал он в Дамаске, когда, наконец, Господь явился апостолу Анании и послал его к Савлу. Анания и крестил Савла, и избавил от слепоты, и исполнил Святого Духа, и ввел в сообщество учеников Христовых, чтобы в союзе мира и любви, в одном Духе возвещать «пред народами и царями» спасение во Христе Иисусе, Господе нашем.

О твердой руке Господней

Суббота **Ин. 15, 17–16, Деян. 9, 20–31**

Обычно когда человек хочет увлечь за собой, он обещает быстрый и легкий успех, смягчает возможные трудности, преуменьшает опасности. А Господь говорит: «Если Меня гнали, будут гнать и вас». «Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу».

Человеку для его дел отпущено слишком мало времени. Ему нужно в кратчайший срок воодушевить своих последователей. «Промедление смерти подобно», — говорит мирской вождь. А Господь — мало того, что не скрывает картину предстоящих гонений, но еще и говорит о Своей смерти, которая должна последовать через несколько часов.

Господь не боится за успех дела. Он Бог. В Его руке времена и сроки. Он знает все. Он знает, что умрет, знает, что и воскреснет. Он знает, что всегда придет на помощь своим ученикам. Он знает, что пошлет им Утешителя, Духа истины, Который будет восполнять оскудевающее и давать новые силы. Господь не боится сказать правду, потому что Он может и зло, и гонения обратить во благо, и самих гонителей сделать Своими избранными сосудами.

Взять хотя бы то, что произошло с Савлом. Вчера мы читали о его чудесном обращении, а сегодня — о первых шагах во Христе. Прошло несколько дней, и он «стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий, и приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос»!

Эта невиданная сила обращения была страшна как для иудеев, так и для самих христиан: «И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих Имя сие?» Иудеи ненавидели его больше, чем других. В то время, как церкви «по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое», — один только Савл испытывал всю злобу врагов. В Дамаске «иудеи день и ночь

стерегли у ворот, чтобы убить его», так что ему пришлось в корзине спуститься со стены и бежать. «Покушались убить его» и в Иерусалиме, но «братия, узнав о сем, отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс». А перед этим и христиане «все боялись его, не веря, что он ученик».

Страшен для живых вдруг вставший из гроба мертвец. Но насколько страшнее переход от вечной смерти к вечной жизни! Савл стремительно поднимается вверх, и как бы весь ад тянется за ним, стараясь удержать. Кто, кроме Господа, может дать силы на такой путь? Потом Апостол писал: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13).

Будем же твердо и спокойно ходить под невидимой Божией рукой, помня, Кому мы себя посвятили, Кому себя вверили.

СЕДМИЦА 4-Я ПО ПАСХЕ

О надежде сверх всякой надежды

Неделя 4-я по Пасхе **Ин. 5, 1–15**

Каждое четвертое воскресение по Пасхе мы вспоминаем, как Иисус Христос исцелил расслабленного возле овчей купели, называемой «Вифезда», что значит «Дом милосердия». Человек этот страдал много лет, а Господь единым повелением: «Встань, возьми постель твою и ходи» воздвиг его от болезни. В этом проявлении силы нашего Господа — великое для нас утешение; но и в поведении расслабленного находим немалое назидание.

Возле чудесной купели всегда было много больных. Все ждали момента, когда Ангел Господень возмущал воду, и кто первым входил в нее, получал исцеление. Можно представить, что делалось в этот момент! Мы даже когда знаем, что всем достанется, и то устраиваем давку, и плохо приходится тем, кто послабее. А тут только один, первый, получал желаемое. На что уж было надеяться бедному расслабленному! И все-таки он год за годом не отходил от купели. Наверное, если бы его спросили, на что он рассчитывает? — он не смог бы толком ответить. Он только видел, что здесь действует сила Божия, а если так, то надо быть ближе к этому месту.

Он надеялся сверх всякой надежды. Он не знал, не мог себе даже представить, как именно это будет, только верил, что Бог его не оставит.

До Христа люди вообще не видели далее этой жизни, и не знали ничего выше телесного здоровья. Даже когда Бог через Моисея побуждал народ соблюдать заповеди, Он обещал за это всего лишь долгую и счастливую жизнь на земле.

Мы же, спасенные и просвещенные Христом, чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. Мы знаем путь к вечному блаженству, знаем, что помешать может только грех. Но при этом бываем одержимы какою-то духовной расслабленностью. Грехи одолевают. Едва встанем, снова падаем, и кажется, спасение невозможно.

Напоминая, как Господь исцелил расслабленного, Церковь предостерегает от отчаяния. Если мы хотя бы видим в себе грех, если страдаем от него, если прилагаем усилия, чтобы победить, — значит, еще духовно живы. И даже не видя явных результатов, нельзя терять надежды. Господь видит все наши дела и мысли, как видел веру и надежду того несчастного, далеко оттертого толпой от чудодейственного источника. Он видит даже слабые попытки борьбы с грехом. Господь видит, как мы каждый раз приходим к таинству покаяния, и исповедуем, исповедуем свои грехи. Он видит, что мы «не имеем человека», мудрого наставника, который помог бы, объяснил бы, что не так делаем.

Господь видит все это, и когда придет час, Он подойдет и скажет: «Встань... и ходи!» — и этот момент сразу перевесит всю прошлую жизнь, все тридцать восемь или более лет казавшегося безнадежным ожидания.

О Святой Чаше

Понедельник **Ин. 6, 56–69**

Кто для нас Господь Иисус Христос? Учитель? Наставник? Что мы должны делать по отношению к Нему? Слушать Его? Творить волю Его? Подражать Ему? Все это хотя и трудно, но понятно. А вот в беседе, которая занимает почти всю шестую главу Евангелия от Иоанна, и которую мы сегодня заканчиваем читать, Господь говорит совершенно непостижимые вещи.

Он начал с того, что сказал: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6, 27). Иудеи как-то пропустили слово «пища» и спросили, казалось бы, о более серьезном и высоком: «Что нам делать, чтобы творить дела Божии?» (28). Иисус ответил: «вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (29).

Иудеи стали требовать, чтобы Он показал знамение, причем именно такое, как Моисей, который когда-то «хлеб с неба дал» (31). Господь поправил их и пообещал дать подобное: «Не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру» (32–33).

Иудеи выразили готовность принять такой хлеб, и Господь указал на Себя: «Я есмь хлеб жизни». Иудеи уловили только одно, чем и возмутились: «не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с небес?» (42)

Тогда Господь сказал прямо: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (51). Этим Он привел иудеев в недоумение, и они «стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою?» (52)

А Господь продолжает еще более определенно: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие».

Иудеи почувствовали, что никакого иносказания здесь нет, и что открывается нечто небывалое и непонятное: выходит, ради вечной жизни необходимо есть плоть и пить кровь вот этого человека, называемого Иисусом. И даже «многие из учеников Его, слыша то, говорили: Какие странные слова! Кто может это слушать?»

Да, здесь, действительно, кончается общечеловеческое, общерелигиозное, и начинается собственно христианское: здесь начинается слово о святом Кресте и о святой Чаше, что «для иудеев соблазн, а для еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23).

Здесь начинается бездна, перед которой умолкает ум. И «с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним».

Тогда Господь обратился к оставшимся: «Не хотите ли и вы отойти?» И Симон Петр ответил от лица двенадцати: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни».

Апостолы ничуть не больше остальных поняли, что говорил Господь. Но не отошли, потому что в отличие от других, знали: идти некуда; больше никто и нигде не говорит, как власть имеющий, о вечной жизни, об этом самом вожделенном даре для всякого живого человека.

Для нас уже открыто более, нежели для них тогда. Мы знаем, что значит вкушать Тело и Кровь Христовы под видом хлеба и вина. Мы умеем облекать в слова великие тайны искупительного страдания и смерти Сына Божьего. Но и мы до конца не понимаем, как это мы поистине едим Плоть и Кровь нашего Бога? Как это Сын живет Отцом, и как это ядущий Сына может жить Им? Как это возможно: быть в Боге и чтобы одновременно Бог был в нас?

Все христианство — животворящая тайна, перед которой мы стоим, и которую созерцаем. Она порой страшит и отталкивает. Но знаем, идти больше некуда.

И верим, что все придет в свое время, всем насытит Господь, как и Апостолов насытил. Если только не отойдем от Него, если с детской доверчивостью будем говорить при всяких искушениях и сомнениях: «Господи! К кому идти нам? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали, и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго».

О спасении вне Церкви

Вторник **Деян. 10, 21–23**

Мы, христиане, узнали путь к вечной жизни.

Но неужели путь только один, через Церковь? А как же другие люди, которые иначе веруют, или вовсе не веруют, а добра делают гораздо больше?..

На этот счет есть разные мнения. Но все наши «мне кажется», «мне думается» не способны ни отворить врата Царствия Небесного, ни затворить их.

Сегодня читаем о Корнилии сотнике. Он как раз из тех людей, глядя на которых, можно усомниться в единственности нашего пути. Корнилий не был христианином, но знал Единого Бога, и был муж «благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу».

И вот, однажды ему является Ангел и говорит... Что? Наверное: «Корнилий, ты угодил Богу, ты спасен, войди в Царствие Небесное!» — Чего еще достоин этот замечательный человек?.. Но Ангел говорит: «Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак, пошли людей во Иоппию, и призови Симона, называемого Петром. Он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой».

Корнилий призвал Петра, услышал о Иисусе Христе, о Его воплощении, о земной жизни, о Его распятии «нас ради человек и нашего ради спасения», о Его воскресении. И когда Корнилий слушал, Дух Святой сошел на него, и он вместе со всем своим домом принял от Апостола святое крещение.

Пример этот ясно говорит, что ни молитвы, ни добрые дела сами по себе не спасают. Спасает только вера в воплотившегося и распятого за нас Господа Иисуса Христа. Дверь спасения отворяет только пролитая за нас Его Кровь, и мы входим в эту дверь только так, как заповедал Сам Искупивший нас: через святое крещение.

Господь хочет спасения всем. Он и Апостолу Петру повелел, чтобы тот «не почитал ни одного человека скверным или нечистым». И искание Бога не тщетно, и добрые дела не напрасны. Но все это только свидетельствует пред Богом, что душа жива и не безнадежна. И Он пошлет благовестника, чтобы показать дверь спасения тому, кто чистосердечно и усердно ее ищет.

Но обойти дверь спасения, которая есть Христос, нельзя, потому что только Он есть «Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6).

Итак, когда мы рассуждаем: кто спасется, а кто не спасется? — это лишь праздное любопытство. Вопрос должен стоять: как мне самому спастись?..

И тогда, как Корнилий, и себя спасешь, и дом свой, и многих вокруг себя.

О том, как узнать посланца истины

Среда **Ин. 7, 14–30**
Деян. 14, 6–18

Однажды Господь Иисус Христос на празднике кущей, «в половине уже праздника вошел... в храм, и учил».

Но не было там ушей, которые могли бы слышать. Потому что хотя и слушали старательно (сказано: «дивились иудеи»), но первым же вопросом выдали себя: «Как Он знает Писания, не учившись?»

Вот так бывает: изо всех сил стараешься объяснить суть дела, а в ответ только слышишь: «Ах, как вы хорошо говорите! Где вы этому научились?»

А Господь, кроме всего прочего, в этой Своей речи открывает, как распознать посланца Божественной истины. Посланец истины узнается по такому вернейшему признаку: «кто ищет славы» не себе, а «Пославшему Его, тот истинен, и нет неправды в Нем».

Но Господь открывает и то, что узнать и Его, и от Бога ли Его учение, — способен далеко не всякий. Это может лишь тот, «кто хочет творить волю Его».

А если нет внутреннего, сокровенного желания не просто узнать, но именно сотворить Божью волю, — никакие слова, никакие авторитеты не помогут. Так случилось и с иудеями, когда им показалось, что даже их старейшины признали Христа: «Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос?»

Но поскольку они упорно не желали последовать Божьей воле, то сами тут же и придумали отговорку, придумали несомненный, на их взгляд, признак Христа: «но мы знаем Его, откуда Он; Христос же, когда придет, никто не будет знать, откуда Он».

А ведь в Писании ясно сказано, из какого Он колена, и из какого города!

Но иудеи не просто отвернулись от Него. Так уж получается, что если нет желания выполнить Божью волю даже

до смерти, то непременно будет зреть желание противиться этой воле даже до богоубийства. Среди разговора Господь неожиданно спросил: «За что ищете убить Меня? Народ сказал в ответ: не бес ли в Тебе? Кто ищет убить Тебя?» Но потом стало ясно, что именно к этому дело и шло.

А желание прославить Отца и нежелание присвоить Себе славу, несомненно, было в Господе Иисусе в высочайшей степени. Евангелисты передают только Его слова и дела. Но ярче всех увидел Его Самого сквозь столетия духовными очами пророк Исаия: «Господи! Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. 53, 1–3).

Вот Тот, Кто всегда говорил: «Мое учение не Мое, но Пославшего Меня», Кто пришел искать славы Отцу Своему и возвестить Его волю.

И только тот, кто устал от своей греховной воли, кто верит, что должна же быть на свете правда, и, услышав о ней, жадно хватается за нее, — только такой человек способен узнать Посланца Неба в этом умаленном пред людьми Муже скорбей.

О жизни во свете и жизни во тьме

Четверг **Ин. 8, 12–20**
Деян. 10, 34–43

Однажды в беседе с иудеями Господь сказал: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Господь превыше всякого света, превыше всего, что мы знаем, но Он часто сравнивается с разными явлениями видимого мира, и особенно со светом, который противостоит тьме.

А что такое духовная тьма?..

Вот человек впервые пришел на исповедь. Священник спрашивает: «В чем согрешил?» А он отвечает: «Ни в чем». И это за

десятки лет жизни! Значит, свет Христовых заповедей ему неведом, и всю жизнь законом было только: «мне так нравится», «я так хочу», «я так считаю», «мне так приказали», «у меня такой характер». И лишь когда начнет читать Священное писание, в душу войдет свет, и он поймет, что существует добро, которое обязан делать, и существует зло, которого делать нельзя, хотя бы весь мир в нем погряз.

Но вот человек познал свои грехи, в нем пробудилась совесть, да так, что и жизнь стала не мила. Он не знает, как избавиться от этого страшного груза. И вдруг в его душу, как в дом Корнилия сотника, мощным потоком света входит Апостольское слово: «Бог... послал... слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа... Он ходил, исцеляя всех, обладаемых диаволом, и мы свидетели всего, что сделал Он... О нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его». Вот и осветился путь.

Так и все, что в жизни с нами случается, может быть во тьме, а может быть во свете. Вот иудеи, хотя и ненавидели Иисуса, но на этот раз «никто не взял Его». Почему? Потому что побоялись? Потому что Он скрылся? — Так судят те, кто еще во тьме. А на самом деле, его не взяли потому, что «еще не пришел час Его». В руке Божией все сроки, и кто всегда помнит об этом, тот уже не во тьме.

Сотворенные, чтобы жить во свете, мы не должны быть во тьме. Иудеи не верили Господу, говоря: «Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно». А Он ответил: «Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, Пославший Меня». И если Господь указывает, как на свидетеля, на Своего Отца, это безусловно значит, что если бы не погрузились во тьму богоотступничества, столь же реально, как и воплотившегося Сына, видели бы и Небесного Отца и слышали бы Его свидетельство.

Начинается же свет Христов со святого Евангелия. Этот свет просвещает всех, и если у тебя нет Евангелия, то никто в этом не виноват. Нет, значит, не ищешь, как следует, как хлеб ищут. Нет, значит, не молишься, чтобы Господь послал. Нет, значит, не даешь обета каждый день открывать эту святую Книгу. А то — возьми у знакомых и перепиши. Ведь раньше книги

только так и распространялись, и христианство завоевало мир, когда типографий не было. В прошлом веке Евангелие было доступнее любой книги, но потом стало почти как во времена гонений. И Господь не напрасно попустил этому. Мы не ценим то, что дается даром, как не ценим солнечный свет. И теперь Господь прежде, чем открыть Свою волю, ждет, чтобы ты делом показал, что действительно хочешь познать ее и сделать законом своей жизни.

О тайне Святого Креста

Пятница **Ин. 8, 21–30**

Однажды Господь сказал иудеям: «Я отхожу, и будете искать Меня; и умрете во грехе вашем. Куда Я иду, туда вы не можете придти». Но разве Господь не для того пришел на землю, чтобы люди, наконец, смогли придти на небо? Зачем же Он сразу, с такой резкостью, показывает пропасть между Ним и людьми? Он как бы захлопывает дверь: «Куда Я иду, туда вы не можете придти». И люди в недоумении гадают, что бы это значило? «Неужели Он убьет Сам Себя, что говорит: куда Я иду, туда вы не можете прийти?»

А Господь, вместо ответа, снова о том же, снова жесткой чертой отделяет небо от земли: «Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира. Потому Я и сказал вам, что если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших».

А «кто же Ты», чтобы нам веровать в Тебя? — «От начала Сущий, как и говорю вам». И Господь продолжает: «Много имею говорить и судить о вас, но Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру». Они же снова «не поняли, что Он говорил им об Отце».

Так они и стояли, не понимая, чего Он хочет от них, и чего от них ждет?

И тут, наконец, Господь прямо сказал: «Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я». А все тогда прекрасно знали, что значит «вознести». Господь же говорит об этом просто, как о самом обычном деле: когда вознесете Меня на крест, тогда и узнаете, что это Я.

Господь стоит перед людьми, ради которых Он пришел, и как бы говорит им то, что впоследствии скажет только Иуде:

«что делаешь, делай скорее» (Ин. 13, 27). Он как бы говорит им: переполняйте меру зависти и злобы, готовьте для Меня крест. Только этим вы спасетесь!..

Господь для того и пришел в мир, чтобы все неуправляемое море человеческой злобы, человеческого греха собрать в один узкий, страшный поток: «распни, распни Его!» И — Самому стать в этом потоке как бы мельничным колесом, чтобы перемолоть величайший грех богоубийства в величайший дар вечной жизни.

Господь спокоен за успех Своего дела, и не потому что собрал верных последователей, а потому что ясно видит всю безнадежную силу греха. Он знает, Ему не миновать распятия, а значит не миновать и воскресения. А значит — диаволу быть поверженным, и аду — быть сокрушенным. И тогда-то люди вдруг вздохнут облегченно, как будто с души снимут огромный камень, и тогда с ними можно будет говорить, как с людьми. Тогда и придет спасительное знание: кто Он и кто Его Отец, и в чем жизнь, и в чем блаженство.

«Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я, и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю».

Здесь — прикосновение к неисчерпаемой тайне Святого Креста, который величайшее зло обратил в величайшее благо. Креста, которому мы поклоняемся, и которым защищаемся от всякого зла.

Об отцах

Суббота **Ин. 8, 31–42**

Однажды Господь сказал иудеям: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными». Господь обещает величайший дар, и Он вправе ожидать, что при слове «свобода» встрепенется всякая душа.

Но Ему ответили: «Мы... не были рабами никому никогда: как же Ты говоришь: сделаетесь свободными?»

Тут сразу можно ставить точку: если человек не чувствует несвободы, то говорить ему о свободе бесполезно. Но Господь

продолжает. Он должен сказать все, чтобы не желающие понять не могли бы Его же и укорить, будто Он что-то заведомо скрыл. И Он говорит: «Всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». Он пытается объяснить иудеям, что они рабы греха; а если рабы, значит — не дети, не наследники, хотя и находятся в доме. И только истинный Сын, истинный Наследник может и простить их, и освободить, и даже сделать подобными Себе.

Но иудеи уверены, что свободны, что навсегда дети Божии, и ни в каком освободителе не нуждаются. То есть они просто не могут вместить в себя Господних слов.

Ну что же, бывают разные языки, бывает, что люди поразному думают. Почему бы иудеям, если они столь уверены в себе, даже если они не понимают языка, на котором говорит Господь, — почему им просто не пожать недоуменно плечами и не посмеяться над странными и нелепыми словами? Почему Господь говорит: «Вы ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас». Откуда такая ненависть?

А дело в том, что обычно за человеческим непониманием Божественных слов скрывается «некто». Этот «некто» все прекрасно понимает, прекрасно знает, чего хочет, и делает свое дело, оставаясь невидимым. Господь же пришел вытащить его на свет, и показать всему миру, кто на кого работает, кто с кем. И Он говорит своим собеседникам такую странную вещь: «Я говорю то, что видел у Отца Моего, а вы делаете то, что видели у отца вашего».

Но для иудеев вопрос их сыновства решен раз и навсегда: «отец наш есть Авраам», друг Божий. Это их вера, их надежда. Чада Авраамовы, значит чада спасения, значит, навсегда благословенные Богом. У каждого иудея свято хранилась его родословная, восходящая к Аврааму.

Господь же продолжает наносить удары именно в это, самое, казалось бы, защищенное место: «если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога; Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего».

Но у иудеев родословные простирались не только до Авраама, но и до самого Адама, а значит до Самого Бога, из

рук Которого вышел Адам. Кто смеет и кто может опровергнуть это? Они и отвечают гордо: «Мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога».

Но Господь снова говорит: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел, и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня».

«Если бы Бог был Отец ваш...» — такую жуткую загадку задал Господь иудеям.

А правда, каково сыну, спокойно рассчитывающему на богатое наследство, вдруг узнать, что он вовсе не сын своего отца? И каково будет некоторым, уверенным, что они не только до последней клеточки сотворены Богом, но и избраны Им из всех народов, — вдруг оказаться совсем не Его детьми?..

СЕДМИЦА 5-Я ПО ПАСХЕ

О пшенице Господней

Неделя 5-я по Пасхе **Ин. 4, 5–42**

Однажды на пути в Галилею Господь Иисус Христос остановился у колодца близ города Самарии. Когда ученики пошли «в город купить пищи», к колодцу за водой пришла женщина, и Господь заговорил с ней.

Ученики вернулись, женщина к этому времени ушла, а Господь сказал: «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве». Господь сказал так, потому что немногие вопросы, заданные самарянкой, немногие слова, ею сказанные, напоминают спелые зерна, уже готовые отделиться от колоса и войти в Господню житницу.

Разговор начался с того, что Иисус попросил пить. И другая просто дала бы воды, не рассуждая, кто Он и какой веры. Но эта удивленно спросила: «Как Ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки? ибо иудеи с самарянами не сообщаются». Этот вопрос был первым зерном в Господню житницу. Он обнаружил, что для самарянки есть нечто вы-

сшее телесных потребностей, есть религиозные законы. И она удивлена, как может этот серьезный, благочестивый человек нарушать их?

Если бы женщина просто дала воды, разговор так и не возник бы. А теперь Господь продолжает: «если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду...»

Женщина удивилась: «Господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодец глубок; откуда же у тебя вода?..» В этих словах еще нет ничего особенного, но тут же она прибавила: «Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец, и сам из него пил, и дети его, и скот его?» А это уже второе зерно в житницу Господню: женщина с благодарностью помнит о своих корнях, о своих праотцах, помнит, что от них унаследовала.

Но вот Господь говорит нечто более трудное для понимания. Он говорит, что здесь, в пустыне, у Него Самого есть живая вода, и кто будет ее пить, «тот не будет жаждать вовек», и вода эта сделается в нем «источником воды, текущей в жизнь вечную». Женщина не приняла всерьез, и шутливо попросила: «Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать».

Господь, непонятно к чему, сказал: «пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина», желая прекратить этот странный разговор, «сказала в ответ: у меня нет мужа». И тут Иисус сразил ее: «правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей; и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе».

Женщина сразу поняла, с Кем имеет дело, и воскликнула: «Господи! вижу, что Ты пророк». Пророку открыто больше, чем другим, и пророка спрашивают о самом главном. О чем же спрашивает самарянка? — «Господи!.. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме». И это — третье зерно в житницу Господню, потому что далеко не для всех главный вопрос жизни — где и как служить Богу.

Господь открывает, что приближаются времена, когда все «истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине». И женщина сразу говорит на это: «знаю, что придет

Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все». — Здесь женщина обнаружила свое сокровенное ожидание грядущего Спасителя мира, Который все возвестит и совершит. Это — четвертое зерно.

Господь на ее слова прямо сказал: «Это Я, Который говорю с тобою». Женщина и тут обнаружила новое, пятое зерно своей духовной зрелости: едва услышав последние слова, она, ничего более не говоря, оставила все, быстро «пошла в город, и говорит людям: Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?»

Ученики, между тем, принесли еду и «просили Его, говоря: Равви! ешь». Но Иисус сказал: «У Меня есть пища, которой вы не знаете... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его». А в чем эта воля? — Впоследствии Господь скажет: «Воля же Пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» (Ин. 6, 39). И еще скажет: «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18, 14).

В Самарянке Господь нашел такую душу, которая, хотя и была еще во мраке неправой веры и неправедной жизни, но едва луч Христова света коснулся ее, весь мрак тут же рассеялся. И она, до сих пор чужая, в один миг стала ближе тех, кто казался своими...

Ученики принесли есть, но Господь не мог и думать о телесной пище; Он уже напитался беседой с самарянкой, потому что истинная пища для Его премудрости и благости — вопрошения жаждущей истины души.

О лжи и о смерти

Понедельник **Ин. 8, 42–51**

Однажды Господь сказал «народу и ученикам Своим»: «И отцом себе не называйте никого на земле: ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23, 9). Тогда Господь хотел всех до одного мысленно провести сквозь цепочку земных отцов к Единому Небесному Отцу, Который прежде всех и Который всем дает жизнь.

А сегодня вдруг слышим: «Если бы Бог был отец ваш, то вы любили бы Меня».

Конечно, жизнь едина, и в ней не может быть двух начал, двух отцов. Но кроме жизни есть еще и смерть. И у нее тоже есть начальник, и Господь называет его, обращаясь к Своим ненавистникам: «Ваш отец — диавол, и вы хотите исполнить похоти отца вашего».

Нам не дано выбирать отца по плоти. Но от кого родиться по духу — в нашей власти. Господь зовет: «Придите ко Мне... Изберите жизнь». И одновременно предостерегает от путей смерти. Сказав: «ваш отец диавол», Он называет его и «отцом лжи». Значит, между ложью и детьми диавола — знак равенства. Значит, когда лжем, тогда именно и усыновляемся диаволу, который и «сам есть ложь».

Но еще диавол назван «человекоубийцей от начала». Значит, между убийством и ложью тоже знак равенства. Убийца убивает жизнь, а лжец убивает истину. А если гибнет истина, неизбежно гибнет и жизнь. Поэтому в царстве лжи все призрачно. Невозможно никому верить, невозможно ничто принимать всерьез, невозможно делать общее дело. Добытое ложью не дает радости, и построенное на лжи рано или поздно разваливается с великим шумом.

Отравленные ложью, мы доходим до того, что и в слове Божьем ухитряемся видеть защиту лжи. Так, в семнадцатом стихе тридцать второго псалма, «Лож конь во спасение», нас тянет заменить твердый знак, стоящий в славянском тексте, на более нам привычный мягкий знак. И получается, что ложь, это конь, несущий ко спасению! Но тут как раз наоборот: лож, то есть ложен, то есть ненадежен, недостаточен конь для спасения. А о лжи псалмопевец прямо говорит: «возненавидех всяк путь неправды» (Пс. 118, 104).

Преподобный Дорофей учит, что даже когда человек малой ложью избавляется от большой беды, он и тогда «не должен оставаться беспечальным, но каяться и плакать пред Богом, и считать такой случай временем искушения». А иначе — одна ложь повлечет за собой другую, и так без конца. В один прекрасный день солжешь, и задумаешься: «А зачем я это сделал?» А не зачем! Просто ложь стала нормой твоей жизни. И говоришь только ложь, и воспринимаешь только ложь, и остатки правды тогда только терпишь, когда она

приукрашена ложью. И наконец, не только перестанешь понимать речи Господа Иисуса Христа, Который есть Истина, но даже не сможешь слушать слов Его...

И вдруг скажет Господь: «Кто от Бога, тот слушает слова Божии; вы потому не слушаете, что вы не от Бога». И эти слова будут о тебе.

О невидении смерти

Вторник **Ин. 8, 51–59**

Продолжая разговор с иудеями, Господь сказал: «Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек». На что иудеи ответили: «теперь узнали мы, что бес в Тебе; Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: «кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек».

Не зря Господь говорил, что их отец — диавол. Для них торжество смерти — как торжество истины. Они не верят, что смерть можно победить. Они даже смерть своих пророков и праведников приводят в пример, как некую добродетель: «Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? и пророки умерли: чем Ты себя делаешь?»

Это поистине апостолы смерти, и они готовы всякого, кто скажет против нее слово, тут же отправить в ее область. Они верно служат своему отцу.

Но напрасно они будут ждать верности от него: ведь он — ложь и отец лжи. Он лжет уже в том, что смерть, это просто — не видеть и не слышать. Так и Авраам, по их мнению, не мог увидеть день Господень.

Господь же прямо говорит: «Кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек». И отсюда следует жуткий вывод: значит, тот, кто не соблюдет слово Господне, тот — хочет он этого или не хочет, верит он в это или не верит, — увидит собственную смерть, не умирание, а именно смерть? Ну, а как же может быть иначе? Если смерть просто ничто, как можно иметь ключи смерти и ада? (Откр. 1, 18). Как она может быть первой и второй (Откр. 20, 6)? И как она может отдавать своих мертвецов? (Откр. 20, 13).

Но при этом Господь запрещает исследовать тайны смерти, спускаться в «так называемые глубины сатанинские»

(Откр. 2, 24). Он, напротив, зовет соблюсти слово Его, чтобы как раз не увидеть смерти вовек. Своей крестной жертвой Он сделал это возможным, и церковная история дает много примеров. На первом месте, конечно, Успение Божией Матери. Когда пришло время, Сам Господь явился и со славой вознес Ее душу.

Святитель Игнатий в своем «Слове о смерти» приводит случаи безболезненного и радостного перехода в иной мир. К одному подвижнику, когда настал час кончины, явились архангелы Михаил и Гавриил. «Один сел по правую, другой по левую сторону странника, и начали упрашивать душу его, чтобы она вышла. Она не хотела оставить тела и не выходила. Тогда Гавриил сказал Михаилу: «возьмем душу и пойдем». Михаил отвечал: «нам велено Господом взять ее без болезни, не можем употребить насилия». И только когда Господь послал Давида с другими небесными певцами, «душа, услышав псалмопение и гласы их, вышла, ... и принята была с радостью».

«Когда настало время умирать преподобному Сисою, просветилось лицо его, и он сказал сидевшим у него отцам: «вот пришел авва Антоний». Помолчав несколько, сказал: «вот лик пророческий пришел». Потом просветился более, и сказал: «вот пришел лик апостольский». И опять сугубо просветилось лицо его: «Ангелы...» — И еще более засияло лицо его, как солнце. Все убоялись. Он сказал им: «смотрите, — Господь пришел и изрек: принесите Мне избранный сосуд из пустыни». С этими словами он испустил дух».

Когда преставилась покаявшаяся Таисия, старец, который сопровождал ее, проснулся и видит: «образовался некий путь от того места, где почивала Таисия, до неба; Ангелы Божии возносят ее душу. Он встал и начал будить ее, но она уже скончалась».

Бог только тогда — Бог, когда Он Бог не мертвых, но живых, когда Его слово сильно побеждать и самую смерть. Пусть она ополчится на тебя, обступит со всех сторон, но ты невредимо пройдешь посреди сени смертной, как и Сам Господь невредимым прошел посреди толпы иудеев, уже поднявших на Него камни.

О соработниках Господних

Среда **Ин. 6, 5–14**
Деян. 13, 13–24

Однажды Господь напитал пять тысяч человек, которые пошли за Ним «на ту сторону моря Галилейского». Он взял пять хлебов «и, воздав благодарение, раздал ученикам, а ученики» — народу, «также и рыбы, сколько кто хотел».

И люди не только насытились; они, и мы вместе с ними, увидели здесь и могущество Господа, как источник нашей надежды на Него. Увидели и снисхождение к человеческой природе: хотя Он принес бесценный хлеб вечной жизни, но не гнушается накормить и обычным земным хлебом. Потому что одно дело — подвижник, добровольный постник, а другое — просто голодный человек, которого, если не накормить сначала, то и Божественное учение ему не пойдет.

Учит также Господь относиться к пище, как к Божьему дару, с подобающим благоговением. Он сказал: «Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало».

В этих пяти хлебах богословы видели прообраз пяти язв, полученных Господом во искупление наших грехов. А в умножении хлебов — прообраз того, как вот уже две тысячи лет, под видом хлеба, бесконечно умножается святое Тело Христово и насыщает нас на Божественной Литургии.

Упоминается и о двенадцати коробах, в которые Он повелел собрать остатки хлеба. Наверное, Он клал малую часть каждому Апостолу в его короб, а они уже раздавали народу чудесно умножающийся хлеб. Очевидно, при этом была опасность и для народа — считать Апостолов за чудотворцев, и для Апостолов — возомнить себя таковыми.

Поэтому в самом начале Господь подверг их испытанию. Он спросил: «Где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» Филипп прикинул и сказал: «Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу». А Андрей даже кое-что нашел: «Здесь у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?»

Именно этих ответов Господь и ждал. Во-первых, ученики осознали, что поставленная задача невыполнима человеческими средствами. Во-вторых, они все-таки сделали все, что могло быть сделано людьми. И в-третьих, хотя они сделали все, но ясно увидели, что это по существу — ничто. Значит, Богу нужны не те, кто помогал бы Ему, но кто не мешал бы Ему, через кого Он мог бы делать Сам.

Попробуем в своей жизни руководствоваться вытекающими отсюда правилами.

Когда предстоит какое-то важное дело, когда нужно помочь кому-то, или наставить кого-то, иными словами, когда в твоем сердце звучит вопрос: «где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» — Скажи первым делом, как Филипп: «Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому их них досталось хотя понемногу». Непременно скажи так, хотя бы дело и казалось совсем нетрудным.

Потом сделай все, что можешь, помоги, как можешь, как Андрей разыскал единственные пять хлебов и две рыбы.

И тут же обязательно прибавь, как он прибавил: «но что это для такого множества?» Обязательно скажи эти слова, какими бы великими ни казались тебе твои труды!

Этим ты дашь место Господу, и Он примет тебя в участники Своих чудес, Своего могущества и Своей милости.

О истинном пастыре

Четверг **Ин. 9, 39–10, 9**

Господь говорит: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник. А входящий дверью есть пастырь овцам: Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их». «За чужим же» овцы «не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса».

В этой притче овцы — люди Господни, которых он ограждает Своим попечением. До пришествия Христова это народ иудейский, а потом Его Святая Церковь. Но это и весь мир, все люди, потому что на каждом — образ и подобие

Божие, и Господь хочет, чтобы все были в числе Его овец. Он добрый пастырь Своему стаду.

Но Он же и дверь, ведущая в овчий двор: «Истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам». Дверь, это первое, с чем соприкасаются, входя в помещение. Так и идя на служение людям, чтобы это служение было на благо, надо сначала приобщиться Христу, и служение свое совершать по Его воле, Его именем, в Его Духе.

А кто входит иным путем, тот, как говорит Писание, «вор и разбойник». Даже если из самых лучших побуждений, но не по Божьему призванию — непременно постигнет неудача.

Это видно даже на примере святого пророка Моисея. С детства он воспитывался у дочери фараона, но вот, решил пойти послужить своему народу. Сначала он увидел, как египтянин бьет еврея. Моисей вступился и убил египтянина. В другой раз он увидел, как двое из его народа ссорятся. Он решил рассудить и помирить их, а в ответ услышал: «Кто тебя поставил начальником и судьею над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина?» Услышав это, Моисей испугался и убежал. Так кончилось самовольное служение. Овцы не узнали голоса.

После этого он сорок лет был в изгнании, женился и собирался спокойно дожить свой век.

Но тут исполнились времена и сроки, и Господь Сам призвал его. Когда Моисей пас стадо, он увидел терновый куст, который горел и не сгорал, и из пламени был голос: «Моисей! Моисей!.. Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова... Я видел страдания народа Моего в Египте и услышал вопль его... Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых».

И Моисей вывел овец Божиих и привел в землю обетованную. Тут он явился истинным пастырем, потому что вошел дверью, получив повеление от Самого Бога. А как он совершал это служение! Не силой, не принуждением, но кротостью и непрестанной молитвой. Он скорбел за грехи народа, заступался перед Богом и был готов душу положить за Божьих овец.

Но не только такое великое служение, а и любое человеческое дело лишь тогда приносит истинную пользу, когда

совершается так, как делал Христос: с молитвой, с любовью, с терпением.

«Я есмь дверь», — говорит Господь. «Кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет и пажить найдет». И мы знаем, что только этой дверью в мир входит разумное, доброе, вечное, и только этой дверью выходят овцы Христовы на тучные пажити Небесного Царства.

Об истинных овцах Христовых

Пятница **Ин. 10, 17–28**
Деян. 15, 5–34

Книга Деяний повествует о первом церковном соборе. В то время появилось мнение, что уверовавшим язычникам необходимо обрезываться и соблюдать все ветхозаветные постановления. По этому поводу Апостолы и пресвитеры собрались в Иерусалиме.

А в Евангелии — противоположный пример. Господь сказал нечто, а между слушателями произошла распря. Одни «говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?»

В первом случае даже разномыслие побудило людей собраться вместе, потому что они — те, о ком Господь сказал: «Овцы Мои слушают голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною». Во втором случае — слова Того, Кто есть Истина, привели к распре и разделению, потому что услышаны теми, о ком сказано: «вы не из овец Моих».

А собравшиеся в Иерусалиме тщательно рассматривают спорный вопрос. Петр напомнил, как он крестил язычника Корнилия со всем его домом, и как при этом Бог «дал свидетельство, даровав им Духа Святого». Павел и Варнава рассказали, «какие знамения и чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников». Апостол Иаков привел древние пророчества, что и язычников призовет Бог. Убедившись в истине, «Апостолы и пресвитеры со всею церковью» выносят постановление: не налагать на новообращенных бремени закона, кроме некоторого необходимого, чтобы они «воздерживались

от осквернённого идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, что не хотят себе». Апостолы подчеркивают, что рассудили они об этом единодушно, и что Святому Духу угодно это решение.

Слово Божие предупреждает христиан: «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19). В чем искусные? — Конечно же, сначала в умении отличить ложь от истины. Но главное — искусные в любви, то есть способные увидеть ложь и в себе, и без сожаления отвергнуть ее от себя ради торжества истины и единства.

Ведь единство — первый признак Церкви, которая называется Единой, Святой, Соборной и Апостольской. И вход в этот благословенный союз тоже один-единственный, о котором, применительно к Себе, сказал Господь: «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее; никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее». Не случайно и Апостолы, отправляя Павла и Варнаву с соборным определением, в знак того, что это истинные посланцы Церкви, называют их «человеками, предавшими души свои за Господа нашего Иисуса Христа».

Нет ничего дороже и ничего труднее, чем единство во Христе. Поэтому враг всюду старается вселять разномыслие в души овец Христовых, чтобы оторвать от Пастыря, разогнать и погубить. Даже между Варнавой и Павлом враг попытался посеять раздор. Они собрались в очередное миссионерское путешествие, и «Варнава хотел взять с собой Иоанна, называемого Марком». Но Павел не захотел брать его, потому что однажды Марк самовольно их покинул. «Отсюда произошло огорчение», и пути их разделились (Деян. 15, 36–41). Но Господь же сказал о тех, кто предал Ему свои души и вошел в Его благословенное стадо: «Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей». Кратковременную размолвку Господь обратил во благо, и в результате — больше церквей в разных краях были охвачены апостольским попечением.

Ну а кто не совершил таинственного акта предания своей души Христу, тот обречен бродить как овцы, не имеющие пастыря, и бесплодно препираться по всякому поводу. Такой без конца будет спрашивать: «долго ли Тебе держать нас в

недоумении? Если Ты Христос, скажи нам прямо». И тщетно Христос будет повторять одно и то же: «Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне; но вы не верите».

Тот, кто предал душу Господу Иисусу Христу, всегда помнит, что истина одна; что нельзя разойтись, не определив ее; что нельзя двоим пребывать в распре, и в то же время в истине; и что быть отлученным от истины значит быть отлученным от Христа, Который есть не только Истина, но и Жизнь.

О Боге и богах

Суббота **Ин. 10, 27–38**

Продолжая беседу о Добром Пастыре, Господь сказал: «Овцы Мои слушают голоса Моего, и Я знаю их, и Они идут за Мною».

Вообще возможность сочувствия и согласия — великая тайна. Мы никогда не могли бы слышать, понимать, сочувствовать друг другу, если бы не вышли из рук единого Творца. «Отец Мой, Который дал их Мне, больше всех», — говорит Господь. Наш Творец дал нас друг другу. Мы можем говорить и слышать, потому что Он дал каждому и уста, и уши. И в наших душах Он как бы натянул одинаковые струны. И эти струны в разных людях могут звучать единым звучанием.

Но это — о людях, о существах одной природы. А разве не справедливо возмутились иудеи, когда услышали: «Я и Отец — одно», где «Я» — видимый человек, а «Отец» — невидимый Бог? «Иудеи схватили каменья» и сказали Человеку Иисусу: «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом».

И тогда Иисус не стал защищать Свое Божественное достоинство, но неожиданно заговорил о достоинстве человеческом. Он напомнил восемьдесят первый псалом, где есть таинственные слова: «Бог ста в сонме богов, посреде же боги рассудит... Аз рех: бози есте (Я сказал: вы боги) и сынове Вышняго вси»...

Иудеи, конечно же, никогда не отрицали, что слово Божие обращено было к их народу. Но ведь надо идти до конца: если струны человеческой души могут откликаться и на Божественные звуки, значит в этих струнах Божественный строй. И если Сам Бог — Бог по естеству, то человек — бог по благодати. Бог и сотворил человека именно «по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1, 27). Человек, пока не согрешил, мог буквально видеть и слышать «Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня» (Быт. 3, 8). И возможности человека безграничны: «верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14, 22).

Итак, «не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?» И если так велико человеческое достоинство, если Бог «назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите «богохульствуешь», потому что Я сказал: «Я Сын Божий»?

Но только ли за это мнимое богохульство подняли иудеи на Господа камни? А могут ли вообще эти слова, «вы боги», даже правильно понятые, вызвать в человеке «чувство законной гордости»? Легко ли слышать: «вы боги», и видеть действительную глубину своего падения? Легко ли видеть, что душа твоя, сотворенная, чтобы вместить Творца, на самом деле наполнена всяким хламом?..

Так хочется делать «от сих до сих», и спокойно ждать за это положенной награды!..

Но Бог, ставший человеком, беспощадно возвеличивает нашу человеческую природу, говоря: «Я и Отец — одно». Посреди нас, как посреди равных Себе, Бог в сонме богов стоит и справедливо укоряет: «Доколе судите неправду и лица грешников приемлете?» «Аз рех: бози есте, и сыновe Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете». Подумать только: Он упрекает в том, что мы умираем, как упрекают в каком-то обычном неблаговидном поступке! Насколько же чужда смерть нам по естеству, и насколько своей, неотъемлемой, сделали мы ее собственными грехами!

Найдем же в себе и решимость принять это свое первозданное человеческое достоинство. И значит — со всей от-

ветственностью принять весь позор своего падения, позор жалкой нынешней жизни и жалкого умирания. И при этом не станем бежать, прятаться от лица Божия, как наши прародители. Смиренно и мужественно скажем Ему слова, которыми кончается восемьдесят первый псалом, и которыми начинается праздник Пасхи, праздник победы над смертью: «Воскресни, Боже, суди земли: яко Ты наследиши во всех языцех».

СЕДМИЦА 6-Я ПО ПАСХЕ

О зрении и слепоте

Неделя 6-я по Пасхе **Ин. 9, 1–38**
Деян. 16, 16–34

Господь сказал: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Ин. 9, 39). И сегодняшние чтения показывают два противоположных примера такого суда.

Однажды, увидев на улице человека, который от рождения был слеп, ученики спросили: «Равви! кто согрешил, он, или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии».

Мы знаем, что Исав еще во чреве матери заслужил ненависть, а Иаков — благоволение (Рим. 9, 13). Иоанн Креститель, будучи во чреве матери, взыранием приветствовал Деву Марию. Очевидно, и слепорожденного Господь еще в материнском чреве предузнал и счел достойным, чтобы чрез него явить миру пример как Божественной целительной силы, так и не менее чудесного человеческого духовного прозрения.

Господь ничего предварительно не сказал слепцу, ни о чем не спросил. Он смешал землю со слюной, помазал ему глаза и сказал: «умойся в купальне Силоам». Слепой чувствует, как ему чем-то залепили глаза, с доверием отправляется к источнику, не спрашивая, для чего это надо. Затем он чувствует прикосновение воды, и вдруг ему открылось то, о чем он не мог и подозревать. На его глазах как бы совершилось творение мира!

И далее он поступает как вполне духовно зрячий, понимающий, что от чего бывает. Не удивительно, если бы он совсем потерялся, и не смог ни с чем связать то, что с ним произошло. Но когда его спросили: «как открылись у тебя глаза?» — он спокойно сказал: «Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои, и сказал мне: пойди в купальню Силоам, и умойся. Я пошел, умылся и прозрел».

И он твердо стоял на своем, когда его повели к фарисеям. Там его спрашивали с пристрастием. Слепой ничего особенного не слышал от Иисуса, но когда фарисеи спросили, что он сам думает о Нем, — ответил: «это пророк». Ему говорят: «Мы знаем, что человек тот грешник». Но он не дает запутать себя: «грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу». И как ни пытаются его сбить, доказывая, что Иисус не от Бога, и вообще неизвестно откуда, истинно прозревший твердо стоит на своем: «Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего».

Когда же он был выгнан, Иисус нашел его и сказал: «ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! и поклонился Ему». Истинное прозрение всегда завершается поклонением Богу.

А в книге Деяний — совсем другой пример. В Филиппах была женщина, «одержимая духом прорицательным». Эта женщина в течение многих дней ходила за Павлом и его спутниками и «кричала, говоря: сии человеки рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Казалось бы, вот истинное духовное зрение! Но «Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час».

Почему Павел так поступил? Разве не правду возвещала прорицательница?

Дело в том, что хотя и говорила правильные слова, но по сути лгала. Ведь если здесь рабы Бога Всевышнего и путь к спасению, то почему же ты ходишь не с ними, а только за ними?..

Для славы Христовой лучше быть изгнанным с бесчестием, как прозревший слепец; лучше быть заключенным в тем-

ницу и на время вынужденно замолчать, как Павел, — чем без конца говорить о Христе без должного Ему поклонения.

О даре священства

Понедельник **Ин. 11, 47–57**

Когда был воскрешен Лазарь, то одни видя, «что сотворил Иисус, уверовали в Него».

Другие пошли и донесли, как говорится, куда следует.

А те, кому было донесено, «с этого дня положили убить Его».

Так, одних великое чудо обращает к небу, разрушает пределы видимого мира. Другие ухитряются и такое событие втиснуть под колпак временной жизни, рассудить о нем, как о самом обычном деле, которое может быть удобным или неудобным, полезным или вредным. В данном случае оно неудобно: «Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют местом нашим и народом». Так члены совета единодушно вынесли приговор, и первосвященник подвел итоги:

«Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб».

Но как-то не совсем логично построена речь первосвященника. Он безусловно согласен с остальными. Он вовсе не хочет защитить Иисуса. Он тоже считает Его смерть необходимой. Но в то же время он как бы укоряет их: «Вы ничего не знаете и не подумаете...»

Евангелист Духом Святым так объясняет его дальнейшие слова: «Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино».

Дело в том, что он хотя и грешник, хотя и будущий богоубийца, но пока еще первосвященник Божий, и его сану принадлежит дар пророчества. Как грешный человек, он хочет сказать одно, а по Божией воле выходит другое. Он хочет вынести смертный приговор одному Человеку, а произносит пророчество о спасении всех людей именно этим

Человеком. Он хочет, чтобы Иисус умер во избежание гибели всего народа, а в его слова вложен тот смысл, что Иисус умрет именно за народ, то есть вместо народа, станет искупительной жертвой за всех. И имеющие уши вполне могут это услышать.

Не для оправдания недостойных священнослужителей рассказан этот случай. Каждый сполна ответит за свои нераскаянные грехи. Но на земле всегда будет место, где всякий ищущий сможет найти Бога. И это место хранится не человеческой праведностью, но Божественным установлением. И ветхозаветное священство только тогда кончается, когда восстает новый Первосвященник, и когда Он устанавливает на земле новое священство, чтобы всюду нести слово истины и Кровь Христову, омывающую грехи мира.

И мы свято верим, что тот, кто в простоте сердца, с детской верой, с истинным покаянием придет в церковь Божию, тот никогда не уйдет обделенным: и грехи ему простятся Самим Богом, пусть и рукою недостойного священника. И Тела и Крови Христовых он причастится. И в самой неумелой проповеди он услышит важное для себя слово, которое Бог Сам вложит в уста проповедника, может быть специально для единственного верного слушателя.

О пути к истинной славе

Вторник **Ин. 12, 19–36**

Когда Господь перед Своими вольными страданиями входил в Иерусалим, Он был торжественно встречен народом. Люди, наслышанные о Его чудесах, стояли с пальмовыми ветвями в руках, как обычно встречают царей победителей. Под ноги осла, на котором Он ехал, подстилали одежды и восклицали: «Осанна! благословен грядый во имя Господне Царь Израилев!» Фарисеи, пораженные этим зрелищем, с досадой говорили: «видите ли, что не успеваем ничего? Весь мир идет за Ним».

Тут некоторые обратились к апостолу Филиппу с просьбой: «Господин! Нам хочется видеть Иисуса». Их желание передали, но Господь ничего не ответил. Он знает, что просьба вызвана именно земной, человеческой славой, которая

сегодня есть, а завтра обратится в ненависть. Его мысленный взор обращен вперед, к той вечной славе, которая ожидала Его на земле и на небе.

А начаться эта слава должна не с восторженных восклицаний, а с воплей: «распни, распни Его!» И Он сказал ученикам: «Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода».

Мы часто стремимся в Церковь, привлеченные лишь внешней, временной славой: торжественностью богослужения, красотой пения. Думаем, что в этом все. А ведь ничто земное, в том числе и церковное благолепие не защищено от разрушения, попрания и истления.

И слава полного пшеничного колоса начинается именно с того момента, когда зерно падает в мокрую, холодную землю. Земля давит со всех сторон. Оно мокнет, разбухает, теряет форму. Оно поистине умирает...

Но как раз тут неистощимая сила Божия совершает чудо: из развалившейся, полусгнившей скорлупки вдруг появляется свежий зеленый росток, который и радует глаз, и дает богатый плод. Так Господь сначала притчей, а потом и прямо сказал: «Когда Я вознесен буду от земли», когда в крестной жертве будет явлена миру совершенная Божественная любовь, тогда «всех привлеку к Себе».

Господь говорит: «Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почтит Отец Мой». И следовать за Христом к Его славе можно только Его же путем, путем пшеничного зерна, путем самоотверженной любви. Потому что любовь, это всегда жертва: жертва чем-то своим ради Бога и ради ближнего: своим имением, своими удобствами, своим временем. Любовь, это всегда умирание во Христе, потому что жертвуя ради небесного земным, как бы сбрасываем лишнюю тяжесть, лишнюю плоть, лишнюю скорлупу, становимся легче, духовнее, ближе к Богу, и нет сильнее той любви, как если кто до конца положит душу свою за друзей своих.

Господь говорит: «любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь

вечную». Смерть страшит потому, что больше всего любим самих себя, и рука привыкла грести к себе. А кто в подвигах любви почувствовал сладость приближения к Богу, тот не боится смерти.

Вот и проверим себя, истинные ли мы последователи Христа, ибо «еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет».

И пока в глазах свет жизни, пока доступен свет Христова учения, пока в церковных таинствах подается свет благодати, — постараемся стать истинными сынами света, чтобы вовеки не увидеть тьмы.

О последнем дне

Среда. Отдание Пасхи **Ин. 12, 36–47**
Деян. 18, 22–28

Сегодня Отдание праздника Пасхи. Сегодня последний день, когда воскресший Господь является ученикам, чтобы сказать последние слова о Царствии Небесном. Сегодня последний раз приветствуем друг друга восклицанием: «Христос воскресе!» Завтра Господь вознесется на небо.

А Евангелие сегодня напоминает о другом последнем дне Господа Иисуса: о последнем, самом великом дне Его земной славы. Он торжественно входит в Иерусалим, а завтра уже начнется закат Его земной жизни, начнется крестный путь, когда многие соблазнятся о Нем.

И вот сегодня, в день перед Вознесением, Церковь напоминает, что Он сказал в тот последний день: «Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света».

Последний день Его земной славы, когда даже младенцы восклицали: «Благословен грядый во имя Господне!»

Последний день Его земной жизни, когда даже солнце померкло, и земля сотряслась.

Последний день перед Его вознесением на небо.

Это те самые дни, которые «многие пророки и праведники желали видеть... и не видели». Да и все дни пребывания

Господа на земле — небывалые и неповторимые дни человеческой истории, когда поистине солнце сошло с неба и было рядом, во всей своей страшной силе, но не сжигало, а давало каждому ровно столько тепла и света, сколько кто мог вместить.

А наша земная жизнь, это жизнь упущенных возможностей. Грустно, что прошел пост, проходит Пятидесятница, вот уже отдание Пасхи, скоро Троица, а мы все те же, с теми же грехами! «Столько чудес сотворил Он перед ними, и они не веровали в Него!»

Правда, не все же не веровали. Даже и «из начальников многие уверовали», но... «ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги; ибо возлюбили более славу человеческую, нежели славу Божию». Вот наша вера!

Но никогда не поздно исправиться. Если последний день поста, хоть этот день провести построже. Если последний день праздников, хоть в этот день проявить благоразумное воздержание. А главное, чтобы все эти последние дни напоминали, что всякий день может стать последним днем земной жизни, когда «возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12, 7).

Святые отцы Церкви и советуют каждый день проживать так, как будто это последний день жизни. Тот, кто был обречен и чудом спасся, знает, что это такое. Здесь неверующий — в ужасе и бездействии, а верующий, напротив, стремится скорее сделать то, чего ждет от него Господь.

Обратиться, покаяться, примириться с врагом — все это можно в один миг; но беду, когда и этот миг потеряешь, не выразить никакими словами!

О невозможности оставаться на земле

Четверг. Вознесение **Лк. 24, 36–53**
Деян. 1, 1–12

Воскресший Господь уже не может более оставаться на земле. Победивший смерть уже не может быть среди тления.

Он совершил все, для чего послан Отцом, и Ему больше незачем оставаться на чужбине. И хотя, по евангелисту Луке, Он еще «в продолжение сорока дней являлся Своим ученикам», тот же евангелист так передает ход событий: «В первый же день недели» мироносицы были у гроба и рассказали обо всем Апостолам. «В тот же день двое из них шли в селение», где Господь им явился. Как только Он стал невидимым, они «вставши в тот же час, возвратились в Иерусалим». В тот момент, когда они рассказывали о происшедшем, «Сам Иисус стал посреди их». Он вывел их вон из города и тут же «стал отдаляться от них и возноситься на небо». Все тут же, в тот же день, в тот же час. Когда совершается Божие дело, день — как тысяча лет, и тысяча лет — как один день. Евангелист Лука остро чувствовал, что хотя проходят сорок дней, но — как будто ранним утром Он воскрес, а вечером уже вознесся.

«Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их». Когда Апостолы взглядом провожали Его, «вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, приидет таким же образом, каким вы видели Его восходящим».

Ангелы отвлекли Апостолов от смотрения на небо, потому что отнюдь не видимое небо есть престол Божий. Как о Духе Святом говорится, что «голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3, 8), так и здесь: не дано знать, где небо, куда вознесся Христос. Но дано быть неразрывно с Ним связанным.

«В Иерусалим Апостолы возвратились с великою радостью». Да и как не радоваться! До сих пор человек отходил в страхе и трепете, и мы провожали его вниз, в землю. И вдруг такой прорыв! Человек восходит вверх, на небо, восходит как победитель, возносится во славе, и даже тело Его не брошено, как скинутая одежда, но преображено, пронизано духом и тоже восходит с Ним! Как же не радоваться, когда наш Брат, самый лучший, самый любящий из всех братьев, — поднялся до Самого Бога, от Которого исходят потоки жизни, в руке Которого все судьбы. Как же не радоваться, если то, что раньше казалось далеким и непоз-

наваемым, теперь вдруг обрело человеческое тепло. То, что казалось страшным и непостижимым, стало родным. Наш Брат там, одесную Силы, и в этом отныне залог, что ничего страшного, ничего непредвиденного, ничего неразумного и непонятного уже не произойдет!

И отныне Апостолы будут с радостным терпением ожидать бесценных даров: вскоре — Духа Святого, потом — непрерывной помощи и поддержки, и наконец — Его второго пришествия.

И отныне человек сможет чувствовать себя, хотя и грешным, и недостойным, но как бы магнитом, который неудержимо притягивает к себе все небо, всю Божественную любовь; чувствовать себя хотя и песчинкой, но такой песчинкой, ради которой «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет Пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 27).

Будем же во всем «подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему» (Лк. 12, 36).

О пути, истине и жизни

Пятница **Ин. 14, 1–11**

В эти дни, от Вознесения до Троицы, в церкви читаются главы Евангелия от Иоанна, содержащее последнюю беседу Иисуса Христа. Иуда уже вышел из горницы, отправился к первосвященникам с доносом, и Господь старается приготовить учеников к предстоящим испытаниям.

«Да не смущается сердце ваше, — говорит Он, — веруйте в Бога и в Меня веруйте». Веруйте в Мое всемогущество, в Мою победу, веруйте, несмотря ни на что. Веруйте, хотя и увидите Меня оплеванным, избитым и распятым. Веруйте в Мое бессмертие, даже если увидите Меня мертвым.

Господь и раньше говорил о Своем крестном пути, но ученики так и не могли понять, к чему это. Он и теперь не объясняет, потому что все равно не смогут понять, пока Святой Дух не сойдет на них. Времени осталось мало, и Господь хочет ободрить. Он прямо указывает на блаженную

цель: «В доме Отца Моего обителей много... и, когда приготовлю вам место, приду опять и возьму вас».

Но как трудно понять новое: что за дом Отца, где он? На небе или на земле? И куда должен отойти Иисус? Но вот неожиданно Господь говорит: «А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете». Тогда Фома удивленно спросил: «Господи, не знаем, куда идешь, и как можем знать путь?» — И услышал в ответ: «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

«Я есмь путь». Вы оставили все и последовали за Мною. Значит, вы тоже встали на путь в Царствие Небесное. Вы разделили со Мною нищету и опасности. Значит, вы шли по этому пути. Вы ходили за Мною из города в город, но на самом деле прямым путем поднимались на небо. И вы сами все это достоверно почувствуете, когда Святой Дух просветит вас...

Ученики недоумевают: куда ведет этот путь? Иисус говорит, что к Отцу. Но какой Он, Отец? Но когда Филипп попросил: «Господи! Покажи нам Отца, и довольно для нас», — Господь ответил: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня, видел Отца. Я в Отце и Отец во Мне».

Священное Писание говорит, что Господь Иисус Христос и священник, который приносит жертву, и самая жертва, закланный Агнец Божий, взявший на Себя грех мира. Но Он же и Тот, Кому жертва приносится.

Точно так же Господь есть и путь в райские обители, и немеркнущий Свет этих обителей. Но Он же и приводит туда человека, рабски служа ему.

Видите, Христос не только путь к вожделенной цели. Он Сам эта цель, потому что Он в Отце, и Отец в Нем. Он то же, что и Отец, Он единосущен Отцу, хотя Отец все же остается Отцом, а Сын — Сыном.

И ясно, что христианство не школьная дисциплина, необходимая только для того, чтобы заставить людей лучше выполнять свои земные обязанности. Наоборот, все наши земные дела имеют смысл лишь тогда, когда совершаются во имя Христово, чтобы достичь Христа. Потому что Он Истина, Он Вечная Жизнь и Вечное Благо, и только Он способен утолить всякую духовную жажду.

О «том дне»

Суббота **Ин. 14, 10–21**
Деян. 20, 7–12

Продолжая Свою последнюю беседу, Господь сказал, обращаясь к Филиппу: «разве ты не веришь, что Я в Отце, и Отец во Мне?» В этом вопросе — детское, простосердечное удивление. И правда, удивительно, что человек не верит Богу, творение — Творцу, образ и подобие — Первообразу. Удивительно, что очень немногим Господь может просто сказать: «Верьте Мне». Гораздо больше тех, кому Он говорит: «... а если не так, то верьте Мне по самым делам».

Но высота для всех одна, содержание веры для всех одно, и в последней беседе Господь говорит: «Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне». Верьте, что «Я говорю не от себя; Отец, пребывающий во мне, Он творит дела». В этих немногих словах Господь продолжает открывать великую тайну, учит вере не просто в единого Бога, и даже не просто в Бога Отца и Бога Сына; но — в Бога Отца и в Бога Сына, неразрывно и непостижимо, взаимопроникновенно соединенных любовью. Отец весь в Сыне, и Сын весь в Отце. Нет ничего, что бы разъединяло Их. Есть только любовь, которая и не дает Им быть двумя богами.

И именно эта вера, именно это конкретное знание о Боге имеется в виду, когда далее говорится: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит». Потому что знание единства Отца и Сына открывает и нам возможность в это единство войти. Сказав о Себе и Отце, Господь тут же говорит о Себе и о нас: «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас». О Себе Господь говорит: «если чего попросите» (не у Меня, а) «у Отца во Имя Мое», (то не Отец, а Я с полной готовностью) «то сделаю», (и сделаю с единственной целью), «да прославится Отец в Сыне». Так и когда у Христа просят, а раб Христов видимо совершает, то это — Христос, пребывающий в нем, «Он творит дела», и если говорит раб Христов, то говорит «не от себя», и все де-

лает с единственной целью: чтобы возрастала слава Христова ко спасению всех людей.

Но о каком же «том дне» говорит Господь: «в тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас»? — Конечно, имеется в виду тот «День Господень, великий и славный» (Деян. 2, 20), когда окончательно пришедший на землю Господь «осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения» (1Кор. 4, 5).

Но и всякий день, когда церковь собирается для молитвенного и таинственного общения с Господом, называется днем Господним, и носит на себе отблеск грядущего великого дня.

И сегодня Деяния Апостолов повествуют об одном из таких дней. Однажды христиане города Троады собрались на воскресное богослужение «для преломления хлеба». Апостол Павел, «беседовал с ними, и продолжил слово до полуночи». Люди слушали, забыв о времени, не заметив, как подошла полночь. У всех было «одно сердце и одна душа» (Деян. 4, 3). И вдруг «юноша, ... сидевший на окне, погрузился в глубокий сон, и ... упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым». Тогда Павел, «сошед, пал на него, и обняв его, сказал: не тревожьтесь; ибо душа его в нем. Взошед же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. Между тем отрока привели живого, и не мало утешились».

Для внешних это сверхъестественно и невероятно. Но для тех, кто вместе с Павлом прославлял Воскресшего Господа, воскресение юноши просто не могло не произойти. Ведь способность совершать чудеса, если она от Бога, это не просто сила, чтобы распоряжаться ею по своей воле. Чудо, содеянное в Боге, это следствие живого соединения людей со Христом и друг с другом, как и Сам Христос соединен с Богом Отцом.

А если славить нам хочется не Христа, а самого чудотворца, то надо призадуматься. Господь предупредил: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня». А если нет не только соблюдения заповедей, но даже и знания их, и при этом человек дерзает возлагать руки на больных, — что сказать о таком «чудотворце и целителе»?

Господь обещал: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам». Не прельстимся же в ожидании нашего Небесного Отца ни-

каким могуществом и силой, чтобы не быть нам отлученными от любви Христовой, в которой — и могущество, и сила, и жизнь. «Ибо Я живу, и вы будете жить», — говорит Господь.

СЕДМИЦА 7-Я ПО ПАСХЕ

О единосущии Отца и Сына

Неделя 7-я по Пасхе **Ин. 17, 1–3**

Деян. 20, 16–18, 28–36

В воскресенье перед праздником Троицы — память святых отцов Первого Вселенского Собора. Перед праздником Троицы мы прославляем тех, кто обличил арианскую ересь и научил нас православно исповедовать Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную.

Арианство родилось, как рождаются все лжеучения. Гордый ум говорит: «Я не могу этого понять, значит, этого не может быть». И Арий стал учить, что истинный Бог — лишь Бог Отец, а Сын только подобен Ему. Это учение более понятно для ума, и оно увлекло многих.

Когда-то Апостол Павел сказал пастырям Церкви: «Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровию Своею. Ибо Я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою». Так потом и пошло, и во все времена приходилось оберегать Христовых овец от лютых волков. Потому что кто привносит ложь в учение о Боге, тот поистине губит души. Всякая ложь о Боге уродует всю духовную жизнь, и незаметно направляет человека совсем в другую сторону.

И святые Отцы Церкви на Первом Вселенском Соборе не свое личное мнение противопоставили мнению ариан, но тщательно рассмотрели Божественное Писание. А там во многих местах и прямо, и косвенно говорится о единосущии Бога Отца и Бога Сына. Вот и сегодня мы читали слова

молитвы Сына к Отцу. Казалось бы, если молитва, значит, молящийся ниже того, кому молится.

Но вспомним, какими словами молился Иисус, например, перед воскрешением Лазаря: «Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня» (Ин. 11, 41–42). Еще прежде просьбы уже благодарит, как будто все, о чем Он собирается просить, уже совершилось.

Так и в сегодняшней молитве. Сначала говорит: «Отче! ... прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя». То есть прославление Сына — условие прославления Отца. И тут же продолжает: «Я прославил Тебя на земле». «И ныне прославь Меня Ты, Отче». А здесь — прославление Отца — условие прославления Сына.

Также и когда Господь молится о людях, Он говорит: «Они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое». Как будто все верные всегда принадлежали только Отцу; Отец Сам все открыл им, и они должны только сохранить это.

Но тут же видим, что знание об Отце люди получили только от Сына: «Я открыл имя Твое человекам», «слова, которые Ты дал Мне, Я передал им» (Ин. 17, 6, 8). И именно Сын должен дать им «жизнь вечную». «Они Твои», — говорит Господь о людях Божиих и в то же время молит за них Отца, словно они только Ему, Сыну, принадлежат, и еще чужды Отцу.

И здесь нет противоречия. Просто логика не земная, а Божественная, небесная.

У Лиц Святой Троицы одна воля, одна жизнь. Хотя Бог Сын и принял человеческое естество, но Он остался совершенным Богом, и между Ним и Отцом, как и прежде, нет ни малейшего расстояния. Нет также ни малейшего промежутка времени между просьбой и выполнением. Господь просто, с полным жертвенным послушанием исповедует: «И все Мое Твое», и тут же с полным сыновним дерзновением продолжает: «и Твое Мое». И поэтому святая церковь торжественно исповедует Бога Сына единосущным Богу Отцу.

Казалось бы, что такое одно слово? Но в нем живой источник христианской надежды. Потому что лишь Сам Бог, соединившись во Христе с человеческой природой, мог уврачевать ее, воскресить и вознести на небо.

Будем же молитвенно прославлять и благодарить тех, кто не дал помрачить истину и сохранил для нас путь к Богу во всей первоначальной чистоте.

О единении в свободе

Понедельник **Ин. 14, 27–15, 7**
Деян. 21, 8–14

Господь по-разному открывает тайну единения людей с Богом. Недавно Он привел притчу об овцах, которые знают голос пастыря и всюду следуют за ним.

А сегодня — другой образ: «Я есмь виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь... Я есмь Лоза, а вы ветви».

Каждое сравнение имеет свои недостатки. Овцы, хотя и наделены свободой, но не составляют с пастырем совершенного единства. А ветви, хотя и неразрывно связаны с лозой, но лишены свободы. Но Господь же молился: «Отче! ... да будут едино, как Мы едино» (Ин. 17, 22).

И в сегодняшнем чтении из книги Деяний мы видим живой пример, как это возможно: и неразрывно соединиться с Лозой, и в то же время сохранить свободу. А также мы видим, как Небесный Виноградарь очищает Христовы словесные ветви.

Апостол Павел идет в Иерусалим. Идет он «по влечению Духа» (Деян. 20, 22), то есть Лоза питает и направляет. Но из той же Лозы исходит и сила сопротивления. Дух Святой послал его. Но Дух Святой «по всем городам свидетельствует, говоря, что узы ждут» его (Деян. 20, 23). В Тире ученики «по внушению Духа говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим» (Деян. 21, 4). В Кесарии некий пророк Агав «взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников». Услышав это, все стали просить Павла, чтобы он не ходил в Иерусалим. Но Павел все-таки идет. Не противится ли он тем самым Божией воле?

Но предупреждать о страданиях не значит запрещать. Узнав о предстоящей опасности, иной человек, задумавший доброе дело, начнет более тщательно взвешивать все «за» и

«против». И взвесив, скажет: «а зачем, собственно, мне это надо?» И отложит задуманное. Значит, руководило им не желание добра, но гордость, тщеславие или корысть, которые теперь перевесила трусость.

Значит, и плода от этой ветви не могло быть. «Отец Мой — Виноградарь», — говорит Господь. «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает».

А Павел на все уговоры и предостережения неизменно отвечает: «Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за Господа Иисуса».

Вот очищенная от посторонних, страстных побуждений плодоносящая ветвь истинной Лозы.

Ну а другие братья, неужели они противятся Духу, который ведет Павла на подвиг? Нет, Дух наставляет и их. Духу угодно, чтобы они дорожили своим Апостолом, как Божьим даром. Но когда «не могли уговорить его» и когда поняли, в чем он видит свое благо, то наверное вспомнили слова Господни: «Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу». И «успокоились, сказавши ему: да будет воля Господня!»

Так и их любовь к Павлу Виноградарь очистил, чтобы и они более приносили плода.

«Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). И рабы Господни, при совершенной преданности, не теряют своего лица, своей неповторимости, своей свободы. Господь не превращает их в слепые орудия Своей воли. Он всегда честно и ясно ставит перед ними выбор. И они всякий раз снова и снова, трезво и сознательно, выбирают Христа.

О единосущии Отца и Сына и Святого Духа

Вторник **Ин. 16, 2–13**

Как ни утешал Господь учеников на последней вечери, сердца их были переполнены печалью о предстоящей разлуке.

И тогда Господь сказал: «Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел: ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам». Господь обещает Утешителя. Но что может утешить в потере любимого человека? — Ничто, кроме одного: если этот человек будет нам возвращен. Так и Апостолов, потерявших дорогого Учителя, могло утешить только возвращение им Его Самого. А ведь Господь обещал истинное утешение. Значит, Утешитель Святой Дух должен не более и не менее, как возвратить Апостолам Самого Христа. И мы знаем, что в день Пятидесятницы это и произошло.

Мало того. Господь говорил ученикам, что даже «лучше для вас, чтобы Я пошел». И поистине так, потому что Святой Дух открыл Апостолам Иисуса Христа не только как совершенного Человека, но и как совершенного Бога, — чего до сих пор не могли вместить.

А если так, если Бог Святой Дух может вместить Бога Сына, значит, Сам Он во всем единосущен Ему, как и Бог Сын единосущен Богу Отцу. Но все же Бог Святой Дух остается Самим Собою, остается третьим Лицом Святой Троицы. И Он не только вернул Апостолам Христа, но и Сам пришел навсегда, чтобы совершать дело их очищения и освящения.

Господь говорил, что Дух «пришед, обличит мир о грехе, о правде и о суде». До этого Апостолы были еще плотскими, привязанными к миру, сердца их были окаменены. Христос, пока был на земле, Сам обличал, учил и утешал. А когда Господь отошел к Отцу и послал Святого Духа, Апостолы уже сами Духом Святым обличали мир «о грехе» неверия в Господа Иисуса Христа. Возвещали и «о правде», что Он есть истинный Сын Божий, сшедший с небес, искупивший нас от вечной погибели, и вновь восшедший к Отцу. И — «о суде», что князь мира сего, диавол, побежден и осужден, и желающим наследовать спасение уже ничто не может помешать.

И еще говорил Господь на последней вечери: «многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить; когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину».

И со дня Пятидесятницы Святой Дух непрерывно наставляет Церковь: и непосредственно через верных Своих служителей, и через оставленные ими писания, и в первую очередь через Священное Писание. Причем, в Священном Писании не меньшая сила, чем в живом слове. Ведь сказано: если кто не слушает Моисея и пророков, того ничто уже не вразумит: даже если кто из мертвых восстанет и явится ему (Лк. 16, 31)!

О тщетности компромиссов

Вторник **Деян. 21, 26–32**

В Иерусалиме сначала все христиане были из иудеев, продолжавших соблюдать Моисеев закон. Они были убеждены, что выполнение закона так же необходимо для спасения, как и вера во Христа. И своей внешней жизнью они мало отличались от иудеев, которые Христа не приняли.

Кроме того, большинство иудеев, как принявших Христа, так и не принявших, сохраняли уверенность, что их народ так и останется особым, богоизбранным народом, а другие так и будут чем-то вроде Божьих пасынков. И поэтому когда Апостол Павел приходил в синагоги, его слушали лишь до тех пор, пока он начинал говорить, что и язычникам должно быть проповедано слово Божие.

Когда же Апостол проповедовал язычникам, то не принуждал их выполнять ветхозаветные установления, не отягощал тем, что уже потеряло смысл. И это тоже не нравилось иудеям.

И вот Апостол пришел в Иерусалим. Первым делом он явился к старейшинам христианской общины. В Иерусалиме было особенно много его недоброжелателей. Опасаясь за его жизнь, старейшины сказали: «видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих, и не поступали по обычаям. Итак, что же? Верно, соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. Сделай же, что мы скажем тебе». И они посоветова-

ли Павлу вместе с несколькими другими людьми совершить один иудейский обряд. Апостол согласился.

Но едва иудеи увидели его в храме, они «возмутили весь народ, и наложили на него руки, крича: мужи израильские! помогите: этот человек всех повсюду учит против народа и места сего». Тут «весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма».

Апостол решил принять участие в том, что заведомо не имело спасительного значения, было шагом назад. И ожидаемой пользы это не принесло. Но Апостол пошел на это, во-первых, искренне желая церковного мира, а во-вторых, по послушанию. И уж конечно не ради того, чтобы просто избежать неприятностей.

Для нас же этот случай пусть послужит предостережением. Потому что мы, если отступаем от истины, то совсем не по любви и послушанию, а по своеволию и трусости. Какие бы мы ни придумывали оправдания, — выше чем у Апостола Павла, они не будут. И для нас должно быть совершенно очевидным, что никакое отступничество, никакое искажение истины в угоду людям, страстям, или так называемым «высшим соображениям», — никогда ни к чему доброму не приведет.

Об истине и ее осколках

Среда **Ин. 16, 15–23**
Деян. 23, 1–11

Когда Апостол Павел после своего последнего путешествия пришел в Иерусалим, он был оклеветан и чуть не растерзан толпой. Римский военачальник силой отбил его и на следующий день поставил перед синедрионом, «желая достоверно узнать, в чем обвиняют его иудеи» (Деян. 22, 30).

Сначала все единодушно были против Павла. Но едва он произнес всего лишь одну фразу, — тут же «произошла распря», «собрание разделилось», «сделался большой крик», всем стало не до Павла, и так он избежал суда. А перед этим он избежал побоев, вовремя открыв свое римское гражданство.

Для чего же тогда Павел говорил на пути в Иерусалим: «Я хочу не только быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса»? Однако далее все объясняется: «В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме». А чтобы отправиться в Рим на суд императора, нужно и римским гражданином быть, и показать неправду иудейского суда.

Павел шел в Иерусалим «по влечению духа» (Деян. 20, 22). Дух вел его и побуждал на определенные действия, истинная цель которых теперь, наконец, открылась.

В синедрионе же Павел сразу понял, что судьи собрались не для того, чтобы его слушать, и что тут никого не интересует, как Христос явился ему и призвал его. Едва начал говорить, как первосвященник «приказал бить его по устам». Павел знал, «что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев». Знал он и то, что саддукеи «говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признают и то и другое». И чтобы прекратить это бессмысленное собрание, Павел вдруг «возгласил: мужи братия! Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят». И мгновенно произошло разделение.

Павел произнес одну из частных истин христианства. А истина, даже неполная, имеет свойство сразу входить в душу и бороться за нее. И фарисеи как бы опомнились: с кем мы? с теми, кто проповедует вечную смерть? И против кого? против человека, который, как и мы, верит и в Ангелов, и в воскресение мертвых?

И в то же время истина, если она неполная, бессильна изменить душу. Всякое знание должно иметь твердую основу. Фарисеи отвергали воскресение Иисуса Христа, а между тем, только в этом событии — залог всеобщего воскресения. И поэтому пошумев и покричав, они снова сомкнули ряды против Павла.

Христианство же начинается не с частных истин. И не с той пользы, которую оно может принести обществу, и даже не с вопросов — возможно или невозможно вообще воскресение мертвых. Оно начинается только с Самого Иисуса Христа: с Его Божества, с Его Человечества, с Его реальной жизни на земле, реальной смерти, реального Воскресения и реального Вознесения на небо.

Христианство начинается с Иисуса Христа, Которого любили и за Которого умирали христиане, помня Его слова: «Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек».

Весь мир пронизан частными истинами веры, как бы множеством осколков драгоценной вазы. От этого он сотрясается, враждует, проливает кровь. А познавший Христа не станет ни с кем препираться; он просто выйдет из среды спорящих и враждующих и пойдет за Ним. И будут в сердце живые слова Христовы: «вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем».

О совершенной радости

Четверг **Ин. 16, 23–33**

Заканчивая Свою последнюю беседу, Господь сказал: «Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам; доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна».

Когда-то Бог явился царю Соломону и сказал: «проси, что дать тебе». И Соломон просил у Него «сердце разумное, чтобы судить народ... и различать, что добро, и что зло» (3Цар. 3, 5, 7). Так, Соломон сначала просил, а потом получил премудрость. Но теперь выходит наоборот: Господь уже все открыл Своим ученикам, всему научил их, и вот, как венец премудрости, дал эту последнюю заповедь: «Просите!» Как будто в этом единственная цель учения Христова, единственный предмет совершенной радости!

А разве не так? Разве не говорил Господь: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»? (Мф. 18, 3). Господь пришел, чтобы нам, которые возомнили себя взрослыми, ни в чем не нуждающимися, будто бы могущими обходиться без Отца, дать последнюю возможность —

опять стать Божьими детьми, в простоте сердца предстоять пред Ним, как тогда в Раю, просить и получать бесконечно больше того, что просим.

Быть сыном великого Отца, это не обязанность, это неосуществимая мечта. А Господь вдруг открывает эту возможность. Он приводит к Отцу и, ободряюще подталкивая, говорит: «будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас; ибо Отец Сам любит вас».

Кто-то из святых сказал, что не тот верит в Бога, кто говорит, что Он есть, а тот, кто просит и верит, что получит просимое. Между рассуждающим о Боге и молящимся Ему — огромная разница. Как для правителя Феста: иудеи спорят «о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждает, что Он жив». Ибо для просто рассуждающих о Боге Он мертв, а для молящихся Ему Он живой.

Ведь что происходит, когда человек в молитве призывает имя Божье? В этот миг исчезает время и пространство, рушатся стены и преграды, становятся бессильными бесы и их пособники, и мы — пред нашим Небесным Отцом!

Но есть одно необходимое условие: «Отец Сам любит вас», — сказал Господь. Но только потому любит, «что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога».

Да, наше право на молитву только в том, что мы Христовы, веруем в Него, знаем о Нем, учимся у Него. У христиан принято перед молитвой осенять себя крестным знамением. Это — как краткое и исчерпывающее свидетельство о праве на молитву. Осеняя себя крестным знамением, я как бы говорю: «Вот, Отче, на этом кресте Твоим Сыном за Меня заплачено, за все мои грехи, прошлые и будущие, заплачено с лихвой. Я знаю это, всегда помню, бесконечно ценю. Прости же меня!».

«Просите и получите», — говорит Господь. Поэтому, вставая утром на молитву, скажем себе: «вот, я приступаю к самому главному делу, без которого никакие другие дела не пойдут, как должно». И среди наших дневных занятий будем помнить, что вечером предстоит во всем отчитаться перед Богом. А отходя после молитвы ко сну, радостно помыслим о том моменте, когда Господь снова воздвигнет «во еже утренневати и славословити» Его державу.

«Просите и получите, — говорит Он, — чтобы радость ваша была совершенна!»

О буре и надежде

Пятница **Ин. 17, 18–26**
Деян. 27, 11–44

Вынужденное путешествие Апостола Павла в Рим было очень трудным. «Многие дни не было видно ни солнца, ни звезд, и продолжалась немалая буря». Дошло до того, что «исчезла всякая надежда». Был момент, когда «корабль сел на мель: нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн». Был момент, когда корабельщики «хотели бежать с корабля». Был момент, когда воины согласились умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал. И среди этого ужаса только один человек и сам сохраняет спокойствие, и другим помогает, хотя там и опытные моряки, и видавшие виды воины. А сам он кто? — узник, всего лишенный и отправленный на суд, который неизвестно чем кончится.

Но ведь Павел — один из тех, за кого Господь Иисус Христос посвятил «Себя, чтобы и они были освящены истиною», за кого молился перед тем, как принести Себя в жертву на всемирном жертвеннике Креста: «Отче!.. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир». Павла, как и двенадцать других, Господь послал Сам. Он явился ему и сказал: «Дерзай, Павел: ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян. 23, 11).

Господь послал Павла, как Отец послал и Его Самого: побеждать силой Креста. Поэтому, чем сильнее Павел унижен за Христа, тем более возвышен; чем крепче за Него связан, тем более свободен; чем больше вокруг опасностей, тем ярче на нем царская печать, делающая неприкосновенным. «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино».

Кажется, что Павел зависит от каждого человека, будь то воин или корабельщик. Но на самом деле именно ему «Бог даровал... всех плывущих с ним», и все они обязаны вольно или невольно способствовать его делу, «да уверует мир, что Ты послал Меня».

И не случайно как раз сегодня, вместе с рассказом о скорбном путешествии, звучит молитва Господа Иисуса Христа к Отцу. В этих двух чтениях соединено и самое тяжкое, и самое радостное. С одной стороны — непрерывно многие дни бушует буря, и разверзается бездна погибели.

А с другой — открывается бездна Божественной любви. Слова молитвы Бога Сына к Богу Отцу, как ступеньки спасительной лестницы, спускаются к страждущему, чтобы он мог войти в круг этой любви. «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них».

Эта лесенка идет к каждому из нас. Потому что Господь молит Отца не только об Апостолах: «не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их». И Церковь учит, чтобы мы в наших бедах вспоминали именно эту последнюю молитву Бога Сына к Богу Отцу, чтобы мы не с чужих слов, а своими ушами слышали, как постоянно живет, как пульсирует и дышит эта любовь Христова к Отцу и к верным Своим чадам.

О прощении Петра

Суббота **Ин. 21, 15–25**
Деян. 28, 1–31

Евангелист Иоанн Богослов рассказывает о третьем явлении воскресшего Господа Иисуса Христа.

Семеро, и среди них Петр, пошли ловить рыбу, и ничего в ту ночь не поймали. Наутро Господь предстал на берегу и велел снова закинуть сети. На этот раз вытащили много рыбы. А когда вышли на берег, их ждала приготовленная на костре еда. Когда обедали, Господь трижды спросил Петра, любит ли он Его?..

Читая это место, мы не можем не вспомнить другой эпизод из жизни Петра. Тоже был костер, только развели его

враги Господни. Тоже неподалеку был Господь, только не воскресший, а судимый и мучимый. Тоже рядом был Иоанн Богослов, который и провел Петра во двор первосвященника. И были, по существу, те же три вопроса, только заданные врагами Иисуса. Но там Петр трижды отрекся, сказав, что даже и не знает «человека сего». А здесь трижды сказал, что любит. И конечно же, три вопроса, которые задал ему Господь, в самой прямой связи с теми тремя вопросами. Христос пришел на этот раз специально ради Петра. Те три ответа лежали на Петре тяжелым грузом, и Господь пришел развязать его больную совесть.

Когда верят, спрашивают только один раз. А тут Господь — мало того, что спрашивает трижды, но и вопросы ставит как-то странно. Сначала спрашивает о силе любви: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» А во второй, и в третий раз спрашивает: а вообще, «любишь ли ты Меня?» Тогда, в саду первосвященника, Петру не верили, и с каждым повторным вопросом становилось все страшнее. После третьего наверное подумал, что вот, сейчас перестанут спрашивать и начнут бить и распинать.

Так и теперь. С каждым вопросом путь для Петра сужается, так что после третьего он весьма опечалился. Он наверное подумал: что же это такое? Третий раз спрашивает, хотя и Сам знает, что я люблю Его. Неужели Он даже Себе не верит?

А дальше — теснее. «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам, и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то простреш руки свои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какою смертию Петр прославит Бога». Когда тебя кто-то препоясывает, ты, чтобы не мешать, простираешь руки в стороны, как на кресте.

Получается, что и там страх распятия, и тут обещание того же. Господь восставил Петра и снова вывел на тесный путь, с которого тот сошел. Вывел и сказал: «Паси овец Моих и ... иди за Мною».

Церковь прославляет Петра как первоверховного Апостола. Но здесь речь не о вручении верховенства. И чтобы в этом не было сомнений, следующие строки Евангелия говорят: «Петр же, обратившись» и увидев «идущего за ним»

Иоанна Богослова, «говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: ... что тебе до того?» Что тебе до других? Сейчас речь только о тебе, «ты иди за Мной». Иди, как он шел и продолжает идти.

Это Евангелие читается в субботу накануне дня Пятидесятницы, когда на учеников Христовых сойдет Святой Дух. Каждый из нас перед своей собственной пятидесятницей, перед тем, как был крещен и получил благодать Святого Духа, тоже трижды отвечал на вопросы священника: «отрицаешься ли сатаны и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его?» Отрицаешься ли своего безбожного, богоотступнического прошлого? А потом каждый был спрошен: «Сочетаваешься ли Христу», как невеста жениху, чтобы всегда и во всем быть вместе?..

Звучит тройной, мучительный вопрос, как будто не слышат, как будто не верят. Это — чтобы до дна исчерпать твою решимость, чтоб почувствовал страх быть не услышанным и не принятым.

После крещения на тебя надели крест. И ты, когда придет время, «прострешь руки свои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь».

И наконец, через помазание святым миром со словами: «Печать дара Духа Святого. Аминь», — в тебя посеяли семя Святого Духа.

И теперь надо идти за Христом, идти не оглядываясь, независимо от того, как идут другие, и идут ли вообще.

Вспомним о наших отречениях и обетах. Еще раз переживем их, чтобы завтра благодать Святого Духа сильнее и живее коснулась нас.

ПЯТИДЕСЯТНИЦА

О единстве Церкви

Пятидесятница **Деян. 2, 1–11**
Ин. 7, 37–52, 8, 12

В этот день Святой Дух сошел на первых учеников Христовых. «При наступлении дня Пятидесятницы, все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с не-

ба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом их них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2, 1–4). Апостолы получили не только дар языков, но и другие обещанные дары: «Именем Моим будут изгонять бесов», «будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16, 17–18).

Подобные дары и раньше давались людям. Вчера, например, на вечернем богослужении мы слышали, как Бог послал Духа Своего на 70 избранных Моисеем мужей. А когда Дух Божий почил на Елисее, он смог и разделить иорданские воды, и от проказы очистить, и даже мертвого воскресить. И сами Апостолы еще до Пятидесятницы и бесов изгоняли, и огонь могли сводить с неба, и другие чудеса творить.

Но в Пятидесятницу совершилось великое и небывалое. В этот день Дух Святой сошел не для того, чтобы совершить какое-либо дело Промысла Божия. Вчера на утрени мы слышали слова, которые Господь еще никогда и никому не говорил: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: приимите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 21–23).

А сегодня Он обращается ко всем тем, к кому послал своих Апостолов: «Кто жаждет, иди ко Мне, и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал о Духе, Которого имели принять верующие в Него» (Ин. 7, 37–39).

На израильских старейшин Святой Дух излился, чтобы дать народу мудрых судей. На пророка Иону Он сошел, чтобы отвратить от греха жителей города Ниневии. А в Пятидесятницу Святой Дух излился, дабы положить на земле начало Единой Святой Соборной Апостольской Церкви. Поэтому он излился только на учеников Христовых, на тех, кто единодушно пребывал в одной горнице, под одной крышей, в едином молитвенном устремлении к Богу. Так Святой Дух сошел только в один единственный день, в одном единственном месте. На земле открылся один единс-

твенный источник живой воды, призванный напоить всю жаждущую вселенную.

Однажды, еще до Пятидесятницы, Апостол Иоанн спросил: «Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами» (Мк. 9, 38). Господь тогда ответил: «Не запрещайте ему». Теперь же Святой Дух подается только через тех, кто получил его в Пятидесятницу, подается или по их молитвам (Деян. 8, 15), или при их проповеди, как у Корнилия сотника, или сразу после крещения.

Почему же лишь один такой источник? Да потому что Бог Един, и путь к Нему может быть только единым. Чтобы жаждущие знали, куда идти; чтобы имеющие могли в простоте сердца дать, а не имеющие — не сомневаясь, получить. И когда преемник Апостолов, епископ или священник, помазал нас после крещения Святым миром, со словами «печать дара Духа Святого», — мы получили ту же благодать, что и Апостолы.

Оно в нас, это семя, полное животворящей силы. Оно прорастет и принесет плоды Духа, такие же, как и в Апостолах, — если потрудимся сделать землю своей души не такой холодной и сухой, как она есть.

Подумайте, какое сокровище мы носим в себе, и что будет, если Посеявший придет и увидит его в небрежении, среди всякой нечистоты! Подумайте, какая страшная будет беда, если Дух Святой со Своими небесными дарами так и останется Сам по Себе, а мы — сами по себе, со своими страстями, со своею суетой; если земная жизнь пролетит, а небесная так и не начнется?

Царю Небесный, очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша!

О чуде Пятидесятницы

Пятидесятница **Ин. 7, 37–52; 8, 12**
Деян. 2, 1–11

Сегодня праздник Пятидесятницы, день рождения на земле Церкви Христовой.

Ученики «находились единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра,

и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещать». Собранный необыкновенным шумом народ стал свидетелем и участником этого события. Он «пришел в смятение». «Все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились?» — И далее перечисляется полтора десятка разных наречий.

Но если бы Апостолы просто заговорили каждый на каком-то новом языке, то никто даже не расслышал бы ни единого слова. Чудо Пятидесятницы в том, что вообще вдруг исчезли языковые барьеры.

Кондак праздника напоминает, когда эти барьеры появились: когда «разделяше языки Вышний», чтобы прекратить безумное строительство Вавилонской башни. Теперь Господь, «огненные языки раздаяше, в соединение вся призва». И одновременно как бы исчезли стены дома, где находились Апостолы. Все народы, пришедшие в Иерусалим на праздник, вдруг оказались в этом месте. И все как бы все забыли, и одно только было и в них, и вокруг, и во всем мире: небесный голос говорил «о великих делах Божиих». Этот голос от Апостолов и исходил, и не исходил. Поэтому кто-то слышал их говорящих его наречием; а иные видели их как бы отчужденно от этого голоса, как бы не в себе, и, «насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина».

Чудо Пятидесятницы на миг показало людям, на что они способны в общении с Богом и друг с другом, для чего они созданы, к чему должны стремиться, и что такое Церковь.

Но только Апостолы остались в этой полноте, потому что только они были всему научены за три года общения с Господом Иисусом Христом. Дух Святой не соединяет тех, кто сам еще не стремится к единению, кто еще словесно не научен ни истинам веры, ни должному отношению друг к другу.

И Евангелие сегодня показывает не только образ Божественного единения людей, но и первый к нему человеческий шаг. Однажды в синедрионе, где снова возводились обви-

нения против Иисуса, встал праведный Никодим и сказал: «судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?»

Какое простое требование здравого смысла: выслушав обвинение, спроси обвиняемого, так ли это? А если не можешь спросить, или если он скажет «нет», и если вину нельзя доказать, то никто не смеет называть его виновным. Мы справедливо возмущаемся судом, который только на основании доноса уже готов обвинить. Но пока сами не разучимся сразу верить и поспешно передавать другим услышанное дурное о человеке, — до тех пор и нас будут судить таким же пристрастным, бесчеловечным судом. «Каким судом судите, таким будете судимы» (Мф. 7, 2).

И если на этом гнилом месте застанет нас Господь и разрушит оболочки наших душ, то мы окажемся в страшном смятении, потому что со всей ясностью обнажится наша чуждость и друг другу, и Самому Богу.

Поэтому когда кто-то будет говорить, писать, показывать недоброе о наших знакомых или незнакомых, о великих или малых мира сего, шептать на ухо или трубить на весь мир, — вспомним слова праведного Никодима: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушает его?»

Если мы неспособны даже на это, то никогда не будет для нас и высшего единения в любви во Святом Духе.

СЕДМИЦА 1-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О «малых», о согрешающих и о просящих

Понедельник Св. Духа **Еф. 5, 9–19**
Мф. 18, 10–20

Прошел первый день существования на земле Христовой Церкви. Вчера Святой Дух, сошед на Апостолов, сообщил полноту Божественных даров. Закончились праздничные дни, через неделю начнется Петров пост. Все совершилось, все дано, все открыто. Наступает время подвига, время тер-

пеливого вынашивания семени и принесения духовного плода, который «состоит во всякой благости, праведности и истине». И сегодня, в нарочитый день Святого Духа, Слово Божие дает первые наставления, как жить в Церкви, в этом сообществе верных, призванных, искупленных и освященных Богом.

Во-первых, «смотрите, не презирайте ни одного из малых сих». Кто эти «малые»? Как о них говорит Сам Господь? А Он говорит, что «Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного». Он говорит, что для того Он и пришел на землю, чтобы «взыскать и спасти погибшее». Он говорит, что если потеряется одна из Его овец, Он оставляет всех ради нее и найдя, «радуется о ней более, нежели о» всех остальных. Ясно, что для Господа «малых» нет, и Он хочет, чтобы и мы это помнили.

Но что делать, если брат причинил зло? Господь отвечает: «Если согрешит против тебя брат твой; пойди и обличи его между тобою и им одним. Если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего».

Вот, первым делом наедине, щадя самолюбие, веря, что он поступил не по злу, а по неведению, честно и прямо скажи ему. Мудрые люди советуют начинать подобные разговоры так: «Прости меня, брат, меня смущает то-то и то-то». Если он не признает вины, «возьми с собою еще одного, или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово». Может быть слово этих людей, как беспристрастных, будет для него более веским.

«Если же не послушает их, скажи церкви», всему собранию общины, или тому, кто уполномочен говорить от ее лица, кому дана власть судить, опираясь на слово Божие и на законы Вселенской Церкви. Если же и «Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь».

Мы обычно поступаем наоборот. С самим согрешившим промолчим, чтобы «не связываться». Найдем «одного или двух», чтобы дать волю осуждению и негодованию. А потом потихоньку донесем начальству.

Господь же учит и не бояться обличить в глаза, и найти силы порвать с упорным, чтобы не быть участником в чужих грехах.

Говорит Господь и о великой пользе того, что мы вместе, в единой церкви. Он говорит: «если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле; то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их».

Некоторые по лукавству или по недомыслию пытаются эти слова, обращенные к Церкви, обратить против нее. Но что значит «во имя Христово»? Это значит — благоговейно помнить все, чему Он учил. А Он и пришел, чтобы не на «двойки» и не на «тройки» был расчленен мир, но чтобы было «одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10, 16).

И еще сказано, чего бы ни попросили, будет нам. Но также сказано, прежде чем просить, «испытывайте, что благоугодно Богу». «Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы.

Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия; и не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, и славословиями, и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу».

О блаженствах

Вторник **Мф. 4, 25–5, 13**

Сегодня в церкви читается начало Нагорной проповеди Господа Иисуса Христа, так называемые «заповеди блаженств».

Увидев народ, Господь «взошел на гору; и когда сел, приступили к нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их». Но учение Его построено как-то странно. Вот на Синайской горе даны были заповеди, как прилично Богу: в огне, в дыме, в трубном звуке!

А здесь Господь не повелевает. Он даже как бы и не учит. Он даже как бы и не обращается к присутствующим, а говорит о каких-то «нищих духом», о каких-то «плачущих», о каких-то «кротких», которые «блаженны». Тем самым Господь дает людям возможность самим, без насилия, разглядеть в себе тончайшее движение угодных Богу чувств и настрое-

ний, и самим потянуться к обещанному блаженству. Господь дает возможность начать изнутри, от самой сердцевины.

Во-первых, Он говорит: «блаженны нищие духом», «блаженны плачущие», «блаженны кроткие». Блажен, кто первонаперво ощутил свою духовную нищету, свое отпадение от Бога, свое постыдное порабощение греху. Блажен, кто плачет об этом и только об этом. Блажен, кто ни на кого не гневается и только себя винит в своей беде. Блажен, кому открылась бездна собственной пустоты, и одновременно — как бы втягивающая сила, которая одна только способна привлечь и Божью благодать, и истинное утешение, и право владеть и управлять Божьим творением и, наконец, стяжать Царство Небесное.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды». Блажен, кто в своей духовной нищете ясно понял: он хочет только правды, какой бы суровой она ни была. Блажен, кто ощутил тягу к истинной духовной пище, к Слову Божию, к этому источнику всякой правды. Только слово, исходящее из уст Божиих, может насытить живую душу. Только Тот, Кто сотворил мир, может научить достойно в нем жить.

Далее Господь ублажает тех, в ком засверкали кристаллики Божественной соли: водворились милость, чистота сердца, желание и способность поддерживать мир и внутри и вокруг себя, и кто теперь может рассчитывать и на помилование, и на видение Бога, и на усыновление Ему.

А по-настоящему соль Господня видна только в искушениях.

То, что обещано было в самом начале, подтверждается только в конце, после испытания: «Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство Небесное». Только тут Господь обращается прямо к слушателям, как бы только теперь увидев их, только теперь обретших истинное бытие: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески несправедливо злословить за Меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли».

Заповеди блаженств поются на каждой Литургии, когда священник совершает вход с Евангелием. Евангелие, это Сам Христос, снова и снова идущий на проповедь, вернее, это нескончаемое продолжение той единственной проповеди. А «соль земли», это снова и снова вы, которые стоите здесь,

слушаете Его слово и участвуете в Его Таинствах. Другого места образования Божией соли нет. Став здесь, вы взяли на себя обязанность быть солью, сохранять землю от порчи и разложения. В этом теперь ваша главная задача, ваша главная ценность.

Тихо звучат Господни слова. Но если их не расслышишь, если постояв у этой горы, снова отступишь от нее, то не вернешься на прежнее место, откуда пришел. Теперь, по слову Апостола, вернешься уже как пес на свою нечистоту (2 Пет. 2, 22), и будешь лишь солью, потерявшей силу, которая уже «ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям».

О дубе и о желудях

Среда **Мф. 5, 20–26**
Рим. 1, 18–27

Господь сказал: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). И это в первую очередь относится к деланию того, что называется «добром». А «без Меня» означает не только «без Моей помощи», но и «без Моего повеления». А прежде всего — «без познания Меня».

Бог сначала вывел Свой народ из рабства со многими знамениями и чудесами, и только потом сказал: «Не убивай; кто же убьет, подлежит суду».

А когда Он еще более приблизился к людям, Сам стал Человеком, жил рядом с людьми, — тут Он и законы дал более глубокие, сказав: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду».

Чем ближе Бог, тем, разумеется, ближе к Нему должен быть и человек. Поэтому и говорит Господь Своим новозаветным слушателям: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев» (то есть ветхозаветных праведников, воспитанных на прежнем, менее полном откровении Бога), «то вы не войдете в Царство Небесное».

Так Господь учил Свой народ, с которого должно было начаться спасение и всех остальных народов. Но и о тех Он никогда не забывал. И хотя они не видели всего, что дано было видеть народу израильскому, но Дух Святой устами Апостола свидетельствует: «что можно знать о Боге, явно

для них: потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны». Вот, Богодухновенный Апостол указывает на весь мир, как на откровение Божие, как на величайшее чудо, где на всем — печать единого Творца. Апостол утверждает, что видящие творение и не познавшие Творца — безответны, не могут иметь никаких оправданий. Среди язычников всегда были люди, которые правильно учили о Боге. Один греческий мудрец задолго до пришествия Христова говорил: «Один есть Бог, ни видом, ни мыслию не похожий на смертных; Он весь — зрение, весь — слух, весь — мысль, и без труда Он господствует над миром Своим умом».

Но так думали немногие. В основном же люди «осуетились в умствованиях своих». История сохранила огромное разнообразие заблуждений: от совершенного безбожия, и до всяких извращенных представлений. Люди «славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца». Поэтому и «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою».

Всякое ложное мнение о Боге неизбежно влечет не только духовное, но и телесное растление. Так и о Своем народе Бог однажды говорил через пророка: «Истреблен будет народ мой... Будут есть и не насытятся; будут блудить и не размножатся... Блуд, вино и напитки завладеют сердцем их». И все это именно «за недостаток ведения», за то, что «оставили служение Господу» (Ос. 4, 6, 10, 11). Когда человеческая природа теряет в Едином Боге центр своего бытия, она становится беззащитной и перед бесами, и перед страстями. Она начинает расползаться во все стороны. Бог может либо временно остановить этот процесс, либо отпустить. Когда попускается второе, тогда греховное растление выступает из берегов, так что они «сквернят сами свои тела», разжигаются «похотию друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам, и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение».

Так что едва человек отступил от Бога, «тайна беззакония уже в действии» (2 Сол. 2, 7). И если еще сохраняется внешнее благообразие, значит Господь по Своей милости пока не допускает пожать посеянное.

А рассуждая при этом о нравственности, гуманности и духовности, богоотступники только подбирают желуди, некогда упавшие на землю с древа Божественного откровения.

Поднимем же голову, взглянем вверх, чтобы увидеть, откуда что нам дается, чтобы наконец перестать подрывать корни, обрекая самих себя и своих детей на голодную смерть.

О чужой и о своей жене

Четверг **Мф. 5, 27–32**
Рим. 1, 28–2, 9

Апостол Павел продолжает показывать связь между знанием Бога и нравственностью. И мы видим, что после пришествия Христова — мало познать Бога и прославить Его (Рим. 1, 21). Мало — даже поклониться и служить Ему (Рим. 1, 25).

Необходимо еще и постоянно «иметь Бога в разуме». Если человек не содержит в разуме единое на потребу, то разум занят всяким непотребством. Он исполнен «всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы».

Желая вселить в человеческий разум здравые понятия, Господь говорит: «Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». При этом «если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

Глаз, рука, это непосредственные орудия души, и они должны быть в строгом повиновении.

Итак, Господь осудил наравне с грехом и самое желание греха. Но тут неизбежен вопрос: не то же ли самое испы-

тывает человек, желая свою, законную жену, что он испытывает, желая чужую? И не скажет ли далее Господь, что и вообще всякое стремление к женщине есть грех, и надо или не жениться, или немедленно разойтись?..

Но слышим другое. Развод, оказывается, был только допущен по несовершенству древних. А теперь Господь говорит: «Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует». С одной стороны, предписывается даже мысли не иметь о чужой жене, а с другой — даже мысли не иметь оставить свою. Хотя вожделение к женщине лежит в основе как прелюбодеяния, так и брака.

Как разрешить этот вопрос? Природа пола есть природа самого человека. Это великая сила и великая тайна. Премудрый Соломон, говоря о четырех непостижимых для себя вещах, называл среди них «путь мужчины к девице» (Притч. 30, 19). И Господь не говорит о том, чего мы не можем вместить, а только показывает пути, которыми можно провести свой корабль через эту стихию. И один из этих путей — путь брачной жизни. «Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7, 9).

Христианский брак отличается нерасторжимостью, уважением друг в друге образа и подобия Божьего. И если до смерти оба пребывают и пред Богом, и друг с другом, то в этой верности сама собой перегорает всякая нечистота в отношениях между мужем и женой.

А глазу и руке, едва они захотят уклониться в своеволие и произвести соблазн, надо тут же напомнить совет, который нам дал Господь. Пусть и глаз, и рука знают, что мы предпочтем без них войти в Царствие Небесное, нежели с ними быть ввергенными в геенну огненную!

О двух болезнях

Пятница **Мф. 5, 33–41**
Рим. 2, 14–29

В послании к римлянам Апостол часто сопоставляет иудеев и язычников. Он показывает, что никто не обделен Божьей заботой.

Иудеям Бог открылся как единый Бог, дал закон и богослужение, дал заповеди о добре и зле.

Но и другие народы Он не оставил. И в их сердца Он вложил способность познания и Самого Бога, и того, что Ему угодно. Он каждому дал разум, чтобы из рассматривания тварей познавать премудрость Творца (Рим. 1, 20). Он дал каждому и нравственное чувство: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую».

Но Апостол с горечью отмечает, что язычники до предела заглушили в себе голос совести. А иудеи не столько стараются о выполнении заповедей, сколько гордятся, что эти заповеди им даны: «Вот, ты называешься иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, и уверен в себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины. Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? Гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога»?

И если бы не пришел Христос, то иудеи, «которые под законом согрешили», были бы осуждены по этому закону, а язычники, «которые, не имея закона, согрешили», вне закона и погибли бы (Рим. 2, 12).

Но иудейство и язычество, это не только религиозные группы того времени; это две вечные болезни человеческого духа. В каждом, в большей или меньшей степени, живут как иудей, так и язычник. Язычник старается на все закрыть глаза, чтобы можно было сказать: я не виноват, мне не говорили, меня не предупреждали. Язычник старается все свалить на судьбу, на предопределение, на расположение звезд и планет, на роковую нашу зависимость от всего на свете. А гордый иудей, если уж увидит что-нибудь, или поймет, или усвоит, сразу ставит это себе в заслугу, в повод превозноситься над другими, дескать, «именно меня избрал

Господь и привел в Свою церковь, именно мне Он открыл Свои законы!..» Как будто законы даются в награду, а не для того, чтобы их выполнять.

И мы часто вполне по-иудейски осуждаем неверующих, негодуем на них, что закона Божьего не хотят знать. И при этом вполне по-язычески сами толком не знаем наших христианских законов. Если не убиваем, не крадем, не прелюбодействуем, если даже не курим и не пьем, — разве этого достаточно для усыновленных Богом?

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». — Вот к чему еще даже не приступали.

Нам, новому Израилю, Своей Церкви, собранной из всех народов, Господь дал и Свое учение, дал и совесть. Будем же внимательно читать Слово Божие, чтобы оно будило нашу спящую совесть. И будем стараться, чтобы каждое движение пробуждающейся совести сразу бы находило твердую опору в Божественной заповеди.

О православии

Суббота **Мф. 5, 42–48**
Рим. 1, 7–12

В Евангелии есть разные заповеди. Одни — общие с другими религиями и с теми обычаями, которые стали общечеловеческими. А перед другими — даже считающий себя верующим стоит в недоумении. Так, когда слышим: «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся», — у мирского «здравого смысла» сразу — вопросы: любому ли просящему давать? А не на водку ли он просит? А отдаст ли вовремя? А не развратит ли его моя доброта?

А история Церкви приводит удивительные примеры. Филарет Милостивый, неуклонно выполняя эту заповедь, поначалу совсем разорил свою семью. Его не остановили ни укоры жены, ни ропот детей, потому что он твердо усвоил,

что выполнить данную Богом заповедь, это лучшее проявление заботы о семье. Так и вышло: Господь и его прославил, и семью обогатил. А главное, во всех умножилась вера в неусыпный Божий Промысел.

Был еще Александрийский патриарх Иоанн Милостивый. Когда он шел по городу, его служитель нес мешок с деньгами, и по слову Иоанна давал просящим. Подошел нищий. Иоанн велел дать. Проситель обежал вокруг квартала и снова подошел. Иоанн снова велел дать. Тот забежал и в третий раз. Служитель не выдержал: «Владыка! этот наглец уже третий раз подходит». Тогда святой человек говорит: «Дай ему вдвойне: уж не Христос ли мой меня искушает?» Вот как можно выполнять эту заповедь.

А дальше Господь заповедует такое, что уж совсем не укладывается в мирской «здравый смысл»: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Кто может любить желающих сжить его со света? Только тот, кто, еще будучи здесь, уже утвердил свое жительство на небе, кто сердцем уже там, где Христос одесную Бога.

В истории Церкви много и таких примеров. Вот умирает старый монах. Вокруг собрались духовные братья, а он просит позвать соседа, который постоянно делал ему зло. Тот приходит, и монах начинает целовать ему руки, говоря: «Братия! вот этими руками вхожу я ныне в Царствие Небесное!»

Известный афонский подвижник Силуан говорил, что главное отличие православного от любого другого, называющего себя христианином, это отношение к врагам: любишь ли ты их?

Православный — тот, кто право славит Бога, чьей жизнью Бог настолько прославляется, что люди вокруг тоже начинают веровать и славить Его.

Если за слабой нищенской рукой видим могучую руку Небесного Хозяина, то люди тоже будут ее видеть.

Если в своих мучителях и врагах видим несчастных, которые губят только себя, а нас приближают к вечному блаженству, то каждый, глядя на нас, от всего сердца воскликнет: «Благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире»!

О тайне и о суде святых

Неделя 1-я, Всех Святых **Мф. 10, 32–33; 37–38; 19, 27–30 Евр. 11, 33–12, 2**

В первое воскресение после сошествия Святого Духа совершается праздник в честь всех святых.

Для мира жизнь и подвиги святых — непостижимая тайна. Мир недоумевает, читая о людях, которые «испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке; умирали от меча; скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления», «скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли». Мир вопрошает: «Зачем это? К чему этот фанатизм?»

Есть некая тайна святых, не разгадав которую, невозможно понять их удивительную стойкость и верность. Сегодняшнее Евангелие в немногих словах дает ключ к этой тайне. Церковь напоминает два изречения Господа Иисуса Христа: «всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным». И другое: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня». Вот, собственно, и вся тайна.

Просто те, кого мы называем святыми, приняли Иисуса Христа не как «идеал», не как «принцип», не как «энергию», но как живую Личность. Они выбрали Его и не побоялись ввести в общество тех, для кого Он или ничто, или нечто туманное и неопределенное. Отныне кто бы ни сказал: «выбирай: я или Христос», — они не колеблясь выберут Христа. Поэтому и Христос исповедует их пред Отцом Небесным. Поэтому дает им и силу, и терпение. Поэтому когда придет время последнего Страшного суда, «когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей», сядут и они «на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых».

Тогда Господь говорил только об Апостолах, потому что тогда только они были в числе Его учеников. Потом будет сказано, что и все «святые будут судить», и не только двенадцать колен Израилевых, но и весь «мир» (1 Кор. 6, 2).

И суд святых в том, что будет Христос; будут они, которые выбрали Его и последовали за Ним в Его уничижении. И будут те, которые не выбрали, погнушались, постыдились, побоялись. А Он — вот, с Отцом Небесным, со Святым Духом, со святыми Ангелами. Весь слава, весь могущество, весь любовь. Весь такой, каким, собственно, и был всегда. Вот и весь суд.

Но, слава долготерпеливому Богу, еще есть время для покаяния. Святые уже выбрали, а мы еще колеблемся. Святые уже дошли, а мы еще идем. Святые уже восстали совершенным восстанием, а мы еще падаем и встаем, встаем и снова падаем...

Но, «имея вокруг себя такое облако свидетелей, ... с терпением будем проходить предлежащее нам поприще».

СЕДМИЦА 2-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О лукавстве

Понедельник **Мф. 6, 31–34;7, 9–11**
Рим. 2, 28–3, 9

Апостол пишет в послании к Римлянам: «Бог верен, а всякий человек лжив». И пророк Давид свидетельствует: «нет праведного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны».

И вот, проповедник Христов стоит пред лицом этой всеобщей человеческой неверности. Даже сынам богоизбранного народа он должен доказывать, что они напрасно надеются на свое избранничество, и на обрезание, как на внешний знак этого избранничества, если сердца их не принадлежат Богу. «Ибо не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, по плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве».

Но тут же Апостол говорит, что все-таки и к избранничеству по плоти, и к обрезанию нельзя относиться пренебрежительно. «Итак, какое преимущество быть иудеем, или какая польза от обрезания?

Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие».

Конечно, обрезание в Новом Завете утратило свое значение.

Но дело в том, что лукавый человек вообще лишь до тех пор дорожит внешними знаками, пока они являются знаками избранничества и господства. Но как только начинает чувствовать, что они становятся знаками подчиненности и ответственности, тут же уходит в другую крайность: начинает утверждать, что внешнее вообще ничто, а важно только то, что «в душе». И — ускользает от положительной религии в безответственный идеализм.

Наше лукавство бесконечно. И если даже прижат в угол, если ничего не можешь возразить против факта своей вины, — можно придумать и такой поистине сатанинский «логический» ход: да, мы грешники; да, во всем видна наша неправда. Но если так, если «наша неправда открывает» и подчеркивает «правду Божию, то что скажем? Не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев?» «Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? и не делать ли нам зло, чтобы вышло добро?...» И открывается бесконечный путь делания зла. Бог же заведомо объявляется несправедливым, если вздумает изъявлять гнев.

Некоторые так и понимали христианство, и злословили христиан, будто они учат специально делать «зло, чтобы вышло добро».

Что же, действительно, даже величайшее зло богоубийства Бог обратил в величайшее благо спасения человечества. «Бог верен» Своему творению. Даже еще не искупленным и не примиренным Он с отеческой заботой говорит: «не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? ... потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом». «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? ... Итак, если вы, будучи злы, умее-

те даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Ваш Небесный...»

Но оттого что Бог верен и человеколюбив, зло не становится добром, ложь не становится правдой, и богоубийство не становится боголюбием. Бог не нуждается в тьме, которая бы выгодно оттеняла Его присносущный свет, и тьме нечем гордиться и не на что надеяться, а напротив: «праведен суд на таковых». Наше лукавство всегда обернется к нашему посрамлению. Да и зачем оно, если Отец Небесный, в отеческой простоте, и так всегда «даст блага просящим у Него».

О добрых и о худых плодах

Вторник **Мф. 7, 15–21**
Рим. 4, 4–12

Господь предостерегает от ложных пророков, которые приходят «в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные». Господь говорит, что они узнаются по плодам, ибо «всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые». Причем, у истинного пророка добрые плоды произрастают даже на самой неблагоприятной почве.

Апостол сегодня продолжает говорить о иудеях и язычниках, о вере и законе, о обрезании и не обрезании. Чему же он учит, и каковы плоды его учения? Вот, он показывает, что все люди одинаково под грехом, что все во Адаме согрешили. Он показывает также, что и спасение все мы находим только во Христе. Ясно, что Апостол старается соединить во Христе весь рассеянный человеческий род.

Но вот он касается Авраама. Авраам, это как раз тот, кого Бог избрал, выделил из всех и дал заповедь обрезания, как внешний знак вечного избранничества. Авраам для его потомков, евреев, стал символом вечного разделения. На этом держалась иудейская гордость: «Мы чада Авраамовы», и в этом все!

Но сказав, что Аврааму его глубокая вера вменилась в праведность, и что «блажен человек, которому Господь не вменит греха», Апостол неожиданно спрашивает: «Блаженство сие относится к обрезанию или к необрезанию? Мы гово-

рим, что Аврааму вера его вменилась в праведность. Когда вменилась? по обрезании или до обрезания?» И сразу видим, что «не по обрезании, а до обрезания!» Сначала Авраам был в том же положении, как и все люди. Бог избрал его не по пристрастию, а за то, что Авраам именно имел настоящую веру, которая, собственно, и вменилась ему в праведность.

И оказывается, что Авраам не только родоначальник богоизбранного народа, не только «отец обрезанных», но истинный отец и «всех верующих в необрезании, чтобы и им вменилась праведность». В том, что разделяло, Апостол увидел то, что как раз объединяет. И он показал, что Господь не отвергает никого из необрезанных, как не отверг необрезанного Авраама. А обрезанному, но не ходящему «по следам отца нашего Авраама», вовсе нечем превозноситься. «Неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников».

Так, истинный пророк приносит плод единения в мире, собирает рассеянное, упраздняет повод для превозношения и вражды.

А что скажем о тех, кто, наоборот, уже после Христа, пытается внести разделение в уже единую церковь, кто пытается снова какой-либо народ провозгласить особым, богоизбранным народом, который будто бы должен принести спасение другим? Не сеет ли он как раз те семена, плодом которых будет пустое самообольщение?

«По плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного».

О вере Авраама

Среда **Мф. 7, 21–23**
Рим. 4, 13–25

Апостол Павел говорит, что вера человеку вменяется в праведность, и указывает на святого праведного Авраама, как на замечательный пример веры в Бога. Апостол даже называет Авраама «отцом всех верующих» (Рим. 4, 11).

Вера, это первая добродетель. Без веры угодить Богу невозможно. Да никто и не будет выполнять Божьи заповеди,

если сначала не уверует, что Он вообще есть, и что Ему не безразличны ищущие Его (Евр. 11, 6).

Вообще вера не есть что-то необыкновенное. На вере строятся все отношения между людьми. Мы живем с человеком под одной крышей, делаем одно дело потому что верим, что он не причинит зла и не оставит в трудную минуту.

Так и отношения человека с Богом строятся на вере. С самого начала, как Бог сотворил первых людей, Он окружил их великими дарами. И люди, принимая эти дары, должны были верить, что впереди их ожидают дары еще большие. И верить тогда было очень легко. Потому так и ужасен грех неверия, который допустили первые люди. Грех сразу исказил как самого человека, так и весь мир. И если для Адама вера была нормальным делом, а неверие — противоестественным, то для Авраама, который жил на несколько тысячелетий позже, вера стала уже настоящим подвигом, которому не устаем удивляться.

Авраам, по велению Божию, оставил родную землю, оставил близких и отправился в незнакомую страну. Он не усомнился, когда Бог обещал, что от него и от Сарры, почти столетних, родится сын. Не поколебался Авраам и когда Бог повелел ему принести этого долгожданного сына в жертву всесожжения. Неверующий скажет: «Какое неразумие — уходить из родной земли навстречу неизвестности! Какая нелепость — ждать, что от столетних родится ребенок! И особенно — какое изуверство — зарезать и сжечь собственного сына!»

Да и мы, считающие себя верующими, не можем без содрогания читать об этом. Мы хотим думать, что это только притча, только некое иносказание. Но это событие происходило именно так, как описывает Библия: Авраам привел сына на гору, связал, возложил на дрова и занес руку с ножом. Авраам верил, что от Бога не может исходить зла; верил, что Создавший небо и землю, Создавший естество всякой твари, может и изменить чин естества: может и ребенка дать в глубокой старости, может и воскресить, если он умрет. А воля Божья должна быть выполнена. Именно эта воля дает жизнь, и только пребывающий в Божьей воле имеет надежду сохранить жизнь и себе, и своим ближним. И Авраам уже занес нож над сыном, когда Господь остановил его руку. Так Авраам оправдался верою. Не делами, потому что во всех

этих делах: и в оставлении отечества, и в готовности убить сына — в самих по себе, действительно, нет ничего достойного похвалы и подражания. Велико то, что он совершал эти дела по послушанию Богу, по вере в Него.

Будем же просить у Бога веры, этого главного сокровища, без которого ничто на свете не принесет пользы. Будем неустанно молить, как некогда Апостолы: «Господи, умножь в нас веру!» И верим, что Он не оттолкнет, если увидит, что действительно, больше всего на свете желаем получить то, чего просим.

О «основаниях»

Рождество Иоанна Крестителя **Лк. 1, 5–25, 57–68, 76, 80**
Рим. 13, 12–14, 4

О проповеди Иоанна Крестителя пишут все евангелисты, а о чудесном его зачатии и рождестве только Лука. Адресуя свое Евангелие некоему Феофилу, он обещал, «по тщательном исследовании всего сначала, по порядку», сообщить «твердое основание того учения», в котором тот уже был наставлен (Лк. 1, 3–4). И в самых первых строках он пишет о священнике Захарии и жене его Елизавете, которые «были праведны пред Богом». Они были бездетны, а бездетность в Божьем народе считалась проклятием, и такие были в поношении у людей. И вот они дожили до старости, потеряв надежду на чадородие. Бог как бы отвернулся от них, а они все хранили Ему верность, «поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно». Вот, были такие верные Богу люди на земле, и это стало основанием милости Божией, основанием схождения Бога в мир.

А когда Архангел возвестил Захарии о том, что у него родится сын, предназначенный возвратить непокорным «образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный», Захария изумился: «По чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных». И вот — основание, на котором Бог начинает непосредственно созидать дом нашего спасения: это... человеческое бессилие и человеческое бесплодие. Это — чтобы здание было прочнее, чтобы никакая человеческая глина не примешалась к Божественному камню. Это — чтобы «никакая плоть не хвалилась пред

Богом» (1 Кор. 1, 29). Чтобы Захария и Елизавета, ощутив силу Промысла Божия в зачатии и рождестве Иоанна, ни на минуту не забывали, что на младенце рука Божия, и не мешали бы этой руке вести его.

В рождестве Иоанна мы видим основание той веры и готовности, с которой, когда потом он вышел на проповедь, «выходили к нему» люди. Потому что все связанное с его чудесным рождеством происходило на виду у всех. Когда Архангел говорил с Захарией, народ ожидал его «и дивился, что он медлит в храме». Когда он, опаленный небесным страхом и пораженный немотой, вышел, то все «поняли, что он видел видение». Многие были свидетелями и чудесного разрешения от бремени Елизаветы, и чудесного разрешения от немоты Захарии, и того пророчества, которое он изрек о своем сыне. «И был страх на всех, живущих вокруг них; и рассказывали обо всем этом по всей нагорной стране Иудейской. Все слышавшие положили это на сердце своем». Тридцать лет ждал народ, «что будет младенец сей?» А он, к тому же, находился в пустынях до дня явления своего Израилю. За это время истина обросла слухами, реальность стала похожей на легенду, и весь народ всколыхнулся, как только он вышел «пред лицом Господа — приготовить пути Ему».

Итак, «ночь прошла, а день приблизился», тот самый «День Господень, великий и страшный» (Иоиль 2, 31), о котором полторы тысячи лет предвозвещали пророки.

А путь Господу можем приготовить только так: «отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти».

О пребывании в грехе и в благодати

Четверг **Мф. 8, 23–27**
Рим. 5, 10–16

Сегодня слово Божие говорит о пути греха и о пути благодати. О пути греха говорится, что «одним человеком грех

вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили». Также и «благодать Божия, и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих».

Как это может быть? Справедливо ли расплачиваться за грех прародителей? И как это может добродетель одного распространиться на всех?

Но, во-первых, у Бога, Который есть Любовь, может ли быть хоть малейшая несправедливость? «Судия всей земли поступит ли неправосудно?» — спросил однажды Авраам (Быт. 18, 25). И Господь ответил, что Он не погубит целого нечестивого города, если там найдется хотя бы десяток праведников! А когда Господь выводил из обреченного Содома единственного праведника, Лота с его семейством, то поторапливал, говоря: «Поспешай... ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь» в безопасное место (Быт. 19, 22). Даже с одним человеком Всемогущий Бог не может поступить несправедливо. Как же Он мог за грех одного наказать всех?

Не за грех Адама мы расплачиваемся; мы сами «в нем все согрешили». Но как я мог согрешить в нем? Разве все миллиарды душ, имеющих родиться, и моя в том числе, были тогда в душе Адама, и все добровольно согласились на грех? Моя душа не помнит этого. Но вместе с тем я остро чувствую, что все-таки вина Адама есть реально и существенно — моя вина. Разве я не вижу в себе греховной воли, глубоко солидарной с волей первого человека? Разве для меня отвергнуться этой своей греховной воли — не то же самое, что отвергнуться самого себя? Разве я не сделал бы того же? Разве я не делаю постоянно и более того?

А каким образом «благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих»? Сегодня мы читали, как ученики переправлялись через море. Господь тоже был в лодке и, видимо, спал. Поднялась буря, ученики возопили: «Господи! спаси нас, погибаем». Подобно как мы порой в отчаянном напряжении ума восклицаем: «Как могло случиться то или иное, где же Бог и Его благодать?» Господь укорил учеников в маловерии: они забыли, с Кем удостоились плыть в одной лодке.

Глубоко таинственна связь между людьми. Таинственно передается жизнь в плотском рождении, и вместе с ней таинственно передаются грех и смерть. Но и праведность, и благодать одного — тоже таинственно охватывает многих. Она — как единая лодка, как единый ковчег посреди бушующих волн. Выбрал Христа, все оставил, чтобы плыть вместе с Ним, и ты под покровом Его благодати. И если даже «смертию Его», когда Он, кажется, не видит и не слышит (сон — сестра смерти), Апостолы все равно были в безопасности, «то тем более... спасемся жизнью Его», если только пребудем в ковчеге Его Церкви.

О вине и мехах

Пятница **Мф. 9, 14–17**
Рим. 5, 17–6, 2

Однажды подошли к Господу Иисусу Христу ученики Иоанна Крестителя и спросили: «Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься».

Господь, конечно, не ответил бы так, если бы регулярные посты были в числе прямых установлений Моисеева закона, ибо все это Он соблюдал тщательно. Пост, это естественное выражение чувства печали. Непосредственное чувство, это как бы вино, а пост — как бы мехи, необходимые для сбережения этого вина. Так и Давид постился, желая сохранить свое больное дитя, и ниневитяне постились, желая вернуть милосердие Божие. Иоанн Креститель по глаголу Божию в строгом посте проходил свое служение. А фарисеи, претендующие на особенное благочестие, установили для себя регулярные посты. Вспомним, как фарисей в притче гордился, что он постится два раза в неделю (Лк. 18, 12). В общем, в каждых мехах было свое вино. И ученики Иоанновы подошли к Иисусу со своими мехами, предполагая, что лучше этого вина ничего нет, и не может быть.

Но Господь поведал о новом, молодом вине, которое уже есть, и которое невозможно вливать в мехи ветхие, потому что «иначе прорвутся мехи, и вино вытекает, и мехи пропа-

дают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое».

Господь напомнил и о том, что, кроме вина, есть еще и жених, от которого на пиру зависит все. Жених этот, и это молодое вино — Сам Господь Иисус Христос. Потому что только правдой Его одного — «всем человекам оправдание к жизни»; только послушанием Его «сделаются праведными многие», и только приемлющие от Него обилие благодати и дар праведности будут «ходить в обновленной жизни». И не может быть печали, когда Он приходит. Но на время Он уйдет, и снова наступит время печали.

Все наши посты — вокруг нашего Небесного Жениха. Пост перед Рождеством, это пост в ожидании Его пришествия на землю. Великий пост, это пост нашего сострадания Его страданиям за наши грехи. А когда Он дается и возвращается в Рождестве и в Воскресении, поста нет.

Пост святых Апостолов, это пост души, желающей достойно послужить Ему.

А Успенский пост, это томление души, желающей скорее и навсегда соединиться с Ним.

Кроме того, постимся каждую среду, потому что в этот день Господь был предан и продан врагам. Постимся и каждую пятницу: в этот день Он был распят и отнят. Всякое же воскресение — переживание великой радости его возвращения.

Так, в наших постах и праздниках, как в новых мехах, хранится молодое вино радости о Боге Спасителе нашем. И мы готовимся к окончательной и великой встрече, чтобы вместе с Ним «пить новое вино в Царствии Божием» (Мк. 14, 25).

О трех сторонах правды

Суббота **Мф. 7, 1–8**
Рим. 3, 19–26

Все мы много говорим о правде: требуем правды, ищем ее, боремся за нее, вздыхаем по ней. Но когда наши искания сталкиваются, оказывается, что у одного правда одна, у другого другая. Шли, казалось бы, к одной цели, и вдруг

оказались непримиримыми врагами. Значит, или не искали правду, или нашли вовсе не ее.

А ныне — вот, она сама явилась. «Ныне, — пишет Апостол, — явилась правда Божия, о которой свидетельствует закон и пророки». Правда эта одна «во всех и на всех».

Во-первых, она в том, что правых среди нас нет, что «все согрешили и лишены правды Божией». И если даже народ, получивший от Бога самый справедливый закон, не спасался, а только обличался этим законом, то уж конечно, «заграждаются всякие уста», и весь мир становится «виновен перед Богом».

А тому, кто хотел бы выделиться из всего подсудного человечества и сам стать судьей, Господь показывает его сугубую подсудность: «И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучек из глаза твоего»; а вот, в твоем глазу бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего».

Но как же вынуть это проклятое бревно, как, наконец, стать правым перед Богом?..

Пока мы размышляли, с какой стороны начать, мы вдруг услышали неожиданную весть: оказывается, Господь уже объявил всех оправданными, и призывает только прийти и получить это «оправдание даром, по благодати Его»!

Это вторая сторона правды. И она показалась бы совершенно невероятной, если бы Апостол тут же не открыл и третьей стороны правды: оказывается, получаем мы свое оправдание хотя и даром, но «искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его».

Всегда удивительно, что кто-то ни с того ни с сего за тебя заплатил. Но узнать, что за твою грешную жизнь заплачено жизнью Единого Безгрешного, это каково?!

Причем, эта плата совершенно достаточна и для прощения «грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия», и для всех, приходящих к Нему «в настоящее время».

Вот перед нами правда, и другой нет, и не может быть. Вот три факта: твоя вина, твое прощение; цена, заплаченная за тебя. Эту правду надо принять, усвоить и жить, исходя

из нее. Эта правда была, есть и будет, независимо от того, хочешь этого или не хочешь. Но если примешь ее, она будет и твоей правдой, правдой твоего спасения. Иными словами, она действует только «во всех и на всех верующих». Потому что жертва Христова, принесенная две тысячи лет назад, ныне для нас открывается только «через веру»; и благодать прощения и усыновления сходит только на «верующего в Иисуса».

Вот правда Божия. Мы думаем, она за тридевять земель, а она всегда рядом. Мы ищем ее, чтобы защититься от других, а она вдруг оказывается против нас. Мы порой перестаем верить в нее, а она вдруг непобедимо вторгается в жизнь.

Будем же искать ее бескорыстно, имея решимость смиренно войти в нее. Будем готовы и грехи свои признать, и сораспяться Христу, и смиренно получить, как получают нищие, даром, не имея никакой надежды когда-нибудь гордо и с достоинством отдать долг.

О Царствии Небесном и царстве земном

Неделя 2-я, Всех святых, в земле Российской просиявших — ***Мф. 4, 18–23*** **Рим. 2, 10–16**

В прошлое воскресенье мы со всею Церковью праздновали память всех святых, от века Богу угодивших. А ныне — особо — творим память святых, в земле Российской просиявших.

«Слава и честь и мир всякому, делающему доброе!»

Но как любовь ко всему человечеству начинается с любви к родным, так и почитание всех святых невозможно без почитания, в первую очередь, святых своей земли. Мы можем посещать места их подвигов, которые доселе посещает их дух. Мы можем молиться у их мощей, прославленных многими чудесами. Мы благоговейно созерцаем предметы, когда-то освященные их прикосновением, берем целебную воду из источников, возникших по их молитвам. Можно бы назвать не один город на месте бедной кельи, когда-то построенной одиноким отшельником. Преподобный уходил

в пустынные леса работать Единому Богу, а мир смиренно тянулся за ним; люди селились вокруг, чтобы пользоваться духовным руководством. И постепенно возникал белокаменный монастырь, а потом и целый город.

Смиренные иноки мечтали о уединенных подвигах и молитвах, но по послушанию становились епископами, митрополитами, патриархами. Они собирали народ вокруг Христа, и в трудные годы испытаний христианские воины знали, что они защищают не столько временное земное царство, сколько — спасительную православную веру, без которой невозможно наследовать и Царство Небесное.

Так, наши святые старались угодить Богу, по заповеди, а Бог давал им послужить и всему народу. Они хотели трудиться лишь для Царства Небесного, а Господь через них оказывал блага и царству земному. Здесь действовал вечный закон Христов: «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

Все это наши земляки, такие же люди, как и мы. Все они сначала занимались такими же земными делами, какими и мы занимаемся. Откуда же взялось в них то, за что мы их славим, и чему удивляемся?.. А просто каждый из них когда-то встретился с Господом, и Господь просто позвал его, как позвал от ловли рыбы первых Апостолов: «Идите за Мною»... И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним».

СЕДМИЦА 3-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О первом приближении Бога

Понедельник **Мф. 9, 36- 10, 8**
Рим. 7, 1–13

Видя толпы народа, изнуренные и рассеянные, Господь сказал ученикам: «Жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы послал делателей на жатву Свою». И послал учеников проповедовать в городах иудейских, что «приблизилось Царство Небесное». Но Господь предупредил, что далеко не все выйдут им навстречу и примут в свои дома.

Для грешного человека вообще очень непросто вынести приближение Бога. Каково было, например, евреям вступать в первый, Ветхий завет? Каково было испытать это первое приближение к человечеству Царствия Небесного?.. Тяжело было в рабстве. Но вот Бог явился Моисею и велел вывести народ. И что же? На каждое требование Моисея фараон — наоборот — все более ужесточал их жизнь. Потом пришлось уходить ночью с поспешностью. А впереди — погоня, враги, отсутствие привычной пищи, сорокалетнее скитание в пустыне, пока, наконец, Господь не ввел в землю обетованную. А изнутри — сколько поднималось ропота на Моисея, сколько восставали против Бога, порываясь вернуться в Египет, сколько молитвенных слез пролил Моисей, спасая от заслуженного гнева!

Дело в том, что пока человек предоставлен самому себе, то есть пока он в плену у диавола, грех кажется мертвым. Человек как бы не знает о нем и не мучается. Но вот он получает от Бога закон, получает заповедь, которая говорит о чем-то: «Не пожелай». И вдруг чувствует, что «грех ожил». Он с изумлением отмечает, что грех, «взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание», что «страсти греховные, обнаруживаемые законом», стали действовать в членах, «чтобы приносить плод смерти», что «грех ожил, а я умер... потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею».

И эта страшная картина оживания и восстания греха — в той или иной степени повторяется всякий раз, когда Бог призывает человека ко святому крещению. Начинаются страхи, терзания совести, начинаются конфликты с окружающими. Люди, которые казались интеллигентными и терпимыми, начинают с дикой злобой бросаться на тебя за то, что перекрестился, за то, что стал по воскресеньям ходить в храм. Новообращенный и сам отмечает, что стал гораздо хуже. А кому-то покажется, что он вообще сходит с ума.

Но что же делать? Кто виноват? «Неужели доброе сделалось мне смертоносным?»

Хочется рассказать такой случай. Один христианин пришел в гости к другому и увидел на стене непристойные изоб-

ражения. Гость удивился, а хозяин объяснил: «Пока эти картинки у меня висят, я живу спокойно и не грешу, а на них даже не смотрю. Но как только сниму, неудержимо впадаю в блуд. А как повешу, снова живу спокойно».

Что же, свободен ли он от греха, когда и не грешит делом? И будет ли виноват в его грехопадениях тот, кто посоветует все же снять со стены непотребство? «Неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди». Змей греха терпеливо стережет свою добычу, и только потому пока не терзает, что она не дергается и не пытается вырваться из клетки. И неужели надо молчать, оберегая ложный покой плененного грехом человека?

Господь знал, что произведут заповеди в душе человека, и все же дал их. Апостолы тоже прямо возвещали людям, что те уже не принадлежат себе, что они «умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых». И мы должны быть готовы всякому, требующему у нас отчета о нашем уповании, не смотря ни на что, «дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3, 15).

О высоте и глубине

Память св. апостолов **Ин. 21, 15–25**
Петра и Павла **Мф. 16, 13–19**
2 Кор. 11, 21–12, 9

В день памяти святых первоверховных Апостолов приводится случай из жизни Петра, когда на вопрос Господа: «а вы за кого почитаете Меня?» — он ответил: «Ты — Христос, Сын Бога Живаго». И тогда Господь сказал: «Блажен ты, Симон, сын Ионин», но блажен вовсе не потому, что такой умный, что своим умом все понял. «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах». Бог ничего не делает напрасно и не расточает Свои дары впустую. А значит, блаженство Петра в том, что хотя и несовершен он был тогда по плоти

и по разуму, но Бог увидел самую глубину его души, и ему одному открыл истину о Своем Сыне.

Хотя другие, по-видимому, были сильнее. Ведь не кого-то, а того же Петра плоть и кровь заставили тут же прекословить Господу, а впоследствии — трижды отречься от Него. И все же то, что было усмотрено Господом, никуда не делось. И хотя пал Петр своими делами, своей плотью, но тот же Петр на мучительные вопросы воскресшего Иисуса: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?» — из самой этой глубины отвечает: «Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя». Да, Господь все знает, даже то, чего не знает сам человек, и поэтому Он даже после предательства не снял с Петра обетования, однажды данного: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее».

А Павла Господь усмотрел еще на большей глубине, когда тот был лютым гонителем церкви. Но одним прикосновением, одним вопросом: «Савл, что ты гонишь Меня?» — Господь возродил его к жизни. И вот уже и Петр, и Павел делают одно дело Божие, предавая плоть и кровь в жертву Богу.

В Божьем человеке нет лукавства, он всем открыт: «Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» И если живущие по плоти обычно хвалятся, что царь осыпает их всякими благами, Божий слуга хвалится, что он «гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах, и многократно при смерти». Другие хвалятся, что царь выполняет каждую их просьбу. А Божий слуга не скрывает, что Господь не внял его троекратным молитвам и не удалил ангела сатаны, который удручал его.

И постепенно, преображая плоть и кровь, Господь возвышает Своих избранников. Даже до того, что еще при жизни показывает рай и дает слышать «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать». Мало того: Он дает и самые «ключи Царства Небесного» и говорит: «Что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах».

Так, в каждом человеке есть глубина, где сам еще себя не видишь, но тем не менее это ты, и никто другой. И сначала один только Бог видит, как, например, в рыбаке Симоне кроется «камень» Петр, и как в гонителе Савле сокрыт «из-

бранный сосуд», Павел. И начинает Господь основание Своей Церкви именно с этой сокровенной глубины.

И Божий человек потому стоит так твердо, что как бы высоко ни вознес Бог, его сокрушенное сердце всегда на глубине былого падения. Павел говорил о себе, что «недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1 Кор. 15, 9). А Петр до самой смерти плакал, слыша пение петуха.

Если павшему Господь говорит: «вспомни, откуда ты ниспал» (Откр. 2, 6), то и возвеличенный должен помнить, откуда вознес его Господь, чтобы поистине «ни высота, ни глубина» не могли отлучить «от любви Божией во Христе Иисусе Господе Нашем» (Рим. 8, 39).

О ждущей душе

Вторник **Мф. 10, 9–15**
Рим. 7, 14–8, 2

Посылая Апостолов, Господь сказал: «входя в дом, приветствуйте его, говоря: «мир дому сему». И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него».

А сегодня Апостол показывает, что происходит в душе, ждущей Бога, на которую приходит Его мир.

«Когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер» (Рим. 7, 9–10). На какое-то время жить становится труднее. Но живая душа, во-первых, не будет обвинять в этом Божий закон. Она «знает, что закон духовен, а я плотян, продан греху». Живая душа видит, где добро, где зло; она признает закон, и хочет следовать ему, «ибо желание добра есть во мне». «Хочу делать доброе», и даже «нахожу удовольствие в законе Божием». И ум, и воля, и чувства стремятся к свету. Но происходит что-то непостижимое: «не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». «Желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».

И душа убеждается, что это поистине «закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в

членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». Душа осознает свою греховную раздвоенность: «Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех». Ужас и состоит в том, что я прекрасно понимаю, чего я хочу; но я же хочу и противоположного! Хочу жить по духу, но хочу жить и по плоти.

Что же делать? — А только то, о чем пишет Апостол: увидеть это в себе, назвать все своими именами, и воскликнуть: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти»?

Потому что только осознавший свою погибель примет слово о спасении, когда оно коснется его. А потом — от всего сердца воскликнет: «Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим»!

О живущих по духу и живущих по плоти

Среда **Мф. 10, 16–22**
Рим. 8, 2–13

Посылая Апостолов в мир, Господь предостерег: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища, и в синагогах своих будут бить вас». И против кого такая злоба? — Против тех, кто возвестит, что «Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех», что отныне «закон духа жизни во Христе Иисусе» освобождает «от закона греха и смерти», и что больше нет «никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе» будут жить «не по плоти, но по духу»! Теперь всякий, кто ранее тщетно пытался жить по духу, сможет свободно следовать своему выбору; и кто ранее не мог пробить стену греха, теперь вдруг почувствует, как она поддается.

Но почему же, принеся такую благую весть, надо еще и остерегаться? От кого именно ждать злобы, от кого последуют гонения? А от тех, кто, несмотря ни на что, свободно и сознательно предпочтет жить не по духу, а по плоти.

Что сказать об этих людях? — А только то, что если теперь «нет... никакого осуждения тем, которые во Христе

Иисусе живут... по духу» (Рим. 8, 1), то живущие по плоти теперь уже не имеют никакого оправдания. Отныне жизнь тех и других стремительно расходится: «Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном». И притом, «помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир».

Борьба здесь неизбежна, потому что живущие по плоти не просто живут по какому-то своему особому, независимому закону. Их «закон» в том, что они именно «закону Божию не покоряются», и поэтому «плотские помышления» неизбежно «суть вражда против Бога». И если мы видели, как даже внутри человека возникает жестокая брань плоти против духа, то как же она не возникнет у тех, в ком побеждает плоть, против тех, в ком побеждает дух? Для одних смысл жизни — последовать воле Божией, а для других — противостоять ей, заглушая и голос совести, и голос проповедников истины. А третьего ничего нет. Отсюда и жестокость гонений, о которой предупреждал Господь: «Предаст же брат брата на смерть, и отец сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их, и будете ненавидимы всеми за имя Мое».

Но слово Божие прямо говорит: «если живете по плоти, то умрете», хотя бы и гнали, хотя бы и убивали других. А если «духом умерщвляете дела плотские, то живы будете», хотя бы и мучили вас, хотя бы и убивали вас рабы плоти.

Господь говорит: «претерпевший... до конца спасется». И даже в самых страшных обстоятельствах, когда «будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». Но только всегда «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

Будьте мудры, всегда и во всем распознавая волю Божию; а потом следуйте ей с голубиной простотой.

О духовных руках

Четверг **Мф. 10, 23–31**
Рим. 8, 22–27

Апостол пишет: «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа,

и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего».

Все мы слишком хорошо знаем, сколько страданий и стенаний в мире. Мы знаем, с чего это началось. Но почему же и теперь это продолжается? Ведь воскрес же Христос из мертвых, смертию смерть поправ!..

Слово Божие объясняет, что «мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении».

Мы постоянно встречаем в Новом Завете эти слова: вера, надежда. Как правда Божия открывается нам «от веры в веру», так и спасение наше совершено «в надежде».

Но почему Бог не дал все это прямо в наши телесные руки, которыми так удобно пользоваться?.. Но что можно взять телесными руками? Хлеб, камень, нож, палку. Телесные руки имеет и безумный. А сокровище спасения, сокровище вечной жизни можно дать только в духовные руки.

Вера и надежда, это и есть две духовные руки. Господь хочет, чтобы уже в этой жизни они окрепли, чтобы мы научились охватывать ими и прошлое, и будущее, и видимое и невидимое; чтобы мы научились этими духовными руками держаться за Бога, Который тоже есть Дух.

Но можно сказать и то, что вера и надежда — как бы две части духовного существа: верою принимаем, а надеждой удерживаем, делаем своим, неотъемлемым. Верою принимаем слова Господни: «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано... Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И не одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены». А надежда позволяет жить, исходя их этих слов. И не бояться говорить при свете то, что слышали в темноте, и не бояться проповедовать на кровлях то, что слышали на ухо.

Без веры и надежды невозможно противостоять миру. Ты протягиваешь к нему свои телесные руки, а он, хватаясь за них, тащит в свой водоворот.

А кто верой и надеждой держится за Бога, тот побеждает мир и выживает вопреки иногда полной невозможности выжить.

О помиловании и ожесточении

Пятница **Мф. 10, 32–36; 11, 1**
Рим. 9, 6–19

Однажды Господь сказал ученикам: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч».

А как же Ангелы в Рождество Христово пели: «Слава в вышних Богу, и на земле мир»? И Сам Господь приветствовал учеников словами: «мир вам»...

Но все «противоречия» Священного Писания только от нежелания думать. Да, Господь принес мир. Но Он пришел к свободным существам. Одни примут Его, а другие не примут, и воздвигнут гонение на христиан, так что мир Христов на какое-то время обернется для них мечем.

Апостол Павел тоже рассуждает об одном видимом противоречии. Когда-то еврейскому народу были даны и «усыновление, и слава, и заветы, и законоположения, и богослужение». А народ в подавляющем большинстве ожесточился и отпал от Бога. «Но не то, чтобы слово Божие не сбылось», — говорит Апостол. И тут же поясняет, что «не плотские дети суть дети Божии».

Мы обычно всерьез принимаем только плоть. А между тем, все, что по плоти, лишь тогда становится реальным и действительным, когда получает Божье одобрение и благословение. Сначала Бог сотворил мир, а затем его благословил: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма». И лишь с этого момента «и был вечер, и было утро», и потекло время, и началась жизнь (Быт. 1).

У Авраама, прежде Исаака, родился сын Измаил. Брат близнец Иакова, Исав, первым увидел свет. Но Бог сказал Аврааму: «В Исааке наречется тебе семя». О близнецах же сказал: «Больший будет в порабощении у меньшего». Таким образом, не плотское рождение определило судьбу, а Божье

благословение. Старшие по плоти остались в стороне, а младшие получили достоинство истинных детей и наследников. Об этих двух случаях открыто в Писании. Но несомненно, что и на всякое вообще плотское рождение Бог невидимо ставит ту или иную духовную печать. И в определенный момент вдруг оказывается, что «не все те Израильтяне, которые от Израиля, и не все дети Авраама, которые от семени его».

И даже если человек сознательно старается быть в числе помилованных и благословенных, все равно — помилование зависит «не от желающего и не от подвизающегося». Оно зависит только «от Бога милующего». Желая разрушить самоуверенность Израиля по плоти, Апостол заострил эту мысль до предела, приведя пример с Иаковом и Исавом. «Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого», «сказано было»: «больший будет в порабощении у меньшего», как и написано: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел».

Но может ли быть несправедливость у Бога? «Что же скажем?» — предваряет Апостол неизбежный вопрос. — «Неужели неправда у Бога? Никак. Ибо Он говорит Моисею: «кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею». Значит, все-таки только на тех Он ставит духовную печать, только тех «милует» и «жалеет», кто достоин, чтобы их «миловать» и «жалеть». И если человек даже еще «не сделал ничего доброго или худого», Бог все равно видит и справедливо оценивает его душу, которая таинственно самоопределяется уже с самого момента своего возникновения.

Но узнаем мы, что не только милует Господь, кого хочет, но «кого хочет» и «ожесточает». Мы возмущены: тогда «за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?» Но Апостол и тут сначала ставит на место гордый ум: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиной, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим. 9, 20–21). А потом Апостол на историческом примере спасения Израиля и поражения фараона показывает, как «ожесточает» Господь. «Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением

щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе?» (Рим. 9, 22–23). И оказывается, что не лепит Господь сосуды для низкого употребления.

А «ожесточение» на самом деле есть долготерпение над тем, кто сам своими делами уже уготовил себе погибель.

Не бывает, «чтобы слово Божие не сбылось». Оно не может противоречить самому себе. Для желающего с чистым сердцем вникнуть и понять — истина всегда откроется, и любой воздвигнутый меч снова обернется Христовым миром.

О вере и о делах

Суббота **Мф. 7, 24- 8, 4**
Рим. 3, 28- 4, 3

Апостол часто противопоставляет веру закону. Он пишет, например, что «человек оправдывается верою, независимо от дел закона», и что Бог «оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру». Но на вопрос: «Итак, мы уничтожаем закон верою?» — Апостол решительно отвечает: «Никак». «Но закон утверждаем».

Противоречия между верой и законом нет. Верим мы в Бога, Который и дал закон. И дела закона только тогда спасительны, когда человек совершает их не случайно, не по личному пристрастию, не по народной традиции, но движимый живой верой в Живого Бога, желая угодить Ему и заслужить от Него похвалу.

А просто хороший, но неверующий человек, конечно, тоже «имеет похвалу». Но... «не перед Богом», а перед тем, кому старается угодить. Мы, например, ничего не знаем о прежних делах Авраама. И лишь с тех пор, как Бог призвал его, и он поверил Богу, «это вменилось ему в праведность».

Дела без веры бессмысленны. Но гораздо страшнее вера без дел. Верить в Бога, слышать Его слова и... не выполнять — что может быть безумнее? Вот и в конце Нагорной проповеди Господь Иисус Христос говорит: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел

дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что был основан на камне.

А всякий, кто слушает слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое».

И когда после этого Господь исцелил прокаженного, то сказал ему: «смотри, никому не сказывай; но пойди, покажи себя священнику, и принеси дар, какой повелел Моисей во свидетельство им».

Вот, человеку, в котором через чудесное исцеление умножилась вера, Господь повелевает пойти и во свидетельство этой веры исполнить обряд Моисеева закона.

Но Он же и запретил разглашать об этом чуде. Почему? А чтобы не хлынули люди, движимые праздным любопытством или только желанием обрести телесное здоровье. Чтобы эти любители строить на песке не оттеснили от Господа тех, кто — больной или здоровый — желал смиренно слушать и выполнять. Тех, кто имел твердую решимость строить на камне веры дом своего спасения.

О темном и светлом оке

Неделя 3-я **Мф. 6, 22–33**
Рим. 5, 1–10

Господь говорит: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно».

Человеческое око не просто орган зрения. Оно неотделимо от свободного разума. Увидеть, это всегда значит — оценить, составить то или иное мнение. И Господь хочет, чтобы у нас было светлое око, чтобы мы от всего получали свет и пользу. Например, Он учит, как надо смотреть на природу. Он говорит: «Взгляните на птиц небесных». Взгляните, и увидите, что «они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, а Отец ваш Небесный питает их». Затем Он говорит: «Посмотрите на полевые лилии, как они

растут». Он зовет удивиться их неповторимой красоте, и признать, как далеко до нее нарядам царя, на которого работают сотни людей. Лилии «ни трудятся, ни прядут; но» «и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

Господь учит человека и на себя смотреть, как на того, кто сотворен быть царем всей твари, и поэтому вправе рассчитывать на гораздо большую заботу со стороны Творца. Он говорит: «Вы не гораздо ли лучше» малых птиц? И если «траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры?» Поэтому «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, и для тела вашего, во что одеться».

Но скажут: «Что же, надо сидеть и ждать, пока Бог за нас все сделает»? А Господь снова подсказывает: «Взгляните на птиц небесных». А правда: разве хоть минуту находятся они в праздности? Они летают, вьют гнезда, собирают корм. Но — взгляните на них: пришла ночь, они спокойно спят, не заботясь, не переживая, «что день грядущий мне готовит». Так, Господь зовет не к праздности, не к легкомысленному расточению приготовленного на завтра. Он только предостерегает от безбожной озабоченности. Чтобы мы не терзались при виде неудачно складывающихся обстоятельств, чтобы темным оком не смотрели в завтрашний день: что нам есть? или что пить? или во что одеться? Так мы заранее убиваем себя скорбями, которых еще нет и, Бог даст, вообще не будет.

А ведь истинные воины Христовы даже хвалятся «скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть».

Поэтому будем светлым оком смотреть вперед. Что будет завтра? — А будет Бог, как Он был вчера, как Он есть сегодня. Бог вовеки Тот же, и «Свою любовь Он доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешни-

ками. Посему тем более ныне, будучи оправданы кровью Его, спасемся Им от гнева. Ибо, если будучи врагами, мы примирились с Богом смертию Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его».

СЕДМИЦА 4-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О «сомнении» Иоанна Крестителя

Понедельник **Мф. 11, 2–12**
Рим. 9, 18–33

«Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас» (Рим. 5, 8), — пишет Апостол. Жертва жизнью, это высшее проявление любви.

Но и по-настоящему спасти от заблуждения может только любовь. Она подскажет, как сделать, чтобы истина сама говорила за себя.

Мы помним, как Иоанновы ученики ревновали о умаляющейся славе учителя. Иоанн тогда сказал им о себе как о друге Жениха, и о том, что Иисусу должно расти, а ему умаляться (Ин. 3). Но не все вняли его словам. Надо, чтобы сами увидели Иисуса и Его дела. Иоанн и устроил это с мудростью, подсказанной любовью.

Он не сказал: пойдите и убедитесь. В этом случае ученики могли ответить: никуда не пойдем, никого не хотим знать, кроме тебя. И поэтому он послал их, как бы и сам сомневаясь и желая точнее убедиться: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого»?

И когда они пришли и спросили, то Иисус, зная замысел Иоанна, тоже ответил как бы не для них: «пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне».

От соблазна Он хотел уберечь, конечно, не Иоанна, а его учеников. Когда же ученики ушли, Он обратился к окружающим, чтобы, в свою очередь, не соблазнились о Иоанне Крестителе. Но и тут Он не стал убеждать словами, что не мог соблазниться тот, кто еще во чреве матери при-

ветствовал Христа, когда Тот еще был во чреве Пресвятой Девы. Он не стал доказывать, что не мог поколебаться в вере, кто по повелению Божию вышел проповедовать пришествие Христа, кто сам крестил Его и видел Духа Святого, почившего на Нем. Он не стал ничего объяснять и доказывать, просто побудил людей вспомнить самый облик Иоанна Крестителя. Он сказал: «Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы?..»

Но и человеческим величием тоже нельзя соблазняться. И далее Господь говорит, что все-таки, хотя «из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его». Царствие Божие принадлежит Богу, и дать его может только Бог.

Память кончины Иоанна Крестителя — день постный. Будучи величайшим из рожденных женами, он сошел в преисподнюю и пребывал там, пока Воскресший Господь, разрушив узы ада, не вывел всех, кто ждал Его в надежде. И конечно же, в Царствии Небесном святый Иоанн не меньший, но высший всех людей, после Пресвятой Богородицы.

Господь сказал, что «отныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». Но сказано также, что помилование зависит «не от желающего, и не от подвизающегося, но от Бога Милующего» (Рим. 10, 16). А милость Божию испрашивают в непрестанных молитвах. Поэтому труды не освобождают от молитвы. Напротив: чем больше труды, тем горячее должна быть молитва, чтобы труды не пропали даром, и чтобы нам, хотя бы и самыми меньшими, но все-таки войти в Царствие Божие.

О видах противления истине

Вторник **Мф. 11, 16–20**
Рим. 10, 11–11, 2

Священное Писание говорит о Господе Иисусе Христе, что «всякий верующий в Него не постыдится», и что «всякий, кто призовет имя Господне, спасется».

«Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали?»

Но разве может Бог, Который есть Любовь, обойти хоть одного человека? Разве может кому-то не послать слова спасения? «Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их».

Начал же Господь со Своего избранного народа. И уж они-то «разве... не слыхали?» «Разве Израиль не знал?» Причем, Израилю тогда проповедовал сам Иоанн Креститель, больший которого не восставал из «рожденных женами». И вслед за ним — Сам Господь и Бог Иисус Христос, Спаситель мира!

А что же Израиль?.. Павел приводит слова пророка Исаии: «Господи! кто поверил слышанному от нас?»

Но ведь учение Христово, это свет, истина и любовь. Как можно от него отмахнуться? А очень просто. Вот два примера.

Пришел Иоанн Креститель. Он проповедует покаяние. Он и сам великий подвижник: живет в пустыне, одевается в грубую одежду, «не ест, не пьет», как сказал о нем Господь. И многие чтут и слушают его. А тот, кто не хочет отстать от греха, и в то же время стыдится сказать, что покаяние — плохое дело, — тот выдумывает клевету на самого проповедника и говорит: «в нем бес». Дескать, человек не может так жить, как Иоанн. Он не такой, как все. Он ненормальный — что его и слушать?

А вот второй пример. Пришел Иисус Христос, Сын Человеческий и Сын Божий. Он исцеляет больных, освобождает от власти бесов и тоже проповедует: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Но в отличие от Иоанна, Он живет среди людей, ест и пьет то же, что и они, входит в дома ко всем, в том числе и к грешникам. Если тебя смущает жизнь Иоанна, послушайся Иисуса, Он такой же, как ты, покайся, обратись от греха. Но теперь именно это и становится пунктом обвинения: «Вот Человек, Который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам». Он такой же, как все — что Его и слушать?

Так мы умеем и закрывать глаза на то, что прямо побуждает трудиться, и находить себе оправдание, произвольно толкуя слово Божие. Например, ленясь посещать храм,

мы старательно выискиваем те места, где говорится, что Бог присутствует на всяком месте. Но ведь и Сам Господь посещал ветхозаветный храм и ревновал о его святости. И первые христиане постоянно собирались вместе для молитвы и для причащения Святых Христовых Тайн.

Не желая поститься, мы с радостью находим в Евангелии, что ничто входящее в уста, не оскверняет человека, и что Царство Небесное не пища и питие. Но никак не хотим видеть, что Господь и Сам постился, и говорил о пользе поста. И тому же потом учили Апостолы.

А как часто мы, видя рядом подвижника и праведника, вместо того, чтобы подражать его жизни, пытаемся отыскать хоть какой-то недостаток, хоть к чему-то придраться, чтобы потом говорить, как фарисеи о Христе: «Вот Человек, Который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам». А если человек недоступен для таких обвинений, говорим: «это фанатик». А кто такой фанатик? В переводе с греческого это значит: «стоящий насмерть». Все истинные христиане и всегда стояли за Христа насмерть, а языческий мир презирал их за непонятное упорство. Что для христианина похвала, для язычника — ругательство.

И если мы считаем себя христианами, будем читать Священное Писание и смотреть вокруг не с постыдной надеждой найти оправдание своим грехам и слабостям, но с твердым желанием познать и выполнить волю нашего Бога.

О том, как Бог не отверг народ Свой

Среда **Мф. 11, 20–26**
Рим. 11, 2–12

Сегодня мы слышали Божий приговор иудейским городам, где «наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаялись: Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. Но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо, если бы в Содоме явлены были силы,

явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе».

Господь говорил и более суровые слова, и не даром. Ученики потом и на себе испытали ожесточение и нераскаянность иудеев, так что христиане из язычников могли подумать, что Бог навсегда «отверг народ Свой» (Рим. 11, 1).

Но Апостол Павел решительно возражает, и приводит самый главный для него аргумент: «Ибо и я израильтянин, от семени Авраамова, от колена Вениаминова» (Рим. 11, 1). Так, в понимании Апостола — отвергнуть или не отвергнуть народ, это не означает — в полном составе погубить или спасти. Не отвергнуть народ означает — не закрыть двери для тех из этого народа, кто пожелает встать на путь спасения. Потому так и говорит Павел: я же израильтянин, следовательно, «не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал».

И далее Павел напоминает, как однажды пророк Илия в отчаянии возроптал: «Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили, остался я один, и моей души ищут». А Господь открыл ему тайну: «Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом». «Так и в нынешнее время, — продолжает Павел, — по избранию благодати, сохранился остаток».

Для Илии этот остаток сокрыт, перед глазами одно отступничество. Так и Апостол имеет в виду некий остаток, который пока неразличим среди окружающей мглы. Остаток этот сохранился именно «по избранию благодати», а не «по делам». Потому что дела этого «остатка» пока подобны делам самого Савла до его обращения. А благодать до поры до времени хранит в этих людях невидимые никому семена жизни. Благодать не дает этим семенам погибнуть, но и не торопит прорасти. Так что выходит, будто до времени «Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат».

И вот, как среди враждебного Богу Израиля невидимо таились семь тысяч человек, ради которых Господь щадил весь народ; так и в толпе гонителей христиан, в лютейшем из них был до времени сокрыт великий Павел. Так будет и во все времена. Бог не даст сомкнуться пучине зла; не позво-

лит злу перейти невидимую черту, проведенную Им во всем ли мире, в сердце ли одного человека.

И, конечно, угодно Богу, если мы иногда и в толпу безбожников, и в толпу злобных гонителей взглянем, как в божественную сокровищницу, где до времени хранятся и когда-то удивят мир невиданные цветы веры и благочестия.

О маслине и ее ветвях

Четверг **Мф. 11, 27–30**
Рим. 11, 13–24

Господь говорит: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Господь говорит: «приидите ... все». На всех хватит радости, мира и покоя.

А мы привыкли, что на земле все дается строгой мерой. Чтобы получить, надо непременно кого-то оттолкнуть, и чтобы получить больше, надо, чтобы кому-то не досталось совсем. И эта позорная ревность становится совсем уж ревностью не по разуму, когда начинает простираться на Божественные дары. Даже по пути к Богу мы подозрительно оглядываемся на того, кто рядом: не обгонит ли? не достанется ли ему больше?

Был такой грех и в самые первые годы Церкви. Иудеи с ревностью смотрели на обращающихся язычников, как это они дерзают приходить к их, иудейскому Богу?! А язычники, с возмущением видя, что иудеи в основной массе не торопятся принимать во Христе своего же Бога, думали, что Бог и совсем отверг этот народ.

Апостол Павел вразумлял и тех, и других. Сегодня его слово к христианам из язычников. Он рисует церковь, как благородную маслину, посаженную Богом на земле и имеющую давние, глубокие корни. Он подчеркивает, что Христова церковь — хотя и новый, духовный, но именно — Израиль. И он указывает бывшим язычникам на святых праведных Авраама, Исаака и Иакова, которые некогда получили от Бога благословение быть корнем этой маслины. А «если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви». Апостол учит благоговейно относиться к священной истории, к тому пути, которым Бог вел человечество ко спасению.

Все потребное для жизни Бог не сбрасывает с неба, но выращивает из земли. Так и глубочайшие исторические корни нашей веры — одно из доказательств ее истинности.

Апостол видит, что «некоторые из ветвей отломились». Но ведь и приобщение людей из других народов ко Христу происходит только таким образом, что «ты, дикая маслина, привился на место их, и стал общником корня и сока маслины». И Апостол предостерегает от гордости перед отпавшими: «Они отломились неверием, а ты держишься верою... Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли тебя». Если не пребудешь «в благости Божией», то «и ты будешь отсечен. Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их. Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины, и не по природе привился к хорошей», «то тем более сии природные привьются к своей».

Итак, не принявший Христа иудей перестает иметь какое-либо отношение к Аврааму, Исааку и Иакову. Но и доступ к этому корню не закрыт ни для отсеченной, ни для дикой ветви. Поэтому тем, кто уже здесь, сказано: «Не гордись, но бойся». А остальных Господь неустанно зовет: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». И чтобы все ветви: и природная, и привитая — с одинаковой полнотой питались единым соком Божией маслины.

О спасении всего Израиля

Пятница **Мф. 12, 1–8**
Рим. 11, 25–36

Апостол подводит итоги своих рассуждений о судьбах еврейского народа. Сначала он сказал коротко и загадочно, что «от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность» (Рим. 11, 11).

Теперь он говорит более подробно и определенно: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло

в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». «В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцов». «Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы».

Евреи всегда жили обособленно. Закон Моисеев запрещал смешиваться с другими народами, чтобы не стали служить ложным богам. Но в конце-то концов, «неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников» (Рим. 36, 29). Но как могли иудеи из своей крайней замкнутости вдруг выйти с открытой проповедью любви? Если бы все иудейские общины стали принимать христианство, то окружающим народам было бы очень трудно разглядеть истину из-за стены вековой вражды. И поэтому, желая спасти всех, Бог не препятствовал, чтобы на приходящих проповедников Христа обрушивалась почти единодушная ненависть иудейской общины. Тогда уже эти проповедники могли с чистой совестью сказать: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его, и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13, 46). Язычники при этих словах более располагались слушать, «радовались и прославляли слово Господне» (Деян. 13, 48).

Но Апостол пишет, что это будет «до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется». Но что значит «весь Израиль»? Невозможно допустить, что Апостол имеет в виду всех потомков Иакова—Израиля по плоти. Если так, то для чего веровать и креститься? Если весь Израиль по плоти, значит и Иуда, и все гонители, так и умершие в ожесточении против Иисуса Христа?..

Нет сомнения, что для Апостола священное слово «Израиль» могло означать лишь тот «остаток», который сохранился «по избранию благодати» (Рим. 11, 5). Апостол имел в виду лишь тех иудеев, которые либо уже приняли Христа, либо примут, как только «войдет полное число язычников». Ведь и говоря бывшим язычникам: «Вы помилованы, по непослушанию их», — он тоже имеет в виду не всех римских язычников, а только обратившихся ко Христу.

Итак, весь истинный Израиль спасется.

А пока, по словам Апостола, «всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать».

Но разве может Бог сознательно вводить в грех непослушания? Разгадка здесь в словах: «чтобы всех помиловать». Апостол как никто испытал радость быть помилованным, и он понимал, сколь большее наслаждение — самому миловать. Он понимал, сколь естественно это Богу, Который есть Любовь, и хотел выразить это бесконечное Божие искание повода — миловать. Человеческим языком трудно говорить о Божественных предметах.

Так, показывая Божий Промысел о спасении всех народов, Апостол всех зовет вместе с ним благоговейно воскликнуть: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему и слава во веки. Аминь».

О жертвах и жертве

Суббота **Мф. 8, 14–23**
Рим. 6, 11–17

Господь исцелил от горячки Петрову тещу. Потом «к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных...» Это видимая для всех, славная сторона дела.

Но что в это же время происходило невидимо? Эту тайну приоткрывает слово Божие устами пророка Исаии. Оказывается, ничто на земле не исчезает бесследно. И наши болезни, и наши грехи либо на нас, либо на том, кто согласится взять их на себя. Вот Господь и «взял на Себя наши немощи и понес болезни».

Это очень трудно осмыслить. Бог за тысячи лет начал готовить людей к пришествию Агнца Божия, призванного взять на Себя грех мира. Чтобы с разных сторон подойти к осмыслению этой единой, всеобъемлющей Жертвы, в ветхозаветной религии были установлены разные виды жертв.

Была жертва всесожжения, когда животное полностью сжигалось.

Была жертва мирная, когда все участники жертвоприношения вкушали приготовленное мясо закланной жертвы.

И была ежегодная жертва за грех всего народа. Возложив руки на голову животного, первосвященник исповедовал «над ним все беззакония сынов Израилевых, и все преступления их и все грехи их». После этого животное отсылалось «с нарочитым человеком в пустыню», да понесет оно «на себе все беззакония их в землю непроходимую», «в пустыню» (Лев. 16, 21–22).

Невозможно одно и то же животное и принести во всесожжение, и употребить в пищу, и отпустить. Господь же и принес Себя во всесожжение послушания Отцу; и дал всему миру вкушать Свои пречистые Плоть и Кровь.

Но прежде всего Он «взял на Себя наши немощи и понес болезни». Поэтому когда один книжник выразил готовность следовать за Ним, куда бы Он ни пошел, Господь сказал: «лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить главу». Безусловно, у Господа было много друзей, и Ему, конечно, было, «где приклонить главу». Он говорил именно о Своей жертвенной, «грехоносной» неприкаянности.

«Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши, и мучим за беззакония наши. Наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис. 53, 4–6).

Тех, кто хотел царствовать с великим чудотворцем и целителем, Господь предупреждал, что Ему, на самом деле, негде приклонить главу. А в ком Он видел стремление представить «себя Богу, как оживших из мертвых... в орудия праведности», в ком видел желание быть мертвым «для греха, живым же для Бога», — тому Он помогал сразу и решительно выбрать. Даже когда такой человек говорил: «Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего», Иисус отвечал: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

О вере сотника

Неделя 4-я **Мф. 8, 5–13**

Великий и неприступный Бог пришел на землю во Христе Иисусе и стал близким и доступным. Он входил в дома, ел с людьми, прикасался к ним, и они прикасались к Нему, к Его одежде, и через общение с видимым Человеком получали благодатную помощь от невидимого Бога.

И отойдя на небо, Господь оставил возможность простого общения с Ним. Он обещал, что всегда будет среди тех, кто соберется во имя Его. Мы не видим Его, но можем написать записочку о здравии или о упокоении наших близких во Христе, чтобы она была прочитана священнослужителем в слух Господа, перед Святым Престолом. Мы вкушаем просфору, елей, воду, которые — мы верим — Господь рукою священника освятил и наделил благодатной силой. Мы служим молебны перед Его святым изображением, получаем благословение от священника. При этом мы должны помнить, что Бог — здесь, рядом, и Сам Своей невидимой рукой подает помощь. И хотя Он устроил для нашей пользы весь благодатный церковный чин, но Самому-то Ему ничего не стоит помочь и без всякого видимого посредничества. Ему достаточно не то, что единого слова, а единого желания. Мы должны это помнить, ведь христианство существует в нашем отечестве уже тысячу лет!

А Евангелие сегодня приводит в пример человека, воспитанного в стране, где более тысячи лет процветало язычество. Это римский сотник. Он подошел к Иисусу, и ничего не прося, просто сказал: «Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает». Господь выразил желание придти, и вдруг услышал: «Господи! Я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «пойди», и идет; и другому: «приди», и приходит; и слуге моему: «сделай то», и делает».

Господь удивился, увидев такую веру в человеке, которого на родине совсем не тому учили, и сказал окружающим: «Истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут» «в Царствии Небесном; а сыны царства

извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Это Господь сказал о фарисеях, которые забыли о Живом Боге за своими бесчисленными законническими предписаниями.

Но это же Господь может сказать и нам, если мы забудем о Живом Боге за великолепием храмов, за красотою богослужения и за обилием святыни.

Мне вспоминается один престольный праздник. После освящения воды была давка, ругань, опрокинули и изломали столы. Наконец, воду разобрали, все кончилось. Тут пришла одна старушка, подошла к батарее отопления, отвернула кран, налила оттуда воды в бидончик и говорит: «Вот, еле дошла, на водосвятие не успела, хоть отсюда воды взять, — все из храма Божьего». И можно ли сомневаться, что Господь по ее вере даст ей гораздо больше, чем тому, кто в бесчинии успел взять воды, освященной полным чином!

Конечно, это не к тому, что для спасения достаточно помолиться дома и набрать воды из-под крана. Пренебрегать святыней, пренебрегать богоустановленным священством, это все равно, что пренебрегать человечеством Иисуса Христа. И сотник, и старушка сделали как раз все, чтобы найти Иисуса Христа, приблизиться к Нему. Но оба помнили, что пришли к Тому, Кто выше храма, выше обряда, выше всего видимого и невидимого. Его слово способно проникать сквозь любые расстояния, сквозь любые стены; способно вмиг избавить от любой болезни, от любой беды, способно и освятить все воды на земле, и превратить их в кровь; способно в один миг и уничтожить землю, и заново создать ее. Вот каков наш Бог. Будем же воздавать Ему должную славу, честь и поклонение.

СЕДМИЦА 5-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О вере в Церковь

Понедельник **Мф. 12, 9–13**
Рим. 12, 4–5, 15–21

Желая показать, в каком единении должны быть друг с другом христиане, Апостол приводит в пример единство человеческого тела. Он пишет: «как в одном теле у нас много

членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы многие составляем одно и то же тело во Христе, а порознь один для другого члены».

Однажды Господь увидел в синагоге человека, имеющего сухую руку, и захотел исцелить его. Некоторые напомнили, что сегодня суббота, и тогда Господь сказал: «Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит?» По фарисейским законам овцу можно было спасти в субботу, а человека лечить нельзя. Для них дороже овца, потому что своя. А для Господа: «Сколько же человек лучше овцы!» Потому что он свой Господу. Причем, Господь сказал: «Кто из вас, имея одну овцу», как будто для Него этот человек — единственный на земле. Как и для человека каждый член его тела — единственный и незаменимый.

И если так относится Господь к каждому из нас, как же мы должны относиться друг к другу? Апостол подсказывает: по крайней мере, «радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою: не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе».

Невозможно представить себе тела, члены которого пытались бы вырасти один за счет другого, враждовали бы между собой. Так же противоестественна и вражда между членами Христовой Церкви.

Особенность тела еще такова, что через любой, даже самый малый член может проникнуть яд и отравить все тело. Так и любой член Церкви своими праздными, нечистыми разговорами, принесенными из мира, может отравить душевное состояние своих собеседников. Каждый христианин ответственен за все тело Христово, и каждый должен уметь остановить разлитие зла. А гнев брата останавливается только твоей кротостью, крик только молчанием, суета только спокойствием. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром».

Иногда укус ядовитой змеи прижигают огнем. А если член церкви поражен злом, «прижигать» надо так: «если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья». И это, во-первых, уголья совести, которая начинает жечь обидчика, если ему не отвечают злом. Но если его совесть уже сожжена, если видя беззлобие, он становится еще злее, на него уже собираются уголья гнева Божия. А гнев Божий, это исцеляющий, правед-

ный гнев, в отличие от неразумного, страстного гнева человеческого. «Мне отмщение, Я воздам», — говорит Господь.

Уклоняясь от мести, мы помним, что у нашего тела есть Глава. А начиная мстить, говорим Богу: «Ты нам не нужен, сами обойдемся».

Все это более или менее понятно. Но тут встает самый главный, самый трудный вопрос: А где же эта Церковь? Где это тело, члены которого так взаимосвязаны друг с другом и со своей Главой? Неужели вот эти люди и есть та самая, святая, Церковь?!.

Но дело в том, что как на Бога нельзя указать пальцем и сказать: «вот Он», — так же и на Церковь. И как в Бога мы веруем, так же и о Церкви говорим: «Верую... во едину, святую, соборную и Апостольскую Церковь».

Верую, что она несомненно есть.

Верую, что она одна, и двух Церквей быть не может, как не может быть двух тел при одной голове.

Верую, что она святая, и все нечистое, греховное, не имеет с ней ничего общего.

Верую, что она может быть только там, где есть видимое апостольское преемство.

Верую, что есть люди, которые всецело находятся в ней.

Верую, что и для меня это возможно.

Верую, и стараюсь теснее входить в нее: через выполнение заповедей, через покаяние, через участие в Таинствах, установленных Самим Господом.

Верую, что как Господь исцелил иссохшую руку того человека, так и меня, если буду неотступно хотеть, и исцелит, и сделает живой частью единого тела Своей Церкви. И то, что для меня сейчас «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно», я увижу «лицом к лицу». То, что «теперь знаю я отчасти», тогда познаю во всей полноте, «подобно как я познан» (1 Кор. 13, 12).

О немощных в вере

Вторник **Мф. 12, 14- 16; 22–30**
Рим. 14, 9–18

Апостол пишет: «Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подать брату случая к преткновению или соблазну».

А преткновения, как сейчас, так и раньше, могут быть и из-за пищи. Например, в апостольские времена многие иудеи, принимавшие христианство, продолжали делить пищу на чистую и нечистую. Была и другая опасность: по неведению съесть идоложертвенное мясо, то есть мясо животного, закланного в жертву языческим идолам.

Для самого Апостола этих проблем не существовало. Для него было совершенно ясно, что Ветхий «закон был для нас детоводителем ко Христу» (Гал. 3, 24), и время его прошло. Знал он и то, что «идол в мире ничто» (1Кор. 8, 4). Он говорил: «Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого, только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто».

Но Он же говорил и то, что «знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор. 8, 1).

Апостол видел — потому что любовь давала ему видеть — как трудно бывало приходящему ко Христу иудею сразу вдруг отказаться от старого вина своей веры. И Апостол укоряет не этого немощного в вере, но того, кто как и он сам, имеет знание, но в отличие от него, не имеет любви. Он говорит: «А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что уничижаешь брата своего?» — Потому что именно так, в виде осуждения и унижения складываются отношения между знанием и незнанием, если знание лишено любви.

Во-первых, Апостол показывает, какое безумное и безбожное дело — осуждать и уничижать. Судить может только владелец. А владычествует «над мертвыми и над живыми» только Христос, и по очень простой причине: Он заплатил за это. И не тленным серебром, но Своей бесценной кровью. Он «и умер, и воскрес, и ожил» и за тебя, и за твоего немощного брата. И ты, и он — такие, какие вы есть на сегодняшний день. И если ты, имея знание, хочешь убедить его тут же перемениться, а брат твой еще не может, и огорчается из-за этого, то ты «уже не по любви поступаешь». Не оскверняй его совесть, не заставляй его из-за твоей пищи воспротивиться и всему тому доброму, чему он уже не противится. «Не губи своею пищею того, за кого Христос умер. Да не хулится ваше доброе».

Апостол учит бережно относиться к человеческой свободе и радоваться каждому шагу брата во Христе. Он учит от-

личать главное от второстепенного, помнить, что «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе».

В наше время тоже много таких точек преткновения. Много сложилось местных обычаев, много мнений по таким, например, вопросам: когда прикладываться к иконам, когда во время богослужения стоять на коленях, как ставить свечу, когда осенять себя крестным знамением, и так далее. И очень важно, конечно, понять сущность того или иного обряда и стараться все делать по истине и по совести.

Но с другой стороны, надо помнить апостольские слова о том, что знание все-таки надмевает, а назидает-то любовь. И любовь должна подсказать, когда надо просто не заметить, когда отступить и уступить в чем-то второстепенном. А иначе — нарушается мир, вспыхивает гнев, и в итоге — всеобщее разорение, и зачастую — где? — в храме, порой в самый ответственный момент богослужения! Кому это выгодно?

У тебя есть знание, а у него еще нет; но и он поднимется выше. Господь наставит его, и может быть даже именно через тебя, но только в том случае, если ты сейчас сохранишь мир. Ибо, как говорит Господь, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

«Кто не со Мною, — сказал Господь, — тот против Меня; и кто не собирает со Мною» сокровища Царствия Небесного, то есть «праведность и мир и радость во Святом Духе», «тот расточает», — как бы он ни был формально прав, как бы точно ни выполнял внешние предписания и обычаи.

О свободе и ответственности

Среда **Мф. 12, 38–45**
Рим. 15, 7–16

Однажды Господь рассказал притчу: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: «Возвращусь в дом мой, откуда я вышел». И придя, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других

духов, злейших себя, и войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого».

Но почему последнее обязательно хуже первого? И почему раньше нечистый дух не мог позвать тех, семерых?

Очевидно, человек за время дарованной свободы не только не укрепился, но потерял даже былую, пусть малую способность противостоять злу. Раньше было стремление освободиться, было искание помощи, была молитва к Богу. Но пришло освобождение, дом души опустел от незваного гостя. Человек облегченно вздохнул. Теперь он может свободно выбрать. И что же он выбирает? — А он начинает жить, как живется, жить по плоти. Исчезла необходимость противостоять злу, прекратилась и молитва. Бог нужен был лишь как временный «попутчик»; и теперь человек говорит: «Сделал свое дело — уходи!» Господь же постоит у дверей и уйдет.

Между тем, нечистому духу уже надоело ходить «по безводным местам», и он решает возвратиться. А человек не только не впустил Бога, но и порвал с Ним всякую молитвенную связь. «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30). И теперь в душе освободилось место еще для семи злых духов, и на нее, спящую и бессильную, неожиданно обрушивается горе «хуже первого».

Человек должен выбрать Бога, выбрать спасение, выбрать жизнь. И Бог много раз помогает нам, снова и снова освобождая от всякого рабства, снова и снова давая свободу выбора. А человек снова и снова пренебрегает данной ему свободой, снова и снова впадает в рабство греху и дьяволу.

У того, кто не вполне свободен, еще есть какое-то оправдание. Но если тебя освободили, а ты снова отступаешь от Бога, то делаешь это уже свободно и сознательно. И тут уже нет тебе никакого оправдания на самом милосердном суде.

Об этом говорит и ветхозаветная история. Сколько раз Бог посещал Свой народ, сколько раз освобождал и от рабства, и от религиозно-нравственной слепоты, и от поработителей тела, и от заблуждений духа. И теперь Бог пришел уже окончательно освободить в первую очередь именно Свой народ. Пришел «ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам». Сваливаются бремена немощей и болезней, легионами выходят нечистые духи. А люди не хотят покло-

ниться своему Избавителю, и все искушают Его: «Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение».

Но Господь обличает лицемеров. Он приводит в пример не облагодетельствованных и не просвещенных, но более достойных милости. Он говорит, что «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его: ибо они покаялись от проповеди Ионины; и вот, здесь больше Ионы. Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его: ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона». Не просвещенные светом истинного богопознания выбирали праведность, выбирали мудрость, как и одержимый бесом отчаянно искал избавления. А тут — освобожденные, наученные и очищенные — сознательно делают своим отцом диавола (Ин. 8, 44).

Размышляя об этом и видя то рабство, в которое мы тоже попали, сбросив некогда благое иго Христово, видя все наше невежество, наши бесконечные работы, заботы, очереди, нельзя не отметить во всем этом и милости Божией. Связанные по рукам и ногам, мы, глядишь, и вздохнем иногда: «Эх, с радостью бы верил в Бога, да не научили меня! Сходил бы в церковь, да ни минуты времени нет! С радостью бы постился, да болезни не дают»...

А освободи нас, верни нам здоровье, что мы будем делать? Не бросимся ли сами в объятия злых духов в поисках острых ощущений?

О Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной

Четверг **Мф. 14, 46- 15, 3**
Рим. 15, 17–29

Однажды, когда Господь «говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: Вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь».

Враги почитания Божией Матери обычно ссылаются на этот текст, доказывая, что в Марии не было ничего особенного, и что Иисус даже и не почитал Ее как Мать.

Но во-первых, Господь говорил эти слова людям, от которых еще было сокрыто, что сейчас открыто нам. Мы уже знаем о Благовещении, знаем, что Она не просто по плоти родила Господа Иисуса, как другие матери рождают детей, не ведая, что из них получится. Мы не можем сомневаться, что Она была самой лучшей из всех людей, да и не только людей. Мы чтим Ее как «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим». Мы отдаем себе отчет, что если бы Она не была такой, то Бог не мог бы прийти на землю. А чтобы быть такой, Она должна была с самого детства совершеннейшим образом «исполнять волю Отца» Небесного. Она прекрасно знала, Кого родила, и поэтому тщательно «сохраняла все слова» и Им, и о Нем сказанные, «слагая» их «в сердце Своем» (Лк. 2, 19).

И мы чтим Ее не просто потому, что Ей «посчастливилось» родить такого Сына. Мы чтим Ее во-первых, как Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, а уже вследствие этого — как Богородицу. Рождение Бога стало печатью Ее величайшей праведности.

Но люди тогда еще не знали этого. Они и чудесам Иисуса удивлялись: вот и Матерь Его среди нас, — откуда же это у Него? Для людей Она была просто матерью по плоти.

А Господь пришел установить высшее духовное родство. Он пришел усыновить людей Небесному Отцу и восстановить первозданную полноту отношений. Ведь иное отношение к матери, иное к брату, иное к сестре. А у Адама, кроме Евы, и у Евы, кроме Адама, не было никого. Они были всем друг для друга. Так и Христос, «указав рукою Своею» на тех, кто собрался вокруг Него, обещал: «кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь».

И поэтому не мог Он вдруг оставить тех, кто все оставил ради Него, и пойти к Своей Матери по плоти, Которая вдруг захотела с Ним поговорить. Чего бы стоило Его учение?

Но почему Она поступила столь, казалось бы, эгоистично, почему Она вдруг при всех решила заявить особые права на Своего Сына?

Пытаясь объяснять тот или иной поступок Божией Матери, мы должны всегда исходить из того, что Она Пречистая и Преблагословенная. Вспомним, как Иоанн Креститель, всю жизнь посвятивший Христу, ради пользы учеников притворился сомневающимся и послал их как бы от себя спросить: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» Он хотел, чтобы ученики сами услышали, увидели и уверовали, и он не боялся умаления своей славы.

Несомненно, Мария поступила подобным образом. Несомненно, Ей не надо было ничего, кроме славы Ее Божественного Сына. Несомненно, Своей просьбой Она хотела еще раз дать повод всем услышать о том, что самое главное в жизни, что объединяет людей и усыновляет Небесному Отцу. Несомненно, слыша ответ Спасителя, Она радовалась и Своему внешнему уничижению, и Его верности Себе, и тому, что ученики, видя такой пример, еще тверже укрепятся на избранном пути.

О притче

Пятница **Мф. 13, 4–9**
Рим. 16, 1–16

Однажды, когда вокруг Господа Иисуса Христа собрался народ, Он стал поучать притчами, и первая была о том, как «вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!» На этом кончается сегодняшнее «зачало».

Но интересно, что точно так же было и тогда. Господь рассказал народу притчу, и замолчал. Уже потом ученики подошли и спросили: «Для чего притчами говоришь им?» Господь объяснил в чем дело, а потом растолковал и значение притчи. Но народу Он ничего не пояснял, а только

сказал в конце: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» Как и нам с вами сегодня.

И мы услышали, что есть зерно, которое имеет чудесную силу прорастать и приносить плод даже во сто крат; что земля, на которую оно падает, бывает разная. И если упадет на плохую, то при всей сокрытой в нем силе может погибнуть. Мы услышали и о сеятеле, который разбрасывает семя повсюду, даже и на самую непригодную землю.

Но если заглянем дальше, то увидим, что вовсе не слепо сеет наш сеятель, вовсе не бездумно разбрасывает драгоценное семя. Сначала рассказал только притчу. «И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют...» (Мф. 13, 10–13, 18). Вот, шел наш Сеятель при дороге и бросил только притчу. А попалась добрая земля — посеял истолкование притчи.

Казалось бы, чем темнее люди, тем подробнее надо объяснять, а умный и сам разберется. Но вот пред Господом те, которые, «видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют», чье «огрубело сердце» (Мф. 13, 13–15). А Он рассказывает только притчу, которая ничему прямо не учит, ни к чему не обязывает, где нечему возразить, не над чем посмеяться. Но это же и слово Божие, хотя и сокрытое в себе. Если услышавший пойдет за Господом и попросит истолкования, то получит его, как получили Апостолы. А если не захочет идти — по крайней мере, кому меньше дано, с того меньше и спросится.

Но и получить истолкование — далеко не все. Чтобы плодоносить, слово Божие требует от нас постоянного труда, движения навстречу, требует внимания, напряжения, молитвы, чтобы наконец-то отверзлись уши, и чтобы это слово прозвучало вдруг прямо для тебя: прямым повелением, милостивым утешением, или властным напоминанием.

Да и вообще вся церковная жизнь поначалу кажется сокрытой в себе, чужой и не относящейся к нам. И лишь по мере старания войти — церковь становится родным домом.

Непонятное становится понятным, понятное раскрывается новым смыслом.

Как и простое перечисление знакомых Павлу христиан в конце послания к Римлянам многое может сказать имеющему уши, чтобы слышать.

Божественная истина неисчерпаема, а начинается с малого семени, с притчи, с таинственного знака, сокрытого в самом обыденном. Да и весь мир — великая притча о своем Творце.

Святитель Тихон Задонский назвал одну из своих книг «Сокровище духовное, от мира собираемое». Эта книга учит извлекать духовную пользу даже из простых земных предметов, из простых человеческих дел.

«Кто имеет уши слышать, да слышит», — говорит Господь. Ну, а кто скажет, что он не имеет ушей? А если так, то чем будешь оправдываться, если птицы у всех на глазах растащат сокровище, специально для тебя уготованное Богом?

О нуждающихся и не нуждающихся

Суббота **Мф. 9, 9–13**
Рим. 8, 14–21

Только что Господь Иисус Христос исцелил расслабленного, сказав ему: «Встань, возьми постель твою, и иди». Проходя же «оттуда, Иисус увидел» другого расслабленного, но не телом, а духом. Он увидел мытаря, «сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея». Господь сказал ему: «Следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним».

И вот, Господь в его доме. С Ним ученики. Здесь же и фарисеи, которые неотступно следовали за Господом и внимательно следили за каждым Его шагом. Пришли сюда и «многие мытари и грешники» «и возлегли с Ним и учениками Его».

Когда же фарисеи с удивлением спросили: «для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?»— Господь ответил: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

А покаяние, это когда отпадшее творение снова соединяется со своим Творцом, чтобы как некогда в Раю, пребывать

в вечной радости, символом чего на земле является совместная трапеза.

В том-то и состоит врачевание, что Он, бесконечно высший, сошел с Неба, сделал шаг навстречу. И они, зная о Его праведности, о Его высоком учении, о уважении к Нему народа, все-таки дерзнули подойти. Значит, была в них жажда соединиться с теми, от которых их отторгла греховная жизнь, соединиться с теми, у которых совесть чиста. Их обнадежило, что Господь уже вошел в дом мытаря, и теперь они радуются, что наконец-то тоже сделали первый шаг. И Господь, конечно, радуется этой их дерзновенной решимости.

А вот считающие себя праведниками вообще не понимают, что здесь происходит. Судя по всему, они и сами в трапезе не участвуют, и учеников пытаются побудить к осуждению Учителя. Они спрашивали тихо, чтобы Он не услышал, и вдруг, как гром среди ясного неба, прямо к ним: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

Так, если человек пришел в Церковь даже с самыми возвышенными мыслями, но если он не чувствует себя больным, погибающим, то и к нему может прозвучать этот гневный голос. Кто пришел в церковь не с покаянием, — ничего не поймет здесь. Он будет только озираться по сторонам и думать, что здесь только едят и пьют, и что здесь вообще собралась какая-то странная компания. Он не поймет, что этих участников Божественной трапезы Дух Божий привел, наконец, к Отцу. Дух засвидетельствовал им, что они дети Божии, и они этим Духом усыновления стоят и взывают от сокрушенных сердец: «Авва, Отче!»

«Милости хочу, а не жертвы», — говорит Господь. И по-настоящему рядом с Ним только тот, кто сам бесконечно нуждается в милости, и другим от всего сердца готов ее оказать.

О христианских и нехристианских чувствах

Неделя 5-я **Мф. 8, 28–9, 1**
Рим. 10, 1–10

Продолжая печалиться о своих сродниках по плоти, Апостол пишет: «Братия! желание моего сердца и молитва к

Богу об Израиле во спасение. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению».

Эта ревность иудеев не по разуму заключалась в том, что они, по словам Апостола, «усиливаясь поставить собственную праведность», «не покорились праведности Божией».

Было время, когда Бог через Моисея дал закон и сказал: «Соблюдайте постановления Мои, которые исполняя, человек будет жив. Я Господь» (Лев. 18, 5). Принятие закона было тогда встречей с живым Богом, Который давал заповеди не мечтательно, не гадательно, но со всей простотой и определенностью. «Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека. Она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?» И «не за морем она, чтобы можно было говорить: «кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?» Но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоем, чтобы исполнять его» (Втор. 30, 11–14).

А «конец закона — Христос», как по Своему Божеству Он был и началом закона. Приняли первое, должны принять и второе. И то, и другое из одних уст. Апостол о Новом Завете говорит теми же словами, какими было сказано о Ветхом: «не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо?», то есть Христа свести; «или кто сойдет в бездну?», то есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? «Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем», то есть слово веры, которое проповедуем».

И если не приняли Нового, то вся былая Ветхая праведность перестала быть святой, угодной Богу праведностью. Она сразу стала лишь «собственной праведностью», противостоящей праведности Божией.

В Ветхом Завете было: трудись, и получишь; плати своей праведностью, и получишь благо от Бога.

А Господь Своим делом, Своей жизнью, Своим учением говорит: вот тебе Моя праведность. В ней прощение всех твоих грехов. Бери все даром, Я приношу всего Себя за тебя и умоляю только об одном: прими эту жертву.

Господь Иисус Христос — «конец закона», «к праведности всякого верующего».

Поэтому у христианина, во-первых, должно быть не чувство труженика, честно зарабатывающего свой хлеб, но чувство неоплатного должника.

Во-вторых, христиане «сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению», потому что человек состоит из души и тела. И нужно не только веровать сердцем, но исповедовать устами и самой жизнью, не боясь и не стыдясь.

И в-третьих, Апостол пишет: «если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Христа Господом, и сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься». Недостаточно знать об Иисусе Христе даже то, что Он воскрес из мертвых, даже то, что Он Бог; надо еще исповедовать Его именно своим Господом. Как и перед таинством Крещения на вопрос священника: «Веруеши ли Ему?» — мы отвечали: «Верую Ему, яко Царю и Богу». Не только как Богу, но и как своему Царю, Которому обязан всем, от Которого всецело зависишь и Которому дашь ответ за всю жизнь.

А иначе будешь гордым делателем, который «и сам все может», и которому не нужен Спаситель.

Или будешь лицемером, у которого в сердце одно, а на устах другое.

Или еще хуже: будешь все знать о Христе, но без всякой пользы для себя. Как те бесы, о которых сегодня говорило Евангелие: они исповедали Иисуса Сыном Божиим; они знали, что без Его воли не смогут войти даже в свиней; и все же не назвали Его своим Господом, в своей бесовской гордости, в своем бесовском упрямстве.

СЕДМИЦА 6-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О семени и о земле

Понедельник **Мф. 13, 10–23**
Рим. 16, 17–24

Сегодня мы слышали истолкование притчи о Сеятеле. Господь говорит, что «ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает

посеянное в сердце его: вот кого означает посеянное при дороге».

Живущий при дороге поневоле привыкает целые дни смотреть и смотреть: «кто там прошел, кто проехал? Что там пронесли, что провезли? Где что случилось, кто что сказал?..

Применительно к нашему времени, жизнь при дороге, это жизнь перед телевизором и с газетой в руках. Бывает, конечно, пройдет по дороге и проповедник истины; бывает, что и среди дорожного шума услышишь здравое слово. Но погруженный в поток времени как распознает вечное? Привыкший к мельканию множества как уразумеет единое на потребу?

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется».

А почему соблазняется? — Потому что все принимает поверхностно, без достаточного для себя обоснования, лишь с точки зрения пользы для этой жизни. Он не углубляет своих знаний о Самом Иисусе Христе, о Его безграничной любви, о реальности воскресения мертвых, о неизбежности Страшного суда. Он весь на поверхности бытия. Он даже многое делает для внешнего блага Церкви. Но если встанет выбор: жизнь без Христа или смерть со Христом, он подумает, и выберет первое.

«А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно». Это сильная земля, но вся сила ушла в терние, и хотя она не отвергает и Божественного семени, но росток обречен быть чахлым и бесплодным.

Ну а добрая земля и есть добрая земля, которая далека от проезжей дороги, которая начинает с самого корня и не спешит поскорее выпустить хоть какой-нибудь росток. Такая земля, даже и не приняв семени Царствия, не будет растить и терния, чувствуя, что не для этого даны ей силы.

Господь рассказал эту притчу не для того, чтобы навсегда разделить всех на безнадежно бесплодных, и на заведомо плодоносных. Он пришел на землю, чтобы спасти даже са-

мых безнадежных, даже Своих предателей и распинателей, и Он до конца борется за каждое Свое творение. Он к любому обращается не как к рабу, но как к свободному. Он в каждом видит не бесплодную, но тучную землю.

И Он зовет вдуматься и вглядеться в себя: кто я, и чего мне не хватает, чтобы принять семя и вырастить его? Может быть, надо перестать «так жадно глядеть на дорогу»? Может быть, надо глубже думать и доходить до самого корня, прежде чем принимать? Может быть, надо ослабить энергию, направленную на «заботы века сего и обольщения богатства»?..

Сказавший притчу и Объяснивший ее да подаст нам мудрость разобраться и в своей душе, в своей жизни, чтобы стать доброй, плодоносной Господней нивой.

О пшенице и плевелах

Вторник **Мф. 13, 24–30**
1 Кор. 1, 1–9

Господь рассказал притчу, как некий хозяин посеял пшеницу, а ночью враг его посеял на этом же поле плевелы. Когда рабы хотели сразу вырвать сорные всходы, хозяин запретил, велел оставить до жатвы. Позже Господь объяснил, что «поле есть мир; доброе семя, это — сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы» (Мф. 13, 37–39).

На огромном едином поле мира есть добро и зло, есть праведники и злодеи. Человека окружает множество соблазнов, множество искушений, так что ни шага по пути добра невозможно сделать без жестокой борьбы. Чистые и светлые Ангелы горят желанием вырвать плевелы, уничтожить беззаконников, дать доброй пшенице свободно созревать. Ангелы могли бы это сделать во мгновение ока, и, кажется, тогда наступил бы рай на земле.

Но Хозяин не одобрил их усердия. Не будем забывать, что Бог бесконечно добрее Ангелов и бесконечно мудрее. Делает же Он только то, что способствует нашему благу. Значит, для нашего спасения необходимо, чтобы плевелы

зла, однажды появившись, уже росли бы до самой жатвы, до скончания века.

Так было от сотворения мира. Вот отпал от Бога самый великий из ангелов. Появился враг Божий, появилось в мире зло. Казалось бы: сразу — уничтожить его или заточить в узы вечного мрака. Но Бог этого не делает. Вслед за первым отпало еще множество ангелов. Они стали отвратительными злыми духами, бесами. Но и их Господь не уничтожает. Вот появился человек. Он тоже сотворен, как и ангелы, свободным, а значит, способным не только возрастать в добре, но и уклоняться в зло. Казалось бы, нужно сохранить его, не дать доступа к нему злым духам-искусителям. Но Господь и этого не делает. Падает и человек. Господь мог бы сразу вырвать его из жизни и создать нового. Но Он попускает быть злу и в человеческом роде.

Господь не уничтожает падших, чтобы остальные видели все следствия отпадения. Чтобы остальные Ангелы видели, как светлая природа духов становится темной и мерзкой. Чтобы и люди видели, как страсти пожирают человека; как желающие блага только себе — во взаимной борьбе губят друг друга. Чтобы все до конца все видели, и не могли бы допустить мысли: а что, если и мне попробовать? Может быть, в обход Божией заповеди, сам стану как Бог?

Итак, существование зла создает как бы страшную огненную стену перед теми, кто еще верен Богу, и не дает им тоже стать бесами и злодеями.

Не выдергивая до жатвы плевелы, Господь не дает доброй пшенице стать плевелами. А уж тогда — повелит собрать все соблазны и делающих беззаконие и ввергнуть их в печь огненную, где «будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13, 42). И тогда-то праведники, закаленные в борьбе со злом, навеки утвердившиеся в ненависти к злу, «воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13, 43). Да и в этой жизни Господь не оставляет их и обогащает «всяким словом и всяким познанием». Кто верен Господу, тот не имеет недостатка ни в каком даровании, ожидая «последней жатвы», явления Господа нашего Иисуса Христа.

О семени и о закваске

Среда **Мф. 13, 31–36**
1 Кор. 2, 9–3, 8

Желая дать понятие о Царствии Небесном, открыть «сокровенное от создания мира», Господь рассказал несколько притч. Сначала Он показал, что разной бывает земля, в которую Сеятель бросает семя. Потом — что разного рода семена могут падать в эту землю. А теперь — о необычайной силе семени Царствия Небесного.

Оно «подобно зерну горчичному, которое» «меньше всех семян». Среди всего множества земных дел, необходимых и важных, какими пустыми и незначительными могут показаться разговоры о том, что невидимо, что было когда-то или еще не наступило, о том, чего не покажешь, не взвесишь и не пощупаешь! Кто будет сеять семя, плодов которого еще не пробовал?

«Душевный» человек вообще «не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием». А сеятели нивы Христовой, проповедники Царствия, как раз возвещают «не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого». Они свидетельствуют, что «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

Но вот человек все же, несмотря ни на что и ни на кого, вопреки всей земной мудрости, взял и поверил, и посеял на своем поле это семя. И не посрамился. Оказывается, правду говорили, что оно, «когда вырастет, бывает больше всех злаков, и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его».

Господь не ограничился этой притчей. Потому что зерно вырастает, а земля так и остается землей, и даже более истощенной, чем прежде. Царствие же Небесное — не так. Господь уподобил его еще и «закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все». В закваске тоже таинственная сила: мало ее кладется, но вскисает много теста. Так и Царствие Небесное: не просто прорастает из души, но всю ее преображает.

Но пока-то зерно прорастет, пока-то тесто вскиснет; а до той поры — кто мы? За кого нам считать и себя, и друг друга, пока еще птицам небесным нечего делать в наших ветвях, пока еще закваска Царствия Небесного нас не преобразила?.. Апостол дает утешительный ответ. Несовершенные христиане были всегда. В послании к Коринфянам он называет их «плотскими», «младенцами», которых еще надо питать «молоком, а не твердой пищей». Апостол говорит, что они и «были еще не в силах, и теперь не в силах». Между ними «зависть, споры и разногласие». В общем, говорит многое, что мы могли бы применить и к себе.

Но все-таки он называет их «братьями». И хотя «младенцами», но все же «во Христе». При всем несовершенстве, считает своими, родными, жизнеспособными. Поэтому будем уповать на силу Божественного семени и Божественной закваски, видя, как Апостол не теряет надежды, помогая медленному духовному росту своих немощных братьев во Христе.

О мудрости и «мудрости»

Четверг **Мф. 13, 36–43**
1 Кор. 3, 18–23

На одном поле растет и пшеница Господня, и плевелы лукавого. От одной земли питаются, но все у них разное, противоположное, в том числе и мудрость. Апостол пишет, обращаясь к тем, кто от Бога: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом».

Мудрым принято называть того, кто больше знает, больше предвидит, и поэтому более удачно ведет свои дела. Представим себе двух людей, живущих в одном доме. Допустим, оба они еще ни разу не выходили за порог. Но один каким-то образом узнал и поверил, что за стенами дома есть и солнце, и небо, и бескрайние просторы. Для него мудрость в том, чтобы как следует приготовиться и уйти в этот светлый и радостный мир. А другой упрямо не хочет

в это верить, считает, что за стенами ничего нет. Для него мудрость в том, чтобы поуютнее устроить свое жилище, и с наибольшей приятностью провести отпущенное время.

Так и у верующих и не верующих в Бога и в вечную жизнь — разная мудрость, и мудрость одного есть безумие в глазах другого.

Верующий старается жить в честности, в воздержании, а ему говорят: «Безумный! жизнь дается один раз, и прожить ее надо в удовольствиях!» — Ведь они не знают, что только за порогом этой жизни начинается истинная, вечная жизнь.

Верующий, по заповеди Божией, щедро дает милостыню, а ему говорят: «Безумный! на что же ты сам будешь жить?» — Ведь они не знают, что Отец Небесный даже за стакан холодной воды, поданный во имя Божие, воздаст великую награду.

Верующий терпеливо переносит скорби, за все благодарит, никому не мстит, а ему говорят: «Безумный! тебя же сомнут, растопчут, уничтожат!» — Ведь они не знают, что Отец Небесный восставит его во славе, воскресив даже из мертвых.

И вот, считая верующих безумными а себя мудрецами, копошатся они в своем домике, думая, что от Бога можно отгородиться стенами. Они перебирают вещи с места на место, наводят внутри порядок, и не знают того, что наш общий человеческий дом стоит на песке. В любой миг могут подуть ветры, хлынуть воды, и погибнешь под обломками своего жилища со всею своею «мудростью». «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны».

А христианин, как когда-то праведный Ной, терпеливо строит ковчег своего спасения. И над Ноем смеялись, считая его безумным. Но все мы знаем, кто тогда на самом деле оказался мудрым, а кто погиб в своем безумном противлении Богу.

И не стоит удивляться и негодовать, если нас считают безумными, но сожалеть о тех, кто имея очи не видит, и имея уши не слышит. Ведь нам прямо сказано: «все ваше: Павел ли, Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — все ваше». И поистине так: и прекрасный Божий мир для нас говорит о своем

Творце; и Апостолы были посланы ради нашего спасения; и жизнь дана, как время подвига, очищения и совершенствования. И смерть тоже наша: сквозь нее, как сквозь царские врата, Господь вводит в вечную жизнь. И настоящее с его спасительными трудами; и будущее с его блаженством, все — наше...

Если только мы «Христовы».

Ну а если мы Христовы, то мы Божьи, потому что и «Христос — Божий»!

О сокровище, о жемчужине и о неводе

Пятница **Мф. 13, 44–54**
1 Кор. 4, 5–8

Вот еще три притчи, в которых Господь рассказывает о Царствии Небесном. Теперь оно уподобляется «сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то».

Отметим благоразумие, решительность и щедрость этого человека. Он как должно оценил то, что нашел. Не собственно поле ему нужно. Но сокровище находится в границах этого поля, и для человека становятся драгоценными самые эти границы.

Так и для нашедшего сокровище Царствия Небесного становится драгоценным все, что несет его отблеск, и имеет к нему хоть какое-то отношение, иными словами, все, что заключает в себе церковная ограда. И не приобретя всего, что находится в церковной ограде, — не приобретешь и желанного сокровища.

Еще уподобляет Господь Царство Небесное «купцу, ищущему хороших жемчужин». Герой этой притчи не просто желает обогатиться. Он понимает толк в вещах. В своей жизни он пересмотрел много жемчуга, и вот, нашел «одну драгоценную жемчужину», совершенство качества и формы. Он хочет непременно обладать ею, и он «пошел, и продал все, что имел, и купил ее».

Святой равноапостольный Владимир в посвященном ему тропаре уподобляется такому купцу. Желая найти истину, он исследовал разные религии. Только православная вера показалась ему верхом совершенства, и он все отверг, чтобы ее приобрести.

А третья из сегодняшних притч неожиданно совсем с другой стороны говорит о Царствии Небесном. Господь уподобляет его «неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег, и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон».

Только что в центре был человек, ищущий, приобретающий Царствие Небесное, и вдруг оказывается, что оно само ищет его и улавливает! Оказывается, Сам Бог закидывает невод Своего Промысла и отделяет злых «из среды праведных», чтобы каждый получил свое. Как человек ищет Бога, так и Бог ищет человека.

Итак, надо неустанно искать, сравнивать, выбирать. Надо и платить не скупясь, помня, кстати, что платишь не своим, а тоже Божьим. Ибо «что ты имеешь, чего не получил?»

Но с другой стороны, только Бог на последнем суде оценит: кто что искал, кто чем и за что платил. Потому и напоминает Апостол: «не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога».

О желании быть отлученным от Христа

Суббота **Мф. 9, 18–26**
Рим. 9, 1–5

Сегодня мы слышали такие удивительные слова Апостола Павла: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая моя печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, Израильтян».

И сказал он это сразу после других, тоже удивительных слов: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе Господе нашем» (Рим. 8, 38–39).

Никто и ничто не может отлучить, а он сам хочет быть отлученным. И от Кого? — От Того, к Кому прикоснулась больная и тут же получила исцеление; от Того, Кто подошел к умершей, «взял ее за руку, и девица встала».

И кто хочет быть отлученным? — Тот, кому Сам Христос явился и вырвал со дна погибели. Тот, кто еще при жизни «был восхищен в рай», «слышал неизреченные слова», и потом свидетельствовал, что «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9)! Разве мало Павлу быть для всех всем (1 Кор. 9, 22)? Не учит ли нас Господь все-таки любить ближнего как самого себя, а не более чем себя?..

Но дело тут даже не в ближнем. Израиль для Павла не просто «братья по плоти», но сосуд, в который были излиты драгоценные Божьи дары, сосуд славы Божией, предназначенный в конечном итоге для всего человечества. Бог так определил, что именно израильтянам «принадлежит усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования». Бог так повелел, что «их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог, благословенный во веки». И Павел хочет, чтобы ни капли не пропало из того, над чем так трудился Господь, к чему Он приложил столько особой любви и заботы.

И поэтому когда речь идет о спасении людей, Апостол становится для всех всем. Когда же слово заходит о самом основании спасения, о «Христе по плоти», о Его крестном терпении и крестной жертве, то и любовь Павла теряет предел. Он готов пережить пережитое Самим Иисусом: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46).

Вот любовь, до которой нам очень и очень далеко.

Не будем же, по крайней мере, говорить такие легкомысленные слова: «Пусть Бог меня накажет, только бы его не наказал!» «Пусть мне погибнуть, только бы ему хорошо было!» «Пусть твой грех будет на мне!..»

Ты еще не знаешь ни того, что значит быть со Христом, ни того, что значит быть отлученным от Него. Одни и те же слова в устах одного человека могут быть выражением высочайшей любви, а в устах другого — свидетельством крайнего невежества и безумия.

О «вере их»

Неделя 6-я **Мф. 9, 1–8**
Рим. 12, 6–14

Церковь — единое Тело Христово. И как у каждого члена тела свое назначение, так и все мы в Церкви, «по данной нам благодати, имеем различные дарования».

Апостол называет во-первых, дар пророчества, когда через человека Духом Святым открываются тайны Божьего Промысла. Есть дар служения. Есть дар учения, способность убедительно передавать истины веры. Есть дар увещевания, дар побуждать к добру и отвращать от зла. Есть дар — раздавать — свое или порученное, и делать это надо «в простоте», не осложняя ни оглядкой (а много ли еще осталось?), ни личным пристрастием. Есть дар начальствовать, со властию управлять людьми, и тут нужно «усердие». Есть дар благотворительности, и главное здесь — радушие, потому что если его нет, принимать бывает очень трудно. И все эти взаимосвязи, взаимодействия, взаимослужения призваны скреплять Церковь, делать ее неразрывным Телом Христовым.

Если в человеческом теле все исправно действует и взаимодействует, то заболевший член быстро поправляется. Так и люди, соединенные в Боге любовью, имеют безграничные возможности помогать друг другу. Тут все зависит от всех.

Однажды принесли к Иисусу Христу «расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному» сначала: «прощаются тебе грехи твои», а потом: «встань, возьми постель твою, и иди в дом твой». Подчеркнем: не его веру увидел Господь, а «веру их», и именно по их вере исцелил его.

А вера их действительно была необыкновенной. В других Евангелиях даже говорится, что они, «не имея возможности

приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный», к ногам Иисуса (Мк. 2, 4).

Вот сила единения людей, сила согласованных действий, сила дерзновенной веры в Иисуса Христа и любви к больному другу. Вот что значит прийти ко Христу. Именно к этому побуждает Апостол, когда говорит: «Любовь да будет непритворна... будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте».

А о том, как, придя, надо предстоять, он же пишет: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны».

Так, когда сделаем все, что от нас зависит, исполним каждый свое служение; когда как бы составим вместе и положим к ногам Иисуса раздробленные части тела Церкви, тогда можем смело надеяться, что Дух Божий войдет, оживотворит его, и Сам будет врачевать немоществующее и восполнять оскудевающее.

СЕДМИЦА 7-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О суде и неосуждении

Понедельник **Мф. 13, 54–58**
1 Кор. 6, 9–5, 11

Слыша в сегодняшнем чтении слова Апостола о необходимости кого-то судить, не можем не вспомнить слов Самого Иисуса Христа: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1).

Но вспомним, что в другом месте и Господь тоже говорит о суде. Только— кто судья? — «Слово, которое Я говорил, оно будет судить» (Ин. 12, 48).

Кто обвинитель? — «Есть на вас обвинитель, Моисей» (Ин. 5, 45).

Иными словами, наш единственный судья — Слово Божие, и единственный обвинитель — тот, кто может с любовью и кротостью это слово напомнить.

А цель суда — чтобы согрешающий понял, что пренебрегая заповедью, отрекаешься и от Того, Кто ее дал, и от тех, кто ей верен.

И единственное церковное наказание — отлучение от церковного общения. О чем Апостол и пишет: «Я писал вам в послании — не сообщаться... с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником». С такими Апостол повелевает «даже и не есть вместе».

Однако не запрещается общаться «вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями».

«Что мне судить и внешних?» — говорит Апостол. Какими словами обвинять того, кто еще не принял Божьего Слова в закон своей жизни? «Внешних... судит Бог». Судит по законам, которые от нас сокрыты. Кто, кроме Бога, может рассудить, почему еще не прозрел, не уверовал? Кто, кроме Всеведущего Бога, может оценить степень вины и определить, сколько времени отпустить, чтобы успел покаяться, а не набрать новых грехов?

Ну, а если запрещено даже судить тех, кто еще не принял нашего закона, то какое безумие — самим судиться у них?

Между христианами тоже бывают недоразумения. В Церкви люди разной степени совершенства, и далеко не все уже поняли, что «лучше... оставаться обиженными». И тут необходим разумный человек, «который мог бы рассудить между братьями», то есть судом Слова Божия помочь виноватому увидеть свою вину и покаяться.

А у Коринфян, наверное, была та же болезнь, за которую и Господь упрекал своих земляков: «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем». А в результате — «брат с братом судится, и притом перед неверными», давая ищущим повода прямой повод злословить Церковь.

Поэтому и вознегодовал Апостол: «как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?» Там совсем другие законы и совсем другие цели и суда, и самой жизни.

Так что не будем никого судить. Но будем и сами с благоговением и трепетом ходить пред судом Слова Божия, и другим помогать в этом.

О браке

Вторник **Мф. 14, 1–13**
1 Кор. 6, 20–7, 12

Апостол пишет: «Во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена». И далее пишет: «Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Одна и та же Божественная премудрость открывается в творении как души, так и тела. Вспомним первые главы книги Бытия. Бог создал первую женщину из ребра первого мужчины. И когда Бог привел ее к Адаму, тот, хотя и впервые увидел, но сразу узнал. Не сказано, какие чувства он испытал. Сказано, какими словами их выразил: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа своего» (Быт. 2, 23). Иными словами, увидев Еву, он сказал: «Это мое. И не просто мое, но изнутри меня взятое, и специально для меня созданное».

Могучей, таинственной силой связал Бог людей. И хотя нельзя сказать, что каждый только половина человека, но все-таки видим, какое здесь положено основание для неразрывности человеческого рода. Здесь вместе и принудительное, и сладостное средство для преодоления человеческого эгоизма, греховной человеческой самодостаточности.

Первый брак первого мужчины был с женщиной, происшедшей из него самого. Следующие браки были между родными братьями и сестрами. Но потом браки между ближайшими родственниками были запрещены, почему и Иоанн Креститель обличал Ирода: «Не должно тебе иметь... жену Филиппа, брата твоего».

Было также запрещено отдавать дочерей за иноверцев и брать оттуда жен. Мы знаем из Священной истории, сколько через это приходило соблазна. А самым первым гибельным смешением было, когда «сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены» (Быт. 6, 2). Предание объясняет, что сыны Божии, это по-

томки благочестивого Сифа, а другие — потомки первоубийцы Каина. Из-за этого вся земля развратилась, и чуть не погибла в водах потопа.

А браки, совершаемые в Господе, соединяли и семейства, и племена, и целые народы.

Своим пришествием Господь не упразднил этого, хотя и открыл более совершенный, лишенный чувственной принудительности путь. Апостол Павел, желая всех соединить в новом Адаме, во Христе, для всех «сделался всем» (1 Кор. 9, 22). Духовные радости, которые Господь давал ему вкусить, были не сравнимы с радостями брачной жизни.

И в то же время Апостол не отталкивает от брака, и даже запрещает одной стороне самовольно уклоняться от супружеского общения, а только по взаимному согласию, «на время», и только ради «упражнения в посте и молитве».

Апостол хотя и говорит: «хорошо человеку не касаться женщины», но тут же прибавляет: «но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе». В этом подлинное пастырское величие Божьего человека, способного вместить и тех, и других. И надо учиться: имея одно дарование от Бога, не предписывать своих законов тому, кто имеет от Бога совсем другое дарование.

О входящем и исходящем

Среда **Мф. 14, 35–15, 11**
1 Кор. 7, 12–24

Однажды подошли к Иисусу Христу иерусалимские книжники и говорят: «Зачем ученики Твои преступают предания старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб».

Когда-то Бог избрал один народ из среды других, и хранил его, как хранят неразумных детей, чтобы не переняли злых навыков. Бог оградил его двойной стеной: стеной нравственного закона и стеной внешнего ритуала, внешнего обособления и отличия. И все это с единственной целью: чтобы Имя Божие хранилось в этом народе и чтобы в свое время прозвучало для всех.

Но Иудеи не осознали главной цели своего избранничества. Зато осквернить от соприкосновения с внешним

миром очень боялись. После общения с язычниками обязательно мыли руки. Но и всегда перед едой это делали из страха осквернить по неведению.

Но незаметно кончается детство. Перестают водить за руку, и слышишь новые, «взрослые» слова. Ты думал, что нечистота только вокруг, а тебе вдруг говорят: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека». Оказывается, те самые «злые помыслы», которые исходят из твоего сердца, и есть то, что поистине тебя оскверняет.

Ты придумал такую детскую игру, что «если кто скажет отцу или матери: «дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», тот может и не почтить отца своего или мать свою». А тебе напомнили взрослые обязанности и взрослую ответственность: «Почитай отца и мать» и «злословящий отца или мать смертью да умрет».

Труден переходный возраст и у человека, и у народа. Даже принявшие Христа иудеи не сразу осознали, что детство кончилось. И даже Апостол Петр только после специального знамения (Деян. 10, 9—16) решился пойти в дом к не иудею Корнилию.

Только приняв Христа, этот народ мог стать взрослым, обрести силу стоять лицом к лицу с окружающим миром. Когда-то иудеям, вернувшимся из Вавилонского плена, велено было отпустить иноплеменных жен, как источник соблазна. Но теперь тем, кто возвращается из плена греха в новый, горний Иерусалим, в церковь Христову, говорится: «если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее». Так же и уверовавшая жена. Потому что теперь и верующий муж, и верующая жена способны освящать тех, кто живет с ними.

Да и все принявшие Христа обретают эту человеческую зрелость и силу. Поэтому «призван ли кто обрезанным, не скрывайся». «Рабом ли призван, не смущайся». «Каждый оставайся в том звании, в котором призван». Теперь «обрезание ничто, и необрезание ничто, но все — в соблюдении заповедей Божиих», то есть во взрослой, активной жизни с ясным знанием поставленной цели.

Затянувшееся детство ненормально, а впадение в детство — тяжкая болезнь, от которой да сохранит нас Бог. Тяжело видеть среди нас признаки этой болезни. Например,

некоторые придумали, что после причастия нельзя никому ничего давать, в том числе и милостыню. Иначе — растеряешь полученную благодать. А между тем, заповедь Божия гласит: «просящему у тебя дай» (Мф. 5, 42). И не безумие ли — думать, что Господь лишит благодати того, кто окажет Ему послушание? Ибо «все — в соблюдении заповедей Божиих».

И если ты ревнуешь об этом, никакое общение с кем бы то ни было, ни неверующий муж, ни неверующая жена — не может тебя осквернить. Любая нечистота, любая злая воля сквозь тебя пройдет и извергнется вон...

Если только ты сам из своего сердца не выйдешь ей навстречу: или влечением к этой нечистоте; или чрезмерным страхом перед ней; или даже просто праздным к ней любопытством.

О горизонтали и вертикали

Четверг **Мф. 15, 12–21**
1 Кор. 7, 24–35

Апостол советует новообращенным: «В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом».

Человек привык передвигаться по поверхности. Он склонен искать причины своих бед или в неудачной женитьбе, или в отсутствии жены, или в плохой профессии, или в своем социальном положении.

Но вот человек услышал призывающий глас Божий. Что предпринять первым делом? Чтобы первый же шаг не стал ложным, Апостол советует — прежде всего оставаться на своем месте. Например, «соединен ли ты с женой? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены». Не ищи другого состояния, а ищи, как угодить Богу, если ты один. Или — как в Боге построить отношения с женой, если она у тебя есть.

Но не всякий может вдруг начать двигаться только по духовной вертикали. Не всякий способен вдруг постигнуть: как это — заботиться «о Господнем»? И не всякий создан, например, для семейной жизни. А дело спасения не терпит насилия. Останови птицу в воздухе, так она не подниматься от этого начнет, а падать.

В ветхозаветные времена Бог одно время Сам посылал Своему народу вождей, называемых «судьями». А «они захотели постоянного царя, «как у прочих народов» (1 Цар. 8, 5). Богу это было неугодно. Огорченному пророку Самуилу Он сказал: «не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар. 8, 7). Но все же Бог сделал по их желанию, снизошел к их немощи.

И Апостол не связывает новообращенных. Сказав, как поступить правильнее, он сразу оговаривается: «Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит».

Допускается для немощных даже развод. Но только ради безбрачия (Кор. 7, 11).

Потому что, в конце концов, и с царем, и без царя, и в браке, и вне брака можно остаться с Богом и спастись. Потому что и для царя, и для народа, и для мужа, и для жены — все только «в соблюдении заповедей Божиих» (1 Кор. 7, 19).

А в наши дни дух своеволия — как пыль, носит туда и сюда, не давая остановиться и одуматься.

«Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон?» — А у нас все душевные заботы как раз, в основном, вокруг чрева.

«Проходит образ мира сего», — а мы все гонимся за ним, как за призраком.

«Время уже коротко», — а мы и душою, и телом все еще там, где «слепой ведет слепого».

И Апостол дает необременительный совет. Он говорит: ладно, живите как живете, делайте что делаете. Но с одним условием: «имеющие жен должны быть, как не имеющие»; «плачущие, как не плачущие»; «радующиеся, как не радующиеся»; «покупающие, как не приобретающие»; «пользующиеся миром сим, как не пользующиеся».

Имеешь ли жену? — вспомни, что Бог дал тебе ее, Бог может и взять в любой момент.

Плачешь ли? — вспомни об утешении, уготованном всем труждающимся и обремененным.

Радуешься ли? — вспомни, что «все труды человека — для рта его, а душа его не насыщается» (Еккл. 6, 7).

Приобрел ли что-нибудь долгожданное? — вспомни, что, может быть, завтра призовет Господь, и ничего не возьмешь с собою...

Таким образом всякий твой шаг по земле обретет мысленный противовес, и тем самым в твоей душе образуется как бы завязь, ядро твоей личности, предстоящей Богу.

Как рабу необходимо почувствовать себя «свободным Господа», так и свободному надо понять, что он «раб Христов» (1Кор. 7, 22), и твердо встать на обе ноги перед нашим Господом, посреди потока мирской жизни.

О браке и безбрачии

Пятница **Мф. 15, 29–31**
1 Кор. 7, 35–8, 7

Сравнивая брак и безбрачие, Апостол говорил, что «выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше». Так же и вдова «блаженнее, если останется так». Апостол жалеет христиан, указывая на трудность креста брачной жизни. Он, как всегда, никого не связывает: «если женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти».

Причина возможной скорби в том, что соединяются двое, чтобы взаимно обладать друг другом. Чтобы жена была во всем послушна мужу, и чтобы муж относился к жене, как к собственной плоти (Еф. 5, 22–29). И это на всю жизнь! Апостолы, например, ужаснулись, когда услышали, что разводиться можно только по вине любодеяния.

С какой тщательностью советует преподобный Иоанн Лествичник выбирать духовного руководителя, которому послушник мог бы навсегда и полностью вручить свою волю, идти вслед за ним тесным путем монашеского жития!

Супруги соединяются не менее крепкими узами. Но ведь не ради скорбей и креста, не ради тесного пути вступили они в брак, а для радостей брачной жизни. И в результате — как часто они превращаются в двух врагов, скованных одной цепью! Каждый не ищет — ни как угодить Богу, ни как угодить другому, а только требует угождения себе.

Пророк Давид молился: «Пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне» (2 Цар. 24, 14). А в браке как раз и велика опасность впасть именно в руки человеческие. И даже если брак «в Господе», с человеком одной веры. Потому что мы склонны, забывая о своих обязанностях, слишком хорошо знать обязанности другой стороны и деспотически требовать их выполнения, прикрывая свой эгоизм Божественным авторитетом.

Сквозь человека очень трудно пробиться к Богу. Руку Божью легче увидеть в огне и буре, чем в злобном издевательстве. Поэтому Апостол и советует путь безбрачия, как более прямой: «Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения».

Но обратим внимание, что Павел не просто рекомендует безбрачие, как таковое. Он говорит очень конкретно: «Желаю, чтобы все были, как и я». И потом еще раз повторяет, говоря о вдовах: «хорошо им оставаться, как я» (1 Кор. 7, 7–8).

Монашеское служение всегда считалось великой наукой, «художеством», которому надо учиться, и не просто учиться, но видеть пример учителя. А если нет человека, который на пути безбрачия мог бы сказать: «будь, как я»? Если наставник, в лучшем случае, имеет только книжное знание, которое «надмевает», и не имеет любви, которая одна только способна «назидать», — то не становится ли такой путь еще более рискованным, чем путь брачной жизни? Ведь в браке, по крайней мере, не стоит вопрос: «что делать?» — Приходится и друг перед другом смиряться, и в поте лица хлеб зарабатывать, и за детей бороться. И если делать это с молитвой, с терпением, — вот тебе и спасение.

Так что будем очень осторожны в выборе жизненного пути. Не стоит уничижать хорошее и определенное, ради неопределенного и неведомого, в чем нас некому наставить. А если кто-то позовет и скажет: «будь, как я», — надо очень и очень присмотреться, а действительно ли быть как он — достойно, спасительно и богоугодно?

О жертве, жертвеннике и участниках жертвенника

Суббота **Мф. 10, 37–11, 1**
Рим. 12, 1–3

Апостол Павел писал к церкви: «Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего».

Вот каким словом определяется христианское разумное служение: «жертва». А что такое жертва? В Ветхом Завете для жертвы выбиралось лучшее, не имеющее порока животное. Его брали от стада, вели к храму, к жертвеннику. Жертва не была жертвой, если оставалась живой.

Апостол же призывает христиан приносить свои тела в жертву «живую». А как приносится такая жертва?

Вот Господь говорит ученикам, посылая их на проповедь: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». В этих словах не что иное, как выделение жертвы из стада, отсечение от предков и от потомков.

«И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». Здесь ведение к месту заклания.

«Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее». Здесь уже самое заклание.

Апостол объясняет, каким образом оно должно совершаться: «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная, совершенная». И мы знаем из истории Церкви, как святые пророки, апостолы и праведники, переставая сообразовываться с безбожием и суетой, буквально умирали для мира.

Но всегда, где есть жертва, есть и участники жертвенника (1Кор. 10, 18). В Ветхом Завете первыми были животные, вторыми — люди. А в Новом Завете и те, и другие — люди. Участник жертвенника — тот, кто хотя и понимает необходимость жертвенного служения, но сам еще не имеет решимости стать «живой, святой, благоугодной» жертвой Богу.

Господь и их не лишает надежды. Он говорит: «Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды во имя ученика (например, Апостола — ради того, что он Апостол Христов), истинно говорю вам, не потеряет награды своей».

Кто сердцем принимает человека ради того, что он служитель Христов, тот, как говорит Господь, «принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня». Думается, что, когда мы даже только читаем о подвигах святых угодников Божиих, удивляемся и вздыхаем о своем несовершенстве, — мы тоже не остаемся в стороне от этого Жертвенника...

Поэтому не будем упускать возможности сделать что-нибудь во имя Христово. А также, видя истинное, жертвенное служение, перестанем думать «о себе более, нежели должно думать». Но всегда — «скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил».

О истинном угождении

Неделя 7-я **Мф. 9, 27–35**
Рим. 15, 1–7

Пятнадцатую главу послания к Римлянам Апостол начинает словами: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных». Кто это «мы»? «Мы», это значит: он, пишущий, и я, слышащий или читающий.

А кто же тогда «бессильные»? А все остальные, и в первую очередь тот, кто рядом, «ближний». И вот этому «ближнему» «каждый из нас должен угождать».

Но угождать далеко не во всем, а как сказано далее, «во благое, к назиданию», то есть в первую очередь в том, что прямо направлено к истинному благу, к спасению души. Но и любая помощь в любом житейском деле может обернуться «к назиданию», может расположить человека славить твоего Бога, идти твоим путем.

Но угождая в житейском, надо именно «не себе угождать». А то ведь болтливый и любопытный только и ждет, как бы «угодить» ближнему, слушая пустую болтовню и отвечая тем же. Чревоугодник только и ждет, как бы накормить и напоить ближнего, а заодно и себя. Ленивый с удовольствием не пойдет на дело Божие по малейшему желанию ближнего.

А истинный раб Божий, если уж ему придется ради ближнего в чем-то отойти от своих строгих правил, потом тайно еще больше стеснит себя.

Бывает, человеку угождают во всем, как Богу. Это настоящее идолослужение, и в писании сказано, что «Бог рассыпал кости человекоугодников» (Пс. 52, 6).

А иногда кажется, будто человек угождает ближнему, а на самом деле он творит прямую бесовскую волю. На что уж похвальная добродетель — молчание, а сегодня в Евангелии мы слышали, что оно бывает и от бесовской одержимости.

И чтобы не довести себя до этого, нельзя совершать в угоду ближнему грех. Не имеет права человек, образ и подобие Божие, бросать себя, как солому, в костер чужих или своих страстей. Нельзя также оборачиваться назад, взявшись за плуг. Например, если дал обет безбрачия, нельзя соглашаться на брак, хотя бы и обещали тебе за это встать на путь спасения.

Никогда твой отход от Бога никому не принесет пользы. Опытные люди даже говорили, что если видишь утопающего, протяни ему жезл, а не руку. Если он способен выбраться, выберется. А если уже потерял себя, то по крайней мере не утащит и тебя в воду. А так и получается, когда, например, самоуверенные христианки пытаются спасать от пьянства или иных пороков чужих мужей.

Ну а кто действительно хочет угождать ближнему «во благое, к назиданию», тому учитель Сам Господь. Апостол приводит слова пророка Давида, сказанные как бы от лица Бога Сына Богу Отцу: «злословия злословящих Тебя пали на Меня».

Сын Божий пришел на землю, желая угодить Отцу. Он выполнял Его волю, говорил Его слова. А в результате — все зло злословящих миновало Отца и всецело пало на Сына, приведя Его на крест.

Христос угодил и нам: но не нашим страстям, а всему тому доброму, что Он Сам же в нас и пробудил. Поэтому и сказано: «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас во славу Божию».

СЕДМИЦА 8-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О закваске

Понедельник **Мф. 16, 1–6**
1 Кор. 9, 13–18

Однажды Господь сказал ученикам: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской».

Каждая закваска на свой лад преображает вещество. Фарисейская закваска, например, все, к чему прикасалась, пропитывала вкусом лжи, лицемерия. Вот фарисеи просят Иисуса «показать им знамение с неба». Казалось бы, что тут плохого? Но Господь резко ответил: «Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете?» Если Господь укорил их, значит они должны были узнать это время, уже наступившее, и Господа, уже пришедшего.

А если не узнали, значит не хотели. Значит, и все их вопросы были заквашены сатанинской закваской, противоестественным желанием: не услышать на них вразумительного ответа. И значит, чем больше ходили за Господом, чем больше видели и слышали, тем сильнее отравляли себя, возрастая во лжи и в противлении истине.

И совсем другая закваска в душе Божьего человека. Апостол пишет к Коринфянам: «Если я благовествую, то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую! За что же мне награда?..» Иные сразу скажут: «А, он тоже лицемер, и он только о награде думает!..»

Ну а разве не естественно любящему ждать награды, как плода своей любви, как свидетельства угодности и взаимности? Ведь и Сам Сын Божий, исповедав свою совершенную любовь к Отцу: «Все Мое Твое», исповедал и уверенность в столь же совершенной награде: «и Твое Мое» (Ин. 17, 10).

Так «за что же мне награда?» — размышляет Апостол. — Неужели только за то, что я делаю дело, которое и так обязан делать, причем, доставляющее мне величайшую радость? — Апостол не может вменить этого себе в заслугу. Награду же он надеется получить «за то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моей властью в благовествовании».

Сам Бог установил, что «священнодействующие питаются от святилища», берут «долю от жертвенника». Но закваска любви не давала Апостолу воспользоваться «ничем таковым». Он никого не осуждает: добросовестный наемник тоже достоин уважения. Апостол говорит только о себе, и только с голоса своей совести.

Так, не зная покоя в своем святом деле и имея полное право «жить от благовествования», он еще и ухитрялся простым ремеслом зарабатывать на жизнь. И это уже его собственный подвиг, его личный дар Богу.

Не всякому такое по силам. Для иного подвиг и в том, чтобы добросовестно отработать зарплату. А для иного даже в том, чтобы лишний раз не украсть.

Господь, как от заквашенных любовью, ждет от нас роста, движения навстречу. Похвала Господня — всякому, кто понуждает себя на большее и на лучшее, и кто вместе с Апостолом говорит: «для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою».

О смысле жизни

Вторник **Мф. 16, 6–12**
1 Кор. 10, 5–12

Господь сотворил чудо, накормив семью хлебами четыре тысячи. Когда после этого Он с учениками переправлялся на другую сторону озера, «сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлебов мы не взяли. Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч человек, и сколько

коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали?»

В который уже раз проявилось удивительное маловерие даже лучших представителей богоизбранного народа!

Бог поступал со Своим народом, как поступают, когда учат плавать: то поддержат, то отпустят, чтобы сам старался держаться на воде. Но едва Бог на миг отпускал свою благодетельную руку, евреи тут же погружались в пучину неверия. Бог вывел из Египта, провел через море, избавил от преследователей. Но едва Моисей удалился на гору принять Закон, народ впал в малодушие. Сделали золотого тельца, и ему стали совершать служение. И так все время: стоило немного помедлить с очередным благодеянием, тут же начинался ропот, и даже рабская жизнь в Египте казалась более желанной.

И Апостол напоминает, что народ хотя и был избранным, но при всяком отступлении его постигали тяжкие бедствия. Особенно когда уже подошли к пределам земли обетованной. Посланные Моисеем разведчики увидели красоту и богатство земли, но устрашились могучих жителей, и когда вернулись, стали плохо говорить о земле и смутили народ. Все словно забыли знамения силы Божией и не поверили, что Бог в силах сокрушить и эту, последнюю преграду. И тогда было сказано: «Все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвой обещал отцам их» (Чис. 14, 22–23).

Об этом Апостол и напоминает новому Израилю, церкви Христовой. Напоминает, чтобы уберечь от гордости и самоуспокоенности, от духовного расслабления. Напоминает, что все эти события кроме того, что они на самом деле происходили, являют еще и «образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы.

Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них.

Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи.

Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали, и погибли».

Иными словами, «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». Потому что смысл земной жизни только в том, чтобы научиться плыть по реке Богопознания. Чтобы мы уже никогда не поколебались, как наши прародители в Раю, — ни от наветов сатаны, ни от собственных прихотей. Чтобы мы были поистине благонадежны для Царствия Небесного.

О том, чтобы не упасть

Среда **Мф. 16, 20–24**
1 Кор. 10, 12–22

«Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть», — предостерегает Апостол Коринфян, на которых было воздвигнуто гонение.

Сначала он утешает тех, на кого гонения уже обрушились. Он напоминает, что «верен Бог, который не попустит» «быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы могли перенести».

А остальных Апостол старается укрепить против соблазна служения идолам. «Сами рассудите о том, что говорю», — пишет он. И сначала напоминает о великом жертвоприношении, в котором участвуют верующие во Христа: «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?»

Потом, как на прообраз этой Жертвы, указывает на жертвы ветхозаветные: «Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?» Ветхозаветные жертвы тоже приносились истинному Богу, по Его заповеди.

И недопустимо сравнивать с этими жертвами жертвы, которые приносились идолам.

Но дело даже не в самих идолах. «Что же я говорю? — объясняет Апостол, — то ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь? Нет». Идол сам по себе лишь статуя, сделанная человеком. Но беда в том, что «язычники, принося жертвы, приносят их бесам, а не Богу».

Всякое жертвоприношение, всякая молитва, это всегда кому-то. Желание поклоняться не возникает вдруг: к нему всегда побуждают либо Бог, либо бесы.

Обратим внимание, сколько существует, например, самых разных заговоров и заклинаний от одних и тех же болезней. Потому что дело не в словах, а в самом желании обратиться не к Богу, или вроде бы к Богу, но не по Божьему установлению. Для бесов этого вполне достаточно. А для нас должно быть совершенно ясно, что невозможно «пить чашу Господню и чашу бесовскую»; невозможно «быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?»

«Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»! И даже кто избрал Чашу Господню, и думает, что стоит на правильном пути богопознания, должен беречься. Потому что во Христе надо познать не только Божественное всемогущество; но и Его крайнее уничижение, даже до смерти.

Познав первое, Петр исповедал: «Ты Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. 16, 16). Но когда «Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников и быть убиту», тот же Петр «начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» И это проявление человеческого сочувствия, человеческой любви вдруг вызвало такие страшные слова: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое!»

Да, поистине, «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть!» Потому что сатана скрывается за всякой ложью, за всякой нашей духовной слепотой. И он — тут как тут, едва наше, пусть даже самое высокое человеческое, войдет в противоречие с тем, что установлено Богом.

Об отвержении себя

Четверг **Мф. 16, 24–28**
1 Кор. 10, 28–11, 7

«Иисус сказал ученикам: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною».

Вчера мы читали, как Петру пришлось отвергнуться человеческой жалости ради Божьего дела.

Но иногда надо принести в жертву даже свое более правильное понимание того или иного вопроса. Допустим, я твердо знаю, что идол — ничто. Совесть моя не смущается: я просто, не исследуя, «с благодарением вкушаю пищу».

Но вот мне указали на кусок мяса, который я уже собрался положить в рот, и сказали: «это идоложертвенное», то есть часть жертвы, принесенной идолу. Причем, сказал мне это или язычник, или маловерный брат, еще придающий какое-то значение идолам. Его совесть смутилась, а я почему-то должен при его словах тут же положить взятый кусок на место, и не ради своей пользы, а «ради того, кто объявил» мне. Я, умный, знающий, должен лишить себя пищи ради того, кто ниже меня.

Но я должен это сделать, должен в этом отвергнуться себя, потому что сказано: «едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию. Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни Церкви Божией. Так как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись».

Упоминается сегодня и другой повод отвергнуться себя. Апостол напоминает о церковном обычае, чтобы женщина молилась с покрытой головой. Этот обычай держится по сей день. И вот такая, казалось бы, простая вещь иными женщинами воспринимается с сильнейшим протестом.

Дело, конечно, не в самом платке. Речь идет о природной подчиненности жены мужу, а платок — внешний знак этой подчиненности. «Мужу глава Христос», а «жене глава — муж». И «муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа». И поэтому «всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову».

Не люди так придумали, Бог так устроил. И неужели от Бога может исходить неразумное, постыдное? Все прекрасно, когда все на своем месте. Но для женщины, воспитанной на противоположных принципах, впервые покрыть голову в церкви — настоящий подвиг, настоящее отвержение себя ради Христа.

Вот только два примера. Но каждый из нас мог бы привести много своих собственных. Потому что каждый, стараясь идти за Христом, преодолевает свои собственные трудности, рвет свои собственные путы. И не надо жалеть этих пут. Нельзя держаться за что-то только потому, что оно мое. Ибо, что значит «мое»? — а только то, что оно только меня и больше никого, ведет к погибели!

О Царствии Небесном

Преображение Господне **Мф. 17, 1–9**
2 Пет. 1, 10–19

Господь много говорил о Царствии Небесном. Первая проповедь была о том, что оно приблизилось. Потом Он говорил, что Царствие Небесное надо искать прежде всего. Он рассказывал притчи, где через земные подобия хотел дать какое-то понятие о Царствии Небесном, о том, кто может, а кто не может туда войти. Речами о Царствии Небесном Он и утешал, и предостерегал.

Но пришло время, и Господь сказал ученикам: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9, 1). И «по прошествии шести дней взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних. И преобразился пред ними, и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей, и Илия, с Ним беседующие».

Вот оно, Царство Небесное. Посреди Господь, как солнце сияющий Божественной славой, и в то же время — со своими дорогими человеческими чертами. С Ним — два великих мужа. Их уже давно нет на земле, но — вот же, они здесь, говорят с Господом о сегодняшних и завтрашних делах, «об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лк. 9, 31).

И трое учеников от восторга только и могут выговорить: «Господи! Хорошо нам здесь быть!» Они не могут участ-

вовать ни в их славе, ни в их беседе, но все равно хотят, чтобы это никогда не прекращалось. Чтобы никогда не покидать этой дивной горы, Петр предложил: «если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии». Поистине «не зная, что говорил», — добавляет Евангелист.

Но вдруг среди этого блаженства «облако светлое осенило их; и се, глас, из облака глаголющий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И, услышав, ученики пали на лица свои, и очень испугались».

Ученики еще не прошли до конца пути верности Отцу и послушания Сыну. Поэтому они еще только зрители. Им еще не открылся «свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа». Но свет Царства показан, чтобы запомнили на всю жизнь, и особенно — когда увидят Господа распинаемым.

Апостолу Петру, может быть, только память об этом свете и не дала прийти в совершенное отчаяние после трехкратного отречения. Он как никто понимал, насколько важно среди искушений хранить в сердце и эту Фаворскую гору, и этот фаворский свет, и он писал христианам: «Я никогда не перестану напоминать вам о сем». И Петр всегда подчеркивал, что он проповедовал «не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцем Его величия».

И нам надо помнить, как хорошо было на той горе Петру, Иакову и Иоанну, и постоянно обращаться к этому свидетельству, «как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день» Господень, и не взойдет «утренняя звезда» в сердцах наших.

А что это за утренняя звезда? — А вспомним, как однажды Господь сказал, что «не придет Царствие Божие приметным образом... Ибо, вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 20–21). В искушениях и подвигах наступает зрелость души, и свет Преображения прививается к ней, становится ее собственным светом.

И когда наступит День Господень, такая душа уже не ужаснется голосу Небесного Отца, но этот голос сделает ра-

дость ее совершенной. И вместо детского лепета вроде «хорошо нам здесь быть» и «сделаем три кущи», — вольешься в сонмы небожителей, которые от переполняющего блаженства «ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр. 4, 8).

О волосах и о чести

Пятница **Мф. 17, 10–18**
1 Кор. 11, 8–22

Все в Божьем мире — на своих, Богом определенных, местах. Так и отношения мужа и жены находятся в прямой зависимости от происхождения обоих. И хотя об этом прямо сказано в Священном Писании, Апостолу приходилось напоминать, что «не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа».

А поскольку человек принадлежит как невидимому, так и видимому миру, то жена не просто должна знать и помнить о своем происхождении, но и «должна иметь на голове своей знак власти над нею»: покрывать голову во время предстояния пред Богом. И даже не для человеков это важно, а «для Ангелов». Потому что послушание по плоти говорит о духовной высоте, и Ангелы более, нежели люди, способны это оценить.

Апостол предлагает и самим Коринфянам рассудить, «прилично ли жене молиться Богу с непокрытой головою? Не сама ли природа учит нас, — пишет он, — что если муж растит волосы, то это бесчестие для него; но если жена растит волосы, это для нее — честь: так как волосы даны ей вместо покрывала».

Но тут возникает вопрос. Если для мужа растить волосы — бесчестье, то как же — ветхозаветные назореи, для которых растить волосы было честью? А как выглядел всеми чтимый пророк Илия: «весь в волосах, и кожаным поясом препоясан по чреслам» (4 Цар. 1, 8). И потом — как мог возникнуть в Церкви обычай для священнослужителей растить волосы и быть во время Богослужения с покрытой головой?

Очевидно, когда Апостол говорит о чести, он говорит о чести для каждого чина. Для мирянина честь в одном, для священника в другом.

В таинстве брака мужа и жену трижды обводят вокруг Креста и Евангелия, а в таинстве священства ставленника трижды обводят в алтаре вокруг престола. Его венчают с церковью. И эти великие узы становятся сильнее брачных уз. По нашим обычаям священник даже перестает носить обручальное кольцо, чтобы внешние знаки брака не оспаривали знаков священства. Даже одежда ему положена с застежками на левую сторону, как у женщины. И растить волосы для него становится честью. Потому что знаки его власти над женой уступают знакам его подвластности Богу и Церкви.

И если мужчина в миру чувствует свои права и обязанности, основанные на твердых законах природы, то став священником, он должен острее чувствовать свою непосредственную зависимость от воли Бога.

Так что для всякого честь — быть в своем, Богом установленном чине. А бесчестие — или позорно опускаться ниже, или дерзко, вопреки своей природе, лезть наверх. Всему установлено свое почетное и единственное место. И только условно одно называется «первым», другое «вторым», а иное «третьим». В Господе же «ни муж без жены, ни жена без мужа». «Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же — от Бога».

Об отношении к власти

Суббота **Рим. 13, 1–10**

Сегодня читаем об отношении христианина к власти. И первые же слова, казалось бы, исчерпывают суть дела: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Поэтому противящийся власти противится Божию установлению...»

Казалось бы, все ясно: власть, уже в силу того, что она фактическая власть, есть уже «от Бога», и противиться ей так же страшно, как страшно противиться «Божию установлению».

Но почему-то Апостол не останавливается на этом, и продолжает: «...ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. Они Божии служители, сим самым постоянно занятые».

И сразу возникает множество вопросов.

«Страшны не для добрых дел, а для злых». — А если я вижу, что наоборот?

«Делай добро, и получишь похвалу от нее». — А если делаю добро, но не то что похвалы не вижу, а еще больше боюсь?

«Начальник... тебе на добро». — А если я вижу от него только зло?

«Сим самым постоянно занятые». — А если я вижу, что он занят только исканием корысти?..

Эти вопросы и неизбежны, и законны, с точки зрения Божественного права. Потому что упоминая слова «добро» и «зло», Апостол напоминает о той судебной инстанции, которая выше всякой власти, и которой подсудно все.

И не только в послании к Римлянам. В послании к Титу Апостол напоминает «повиноваться и покоряться начальству и властям», но при этом — «быть готовым на всякое доброе дело» (Тит. 3, 1).

И Апостол Петр — в таком же духе: «будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, от него посылаемым»... И непременно прибавляет: «...для наказания преступников, и для поощрения делающих добро» (1 Петр. 2, 13–14).

Значит, христианин обязан во всех делах власти, как и во всем остальном, различать доброе и злое, и не называть зло добром только потому, что оно исходит от существующей власти. Не власть — источник добра, но власть так же, как и все, подсудна нравственной оценке.

И для христианина страшнее всего потерять способность различать добро и зло. Господь говорит, что «всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится чело-

векам». И далее уточняет: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познается по плоду». А сказал Он это после клеветы фарисеев, будто Он «изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (Мф. 12, 24).

Значит, хула на Святого Духа, это когда мы, видя добрые плоды, вдруг объявляем дерево злым, а видя злые плоды, объявляем добрым. Видя дела любви и милосердия, говорим, что в человеке бес; а видя дела бандита, называем его «богоустановленной властью». Эта хула потому не простится, что прощать тут некому: перед нами духовный мертвец, не способный к различению добра и зла, а значит не способный к покаянию.

Так, свет Христов, позволяющий различать добро и зло, должен быть всегда в наших очах. Как поступать в каждом конкретном случае — дело совести каждого христианина. Но в любом случае надо, по крайней мере, все называть своими именами.

О единстве Церкви

Неделя 8-я **Мф. 14, 14–22**
1 Кор. 1, 10–18

Однажды Господь пятью хлебами накормил пять тысяч.

Ученики сказали: «место здесь пустынное, и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селение и купили себе пищи». А Господь ответил: «Вы дайте им есть».

Ко всякому делу надо готовиться. Но если в человеческих делах «приготовиться» означает просчитать и оценить свои способности, то Господь хотел услышать от учеников признание полной неспособности к предстоящему делу. Он и услышал безнадежное: «У нас здесь только пять хлебов и две рыбы». И тогда Он сказал: «принесите их Мне сюда. И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики — народу».

Так, Апостолы послушно принесли Господу все, что у них было, смиренно приняли из Его рук то, что Он освятил

молитвой и благословением, и раздали народу. «И ели все, и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных».

Здесь мы видим прообраз Евхаристии, Таинства Тела и Крови Христовых. Желая насытиться Небесным Хлебом, мы тоже приносим в церковь то, что у нас есть: жалкое подобие Небесного Хлеба, хлеб земной, «просфору» (что значит «приношение»). Священник, возложив этот хлеб на жертвенник, молится обо всех нас. И затем, молитвенно вспомнив Господни обетования, просит, чтобы Он и на этот раз сотворил хлеб Своим Пречистым Телом, и вино — Своею Пресвятою Кровию. И через того же священника церковному народу возвращается не количественно умноженное, но качественно Иное. И мы благоговейно вкушаем Это «во оставление грехов и в жизнь вечную».

Так совершается наше служение: к Нему, пред Ним и от Него. И непрестанно — с Ним. Апостолы, конечно, не могли забыть, из Чьих рук приняли чудесно умножающийся хлеб. Но для людей, получивших хлеб из рук Апостолов, уже была опасность думать о них выше, чем подобает.

В наше время эта опасность еще серьезнее. Теперь уже и раздающие могут согрешать высоким мнением о своих личных качествах, считать себя великими пастырями, целителями и чудотворцами, забыв о Едином Раздаятеле всех даров. Народ же церковный может смотреть на своего почитаемого пастыря, и восклицать: «Кто подобен зверю сему?» (Откр. 13 4).

Конечно, эти слова относятся к последним временам, к антихристу, который придет для обольщения народов. Но ведь и Апостол Иоанн, еще две тысячи лет назад, писал, применительно к своему времени, что «и теперь появилось много антихристов» (1Ин. 2, 18). Ведь антихрист — не тот, кто прямо против Христа, но — страшнее: кто хочет занять место Христа.

Потому-то с такой тревогой и пишет апостол Павел к Коринфянам, услышав, что у них «есть споры», что у них говорят: «Я Павлов»; «Я Аполлосов»; «Я Кифин». Эти споры — как треск покачнувшегося дома. Разве сам Апостол

не старался даже благовествовать «не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова?» «Разве разделился Христос?» — с ужасом пишет он, — «разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в едином духе и в одних мыслях».

Так, уважая и ценя своих пастырей, всегда надо помнить о Том, Кто Один только дает им силу. А также и пастырям не забывать, от Кого получили все. Потому что иначе — при всей нашей праведности и премудрости можем остаться без Христа. Остаться при своих жалких человеческих силах, при одних своих пяти хлебах, которые без Христа годятся только на то, чтобы тайно от всех съесть их, и насытить хотя бы свое чрево.

СЕДМИЦА 9-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О детском и взрослом

Понедельник **Мф. 18, 1–11**
1 Кор. 11, 31–12, 6

Однажды в ответ на спор учеников, «кто больше в Царствии Небесном», Господь Иисус Христос сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь, и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Господь имел в виду не младенческое неразумие, не младенческую неспособность к серьезному делу. Нормальный взрослый человек скажет: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

Бог дал человеку и тот, и другой возраст. Для Царствия Небесного — не оставаться младенцем надо, и не в детство впадать. Надо сознательно обратиться и стать как дети.

Ребенок, например, чуть что — сразу плачет, чувствуя свою беззащитность. Но он спокоен, когда держится за роди-

тельскую руку. Ребенок обо всем просит родителей, и верит, что они все могут. Так и Божий человек. Взрослым, трезвым умом он осознал зыбкую сущность мира, и с детской верой ухватился за Небесного Отца рукой непрестанной молитвы.

А для тех, кто еще не настолько повзрослел, чтобы совершить такое обращение, Господь продолжает, указывая на то же дитя: «И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает».

Но и это требует немалой зрелости. Потому что есть в детях своя внутренняя, не похожая на взрослую, жизнь, своя непостижимая логика. Есть в детях особое упорство, и часто ребенка ничем не заставишь делать то, чего он не хочет. Взрослый негодует: как так? из меня произошел, всем мне обязан, во всем от меня зависит, и вдруг имеет нечто для меня недосягаемое?!.

Так и Божьи дети: бессребреники, странники, молитвенники, — чрезвычайно раздражают «взрослых», «серьезных», «деловых» людей. На них постоянно сыпятся упреки: «лучше бы сделал что-нибудь полезное». Так, даже и «взрослую» Марфу раздражала Мария, по-детски севшая у ног Христа и забывшая обо всем на свете.

Но приходит время, человек становится действительно взрослым во Христе, и вдруг понимает, что без этих Божьих детей жизнь пуста и бессмысленна. Так, со временем понимаешь, что не столько ты нужен для воспитания твоего ребенка, сколько он для твоего воспитания.

Каждый да вместит то, что может вместить. Невозможно сразу вдруг обратиться и умалиться. Но возможно умалять себя в каждом отдельном случае: не спешить защищать свою правоту, не спешить занять первое место.

Невозможно вдруг сразу принять дитя, как заповедал Христос. Но возможно хотя бы не спешить с упреками, а несколько мгновений помолчать, помолиться, подумать, как правильнее поступить.

Иными словами, прежде всего надо научиться зрелым, взрослым умом судить свои дела, слова, намерения. Потому что, по словам Апостола, «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы», а значит, и не лишились бы Царствия

Небесного. А уж кому что понятнее: или обратиться, и стать как дети, или принять дитя во имя Христово. И то, и другое ведет к одному. Ибо «дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь Один и Тот же; и действия различны, а Бог Один и Тот же, производящий все во всех».

О пути к согласию

Вторник **Мф. 18, 18–22;19, 1–2, 13–15**
1 Кор. 12, 12–26

Господь дал великое обетование: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Но как же трудно не то что многим, а именно троим или даже двоим прийти к сердечному согласию! Мне нет удачи, а ближнему есть, и за это сержусь на него. Мне грустно, а ему весело, и это раздражает. Мне весело, а ему грустно — тоже повод для обиды. И даже среди учеников Христовых поначалу не все было просто. Не зря же Петр именно после этих слов спросил: «Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня?»

Петр попал прямо в точку, сразу определив, что нужно, чтобы «согласиться», «собраться» вместе: нужно прощать. Это-то ясно. Но не ясно — сколько прощать? Неужели «до семи раз»??? А Господь ответил: «не говорю тебе «до семи», но до седмижды семидесяти раз»! Число «семь» — число полноты, а тут Господь заповедал прощать превыше всякой полноты. Чтобы всегда было просто, надо всегда прощать. И Господь поставил в пример детей, потому что дети, хотя и часто ссорятся, но быстро забывают обиды.

Итак, причина разделений в том, что мы не похожи друг на друга. Но ведь полное однообразие, это физическая смерть. В полное однообразие приходит только то, откуда отлетела живая, неповторимая душа. В стихире Иоанна Дамаскина в чине погребения поется: «Рассмотрех во гробех, и видех кости обнажены, и рех: убо кто есть

царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник».

Но пока мы живы, мы все разные. У каждого свой характер, свои дарования, своя внешность. И не причиной раздоров это должно быть, а как раз причиной стремления друг к другу. «Как тело одно, но имеет многие члены», так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны». Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения». «Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге».

Так, стараясь прощать, стараясь радоваться с радующимися, сострадать страждущим, мы учимся и желать, и просить у Господа лишь то, что может нам в этом помочь. А это и есть то самое, «что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Флп. 4, 8).

И если уж «двое» пройдут такой путь друг к другу, если уж они многими трудами «согласятся на земле», то — без всякого сомнения: «чего бы ни попросили, будет им от Отца» Небесного.

О справедливости и о любви

Среда **Мф. 20, 1–16**
1 Кор. 13, 4–14, 5

Один хозяин «вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой». Он выходил и еще несколько раз, и нанимал все новых, и новых работников. Последних призвал уже незадолго до вечера, но заплатил столько же, сколько и самым первым...

Притча эта — о Божественной любви и о том, как трудно человеку понять и принять ее.

Вообще даже и человеческая любовь непостижима и по-видимому несправедлива. Непонятна и упорная любовь матери к самому безнадежному сыну. Непонятна и самоотверженная любовь жены к недостойному мужу. Непонятно, как она может жить с «таким» мужем. Или — как муж может терпеть «такую» жену. И уж совсем возмутительно, когда сделавший зла во много раз больше, чем я, приходит на исповедь, и так же, как и я, получает прощение.

Вот так же возмутились и самые первые работники, подрядившиеся за динарий и получившие свое. Они укорили хозяина в несправедливости: «эти последние работали один час, а ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной».

Но часто укоры в несправедливости на самом деле грубо попирают справедливость. Мы покушаемся на право хозяина свободно распоряжаться тем, что ему принадлежит. В исканиях справедливости мы даже указываем Самому Богу, что Он должен, а что не должен делать в Им же созданном и только Ему принадлежащем мире!..

Хозяин из притчи совершенно справедливо возразил: «Друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди: я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?»

Бывает страшно отстать, страшно не выполнить своего урока. Но не страшнее ли быть первым, честно и много потрудиться, подняться высоко в своем и в общем мнении? Потому что не многие из таковых смогут выдержать, когда в последние времена потоки Божией любви хлынут на весь мир. Не успевшие сделать ничего доброго из последних сил рванутся навстречу пришедшему Христу и будут помилованы. Трудно, очень трудно будет выстоять в этом потоке любви всем, перенесшим «тягость дня и зной».

«Так будут последние первыми, и первые последними». Потому что «Если я... любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1–3).

Так, иногда Господь приглашает быть свидетелями Своего милосердия к недостойным, на наш взгляд, людям,

как приглашены были первые работники разделить нечаянную радость последних. Это нам дается возможность сделать первый шаг в любви, которая «долготерпит, милосердствует», «не завидует», «не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается».

И можно ли сомневаться, что если бы рабочие, призванные первыми, были бы первыми и в любви, то и они получили бы больше. Не случайно хозяин начал с последних. Но «первые» решительно осудили любовь, и остались при своем жалком динарии и с оскверненной завистью душой.

О даре языков

Четверг **Мф. 20, 17–28**
1 Кор. 14, 6–9

Среди многих даров Святого Духа в древней Церкви был и так называемый дар языков. Человек по вдохновению свыше вдруг начинал молиться на ином языке. Это не были просто иностранные языки. Апостол говорит, что «никто не понимает его, он тайны говорит духом» (1Кор. 14, 2).

Обилие в древней Церкви всевозможных даров понятно. Апостолы сообщали только основы веры и благочестия, и шли дальше. А в жизни общины потом возникало много частных проблем. Письменные Евангелия появились не сразу; посланиями Апостолы не могли часто назидать свою паству, а посещали еще реже. Поэтому Святой Дух непосредственно назидал верных.

И дар языков, это первая ступень схождения Духа. Это как бы громогласное стучание в дверь души, в дверь сознания. Это первое свидетельство присутствия Духа. И человек в состоянии невыразимой радости от соприкосновения с Небом начинал молиться словами, неведомыми даже ему самому.

Это был исключительно личный дар, и поэтому: «Кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу» (1 Кор. 14, 2), «тот назидает себя» (1Кор. 14, 4). Этот дар очень способствовал личному возрастанию в вере. Человек так увлекался, что приходилось напоминать и о необходимости последующего шага: «Желаю, чтобы вы все говори-

ли языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали», «чтобы церковь получала назидание». «Благодарю Бога моего, — пишет Апостол о себе, — я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 18–19).

Вошедшее в сердце должно быть принято разумом через изъяснение «откровением, или познанием, или пророчеством, или учением». «А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1Кор. 14, 13).

Но не только разум может не понимать огненного биения Духа, звучащего в сердце.

Порой и сердце не понимает того, что воспринимает разум. Вот сегодняшний пример. «Восходя в Иерусалим, Иисус» сказал Своим ученикам: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет». И сразу после этих слов двое из двенадцати подходят к Иисусу со своей матерью, и она, ко всеобщему негодованию, говорит: «Скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем».

Господни слова о грядущих страданиях и смерти прошли мимо их сердец!

В наше время, когда все, что нам надо знать, уже сказано Духом через святых мужей, записано в книгах, истолковано и объяснено, — истина входит в человека, в основном, дверью разума.

И нам надо молить Бога уже не о истолковании, а о том, чтобы все, чему мы учимся из Писаний, не лежало бы в головах мертвым грузом, но — звучало бы в наших сердцах живой, радостной вестью!

О духовных дарах

Пятница **Мф. 21, 12–14, 17–20**
1 Кор. 14, 26–40

Священное Писание показывает, как проходили богослужебные собрания первых христиан. «Итак, что же бра-

тия? — пишет Апостол. — Когда вы сходитесь, и у каждого есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, — все сие да будет к назиданию».

Не говорит Апостол о недостатке чего-то, о необходимости что-то приобрести. Он заботится, как привести в должный порядок все множество даров Святого Духа: «Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу. И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение. И духи пророческие послушны пророкам; потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых».

Но надо помнить, что и языки, и откровения, и богодухновенные молитвы, и дар истолкования, — все это действия исключительно Самого Духа. Эти щедрые дары еще должны быть восприняты и усвоены людьми, подобно как солнечный свет усваивается живыми растениями.

И чем сильнее, чем очевиднее действие Духа, тем страшнее остаться без плода. Господь показал это на примере смоковницы, которая красовалась богатой листвой, но не имела плодов. Господь проклял ее, и она засохла. Это предупреждение, и не только для древней Церкви, богатой яркими дарами, но и для нас.

И нам очень много дано. У нас есть Священное Писание, Предание, богатая христианская письменность. Есть у нас огромный двухтысячелетний опыт христианской жизни и спасения. Все это от того же духовного корня, от которого шли откровения и пророчества в собраниях первых христиан. Но кто же виноват, что все это у нас как бы в сундуке, который ярко раскрасили, но открываем так редко, что поистине отсекаем себя от живоносного корня.

Мы даже забываем, для чего нужны храмы, для чего христиане должны сходиться вместе. И зачастую у нас вся духовная жизнь сводится к тому, что одни приходят в храм покупать за деньги здоровье, успех, душевный комфорт, а другие приходят этим торговать. А Господь и об этом пре-

дупредил, когда однажды «выгнал всех продающих и покупающих в храме», напомнив, что это «дом молитвы», а не «вертеп разбойников».

Не стоит завидовать первым христианам. Будем лучше дорожить и пользоваться тем, что у нас есть. Чем больше дает Господь, тем строже спросит. А чтобы усвоить данное Богом, и тем самым спастись, древним христианам надо было приложить ничуть не меньше усилий, чем нам с вами.

О взаимной терпимости

Суббота **Мф. 15, 32–39**
Рим. 14, 6–9

Апостол пишет: «Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога. И кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога».

Господь один, а у каждого свой темперамент, свой строй души, свой подход к жизни. Иной в одном цветке увидел всю премудрость Божию, и навеки приклонил колена. А другой с умилением ходит по полям и лугам, открывая новые и новые оттенки бесконечной премудрости.

Иной посещает только свой храм. А кто-то любит ходить и в другие, любит ездить по монастырям, по святым местам. Для него надо видеть богатство церковной жизни, многообразие человеческой святости.

Один «различает дни», старается как можно полнее переживать годовые события земной жизни Господа, Богородицы и прочих святых. А для кого-то все — один день Господень. Для него в каждой литургии и Рождество Христово, и Крест, и Воскресение, и слава святых.

Один «ест», помня, что еду посылает Бог, и что всякий раз это такое же чудо, как и когда Господь несколькими хлебами насытил несколько тысяч человек. И он ест как на вечери Господней, благоговейно, тихо, и благодарит Бога. А другой «не ест» ради подвига воздержания. Он понимает, что воздержаться ради Господа — еще больший дар, чем пользоваться Божьими дарами. И он «благодарит Бога» за то, что «не ест».

Так, что бы человек ни избрал, главное, чтобы это было не «для себя», а для Господа.

Тут легко себя проверить. Делающий поистине для Господа, выбрав одно, испытывает искреннее уважение к тому, кто выбрал другое. Он ни чужую невоздержанность не будет осуждать, ни к чужому воздержанию не будет придираться. Ему не придет в голову хвалиться ни тем, что он «ест», ни тем, что он «не ест».

Во Христе всем найдется место. Уж насколько живой чужд мертвому, а Христос Своей любовью смог объять и тех, и других. Он «для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми, и над живыми».

Он Своей любовью, подобно молнии, пронзил небо, землю, преисподнюю. И теперь во всем, как в наэлектризованном пространстве, след Его присутствия. Все обрело новый смысл, все получило спасительную силу. И никто из нас «не живет для себя, и никто не умирает для себя, а живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем. И поэтому, живем ли, или умираем, — всегда Господни».

О узнавании друг друга

Успение Божией Матери **Лк. 10, 38–42, 11, 27–28**
Флп. 2, 5–11

Сегодня Церковь празднует Успение Божией Матери.

Предание рассказывает, что Ей за три дня было возвещено о предстоящем отшествии, и Она к этому времени празднично украсила Свою горницу. Апостолы находились в разных краях земли. Святой Дух восхитил их отовсюду и принес в Иерусалим, чтобы могли проститься с Марией. На третий день горница исполнилась благоухания и света, и Сам Господь явился за Ней. Изобразительное предание показывает: вот, Ее тело лежит на одре. Вокруг Апостолы. А рядом стоит Христос и держит в руках Ее душу, имеющую вид спеленутого младенца.

И мы думаем о Ее душе, какая она собранная, сосредоточенная, цельная.

А еще — младенцу предстоит возрастать и укрепляться. И действительно: прошло почти две тысячи лет, и как возросла слава Богоматери! Сколько открылось источников милости в Ее таинственно явленных чудотворных иконах! Скольких людей Она Сама привела к Своему Божественному Сыну!

Но самое главное и самое интересное, что во всех Ее делах после Успения мы узнаем Ее, какой знаем по Евангелию. Там Она незаметна, немногословна, всегда в тени Своего Божественного Сына. И после Успения Она не изменилась: тоже не любит шума и суеты. Если является Сама, то лишь достойным избранникам. А если перед всеми, то в тени Своих икон.

Но вдруг иногда услышишь, что где-то Она стала являться постоянно, и каждый любопытный может прийти и посмотреть. Или кто-то объявляет себя Ее пророком, Ее особым избранником, и вот, у него уже целые книги будто бы Ее поучений...

Как к этому относиться? — А надо исследовать, Она это или не Она? Похоже на Нее или не похоже?

Во-первых, неужели может пренебречь Божиим Словом Та, которая слагала в сердце каждое такое слово? А ведь в Священном Писании сказано, что «учить жене не» позволено, «но быть в безмолвии» (1Тим. 2, 12). Она же никогда не нарушала Закона.

Да, Она всегда учила, и учит. Но учит Своей жизнью, Своим целомудренным немногословием. Несколько необходимых слов к благовествующему Архангелу: один вопрос и одно согласие. Пророческая песнь безмерной радости о Боге Спасителе. Материнское беспокойство, когда отрок Иисус потерялся в Иерусалиме. Несколько слов на браке в Кане Галилейской: одно ходатайство за людей и один совет — сделать то, что Он скажет.

И на иконах — почти всегда с Ним: держит Его, указует на Него, как бы снова и снова повторяя свою единственную заповедь: «Что скажет Он вам, то сделайте» (Ин. 2, 5).

И это — Она. А как бы ни было интересно то или иное явление, какие бы там ни говорились мудрые вещи, какие бы захватывающие чудеса ни показывались, но это — не Она, потому что не похожа на Себя, тихую и целомудренную, свято чтущую Божий Закон.

Как Сам Господь «Иисус Христос вчера и сегодня, и во веки Тот же» (Евр. 13, 8), так и всякий человек во Христе — тот же и в этой, и в будущей жизни. Бессмертна именно человеческая личность в совокупности своих качеств.

Так и святые после отшествия ко Господу помогают теми же дарованиями, какими помогали при жизни. Так и Божия Матерь. Именно такая, какой мы знаем Ее по Евангелию, Она не оставила «во Успении мира». И мы обязаны знать и узнавать Ее, как мы знаем и будем узнавать друг друга и в этой, и в будущей жизни.

О хождении над бездной

Неделя 9-я **Мф. 14, 22–34**
1 Кор. 3, 9–17

Однажды Господь Иисус Христос понудил «учеников Своих войти в лодку и отправиться на другую сторону» Геннисаретского озера, а Сам «взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на средине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю».

Страшно видеть нарушение привычного хода вещей. Страшно, когда бездействуют гражданские законы. А уж когда перестают действовать законы физические, в сердце начинается неописуемая паника. Вот и Апостолы, когда увидели Господа, идущего по воде, «встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали».

А между тем, что более соответствует истине: верить в твердую незыблемость материи и ее законов, или помнить, что все текуче и призрачно, что все готово в любой миг разверзнуться, поглотить, сжечь? Тем более, Сам Господь сказал, что некогда так и будет, что «вдруг... солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мф. 24, 29). И это может произойти в любой момент, и никому не открыто о временах и сроках.

Как и самую землю, по свидетельству Писания, Бог чудесно «повесил... ни на чем» (Иов. 26, 7), так и всякий человеческий шаг есть чудо. Потому что ходим мы даже не по воде, но над огненной бездной.

Но когда Бог приоткрывает нам эту правду, каждый шаг становится еще и чудом веры в Того, Кто «не попустит вам быть искушаемым сверх сил» (1Кор. 10, 13). Потому что далеко не каждый может сразу вынести всю правду. Петр думал, что сможет, и сказал: «Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня».

Каким же твердым должно быть основание нашей веры, тот дом, в котором нам предстоит жить, и тот камень, который лежит в его основании! Апостол пишет о строительстве этого дома: «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание», то есть открыл истину, возвестил все, что нужно знать для спасения. «А другой строит» на этом основании, помогает истину усваивать.

«Но каждый смотри, как строит».

Вот эти слова особенно надо запомнить. Мы — Божий народ, а не стадо. Каким бы мудрым и знающим ни казался наш «духовный строитель», — конечная ответственность лежит на каждом из нас. И каждый обязан проверять всякое услышанное учительное слово и Священным Писанием, и общецерковным преданием, и соображением разума, и голосом совести. Чтобы никакой волк в обличии пастыря не мог «положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос».

Ведь не кому-то, а самому тебе идти по мосту твоего спасения через бездну твоей погибели. И поэтому обязан все сделать ради уверенности, что очередной твой шаг не будет в пустоту, и что спасительный Крест Христов всегда будет твоей опорой.

СЕДМИЦА 10-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О духовном бесплодии

Понедельник **Мф. 21, 18–22**
1 Кор. 15, 12–19

Возвращаясь из Вифании в Иерусалим, Господь «взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней, и ничего не нашед на ней, кроме одних листьев, говорит ей:

да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла».

Ученики «удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница?» Их поразило точное исполнение Господних слов.

А иной современный человек видит в этом поступке только несправедливость, и обижается на Господа за бедное, невинное дерево, равно как за утонувших гадаринских свиней. В наше время вообще непомерно выросла любовь к собачкам, к кошечкам, к свинкам, и почти исчезло чувство несравненной ценности человека, созданного по образу и подобию Божию. А Господь, чтобы вернее спасти человека, Свое любимое творение, часто на низшей твари наглядно показывал, какие пути куда ведут.

Господь взалкал, а смоковница не напитала. Она имела густую листву, и Господь вправе искать плода, потому что с таким признаком плодоношения Он сотворил смоковницу. А все, что нарушает замысел Творца, сразу становится на грань гибели, несмотря на внешний блеск и благолепие.

На такое бесплодие однажды наткнулся и Апостол Павел. Вникая в жизнь внешне цветущей коринфской церкви, он вдруг с ужасом увидел, что посеянный им факт воскресения из мертвых Иисуса Христа не приносит в некоторых ветвях этого древа естественного плода: ожидания и своего личного воскресения из мертвых, и своего личного участия в жизни будущего века!

В недоумении он восклицает: «Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?» Ведь если «нет воскресения мертвых, то» — с неумолимой последовательностью заключает Апостол — «и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»: «вы еще в грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли.

И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы» не просто заблуждаемся или ошибаемся, но просто-напросто «несчастнее всех человеков», потому что и в этой жизни чего-то лишаемся, и в будущей ничего не приобретаем!..

Вот так мы часто своим внешним благообразием привлекаем людей, алчущих правды и жаждущих победы над

смертью; а они, подойдя ближе, вместо радости о воскресшем Господе, видят уныние, суету и животный ужас перед смертью. Куда же им идти? Где искать?

На примере смоковницы Господь и показал, чего мы после этого заслуживаем.

О последовательности

Вторник **Мф. 21, 23–27**
1 Кор. 15, 29–38

Когда Господь Иисус Христос учил в храме, «приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?»

А Господь, не отвечая, Сам спросил: «спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью это делаю; крещение Иоанново откуда было: с небес или от человеков?»

Они же сами в себе размышляли: «если скажем: «с небес», то Он скажет нам: «почему же вы не поверили ему?» А если сказать: «от человеков», — боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка». И они так и не нашли что ответить, кроме как «не знаем».

Но Господь-то знал, что они не поверили Иоанну, и только лицемерно, боясь народа, как бы почитали его. А если Господь послал пред Собою Иоанна, значит если пройдешь мимо Предтечи, то неизбежно пройдешь и мимо Самого Христа.

Видя, что не усвоили предыдущего, Господь и не отвечает на любопытство о последующем: «и Я вам не скажу, какою властью это делаю».

В лестнице на небо важна каждая ступень, и на любом этапе подъема должна соблюдаться строгая последовательность. У Господа все точно, все важно, все идет своей чередой. Например, Он говорил: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Мк. 16,16). Сначала «веровать», в том числе и в воскресение мертвых, а потом «креститься».

«Иначе что делают крестящиеся для мертвых?..» Бессмыслица, положенная в основание, это как ошибка, сделанная в первом действии вычисления. Весь дальнейший труд напрасен. Если так, то «для чего мы ежечасно подвергаемся бедствиям?» «Я каждый день умираю... По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают?»

И Апостол возводит крышу над домом, в основание которого положено неверие: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» — Вот куда придем, пройдя даже через крещение и через праведную жизнь, если обойдем ступень веры.

Бессмысленно говорить о последующем, если не усвоено предыдущее. Если не признают Священного Писания, бесполезно в разговоре ссылаться на Писание как на авторитет. Если не признают Священного Предания, тщетно говорить о святости тех или иных церковных обычаев. Ну а если даже не верят в существование Бога, Творца и Вседержителя, бесполезно говорить и о суде, и о добре и зле, и о Промысле Божием, да и вообще обо всем.

Будем же в разговорах о Божественных делах соблюдать мудрую постепенность, чтобы вместо душевной пользы не давать повода для пустословия, насмешек и богохульства.

О послушании и непослушании

Среда **Мф. 21, 28–32**
1 Кор. 16, 4–12

Сегодня мы слышали коротенькую притчу об одном человеке, у которого «было два сына; и он, подошед к первому, сказал: сын! пойди, сегодня работай в винограднике моем! Но он сказал в ответ: «не хочу»; а после, раскаявшись, пошел. И подошед к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: «иду, государь»; и не пошел».

Обратим внимание, как ответил первый. Он не сказал «не могу», или «сейчас не могу», или «не могу по такой-то причине». Он прямо сказал: «не хочу!» А это — послед-

няя инстанция человеческих отношений. «Не хочу», это непризнание никаких законов и обязательств, кроме своей воли.

А второй — с какой готовностью согласился! Назвав отца «государем», он исповедал полное признание его власти, показал преданность и благочестие.

И вдруг первый, «раскаявшись, пошел». А второй просто взял, да и «не пошел». Тот, кто так грубо и нагло воспротивился, вдруг одержал великую победу над собой. А кто казался послушным и верным, оказался последним предателем.

Рассказав эту притчу, Господь спросил: «Который из двух исполнил волю отца?» Фарисеи ответили: «первый». И так ответил бы каждый... Кроме, разумеется, самого этого второго сына. Он даже и не подумал бы, что эта притча про него! Как и фарисеи — даже не подумали, что эта притча про них, пока Господь не сказал прямо: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы впереди вас идут в Царство Божие. Ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему».

Так, внешне благочестивым и всеми уважаемым Господь уже не в первый раз противопоставляет всеми презираемых, одержимых низкими страстями. Потому что есть у этих последних одно, так сказать, преимущество: ответивший Богу «не хочу» сразу приблизился к самому краю адской бездны. У него уже нет иллюзий и надежд, он сразу со всеми порвал, всем бросил вызов.

А говорящий «иду, государь» — перед всеми показывает и знание, и признание законов Божьего мира. Особенно соблазнительно сказать «иду, государь», когда все вокруг грубо и нагло отвечают: «Не хочу!» Тут особенно легко подумать, что только дав согласие, тем самым уже выполнил волю Небесного Отца.

Но где-то внутри живет это «не хочу», живет, и постепенно вызревает в тепле похвал и самодовольства. И тем быстрее вызревает, чем ярче выказывается внешнее послушание.

Он уже привык быть всегда правым. Найдя, что ответить отцу на его просьбу, он найдет и чем оправдаться, когда отец спросит отчета.

Переход от видимой верности к глубочайшему предательству порой трудноуловим.

Как же проверить себя: пошел ты, или не пошел? — А способ один. Отец послал трудиться. А ты — трудишься, или находишься в праздности? Видишь ли свои грехи? Побеждаешь ли себя? Охотно ли терпишь тяготы и скорби жизни? С радостью ли принимаешь искушения?.. И если нет, то может быть работа уже давно идет без тебя. Ты же, сказав «иду, государь», на самом деле забрел куда-то совсем не туда. Ты считаешь себя абсолютно правым, а суд Божий на тебя уже изречен.

О краеугольном камне

Четверг **Мт. 21, 43–46**
2 Кор. 1, 1–7

Какими бы именами ни называли мы Бога, во всем — только часть правды. Он и свет, потому что просвещает ум. Он и тепло, потому что согревает души. Он и вода живая, пиющий которую не будет жаждать. Он и хлеб, который насыщает навеки.

А сегодня Господь и Бог Иисус Христос сравнивается с камнем, поставленным в основание жизни. И сказано: «тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит».

В этом нетрудно убедиться. Посмотри на карту мира: Палестина, где воплотился Христос, находится в самом центре земных материков. Время тоже — хотим этого или не хотим — во всем мире отсчитывается именно от Рождества Христова, как два луча: вперед и назад.

Вся ветхозаветная история была лишь подготовкой к принятию сошедшего с небес Христа Спасителя. Кто узнал и принял Христа, тот обрел новую жизнь, а кто отверг, тот остался при омертвевших обрядах религии древних иудеев.

Главный смысл истории с тех пор, как пришел Христос, — в распространении по всей земле благой вести о Его победе над смертью.

На Христе, как на краеугольном камне, покоится здание Его Церкви. И как видим из Писания и из истории, врата адовы не могут ее одолеть.

Христос также главная опора храма. Славят в храме Христа, значит это живой, благодатный дом Божий. Перестали славить — и вся внешняя красота стала непонятной и ненужной.

Но Христос и краеугольный камень души христианина. Пока Он в душе, Он будет утешением «во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби». Но как только Он рухнет, «на кого он упадет, того раздавит». Душа почувствует давящее чувство уныния, жизнь станет бессмысленной и ненужной, а вечная смерть — неотвратимой и жуткой. В душе, как в разрушенном, осквернённом храме, водворится мерзость запустения...

И порой сразу не поймешь — откуда пришла беда? Но «вдруг» ничего не бывает. С кем-то поступил не по совести. В чем-то предпочел свою волю Божьей заповеди. Когда-то проявил небрежность к молитвенному правилу. Думаешь: ничего страшного, мелочь! А ведь это пренебрежение к Творцу! Дескать, есть дела поважнее. А тем временем то, что было твердым основанием твоей жизни, вдруг начинает нависать над тобою как скала, готовая рухнуть.

И особенно это бывает заметно со стороны. Поэтому чтобы вовремя прийти в себя, надо научиться принимать обличение, пусть даже в виде брани и укоров. И в самом недоброжелательном обличении есть доля истины. Какая разница, кто тебя укоряет, друг или враг: главное — вовремя увидеть свою беду.

Лишь духовно мертвые упорно, до конца противятся обличению. Даже когда ясно, что если не опомнятся, — «отнимется» от них «царство», — ответ один: схватить и уничтожить своего обличителя и спасителя.

О воскресении мертвых

Пятница **Мф. 22, 23–33**
2 Кор. 1, 12–20

Господь Иисус Христос часто говорил о грядущем воскресении мертвых и о жизни будущего века. Апостолы тоже напоминали об этом. Обозначена эта тема и в книгах Ветхого Завета.

Но была секта саддукеев, отрицавшая возможность вечной жизни. Они учили, что нет ни «воскресения, ни Ангела, ни духа» (Деян. 23,8). Видя же, что Иисус проповедует и то, и другое, и третье, решили задать мудреный вопрос, который, как они были уверены, покажет абсурдность идеи воскресения, и заставит Иисуса от нее отказаться.

«Учитель, — начали они. — Было у нас семь братьев. Первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, и даже до седьмого; после же всех умерла и жена. Итак, в воскресении, которого из семи братьев будет она женою? ибо все имели ее».

Подобным образом поступают и атеисты нашего времени. Они сами за нас придумывают, например, что земля стоит на трех китах, и сами же над этим потешаются. Священное Писание они не знают, и знать не хотят. И поэтому бесполезно указывать им на этот источник всех наших знаний.

Саддукеи же считали себя знатоками Священного Писания, и поэтому Господь сказал им: «Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией».

На что же в Писании мог бы указать Господь?

В книге Екклезиаст (12,7) сказано: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его».

В другой ветхозаветной книге есть указание на грядущее воскресение всего человека. Святый Иов многострадальный говорил: «Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его» (Иов. 19, 25–27).

А чего стоит видение пророка Иезекииля, где множество мертвых костей на огромном поле вдруг покрылось плотью

и ожило по слову Божию! Этот отрывок читается на утрени Великой субботы (Иез. 37).

Да и простой здравый смысл говорит, что сила Божия не могла исчерпать себя в творении мира. Неужели создать из ничего легче, чем потом воскресить? Неужели Бог столь премудро создал из праха человека лишь для того, чтобы снова навсегда обратить в прах? И неужели Бог не найдет, чем наполнить жизнь воскрешенного человечества?

И еще Господь напомнил «знатокам» Писания, как Бог в пламени горящего и не сгорающего куста явился Моисею, чтобы призвать к пророческому служению. Моисей услышал: «Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова». И Христос пояснил: «Бог не есть Бог мертвых, но живых». Насмешкой было бы называть себя богом тех, кто мертв и телом и душою, богом праха, богом тех, кого нет.

Отвергать воскресение мертвых — безумие. В этом отношении у нас не должно быть никаких колебаний; никакой двусмысленности.

«Верен Бог, — говорит проповедник Воскресения Христова, — что слово наше к вам не было то «да», то «нет». Ибо Сын Божий Иисус Христос, проповеданный у вас нами», не был «да» и «нет», но в Нем было «да». Ибо все обетования Божии в Нем «да», — во славу Божию, чрез нас».

О воспитании учеников

Суббота **Мф. 17, 24–18, 4**
Рим. 15, 30–33

Святой апостол Павел писал к римлянам: «Умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу, чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее, и чтобы служение мое было благоприятно». Павел смиренно просит всю церковь ходатайствовать о нем пред Богом, как будто совсем не ценит своих трудов и не надеется на силу своих молитв!

Это блаженное ненадеяние на себя Господь и старался привить ученикам. Он не столько объяснял, сколько давал возможность пережить и почувствовать.

Особенно много таких случаев связано с Петром. Вот Петр выражает сочувствие: «будь милостив к Себе, Господи!» А в ответ слышит: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн!» (Мф. 16,23). Вот он по-видимому выказывает незаурядную веру, идет по воде, но вдруг срывается и тонет, в отчаянии крича: «Господи! спаси меня» (Мф. 14,30). Вот он заверяет Господа в совершенной преданности, а в ответ узнает о своем скором предательстве...

Сегодня еще один подобный урок.

Однажды, когда Господь находился в доме, к Петру подошли собиратели подати на храм «и сказали: Учитель ваш не даст ли?..» Петр не сомневался, что сказавший: «Блаженны милостивые» и Сам подаст милостыню, и поспешно ответил: «да».

Но войдя в дом, вдруг услышал: «Как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних». «Итак, сыны свободны», — сказал на это Иисус. Петр же и сам недавно исповедал: «Ты Христос, Сын Бога Живого». А должен ли Бог жертвовать на Свой же храм?..

Петр собрался выйти и исправить ошибку, но Господь остановил. Тщетно было бы объяснять сборщикам, почему Иисус не должен платить. Его не поняли бы, обвинив в жадности или в богохульстве. И Господь говорит Петру: «чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь статир (монета в четыре драхмы); возьми его и отдай им за Меня и за себя».

Так Господь и подал, и не подал: не соблазнив сборщиков, Он и в глазах Петра не пренебрег Своим Божественным достоинством. Петр же еще раз ощутил свое неумение сделать без Божией помощи даже самое простое дело.

Так Господь готовил Петра к званию первоверховного Апостола. Так помогал ему умалиться, как дитя. А кто достигает такого умаления на земле, тот настолько возвышается в Царствии Небесном, что Господь и с него, как и с Себя, как будто с двух равных детей Небесного Отца, снимает обязанность платить подать на храм. А во избежание сугубого соблазна и ему посылает дидрахму таким же образом, как и Себе: «отдай за Меня и за себя».

О вере, посте и молитве

Неделя 10-я **Мф. 17, 14–23**
1 Кор. 4, 9–16

Однажды подошел к Господу Иисусу некий человек «и, преклоняя пред Ним колени, сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду, я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. Иисус же, отвечая, сказал: о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда. И запретил ему Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час».

Ученики потом спросили, почему они не смогли этого сделать? Господь ответил: «по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», — и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас; сей же род изгоняется только молитвою и постом».

Ученики, по-видимому, поняли Его слова. Но когда вскоре Господь открыл им, что Он «предан будет в руки человеческие, и убьют Его», то ученики «весьма опечалились». Из этого видно, что они тогда все-таки не поняли, что значит вера, пост и молитва.

Потом, когда Дух Святой просветил их, они не только перестали печалиться пути Христову, но и сами с радостью пошли этим путем. Они и всем указывали этот путь, как единственный: «Нам... Бог судил быть как бы приговоренными к смерти; потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради... мы немощны... мы в бесчестии. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне».

Вот истинный пост, как отвержение власти мира над собой.

Вот истинная молитва, как всецелое посвящение себя Богу.

И вот истинная вера, от которой рождается и то, и другое.

Потому Апостолы и смогли впоследствии выходить против «мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6,12), что они перестали опираться на все то, к чему бесы имеют доступ, и могут выбить из-под ног.

Но мы также знаем, как постыжают бесы того, кто будучи мирским и плотским, дерзает выходить против них. В Деяниях Апостолов описывается, как в Ефесе некоторые иудейские заклинатели пытались изгонять духов, говоря: «Заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует». «Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они нагие и избитые выбежали из того дома» (Деян. 19, 13–16).

Так, иногда поднимешь руку, чтобы крестным знамением разрушить бесовское наваждение, а бесы говорят: «Знаем Иисуса, знаем, что такое Крест, а ты кто»?

И правда: посмотри на свой пост. Пусть ты не ешь мясного и молочного, но зато остальное — вдоволь и часто; не можешь довольствоваться хлебом и водой один раз в день. Ты боишься за себя, жалеешь свою плоть, и не столько даже твое тело, сколько твоя душа желает телесной пищи, потому что ей скучно, тоскливо без еды!

А какая может быть молитва, если надежда не на Бога, а на чрево, и если только от насыщения чрева научился получать радость... Потому-то в наше время так много одержимых бесами и так мало тех, кто может их изгонять.

А между тем, все христиане призваны побеждать бесов, и Апостол обращался ко всем, когда писал: «Подражайте мне, как я Христу».

Но вот беда: перед Апостолами был живой пример Христа; перед первыми христианами — живой пример Апостолов; а перед нами — только книжные примеры веры, поста и молитвы. Не видя того, кто подал бы руку и сказал: «подражай мне, как я Христу», — мы вступаем в Церковь на ощупь, как

во тьме, а все вокруг стремится соблазнить и сбить с пути. Мы идем, как по болоту, и сразу начинаем тонуть, едва сделаем резкое, непродуманное движение.

Поэтому ощутив в себе хоть какую-то веру, не будем сразу замахиваться передвигать горы, бросать вызов бесам, переворачивать вокруг себя жизнь. Будем браться только за дела, соразмерные с тем, насколько мы еще зависим от мира и насколько уже прилепились к Богу. Иными словами — с тем, каковы наши пост и молитва.

СЕДМИЦА 11-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О православном миссионерстве

Понедельник **Мф. 23, 13–22**
2 Кор. 2, 14–3, 3

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам: ибо сами не входите, и хотящих войти не допускаете».

Врата Царства Небесного находятся на земле, и на страже их стоят люди, а точнее, собственно люди и составляют эти врата. Так что желающий чтить Бога непременно должен войти в семью богочтителей.

Так было и в Ветхом Завете. В книге «Руфь» овдовевшая иноплеменница говорит своей свекрови: «твой народ будет моим народом, и твой Бог моим Богом» (Руфь. 1, 16). Тем более в христианстве обратить ко Христу всегда означало: ввести в круг своей любви, своей заботы. «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4, 32).

Принимая человека, община берет и ответственность за него. И если истинный хранитель врат Царствия Небесного видит для кого-то опасность отпадения, он пишет об этом «от великой скорби и стесненного сердца». А если ему приходится на время отлучить кого-то за смертный грех, он страдает вместе с грешником, и при первой возможности советует «простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерной печалью».

Истинный хранитель врат Царствия Небесного, опираясь на Бога, одновременно опирается и на всех членов Церкви: «Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но ... и всех вас ... А кого вы в чем-то прощаете, того и я: ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова». И он все делает, чтобы не утратить ни единого, «чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам небезызвестны его умыслы».

Ну а те, которые «лицемерно долго» молятся, и в то же время поедают домы братьев, навлекают на себя «тем большее осуждение». Отношение к Богу и отношения внутри Божьего народа настолько неразрывны, что нарушивший второе неизбежно нарушит и первое. Поедающие домы детей Божиих непременно придут к уничижению и Самого Бога, и будут говорить: «если кто поклянется храмом, то ничего (то есть, можно и не выполнять клятву); а если поклянется золотом храма, то повинен (если не выполнит клятву)». Или: «если кто поклянется жертвенником, то ничего; если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен». Но что же больше: «золото или храм, освящающий золото»? «дар или жертвенник, освящающий дар?» Получается: то, что жертвуется, выше Того, Кому жертвуется! Поистине «безумные и слепые».

Людям, имеющим такое извращенное понятие о Боге, но дерзающим учить других, Господь говорит: «Горе вам... лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас».

Господь не хочет, чтобы люди погибали вместе с лицемерами. И Он только тогда дает удачу в подвиге миссионерства, только тогда дает «торжествовать во Христе, и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте», — когда в нашем церковном доме мир, любовь и правая вера.

О раскрашенных гробах

Вторник **Мф. 23, 23–28**
2 Кор. 2, 14–3, 3

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять.

Вожди слепые, оцеживающие комара, и верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их».

Обратим внимание, что Господь начинает укорять не за то, что не сделано, а за то, что уже сделано. Тщательное выполнение второстепенного при невыполнении главного не смягчает вину, но навлекает еще большее осуждение. Писание говорит, что тому, кто совсем не знает Бога, будет легче на суде, чем тому, кто знает, но при этом хочет отделаться ничтожно малым.

Ждал Бог от Своего народа того, что выражается словами: «суд, милость и вера», а Ему подсовывали десятину с огородных трав.

Так же об очищении чаши и блюда. Казалось бы, хорошо, что человек очищает хотя бы внешнее. Но Господь это и ставит в укор. Потому что удача во внешнем при забвении внутреннего — не есть даже малая, частичная удача. Как если вид предмета побудил приобрести его, а потом оказалось, что сердцевина гнилая.

Апостол пишет: «Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе, и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу». Благоухает лишь то, что живо, здорово, свежо от самой сердцевины. Все же остальное издает лишь запах тления, более или менее терпимый. Христово благоухание свойственно лишь тому, что и внутри, и снаружи посвящено Христу. Лицемерам же Господь говорит: «Горе вам... что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».

Как часто мы прельщаемся внешним видом, думая, будто что-то понимаем в таинственном соотношении внешнего и внутреннего!

Иные еще и дерзают играть на сцене или в кино святых, а то и Самого Господа и Его Пречистую Матерь! И мы любуемся такими «гробами повапленными», и за Христово благоухание принимаем запах краски. Мы представляем себе святость по каким-то фантастическим понятиям, рожденным в наших грешных душах. А истинное благоухание святости,

истинное Христово благоухание воспринимаем как «запах смертоносный на смерть».

Но чтобы ценить чужую святость — нет другого пути, кроме как самому встать на путь святости. Перестать украшать себя для мира, начать очищать свое сердце, и любое дело делать не для человеческой похвалы, но — «как от Бога, перед Богом, во Христе».

Об отцах и детях

Среда **Мф. 23, 29–39**
2 Кор. 3, 4–12

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам, и украшаете памятники праведников, и говорите: «если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков».

Что здесь могло послужить поводом для укора? Разве плохо — почитать память святых? Похвально и не желать быть сообщниками в пролитии крови. А значит, остается только одно: что они называют пророкоубийц своими отцами. «Таким образом, — говорит Господь, — вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших».

Так, уже в самом произнесении слова «отец» сразу обнаруживается не порванная связующая нить. И выходит, что, надо даже перестать считать отцом того, кто умер в явном противлении Богу. Какой он тебе отец, если проливал кровь посланцев Отца Небесного и не раскаялся в этом?

Перед лицом самого Бога даже закон, данный когда-то Богом, теряет смысл. Перед лицом животворящего Духа закон становится смертоносными буквами.

Раньше, до пришествия Христова, служение этим «буквам, начертанным на камнях, было ... славно». А теперь это «прославленное даже не оказывается славным», «по причине преимущественной славы последующего».

Вот как выглядит даже святое рядом с Источником святости. Что же сказать о вступивших в противоборство с Ним? «Да приидет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле», — говорит им Господь.

Даже с осуждением называя кого-то отцом, мы тем самым объявляем себя членами определенного рода. И не дай нам Бог оказаться в том роде, о котором, перечислив всевозможные беды, Господь говорит: «Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей». «Сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»

И надо выходить из всего, над чем тяготеет проклятье, уходить от тех, кому Господь сказал: «Се, оставляется вам дом ваш пуст», выходить из рода нечестивых и входить в род праведных, «которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1, 13).

О прозревании

Четверг **Мф. 24, 13–28**
2 Кор. 4, 1–6

У Апостола Павла читаем: «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». Апостолы были призваны нести этот свет «во всю землю», потому что по слову Господню, до того как придет конец, Евангелие Царствия должно быть проповедано «по всей вселенной, во свидетельство всем народам».

Но этот свет закрыт «для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего (то есть враг Божий, сатана) ослепил умы».

Сатана, конечно, не может противиться Богу. Едва он некогда помыслил об этом, как тут же был свергнут с небес.

Но совсем иное дело, когда полем битвы становится человеческая душа. Тут может победить и сатана, и не потому, что он может одолеть Бога, а потому что душа свободна, и сама может выбрать добро или зло, свет или мрак, Бога или диавола.

А пока душа не определилась, Бог и диавол стоят перед ней: Бог старается просветить, а диавол ослепить и свести человека «во ад жива». Не имея истины, лишенный даже

силы, диавол, чтобы обольстить, использует и наши страсти, и наши естественные желания, и наши привычки, и нашу леность, и своих служителей из числа нас же самих. Он пугает, показывает свою мнимую силу, делает все, чтобы неразрывными путами привязать к миру.

И совсем по-другому действует на душу тихий свет Христов. Он не давит, не ломает, не жжет. Он тихо и кротко светит перед внутренними очами души. И истинные благовестники Христовы так же бережно, с уважением подходят к душе: «Мы... не прибегая к хитрости, и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом».

Но хотя Господь терпеливо ждет обращения, нам самим ждать некогда. Кто знает, может быть уже завтра «будет пришествие Сына Человеческого». А надо успеть не только обратиться, но и ко многому приготовиться. Господь предупредил, что «восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Поэтому надо научиться слушать свою совесть. Когда является Христос или Его посланник, на душе спокойно и радостно. А если там сомнение и смута, то каким бы ярким ни был видимый при этом свет, нельзя открывать дверь души.

Надо постепенно ослабить и те путы, которыми держит нас мир. Потому что когда придет время, «кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои».

А еще предстоит уразуметь, что такое «мерзость запустения», «стоящая на святом месте». Мерзость запустения это, очевидно, исчезновение с земли видимых мест, куда можно было бы прийти для встречи с невидимым Богом. И когда это наступит, «тогда, если кто скажет вам: «вот, здесь Христос»; «вот, Он в потаенных комнатах», — не верьте».

Очевидно, выйдя однажды из потаенных мест, Церковь уже не может туда возвратиться. Став доступной всем: и верующим, и маловерным, и даже суеверным, — она уже не может провести внутри себя черту, и прежде суда Христова разделить всех на овец и козлищ. Вот — наши святые храмы, такие, какие они есть, и других уже не будет. И если тьма в них окончательно одолеет свет, то отсюда просто надо будет выйти, или как сказано, «да бегут в горы».

Поэтому надо укреплять духовное зрение, просвещаться «познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». А иначе, — как видимый свет, если вспыхнет внезапно, может навсегда ослепить, — так и внезапно наставший День Господень может обернуться вечной тьмой.

О видимом и невидимом

Пятница **Мф. 24, 27–33, 42–51**
2 Кор. 4, 13–18

«Видимое временно, а невидимое вечно», — говорит Апостол, тем самым разделяя весь мир, все творение на видимое и невидимое.

Но разве есть что-нибудь невидимое само по себе? Разве для Бога есть что-то невидимое? Разве Сам Бог невидим для Себя? А разве для человека в раю было хоть что-нибудь невидимо? Ведь даже Бог был для него ходящим «в раю, во время прохлады дня» (Быт. 3, 8).

Так было до грехопадения. Но нарушив Божью заповедь, человек сам не захотел видеть, и в первую очередь — Самого Бога. Он захотел скрыться «от лица Господа Бога между деревьями рая». С этого момента человек умер, и началось его стремительное падение из области света в область тьмы.

И это падение было бы бесконечным, но Бог по Своей милости не дал человеку низвергнуться в окончательную тьму неведения и не видения. Господь пожертвовал частью творения, пожертвовал землей. Он сказал: «Проклята земля за тебя» (Быт. 3, 17).

Только с этого момента мир раскололся на видимый и невидимый. Видимый — пораженный грехом и смертью вместе с нами. И невидимый, сохранивший первозданную славу и совершенство. Бог сделал землю соразмерной человеческому несовершенству, попустил ей отпасть вместе с нами, остаться видимой для нас, чтобы нам хоть на чем-то видеть хотя бы помраченную, но все же — печать нашего Творца; чтобы держась за это видимое, мы могли бы снова постепенно восходить к тому, что стало для нас невидимым.

Но иные люди, обольщенные диаволом, упорно и сознательно не хотят видеть в видимом ничего, кроме самого же

видимого. И в недоуменных случаях — их первый вопрос: а ты сам, своими глазами видел то, о чем говоришь?..

Да, видеть, это вершина, торжественный предел знания.

Но что скажут они, когда вдруг придет время, и из всего видимого даже «солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»?

Что скажут они, когда вдруг невидимое победоносно войдет в нашу жизнь, в наше поле зрения, когда, «как молния исходит от востока, и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»? Тогда уж ничего не скажут. Тогда только «восплачут все племена земные», когда «увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою».

Восплачет и тот, кто совсем не хотел знать о невидимом.

Восплачет и тот, кто хоть и верил отчасти, но сказал «в сердце своем: не скоро придет господин мой».

Восплачет и тот, кто хотя и ждал, но недостаточно горячо и усердно.

И даже тот, кто ждал всеми силами души, — все равно восплачет, потому что все наши силы, вся наша любовь — ничто по сравнению с Его славой, с Его любовью.

Он же «пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною; и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их». А другие, «орлы», поклонники видимого, соберутся там, «где будет труп» пораженного грехом исчезающего видимого мира...

Итак, надо учиться мысленным взором веры сквозь видимое смотреть на невидимое, чтобы во-первых и прежде всего у нас «перед глазами предначертан был Иисус Христос», как бы у нас «распятый» (Гал. 3, 1). И когда это получится, тогда даже страдание, это самое очевидное из того, что есть в видимом мире, — начнет производить в нас «в безмерном преизбытке вечную славу».

О венчании

Суббота **Мф. 19, 3–12**
1 Кор. 1, 3–9

Однажды к Иисусу Христу приступили фарисеи, и в который уже раз «искушая Его, говорили Ему: по всякой

ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?»

Не знаем, на какой ответ они рассчитывали, «искушая Его», но Господь как всегда указал на самое начало: «Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не два, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

В растленном грехом человечестве Бог разрешал и многоженство, и развод. Но теперь, придя освободить от греха и вернуть к началу, в рай, Господь и норму дает такую, какая была вначале.

И вот, в храме перед Крестом и Евангелием стоят мужчина и женщина, навсегда избравшие друг друга.

Священник, обращаясь к Богу, молитвенно вспоминает, как Тот сотворил Адама, потом из ребра его Еву, и привел к нему; как Адам, впервые увидев, сразу узнал ее и сказал, что должно человеку прилепиться к «жене своей, и будут два в плоть едину, и яже Бог сопряже, человек да не разлучает». «Сам и ныне, Владыко Господи Боже наш, — молится далее священник, — ниспосли благодать Твою небесную»... — А Господь ведь обещал: «просите — и дастся вам». — И священник просит трижды: «Господи Боже наш, славою и честию венчай их».

И происходит чудо: уже для них — никого: ни других мужчин, ни других женщин, ни отца, ни матери. На всей земле они — единственные друг для друга... Так, если в таинстве Крещения заново творится человек, то в таинстве Брака из него впервые творится и дается ему жена.

На них царские венцы, как на первых и главных; как на родоначальниках, от которых может заселиться новая земля; как на победителях, победивших мир с его множественностью; как на склонившихся под благой первоначальный Божий закон. Какой тут может быть развод? «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

Но что для христиан стало нормой, того иудеи тогда не могли вместить. Даже ученики робко сказали: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться».

Что же, «не все вмещают слово сие, но кому дано», — сказал Господь. Если не можешь принять закона брака, поднимись на ступень выше, подойди ближе к началу бытия, когда еще не была сотворена жена. Тогда человек только что вышел из рук Божиих, и кроме Бога у него не было никого. Он славил Бога, познавал мир и всему давал имена. И сейчас открыт этот славный путь безбрачного, не рассеянного служения Богу. «Ибо есть скопцы, которые из чрева Матери родились так». «И есть скопцы, которые оскоплены от людей». «И есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

Церковь никогда не понимала это буквально, никогда не занималась вырыванием соблазняющих глаз и отсечением соблазняющих рук (Мф. 5, 29–30). Все в нас должно быть совершенным, а значит свободным: и брак, и безбрачие. Где нет свободы греха, не может быть и свободной, славной победы над грехом.

А если поотсекать искушающие члены и заглушить лекарствами бушующие страсти, это вовсе не путь в Царство Небесное. Это — выведение особой породы рабов для царства земного, которые бы и работали исправно, и не причиняли бы лишних хлопот своему хозяину.

О злом должнике

Неделя 11-я **Мф. 18, 23–35**
1 Кор. 9, 2–12

Сегодня Евангелие приводит удивительный пример слепоты и бесчеловечия.

Некий раб задолжал своему господину огромную сумму: десять тысяч талантов. Ему грозила потеря семьи и всего, что у него есть. Рабу ничего не оставалось, как обратиться к милости господина: «государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу». Государь понимал, что заплатить он никогда не сможет. Видел, что он в отчаянии и говорит сам не зная что.

И вдруг, «умилосердившись над рабом тем, отпустил его, и долг простил ему». Какое чудо! Какое великое, неожиданное счастье! Как после этого все должно перевернуться

в душе бедного раба. Он должен чувствовать себя поистине воскресшим! Весь мир должен бы стать для него другим, и все люди другими.

Но что произошло дальше. «Раб же тот, вышедши, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему» всего «сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Товарищ «пал к ногам его» и теми же словами, как и сам он несколько минут назад, стал умолять: «потерпи на мне, и все отдам тебе». И он действительно отдал бы. «Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга».

Государь, узнав об этом, сказал: «злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» И теперь государь совершенно справедливо «отдал его истязателям, пока не отдаст всего долга». Рассказав эту притчу, Господь пояснил: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его».

Возмущение господина глубоко понятно. Всякое дело должно приносить плоды. «Кто, насадив виноград, не ест плодов его?» «Кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое». Тем более посеявшему добро невыносимо видеть его затоптанным и не принесшим плода.

А сколь невыносимо для Ангелов Божиих видеть, как посеянное в нас Господом Иисусом порой остается совершенно бесплодным! «Если мы посеяли в вас духовное, — велико ли то, если пожнем у вас телесное?» Нам прощаются все наши грехи в крещении, нам постоянно прощаются новые грехи в таинстве исповеди, нам возвращается вечная жизнь. И если мы после этого не готовы от всего сердца простить и своим должникам, значит мы ничего не поняли в христианстве и ни во что ставим то, что произошло на Голгофе.

Представь же, что тебе вдруг простили огромный и неоплатный денежный долг. Еще вчера думал покончить с собой от предстоящего позора и разорения, а сегодня идешь от своего благодетеля. Гора свалилась с плеч, солнце снова взошло. И неужели избытка твоей радости не хватит для того, кто с какой-то малой просьбой попадется тебе на пути?

СЕДМИЦА 12-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О умершем за меня

Понедельник **Мк. 1, 9–15**
2 Кор. 5, 10–15

Апостол говорит: «Если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего».

Вообще удивительно, когда один добровольно принимает смерть за другого. Он на несколько лет укоротил свое, и так короткое пребывание на земле, чтобы мое пребывание здесь удлинилось на несколько лет, которые тоже пролетят в одни миг.

Казалось бы, нормальный обмен: один на один. Но почему-то я чувствую, что он, ушедший, теперь недосягаемо выше меня, а я стал вечным его должником. И даже если моя жизнь особо нужна для человечества, все равно совесть не даст покоя. И жутко читать рассуждения известного писателя, что преступно отправлять на войну тех, кто составляет, так сказать, «мозг нации»: пусть, дескать, простые людшки гибнут. И любое нормальное сердце откликнется на слова другого писателя, что даже ради всеобщего счастья недопустимо замучить хотя бы одного человека.

Отдавший за меня жизнь становится в какой-то мере судьей всех моих дел. Каждый шаг я теперь оцениваю его жизнью и смертью. И я вижу, что нет во мне ничего такого, за что можно было бы принять в жертву чужую жизнь. И это в конце концов настолько морально подавляет, что поистине получается, будто вместе с ним умер и я! И это даже если за меня заплачено таким же как я смертным человеком.

Ну а если за меня умер Тот, о Ком Бог Отец торжественно свидетельствовал: «Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение»? Как это осмыслить?

Апостол говорит, что «всем нам должно явиться пред судилище Христово». И отправляемся мы на это судилище уже сейчас, прежде второго пришествия Христова, и именно в наших размышлениях о Его смерти. Чтобы устоять на гряду-

щем суде, необходимо измерить свою многогрешную жизнь земной жизнью Единого Безгрешного.

Все наше существо должно погрузиться в Его смерть, как мы погружаемся в воды Святого Крещения (как Он погрузился в наш грех, войдя в воды Иордана). Нам надо погрузиться в ту истину, что «если один умер за всех, то все умерли». И тогда вместе с водами Крещения «любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так». И только после этого, просвещенные Святым Духом, мы сможем наконец понять, а что же значит: жить «не для себя», «но для умершего за нас и воскресшего»!

О любви и смерти

Вторник **Мк. 1, 16–22**
2 Кор. 5, 15–21

«Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, а для умершего за них и воскресшего».

Ведь умерший за меня, даже если это обычный человек, поистине рождает меня в новую жизнь. Прежняя должна была вот-вот оборваться, и новая никогда бы не наступила. Даже если речь идет о нескольких годах, все они до последней минутки принадлежат умершему за меня. Он мне больше, чем отец по плоти. Последний, полагая мне начало, вовсе не думал обо мне, а этот сознательно ради меня лишился жизни со всеми ее радостями.

Ну а Тот, Кто умер за меня и воскрес, Он и при земной жизни был несравнимо выше всех. Когда Он умер, Его ученикам стало окончательно ясно, что такое мир без Него. «Отныне мы никого не знаем по плоти», — говорили они. — «Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Не стало никого по плоти, от кого можно было бы услышать о вечной жизни, услышать как от единственного Учителя и Наставника, как от Отца в собственном и единственном смысле этого слова (Мф. 23, 8–10), от Которого, как от первоисточника, «именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3, 15).

И кто вместе с учениками это понял, «тот новая тварь»; для него все «древнее прошло, теперь все новое».

Христос умер за меня. А ведь я сам же и виноват, что должен был умереть! Мне был открыт закон сотворенного Богом мира: жизнь — только в послушании Творцу. Я же захотел жить по своей воле, и естественно обрел смерть. И Господу пришлось умереть за меня, чтобы я снова стал жить для Него и через это вернулся бы к вечной жизни. «Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою... Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям прегрешений их... Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех».

И Христос не останавливается даже на точке смерти. Все сделав за нас, умерев за нас, Он же и умоляет нас через Своих служителей: «Примиритесь с Богом!»

Почему именно так все должно было совершиться?

Ни одного из законов, по которым составлен и существует Божий мир, заведомо невозможно объяснить, потому что их источник — свободная воля Творца. Законы только открывают, познают и применяют.

В основе же всего сотворенного — любовь. Потому что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 16). А являет себя любовь только через жертву, и «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Только Своим жертвенным служением Господь смог уловить души даже со дна преисподней. В таком же духе улавливать человеков послал Он и Своих Апостолов.

И только таким терпеливым, жертвенным служением можем и мы улавливать ожесточенные сердца наших ближних и созидать вокруг себя мир.

О признаках Божьего служителя

Среда **Мк. 1, 23–28**

2 Кор. 6, 1–16

«Умоляю вас, — пишет Апостол, — чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами. Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения».

Но чтобы благодать была вообще принята, надо, чтобы она была неискаженно передана. За это уже отвечает проповедник.

И Апостол осознает эту ответственность. Постоянно испытывая свою совесть, он ничего не находит за собой, и ему достаточно было бы сказать: «Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение». Теперь вся ответственность на тех, кто не услышал.

Проповедник сделал все. И он мог бы умыть руки.

Но это же — Апостол Павел! Даже сделав все, он еще и начинает тщательно и подробно отчитываться перед всем миром, доказывать, что он действительно является Божьим служителем, и что принесенное им действительно является Божьим даром!

Главные признаки Божьего служителя для него — «в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах».

Только потом он перечисляет другие, славные признаки служения, которые открываются «в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицеприятной любви, в слове истины, в силе Божией».

А ложный служитель, кстати, обычно начинает с чудес, с силы своей молитвы, с уважения к нему людей, с неизменной удачи во всех делах.

Далее Апостол говорит, что он был постоянен в самых противоположных обстоятельствах: «в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах». И наконец он показывает полное бессилие мира сломить его. «Нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

Так, и сделав что мог, и сказав что считал необходимым, Апостол с дерзновением обращается к своим адресатам: «Уста наши отверсты к вам, коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас». Апостол хочет, чтобы и они стали такими же: «В равное возмездие, — говорю, как детям, — распространитесь и вы».

А для этого надлежит изгнать из сердца все чуждое, «ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога Живого, как сказал Бог: «вселюся в них, и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом».

Господь много изгонял бесов. Они кричали: «Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас!» Но не могли противиться, и «сотрясши» свою жертву, «вскричав громким голосом», выходили. Господь делал это не для того, чтобы люди просто удивлялись, ужасались, и распускали о Нем молву. Но — чтобы, ощутив сладость своей первозданной чистоты и свободы, расширили бы сердца навстречу друг другу и уже старались бы с Божьей помощью хранить себя от тьмы, от идолов, от бесов; и чтобы голос каждого человека звучал чисто и свободно, от любящего сердца и от чистой совести.

О человеческом сиротстве

Четверг **Мк. 1, 29–35**
2 Кор. 7, 1–10

Апостол пишет: «Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием». А обетование — ни много ни мало — такое: «И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дщерями, — говорит Господь Вседержитель» (2 Кор. 6, 18).

Но чтобы это обетование прозвучало в полную силу, надо по-настоящему почувствовать себя сиротой. Ведь что нужно сироте? Может быть, подарки, развлечения, угощение? — Да ему нужны отец и мать! Добрые люди и подарки принесут, и внимание окажут, а потом уйдут к своим детям. И вдруг кто-то пообещал сироте усыновить его, пообещал не по головке погладить, а всецело принять в свою жизнь, пообещал все твои заботы сделать своими, а все свое достояние сделать твоим!

А разве все мы не сироты? Что мы имеем, чего бы у нас не могли в любой момент отнять? Кто может защитить от беды?

Мы постоянно взываем: «что есть истина? где справедливость? в чем подлинное благо?» Но на самом деле — не этого нам надо. Нам нужен именно Отец Небесный, Который был бы и премудрым, и добрым, и справедливым, Который Сам есть мыслящая любовь и любящая истина; Который мог бы просто войти и в мой дом, и в дом моей души; Который бы и близкого мне человека просто поднял с одра болезни, и душу мою многогрешную исцелил бы.

Поэтому и поиск истины, и борьба за справедливость, и делание добра — лишь на время могут соединять людей. И только живое чувство сыновства Богу способно соединить навсегда, породить живое чувство братства.

Вот — пример Апостола Павла. Как у него бьется сердце безмерной благодарностью Небесному Отцу и любвью к братьям! «Вместите нас, — пишет он, — мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти. Не в осуждение говорю: ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть, и жить».

Тут не общие интересы, не общее дело, но общая вечная жизнь!

Для Павла его сыновство и братство настолько важно, что способно победить любую скорбь. «Когда мы пришли в Македонию, — пишет он, — плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне — нападения, внутри — страхи». Но «Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита, и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более возрадовался». Апостол утешился тем, что они опечалились, потому что они опечалились не от тесноты и страхов жизни, а от страха потерять Небесного Отца, «опечалились ради Бога... Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению».

Потому что печаль ради Бога, это и есть чувство сироты, для которого блеснула надежда, и вдруг возникла опасность снова все потерять. И он изо всех сил оберегает «себя от

всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием».

О печали к смерти и о печали к жизни

Пятница **Мк. 2, 18–22**
2 Кор. 7, 10–16

Каждому ясно, что если человек умеет ходить, это еще не значит, что он пойдет на доброе дело. Но и вообще о любом деле мы не можем сказать, хорошее оно или плохое, если не увидим цели, на которую оно направлено, если не распознаем духа, в котором оно совершается. И это касается даже видимых дел благочестия: поста, молитвы, милостыни, покаяния. Внешние дела Господь сравнивает с мехами, и говорит, что эти мехи могут быть ветхими или новыми. А внутреннее побуждение сравнивает с вином, которое может быть молодым или старым.

А бывает и в добрых мехах вино совершенно негодное. Пришел человек на исповедь. Священник спрашивает: «В чем грешен?» — «Ни в чем». — «Пост соблюдаешь?» — «А как же! Все сорок дней вообще не ем». — «Может быть, кого осудил?» — «А как их не осуждать, такую рвань и пьянь?!.» Вот и видишь, какое питье содержится в этих повидимому крепких, и даже удивления достойных мехах.

Или, например, человек опечален. Что может быть в этом плохого? Но оказывается, и причины печали могут быть настолько противоположными, что одна «производит неизменное покаяние ко спасению», а другая «производит смерть».

Печаль, это стон всего существа о потере самого главного. Нигде нет заповеди: «не печалься», потому что, очевидно, давать эту заповедь бесполезно. Печаль охватывает всю душу. Печаль говорит, что нет и не может быть на свете ничего лучше желаемого мною, и чего я лишен. И мирская печаль, это печаль о том, что проходит, что истлевает, что не есть истинное благо, и чего по существу даже вообще нет. Это погружение еще заживо в смерть, когда в душе уже нет точки опоры, чтобы из этого состояния выбраться, и нет даже

желания это делать. Потому-то «печаль мирская производит смерть».

С мирской печалью не спутаешь печаль «ради Бога», которая всегда деятельна. В свое время Апостол опечалил коринфян. Они думали, что у них все нормально, а он указал на беззаконие в их среде: «И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать... Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?» (1 Кор. 5, 2–6). И теперь Павел увидел, какие плоды это принесло: «Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование на виновного, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле».

Преподобный Иоанн Лествичник писал: «Псалмопение, милосердие и нестяжание суть убийцы печали» (26, 195). Печаль ради Бога сама тянется к этим орудиям. Но чтобы они были действенны и против мирской печали, нельзя их беречь лишь на тот случай, когда печаль уже охватит. Тогда будет поздно. Надо постоянно упражняться в этом: чтобы и чтение Псалтири, и милосердие к нуждающимся, и неприлепление сердца к богатству стали постоянными и непременными правилами жизни.

О блаженной слепоте

Суббота **Мф. 20, 29–34**
1 Кор. 1, 26–29

Однажды Господь Иисус Христос шел из Иерихона, и за Ним «следовало множество народа. А двое слепых, сидевшие у дороги, услышав, что Иисус идет мимо, начали кричать Ему».

Слепые не видят, далеко или близко предмет их желаний. Не видят, кто вокруг Него, великие или малые это люди, не видят, занят Он сейчас или свободен. Они только знают, что им совершенно необходимо быть услышанными. А для этого надо крикнуть так, чтобы в кратком восклицании выразить все: «Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!»

Народ же «заставлял их молчать», потому что эти слепые казались не только ничтожными, но и наглыми: их призывают к приличию, а они как будто назло «еще громче стали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов!»

Но Божий суд — совсем не то, что человеческий. Господь и остановился ради них, и уделил Свое Божественное внимание, и помиловал, и дал просимое.

Апостол тоже свидетельствует, что униженные и всеми отверженные оказываются ближе к Богу. «Посмотрите, братия,» — обращается он к коринфским христианам, — «кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных». «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее ... для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом».

Христианина эти слова не могут обидеть. Потому что он знает, в чем его истинная, никому не видимая, но и никем несокрушимая сила. Такой «немудрый и незначащий» не доискивается, где именно находится Бог. Он просто изо всех сил взывает к Нему и знает, что будет услышан.

Слова Апостола обращены прямо к нашей современной нищете, и вместе — к нашей беспредельной гордыне. Мы лезем во все дела мира, гонимся за мирской премудростью «по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8), стараемся говорить на их «ученом» языке, судить да рядить о всех предметах. Мы хотим быть мудрейшими, чтобы победить мудрых века сего. А в результате — силы тратятся впустую, и мы и в сравнении с ними все равно выглядим жалкими дилетантами с большими претензиями.

И незаметно теряем свое, главное, что возвысило даже простых, всеми презираемых слепцов.

Об отсечении главы

Усекновение главы Иоанна **Мк. 6, 14–30**

Предтечи **Деян. 13, 25–31**

Сегодня Церковь молитвенно вспоминает завершение славного земного пути Крестителя Господня Иоанна. Он

был убит не прямо за проповедь грядущего Спасителя, а по-видимому из-за того, что отвлекся от своего главного дела. Связался с Иродом, вмешался в его личную жизнь: «Не должно тебе иметь жену брата твоего».

И все-таки, по свидетельству Церкви, он пострадал именно «за истину». Потому что если Господь наш есть совершенная истина, то — истина и все то, что Он в Своем единосущии со Отцем и Святым Духом от века возвещал через пророков. А среди прочего было сказано: «Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего» (Лев. 18, 6). Сказано также: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак. 2, 10).

Ирод предстает перед нами в общем неплохим человеком, и даже любителем истины. Он хотя и заключил Иоанна в темницу, но знал, «что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его». Но хотя и слушал его, и во многом поступал по его словам, но не разорвал преступного брака, и тем самым сделал бессмысленным все остальное. И грех, как своего раба, потащил его, куда он сам не хотел. И теперь даже видимая добродетель стала ему сетью: желая быть верным слову, стал пророкоубийцей.

Так, пренебрежение одной единственной заповедью ведет к погибели.

А когда мы видим в духовно обезглавленном человеке всего одну, и притом ярко выраженную добродетель, это выглядит еще страшнее. Дочь Иродиады — ярчайший пример послушания. Своей пляской она так угодила всем, что Ирод обещает полцарства. Но от успеха не закружилась голова. Услышав обещание Ирода, сразу «вышла и спросила у матери своей: чего просить?» И не ужаснулась просить, по послушанию, «головы Иоанна Крестителя»!

И не случайно зло старается поразить именно главу: потому что главная мечта диавола поразить Главу мира, Главу церкви, отсечь от нас Господа Иисуса Христа, чтобы без Него и все добродетели наши превратились в пороки.

И не случайно Господь попустил Своему Предтече умереть именно такой смертью, как и впоследствии попускал

именно такую смерть многим Своим свидетелям. Чтобы все остальные, видя, что происходит с телом, лишенным главы, обратились бы на себя, и поняли бы, что происходит с душой, потерявшей истину.

О скрытом лукавстве

Неделя 12-я **Мф. 19, 16–26**
1 Кор. 15, 1–11

Однажды к Иисусу Христу подошел некий человек и спросил: «Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?»

В этом вопросе было скрытое, невольное лукавство, от неверного взгляда и на Иисуса Христа, и на самого себя.

Уже в самом обращении, «Учитель благий», крылась ложь, на которую Господь сразу указал: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог». Потому что этот человек на самом деле не считал Иисуса Богом, а только хотел этими высокими словами выразить уважение.

А затем уже Господь дал и прямой ответ: «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди»: «не убивай, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать; и люби ближнего твоего, как самого себя». Человек ответил: «Все это сохранил я от юности моей. Чего еще недостает мне?»

И тогда Господь «сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение».

А что значит «отошел»? Неужели он только отказался от возможности быть «совершенным», а вечную жизнь себе обеспечил?..

Отойти от Господа Иисуса Христа, Который есть истина и жизнь, значит — отойти не только от совершенства, но и от Царствия Небесного, и от вечной жизни: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное».

Очевидно, были в нем и самоуверенность, и легкомыслие, и невнимание к себе. Очевидно, он и подошел с целью показать: вот, мол, какой я хороший, ни в чем не имею недостатка!.. И он не понимал, что перед ним не тот, кто просто показывает путь к вечной жизни, а Тот, Кто один только и может дать ее. Очевидно, и самая вечная жизнь не была для него таким благом, ради которого стоит отказаться от благ жизни временной.

Но и Самому Господу Иисусу тоже еще только предстояло завершить Свое дело. И уже Его посланники потом возвестят тому же человеку, «что Христос умер за грехи наши», «и что Он погребен был, и что воскрес в третий день», «и что явился» Своим ученикам, исполнив их силы и радости.

И если этот человек к тому времени убедится, что «спастись ... невозможно» не только своим богатством, но и своей праведностью, — он тоже примет протянутую ему спасающую руку воскресшего Господа и пойдет за Ним.

А уж «Богу ... все возможно»!

СЕДМИЦА 13-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О христианской благотворительности

Понедельник **Мк. 3, 6–12**
2 Кор. 8, 7–15

Сегодня мы читаем, как Апостол побуждает коринфских христиан помочь иерусалимским братьям.

Но обратим внимание, что забота Его как бы даже и не о самих нуждающихся. Он не старается любой ценой принудить, потребовать. Он снова и снова подчеркивает: «Говорю это не в виде повеления; ... я даю вам совет. Ибо это полезно» в первую очередь именно «вам» самим.

И вместо того, чтобы рисовать бьющую по нервам картину голода и нищеты, Апостол старается оживить в памяти коринфян всемилостивый образ Господа Иисуса, Который, «будучи богат, обнищал ради вас, чтобы вы обогатились Его нищетою».

Апостол также приглашает полюбоваться духовной красотой македонских христиан, «ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью, и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия». Апостол пишет, что македоняне не просто послушались его, не просто согласились, но даже «сами просили... принять дар и участие их». И даже не просто просили, но просили «весьма убедительно». Апостол радуется, что они были доброхотны «по силам и сверх сил», что они совершили «не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, а потом и нам по воле Божией». И это — «среди» собственного «великого испытания скорбями» и собственной «глубокой нищеты»!

Так, причиной добродетели должно быть не столько внешнее побуждение, сколько — свободный духовный выбор пути подражания Господу и Его святым.

И не должно быть усердия не по разуму. Господь и без нашей помощи может все: «ибо многих Он исцелил, так что имевшие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его. И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним». Господь в силах и накормить всех, как когда-то Свой народ в пустыне, как написано: «кто собрал много, не имел лишнего; а кто — мало, не имел недостатка».

Но такова уж Его воля, что «нищие всегда будут среди земли твоей; потому Я повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему, и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15, 11). И хорошо, когда ты с радостью, от чистого сердца делишься тем, что у тебя есть.

Но иные ревнители, желая «организовать» кому-то помощь, начинают суетиться, давить на всех, и вместо пользы создают смуту и в себе, и вокруг. Не одобряя такой суеты, Апостол пишет, что жертвовать надо «по достатку». «Ибо если есть усердие, то оно принимается, смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность».

Апостол и обратился к коринфянам, потому что видел в них нормальный духовный рост, видел, что они изобилуют «всем: верою и словом, и любовью», да и сами «желали того еще с прошлого года». И о совершенстве македонской цер-

кви он пишет не в укор, а просто приглашает полюбоваться прекрасным, совершенным плодом, уровня которого — он верит — и коринфяне достигнут в свое время.

О взаимодействии воль

Вторник **Мк. 3, 13–19**
2 Кор. 8, 16–9, 5

Апостол Павел объясняет Коринфянам, почему его сотрудник Тит пришел к ним. Сначала он говорит: «Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам...» На этом бы можно и остановиться.

Но далее Павел упоминает и о своей роли: «...я просил его».

А еще далее узнаем, что и при действии Бога, и при старании Павла, Тит совершил то, что совершил, единственно по решению своей собственной воли. Он, «будучи весьма усерден, пошел к вам добровольно».

Но если делает Бог, человек может ли прибавить? А если делает человек, причем тут еще кто-то?

Но вспомним, что Иуду Господь тоже избрал и призвал. У всех евангелистов, когда перечисляются Апостолы, с ними непременно именуется Иуда. И в его сердце Господь влагал благие намерения; и он видел все, что творил Иисус, и слышал, чему Он учил. И все-таки везде, где перечисляются Апостолы, после имени Иуды у всех евангелистов стоит: «... который и предал Его». Воля человеческая и здесь с самого начала рядом с Божьей волей; но с самого же начала не в согласии, а в упорном противлении.

Бог сделал все, чтобы спасти Иуду.

И всякий пастырь должен делать все, чтобы привести к Богу заблудшую овцу. А для этого пастырь, во-первых, не должен давать повода в чем-либо обвинить себя, и тем самым положить пятно на Божье дело. Поэтому отправляя Тита за милостыней, Павел посылает с ним некоего брата, «остерегаясь, чтобы... не подвергнуться от кого нареканию, при таком обилии приношений. ... Ибо мы, — пишет Павел, — стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми».

Обратим также внимание, что и брата он посылает не случайного, а как бы и без него всеми избранного, «во всех церквах похваляемого за благовествование». Таким образом, добровольное усердие одного, хотя и многократно испытанное, многократно усиливается «по великой уверенности» остальных братьев.

Апостол и удачу своих дел видит только «в соответствии усердию» других. Видя это усердие, он даже говорит как бы о ненужности своих, тем не менее, непрестанных трудов: «Для меня, впрочем, излишне писать вам о вспоможении святым, ибо я знаю усердие ваше»...

Таинственно всякое самоопределение человеческой воли, таинственно и взаимодействие воль. Без Божьей воли не можем ничего творить. Но Божья воля не будет исполнена без доброй человеческой воли. Нужен и тот, кто возвестит Божью волю, ибо «как веровать в Того, о ком не слышали? Как слышать без проповедующего?» (Рим. 10, 14).

Цель же доброго пастыря — чтобы человек сам, добровольно пришел к Богу. И если нет доброй человеческой воли, то бессмысленно и пастырю говорить о своих трудах...

И вот — вершина, когда все три воли соединяются вместе, когда ни одна в начале, ни одна в конце; ни одна — причина, ни одна — следствие. Теперь, наконец, можно радостно вздохнуть: «Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам. Ибо хотя я и просил его, впрочем, он, будучи весьма усерден, пошел к вам добровольно».

Именно об этом и молился Иисус перед Своими крестными страданиями: «Да будут едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17, 21).

О двуедином служении

Рождество Богородицы **Лк. 1, 39–49, 56**

Лк. 10, 38–42;11, 27–28

Почти на все Богородичные праздники на литургии читается Евангелие, которое на первый взгляд не имеет прямого отношения к Божией Матери.

Однажды, когда Господь был в доме женщины по имени Марфа, сестра ее Мария «села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении». А в конце присоединяется отрывок из другой главы, где хотя и упоминается о Божией Матери, но вроде бы даже и не к славе Ее. Там Господь по-видимому не одобрил восклицание некоей женщины: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!»

В Марфе и Марии воплотились два пути, возможные для человека в христианском обществе: либо трудиться в миру во славу Божию, либо в монашеском подвиге посвятить себя Богу. И на том и на другом пути можно спастись.

Но и для Марфы, и для Марии есть опасность: считать свой путь единственным угодным Богу. Причем, увидеть и оценить духовное не каждому дано, и чаша весов человеческой славы обычно склоняется в сторону внешнего делания. Укорила именно Марфа Марию, сказав: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить?» И поэтому Господь, желая восстановить равновесие, укорил именно Марфу: «Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется от нее».

До этого Господь ничего не говорил Марфе, не осуждал ее трудов. И несомненно, если бы Мария укорила Марфу, дескать, скажи ей, Господи, пусть все бросит и тоже посидит, послушает, —Господь и ее укорил бы, мол, ты сидишь, а она трудится...

А Пресвятая Дева Мария сподобилась послужить и Человечеству Иисуса Христа: носить во чреве, питать грудью, одевать, готовить еду. И Она же с самого начала молитвенно и созерцательно предстояла пред Его Божеством.

А для нашего спасения одинаково необходимы: и спасающее Божество Господа Иисуса, и Его жертвенное Человечество. И возражая женщине, возвеличившей только чрево и сосцы, Господь вовсе не уничижил этого. Он опять же просто уравновесил весы, положив на другую чашу: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его».

И то, что сказал Господь, как и то, что сказала женщина, — всецело относится к Пресвятой Деве, ибо Она с самого начала «сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2, 52).

И как Господь подчеркивает не увиденное людьми, точно так же и Сама Мария, когда пришла к Елизавете и услышала восторженную похвалу Себе как Божией избраннице, — в ответ воспела хвалу Богу, по Своей милости Ее избравшему: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге Спасителе Моем!..»

И вот сегодня мы празднуем появление на свет Той, Которая одна только во всем мире смогла во всей полноте соединить в Себе два великих, ни для кого более не совместимых служения, Божественное и человеческое. Как и Сам Господь Иисус Христос, рожденный Ею, Один только во всем мире соединил в Себе Бога и Человека.

О духовном воинствовании

Среда **Мк. 3, 20–27**
2 Кор. 9, 12–10, 7

Продолжая о милостыне, Апостол пишет, что она «не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильное благодарение Богу». «Ибо, видя опыт этого служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми». Апостол и старался, чтобы сбор милостыни совершался «как благословение, а не как побор» (2 Кор. 9, 5), чтобы не столько из кармана в карман, сколько от сердца к сердцу.

Но все же ему не удалось избежать обвинения, что он и его сотрудники поступают только «по плоти». И снова пришлось объяснять, что он, ходя во плоти, не по плоти воинствует, и что «оружия воинствования нашего не плотские», и цель — «разрушение твердынь» окаменевших сердец.

«Этим оружием, — продолжает Апостол, — бьем в самый корень, ниспровергаем самые «замыслы и всякое превозно-

шение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу».

Поэтому и защищаясь, Апостол видит пред собой не врагов, а невольно заблуждающихся, искренне, но не по разуму ревнующих о торжестве духа над плотью. Апостол просит, чтобы они прежде всего, всмотрелись бы в себя: «На личность ли смотрите? — говорит он. — Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы». Посмотри на свою веру, на свою преданность Христу и убедись, как трудно воплотить духовное намерение, чтобы в каждом твоем деле столь же прославлялся Христос, как Он царствует в твоем сердце. Взгляни на себя изнутри и со стороны, и тогда не осудишь другого.

Как легко ошибиться в соотношении духа и плоти! Даже внешние проявления Божественного Духа Христова люди могли истолковать, будто «Он вышел из себя»! А видя Его дела, даже дерзали говорить, что «Он имеет в себе веельзевула», князя бесовского, и его силой творит чудеса!

Имея власть и по плоти производить суд, Павел не спешит прибегнуть «к той твердой смелости, которую» надо было бы «употребить против некоторых». Он старается до конца исчерпать духовное оружие. Он до последнего момента никого не обвиняет в непослушании. Он считает непослушание чем-то невозможным и немыслимым. Он обещает наказать «всякое», как бы неизвестно чье «непослушание», — когда «ваше послушание», то есть послушание живых, конкретных людей, — «исполнится».

Он до последней возможности избегает прямого спора, прямого противостояния по плоти человека человеку, потому что «если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот».

Ну а если человек весь безнадежно превратился в живое непослушание истине, то он без всякой пощады подлежит отлучению от церкви, потому что и так уже перестал быть частью дома, живущего покорностью «Евангелию Христову».

О хуле на Святого Духа

Четверг **Мк. 3, 28–35**
2 Кор. 10, 7–18

Господь сказал: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили. Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению».

Бог Дух Святой — третье Лице Святой Троицы. Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух — Троица единосущная и нераздельная. Все три Лица всецело участвуют во всех Божественных делах. Нам открыто, что единственное различие Божественных Лиц в том, что Бог Отец не рождается и не исходит; Бог Сын предвечно рождается от Отца; а Бог Святой Дух предвечно исходит от Отца. В остальном — нет такого свойства, которое было бы присуще только одному Лицу; нет такого дела, которое совершало бы только Одно Лицо.

Но по промыслу Божию, иное свойство единого Божества наиболее открыто в Отце, иное — в Сыне, иное — в Святом Духе. Так, в Символе веры только Бог Отец называется: «Вседержителем, Творцом неба и земли», хотя, конечно, это присуще во всей полноте и Сыну, и Святому Духу.

Исповедуя веру в Бога Сына, Символ веры говорит о Его сошествии с небес, о Его воплощении, распятии, воскресении. Но конечно же, сходя с небес, Он по Божеству ни на миг не отлучился от Отца, и ни на миг не был вне Святого Духа.

Дух же Святой в Символе веры назван: «Духом животворящим» и «глаголавшим пророки». Он все животворит, всему дает жизнь. И Святым же Духом через Пророков и Апостолов написаны Священные книги Ветхого и Нового Заветов. Конечно же, и Отец, и Сын равно причастны этому. Но все же по неисповедимой премудрости Божией именно Святой Дух назван животворящим и глаголавшим через пророков.

Таким образом, и окружающий нас мир, и Священное Писание, это две написанные Святым Духом книги, яркими

словами говорящие о Боге. Обе эти книги всегда перед нами. Выходит, что благая деятельность Бога Святого Духа наиболее открыта для нас. «Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас», — говорит Божественное Писание, — «потому что достигли до вас благовествованием Христовым».

А где больше дано, там больше и спросится.

Он — Дух истины, а значит, тот грешит хулой на Святого Духа, кто считает Священное Писание лишь делом рук человеческих, лишь измышлением человеческого ума.

Бог Святой Дух — Господь животворящий, а значит, тот грешит хулой на Него, кто считает природу лишь «диким совпадением диких случайностей», а не прекрасным произведением Премудрого Творца.

И крайним выражением хулы на Святого Духа является самоубийство, когда человек по своей воле раз и навсегда захлопывает обе эти книги, отказавшись найти в них смысл.

Бог прощает все, в чем человек искренне просит прощения. Но если не просят — кого прощать? Господь говорил: «Верьте Мне... а если не так, то верьте Мне по самым делам» (Ин. 14, 11). А если ни слов не хотим слышать, ни дел не хотим видеть, то чем еще возбудить в нас веру, чем подвигнуть к покаянию?..

О кознях сатаны

Пятница **Мк. 4, 1–9**
2 Кор. 11, 5–11

Везде, где приходилось Апостолам сеять семя Слова Божия, они сталкивались не только с более или менее трудной почвой, но и с теми, кто грубо и сознательно не давал им делать свое дело.

Везде эти противники были разными, но всегда эти «лжеапостолы, лукавые делатели» принимали «вид Апостолов Христовых» и скрывались под какой-нибудь ярко выраженной добродетелью. В Коринфе они отличались чрезвычайным аскетизмом.

Но истинный аскетизм не выпячивает себя, он только для Бога. А ложный — всегда на поверхности и всегда сопряжен

с осуждением других, с предъявлением непомерно высоких требований. Ложный аскет сурово обвиняет всех в корысти и в угождении плоти, что всегда производит впечатление на неутвержденные души. А Павел говорит, что ничего удивительного в этом нет, «потому что сам сатана принимает вид Ангела света». Ведь и сатана, и его бесы — бесплотные духи: они и вовсе не нуждаются ни в пище, ни во сне.

«Горе живущим на земле и на море, потому что к ним сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Откр. 12, 12), — говорит Откровение Иоанна Богослова. И вдвойне — горе, потому что и чувственным, и мысленным очам он способен являться именно в виде Ангела. В житиях святых сохранилось много тому свидетельств. Однажды он явился святому Симеону Столпнику на огненной колеснице и на огненных конях, и говорит: «Слушай, Симеон! Бог неба и земли послал меня к тебе, чтобы взять тебя, подобно Илии, на небо. Ибо святостью твоего жития ты достоин такой чести»! Симеон не распознал вражеского прельщения и сказал: «Господи! меня ли грешного хочешь взять на небо»? И поднял Симеон правую ногу, чтобы ступить на огненную колесницу, но вместе с тем осенил себя крестным знамением. Тогда диавол с колесницею исчез, как пыль, сметенная ветром.

Когда же он является невидимо, чтобы внушить греховное желание, то представляет грех как нечто высокое и достойное. Никогда никакой соблазнитель не скажет: я пришел погубить тебя. И нет в мире такого злодеяния, которого нельзя было бы так или иначе объяснить и оправдать. Послушаешь, что говорят или пишут о себе величайшие злодеи, и умилишься, какие они все, оказывается, замечательные, чувствительные люди, и какой жертвой людской несправедливости видят себя, получив суровый приговор! Но «конец их будет по делам их».

А те, о ком писал Апостол Павел, сначала пленяли людей своим аскетизмом, а потом — брали над ними жесточайшую тираническую власть.

Видя такое тяготение Коринфян к «сильной руке», при их нечувствительности к истине, Апостол с грустью говорит: «вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет

вас в лицо. К стыду говорю, что на это у нас недоставало сил» (2 Кор. 1, 20–21).

Все надо рассматривать со всех сторон. Истинный служитель Христов обо всем добром может сказать: и я это могу. Так, если в одних церквах Павел «причинял издержки, получая от них содержание на служение», в Коринфе он не стал этого делать. Он, как говорит книга Деяний, придя в Коринф, нашел там неких Акилу и Прискиллу, и «по одинаковости ремесла остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток» (Деян. 18, 2–3).

«Почему же так поступаю? — объясняет Павел, — Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! Но как поступаю, так и буду поступать, чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались бы такими же, как и мы».

Истина всегда целостна, а ложь однобока, хотя этот единственный бок может очень сильно выпячиваться. И за одним только аскетизмом, и за одним только чудотворством, и за одним только знанием Писания, и за одним только тщательным соблюдением богослужебного устава, — за всем этим, в отдельности взятым, может таиться враг нашего спасения.

О Божественной мудрости

Суббота **Мф. 22, 15–22**
1 Кор. 2, 6–9

Апостол пишет, как важно, чтобы в новообращенных вера утверждалась «не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор. 2, 5). Он радуется, что его благовествование в Коринфе было «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4).

Но положив духом и силой основание, Апостол говорит, что от верующих не закрыта и мудрость. Мы, — продолжает он, — «проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей». Премудрость эта дается «не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого» (1 Кор. 2, 15).

Премудростью в собственном смысле является Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий. И все, что от Него исходит, отличается, с одной стороны, удивительной простотой: все ясно, все на поверхности. И в то же время чувствуешь, что под этой простотой, как под гладкой поверхностью моря, — неисчерпаемая глубина.

Однажды фарисеи, желая уловить Господа в словах, придумали очередной хитрый вопрос: «Учитель!.. Как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?»

Любой прямой ответ был бы против Иисуса Христа. Если «не давать», значит — против римской власти. А если «давать», значит согласен с рабством богоизбранного народа.

Обычный человек пустился бы в длинные рассуждения, или сказал бы что-нибудь необдуманное. А Господь начинает с того, до чего бы мы никогда не додумались, но что является совершенно очевидным, с чего просто нельзя не начать. Он говорит: «Покажите Мне монету, которою платится подать». И сами же ответьте: чье на ней «изображение и надпись»? И они сами же ответили: «кесаревы». И сразу каждому ясно, что надо отдавать «кесарево кесарю, а Божие Богу».

В словах и поступках Божьих людей — тот же дух: неожиданный поворот, и — совершенно точное раскрытие вопроса. Один подвижник изгонял беса из человека, а бес сказал ему: «Не выйду, если не скажешь, кто праведники, а кто грешники?» А подвижник и говорит: «Грешник я, а кто праведник — знает Бог».

Читаешь такое, и думаешь: как все просто! В следующий раз и я так же смогу, и у меня так же получится! Но и в следующий раз не получится, потому что тут не просто остроумие, не просто опытность и начитанность. Тут — самое начало премудрости, которое есть «страх Господень» (Притч. 1, 7). Поэтому и пишет Апостол: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными», между научившимися всегда ходить пред лицем Господним. Если бы эта премудрость была в людях, то «не распяли бы Господа славы».

Кто стал причастником этой премудрости, тому Господь даже говорит: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать: ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10, 19–20).

Ну а кто уже готовится к исходу из этой жизни, тому Апостол, еще при жизни испытавший, что нас ждет, — тоже премудро, коротко и исчерпывающе свидетельствует: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

О злых виноградарях

Неделя 13-я **Мф. 21, 33–42**
1 Кор. 16, 13–24

Некий хозяин сдал свой виноградник в аренду.

Хозяин этот — могущественный человек: у него есть власть и силы наказывать злодеев. Но он на удивление терпелив: посылает одних слуг, потом других. Он бесконечно верит в силу добра. Хотя из предыдущих посланников кого били, кого убивали, он все же напоследок посылает и сына. Он надеется, он даже уверен (а иначе бы он сына не послал), что тут-то у них проснется совесть, и они «постыдятся сына моего». Сын же — одного духа с отцом: послушно идет туда, где неоднократно проливалась кровь.

И лишь когда окончательно обнаруживается, что совесть у злодеев мертва, только тогда хозяин предает их злой смерти, а виноградник отдает другим.

А что за люди эти виноградари? Не будем говорить о их совести, но неужели они не знают силы хозяина и не боятся ни его самого, ни законов своей земли?

Может быть, очень уж выгодно арендовали виноградник и думали, что хозяин «блаженный», ничего не понимает в делах?

Может быть, считали, что хозяин у них в руках и не посмеет отплатить за зло?

А может, были того же духа, как тот злой должник, который ни во что вменил прощение ему огромного долга? (Мф. 18, 23–32).

Или — как те завистливые работники, которые фактически не признавали за хозяином права распоряжаться своим добром? (Мф. 20, 1–15).

Ни те, ни другие, ни третьи просто-напросто не признавали права собственности. И тем, и другим, и третьим — так или иначе — говорится: «Друг!.. разве я не властен в своем делать, что хочу?» И платить, сколько хочу, и прощать, кому

хочу, но и требовать свое, сколько мне положено. Это мое, и я никому не должен отчитываться.

Писание со всей определенностью утверждает, что «не любящий брата, которого видит», не «может любить Бога, Которого не видит» (1Ин. 4, 20). Ну а если я не признаю права собственности за человеком, за братом моим, которого вижу, как я смогу признать право Верховного всемирного Собственника, Которого не вижу? Как я смогу оценить милость Его прощения, как признаю за Ним право каждому уделять, сколько Он считает нужным, и как смогу считать себя должником, обязанным что-то давать Ему в свое время?

Не случайно всякому насильственному переделу собственности обязательно сопутствует и борьба против Бога.

А значит, на пути к Богу необходимо научиться и уважать право собственности, и даже считать его священным: не подсчитывать чужие доходы, не судить, как ими распоряжаются. И — не требовать, а смиренно просить, и не обижаться, когда не считают нужным дать.

СЕДМИЦА 14-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О праве собственности

Понедельник **Мк. 4, 10–23**
2 Кор. 12, 10–19

Уча народ, Господь рассказывал много притч, где в основе сюжета — право собственности, где действуют хозяева, наемные рабочие, арендаторы, заимодавцы, должники. И если цель притчи — через понятное и повседневное объяснить невидимое и трудно постижимое, значит право собственности для Господа столь же естественно и очевидно, как жизнь птиц и растений.

А рассказывать подобного рода притчи тому, кто ни за кем этого права не признает, — все равно, что сеять при дороге: едва услышит, «тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в его сердце».

Кто же признает право собственности на земном уровне, тот понимает, что если Бог сотворил небо, землю, человека, значит Он полновластный всему этому Хозяин.

Истинный работник и арендатор Христов, обогатившийся Божественной благодатью, все называет своими именами. Он и другим всегда напомнит: «Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1 Кор. 4, 7). Он не присвоит ни крупицы, но все обратит к пользе и славе Господина, вовремя отдаст положенную долю. Он перед всем миром свидетельствует: «У меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов», но тут же прибавляет: «хотя я ничто».

И даже если ему приходится защищаться, он делает это не ради личного достоинства: «не думаете ли еще, что мы... оправдываемся перед вами», ибо чем может оправдываться «ничто»? Но «все это, возлюбленные, к вашему назиданию». Даже здесь он поступает как «верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу вовремя» (Мф. 24, 45).

Сам же он постоянно пребывает «в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа». Но помня, что он «ничто», он принимает это с радостью, как справедливое и достойное, иначе говоря «благодушествует». Он четко знает, что «его», а что Божье. И чем меньше «моего», тем больше можно рассчитывать на Божье.

И он вывел такую закономерность: «когда я немощен, тогда силен».

Ибо не для того принес Господь свечу благодати, чтобы поставить «под сосудом» человеческого эгоизма. Но — чтобы она стояла «на подсвечнике» из твердейшего вещества человеческого смирения.

О точке и лучах

Суббота пред Воздвижением **Мф. 10, 37–11, 1**
1 Кор. 2, 6–9

Сегодня суббота, а завтра воскресение пред Воздвижением Честного и Животворящего Креста Господня. А после будут тоже особые суббота и воскресение. Это — чтобы подольше постоять перед Крестом: не коснется ли и нас, наконец, «премудрость Божия, тайная, сокровенная». Потому что в

наших словах о Кресте всегда: либо несовершенная попытка сравнить с чем-то, либо более удачная: показать несравнимость ни с чем.

Сегодня, например, читаем: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». Любовь к нам Господа Иисуса не сравнима ни с чьей любовью. И чтобы хоть как-то почувствовать эту любовь и хоть как-то на нее ответить, вспомним и сложим всю любовь за всю нашу жизнь оказанную нам всеми нашими ближними.

Еще сказано, что идти за Христом можно, только взяв свой крест. Кто же «не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня», — говорит Господь. И для того, кто думает, что наш крест, это простое выполнение наших жизненных обязанностей, вот живая картина: Единый Безгрешный, измученный и окровавленный, несет тяжелый деревянный крест, на котором будет распят. Где тут разум? Где тут справедливость? Тут можно только вопить от бессилия и отчаяния! Но сострадающим иерусалимским женщинам Он говорит: «Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 23, 28).

А как уразуметь последующие слова: «Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»?.. Ведь не что-то на что-то предстоит поменять, но — все на все: всего себя отвергнуться, чтобы всего себя, и уже навеки, приобрести!..

А вот и честь, которой сподобишься, если изберешь Христа и возьмешь свой крест: «Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня».

Но даже если эта цель покажется недостижимой, есть ли у нас выбор? О тех, кто упорно противится Божией премудрости, сказано, что, «если бы познали, то не распяли бы Господа славы». Значит: либо перед Крестом, либо заодно с распинателями, с этими «властями века сего»!

И хотя средоточие Креста кажется недоступным, и как бы нематериальным, — лучи его простираются до бесконечности и в ширь, и в высь, и в глубь, чтобы охватить и привлечь весь мир, чтобы даже самое отдаленное сдвинуть с мертвой точки. И даже до такой степени, что «кто на-

поит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей».

Вот с такой простоты и конкретности и начинается путь к истинной, бездонной премудрости: с простого дела, с простой милости, оказанной ради Христа, а особенно тому, кто несет нам спасительное слово Христово.

О точках и контуре

Неделя пред Воздвижением **Ин. 3, 13–17**
Гал. 6, 11–18

Продолжая стояние перед тайной Святого Креста, мы читаем, как «один из начальников Иудейских» по имени Никодим пришел к Иисусу ночью и сказал: «Равви! мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога: ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог».

Господь же стал говорить о необходимости заново родиться, о Духе, который «дышит, где хочет». Никодим спрашивает: как? почему?..

Но ответы Иисуса не опираются на живой духовный опыт слушателя, и поэтому они — как точки, которые еще не обведены контуром и не стали рисунком.

Вот Господь ставит первую такую точку: «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, Сущий на небесах».

Но для Никодима вся новозаветная история еще впереди. Поэтому Господь просто ставит вторую точку: напоминает один эпизод из прошлого, «как Моисей вознес змию в пустыне». Тут уже Никодим должен вспомнить, как евреи в очередной раз возроптали, и «послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых. И пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтобы Он удалил от нас

змеев. И помолился Моисей Господу о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе медного змея и выставь его на знамя, и если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный, взглянув на него, останется жив» (Чис. 21, 4–8).

В исторической памяти запечатлелось: вот, уже неминуемая смерть, и вдруг — взгляд на медное подобие смертоносного источника, и — исцеление. Взглянул, и заново живешь. Вот этот-то странный факт Господь теперь напоминает и объясняет.

Но объясняет фактом... еще не совершившимся: «и как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому». Не медное подобие, водруженное на знамя, принесет избавление, но — вознесенный на крест Человек, Сам не имеющий греха, но во всем подобный человеку, через которого пришли грех и смерть.

И далее Господь, опять не объясняя, кто такой Сын Человеческий, ставит третью точку, открывая уже о Сыне Божьем: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Для Никодима и это загадка, но Господь все же сказал то, что сказал. Потому что слово истины, даже не до конца понятое, все равно — слово истины, исполненное духа и силы.

Вот и Никодим. Сначала пришел ночью, скрываясь от всех; потом не побоялся в синедрионе сказать слово в защиту Иисуса; и вот уже он вместе с Иосифом дерзает просить у Пилата тело Учителя. Совсем как в притче: бросит человек «семя в землю; и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе» (Мк. 4, 26–28).

Пусть ты еще очень мало понимаешь Евангелие, все равно читай, запоминай и старайся по мере сил выполнить. Придет время, и сам воскликнешь вместе с Апостолом: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, Которым для меня мир распят, и я для мира».

О православном сознании

Воздвижение Креста Господня **Ин. 12, 28–36, 19, 6–11, Ин. 19, 13–20, 25–28, 30–35 1 Кор. 1, 18–24**

Праздник Воздвижения связан с именем Елены, святой матери равноапостольного императора Константина.

В начале четвертого века, после прекращения гонений на христиан, ей пришла мысль — посетить ту землю, по которой когда-то ходил Господь Иисус Христос, и отыскать крест, на котором Он был распят.

С трудом нашли хранителей тайны. Разрушили построенный на этом месте языческий храм, раскопали насыпанный холм и нашли три креста.

Царица верила, что Господь не допустит поклониться кресту разбойника, и дерзновенно велела возложить каждый из трех на проносимую умершую девицу. От прикосновения одного из них девица ожила. И ни у кого не возникло сомнений, чей это крест. Тут же он был воздвигнут над толпой, и все только и могли без конца восклицать: «Господи, помилуй!» Впервые орудие страшной казни (а ведь и тогда, спустя триста лет, еще казнили на крестах) было воздвигнуто не для позора и смерти, а для всемирного прославления.

Но воздвижение Креста и воскрешает день казни Господа. Евангелие напоминает жестокие подробности. Поскольку «тогда была пятница, то иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, ибо та суббота была день великий, просили Пилата» снять их. А поскольку двое были еще живы, то «пришли воины и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним». Это делалось для того, чтобы тело лишилось опоры, обвисло на кресте, и скорее бы наступила смерть.

«Но пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней; но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода».

Об этом и свидетельствует стоявший у креста ученик, которому Господь в предсмертных мучениях поручил заботу о Своей Матери: «Жено, се сын Твой... се Матерь твоя!»

Царица же Елена — яркий пример живой православной души. Апостол Иоанн Богослов писал: «Духа Божия... узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1Ин. 4, 2). И православное сознание отличается особым, сердечным вниманием к факту воплощения Иисуса Христа, ко всему, на чем остался след Его пребывания на земле.

Христианин стремится увидеть все, что можно увидеть, прикоснуться ко всему, к чему можно прикоснуться, облобызать все, что связано с жизнью во плоти нашего Господа. И вовсе не для того, чтобы убедиться и поверить, но — из любви к Нему как к Богу и к Человеку, из желания впитать до капли все, что связано с Ним. В этом — православная полнота отношения к Господу Иисусу Христу, которая порой так раздражает однобоких рационалистов.

«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия. Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну... Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие; для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков».

О даре и жертвеннике

Суббота по Воздвижении **Ин. 8, 21–30**
1 Кор. 1, 26–29

В Первом послании к Коринфянам апостол Павел пишет: «Немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1, 25). И в подтверждение предлагает взглянуть на самих себя: «Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных»...

А тут вдруг услышишь: «В наш храм ходит такой-то великий мира сего!» Или: «Я крестил такого-то знаменитого и богатого человека!» Или увидишь надпись: «В этом храме

крестился такой-то великий поэт». И начинаешь понимать слова Господни: «Горе вам», «которые говорите: если кто поклянется жертвенником, то ничего (то есть может не исполнить клятву), если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен (то есть, обязан исполнить). Безумные и слепые! что больше: дар или жертвенник, освящающий дар?» (Мф. 23, 16–19).

А Сам Господь о ком отзывался с похвалой? Кого Он Сам, еще при Своей земной жизни, как бы возлагал на жертвенник Своего Креста?

Петра, который в лодке припал к Его ногам со словами: «выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный» (Лк. 5, 8).

Сотника, который счел себя недостойным не только принять Господа в своем доме, но даже лично обратиться к Нему с просьбой.

Хананеянку, которая желала лишь напитаться крохами со стола учеников.

А какого богача Господь похвалил?

Закхея, который сам выразил готовность раздать почти все свое богатство.

Как самых близких, Он отмечал тех, кто понимал, что своей персоной не только ничего не прибавляет к славе Иисуса, но даже и омрачает эту славу. Потому что истинный ученик узнается так же, как и истинный Учитель: «Когда вознесете (на Крест) Сына Человеческого», только «тогда узнаете, что это Я».

А тем, кто уверен, что есть другой путь, Господь говорит: «Я отхожу, и будете искать Меня; и умрете во грехе вашем; куда Я иду, вы не можете прийти».

Более всех достоин удивления сотник. Он был и жертвователем, и благотворителем, и за него ходатайствовали иудейские старейшины. Много ли таких, кто при действительной значимости сохраняет и глубочайшее смирение? Благодетели Церкви или нечто значащие люди, как правило, уже не могут стоять со всеми в храме; они норовят быть или в алтаре, или по крайней мере на клиросе.

Простому рыбаку или всеми презираемому грешнику легче ощутить, кто мы есть пред Богом. Потому-то «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира

избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом».

И если Апостол не боится напомнить коринфянам, что не много среди них мудрых, сильных и благородных, значит он не сомневается, что они обладают сокровищем веры, которое исключает чувство социальной ущербности, и ни во что ставит всякое человеческое превосходство.

О стыде

Неделя по Воздвижении **Мк. 8, 34–9, 1**
Гал. 2, 16–20

В последнем чтении, посвященном Кресту, Господь говорит: «Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами».

Впервые чувство стыда люди испытали, когда нарушили Божью заповедь, вкусив от запретного плода. «В тот миг открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья и сделали себе опоясания» (Быт. 3, 7). Едва отступив от Бога, тут же почувствовали, что потеряли некий покров, ощутили себя и друг перед другом, и пред Богом обнаженными, незащищенными, хоть сквозь землю провалиться! Как и всегда чувствует себя пойманный и обличенный.

Но стыдящийся потому и стыдится, что все-таки признает законы, по которым живут окружающие. А ведь бывают и такие, о которых Пророк говорил: «Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют» (Иер. 6, 15).

Бывает же и так, что человек хочет жить по заповедям Христовым, а все вокруг не только делают противоположное, «но и делающих одобряют» (Рим. 1, 32)!

А ведь в каждом живет инстинкт общечеловеческого братства, желание быть как все и со всеми. И если я лишь умом христианин, то соприкосновение с грешным, прелюбо-

дейным миром может ввергнуть в сильное уныние. Как говорит поэт, «теория суха, а древо жизни зеленеет». Жизнь бьет ключом, а я тут со своим юродством Креста и «сказками» о Воскресении!

А за спиной у меня что? Наша внешняя церковная жизнь, если взглянуть сторонним, придирчивым взглядом, очень уязвима для критики. И вот появляется тайная зависть к тем, кто живет просто и весело. А также — стыд: и за свою веру, и за своих неустроенных братьев. Стыдно делать добро, стыдно быть целомудренным, стыдно быть честным. А если так, значит мир не только внешне побеждает, значит ты и по совести признаешь его правоту!..

Понимая опасность такого стыда, Господь не ограничился словами. Он тут же пообещал: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе». И вскоре некоторые стали свидетелями Его Преображения, своими глазами увидели: что на самом деле реально, а что призрачно; и сами от полноты сердца воскликнули: «Господи! хорошо нам здесь быть» (Мф. 17, 4)!

И не только стыдиться Креста Христова, но и стыдиться своей бедности, своих родных, своей внешности, своего возраста — тоже значит стыдиться Того, Кто создал тебя или попустил стать таким, зная, что именно такое состояние для тебя спасительно.

И дай нам Бог, чтобы наш стыд работал не на нашего врага, а на нас: чтобы стыдиться, когда хвалят, чувствуя себя вором, укравшим похвалу у Господа; чтобы стыдиться своих «мудрых» богословских речей, чувствуя несоответствие их твоей жизни. И чтобы стыд за свои грехи не от исповеди отвращал, но не допускал бы снова возвращаться к уже исповеданным и оставленным однажды грехам.

О сеянии, росте и жатве

Вторник **Мк. 4, 24–34**

2 Кор. 12, 20–13, 2

Господь сказал, что Царствие Небесное «подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает но-

чью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он; ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе».

Здесь говорится о таинственном взаимодействии человеческой души с семенем слова Божия.

Бывает, что даже не вполне осознал услышанное, но оно все равно упало в душу и принялось.

Один человек, хотя довольно поздно стал верующим, но с шести лет помнил, как бабушка рассказывала об Иосифе, которого братья из зависти продали в рабство. Многое другое, прочитанное или услышанное, забылось, а это запомнилось. Потому что душа создана Богом для истины, и всякое слово истины падает в душу, как в родную землю. Проходит время, и вдруг появился зеленый росток: душа взалкала правды: что делать? как жить? что хорошо, что плохо?..

Но иногда человек хотя и хочет, но еще не может жить по истине, и задает эти вопросы со скрытым страхом: а вдруг скажут невыполнимое? Он спрашивает: можно ли смотреть телевизор? Можно ли красиво одеваться? Можно ли работать на такой-то работе? И так далее. Тяжело слушать такие вопросы и тяжело на них отвечать, потому что к христианству тут подход сразу не с той стороны.

Христианство — не тюрьма, порог которой едва переступишь, как сразу лишаешься всего дорогого и привычного.

В землю твоей души упало зерно Царствия Небесного и дало росток. Никто тебя не заставляет сразу и от всего отречься. Только по поводу прямого греха Апостол предупреждает резко и определенно: «ибо опасаюсь, чтобы не найти ... у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков». Таковых Апостол предупреждает: «когда опять приду, не пощажу».

А насчет остальных человеческих дел — «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12).

Главная задача — не затоптать появившийся росток: читай слово Божие, соблюдай молитвенное правило хоть понемногу, но обязательно каждый день. Хотя бы на два часа в неделю (из ста шестидесяти восьми!) приди в храм Божий для совместной со всей церковью молитвы. Во всех же мирских делах внимательно смотри: все ли идет на пользу, и не стал ли рабом чего-либо?

А Господь в свое время произведет и колос, и чудесное зерно в колосе. И вкусив этого плода, почувствуешь и горечь других плодов, и бесплодие многих своих дел. И сам вдруг потеряешь вкус к тому, что раньше любил, и сам отвратишься от того, от чего ранее считал невозможным отвратиться. Твоя душа, принявшая семя и пронизанная пущенными корнями, сама захочет истины и добра. И с удивлением увидишь, как самое малое зерно стало «больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные».

Будем же уповать на силу принятого семени Царствия Небесного. И даже если еще нет решимости выбрать спасительный тесный путь, будем по крайней мере готовы к тому, что Господь Сам протащит нас этим тесным путем зерна и вытащит из тьмы к свету.

А жатва для земледельца долгожданный праздник! — ведь ни минутой раньше, ни минутой позже посылает Владыка Свой серп.

О стойкости в бурях

Среда **Мк. 4, 35–41**
2 Кор. 13, 3–13

Однажды Господь с учениками переправлялся через Геннисаретское озеро. «Поднялась великая буря, волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою». А Господь спал. Ученики, пораженные такой безмятежностью, будят Его: «Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?»

А Он, встав, «запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих». И вдруг после такой великой бури «сделалась великая тишина». Ученики «убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?»

По-человечески страх учеников вполне обоснован, но Господь, в Свою очередь, укорил их: «что вы так боязливы? как у вас нет веры?»

Значит, хотя лодка «уже наполнялась водою», и смертельная опасность была пред глазами, они не имели права бояться. Значит Господь к этому времени дал достаточно доказательств Своей силы. Значит человек обязан знать, что очи Господни всегда отверсты. Посвятил себя Богу, сказав: «да будет воля Твоя», — будь готов и к жизни, и к смерти, помня, что «жизнь, или смерть ... — все ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий» (1 Кор. 3, 22–23).

Во всех стихийных и житейских бурях Господь устами Апостола говорит называющим себя христианами: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте». Почему вышли из себя или упали духом? «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть».

Да, «разве только» мы «не то, чем должны быть». Нельзя быть христианином, и жить в страхе. Преподобный Иоанн Лествичник писал: «Кто сделался рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится» (Слово 21).

Но иные не боятся смерти просто по причине окамененного нечувствия.

А некоторые, под тяжестью испытаний, даже сами ее желают.

Но вот как раз чего я должен бояться при мысли о смерти, так это — с какими глазами предстану пред Богом, если здесь не претерплю до конца, если не усвою всех уроков, которые Он мне посылает?..

Даже за час до смерти я обязан и любить врагов, и не отвечать злом на зло, и даже накормить врага, если он голоден. Я должен это делать, хотя бы весь мир отступил от Христа, хотя бы и те, кого почитаем столпами Церкви, поколебались, и некому было бы ни подать примера, ни похвалить, ни наказать. «Молим вас, — пишет Апостол, — чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть».

Вот, даже к таким бурям надо себя готовить. Такая должна быть в нас сила веры. Ибо Христос, хотя и «распят в немощи, но жив силою Божиею; и мы также, хотя немощны в Нем».

И хотя порой покажется, что вода уже залила ковчег нашей Церкви, но вопреки всему, «будем живы с Ним силою Божиею».

О легионе бесов

Четверг **Мк. 5, 1–20**
Гал. 1, 1–10, 20–25

Бесноватый, которого Господь исцелил в стране Гадаринской, был необыкновенно страшен. «Он имел жилище в гробах», то есть в пещерах, где хоронили мертвецов. Никто не мог связать его даже цепями; потому что он «разрывал цепи и разбивал оковы ... Всегда, ночью и днем, в горах и гробах кричал он и бился о камни».

И вдруг человек, наводивший на всех ужас, едва увидев «Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему...» Можно себе представить, каков был этот поклон: наверное, как спичка от огня, так этот одержимый скрючился пред Царем неба и земли!

И просьба его была в таком же духе: «Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!»

Иисус спросил: «Как тебе имя?», и в ответ услышал: «Легион имя мне, потому что нас много».

Бесы просили, чтобы Иисус позволил войти в стадо свиней, которое мирно паслось неподалеку. Когда Иисус позволил, все стадо бросилось с крутизны в море и потонуло.

Вскоре подошли жители той земли, которым пастухи сообщили о случившемся. Они сами увидели: тот, кто наводил ужас, «сидит и одет и в здравом уме»...

И вдруг... они стали просить Господа о том же, о чем просил весь легион бесов: «чтобы отошел от пределов их»! Значит и бесам, и этим людям Иисус одинаково чужд. Он им не нужен, им плохо с Ним, Источником жизни и бессмертия! Но бесноватый хотя бы просил не сам, а бесы из него. Гадаринцы же просили сами, свободно и сознательно. И Господь, изгнав целый легион бесов, от гадаринцев Сам смиренно отошел. Потому что если человек не-

свободен, его можно освободить, а если свободен, от кого освобождать?..

Может быть именно поэтому весь легион бесов, посланный сатаной на всех гадаринских жителей, вселился в единственного еще живого человека, чтобы и его добить. А всех остальных жителей бесы оставили в покое, как духовных мертвецов, которые и сами сделают бесовское дело: отгонят от себя Господа Иисуса, «Который отдал Себя самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века», отгонят, а значит, сами добровольно станут достоянием ада.

Один только бывший бесноватый, ранее казавшийся более других чуждым Богу, оказался Божьим человеком и просил Иисуса, «чтоб быть с Ним».

«Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя». Этот человек настолько окреп в многолетнем противостоянии целому легиону бесов, что Господь счел возможным, как закваску, бросить его в среду мертвого, духовно неподвижного народа: может быть вскиснет хоть что-нибудь, может быть придет в спасительное движение.

О сохранении и исправлении веры

Пятница **Мк. 5, 22–24, 35–6, 1**
Гал. 2, 6–10

Однажды один из начальников синагоги по имени Иаир пал к ногам Иисуса и умолял, говоря: «дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела, и осталась жива».

Но Господь почему-то не спешит. Он еще и останавился на пути, чтобы выяснить, кто в толпе к Нему прикоснулся.

А в этот момент прибегают из дома Иаира и говорят: «дочь твоя умерла; что еще утруждаешь Учителя?» Но Иисус тотчас говорит ему: «не бойся, только веруй». Говорит «тотчас», стараясь опередить слова скорбного вестника, предотвратить их разрушительное действие: «Не бойся, только веруй» — как будто только в вере отца залог жизни его дочери...

Впрочем, Господь не всегда требовал веры, чтобы совершить чудо. Иногда Он как раз чудесами, как ударами крем-

ня, возжигал веру в людях. Так, например, «положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской, ... и уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2, 11).

А однажды, собираясь накормить пять тысяч, Господь не стал творить хлебы из ничего, а умножил то малое, что оказалось в наличии. Так и видя в человеке пусть малую, пусть даже не вполне правильную веру, Он ее умножает и исправляет.

А вера Иаира как раз была неправильной. По существу, он учит Господа, что Тот должен делать: «возложи на нее руки». Получается, он верит не в Иисуса, а в определенный метод, в «возложение рук». Вот Иисус и остановился, чтобы Иаир услышал исповедь кровоточивой, как она получила исцеление: без всякого возложения рук. Даже и не просила. Просто с верою прикоснулась к Его одежде.

Исправляя и усиливая, Господь также не ставит непосильных задач для еще не окрепшей веры. Придя в дом, Он первым делом вселяет в Иаира сомнение в страшной реальности, стараясь Своими спокойными словами: «девица не умерла, но спит» заглушить «плачущих и вопиющих громко».

Так Господь учит ничего не разрушать до основания, чтобы потом строить на пустом месте. Он учит во всем находить хоть малое доброе, тщательно беречь его и с Божьей помощью исправлять и преумножать.

О учителях, наставниках и отцах

Суббота **Мф. 23, 1–12**
1 Кор. 4, 1–5

Господь сказал: «не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы братья; и отцем себе на называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос».

Опираясь на этот текст, сектанты укоряют, что у нас принято священников называть «отцами». Но сектант, он и есть сектант: он видит усеченно, видит только непосредственно перед собой. А если бы действительно хотели знать истину, во-первых увидели бы, что здесь говорится не только об «отцах», но также о «учителях» и «наставниках». И они легко

нашли бы в Писании, что этот видимый Христов запрет нарушается Его же Апостолами: «Иных Бог поставил в церкви... учителями» (1 Кор. 12, 28). «Повинуйтесь наставникам вашим» (Евр. 13, 17). Наконец, находим и такое: «Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов: я родил вас во Христе Иисусе благовествованием».

Вспомним еще один текст из Апостола Павла: «... преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3, 14–15). Как, оказывается, все просто!

Дело в том, что свой запрет Господь произнес по поводу фарисейской гордыни, когда они именно себя, как таковых, именовали и учителями, и наставниками, и отцами народа, и величались этим.

Этому противопоставляется истинное учительство, наставничество и отечество — во Христе: и учить словам Христовым; и наставлять на жизнь во Христе; и рождать во Христе святым крещением и покаянием.

Такой истинный учитель, наставник и отец всегда мыслит о себе с глубочайшим смирением. Он помнит слова Господни: «Больший из вас да будет вам слуга». «Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится». Он и учит, что каждый должен разуметь подобных ему не иначе, «как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих». Он подчеркивает, что единственное, что требуется от домостроителей — «чтобы каждый оказался верным».

Он не ищет угождения людям, не ищет похвалы от них: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. ... Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь: судия же мне Господь», — Которому он и служит, посланником Которого и является, как и Сам Господь был посланником Своего Отца.

О званых, призванных и изгнанных

Неделя 14-я **Мф. 22, 1–14**
2 Кор. 1, 21–2, 14

Некий царь сделал «брачный пир для сына своего, и послал рабов своих звать званых на брачный пир». Но они «не хотели прийти».

Царь отправляет новых посланников. Может быть, предыдущие не так передали, или званые не поняли, — так объясните им: «вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир».

Царь звал не на работу, не на службу, а на пир. Но они погнушались чужой радостью. Сразу нашлось «дело поважнее», и пошли «кто на поле свое, а кто на торговлю свою».

Пренебречь любовью, ничего не требующей взамен, пренебречь заботой и стараниями — что может быть обиднее и бесчеловечнее? Но именно так они поступили.

Почему же?.. Позванные царем очевидно были достойны царского приглашения. Но похоже, они так раздулись в этом своем достоинстве, что сочли его абсолютно своим, забыв, что всякое достоинство в царстве только от царя! И настолько раздулись, что те, у кого не нашлось под рукой никакого дела, поступили еще более откровенно: «схвативши рабов его, оскорбили и убили их».

И тогда царь решил дать достоинство другим, призвать на пир тех, кто еще не имеет никакого достоинства. Он говорит рабам: «пойдите на распутия, и всех, кого найдете, зовите на брачный пир». И рабы собрали всех, кому совсем уж некуда идти, у кого ни поля, ни торговли, ни даже дома или родных. И вот, «брачный пир наполнился».

Какое чувство поистине нечаянной радости и благодарности должны испытывать эти гости, с каким вниманием и предупредительностью должны вести себя!

И вдруг «Царь, вошед посмотреть возлежащих, увидел человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?»

А правда, как он мог войти? Брачную одежду давали всем приходящим, а на нем такие лохмотья, в которых нехорошо входить в дом радости. И сколько надо было дерзости и пренебрежения ко всему и ко всем, а главное — к самому царю, чтобы возлечь на пиру без брачной одежды! Обличаемый царем, он молчит, нечем ему оправдаться. Но и уходить не хочет, и прощения просить не собирается. И царю ничего не остается, кроме как сказать слугам: «связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю».

Господь призывает нас в Свою Церковь, на брак Сына Своего, на Его спасительную Вечерю. И мы готовы ради этого отложить все дела... кроме одного-единственного. И грехов своих мы ради Царствия Небесного не оставили. В лучшем случае грехи сами уже оставили нас, по старости и немощи, сделав с нами в свое время все, что хотели. И не хотим мы принять брачную одежду добродетелей, не хотим читать Святое Евангелие и вникать в самый дух учения Христова.

Но все-таки нам кажется, что мы на брачном пиру. Вроде бы не во тьме, и вроде бы нам не плохо. Но это лишь до поры, пока подойдет Хозяин и потребует отчета. «Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил», — говорит посланец этого Хозяина. И снова предупреждает: «когда опять приду, не пощажу» (2 Кор. 13, 2).

Есть только Бог и безбожие.

И — либо с Богом, на брачном пире Его Сына, в светлой одежде добродетелей, в радости, в палатах Царствия Небесного. Либо — за пределами жизни и радости, где тьма «внешняя», и поэтому «плач и скрежет зубов», где не богатые и не бедные, а «псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (Откр. 22, 15).

А третьего не дано.

СЕДМИЦА 15-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О прикосновении к ризам Господним

Понедельник **Мк. 5, 24–34**
Гал. 2, 11–16

Когда Господь шел с Иаиром к умирающей дочери, по дороге случилась заминка. В окружающей толпе была «одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние». Эта женщина «подошла сзади в народе, и прикоснулась к одежде» Иисуса. Ибо говорила: если хотя

к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у нее источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни».

По-человечески, Иисус никак не мог ни увидеть, ни почувствовать этого прикосновения. И вдруг женщина слышит: «Кто прикоснулся ко Мне?» Ученики тоже удивились: «Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне?»

А Иаир торопит к умирающей.

Но Господь один знал, какую пользу принесет эта остановка. Примером кровоточивой Он, как мы ранее говорили, исправил веру Иаира. Тот своими глазами увидел, как от Господа Иисуса единым прикосновением с верой можно получить исцеление.

Но также и женщина, получив здоровье, получила далеко не все. Да, она прикоснулась с верой к ризам Иисуса. Но мы знаем, что и приходящие с верой к колдунам иногда по-видимому получают, что ищут. И с верой носящие амулеты, и с верой произносящие бессмысленные заговоры — тоже, казалось бы, получают желаемое.

Но ведь человеку нужно не просто что-то временное получить. Нужно спастись, оправдаться пред Богом, соединиться с Ним. Веровать надо не во «что-то» и не в «кого-то». Вера должна быть осмысленной и конкретной. Верою мы принимаем Личность Господа Иисуса Христа, Бога и Человека, Его спасительную земную жизнь и Его спасительную смерть. Истинно уверовавший говорит: «узнавши, что человек оправдывается ... только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса», уверовали и пришли, чтобы быть с Ним.

А иные приходят в церковь, как для каких-то лечебных процедур, и хотя с какой-то верой, но не молятся, а просто как бы прикасаются сзади к Его ризам. Говоря на их языке, «заряжаются энергией». И кому-то это попускается до времени. А вот кровоточивой женщине Господь не дал оставаться сзади, в тени, но сразу потребовал пред Свои очи: «Кто прикоснулся ко Мне?»

А ей — как нелегко было и объявить характер болезни, и что она в нечистоте дерзнула прикоснуться! Но — больше нельзя отмалчиваться, и она «в страхе и трепете, зная, что

с ней произошло, подошла, пала пред Ним и сказала всю истину»...

Сила, которая действует при нашем прикосновении к святыне, не безликая сила. Это всегда личный дар. Господь всегда чувствует, как исходит из Него сила для каждого из множества прикасающихся к Нему с верой.

Но мы не получим истинной и совершенной пользы, если так и будем прикасаться к Нему сзади; если, наконец, не встанем пред Его очами со страхом и трепетом, если не падем пред Ним в покаянии и сокрушении о своей нечистоте и о своем недостоинстве.

О Божестве и о Человечестве Иисуса Христа

Вторник **Мк. 6, 1–7**
Гал. 2, 21–37

Побывав в разных городах и селениях, Господь пришел и в Назарет, где святое семейство проживало после возвращения из Египта. В день субботний Он зашел в синагогу и стал учить.

Но что же Его слушатели, Его земляки? — А они «с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем».

И сквозь эти слова мы можем увидеть... всю жизнь Иисуса от детства и до Его тридцатилетия!

Евангелист Лука характеризует весь этот период такими краткими и емкими словами: «и был в повиновении у них» (Лк. 2, 51), то есть у Иосифа и Марии. Все это показывает, насколько Иисус до явления людям Его Божественной силы был таким же, как все, человеком!

Это — вопреки измышлениям апокрифических книг, рассказывающих о чудесах, будто бы совершенных еще в детстве. И вопреки современным басням, будто ходил в Индию и там учился у йогов. Ни в какой Индии Он не мог

учиться, потому что иначе Он не мог быть «в любви у Бога и человеков» (Лк. 2, 52). Для иудеев не было места святее данной им Богом земли, и не было премудрости выше данного Богом закона. Все, что за пределами, было внешним и нечистым.

Господь «преуспевал в премудрости и возрасте» чисто по-человечески, и не больше. Его знали, к Нему привыкли.

И вдруг — такое!.. «Да не может этого быть!» — говорит бывший сосед. Потому и «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников, и в доме своем».

Итак, человек во Христе, был вполне таким, как и все мы, кроме греха.

А чтобы не было сомнений, что и Бог был во Христе всегда, даже во время Его смиренной жизни, Евангелие приводит одно событие. Однажды двенадцатилетний отрок Иисус отстал от Иосифа и Марии во время паломничества в Иерусалим на Пасху. Его нашли в храме, «среди учителей», где все «дивились разуму Его и ответам Его». На беспокойство Матери Он ответил: «зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» Но «они не поняли слов Его» (Лк. 2, 43–50). Не поняли, однако же запомнили, сохранили и донесли до нас.

И Церковь устами отцов Четвертого Вселенского собора исповедует веру в «Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в Человечестве; истинного Бога и истинного Человека... единосущного Отцу по Божеству, и единосущного нам по Человечеству; по всему нам подобного, кроме греха; рожденного прежде век от Отца по Божеству, в последние же дни — ради нас и ради нашего спасения — от Марии Девы Богородицы по Человечеству; единого и того же Христа, Сына, Господа, Единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого... не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и того же Сына, и единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, — как древле пророки о Нем, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передали нам отцы наши».

О истинных посланниках Господних

Среда **Мк. 6, 7–13**
Гал. 3, 15–22

Посылая Апостолов на проповедь, Господь довольно сурово высказался обо всех, кто не примет их и не будет слушать. На этот случай Он сказал: «выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу».

Нам тоже приходится говорить разным людям о Христе и христианстве, и тоже порой возникает соблазн: отрясти прах от своих ног во свидетельство на каждого, кто не хочет слушать, и уйти с гордым чувством своей правоты и выполненного долга...

Но всякое ли слово о Христе, всяким ли сказанное имеет одинаковую силу и влечет одинаковую ответственность?..

Господь послал учеников и с пустыми, и далеко не с пустыми руками. Он наделил силой, и прежде, чем говорить, они могли освободить человека от власти нечистых духов, и уже вместе с этой свободой возложить и ответственность.

Но одновременно Господь и все отнял у них. Он заповедал «ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, но обуваться в простую обувь, и не носить двух одежд». Он запретил, живя в городе, переходить из дома в дом в поисках больших удобств, чтобы люди своими глазами видели истинных рабов Божиих, которые ищут не богатства и корысти, а только славы Богу и спасения человеку.

Вот такая двойная печать — духовного богатства и материальной нищеты — должна отличать истинных Божьих посланцев. Об этом Господь заботился всегда. Например, когда Он давал Израилю закон, Он давал его «чрез Ангелов, рукою посредника». А мы знаем, как Ангелы мгновенно и неискаженно передают Божью волю. И знаем, каким посредником был Моисей, этот «кротчайший из всех людей на земле» (Чис. 12, 3). Вот кто вправе, не будучи услышан, отрясти от ног своих прах.

А тому, кто еще не стяжал ни духовных даров, ни совершенного бескорыстия, не стоит спешить хлопать дверью. Сначала обратись на себя. Может быть, ты просто пришел показать свою образованность? Может быть, не столько тебя заботит спасение человека, сколько хочешь сразиться с ним, пусть и за правое дело, но именно сразиться, победить, переспорить? И если так, то не мудрено, что у тебя ничего не получается, и никто тебя не слушает.

Поэтому, сказав, что считал нужным, отступи, и со смиренным сознанием своего бессилия помолись об этом человеке.

И через какое-то время, может быть даже очень продолжительное, ты вдруг узнаешь, что он все-таки обратился!..

Что же произошло? А это Господь постепенно наполнил Своей внутренней силой твои только внешне правильные слова.

О ветхозаветной праведности

Зачатие Иоанна Крестителя **Лк. 1, 5–25**
Гал. 4, 22–31

Ветхий и Новый Заветы Апостол Павел сравнивал с двумя сыновьями Авраама. Измаил, рожденный от рабыни Агари, был изгнан вместе с матерью. А Исаак, рожденный от свободной, наследовал обетования, данные Богом его отцу. «Это два завета, — продолжает Апостол, — один от горы Синайской, рождающей в рабство, ... соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он матерь всем нам». И сколь велика разница между рабством и свободой, настолько же отстоит от новозаветной праведности — праведность ветхозаветная, даже в лучших ее представителях.

О родителях Иоанна Крестителя говорится, что «оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно». Но вот однажды, когда Захария «в порядке своей чреды служил пред Богом, по жре-

бию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения». Он вошел, конечно, не только с каждением, но и с молитвой, и молитва его была, конечно, не о чадородии (что видно из последующего), но о спасении Израиля. Об этом же и «все множество народа молилось вне во время каждения».

Вдруг Захарии является «Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного», и объявляет, что молитва услышана.

А что же Захария? — А он «смутился, и страх напал на него». Почему? Знал же он, что входит туда, где Бог обещал Моисею «открываться» для беседы. Он вошел в то место, которое в былые времена наполняла видимым образом слава Божия! Он вошел просить, и прошение услышано; а в душе вместо благодарности — смущение и страх.

Ангел говорит: «Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елизавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие». Обещанный ребенок не просто будет утешением бездетной семье, но придет как орудие Божьего Промысла, и «многие о рождении его возрадуются».

А что же Захария? — А он говорит Ангелу: «по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных...» И не вспомнил он историю столетних Авраама и Сарры. Как будто Священное Писание — само по себе со своими чудесами, а жизнь — сама по себе со своей обыденностью и суетой. Поэтому и укорил его Ангел: «И вот, ты будешь молчать, и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время».

Значит и служение Захарии, и молитва его, хотя и совершались, как и все у него, «по всем заповедям и уставам Господним беспорочно», но не было в них живой веры, должного страха и благоговения.

И вообще в Ветхом Завете, особенно перед пришествием Христовым, можно было считаться непорочным, и в то же время не знать Живого Бога. Так и Савл до своего обращения был «по правде законной — непорочный» (Флп. 3, 6), и одновременно гонитель Христа. Поэтому и говорил Господь

ученикам: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5, 20).

Бог есть Личность. И общение с Ним, как и со всякой личностью, состоит в том, что мы и говорим, и слушаем.

Наша молитва, это наше слово к Богу. А чтение Слова Божия — слушание Его ответа.

Поэтому становиться на молитву надо с мужественной готовностью, что Господь услышит, и даст об этом свидетельство.

Ну а Слово Божие во всем, что случается, во всех задачах, которые ставит жизнь, должно быть первым наставником и руководителем.

О ереси жидовствующих

Четверг **Мк. 6, 30–45**
Гал. 3, 23–4, 5

В эти дни в Церкви читается послание апостола Павла к Галатам. Оно было написано по поводу того, что появилось некое заблуждение, которое и до сих пор иногда возникает в сознании христиан. Русская Церковь столкнулась с ним в конце пятнадцатого века, и названо оно было тогда «ересью жидовствующих».

Сущность этого заблуждения в переоценке значения Священного Писания Ветхого Завета. В галатийской церкви некоторые стали учить, что для спасения необходимо совершать обрезание и выполнять обряды Моисеева закона, например, связанные с иудейским освящением времени: наблюдать «дни, месяцы, времена и годы» (Гал. 4, 10).

Вразумляя Галатов, Апостол пишет, что в ветхозаветные времена мы «заключены были под стражей закона», и что «закон был для нас детоводителем ко Христу». А у детей все в виде игры, все настоящее в виде игрушек. Многие заповеди Господь дал Своему народу просто как упражнение в послушании.

А самое Богослужение? Смысл Богослужения в принесении искупительной жертвы. А возможно ли, «чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала» человеческие грехи (Евр. 10, 4)?

Ветхозаветные заповеди готовили народ к сознательному, сыновнему послушанию Богу. А «игра в жертвоприношения» готовила к участию в жертвоприношении истинного Агнца Божия, действительно способного очистить грехи всех верующих в Него.

И «наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего». Все дохристианские религии похожи друг на друга: тоже заповеди, тоже храмы, тоже какие-то жертвы. Каждый народ поклонялся своему «богу» или своим «богам», которые, конечно же, «в существе не боги». Все были в послушании у детоводителей, истинных или ложных, самозванных или законно поставленных.

Но пришло время, и все религии исчерпали себя; люди выросли из детских одежд; и даже воспитанники законного детоводителя беспомощно метались «как овцы, не имеющие пастыря».

Но — знает Верховный Отец и Господин, кого и откуда призовет Он в Свои наследники и поставит господином всего. И «когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление».

И теперь, — обращается Апостол к христианам, — «все вы — сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись». Облеклись, как в царскую ризу истинного наследника. Все детское прошло, все временные, условные разделения миновали, и теперь для тех, кто облекся во Христа, все новое. «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». И иудеи наконец-то призваны к истинному, совершенному служению. И язычники, невольно чтившие «неведомого Бога» (Деян. 17, 23), наконец уведали Его.

А еретики, иудействующие, призывали вернуться назад, гордиться детскими внешними преимуществами и играть в прежние детские игры!

Апостол не принуждал природных иудеев, принимавших христианство, сразу бросать ветхозаветные установления. Он и других призывал быть терпимыми к этим «немощным в вере» (Рим. 14, 1).

Но проповедовать необходимость ветхозаветного культа означает — умалять Христову жертву. Как будто, чтобы эта жертва стала совершенной и спасительной, к ней надо еще что-то прибавить! Тут только сделай первый шаг. В пятнадцатом веке на Руси жидовствующие дошли до отрицания Божественности Христа и Святой Троицы.

Поэтому со всей решительностью должны мы вместе с Апостолом восставать, когда нам говорят о необходимости чем-то дополнить Христову жертву или что-то поставить рядом с ней.

О окамененном нечувствии

Пятница **Мк. 6, 45–53**
Гал. 4, 8–21

После насыщения пяти тысяч пятью хлебами Господь «понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону». Сам же Он взошел на гору помолиться. Но увидев, что они по причине сильного ветра терпят бедствие, пошел прямо по воде. Они же, увидев Его, «идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: это Я, не бойтесь. И вошел к ним в лодку; и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились. Ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено».

Окаменение сердца, это когда мы не способны усваивать уроки; когда события нашей жизни, едва перестав быть досягаемыми для телесных чувств, сразу уходят в небытие. Окаменевшее сердце, подобно окаменевшим рукам, неспособно что-либо удержать.

Так поступаем и с Богом, при всякой новой беде забывая, как в прошлом Господь спасал нас.

Так поступаем и с человеком, при первом же недоразумении бросаясь на него, как на самого лютого врага, будто кроме этого, вольного или невольного дурного поступка, ничего нет, не было, и не может быть!

А как поступает Божий человек?

Однажды Апостол столкнулся с умалением в галатийской церкви всеобъемлющего значения Христовой жертвы. А все, что касается Христа, для Павла было глубоко личным делом. «Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас», — с беспокойством пишет он Галатам.

Окамененное нечувствие в подобном случае если и вспоминает прошлое, то — вот, мол, вы и всегда были такими, что с вас взять!

А человек с живым сердцем, видя настоящее зло, с теплым чувством вспоминает прошлое добро, и самим же отступникам напоминает об этом. Он пишет: «Вы ничем не обидели меня! Знаете, что хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей, и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне».

Ведь было же это! И именно сюда возвращается Павел. И именно сюда хочет возвратить Галатов, чтобы именно отсюда снова повести по истинному пути, помочь преодолеть тупик, в котором оказались.

«Прошу вас, братия», — пишет Апостол, — «будьте как я»: и в вере, и в жизни по вере. Потому что это вполне возможно для каждого из вас, несмотря на все ваши нынешние заблуждения. «Потому что и я, как вы». Потому что и я с Божией помощью выбрался из такой глубины зла, из такого противления истине, которые вам и не снились.

О последних временах

Суббота **Мф. 24, 1–13**
1 Кор. 4, 17–5, 5

Однажды, когда ученики выразили восторг по поводу Иерусалимского храма, Господь неожиданно сказал: «Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне: все будет разрушено».

Рассудив, что это относится к последним временам, ученики задали, казалось бы, естественный вопрос: «Скажи

нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?»

Но Господь увидел в их вопросе нечто, побудившее сразу предостеречь: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас».

Дело в том, что ученики захотели одного только чистого знания: «когда?» «какой признак?» Наши прародители именно на этом попались: запретный плод показался вожделенным, «потому что дает знание» (Быт. 3, 6).

Господь же начинает говорить не просто о том: что? где? когда? Но о том, к чему уже сейчас надо себя активно готовить.

«Услышите о войнах и военных слухах», — говорит Он.

А что такое война? Это крайняя степень взаимной нетерпимости. Это полное перенесение причины своих бед с себя на другого. Чем правее считаешь себя, тем с большей злобой ополчаешься на врага. И чем больше будет затухать в людях чувство собственной вины, тем с большим остервенением будет восставать «народ на народ и царство на царство», и порой до того, что «все как один умрем в борьбе за это!»

И как всегда, за человеческие грехи восстраждет земля, и «будут глады и моры, и землетрясения по местам».

И надо быть готовым не отчаяться и не упасть духом: «Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть».

А дальше, в бесконечных поисках виноватых, — потому что ведь сколько ни убивай, а проблем своих не решишь, — мир, наконец, найдет своего настоящего врага. Найдет того, кто хотя и никогда не поднимал меч, но всегда был внутренне чужд ему; кто, видя сучек в глазе брата, вспоминает о бревне в своем. Мир обрушится на Христову Церковь. И «тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь; претерпевший же до конца спасется».

И вот, чтобы любовь вдруг не погасла, ее надо постоянно возгревать; и чтобы не иссякло терпение, в нем надо постоянно упражняться. А если не так, то имея даже совершенное знание, будешь, как щепка, втянут в водоворот зла. Поэтому, как Господь тогда, так и Церковь после Его отшествия на

небо, продолжает учить своих верных чад всегда бодрствовать и непрестанно собирать сокровище на небесах.

А тому, кто пребывает в беспечности и пагубном бесстрашии, иногда дается возможность почувствовать, что его ждет, если так и будет плыть по течению вместе с погибающим миром. Однажды Апостол Павел писал к Коринфянам по поводу одного нераскаянного грешника: «А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа ... предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа».

Не знаем, как именно это происходило, и в чем именно заключалось, но грешник, о котором писал Павел, в конце концов пришел в себя и отпрянул от показанной ему бездны.

Так что, если кто-то уже сейчас делает все, чтобы погибнуть, христианину уже сейчас надо делать все, чтобы спастись. И зачем тебе знать, «когда это будет», «и какой признак» этого?

Чтобы успеть примириться с врагом? — примирись сегодня.

Чтобы исполнить не исполненный долг? — исполни сегодня.

Чтобы раскаяться в грехе? — раскайся сегодня.

Чтобы бросить пагубную привычку? — брось сегодня же...

Тогда с Божьей помощью невредимым пройдешь сквозь все, каким бы страшным оно ни было, и в какой бы день ни наступило.

О наибольшей заповеди

Неделя 15-я **Мф. 22, 35–46**
2 Кор. 4, 6–15

Однажды некий законник спросил Иисуса, искушая Его: «Какая наибольшая заповедь в законе?»

А Господь не просто ответил на этот вопрос. Он Своим ответом вообще дал ключ к каждой заповеди закона. Он ска-

зал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

Задача не в том, чтобы выполнить ту или иную заповедь, но чтобы любовь была сердцевиной всякого дела. Хотя сами дела порой могут выглядеть очень противоречиво.

Сказано: «чти отца и мать». А преподобный Феодосий Печерский ушел в монастырь вопреки материнскому запрету.

Сказано: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня». А Иоанн Златоуст из любви к матери медлил оставить мир, и сделал это только после ее кончины.

Закон повелевает мужу не оставлять жены. А преподобный Алексий Божий человек сразу после свадьбы тайно ушел и от молодой жены, и вообще из дома.

Епископу предписывается не оставлять своей паствы. А святой Павлин Ноланский надолго бросил вверенных ему Богом людей и продал себя в рабство, чтобы освободить одного-единственного человека.

Апостол Павел писал: «Не подавайте соблазна ни иудеям, ни еллинам, ни церкви Божией» (1 Кор. 11, 32). А преподобный Симеон Столпник так перетягивал веревкой свое тело, что оно начало гнить, и распространяло такой смрад, что его даже изгнали из монастыря.

А сколько мы знаем примеров, как тайные великие подвижники, вопреки церковному закону, при людях ели мясо в пост, чтобы лишить себя человеческой славы.

Один принимает смерть, чтобы не отречься от Христа, а другой говорит: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9, 3).

Кто им всем судья, кроме Господа, Который Один только видит их сердца, и Которого они возлюбили всею душою своею, и всем помышлением своим?..

Всегда поступающий по любви идет по жизни, как по острию меча: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим

в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей»...

Но почему в одном рождается любовь, а в другом — нет?

Апостол пишет, что у иных «бог века сего», то есть диавол, «ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа»; а иным «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил ... сердца... познанием славы Божией в лице Иисуса Христа».

Но не с Бога надо спрашивать, почему одним Он попустил быть ослепленными, а другим повелел прозреть. Бог каждому говорит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим», а также: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Господь обращается к каждому, потому что каждый наделен свободой, и с Божией помощью может все.

И только по своей свободной воле один дает себя ослепить, а другой тянется к прозрению и свету.

СЕДМИЦА 16-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О свободе

Понедельник **Мк. 6, 54–7, 8**
Гал. 4, 26–5, 10

«Итак, стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства», — писал Апостол тем, кого прельщал образ ветхозаветного богопочитания.

Обратим внимание, что исход евреев из Египта был не усыновлением, а именно порабощением Богу. Сколько сложных и непонятных предписаний свалилось на плечи! Почему, например, эта пища считается чистой, а эта — нет? Или почему именно через обрезание, именно таким странным образом человек должен посвящаться Богу?

Поистине «раб не знает, что делает господин его» (Ин. 15, 15). Рабам поручают самое простое, то, за чем легко проследить: не убивай, не кради, не прелюбодействуй. И наказание тоже вполне рабское: смерть.

Итак, что же? Обрести свободу и усыновление во Христе и с сожалением оглядываться назад? Апостол считает это духовной катастрофой: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати».

А дальше видим, как Апостол умеет всякую болезнь обратить в лекарство. Чувствуя упорное стремление некоторых в ветхозаветные времена, он вдруг и сам поворачивает туда: «Скажите мне вы, желающие жить под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной». Апостол напоминает, что прежде рождения Исаака от жены Сарры, у Авраама родился сын от рабыни Агари. И он обращает внимание ревнителей закона, что тот, «который от рабыни», рожден по плоти, рожден по отчаянию; а родить «по обетованию», с Божьей помощью, долгожданного наследника суждено было именно свободной (Гал. 4, 21–23).

Но кроме исторического факта, здесь иносказание. В этих двух матерях прообраз двух заветов: «один от горы Синайской (у которой евреи получили закон), рождающей в рабство, который есть Агарь. Ибо Агарь означает гору Синай в Аравии, и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве.

А вышний Иерусалим свободен: он — матерь всем нам» (Гал. 4, 24–26).

Так что Ветхий Завет остается для христиан Священным Писанием, которое повествует о временном священном рабстве, и в то же время пронизано образами грядущей свободы. И опираясь именно на Ветхий Завет, Апостол радостно возвещает: «Мы, братия, дети обетования по Исааку!»

И пусть сейчас, как и прежде, «рожденный по плоти» гонит «рожденного по духу», но все-таки уже в Ветхом Завете звучит приговор предпочитающим рабство: «Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной». И снова Апостол выражает нашу общую радость: «Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной!»

Свобода — самый главный дар Бога человеку. Свободный значит живой. Один философ сказал: «мыслю, следовательно, существую». А мыслить, это значит свободно сравнивать, свободно выбирать, и нести полную ответственность за свой выбор. Только в свободе всякий поступок имеет нравствен-

ную ценность. Только в свободе возможна любовь. И когда Бог свободно явил Свою любовь в творении человека, Он и человеку дал возможность свободно отвергнуть или принять эту любовь через вкушение или не вкушение запретного плода.

Поэтому так важно чувствовать и осознавать свою Богоподобную свободу, дорожить ею, стоять в ней, везде видеть ее отблеск, и уже не подвергаться никакому рабству.

О врагах свободы

Вторник **Мк. 7, 5–16**
Гал. 5, 11–21

«К свободе призваны вы, братия», — пишет Апостол. Но одновременно предупреждает, что у нашей свободы есть враги.

И первый враг, это чужая злая воля. Господь говорил: «всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34). И ни один грех не обходится без учителя. Лишь грех диавола, этот самый первый грех, можно считать абсолютно беспричинным, грехом ради греха. Ева уже могла в какой-то мере оправдываться: «змей обольстил меня» (Быт. 3, 13).

Поэтому «кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил» (1Ин. 3, 8).

С тех пор и пошла в человеческом роде эта «наука», эта «школа» греха. Так же, впрочем, как и школа праведности. Только вот цепочка праведников, хранителей завета с Богом, узенькая, едва заметная ниточка, от человека к человеку: Адам ... Сиф ... Енос ... Ной ... Авраам, и так далее (Лк. 3, 38, 36, 34). А грех катится широкой, всепоглощающей волной, о чем Господь говорил: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам» (Мф. 18, 7). Об этом же скорбит и Апостол, одновременно и желая, и видя невыполнимость своих желаний: «О, если бы удалены были возмущающие вас!»

А о второй опасности Апостол говорит: «Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти». Плоть, это не просто тело, которое, как и душа, есть творение Божие.

Плоть, это голос пораженного грехом ветхого человека; это воля к разрушению, к небытию, что уродует и душу, и тело. «Дела плоти известны: они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражды, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия (соблазны), ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство, и тому подобное».

Это и наше, потому что оно в нас; и не наше, если мы видим его и стараемся победить. Этому ужасался и Павел, когда в отчаянии восклицал: «Когда хочу делать доброе, прилежит мне злое... Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти» (Рим. 7, 21, 24)?

Пришествие Господне и показало абсолютную ценность свободы, и обнажило ее врагов. Ветхозаветные путы упали, «детоводитель» отпустил руку. Ничто уже не связывает. Но ничто и не поддерживает.

Все множество заповедей сошлось в одну точку, как в начале творения: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10, 27). Или еще короче: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

И образ совершенства дан: вот, перед вашими глазами предначертан «Иисус Христос, как бы у вас распятый» (Гал. 3, 1).

И — свобода.

А внутри — голос плоти и голос духа.

О плоти мы уже говорили.

А дух, это еще не стертая в нас печать Божьего образа и подобия. Это то, что проявляется и через голос совести, и через жажду истины, добра и красоты.

И дух, и плоть во мне.

А есть еще я сам.

«Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти». Но ни дух, ни плоть не могут сами насильно завладеть мною. Что же мне делать? Послушать Бога или «возмущающих нас»? Поступить по духу, плоды которого известны, или по плоти, дела которой тоже вполне ясны?

О чем размышлять? Как свободные, «поступайте по духу, и вы не будете», как рабы, «исполнять вожделений плоти».

О сердце

Среда **Мк. 7, 14–24**
Гал. 6, 2–10

Господь сказал: «Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека». «Ибо изнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы».

Сердце, это как средоточие креста. Это самое неуловимое, но и самое драгоценное, где начинается путь либо к жизни, либо к смерти. Сердце — твердыня, которая может противостоять любому натиску извне, ибо буквально «ничто», как сказал Господь, «не может осквернить его». Но из сердца же, вопреки всему доброму, могут исходить и потоки скверны.

В четвертом веке в Церкви был спор, что важнее для спасения человека: его свободное самоопределение, или Божья спасающая благодать? И иные утверждали, что только свобода, а иные — что только благодать.

И действительно, в иных местах Писания мы найдем свидетельства о безусловном значении благодати, о том, что только «Бог производит в нас хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2, 13).

А в сегодняшнем «зачале» говорится о безусловном значении сердца, о его свободе и ответственности; о том, что человек должен опираться только на самого себя: «Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом». Как будто на свете есть только человек, его дело и плоды этого дела: «Что посеет человек, то и пожнет».

А истина в том, что ни Бог не спасает против воли, ни сам не спасешься без Божьей благодати. И спасающая благодать, и свободное произволение — имеют абсолютное значение.

Скажут: как это может быть? мол, всемогущество, ограниченное человеческой свободой, не есть всемогущество; как и свобода, ограниченная Божьим всемогуществом, не есть свобода... Но это лишь гимнастика ума. А ты свободно

выбери Бога, выйди навстречу Ему, и тебе откроется Его всемогущество.

Так и все логические противоречия Священного Писания существуют только в отвлеченном уме, и очень легко разрешаются практически. Вот и сегодня, например, сначала читаем: «Каждый понесет свое бремя», и тут же — противоположное: «Носите бремена друг друга». А дело в том, что Слово Божие обращено к тебе, как к единственному свободному и ответственному слушателю. Тебе все дано, ты все можешь, и поэтому ни на кого не рассчитывай и не оглядывайся: никто твоего бремени не понесет.

Но сам ты неси бремя своего ближнего!

А чтобы решительнее определиться со своей свободой, последуем сначала одному совету, который слышим в чине погребения: «Приидите, братия, во гробе узрим пепел и персть, из негоже создахомся».

Вот каково всемогущество Бога, вот из чего смог Он сотворить человека.

И с другой стороны — вот куда ведет свободное отвержение Бога!..

О Церкви и святости

Четверг **Мк. 7, 24–30**
Еф. 1, 1–9

Послание к Ефесянам начинается так: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе...»

В наше время «святым» именуется тот, кто уже достиг совершенства, переплыл житейское море и явно прославлен Богом.

Но ведь в то время практически все христиане были еще на земле. Граница же между святым и не святым, то есть, между принадлежащим Богу и принадлежащим миру, была довольно четкой. Церковь была гонимой, и входя в число христиан, человек делал серьезный и ответственный выбор.

Итак, обращаясь к святым, к тем, кто внутри, Апостол продолжает: «Бог... во Христе... избрал нас... прежде созда-

ния мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви». Людям, избравшим Бога, Апостол возвещает, что они, оказывается, уже сами избраны Богом, и даже «прежде создания мира».

Однажды, желая выразить всеобъемлющую силу Божественной любви, Апостол даже говорил, что «всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» (Рим. 11, 32). Теперь он хочет показать, что эта любовь не имеет предела и во времени.

Первые христиане, любящие Бога и чувствующие Его любовь, были поистине солью.

Но со времени святого Константина эта соль растворилась в океане христианской империи. Этот период продолжается и ныне. Мы тоже называем себя христианами, но как-то так получилось, что название «Церковь» постепенно перешло на здание, куда мы собираемся для молитвы. А совершенная святость окончательно переселилась на небеса.

И кем же теперь должны считать себя мы, разнородной толпой заполняющие храмы, например, в родительские субботы?..

Однажды у митрополита Московского Филарета спросили, можно ли мирянам быть в алтаре. Митрополит ответил, что хотя канонами это запрещено, но сам он, чувствуя свое недостоинство, не может выгнать из алтаря никого, кто по праву или не по праву сюда вошел.

Тем паче невозможно прежде страшного суда устроить этакую всецерковную «чистку», разделить всех на овец и козлищ, на «полных» и «неполных» членов Церкви, на «истинных» и «не истинных» христиан.

Самому же выйти из этого видимого сообщества, значит уйти в раскол.

Но зачем же уходить?

Кто мешает тебе увидеть Божию любовь и ответить на нее?

Кто мешает стать совершенным, образованным, святым?

И кто мешает помогать в этом ближним?

Как важно, приобретая христианское образование, приобретать столько же христианского смирения! А если учась все более противопоставляем «наше» знание «ихнему» невежеству, то наука эта не от Господа Бога.

И не менее важно, обучая человека «правильному» христианству, одновременно помогать ему и приспособиться к церковной реальности. Входить в церковную ограду надо с любовью, с готовностью терпеть «немощных в вере», и помогать им.

А то ведь если даже «знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор. 13, 2)...

Слава Богу, отдавшие свое имя зданию храма все же ходят туда для молитвы! Слава Богу, отправившие святость на небеса все же чтут ее и поклоняются ей!

Все посеянное должно вырасти, и Господь запретил Своим ревностным, но не имеющим совершенной мудрости Ангелам до жатвы вырывать плевелы, потому что так легко незаметно выдернуть вместе с ними и пшеницу (Мф. 13, 24–30)!

О церкви и церквях

Пятница **Мк. 8, 1–10**
Еф. 1, 1–17

Одно из действий благодати Божией, «каковую Он в преизбытке даровал нам», Апостол видит в том, что Бог открыл некую «тайну Своей воли». А тайна в том, что Бог положил «в устроение полноты времен ... все небесное и земное соединить под главою Христом». И в первую очередь, соединить во Христе иудеев и язычников.

То, что сегодня является общим местом, тогда было поистине откровением. И евреи не могли предположить, что когда-то перестанут быть единственным богоизбранным народом. И язычники не могли помыслить, что когда-то им придется принять что-то еврейское. И когда Господь вдруг повелел апостолу Петру идти к язычнику Корнилию, это было настоящим переворотом в сознании.

Точно также для тех людей, которые однажды пришли вслед за Иисусом в пустынные места, было абсолютной тайной, что произошло спустя несколько минут. Никто не мог и предположить, откуда «взять здесь, в пустыне, хлебов, чтобы накормить» несколько тысяч. А Господь только

и «велел народу возлечь на землю», и вдруг чудесно умножились единственные пять хлебов и немного рыбок, и все «ели и насытились», и даже «набрали оставшихся кусков семь корзин».

Господь через пророков приоткрывает будущее, но люди слышат ли этот голос? Даже на соборе в Иерусалиме по поводу принятия в церковь язычников — сначала апостол Петр сообщил о факте обращения Корнилия, и как Бог дал при этом «свидетельство, даровав им Духа Святого». Потом Павел и Варнава рассказали, «какие чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников». И лишь после этого Апостол Иаков, председательствующий на соборе, припомнил и пророчество Иеремии, что некогда будут призваны и «прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя» Господне (Деян. 15, 17).

А пока все должны были идти своими путями. Иудеи — беречь для всего мира веру в единого Бога. А другие народы — до конца пройти путь многобожия, чтобы с одной стороны явить миру горькие плоды этого пути, а с другой — показать высоту и пределы чисто человеческой мудрости...

А мы сегодня стоим перед трагическим фактом разделения людей, исповедующих имя Христово. И хотя мы понимаем, что это плохо, и даже противоестественно, что мы, православные христиане, можем сделать?

Не можем же мы ради объединения с римо-католиками подчиниться, вместо Христа, Римскому Папе, признав его непогрешимым наместником Христа на земле, и почитать его учительное слово наравне со словом Священного Писания.

Не можем и ради объединения с протестантами отказаться от молитвенного общения с Божией Матерью, с Ангелами и душами «праведников, достигших совершенства» (Евр. 12, 23).

Не можем мы отказаться ни от чего, чем живет наша Церковь вот уже две тысячи лет. Зачем прибавлять к своим и так многочисленным грехам еще и грех отступления от явленной истины?

Конечно, и к правоте часто примешивается греховное чувство гордости своей правотой. И далеко не все мы де-

лаем, чтобы облегчить инославным возвращение в Церковь. Конечно, не стоит спешить отправлять в ад и всякого человека, а тем более исповедующего имя Христово.

Просто надо твердо и по совести, спокойно и смиренно идти своим путем, не гонясь за призраками, за суррогатами единства.

Когда-нибудь Господь откроет и эту тайну. Может быть, Он чудесным образом напитает всех любовью, как когда-то напитал хлебами в пустыне; и то, что сейчас кажется совершенно невозможным, когда-нибудь станет само собой разумеющимся, и никто не сможет поверить, что когда-то было иначе.

О сне и бодрствовании

Суббота **Мф. 24, 34–44**
1 Кор. 10, 23–28

Многих занимает вопрос: когда будет второе пришествие Христово? И много по этому поводу бывает суеты. Одни дерзают предсказывать год, месяц, и даже день, а другие легкомысленно верят, забывая, что об этом «никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец».

А между тем, в разные времена многие великие проповедники указывали на свое время, как на последнее. «Смотрите, — говорили они, — какие стихийные бедствия, какое падение нравов, какие войны, — неужели не ясно, что уже «близко, при дверях»? (Мк. 13, 29). И хотя конец так и не наступал, все же они были правы, потому что помогали своим современникам выполнять другие слова Христовы: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет».

Господь говорил также: «не прейдет род сей, как все сие будет». И хотя многие десятки родов исчезли с тех пор, но ведь человек проживает только одну, свою жизнь. Что сделано, то сделано. Отходит душа от тела. В миг проносятся столетия, и вот душа снова в теле, но уже для последнего суда. Поэтому надо бодрствовать, на всякий час готовясь к пришествию Господню.

Обратим внимание, как учит бодрствованию Апостол Павел. Он говорит: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает». «Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12). Как мягко старается он разбудить спящего: «Все мне позволительно», — то есть все нормально, все хорошо, Господь с нами! И дальше он тоже как бы ничего не требует, но заботливо вникая в мои же собственные интересы, говорит: «но не все полезно», «но не все назидает», «но ничто не должно обладать мною». — А кто не хочет пользы и назидания, кто хочет быть рабом?..

А если человека разбудить грубо, резко, он со страху вскакивает, не успев, как говорится, проснуться: начинает всюду подозревать врагов, колдунов, боится по неведению съесть что-нибудь не то, во всем подозревая опасность. Таких, не по разуму разбуженных, Апостол успокаивает: не волнуйтесь, все нормально. «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести; ибо Господня земля и что наполняет ее». Также «если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести».

Потому что никакая пища сама по себе не может принести духовного вреда. И только если кто-то скажет: «это идоложертвенное», — тут уже остановитесь, «не ешьте», ради того немощного, кто объявил вам.

Потому что в твоих же интересах соблюдать и такой принцип бодрствования: «никто не ищи своего, но каждый пользы другого».

Жизнь христианина часто сравнивается с жизнью воина, а бывалые воины говорят, что в условиях военной жизни отдать последний кусок ближнему, это даже не добродетель, а единственная возможность выжить. И есть такое испытанное правило штыкового боя: защищать не себя, а того, кто рядом, и только тогда — общий успех.

И когда человек заботится, чтобы сейчас победить в бою, на ходу принять правильное решение, моментально отразить удар, — ему не до предсказаний, когда этот бой кончится.

А всякая конкретная дата усыпляет, если она отдалена.

А если близка — парализует ужасом, как больного, которому необдуманно сказали о неизлечимости недуга. Конечно,

правда прежде всего. Но правда-то как раз в том, что, сколь очевидным ни казался бы смертельный исход, Бог может посрамить все самые научные предсказания.

Просто и больной, и здоровый должны вспомнить, что оба смертны, и что Господь ни тому, ни другому завтрашнего дня не обещал. И тому, и другому надо, не откладывая на завтра, сделать то, что он обязан сделать сегодня и как христианин, и просто как человек.

О талантах

Неделя 16 **Мф. 25, 14–30**
2 Кор. 6, 1–10

«Умоляем вас, — пишет Апостол, — чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами».

Значит, цель христианской жизни не в том, чтобы получить, «стяжать» некую «благодать». Но чтобы благодать, этот свободный Божий дар, была принята «не тщетно», то есть не напрасно, не впустую.

Каждый человек, кроме того, что он сотворен, кроме того, что искуплен Христовой Кровью, имеет еще и другие дары. Один, например, с детства не скажет грубого слова, не повысит голос. Для другого просто немыслимы блудные грехи. Третий готов всегда и все сделать для ближнего.

В сегодняшней притче эти дары сравниваются с талантами, которые некий господин вручил своим рабам, ожидая, что возвратясь получит свое с прибылью.

Дело в том, что безгневный может быть блудником, независтливый — пьяницей, а бескорыстный — убийцей. Но Господь же говорил, что нарушающий одну заповедь нарушает весь закон. И кто об этом помнит, тот не будет уповать на то, что у него есть. Перед его глазами всегда то, чего у него нет.

Про то, что есть, он как бы забывает, как бы отдает это торгующим; все это работает само по себе. Но то, что он приобретет трудом, терпением, непрестанной молитвой, он положит к ногам Господа. И хотя в своем труде он как бы забывал про полученное даром, но тут он первым делом с

благодарностью скажет: «Господин! пять талантов ты дал мне». А потом со смирением прибавит: «вот, другие пять талантов я приобрел на них». И хозяин, радуясь за него, скажет: «Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего».

Так в притче поступили два раба.

А третий — если бы хоть один талант принес на один, то и он заслужил бы похвалу. Но этот раб, прекрасно зная, чего ждет господин, сознательно не принимает его законов. Он видит, как поступают верные рабы, и это ему противно.

Очевидно, он по совести, не смотря ни на что и ни на кого, считает, что обязан отдать только то, что в него вложено: «Господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое». Иными словами: ты дал мне лишь это, а ждешь еще и того, на что не дал сил и к чему не вложил расположения. И поэтому я только твое считаю справедливым отдать. Ты же еще должен признать мою правоту, и даже похвалить мою прямоту и принципиальность.

А господин ответил: «Лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью». «Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет». Потому что приобретающий в поте лица одни добродетели и сам не замечает, как попутно приобретает еще и другие.

А строптивому рабу господин как бы говорит: «Будь ты хоть семи пядей во лбу, но я твой господин по природе. Как бы ты ни казался себе правым, ты живешь на моей земле, и мне принадлежишь. В моих владениях мои законы, и других быть не может».

В Божьем мире только Божьи законы, как бы я к ним ни относился.

И как я могу спорить с Богом? «Ибо Он не человек, как я, чтоб я мог отвечать Ему и идти вместе с Ним на суд! Нет между нами посредника, который положил бы руку свою

на обоих нас» (Иов. 9, 32–33), — так восклицал праведный Иов, которому Бог дал очень много, и от которого получил очень большое приращение.

Нет у нас другого пути, как познать Божью волю и выполнить ее. И не можем мы укорять Его и обвинять во зле.

Потому что и самое добро, это не что иное, как то, что нам повелевает Бог.

А зло — то, что Он нам запрещает.

А за лукавой «принципиальностью», действительно, часто скрывается обычная лень.

СЕДМИЦА 17-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О полноте света и о полноте тьмы

Понедельник **Мк. 10, 46–52**
Еф. 1, 22–2, 3

У апостола Павла был удивительный дар: говорить о неизреченном, говорить кратко и исчерпывающе. И для такого же чистого и великого мужа этот язык понятен и достаточен. Нам же, чтобы уразуметь сказанное, поневоле приходится многословить.

Например, Апостол пишет о Христе, что Бог, «воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах», «поставил Его выше всего, главою Церкви» (Еф. 1, 20–22).

А о Церкви он пишет, что она есть «Тело Его, полнота Наполняющего все во всем».

Казалось бы, определение Бога, как «Наполняющего все во всем», исключает всякие оговорки и дополнения. «Все во всем» — куда полнее? Но Апостол все-таки сначала сказал не о Боге, а о Церкви, что именно она, и только она есть «полнота Наполняющего». Хотя и о самой Церкви нельзя сказать, что она все наполняет.

А далее оказывается, что при «Наполняющем все во всем» находит себе место и «мир сей» с его обычаями. И не только «мир», но еще и «князь, господствующий в воздухе», дух, противящийся Богу. У этого князя тоже есть полнота господства, и тоже есть «сыны», в которых он действует, и которых заставляет вместе с собой противиться Богу.

Получается, что при «Наполняющем все во всем» может существовать не просто какая-то незаполненность, но и противоположный, враждебный этой полноте мир!

И в полноту Христову мы пришли именно оттуда, из этого враждебного мира, где «жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие»...

Так, перед нами тайна сосуществования полноты спасения и полноты погибели. И это — как тайна света и тайна тьмы.

Сегодня в Евангелии и говорится о Вартимее, слепом, который «сидел у дороги» в то время, как Иисус проходил по ней «с учениками Своими и множеством народа». Вокруг слепого свет, а он один во тьме. Все вокруг все видят, видят и его самого, могут видеть даже самое устройство его глаза, до последней клеточки. А он не видит даже самого себя, и так получается, что он вне все наполняющего, все пронизывающего света, и в нем всецело господствует, и всего его наполняет тьма.

Но вдруг он «начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Иисус же велел подвести его к себе, чтобы слепой перед всеми засвидетельствовал свое желание, свой выбор, свое предпочтение света тьме: «Чего ты хочешь от Меня?

Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел, и пошел за Иисусом по дороге». Мгновенно рухнуло господство тьмы, и Вартимей тоже оказался в полноте света.

Так, свет и тьма, спасение и погибель в этом мире находятся как бы в одной точке. И достаточно оступиться, чтобы ввергнуться во тьму, и достаточно от всего сердца возопить к Богу, чтобы тьма рассеялась, и чтобы оказаться в Церкви, в этой полноте «Наполняющего все во всем».

О святыне храма

Вторник **Мк. 11, 11–23**
Еф. 2, 19–3, 7

На следующий день после торжественного входа в Иерусалим Господь вошел в храм и «начал выгонять прода-

ющих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников».

Наблюдая это, Апостол Иоанн Богослов вспомнил слова пророка Давида: «Ревность по доме Твоем снедает Меня» (Ин. 2, 17).

Господь видел много греха, но лишь небрежение к святыне храма побудило к таким суровым действиям.

Ведь что такое храм?

Царь Соломон при освящении Иерусалимского храма молился: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил. Но... призри на молитву раба Твоего», и «да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь... Услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем; услышь на месте обитания Твоего, на небесах, услышь и помилуй» (3 Цар. 8, 27–30).

Храм необходим, потому что нематериальная душа человека заключена в ограниченное пространство тела. И поэтому надо не только воспарить душой к Богу, но еще и прийти вместе со своими единоверцами в особое, освященное молитвой место. В Ветхом Завете это место было единым, чтобы не возник соблазн многобожия, по числу храмов.

Но когда Сам Господь пришел на землю, Он сказал, «что наступает время, когда ... не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу», но «в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4, 21–23).

В новозаветных книгах часто говорится о новом, духовном храме, который в духе и истине должны созидать христиане, «быв утверждены на основании Апостолов и Пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем», «слагаясь стройно», возрастать «в святый храм в Господе».

Но и чтобы созидать из себя это «жилище Божие», ученикам Христовым с самого начала надо было и собираться где-то вместе, что они и делали (Деян. 2, 42). И пока стоял Иерусалимский храм, они «каждый день единодушно пребы-

вали» в нем (Деян. 2, 46), а специально христианское «преломление хлеба» совершали «по домам».

С разрушением храма все перешло в дома. А когда гонения прекратились, стали строить и свои храмы. Эти здания внутри и снаружи были проникнуты христианской символикой, украшены изображениями, напоминающими о священных лицах и о священных событиях...

Но храмы становились все богаче, а христианский дух собиравшихся в них людей оскудевал. Называться христианином в христианской империи стало нормой, а вера была далеко не у всех. И Господь промыслительно устраивал, чтобы дух, оскудевающий в христианах, сохранялся в их молитвенных зданиях. Храм становится мощной поддержкой тому, кто приходит сюда недостаточно осознанно; он без слов дает ощущение присутствия Божия, как без слов возвещает о своем Творце Божий мир.

И этот дух ощущается даже в осквернённых, полуразрушенных храмах. Многие архитекторы и реставраторы, работая здесь, постепенно и сами становились камнями в духовном здании Христовой Церкви.

Таким образом, для обращения иного человека храм может стать последней надеждой.

И как Господь очистил тогда Ветхозаветный храм, так Он очищает и наши храмы. И когда действует Сам Господь, внешне это происходит без всяких человеческих бичей, и выглядит примерно так: в храм, где творится беззаконие, приходит благочестивый служитель. Он по мере сил делает свое дело. Его не считают ни во что. На него обрушивается всяческая клевета и всяческие поношения. Но когда зло покажется особенно несокрушимым, вдруг ни с того ни с сего исчезнет то один, то другой, то третий беззаконник. И получается по словам Псалмопевца: «Видех нечестивого превозносящася, и высящася яко кедры ливанския; и мимоидох, и се не бе, и взысках его, и не обретеся место его».

Итак, «храни незлобие и виждь правоту» (Пс. 36, 35–37).

А бич Господень не замедлит, как только окончательно будет попрано Господне долготерпение, и как только будет кому заполнить опустевший дом.

О движении и покое

Среда **Мк. 11, 23–26**
Еф. 3, 8–21

Однажды Господь в ответ на удивление учеников, что по Его слову тотчас засохла бесплодная смоковница, сказал: «Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: «поднимись и ввергнись в море», и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, будет ему, что ни скажет».

После этих слов может возникнуть желание проверить либо свою, либо чужую веру...

Но остановимся.

Вспомним, как когда-то сатана, возведя Иисуса на высоту, тоже сказал: «если Ты Сын Божий, бросься вниз» (Мф. 4, 5–7). Господь тогда ответил всем желающим ставить подобные опыты: «Не искушай Господа Бога твоего».

Но когда, например, мальчик Прохор, будущий преподобный Серафим Саровский случайно упал с высокой колокольни, Ангелы поддержали его и избавили от смерти.

Забота же и молитва христианина должны быть не о том, чтобы без толку двигать горы, но чтобы самому найти свое неподвижное место в мире. Потому что и так все находится в непрерывном движении. Вот даже и огромные небесные тела как пылинки носятся по вселенной. Но чтобы разобраться в их движении, чтобы вычислить их орбиты и скорости, необходимо где-то поставить точку и объявить ее неподвижной.

И сначала такой точкой отсчета в христианском, воспитанном на Библии человечестве, была, естественно, земля. Солнце же, луна и звезды вращались вокруг нее, потому что и возникли они лишь в четвертый день творения (Быт. 1, 14–19). Потом люди соблазнились величием солнца, пригвоздили его к пустоте, и заставили нас вместе с землей вертеться вокруг него и вокруг своей оси, — чего человек никогда не примет и никогда не будет говорить: «земля перевернулась». Как и тысячи лет назад, всегда будем говорить: «солнце взошло»!

Итак, поскольку неподвижных точек во вселенной нет, утвердиться на земле как на неподвижном центре вселенной — дело не науки, но свободной, здравой, просвещенной словом Божиим воли. Дело же науки — потом пересчитать все орбиты по отношению к земле.

Точно так же и с человеком. Бог вдунул душу живую и сказал: «Наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте ... над всею землею, и над всяким животным» (Быт. 1, 28). Душа человеческая по замыслу Творца должна быть в центре. А все остальное — для человека и вокруг него.

Но если душа по своей воле сдвинулась с данного ей Богом места, она начинает все сильнее и сильнее вертеться вокруг всего в мире, вокруг вещей и проблем. Она за всем гонится, а не догнав приходит в уныние и отчаяние. Душа может как бы разлиться по всему миру и совершенно забыть себя...

Но когда она вдруг проснется и трезво взглянет на себя и на мир, то непременно придет к выводу, что «суета сует — все суета! ... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1). Нет в этом видимом мире ничего, что могло бы по праву заставить человеческую душу вертеться вокруг себя. Как и Господь говорит: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою» (Мк. 8, 36–37)?..

Итак, душе надо понять свою абсолютную ценность и несравнимость ни с чем. И как земле надо просто встать на свое законное место, так и душе необходимо перестать вертеться вокруг всего в мире, вернуться «на круги своя» и «крепко утвердиться Духом» «во внутреннем человеке».

Потому что только здесь — точка пересечения миров, видимого и невидимого, и только здесь становится возможным «верою вселиться Христу в сердца» наши. Только здесь, «укорененные и утвержденные в любви Христовой», мы обретем точку отсчета.

И только после этого мы сможем и в окружающем мире почувствовать смысл, увидеть иерархию ценностей, то есть «постигнуть», «что широта и долгота, и глубина, и высота», а главное, все более и более при этом уразумевать «превосходящую разумение любовь Христову», чтобы в конце концов «исполниться всею полнотою Божества».

О укорененности

Четверг **Мк. 11, 27–33**
Еф. 4, 14–19

Итак, Апостол молится, чтобы Господь дал нам «по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца» наши, чтобы мы, «укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы исполниться всею полнотою Божества» (Еф. 3, 14–19). И далее продолжает: «Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения».

Ибо младенец очень зависит от внешних воздействий: его легко напугать, обмануть; рядом с ним могут звучать высокие речи, но не находить отзвука в еще не зрелой душе. Так носимые ветром семена растений в иных местах не задерживаются и не могут пустить корни.

У некоторых такое младенчество затягивается до глубокой старости. Афиняне, к которым однажды пришел апостол Павел, «ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян. 17, 21). Но едва они услышали нечто серьезное, вечное, способное пустить корни в душах, как стали насмехаться: «Об этом послушаем тебя в другое время!»

Понтий Пилат в ответ на слова Христовы об истине тоже презрительно отмахнулся: «Что есть истина»!..

Но если истина не укоренилась в душе, — что там, если не мерзость запустения?

Как может такой человек руководить другими, как может соединять и примирять, вести ко благу? Куда могли, например, фарисеи вести народ, если самая цель их законнической системы была именно в том, чтобы одновременно сделать и по своей воле, и вроде как бы по Божьей? По этой системе, например, сказал: «Дар Богу то, чем бы ты от меня

пользовался», и со спокойной совестью прошел мимо отца и матери.

А однажды Господь спросил их: «Крещение Иоанново с небес было, или от человеков?» Они же «рассуждали между собою: если скажем: «с небес», то Он скажет: «почему же вы не поверили ему?» А сказать «от человеков» — боялись народа, потому что все полагали, что Иоанн точно был пророк. И сказали в ответ Иисусу: не знаем».

И это не было смиренным признанием своего неведения. Они просто-напросто не заинтересованы в истине. Их то колеблет боязнь потерять авторитет, обнаружив свою непоследовательность, то увлекает физический страх — разойтись с общенародным мнением.

А того, кто не хочет укорениться и утвердиться во Христе, не хочет быть в центре, во внутреннем человеке, — неизбежно постигнет участь всех колеблющихся и увлекающихся, всех, поступающих по суетности ума своего. При всей самонадеянности, его непременно уловит и лукавство других человеков, и хитрое искусство обольщения. И в конце концов он дойдет до полного бесчувствия, делая «всякую нечистоту с ненасытимостью»...

А в центре мира, во Христе, идет творческая, созидательная работа. Он — Глава всего. И от Него все тело Его Церкви, «составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви».

О безумных виноградарях

Пятница **Мк. 12, 1–12**
Еф. 4, 17–25

Некий хозяин устроил виноградник и сдал его виноградарям, договорившись об арендной плате. Но едва виноградари заключили договор, как сразу повели себя крайне нагло: сколько ни посылал к ним хозяин слуг за положенной долей, виноградари «то били, то убивали» их.

«Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего»...

Общеизвестно, что хозяин — Бог. Слуги — пророки, постоянно напоминающие, что над нами есть Хозяин, и мы нечто должны Ему. Ну а сын хозяина — Единородный Сын Божий. Отец послал Его уже не просто напомнить, но коснуться самого сокровенного, разбудить совесть: «может быть, постыдятся сына моего».

Бог все честно выполняет: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5, 15). Мало того: Бог Сам пришел к отступившим людям. Всемогущий и неприступный стал соразмерным и доступным человеку.

Но что получилось? — Эта соразмерность и доступность дала неожиданную возможность борьбы с Богом, и не какой-то духовной борьбы, но — до оплевания и распятия. Последняя надежда Бога вывести человека со дна погибели, это одновременно и последняя безумная надежда богоборческих сил уничтожить Бога и получить мир в полное владение.

Крайняя попытка устыдить становится поводом явить крайнее бесстыдство. Фарисеи, например, сразу «поняли, что о них сказал притчу». Но не стали даже выяснять, а каких именно плодов ждет хозяин? Тут же примкнули к виноградарям и тоже «старались схватить Его».

Ну а тому, кто считает себя на стороне Хозяина, совершенно необходимо выяснить: а сам-то я плачу ли положенное?

Рассмотрим хотя бы один вид платежа: «принеси в жертву Богу хвалу» (Пс. 49, 14), или: «за все благодарите» (1 Фес. 5, 18).

Что же, когда все идет гладко, мы с удовольствием это сделаем (если, конечно, не забудем). Но вот Господь посчитал благовременным призвать к себе кого-то из наших близких (кого, кстати, Сам же и сотворил). Или счел полезным лишить имущества (которое Сам же в Свое время и дал). И присылает слуг с обычным напоминанием: «За все благодарите». И мы, не раз читавшие в Священном Писании, и другим повторявшие эти слова, теперь вдруг воспринимаем их как издевательство над нашим горем! И много ли найдется таких благочестивых арендаторов, которые могли бы от

всего сердца сказать, как сказал потерявший все Иов своей жене: «Ты говоришь, как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2, 10).

Последнее же вразумление страждущему — напоминание о Сыне Божием, Который «не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его; будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному; Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1 Пет. 2, 21–24).

И если эти слова мертвы для нас; если они не облегчают страданий, то — что мы делаем, как не убиваем и не выбрасываем Его «вон из виноградника», выбрасываем за пределы нашей жизни, как ничто не значащий и ничего не определяющий факт!..

О мудрых и неразумных девах

Суббота **Мф. 25, 1–13**
1 Кор. 14, 20–25

Закончив говорить о необходимости бодрствования, о злой участи раба, который легкомысленно скажет: «не скоро придет господин мой» (Мф. 24, 48–49), Иисус Христос рассказал еще и притчу о десяти девах, из которых «пять было мудрых и пять неразумных».

Все со светильниками ждали Небесного Жениха, но мудрые еще и «взяли масла в сосудах своих». А так — и у тех, и у других горел огонь, и все для всех казалось благополучным. «И как жених замедлил, то задремали все и уснули».

Но вдруг «в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему!» Приближение Небесного Жениха сразу все просветляет, всему обозначает цену. Неразумные вдруг забеспокоились, почувствовали, что им чего-то не хватает, что им не устоять перед грядущим, увидели, что огню благодати нечем питаться, и в панике обратились к мудрым: «Дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут»!

А мудрые ответили: «чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе»... И Господь, учивший не заботиться о завтрашнем дне и всегда давать просящему, на этот раз назвал мудрыми тех, кто поступил наоборот.

Дело в том, что этот елей такого рода, что его никогда не может быть достаточно, а тем более — с избытком. Не может быть у человека никаких «сверхдолжных заслуг», которыми можно было бы поделиться. Истинные праведники, день и ночь проводя в трудах, ни во что ставят эти труды, все время видя перед собой Божию любовь и Божие совершенство. Именно — день и ночь, потому что — вот, уже полночь, когда, казалось бы, какая торговля? — а они искренне советуют неразумным: «чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе».

И неразумные послушались, пошли и даже, кажется, преуспели. Но все-таки они безнадежно опоздали, потому что приобретать надо не тогда, когда тебя уже обжигает приближение Небесного Жениха. Тут уже не о нищих надо заботиться, продавая для этого драгоценное миро, но — помазать этим миром ноги дорогому гостю (Ин. 12, 2–5). А неразумные как раз именно тут и бросились спешно продавать миро и раздавать нищим, приобретая тем самым «билет» на право гордо и независимо войти!

Но ведь все-таки горел огонь у неразумных дев! Значит, все же было в них чему гореть, значит, все-таки не совсем чужды Господу были они.

Да, Господь и подавшего стакан воды обещал не оставить без награды. Награда же — и есть огонек радости в душе, чувство успокоенной совести. И беда наша, что — теплится огонек, и ладно! Так и от добрых дел ищем лишь человеческой благодарности, и от молитвы — лишь благодатных ощущений.

И ухитряемся так же относиться даже к высоким духовным дарам. В древней Церкви, например, были разные степени даров Святого Духа: дар вдохновенного говорения иными языками, дар истолкования языков, дар пророчества. Говорение языками было великим утешением для христианина. Горит!.. — радостно ощущал он, когда неведомая сила исторгала из сердца и из уст неведомые ранее слова.

И Апостолу приходилось возвращать таковых к реальности: А что, если в это время, — говорил он, — «войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь»?..

«А потому говорящий на незнакомом языке» не успокаивайся на этом, но «молись» о большем, «о даре истолкования» (1 Кор. 14, 13). И тогда, если вы пророчествуете, «и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится, и таким образом тайны сердца его обнаруживаются; и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: «истинно с вами Бог!»

Да, только если твердо знаешь и постоянно чувствуешь, что «с нами Бог», то и елея всегда хватит, и переоценивать его не будешь; и будешь знать, что делать, когда приблизится Небесный Жених.

О прохождении сквозь стену

Неделя 17 **Мф. 15, 21–28**
2 Кор. 6, 16–7, 1

Господь говорит тем, кто хочет быть с Ним, в Его Церкви: «Выйдите из среды их и отделитесь ... и не прикасайтесь к нечистому, и Я прииму вас, и буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями».

Но как часто подошедший к церковной ограде видит пред собой непреодолимую стену. Иногда это стена непонятности. Иногда кажется, что это стена враждебности. Иногда эта стена пугает высотой требований, а иногда отталкивает кажущейся примитивностью...

Но если всех отталкивает разное, значит дело вовсе не в стене. То же, что и с Евангелиями: кто-то не считает их подлинными, потому что они якобы противоречат друг другу, а кто-то — потому что слишком схожи.

Но особенно неприступной эта стена казалась в ветхозаветные времена, и тут уже по достаточно объективной причине: тогда овцами Божьими были лишь потомки по плоти святого праведного Авраама.

Но для искренне желающих войти эта стена и тогда не была непреодолимой.

Однажды к Иисусу Христу подошла язычница, хананеянка, и взмолилась: «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется!» Она повторяла это много раз, так что ученики не выдержали упорного молчания Учителя и сказали: «Отпусти ее, потому что кричит за нами». Но Иисус на это как отрезал: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева».

Но она с какой-то слепой, безумной надеждой продолжает вопить: «Господи! помоги мне!» И тогда Господь сказал еще более жестоко и беспощадно: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Кто после таких слов не отошел бы прочь со стыдом и смертельной обидой?.. А хананеянка говорит: «Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их».

И Господь воскликнул: «О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». И в тот же миг исцелилась — даже не она сама, здесь стоящая и просящая, а дочь, за которую она пришла просить, и о которой нам ничего не известно.

Сама же эта женщина в один миг прошла сквозь стену религиозной и национальной отчужденности.

И невозможно войти в Церковь Христову, если до конца не осознаешь, что там, за невидимой оградой дети Божьи. Крохи там дороже сокровищ здесь. И если я не войду туда, то так и останусь псом, никому не нужным и всеми презираемым.

Задумаемся, проверим себя: смог бы выстоять до конца, как эта женщина?..

И если нет, то может быть, до сих пор и не вошел в овчий двор Церкви Христовой, хотя видимо и находишься в ее ограде.

СЕДМИЦА 18-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О совлечении ветхого человека

Понедельник **Лк. 3, 19–22**
Еф. 4, 25–32

Человеку, вставшему на путь Христов, необходимо, по слову Апостола, «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, ... об-

новиться духом ума, ... и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4, 22–24).

И правда, как хотелось бы: вдруг совлечь с себя старое и грязное, раз и навсегда облечься в чистое, новое, светлое!..

Но ключ к этой задаче в том, что «нового человека» должны составить все вместе мы, исповедующие имя Христово. Ибо «мы члены друг другу».

И первое, что здесь мешает, это ложь. Солгал, и ушел от ответственности; солгал, и вроде бы все спокойно... Но хотя ложью иногда и удается избегать конфликтов, однако с каждой новой ложью неумолимо, как по стеклу, расползается трещина в человеческих отношениях. А «посему, отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему».

Но если ложь постепенно перетирает связующие нити, то гнев сразу рвет их. Гнев и кротость, как ложь и истина, тоже — ветхое и новое, как тьма и свет.

«Гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдет в гневе вашем»... Но можно ли гневаясь не согрешать? Иоанн Златоуст так поясняет это место: «Хорошо не гневаться; но если кто впадет в эту страсть, то, по крайней мере, не на долгое время... Да не зайдет солнце, оставив вас врагами».

И апостол Павел, опасаясь, чтобы не подумали, будто иной гнев может и не быть грехом, далее уточняет: «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобою да будут удалены от вас». Всякое. Даже когда формально прав. И если до захода солнца не победишь гнев, не примиришься, то сам почувствуешь, как для тебя заходит солнце разума, солнце любви, и уже не можешь молиться Богу, как будто и Бога уже не стало.

Также и отношение к богатству. У ветхого человека инстинкт — грести к себе. Новый же — даже трудится не столько для себя, но «чтобы было из чего уделять нуждающемуся». А если упорно хочешь приобретать только для себя, то постепенно будешь все более неразборчив в средствах. Апостол знает, куда ведет этот путь, и он прямо и резко говорит желающим быть христианами: «Кто крал, вперед не кради».

А как важно следить за тем, что говоришь! «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе, для

назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим». И хотя уста говорят «от избытка сердца», но если избыточествующую там гниль хотя бы не облекать в слова и не выпускать наружу, это будет способствовать обновлению и самого сердца.

Ну а потакающий своим страстям, «истлевающий в них» — не остается сам по себе. Он «дает место диаволу», который постепенно обосновывается в нем, как в своем доме.

И всякое отступление христианина от истины — не просто личное дело, не просто личная ошибка, но — личное оскорбление «Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления». Того же Духа, Который сошел на выходившего из Иордана Иисуса при разверзшихся небесах и свидетельствующем Божьем гласе.

И очень важно, чтобы все благие желания проистекали из одного и того же благого источника. Когда наши наставники напоминают о христианских обязанностях, они не просто уговаривают, не просто прельщают чем-то, но всегда указывают на Того, Кто начало и конец, Кто путь и цель жизни: «прощайте друг другу...»

А почему, собственно, я должен прощать?

А только потому, что «Бог во Христе простил нас».

О нашей родословной

Вторник **Лк. 3, 23–4, 1**
Еф. 5, 20–26

«Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев, Матфатов...» И евангелист Лука перечисляет семьдесят шесть имен, заканчивая цепочку: «... Сифов, Адамов, Божий». Удивительно читать это бесконечное перечисление имен, особенно нам, знающим лишь своего деда, редко прадеда.

Как же сложилось и дошло до нас это родословие?

Из истории самой первой семьи знаем, что первым у Адама и Евы родился Каин. Потом Авель. Каин из зависти убил Авеля и заслужил проклятие. Затем родился Сиф.

После этого Адам прожил «еще восемьсот лет и родил сынов и дочерей» (Быт. 5, 4).

До грехопадения Адам внимал Самому Богу, так что ему было о чем поведать. Но не все его дети хотели знать о сотворении мира, о жизни в раю, о грехопадении и надежде на грядущее избавление. Только Сиф услышал, поэтому именно его имя и стоит сразу после имени Адама.

О Сифе сказано, что он «жил сто пятьдесят лет и родил Еноса. По рождении Еноса, Сиф жил восемьсот лет, и родил сынов и дочерей» (Быт. 5, 6–7). И Сиф тоже передавал своим детям, что узнал от Адама, но только Енос принял и сохранил в памяти, одновременно запомнив и имена предков, донесших эти знания.

И так далее. И закономерно, что именно человек из этой цепочки, Ной, десятый от Адама, «обрел благодать пред очами Господа» и был единственным, чье потомство заново после потопа продолжило человеческий род. Остальная земля, потерявшая духовную и историческую память, «растлилась пред лицем Божиим, исполнилась ... злодеяниями» (Быт. 6, 11) и погибла.

Духовным преемником Ноя стал Сим. И в дальнейшем, несмотря на многочадие, цепочка благочестивого предания была столь же узенькой.

И как всегда, не случайно именно Аврааму, одиннадцатому от Сима, однажды сказал Бог: «пойди из земли твоей, от родства твоего, из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ» (Быт. 12, 1).

Авраам родил Исаака, Исаак Иакова, Иаков двенадцать сыновей, от которых пошел целый народ, помнящий свое родословие. Но тут уже далеко не у всех памятование предков совпадало с личным благочестием. Помнить стало выгодным. Это уже не только вселяло уверенность, что являешься прямым наследником благословений, данных Аврааму, но и давало право на владение участком в земле обетованной. Да и другие права. Например, те потомки Левия, которые после Вавилонского плена не могли предъявить родословий, лишились права священнослужения...

Но какое отношение к этому родословию, оборвавшемуся две тысячи лет назад, имеем мы, современные христиане, из всех народов пришедшие ко Христу?

А самое прямое: от Иисуса Христа, Которым завершилось родословие по плоти, начинается столь же осязаемая цепочка родословия по духу. Господь, благовествованием родив Своих Апостолов, послал их в мир. Они рукополагали своих преемников, епископов. История хранит имена всех епископов по преемственности во всех землях. Епископы рукополагали священников, священники крестили людей.

Таким образом каждый христианин через новое, духовное рождение восходит к самому Христу, а через Христа по плоти и к самому Адаму.

Вот что такое для нас, христиан, библейское родословие!

Некоторым становится скучно читать эту вереницу имен. Но по-настоящему-то от этого чтения должно захватывать дух: вот оно — все здесь! И начало, и конец; и духовное, и в то же время осязаемое; и твердо стоит на земле, и одновременно касается неба.

И никакая обезьяна не вклинится в эти накрепко соединенные звенья!

А главное, чувствуешь себя неотрывным листком на древе Богом сотворенного и спасенного человечества, «благодаря всегда за все Бога и Отца во имя Господа нашего Иисуса Христа».

О силе Священного Писания

Среда **Лк. 4, 1–15**
Еф. 5, 25–33

Господь Иисус Христос после Своего крещения был сорок дней в пустыне, «искушаем от диавола».

Диавол попытался дать Ему три совета. И мы сегодня, не касаясь сущности этих советов, обратим внимание только на один момент: какое слово говорил Господь перед каждым ответом.

А говорил Он: «написано». Или «сказано». Таким образом Сам Бог, Чьим Духом через пророков дано Священное Писание, подтверждает вечное значение этого Писания для успешной борьбы с диаволом.

Кстати, в отличие от нас, диавол прекрасно знает эту силу, и даже иногда пытается использовать ее, чтобы вернее

погубить человека. Предложив Иисусу броситься с крыши храма, он ссылается на девяностый псалом, и тоже говорит: «... ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».

Но Господь, как всегда, отвечает этому лукавому «знатоку» Писания: «Сказано: «не искушай Господа Бога твоего». Бог, если что, не даст преткнуться Своему избраннику; но специально бросаться с высоты, проверяя верность Божьего слова, недопустимо. И на все эти «написано» и «сказано» диаволу нечего отвечать, и он отлетает как пух от ветра.

Итак, Господь Своими ответами показывает, в чем наша сила против диавола, против его заманчивых, лукавых предложений. У нас всегда должно быть наготове слово из Писания, на все случаи жизни. «Написано», и это последний суд, последняя, высшая инстанция.

Обратим внимание еще и на то, что Господь не говорит: «написано тебе». Все Его ответы имеют смысл: написано Мне, как единственному читателю; именно я должен не искушать Господа Бога, именно я должен только Ему поклоняться.

Так и каждый человек должен воспринимать Слово Божие, и делать то, что предписано ему, независимо от того, делают ли другие то, что предписано им.

Например, в отношениях мужа и жены. Жене написано: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу. Потому что муж есть глава жены, как Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела» (Еф. 5, 22–23). А мужу заповедано: «Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя, ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как Господь Церковь».

Поэтому как бы ни искушал диавол жену, дескать, муж твой не прав, сделай по-своему, — жена должна сказать: написано: «повинуйтесь своим мужьям, как Господу». Уступи ради Христа. Бог увидит твое желание выполнить заповедь, и не останешься посрамленной. И даже если от твоего послушания будет неудача в делах, все равно скажи: слава Богу, я сделала свое главное дело, выполнила заповедь, а удача или неудача, все от Господа!

А когда мужу диавол внушает — силой требовать от жены покорности, муж должен ответить: написано: «любите своих жен, как свои тела». Больную руку не спешат отсечь, а еще более о ней заботятся.

Так, не напоминать ближнему о его обязанностях надо, а помогать их выполнять. И жена должна помочь мужу выполнить то, что заповедано ему, то есть помочь видеть в ней действительно его плоть, которая за ним, как нитка за иголкой.

И муж должен помочь жене увидеть, что он действительно — глава, для которой равно значима боль обоих; что он действительно любит жену, как Христос Церковь, готов быть распятым за нее, и ради нее распять свой эгоизм.

Да, «тайна сия велика». Но ключ к ней всегда в твоих руках: несмотря ни на что, делай то, что именно тебе предписано Господом. А Он Сам сделает все остальное.

О рабах и господах

Четверг **Лк. 4, 16–22**
Еф. 5, 33–6, 9

Однажды в синагоге Господь Иисус Христос, открыв книгу пророка Исаии, прочел: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу». Прочитав это вслух, Он прибавил: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами».

А это было еще только в начале земного служения Господа Иисуса.

Но вот дело Его завершено, по всей земле проповедуется имя Христово, и вдруг — ученик Христов не только не выпускает на свободу рабов, но еще и побуждает их повиноваться господам «не с видимою только услужливостью, как человекоугодники», но «со страхом и трепетом, ... как Христу»!

И не только власть господ над рабами, но и власть мужа над женой Апостол усиливает, повелевая: «жена да боится своего мужа».

Но во-первых, Господь не обещал своим последователям легкой жизни. Он прямо говорил: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33).

А когда «некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство», Господь ответил: «кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лк. 12, 13–14).

Насчет же всякого насильственного передела собственности Он говорил: «Все, взявшие меч, мечем погибнут» (Мф. 26, 52).

Тяжесть любых социальных связей со временем смягчается привычкой. И когда какой-нибудь «заступник народный» начинает сплеча рубить эти узлы, все обнажается и обостряется, на каждом конце возникает по новому узлу, и часто это последнее бывает хуже первого.

Господь же, не трогая существа социальных отношений, просто бросает в каждую из сторон семя своего учения. Одно говорит господам, другое подвластным; одно мужу, другое жене; одно родителям, другое детям. Чтобы каждое поле постепенно принесло плоды на общую пользу.

«Любящим Бога ... все содействует ко благу» (Рим. 8, 28). Господь и хочет, чтобы всякий христианин извлек предельную пользу из своего социального положения. Рабам слово Божие повелевает подчиняться господам, «как Христу». Смирение пред видимой человеческой рукой помогает смириться пред невидимой рукой Божьей, чтобы потом в рабстве ли, в свободе ли — острее чувствовать над собой Божественную власть.

Но и господину, уверовавшему во Христа, Апостол не предписывает тут же отпустить рабов, сбросив с себя и ответственность за них. Кто долго был рабом, тот долго среди свободных людей с сожалением вспоминает минувшие времена. Как и вышедшие из рабства евреи долго еще вспоминали ту относительную стабильность, к которой привыкли в Египте. Поэтому Апостол советует господам: «И вы, господа, поступайте с ними, также умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия».

И в рабах Апостол старается воспитать чувство подвластности Небесному Господу, и в земных господах — чувство причастности милосердию и любви Небесного Отца.

Так же и мужу, так же и жене.

Так же и детям: «Дети, повинуйтесь своим родителям, ибо сего требует справедливость. «Почитай отца твоего и мать», это первая заповедь с обетованием: «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле».

А родителям сказано: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших», а в послании к Колосянам прибавлено: «... дабы они не унывали» (Кол. 3, 21), «но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем», и конечно же не просто словами, но своей жизнью, своим примером.

На жизненных ситуациях царства земного Господь хочет вырастить граждан Царства Небесного, ввести их в истинную свободу жителей этого Царства, чтобы уже ничто не могло поработить нас, боящихся только своего Господа и служащих только Ему одному.

О разных молитвах

Пятница **Лк. 4, 22–30**
Еф. 6, 18–24

Часто возникают споры: какими молитвами лучше молиться, какие молитвы вернее дойдут до Бога?

А между тем, исчерпывающий ответ на этот вопрос уже давно дал Апостол Павел: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время».

Есть у нас и книга псалмов Давида, есть молитвы других ветхозаветных мужей. Есть краткие молитвы разных людей, на которые Господь ответил. Например, «Боже, милостив буди мне грешному» (Лк. 18, 13), или: «Верую, Господи, помоги моему неверию» (Мк. 9, 24). Есть у нас молитвенные правила, связанные с именами, например, Василия Великого или Иоанна Златоуста. Есть и древние церковные чинопоследования, есть и более поздние каноны и акафисты. Есть, наконец, краткие общепринятые призывания: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»

А также — краткие молитвенные призывания Божьей Матери и других святых.

Сказав «всякою молитвою», Апостол не запретил молиться и своими словами.

Но для православного сознания свойственна смиренная готовность учиться молитве. Всему надо учиться: и как вести себя в обществе, и тем более — как говорить с Богом, как к Нему обращаться, о чем просить, за что благодарить. Не зря же Господь на просьбу учеников научить их молиться дал «готовую» молитву «Отче наш».

А что касается протяженности или краткости, то не всякий имеет такую святую простоту, такое совершенство, как, например, преподобный Амвросий Оптинский. На вопрос, какое у него молитвенное правило, он ответил: «раньше много у меня было правил, а теперь одно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Душа же начинающего еще не устроена. Она не может всю себя вложить в простое «Господи, помилуй!» Ей более подходят протяженные молитвы, которые позволяют задеть каждый уголок души, припомнить каждый грех, выразить разные благие движения сердца.

Так что всякой молитвой надо молиться: и пространной, чтобы охватить все уголки души, и краткой, пытаясь всю душу собрать в единое устремление.

Главное, чтобы молиться «духом», чтобы молитва исходила из сердца.

А также — чтобы это было «со всяким постоянством».

И обязательно с «молением о всех святых», помня, что я не один, но есть — мы, вся Церковь (Отче наш).

Можем молиться и о послаблениях в земной жизни, и о избавлении от страданий, в чем Сам Господь подал пример. Он знал, что пришел испить Свою Чашу, и все же молился накануне: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия»!..

И мы свои прошения должны заканчивать, как Он закончил Свое: «... впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39).

И еще важно при самых усердных молитвах все же не на себя надеяться, но на молитвы наших братьев о нас. И сам великий труженик и молитвенник Апостол Павел всегда и всех просил: «молитесь ... о мне, дабы мне дано было слово — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, ... дабы я смело проповедовал, как мне должно».

О радостном утре

Суббота **Лк. 4, 32–36**
1 Кор. 15, 39–45

В пятнадцатой главе первого послания к Коринфянам Апостол Павел обличает тех, которые хотя и считали себя христианами, но не верили в грядущее воскресение всех умерших.

И сначала он пишет о воскресении Самого Господа Иисуса. Ведь факт, что «Христос умер за грехи наши», «что Он погребен был, и что воскрес в третий день», — подтверждается многими свидетелями. Воскресший Христос Сам «явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых» (1 Кор. 15, 3–6). Так что насчет этого никаких сомнений быть не может.

А грядущее всеобщее воскресение, это как раз то, ради чего Христос и умер, и воскрес. И если этого не будет, «то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают» (1 Кор. 15, 13–15).

Апостол говорит и о логичности, и о нравственной необходимости воскресения. А потом обращается и к самым пытливым, которые дерзновенно интересуются подробностями, как именно это произойдет?

Им Апостол говорит: «Безрассудный!..» И как же не безрассудный, когда думаешь, что все способен понять, вместить, представить себе?! Ты допытываешься, какою будет воскресшая плоть, но разве ты уже разобрался с той обычной плотью, в которой существуешь и ты, и все вокруг тебя? «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело».

Мы сеем именно «голое» зерно. Мы сеем из года в год и знаем, что вырастет из посеянного. Но если бы любое зерно попало в наши руки впервые, то никто из людей не мог бы

не то что предсказать, что именно из него вырастет, но и вообще не мог бы сказать, что это такое. Потому что тело этому зерну, способность расти и плодоносить дает именно Сам Бог, дает, «как хочет, и каждому семени свое тело» (1 Кор. 15, 38). Так и в растительном мире, и в животном, и в человеческом. Ибо «не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц».

Бог может дать тело и совсем без зерна. Так, есть «тела небесные». И — «иная слава небесных, иная земных; иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе».

Тайна нынешней плоти ничуть не меньше, чем тайна будущей. Но одно их объединяет: и в том, и в другом случае «сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе».

Мы знаем, что тления, немощи и уничижения не избежать никому. Но мы верим, что силою Воскресшего Христа это — единственный путь к нетлению, славе и силе. «И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного».

А пока перед нами лишь могилы. Но когда мы посещаем их, особенно, как в последнее время вошло в обычай, на Пасху, то даже неверующие испытывают какую-то торжественность и праздничность. Мы идем как на только что засеянное поле. Все сокрыто в земле — в тлении, в уничижении, в немощи, и все кажется мертвым.

Но в воздухе все сильнее чувствуется весна.

И в душе оживают слова, которые так часто писали на могильных плитах, и в которых заключена совершенная правда, глубокая вера, и глубокая нежность:

«Покойся, милый прах, до радостного утра!»

О неоскудевающей руке

Неделя 18 **Лк. 5, 1–11**

2 Кор. 9, 6–11

Побуждая христиан давать милостыню, Апостол открывает такую закономерность: «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет». И указывает

на Того, Кто Сам лично заботится, чтобы щедро сеющий получал достойную жатву: «Бог силен обогатить вас всякою благодатью». А насколько Он действительно «силен», видим хотя бы из сегодняшнего Евангелия.

Однажды в самом начале Своего служения Господь пришел на берег Геннисаретского озера. Народ теснил Его. Господь вошел в лодку Симона-Петра, велел немного отплыть от берега и стал учить из лодки. «Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова». Это было время, когда рыба в тех местах не ловится. А они и в ночное, благоприятное время ничего не поймали. «Но по слову Твоему, — говорит Петр, — закину сеть».

И «поймали великое множество рыбы». Как из рога изобилия, эта рыба хлынула из бездны, и сети прорывались, и даже позвав товарищей, не могли справиться, так что и лодки начали тонуть...

И этот рог изобилия может по воле Божией открыться в любое время, в любом месте. Ведь Бог среди нас. Многие могли бы рассказать и о чудесах в своей жизни, и о том, как щедро посеянное приносило богатые плоды. Бог хочет, чтобы мы, «всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело».

А самое первое доброе дело — знать Господа Бога и во всем видеть Его промыслительную руку. Те иудеи, которые после чудесного насыщения пятью хлебами толпой хлынули за Иисусом, сделали это «не потому, что видели чудеса, а потому, что ели хлеб и насытились» (Ин. 6, 26).

А Петр, забыв о рыбе, в ужасе «припал к коленам Иисуса и сказал: «выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный». И когда Господь сказал: «не бойся; отныне будешь ловить человеков», Симон и его друзья, «вытащив обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним». И в конце концов получили ни много ни мало — ключи от Небесного Царства (Мф. 16, 19)!..

Так что если хочешь щедро пожать, сей щедро. А когда будет богатая жатва, поступи хоть в какой-то мере как Петр, посвяти Богу хотя бы начатки твоих доходов, чтобы рука Божья не оскудевала для тебя, и чтобы ты всегда со священным ужасом чувствовал ее рядом.

А если просишь богатства ради самого же богатства, Господь и тут может уступить твоей настойчивости. Но получится как у прихотливых израильтян. Во время странствования им надоела манна, и возжелали они мяса, и стали плакать и сетовать, и вспоминать, как они ели его в Египте.

И тогда Господь сказал через Моисея: «так как вы плакали вслух Господа и говорили: кто накормит нас мясом? хорошо нам было в Египте», — то и даст вам Господь мясо, и будете есть. Не один день будете есть, не два дня, не пять дней, не десять дней и не двадцать дней; но целый месяц, пока не пойдет оно из ноздрей ваших, и не сделается для вас отвратительным, за то, что вы презрели Господа, Который среди вас».

СЕДМИЦА 19-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О последовании событий

Понедельник **Лк. 4, 37–44**
Флп. 1, 1–7

Вчера мы читали, как Господь призвал первых Апостолов, а сегодня — как Он пришел в дом Петра и исцелил его больную тещу. У Матфея и Марка эти события располагаются именно в таком порядке.

А согласно Луке, Иисус сначала зашел к Петру, а уже потом призвал его у Геннисаретского озера, обещая сделать ловцом человеков.

Какой рассказ соответствует истине? Как это ни парадоксально, и тот, и другой.

Известно, что Лука писал позже Марка и Матфея. Свое Евангелие он так и начинает: «Как уже многие начали составлять повествование о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, — то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать» все важнейшее и достовернейшее.

Каждое время ставит свои задачи. Сначала надо обратить, потом углубить обращение. Все, что мы читаем в Евангелии, сначала вмещалось в одно слово: «Покайтесь!»

Апостолы учитывали духовный возраст слушателя. Сначала — «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (Кор. 2, 4). А потом «между совершенными» проповедовали духовную мудрость.

Так, Матфей и Марк показывают силу слова Господа Иисуса Христа, а также — что Апостолы с самого начала были свидетелями всего, о чем возвещают миру. Поэтому эпизод у озера у них — сразу после искушения в пустыне. А Лука пишет спустя несколько лет: он обращается к некоему Феофилу, уже наставленному в учении, и цель Луки — укрепить его, дать «твердое основание» веры (Лк. 1, 4). А основание тем тверже, чем на большее количество вопросов «как?» и «почему?» дается ответ.

Почему же Петр вдруг сделал такой решительный выбор?.. А в том-то и дело, что не «вдруг». Заметим, что Иоанн Богослов, который писал намного позже, счел нужным сообщить и еще один факт, предшествовавший окончательному призванию Симона-Петра. Сразу после Богоявления, еще в Иудее, первозванный Андрей «находит брата своего Симона», «и приводит его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: «камень» (Петр)» (Ин. 1, 41–42).

Так, еще в Иудее Петр увидел Его прозорливость и услышал пророчество о себе. Но время еще не пришло, они расстались. Придя в Галилею, Иисус зашел в дом уже знакомого Петра и исцелил его тещу. Петр и тут еще не последовал за Ним. И только после чудесного лова рыбы Петр припал к ногам Учителя и навсегда остался с Ним.

Так, не умаляя ни призывающей силы Господней, ни чудесной решимости учеников, Лука дает и возможное психологическое обоснование этой решимости.

Вообще мы видим, что Петру, который должен будет некогда «обратившись, утвердить братьев своих» (Лк. 22, 32), Господь и времени уделял больше. Он тщательнее, и даже суровее воспитывал его, чтобы Петр, ступенька за ступенькой, поднимался по лестнице Богопознания. А кто прошел

более трудный и последовательный путь обращения, тот может успешнее утверждать в вере других.

О Боге и Божьем человеке

Вторник **Лк. 5, 12–16**
Флп. 1, 8–14

Когда Господь исцелил прокаженного, Он велел во-первых «никому не сказывать», а во-вторых — «пойти и показаться священнику и принести жертву свою, как повелел Моисей».

«Но тем более распространялась молва о Нем, и великое множество народа стекалось к Нему — слушать и врачеваться у Него от болезней своих. Но Он уходил в пустынные места и молился».

В жизни последующих учеников Христовых, преподобных и Богоносных отцов, видим нечто подобное. Как только подвижник достигает духовной высоты, Бог открывает дорогу в его уединение. И приходят не только те, кто хотел бы научиться идти тесным путем, но и те, кто хотел бы расширить свой путь, стесненный Божьей волей.

И как прежде Христос, так и во все времена — Божий человек не отвергает и таких. Сам добровольно несущий бремя болезни, других он исцеляет. Сам стремящийся предстоять Богу в уединенной молитве, он снисходит к самым обыденным людским делам.

Однажды к преподобному Амвросию Оптинскому пришла крестьянка с просьбой помолиться о ее индюшках, и он обещал. И сказал окружающим: «ведь в этих индюшках вся ее жизнь!»

Где истинная духовая высота, там нет высокомерного презрения к слабому брату.

И как Сам Господь, Божий человек не хочет, чтобы о нем шла молва. Чудеса он старается совершать прикровенно, например, посылает омыться в таком-то источнике. Как и Сам Господь однажды послал слепорожденного к Силоамской купели (Ин. 9). А если невозможно скрыть силу своей молитвы, он, как и Господь, искренне просит не разглашать.

Исцеленным он говорит то же, что в разных случаях говорил Господь: «вера твоя спасла тебя» (Мф. 9, 22). Или: «вот ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» (Ин. 5, 14).

И главное, как сегодня мы слышали, Господь велел очистившемуся прокаженному «пойти показаться священнику и принести жертву за очищение свое, как повелел Моисей». И не какому-то особенному, но просто священнику.

Новозаветному священнику дано несравненно больше, чем ветхозаветному. Ему дано поистине, а не условно прощать грехи и соединять человека с Богом. Своей жизнью он должен являть образ Иисуса Христа.

Но все-таки священство не порождается личными качествами, а дается в епископском рукоположении. И Божий человек, который осуществил в себе образ Христа, вразумив и исцелив человека, все равно посылает его «показаться священнику», служащему поблизости, у кого можно будет регулярно исповедоваться, просить совета и молитв о себе.

Конечно, далеко не от всякого священника услышишь, что Филлипийцы слышали от Апостола Павла: «Бог свидетель: что люблю всех вас любовию Иисуса Христа» и «молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала».

Но у нас есть Священное Писание и множество примеров жизни истинных христиан. Посмотри во все это, как в зеркало, и постарайся вынуть бревно из своего глаза. И снова «покажись священнику». Ведь известная пословица «каков поп, таков и приход» имеет и обратное действие. Над нами Всеведущий и Всемогущий Господь. Он в силах дать достойным людям достойного пастыря.

Одного мудрого старца прошлого века спросили: «Почему сейчас нет таких наставников, как раньше?» Он ответил: «Потому что сейчас нет истинных послушников, готовых принимать наставления и жить по ним».

Поэтому — и веруй, и не греши, и будь со священником. И если сам будешь усерден, то Господь подвигнет и твоего пастыря серьезнее относиться к своим обязанностям. А если он будет упорно пребывать в нерадении, то Господь отвергнет его, и хоть из камней воздвигнет тебе другого, которого ты достоин, и который достоин тебя во славу Божию и во спасение вам обоим.

О делающем, Помогающем и мешающем

Среда **Лк. 5, 33–39**
Флп. 1, 12–20

Все мы ощущаем, что враг нашего спасения постоянно строит козни, стараясь или увлечь на путь погибели, или извратить добрые начинания. Но и Господь ни на миг не отходит, помогая на благом пути, и обращая на пользу все губительные замыслы врага.

У Апостола Павла не было прямого намерения идти в Рим. Но по прибытии в Иерусалим он был схвачен иудеями и чуть не растерзан. Его отбили римские воины и тоже чуть не предали пытке. Казалось бы, враги могут торжествовать.

Но среди этого мрака, в иерусалимской темнице Сам «Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян. 23, 11). А Павел и был римским гражданином, и поэтому подлежал суду императора.

И вот уже из римской тюрьмы он пишет: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие».

Ободрились не победой, не успехом, а видимым поражением!

И всегда сила Божия действует в человеческой немощи. Сколько примеров, когда мучения исповедников веры и самих мучителей устрашали, и слабых укрепляли, и язычников заставляли объявлять себя христианами, — настолько в этих страданиях видна была победа жизни над смертью, Христа над миром!

Но видя пользу своих уз, Апостол видит и другое. Одни, ободренные его узами, «с должным расположением пропо-

ведуют Христа». А иные, хотя тоже проповедуют, но делают это «по зависти и любопрению».

Не имея сил заглушить слово о Христе, диавол извращает начальные побуждения этих проповедников, вселяя страсть к первенству. Одержимым этой страстью все равно: «за» или «против» — лишь бы бороться, побеждать и потом величаться победами. У них бывает и зависть к тому, кто делает то же дело более успешно. И даже знал Апостол, что у некоторых есть прямое желание «увеличить тяжесть уз» его, как более славного собрата во Христе!

Но понимая, что не в его силах добиться абсолютной чистоты помыслов сотрудников, Апостол пишет: «Но что до того? Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренне, я и тому радуюсь, и буду радоваться».

Поэтому и мы не должны смущаться, если рядом порой трудятся не совсем добросовестные люди. Тем более — не бросать дела по этой причине, как будто мы одни на свете такие чистые и честные!

В любом искушении необходимо найти о чем порадоваться и за что поблагодарить Бога. А Господь, «как и всегда», рядом. Как и всегда, Он придет на помощь, едва иссякнут человеческие силы. Как и всегда, Он возвеличится к Своей славе и ко спасению всякого искреннего, добросовестного и смиренного труженика.

О совершенной свободе

Четверг **Лк. 6, 12–19**
Флп. 1, 20–27

Что такое свобода? Все ощущают ее важность.

Но для одних свобода — исполнить любое свое желание.

Другие, наоборот, считают наши желания причиной нашего порабощения. Для них путь к свободе — в умерщвлении желаний.

Есть и такие, для кого важно лишь переживание своей свободы, ощущение безграничности возможностей. Сделать же выбор, значит от свободы отказаться.

В Ветхом Завете о свободе говорится лишь как о свободе от физического рабства.

И только в Новом Завете — торжество истинной свободы.

Воплотившийся Бог освобождает людей от власти бесов, от оков болезней, чтобы дать возможность сделать свободный выбор: либо пойти за Освободителем, либо вернуться в прежнее рабство греху.

Господь также освобождает от ветхозаветных предписаний, от этого «детоводителя ко Христу» (Гал. 3, 24).

Дается даже — самим выбрать суд, каким хотим быть судимы. Не окажешь, или окажешь милость, и получишь: либо «суд без милости» (Иак. 2, 12–13), либо наоборот.

Но свобода выбора еще не есть совершенная свобода. Неправильный выбор может стать «поводом к угождению плоти» (Гал. 5, 13), или послужить «соблазном для немощных» (1 Кор. 8, 9). Да и под «суд без милости» можно угодить.

А ведь Господь обещал полную, совершенную свободу. Он говорил: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32).

А что такая свобода возможна, свидетельствует апостол Павел в послании, написанном из римской тюрьмы. Когда-то уже сделав с Божьей помощью свой главный выбор, теперь он снова стоит на развилке, стоит и говорит, как говорят люди, объятые нерешительностью: «Не знаю, что избрать»...

Но между чем и чем он остановился?

Оказывается, между жизнью и смертью! Обычный человек, если он в этой жизни преуспел, при мысли о смерти трепещет, видя в ней конец всякой свободы. А если он порабощен и загнан в угол, то начинает стонать: «скорей бы меня Бог призвал!» Или рабская привязанность, или столь же рабское желание сбежать.

А что выбирает Павел? Откуда его нерешительность? Страшит ли его дыхание смерти, или тяготит жизнь, полная бесконечных трудов и бед? Оказывается, его «влечет... то и другое»!

Да, тут даже не «если Бог даст и живы будем, то сделаем то или другое» (Иак. 4, 15). Тут уже именно «влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас».

И в конечном итоге он сам ничего не выбирает, но с радостью принимает Божью волю: «И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере».

Вот истинная свобода, истинное избавление «тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2, 15).

И отсюда радость Апостола и гонениям, и даже желанию некоторых «увеличить тяжесть» его уз: «я и тому радуюсь, и буду радоваться. Ибо знаю, что это послужит мне ко спасению по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа». И отсюда его уверенность и надежда, «что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение».

Один вид такого человека достаточен «для успеха и радости в вере, ... для умножения славы во Христе». Все ищут даже просто прикоснуться к нему, потому что и от него исходит сила, как от Иисуса Христа «исходила сила, и исцеляла всех».

Апостол и всех призывает «жить достойно благовествования Христова», чтобы это было в свободе, независимо от похвал или порицаний, «чтобы мне, приду ли я, ... или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру евангельскую».

Тогда и гонения вдруг становятся знаком высочайшего доверия нашего Господа: «Потому что вам дано (!) ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне».

О нищих, алчущих и плачущих

Пятница **Лк. 6, 17–23**
Флп. 1, 17–24

Евангелист Матфей так начинает излагать одну из бесед Господа Иисуса Христа: «И увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он,

отверзши уста свои, учил их»... Согласно Матфею, эта беседа и получила название «нагорной» (Мф. 5).

А евангелист Лука пишет, что она была произнесена «на ровном месте».

Кому отдать предпочтение?

Похоже, Матфей дал лишь краткое вступление, стараясь поскорее перейти к изложению главного. Лука же, как обычно, «по тщательном исследовании всего сначала» (Лк. 1, 2–3), точнее восстановил подробности. Все осталось, но все встало на свои места. Осталась и гора, на которую Господь взошел, чтобы по своему обыкновению провести «всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день», Он призвал «учеников Своих, ... избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами». А потом уже «сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его».

Но почему-то из девяти блаженств, приводимых Матфеем, Лука приводит только первые. Начинает он, как и Матфей: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие».

Нищих постоянно видим на улице. Они стоят и просят: подайте на пропитание!.. Не требуют и ничего не обещают взамен, зная, что ничего у них нет и не будет, и ни на что не имеют законного права, и нет у них сил, чтобы заработать своими руками. Они готовы терпеть всякое унижение, лишь бы не прогнали.

Точно также и ощущение своей духовной нищеты побуждает день и ночь стоять как бы с протянутой рукой пред очами Божьими и просить, бия себя в грудь и не смея поднять глаз, как просил мытарь: «Боже, милостив буди мне грешному!» (Лк. 18, 13).

Иными словами, ощущение своей духовной нищеты есть прямое побуждение к постоянной молитве. И как нищему не придет в голову гордиться тем, что он попрошайничает, так и истинному молитвеннику не придет в голову хвалиться, что он постоянно молится.

И нет у истинного молитвенника такого момента, когда мог бы сказать: я все получил, больше просить незачем!

И даже когда почувствует приближение Господа, его молитва не прекратится, но станет еще горячее.

И плачущие — только те блаженны, которые плачут о своей духовной нищете. Потому что плакать можно по-разному. И хотя слезу от слезы не отличишь, но не всякая слеза к утешению.

Есть слезы и к смерти, если они о потере земных благ (2Кор. 7, 10).

Есть «плач и скрежет зубов» (Мф. 24, 5), когда плачем не с молитвой и надеждой, но терзая себя воплями: «Как мог я так поступить! Как мог я, такой замечательный, так пасть! Нет мне пощады! Никогда не прощу себя!»

Есть и плач просто сочувствия плотскому страданию, как «плакали и рыдали» о Иисусе, шедшем на казнь. «Иисус же, обратившись к» этим плакальщицам, сказал: «Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 23, 27–28).

И «алчущие» блаженны лишь те, что даже среди изобилия всяких благ не насыщаются, но непрестанно ищут «единое на потребу» (Лк. 10, 42), могущее насытить человеческую душу.

Таким образом, как всегда «по тщательном исследовании», — но теперь уже исследовав не обстоятельства, а сущность учения Христова, — Лука приводит только те из евангельских блаженств, которые имеют фундаментальное значение, которые сами собой способны привлечь Божью благодать, а вместе с нею и кротость, и милосердие, и чистоту сердца, и дар миротворчества.

И если первая и главная ветхозаветная заповедь — «Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из дома рабства» (Исх. 20, 2), то первая и главнейшая заповедь Нового Завета — «блаженны нищие духом».

И — торжество спасения, когда такой нищий, плачущий, алчущий находит, наконец, своего Бога, Который и Сам уже давно ищет его, Который обогатит, утешит, насытит, выведет из рабства греху и введет в обетованную землю Небесного Царства.

О том, что легче сказать

Суббота **Лк. 5, 17–26**
1 Кор. 15, 58–16, 32

Однажды некоторые люди положили пред Господом Иисусом расслабленного, и Господь, «видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои. Книжники и фарисеи начали рассуждать, говоря: кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, уразумев помышления их, сказал им в ответ: что вы помышляете в сердцах ваших? Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи?»

А, правда, что легче сказать?..

Кто может похвалиться, что хоть раз в жизни услышал «встань и ходи» и тут же увидел свершение этих слов?

Слова же «прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих» церковный человек слышит довольно часто. И самому священнику не так уж трудно их произносить. Ведь он отпускает грехи, совершенные кем-то против кого-то, но — с такой ли легкостью простит он даже единственный грех лично против себя?

Пусть все так. Но попробуй сам произнести то, что произносит он... Церковный человек с ужасом отшатнется от такого предложения, понимая, что никто, даже самый чистый и святой, не сможет этого сделать, если не дано будет Богом в таинстве священства. И фарисеи были формально правы, когда искренне или притворно ужаснулись: «кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» Потому что все грехи, соделанные и против ближнего, и даже против самого себя, во-первых — против Бога, который все сотворил и всему дал закон и порядок.

Но Самому-то Богу легко ли произнести эти слова? Ведь Бог не только любовь и милость, но и справедливость. А справедливость — в том, чтобы за все было заплачено. И только кровью Единого Безгрешного можно было выкупить растленный грехом мир. Господь и пришел на землю, и воплотился именно «для того, чтобы взять грехи наши»

(1 Ин. 3, 5), и Он «умер за грехи наши» (1 Кор. 15, 3). А перед тем, как взойти на Крест, Он молился в Гефсиманском саду, и «был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 44).

Только Он в совершенстве знает, что такое жизнь, что такое смерть, что такое грех, и что такое прощение грехов. И все прощения, которые возвещались до и после Креста, все это — отголоски того единого предсмертного прощения, с Креста прозвучавшего: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

Так легко ли было это сказать, если вслед за этим «возопил Иисус громким голосом: ... Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил» (Мф. 27, 46)?..

Прощение грехов возвращает вечную жизнь, примиряет и соединяет с Небесным Отцом. И расслабленный получил это. Но так как это произошло до Креста, надо было наглядно показать и силу, и действенность Божественного слова. Поэтому Господь чуть позже сказал расслабленному: «встань, возьми постель твою и иди в дом твой».

Но как должно быть после Креста?

А после Креста это «прощаю и разрешаю» должно бы звучать с такой силой, что не захочешь услышать даже «встань и ходи», и уже с радостью понесешь крест болезни, чтобы справедливо заслуженными страданиями хоть как-то сострадать невинным, животворящим и спасающим страданиям Христовым.

О наградах

Неделя 19 **Лк. 6, 31–36**
2 Кор. 11, 31–12, 9

Евангелист Лука передает слова Христовы: «И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые делают вам добро, какая вам за это благодарность? Ибо и грешники то же делают. И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же».

А евангелист Матфей приводит еще и заповеди Господни о милостыне, молитве и посте (Мф. 6), и тоже с точки зрения ожидаемой награды. Там сказано, что если даешь милостыню, молишься или постишься напоказ, — уже получаешь награду от людей в виде удивления и восхищения, а от Господа, значит, ожидать тебе уже нечего.

Как если что-то вышло не по твоей воле, радуйся: значит вышло по воле Божией! — Так и тут: если избежал похвалы и благодарности от человеков, значит смело ожидай награду от Бога...

Вспомним житие святителя Николая. Вот он ночью, во тьме, крадется по улице, как крадется вор, чтобы украсть. А он для чего? А чтобы подбросить в окно нуждающемуся узелок с золотом, и чтобы никто у него самого не украл награду!

Но даже и высокие духовные дары, полученные в этой жизни от Самого Господа, не могут быть для истинного подвижника предметом похвалы пред людьми. С каким страхом, например, говорит Апостол Павел о своем прикосновении к будущему блаженству. Он и говорит-то как не о себе, а о ком-то постороннем: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, — в теле ли — не знаю, вне тела ли — не знаю: Бог знает, — ... был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими».

То, к чему лишь прикоснулся Апостол, и есть окончательная награда, не только приготовленная, но уже объявленная принадлежащей христианам. Ибо «нас, мертвых по преступлениям», Бог «оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены, — и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Иисусе Христе» (Еф. 2, 5).

А все остальное — как малое утешение капризному и нетерпеливому ребенку: чтобы успокоился и перестал плакать.

СЕДМИЦА 20-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О богатых, о ропщущих и о сомневающихся

Понедельник **Лк. 6, 24–30**
Флп. 2, 12–16

В пересказе евангелиста Луки Господь в Своей Нагорной проповеди изрекает кроме «блаженств» еще и «горе»: «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете».

Как видим, «горе» не просто богатым, но при этом еще и пресыщенным, и самодовольно смеющимся. Потому что такой человек никогда не возведет, вместе с пророком Давидом, очи свои «ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны» (Пс. 122).

Самодовольному богачу кажется, что он «разбогател, и ни в чем не» имеет «нужды...» Но Господь говорит ему: «...а не знаешь, что ты несчастен и жалок и нищ» (Откр. 3, 17). Премудрый Соломон молил Бога: «богатства не давай мне, — питай меня хлебом насущным, дабы пресытившись, я не отрекся от Тебя и не сказал: «кто Господь?» (Притч. 30, 9). Действительно, «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23).

Но достаточно ли быть бедным, и достаточно ли внешне быть делателем заповедей Божиих, чтобы войти туда?

И бедных Апостол предостерегает: «все делайте без ропота».

И делателям говорит: «Все делайте без ... сомнения».

Переносить бедность и унижение надо с радостным чувством, что идешь прямым, Христовым путем к спасению. А если даже подставляешь правую щеку после удара по левой, а в сердце ропот и уныние, то никакой ты не подвижник, а жалкий раб. Только бессилие заставляет тебя покоряться.

Известен рассказ из Патерика, как жили мать и две дочери. Жизнь матери прошла в бедности и страданиях. И вдруг после ее смерти было открыто, что она не с Богом! Потому что несла свой крест с постоянным ропотом.

Спасительна лишь добровольная жертва. Поэтому в житиях мучеников за Христа всегда подчеркивается момент свободного выбора. Мучители предлагают: поступи против совести, и живи. А он свободно и радостно выбирает страдания и смерть.

А сомневающийся, по словам апостола Иакова, «подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой» (Иак. 1, 6). Такой делает что-то по-видимому доброе скорее под напором внешних сил или корысти. А Господу угодна жертва чистая и непорочная.

Так что богатому надо чаще размышлять о бренности всего земного, вспоминая слова Апостола Иакова: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни» (Иак. 5, 1–3).

Сомневающемуся надо чаще спрашивать свою совесть: что же я делаю? Если доброе, то почему сомневаюсь? А если злое, то почему делаю?.. Однажды преподобному Савве Освященному в пустыне явился диавол в виде льва, который то наскакивал, то пятился от него. Савва спросил: если Бог укрепил тебя на меня, что пятишься? А если нет, что понапрасну наскакиваешь?

А ропотному и унылому терпеливцу, может быть, надо воспротивиться обстоятельствам и «ополчась на них, сломить противоборством». Все-таки будет труд, победа над трусостью, и не будет лицемерного обмана других, да и в первую очередь самого себя.

Об искании своего и угодного Иисусу Христу

Вторник **Лк. 6, 37–45**
Флп. 2, 17–23

Сообщив Филиппийцам о намерении послать к ним Тимофея, Апостол Павел так мотивирует это решение: «Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренне заботился о вас: потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу».

Однако же, хотя Апостол и говорит «все ищут своего», но ведь есть же у него и много иных сотрудников, о которых он с любовью вспоминает, и которых приветствует в своих посланиях...

Очевидно, искать «своего» и искать «того, что угодно Иисусу Христу» — не исключает друг друга. Господь сотворил нас, чтобы мы разделяли с Ним радость вечного блаженства. Так что желать себе блага, искать «своего» — естественно для человека и угодно Творцу.

Другое дело, что грех, извратив понятие о истинном благе, расколол сознание человека надвое. И одно почему-то стало называться «мое», а другое «не мое».

Господь же и тут не отрицает права искать «своего». Он не укоряет за то, что не хотим быть судимыми, хотим, чтобы нам все прощалось, и чтобы нам в изобилии давалось нужное для жизни.

Но Он подсказывает, как этого достичь: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам». «Ибо какой мерою мерите, такою же отмерится и вам».

Иными словами, когда нить моей воли начинает искать «мое», Господь заводит ее через «не мое», через моего ближнего.

Но что происходит дальше. Вот, последовав Божьим словам, почувствовал некоторую привязанность к ближнему. Почувствовал, что «не мое» на самом деле не совсем не мое, и захотел устранить то, что по-видимому мешает ему стать совсем «моим», и сказал: «брат! дай я выну сучек из глаза твоего».

И вот тут уже Господь завершает ваше соединение, замыкая на тебя самого нить твоей по-видимому благой воли.

Он говорит: «Что смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как можешь сказать брату твоему: «брат! дай я выну сучек из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоем глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего».

Только через общение с ближним, всегда непростое, открывается, что в твоем глазе бревно, которое не кому-то, а именно тебе может заградить вход в Царство Небесное. Пока его не вынешь, и ближнему не поможешь. «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый».

А всякое доброе дерево, прежде чем напитать кого-то плодами, сколько-то времени само должно укореняться в земле и набирать силу.

Лишь приобретя опыт в борьбе с собственными страстями, увидишь, как помочь брату.

А может быть после твоей победы над собой его сучок и сам выпадет.

А может быть своим, уже чистым оком увидишь, что никакого сучка в глазе брата вовсе и не было, и ничто вас по-настоящему никогда не разделяло...

Истинное единение достигается только таким, глубоким и основательным путем. В его основе — естественное искание своего личного блага, и открытое Богом знание, каким путем этого блага достичь.

И тогда даже в самых тяжелых обстоятельствах скажешь своим ближним: «если я и соделываюсь жертвой за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне».

О строительстве домов

Среда **Лк. 6, 46–7, 1**
Флп. 2, 24–30

Господь говорит: «Всякий, приходящий ко мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен: Он подобен человеку, строящему дом, который

копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение, и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое».

Тут имеется в виду не просто слышащий и не разумеющий, но слушающий активно: запоминающий, анализирующий, успешно сдающий экзамены, умеющий рассуждать на божественные темы, вовремя и к месту сказать нужное слово, дать верный совет.

Построенное им — тоже здание, настоящее, в котором можно жить. Внешне оно ничем не отличается от построенного на камне. Но при первом же искушении — где он? Что осталось от его «мудрости»?

«И разрушение его было великое», и тем большее, чем тщательнее строил, чем складнее говорил, чем больше знал, но... не исполнил собственной жизнью! И при всех своих отличных дипломах вдруг услышишь: «Что вы зовете Меня «Господи! Господи!» и не делаете того, что я говорю?»

И это — даже если не выполнил всего лишь «одну из заповедей сих малейших» (Мф. 5, 19)!

Апостол Иаков пишет о том же: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виноватым во всем» (Иак. 2, 10). Ибо Тот же, Кто повелел одно, повелел и другое.

Но не будем отчаиваться. Потому что Господь осуждает не тех, кто просто «нарушит одну из заповедей сих малейших...», но кто «...и научит так людей». Одно дело, когда нарушил по немощи, по невниманию, и от всего сердца раскаялся.

И совсем другое, когда упорно не хочешь видеть своих грехов, и особенно когда сознательно заявляешь, что нечто, сказанное Господом, можно и не соблюдать, что это либо заведомо неисполнимо, либо относится совсем не к нам. Вот именно тут начинаем строить на песке. Именно такие, не столько сами нарушающие, сколько одобряющие нарушающих (Рим. 1, 32), — своими человеческими мнениями раз-

рушают фундамент незыблемости и непререкаемости всего сказанного Господом Иисусом Христом.

И это, конечно, касается не только нраво-, но и вероучения.

Наш Символ веры тоже основан на Божественном откровении. И сознательно исказивший, изъявший или заменивший какой-либо из двенадцати его членов, становится «виновным во всем», становится потенциальным разрушителем и всего остального, взорвав Божественную неприкасаемость содержания всей нашей веры.

Как бы грандиозно, логично и красиво ни было построено это новое учение, оно будет на песке человеческого мнения, предпочтенного камню Божественного предания.

Так, если человек нарушит одну из статей гражданского закона, суд не рассматривает, какие статьи он не нарушил, и что нас с ним еще объединяет? Суд исследует, насколько он не раскаивается в своем нарушении. И в зависимости от этого отлучает его на какое-то время от сообщества людей, признающих одинаковую важность всех малейших заповедей.

О истинном обрезании

Четверг **Лк. 7, 17–30**
Флп. 3, 1–8

Рассказав Филиппийцам о своих узах, Апостол Павел, как всегда, прибавляет: «Впрочем, братия мои, радуйтесь о Господе. Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно».

Но и снова, как всегда, напоминает, что любая нынешняя радость, даже радость о Господе, не есть еще окончательная радость вхождения в Небесное Царство. Пока мы здесь, забываться нельзя, и Апостол пишет: «берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания». «Псов», то есть нападающих на Церковь извне; «злых делателей», то есть не по истине строящих церковную жизнь. И особенно останавливается на угрозе «обрезания».

Обрезание для него — символ ложной надежды на какие-либо дела, — дела ли это ветхого закона, или даже дела

личной праведности. Апостол противопоставляет этому истинное, духовное обрезание. Он пишет: «берегитесь обрезания, потому что» истинное «обрезание — мы, служащие Богу духом, хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся». Не что-то отсекаем от себя, и не какими-то делами откупаемся, но самих себя отсекаем от всего, и посвящаем Богу.

Апостол вспоминает, что когда это с ним произошло, когда он обратился ко Христу, — все остальное сразу потеряло цену. Хотя кому-кому, а Павлу было, на что надеяться: «Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности гонитель церкви Божией, по правде законной — непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа».

«Все почитаю тщетою», — говорит Апостол.

«Все», значит не только то, что чуждо Господу, но и что сделано ради Него. Ведь даже в отношении Иоанна Крестителя сказано, что хотя «из рожденных женами нет ни одного пророка больше» его, но если Сам Господь, единственно по Своей милости, не введет в Царство Небесное, то «меньший» там будет «больше его», великого Пророка, Предтечи и Крестителя!

Поистине приходящий к Богу во Христе говорит: я пришел и прошу принять меня не потому, что сделал что-то доброе и достойное; я дерзнул прийти только потому, что Господь мой Иисус Христос все сделал за меня. Он Своею жизнью и смертью заслужил мне вход в Царство Небесное. Не на себя надеюсь, не собой хвалюсь, но — Им. «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин. 3, 30).

Сыны века скажут: ну хорошо, Он сделал, а ты-то причем?

Да, это удивительно, и необъяснимо, и, согласен, несправедливо. И отвечают на этот вопрос только те преподобные и мученики, которые, узнав о Христе, сочли, подобно Павлу, тщетой свое знатное происхождение и богатство. А когда им

еще и посылались страдания, они не восклицали: «за что?! разве мало я сделал?», — но и это считали каплей в безнадежно пустую чашу благодарности своему Спасителю.

О мышлении совершенных

Пятница **Лк. 7, 17–30**
Флп. 3, 1–8

«Кто из нас совершен, так должен мыслить», — пишет Апостол.

Заметим, что не «так должен делать», но именно «так должен мыслить». Значит именно в мыслящей душе, в самом сердце находится тот признак, по которому «познал Господь Своих» (2 Тим. 2, 19).

А любое дело можно истолковать по-разному.

Об Иоанне Крестителе, который с детства жил в пустыне, ел скудную пищу, говорили: «в нем бес». А что же? и служители бесов порой отличаются крайним аскетизмом. Вспомним священномученика Киприана, который сначала был колдуном. И он на горе Олимп, в этом обиталище бесов, сорок дней и сорок ночей ничего не вкушал. А какой власти над своим телом достигают индийские йоги!

С другой стороны, за обликом человека, который общался с грешниками, ел с ними и пил вино, многие ли увидели Единого Безгрешного, воплотившегося Бога?..

Но как же все-таки должен мыслить совершенный христианин?

«Стремлюсь, — пишет Апостол, — не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее, и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе. Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить».

Итак, вот в чем совершенство: не в том, чего достиг и каким видишься людям; но как раз в том, чтобы искренне забывать все, чего достиг; чтобы ни во что вменять свои подвиги и заслуги, простираясь вперед, в надежде все-таки достичь Господа своей любовью, как Он Своей любовью до-

стиг тебя, в надежде «познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых».

Бывало, Господь отмечал, как совершенных, тех, кто еще ничего доброго не успел сделать, а только рванулся из тьмы греха, как например, Закхей мытарь (Лк. 19). Он только высказал намерение, а Господь уже засвидетельствовал о нем: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама» (Лк. 19, 9). А люди в это время осуждали не только Закхея, известного грешника, но и Самого Господа, Который на их взгляд осквернил Себя вхождением в его дом.

Ну кто, наконец, кроме Самого Иисуса Христа слышал, как разбойник возопил на кресте: «помяни меня, Господи...»? И кто кроме самого разбойника расслышал: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43)?.. А все вокруг считали обоих последними злодеями, по делам принимающими казнь.

А вот что говорит Господь тому, кто ослабил силу своей первой любви, приостановился, стал озираться и сравнивать себя с другими: «Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела, а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откр. 2, 4–5). Того, кто оставил свое первое горение и стал теплым, Господь грозит извергнуть «из уст Своих» (Откр. 3, 16). И это независимо от пройденного пути!

Помня все это, будем осторожны в суждениях, кто совершен, а кто нет. Например, когда поднимаются споры о чьей-то святости, о возможности канонизации.

И особенно страшно тут говорить против. Представим себе, что вдруг встал вопрос о канонизации благоразумного разбойника. Тут же нашлись бы противники, которые поставили бы на вид всю его гнусную разбойничью жизнь. Но непременно нашлись бы и ревнители, которые, напротив, стали бы восхвалять эту жизнь, дескать, сколько он людей своими злодействами, разумеется, не без воли Божией, отправил в Царство Небесное!..

А наше дело — лишь свидетельствовать о том, что сами видели и слышали, свидетельствовать перед судом тех, кто от Самого Господа «другдругоприимательно» облечен в Церкви властью «вязать и решить». Их сердце в руке Божией.

И через них Господь откроет нам тайну души того, кто так поразил нас своими внешними подвигами.

О самоприговоре

Суббота **Лк. 5, 27–32**
2 Кор. 1, 8–11

Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел сообщает о некотором искушении, бывшем с ним и его спутниками, искушении до того тяжком, что «не надеялись остаться в живых».

И чтобы научить нас, как поступать в таких случаях, Апостол рассказывает, как они поступили. А они «сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых».

«Сами в себе имели приговор к смерти»... Но что же тут удивительного? Разве мы и так уже словом Божьим не приговорены к смерти? Разве не было сказано Адаму после грехопадения: «прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19)?

Да, это было сказано. Но почему-то мы, пока не услышим приговора суда или врачей, упорно считаем себя вечными и бессмертными!

Еще сказано, что «нет праведного ни одного... все совратились с пути, до одного негодны» (Пс. 13, 1–3), то есть все нуждаются в спасении. Однако некоторые до того безнадежно не слышат этих слов, что Господу, пришедшему для спасения всех людей, приходится говорить: «Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию».

Сказано также: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными». А люди отвечали: «Мы ... не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: «сделаетесь свободными?» (Ин. 8, 32–33).

Так, есть открытая Богом истина; и наша задача — сделать ее своей истиной: самому понять, что ты грешен, самому понять, что ты раб, и самому по своим делам приговорить себя к смерти...

Чтобы помочь в этом, Господь и попускает такие искушения, как смертельная опасность. Это удобнейший слу-

чай вдруг увидеть свою полную беспомощность; увидеть всю убийственную силу греха, и что надеяться уже не на кого, кроме Бога, причем, Бога, даже не избавляющего от смерти, но воскрешающего прошедших через смерть!

Что и сделали от всего сердца Павел и его спутники.

А Господь вдруг избавил и «от столь близкой смерти», на что они уже не смели надеяться.

Но, приговорив себя к смерти, нельзя лукаво ожидать немедленного избавления.

А еще более надо опасаться другой крайности. Диавол может шепнуть: если уж ты, и притом совершенно справедливо, приговорил себя к смерти, то сам немедленно и исполни приговор, наложи на себя руки... Ведь он всегда старается столкнуть с царского пути: влево или вправо, вперед или назад, вверх или вниз, — лишь бы столкнуть. И всегда под благовидным предлогом.

Вот один пример. Некий человек пришел в храм. А у него был дар видеть то, чего другие не видят. Он постоял на Литургии, посмотрел, а потом говорит: «причащаться я никогда не пойду, и вообще не понимаю, как люди имеют наглость подходить к Чаше. Это такая святыня, от нее исходит такой Божественный свет!..»

А когда, спустя некое время, он все же пошел на исповедь, потом с восторгом рассказывал: «только я встал на ступеньку, чтобы подойти к священнику, как сразу почувствовал, что уже прощен! И даже можно было бы не подходить и не исповедоваться!..»

Отсюда и видно, что дар его не от Бога: враг то не давал подойти, вопреки словам Христовым: «пейте из нее все» (Мф. 26, 27); то старался опередить, не дать свершиться другим Господним словам: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 23).

Слово Божье надо внимательно слушать и тщательно исполнять. Приговорил себя к смерти, вот и жди ее, как торжества справедливости. А если угодно будет Господу, то сподобишься и отсрочки. Потому что, по большому счету, лишь приговоривший себя к смерти знает, на что употребить и оставшуюся жизнь.

О наинской вдове и царе Давиде

Неделя 20

Лк. 7, 11–16
Гал. 1, 11–19

Когда Господь приблизился к воротам города Наина, из них «выносили умершего, единственного сына матери, а она была вдова». Так, навстречу друг другу шли две процессии: и за Иисусом «шли многие из учеников Его, и множество народа»; и за покойником и его матерью «много народа шло... из города».

Вот эти две процессии соприкоснулись своими главами: впереди одной Иисус Христос, впереди другой — мертвец. И разве могли они просто так разминуться? Даже если бы Иисус не был Богом, а только одним из очередных учителей человечества, Он все равно не имел бы права обойти смерть, эту главнейшую проблему человеческой жизни. Он все равно должен был остановиться и сказать на эту тему хотя бы несколько слов...

Только разве бедной вдове нужно философское осмысление смерти? Ей нужен ее единственный сын!

И только Сам Бог мог его вернуть.

Иисус «подошед, прикоснулся к одру. ... Несшие остановились. ... И Он сказал: юноша! Тебе говорю: встань. Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его. И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой».

Но прежде чем вернуть сына, Господь потребовал от вдовы: «не плачь!»

Зачем бы это? Верни сына, и плач сам претворится в радость. Но Господь, ранее сказавший «блаженны плачущие» (Мф. 5, 4), теперь сказал «не плачь». Потому что «естественные», «природные» люди, которых Господь называет «язычниками», плачут и радуются не так, как Божьи люди. Вдова лишилась сына, и неутешно плачет.

А вот что рассказывает Писание о Божьем человеке, царе и пророке Давиде. Когда у него заболел ребенок, «молил-

ся Давид Богу о младенце, и постился Давид, и уединившись», лежал на земле. «На седьмой день дитя умерло, и слуги Давидовы боялись донести ему, что умер младенец; ибо, говорили они, когда дитя было еще живо, и мы уговаривали его, и он не слушал голоса нашего; как же скажем ему: «умерло дитя»? Он сделает что-нибудь худое. И увидел Давид, что слуги его перешептываются между собою, и понял Давид, что дитя умерло, и спросил Давид слуг своих: умерло дитя? И сказали Давиду: умерло. Тогда Давид встал с земли, и умылся, и помазался, и переменил одежды свои, и пошел в дом Господень и молился. Возвратившись домой, потребовал, чтобы подали ему хлеба, и он ел. И сказали ему слуги: что значит, что ты так поступаешь: когда дитя было еще живо, ты постился и плакал; а когда дитя умерло, ты встал и ел хлеб?»

Но на самом деле — как все просто: «доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло; зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне» (2Цар. 12, 16–23).

Секрет в том, что Давид знает, что есть Бог. А кто этого не знает, тот в оцепенении, с ужасом глядит в разинутую пасть смерти. Когда же ее челюсти смыкаются над кем-то из ближних, — предается безмерной печали. И в этом отчаянии есть нечто богохульное. Человек вопит: да будет воля моя! Не принимаю Твоей воли!.. А это пресекает возможность дальнейшего взаимодействия с Богом.

Господь же и от свидетелей других воскрешений требовал веры. И Иаиру говорил: «не бойся, только веруй!» И Марфе, перед воскрешением Лазаря: «не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию?» (Ин. 11, 40).

Так что, если хотим участвовать в грядущем воскресении мертвых и принять воскресшими наших братьев во Христе, мы должны, расставаясь с ними на время, хоть в какой-то мере услышать это властное «не плачь», сказанное нашим Господом Иисусом Христом, владычествующим над живыми и мертвыми.

СЕДМИЦА 21-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О том, что первично

Понедельник **Лк. 7, 36–53**
Флп. 4, 10–23

Однажды некто из фарисеев просил Господа Иисуса Христа «вкусить с ним пищи; и Он, вошед в дом фарисея, возлег».

Хозяин тщательно наблюдал за Ним. Фарисеям вообще свойственно наблюдать: рук ли кто перед вкушением пищи не помыл, или что другое сделал не по правилам. Очень важной стороной ритуальной дисциплины было — не прикасаться ни к чему, способному осквернить.

И вот, фарисей видит, что некая «женщина того города, которая была грешница, узнавши, что» Иисус «в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром; и, ставши позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром».

В другой раз фарисей прямо обвинил бы Иисуса, что он позволил грешнице прикоснуться к себе. Но тут задачей лукавых наблюдателей было — разоблачить Его, как самозванца, незаслуженно окруженного народным почитанием. И поэтому фарисей просто с удовлетворением отметил в себе: «Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница».

Но Господь на этот мысленный укор тут же ответил вслух, тем самым сразу указав на главное заблуждение фарисея.

А потом рассказал притчу о двух должниках...

Закончив притчу, Господь сказал фарисею: «Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги.

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи твои».

Получается, что выказанная любовь к Иисусу — причина прощения грешницы.

Но в притче-то — наоборот! «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой — пятьдесят; но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил».

Так, согласно притче, любовь человека к Богу напрямую должна зависеть от количества уже прощенных ему грехов.

Как разрешить это противоречие?.. Дело в том, что одно мы наблюдаем в жизни, а другое есть на самом деле, и этой притчей Господь все ставит на свои места.

Как бы нас ни поражали свидетельства любви к Господу истинных христиан, все равно — «в начале было Слово, ... и Слово было Бог» (Ин. 1, 1), со Своей Божественной созидающей любовью, со Своей Божественной готовностью прощать.

Можно предположить, что эта грешница была та самая, взятая в прелюбодеянии, которой Господь тогда сказал: «Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8, 11). И теперь, после того, как она таким чрезвычайным образом выразила свою благодарность, Господь окончательно сказал то, чего не сказал тогда: «Прощаются тебе грехи».

Господь не ищет ничего нашего, но чтобы мы приняли Его дары, и своими делами засвидетельствовали об этом.

Подобно как апостол Павел отвечает Филиппийцам, получив их пожертвования: «Я весьма возрадовался ... не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу. Я получил... посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу».

Прощение невозможно заслужить, оно дается даром.

Сколько кому прощено, и кто должен более возлюбить в ответ, — тайна Бога и человека.

Ну а чтобы не ошибиться, надо просто-напросто понять, что тебе прощены не пятьдесят, а именно пятьсот динариев.

О женщинах, следовавших за Иисусом

Вторник **Лк. 8, 22–25**
Кол. 1, 1–2, 7–11

Сегодня узнаем, что кроме учеников, за Господом следовали некоторые женщины.

Евангелист Лука разделяет их на две категории. К первой относятся те, «которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, ... и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна».

А ко второй — «многие другие, которые служили Ему имением своим». Очевидно, среди этих последних, свободно посвятивших себя Господу, и Пресвятая Дева Мария, и ее родственница Саломия, мать апостолов Иакова и Иоанна.

Из первой категории, жестоко страдавших и исцеленных, о Сусанне нам ничего не известно.

Но о Иоанне говорится, что она была женой царского домоправителя. Если учесть, что женщина всецело зависела сначала от отца, а потом от мужа, встает вопрос: как смогли они оставить мужей, и как мужья отпустили их?

Может быть, чьи-то мужья тоже были в числе учеников Христовых. А может быть, исцеленные женщины некогда были столь тяжко больны, столь безнадежно одержимы, что между ними и их родственниками встала стена отчуждения.

Как и в отношении Гадаринского бесноватого — не говорится ни о его роде, ни о его близких, а лишь о том ужасе, который он наводил на всех. Когда же пришедшие к морю увидели, что он «сидит и одет, и в здравом уме», они «устрашились», наверное, не менее, чем его недавними дикими воплями. Он никому уже не был нужен, и только просил Иисуса, «чтобы быть с Ним» (Мк. 5, 18).

Так, может быть, и исцеленные женщины. Пережив первую остроту несчастья, близкие отчаялись видеть в них человеческий облик, как постепенно успокаиваются об умерших.

И поэтому когда Господь очистил и исцелил их, никакие моральные обязательства их не связывали, и не мешали следовать за Иисусом.

Но более всех в Евангелии говорится о Марии Магдалине. Можно предположить, что именно Мария Магдалина однажды воскликнула: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» Ведь только перед этим Господь рассказал притчу, как изгнанный бес «берет с собою семь других духов, злейших себя», и возвращается в прежний дом, если он не занят, «и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк. 11, 21–27). Может быть Мария, из которой тоже, как сказано, «вышло семь бесов», увидела в этой притче историю своей жизни, и вновь выразила благодарность Господу Иисусу за избавление от той новой беды, в которую впала по легкомыслию.

Потом Мария Магдалина вместе с Пресвятой Девой стояла у Креста. Вместе с другими мироносицами она «зело рано» пришла ко гробу.

Евангелист Иоанн передает очень короткий, но очень сильный и трогательный диалог, когда Мария вошла в опустевший после Воскресения гроб. Она увидела Иисуса стоящего, но не узнала Его. «Иисус говорит ей: жено! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! — что значит: Учитель» (Ин. 20, 11–16).

О дальнейшей жизни Марии Магдалины предание говорит, что она, разделяя с Апостолами труды, благовествовала в Риме императору Тиберию, и Церковь именует ее не только «мироносицей», но и «равноапостольной».

На иконах она изображается с красным пасхальным яйцом в руке. По преданию, когда Тиберий, слушая Марию, усомнился в возможности воскресения мертвых, она и показала ему яйцо. Во внешней окаменелости — торжество смерти, но внутри кроется жизнь, которая неотвратимо разрушит окаменелость, когда придет время. И это всем известно.

Но столь же известно должно быть нам, что та же жизнь кроется и за человеческим безумием, и за бесовской одержи-

мостью, и за разъедающей человека проказой, и за многим, чего гнушаются и от чего отвращаются люди.

О корабле Церкви

Среда **Лк. 8, 22–25**
Кол. 1, 18–23

Однажды Господь со Своими учениками переправлялся на другую сторону Геннисаретского озера. Поднялась буря, а Он спал. Ученики в страхе кричат: «Наставник! Наставник! погибаем». И Он, встав, единым словом укротил бурю, и затем укорил учеников: «где вера ваша?» «Они же в страхе и удивлении говорили друг другу: Кто же это, что и ветрам повелевает, и воде, и повинуются Ему?»

Корабль, начиная от Ноева ковчега, — символ Церкви, образ единения людей, верных Богу. Лишь те, кто был внутри ковчега, спаслись от водного потопления.

А бушующее море — символ беззаконного, враждебного Богу мира. Именно по этим волнам человек приходит к кораблю церкви, и только войдя внутрь, вдруг видит истину: где шел, и каким чудом было, что не утонул!

И каждый храм, где собираются верующие, подобен кораблю среди стихий мира. Храмы и строились часто в виде корабля. Храм тоже, как корабль, захлестывают волны, потому что здесь, как в ковчеге, — не только праведный Ной и его разумные сыновья Сим и Иафет. Здесь и Хам, и ему подобные. Здесь и жены, приведенные своими мужьями; здесь и мужья, тянущиеся за своими женами.

И все мы вместе — и самые совершенные, и далекие от совершенства, — все мы стоим и поем наш Символ веры: «Верую ... во едину святую соборную и апостольскую Церковь...» Веруем, что можем стать, и непременно станем истинным телом Христовым, все члены которого страждут, когда один страждет, и радуются, когда один радуется.

И то уже чудо, что мы, такие разные, сходимся в этот корабль-храм, и отложив вражду и злословие, какое-то время мирно стоим вместе, бок о бок, лицом к востоку, пока совершается Божественная служба. Ни для кого эти два часа не пройдут напрасно.

И наша дальнейшая задача — разойдясь по домам, умудриться все же остаться в Церкви; сходя с корабля, все же остаться на нем, сохраняя в сердце мир и благоговейную тишину Божьего присутствия. Выходя за пределы корабля, мы идем по тем же волнам, по которым пришли сюда. Но теперь уже идем не со слепой самоуверенностью, но со вниманием и страхом, держась за Господа рукой молитвы.

Потому что эта грозная пучина страшна лишь бездною моих собственных зол и моим забвением моего Спасителя.

И я еще не в Церкви, если мир влечет меня и кажется устойчивым и стабильным.

И я еще не в Церкви, если, с другой стороны, меня страшат бури. Значит, еще нет уверенности в силе и мудрости моего Кормчего, значит, я еще по-настоящему не понял, Кто Он.

А ведь «Он есть Глава Тела Церкви; Он — начаток, первенец из мертвых». И «Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол. 1, 17).

О любознательности

Четверг **Лк. 9, 7–11**
Кол. 1, 24–29

Господь избрал двенадцать Апостолов, и еще при Своей земной жизни послал их «проповедовать Царствие Божие» (Лк. 9, 2). Он «дал им силу и власть над всеми бесами, и врачевать от болезней» (Лк. 9, 1), а по Матфею — еще и воскрешать мертвых (Мф. 10, 7).

Немного позже Господь избрал «и других семьдесят учеников, и» тоже «послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти» (Лк. 10, 1).

Потом, возвратившись, они с радостью рассказывали о своих успехах: «Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10, 17).

Но заметим, что никто из евангелистов не приводит ни одного примера такой их деятельности. Очевидно, Божьим промыслом было устроено, что хотя они и наполнили чудесами всю ту землю, и хотя их было довольно много (двенадцать и семьдесят), но каким-то чудесным образом людям

было ясно, что все это — дела одного человека, что все это «делал Иисус». И у царя Ирода сложилось такое же мнение, и он лишь недоумевал, «кто же Этот, о Котором я слышу такое?»

Во-вторых, удивительна всеобщая вера народа в возможность воскресения мертвых, «ибо одни говорили, что это Иоанн восстал из мертвых; другие, что Илия явился, а иные, что один из древних пророков воскрес». Очевидно, слова великих пророков о грядущем воскресении прочно укоренились в сознании иудеев. Помнили они и слова пророка Исаии: «Оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела» (Ис. 26, 19). Помнили, как Илия молитвой воскресил сына сарептской вдовы (3 Цар. 17), и как воскрес мертвец, случайно упавший на кости пророка Елисея (4 Цар. 18, 21).

И особенно, как видим, люди верили в бессмертие именно своих праведников и пророков, верили, что они где-то рядом, и могут в любой момент вернуться в эту жизнь.

Но особенно поражает другое. Несмотря на то, что дело Божье делалось так, что прославлялся только Иисус, несмотря на веру в воскресение мертвых, несмотря на почитание пророков, — иудеи упорно вопрошали: «Кто же Этот?»

Вопреки всем чудесам, упорно не хотели увидеть в Нем Того, о Ком говорили пророки. В лучшем случае Его принимали лишь за одного из пророков, ныне воскресшего.

Вот так, даже многое зная и во многое веруя, и даже зная наизусть всю Библию, можно не увидеть Того, на Кого она указывает и ради Кого написана. И это порой даже при видимой любознательности, при видимой заинтересованности.

Личность Иисуса из Назарета очень занимала и царя Ирода. Он «искал увидеть Его». Желание Ирода впоследствии исполнилось. В двадцать третьей главе евангелист Лука рассказывает, что когда Понтий Пилат узнал, что Иисус «из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо. И предлагал Ему многие вопросы»...

Один священник рассказывал, как случилось ему быть в одном доме по какому-то случаю. Ему были рады, задавали много вопросов, и священник ушел с чувством хорошо пора-

ботавшего сеятеля. Через год ему снова случилось быть в том же доме, и в том же обществе. Все снова были очень рады, и стали задавать... те же самые вопросы.

И Ирод ведь тоже когда-то «с удовольствием слушал» Иоанна Крестителя (Мк. 6, 20), и мы знаем, чем это кончилось.

Поэтому теперь Господь, зная «что в человеке» (Ин. 2, 25), «ничего не отвечал» ему...

Так, иногда полезнее оставить человека наедине с его действительно серьезным вопросом, чем дать повод сказать очередную глупость в ответ на твое объяснение.

О жалобщиках

Пятница **Лк. 9, 12–18**
Кол. 2, 1–7

Однажды Господь был среди народа в пустынных местах. «День же начал склоняться к вечеру. И, приступив к Нему, ученики сказали: «Отпусти народ; чтобы они пошли в окрестные селения и деревни ночевать и достали пищи».

Вообще Апостолы очень долго не могли уразуметь, что в их Учителе «сокрыты все сокровища премудрости и ведения», и даже, как видим, пытались давать Ему советы. И тогда Учитель, прекрасно зная, что у них «нет более пяти хлебов и двух рыб», в ответ предложил: «Вы дайте им есть»...

Ведь что получается: Господь здесь. Он все знает. И Он есть Любовь (1Ин. 4, 8). А ученики своей «заботой о людях» как бы заявили, что их любовь опережает любовь Христову.

А если так, если вы лучше и видите, и знаете, и любите, из этого естественно должно следовать, что и сделать, и дать вы тоже можете лучше, чем Он... Ну а если сделать и дать вы не можете, значит, ваша «забота о людях» в присутствии Господа — одно лишь гордое пустословие и недоверие к Тому, Который знает, «в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6, 7–8).

В такой ситуации мы оказываемся довольно часто. Например, священник в твоем приходе ведет себя недостой-

но. И ты, исчерпав, как тебе кажется, все средства, идешь к начальству. И хотя внешне ты прав, ситуация вопиющая, но все-таки у жалобщика всегда будет ощущение своей неправды, и часто ему почему-то достается первому.

А это потому, что в ответ на свою жалобу он как бы слышит от Господа: «вы дайте им есть». И совесть говорит: Господь же здесь. Он все видит и Он всем хочет блага. Он может и без тебя в один миг все изменить. А Он дал тебе настоящее дело, дал настоящий повод применить свои духовные силы, потерпеть, поплакать, помолиться. А твоего «христианства» достало лишь на то, чтобы вызвать милицию, или пожаловаться начальству...

Что ж, смирись, пойми, что нет у тебя никакой любви, и в твоем стремлении к «торжеству справедливости» тобой руководило что-то совсем иное. А вот что именно? — Это уже тебе узнать совершенно необходимо.

О покрывале

Суббота **Лк. 6, 1–10**
2 Кор. 3, 12–18

Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел пишет: «Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением, а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое».

Лицо Моисея, когда он с Синайской горы сошел к народу, «стало сиять лучами, оттого, что Бог говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему». И тогда Моисей стал полагать на лицо свое покрывало, когда говорил с народом. «Когда же входил Моисей пред лице Господа, чтобы говорить с Ним, тогда снимал покрывало, доколе не выходил» (Исх. 34, 29–35).

Так, хотя Моисей и принес закон от Бога, но не мог передать самое главное: свою личную близость к Богу, свою личную праведность. О Моисее говорится, что он «был человек кротчайший из всех людей на земле» (Чис. 12, 3), а народ постоянно называется «жестоковыйным» (Исх. 32, 9).

Вспоминая этот прообраз, Апостол Павел переносит его на своих современников, на тех Иудеев, которые упорно не принимали Христа: «Умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета; потому что оно снимается Христом».

Поэтому, кстати, начинать изучение Священного Писания лучше не с Ветхого Завета, а с Нового, где в частности показывается и соотношение двух Заветов.

Например, в Нагорной проповеди сравнивается, что сказано через Моисея «древним», и что должно быть на самом деле. «Древним сказано: не убивай». А на самом деле нельзя даже гневаться. «Древним сказано: не прелюбодействуй». А на самом деле нельзя и в сердце допускать нечистых мыслей. Ветхозаветные заповеди лишь первая ступень: воздержись для начала от злых дел. А впереди — совершенное очищение сердца.

Так и ветхозаветные ритуальные предписания лишь первая ступень послушания Богу. А совершенный человек готов отвергнуться себя, взять свой крест и следовать за Христом, который «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 8).

Два сегодняшних евангельских примера снимают покрывало с заповеди о субботе. Суббота была предписана, «чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, и осел твой, как и ты» (Втор. 5, 14). Заповедь о субботе, это заповедь о милости и к себе и к подвластным. Поэтому суббота не может препятствовать, чтобы напитался голодный и исцелился больной.

Кроме всего прочего, на Ветхом Завете лежит покрывало самого страшного национализма — религиозного. Действительно, в минувшие времена Сам Бог, Творец неба и земли повелевал Израилю в иных случаях безжалостно истреблять целые народы, мера беззаконий которых переполнялась (Быт. 15, 16).

И еще на Ветхом Завете покрывало двойной морали, когда одно предписывается по отношению к единоплеменникам, а другое по отношению к чужим.

И только Христос ставит точку над всем временным и относительным. Отныне — новый Божий народ, новый Израиль — из всех людей, отовсюду приходящих ко Христу.

Христос отверзает «ум к уразумению писаний» (Лк. 24, 45), показывая, что все пророки указывали на это, уже наступившее время.

А для религиозных поклонников только Ветхого Завета — на нем по-прежнему покрывало.

Они продолжают считать себя раз и навсегда единственным избранным народом, а остальных — раз и навсегда людьми второго сорта.

Они продолжают ожидать кого-то, кто снова соберет их вместе, восстановит храм и покорит им все народы.

Они продолжают праздновать свою пасху, эту сокрушительную победу над чужим народом, и не видят новой, истинной Пасхи — победы над грехом и смертью.

И «доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их». И только «когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается».

Но иногда приходится слышать: как я могу обратиться ко Христу? Это значит — предать свой народ, отречься от него... Но в этом случае ты сам клевещешь на свой народ, утверждая, что только ненависть ко Христу образует из твоего народа единое целое.

О Бесплотных Силах

Собор Архистратига Михаила **Мф. 13, 24–30; 36–43**
Лк. 10, 16–21
Евр. 2, 2–10

Сегодня праздник в честь Небесных Сил бесплотных, которых Господь Бог сотворил в самом начале. Они уже «восклицали от радости», когда Бог полагал основание Вселенной (Иов. 38, 7).

Нам открыто, что бесплотные Силы имеют разные дарования. Пророк Иезекииль пишет, например, о Херувимах, что «все тело их, и спины их, и руки их, и крылья их ... полны очей» (Иез. 10, 22).

Пророк Исаия упоминает о Серафимах, стоявших вокруг Престола Божия. «У каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Ис. 6, 2).

Небесные Силы имеют разные служения и составляют некую иерархию. Апостол Павел в своих посланиях упоминает Престолы, Начальства, Власти, Господства, Силы, Архангелов, Ангелов.

Открыты нам также имена некоторых верховных Архангелов. Имя Архистратига всех Небесных Воинств — Михаил. Он хранитель сначала Богоизбранного народа, а потом нового Израиля, Христовой Церкви.

Имя второго Архангела — Гавриил. Это Божий благовестник. Он и пророку Даниилу объяснял смысл видений о грядущих судьбах мира, и Пресвятой Деве возвестил о рождении от Нее Спасителя, и Захарии о рождении Иоанна Крестителя.

Писание говорит, что Ангелы «суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение». У каждого есть свой Ангел-хранитель, и поэтому, когда мы обижаем человека, мы одновременно задеваем и небеса: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10).

Служить Богу и людям — высшая радость для Ангелов, и они так это делают, что люди чувствуют, что действует Сам Бог. Узнав о Рождестве Христовом, пастухи сказали: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь» (Лк. 2, 15). А ведь возвестили им об этом Ангелы!

Ангелы ревнуют о славе Божией и об искоренении зла: «Господи! не доброе ли семя сеял Ты на поле Твоем? Откуда же на нем плевелы? ... Хочешь ли, мы пойдем и выберем их?» Но только Бог обладает полнотой ведения; только Он знает, когда сеять, когда жать, и когда выдергивать плевелы.

Открыто нам, что есть и падшие ангелы, называемые бесами. Их тоже много, и во главе их тот, кого именуют сатаной. Это их имел в виду Апостол, когда говорил, что «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Дух прост. Он выбирает раз и навсегда, и в зависимости от своего свободного выбора, он или весь навсегда в добре,

или весь навсегда во зле; в нем уже нет точки опоры для изменения себя. Это — в отличие от человека, который кроме души имеет и тело, благодаря которому не может ни — как Ангел, сразу вознестись на небо, ни — как бес, сразу ниспасть во ад.

Тело как якорь, благодаря которому человек может остановиться на пути зла, может покаяться. На пути же добра Бог всегда поддержит, и Ангелов Своих пошлет на помощь, «сохранити тя во всех путех твоих» (Пс. 90).

И мы сегодня радостно приветствуем бесчисленное множество наших бесплотных помощников в борьбе с грехом и диаволом, и просим их: «да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественныя вашея славы». Потому что подлинное их оружие именно молитва.

В своем послании Апостол Иуда показывает, как воинствует Архангел Михаил. Он, споря с диаволом, «не смел произнесть укоризненного суда, но сказал: «Да запретит тебе Господь» (Иуд. 1, 9). И сквозь эти молитвенные слова — какой сокрушительный удар последовал: «Я видел Сатану, спадшего с неба, как молнию. Се даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам», — говорит Господь.

И как святому Андрею Юродивому было показано, насколько те, кто за нас, сильнее тех, кто против нас, — так и мы должны быть уверены, что «ополчится Ангел Господень окрест боящихся» Бога «и избавит их» (Пс. 33).

И особенно должны мы помнить, какова сила ангельской молитвы, какова сила ангельского смиренного доверия Богу, и ангельского беззлобного противостояния врагу.

О плодоносном семени, и о украденном

Неделя 21 **Лк. 8, 5–15**
Гал. 2, 16–20

Сегодня мы слышали притчу о сеятеле и о возможной судьбе отдельных семян. Иное падает при дороге, иное в неглубокую землю, иное среди терний. Но все мы предназначе-

ны и призваны быть землей, приносящей «плод сторичный», быть в числе тех, «которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце, и приносят плод в терпении».

Земля души, во-первых, должна быть «доброй», созвучной семени, подобной ему.

Во-вторых, она должна быть «чистой», не иметь в себе семян заблуждений и пороков, способных вырастать в страсти и заглушать остальное.

Она должна доверять силе принятого семени, быть до конца терпеливой, чтобы не раскапывать каждый день: есть ли уже чем похвалиться или от чего прийти в уныние?..

Но Священное Писание и глубже показывает тайну плодородия, показывает, так сказать, образ сцепления Божественного семени с принявшим его сердцем: «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня».

Вот те узы, которыми так удивительно сплетается Слово Божие с живой душой: смерть со смертью и жизнь с жизнью. В душе должно быть и ощущение своей смерти, и жажда истинной жизни. И понимание спасительной необходимости смерти и Воскресения Господа Иисуса Христа, и опять же — готовность сораспяться Христу, ради вхождения в Его жизнь. А если жизнь и смерть не принимаются как равно необходимые, то Божественное семя не выдержит жаркого солнца, не подавит терний и не принесет плода.

Но наиболее печальна судьба того семени, которое «упало при дороге, и было потоптано, и птицы небесные поклевали его».

Господь объясняет, что «это суть слушающие, к которым потом приходит диавол, и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись». Почему «похищает и уносит»? Разве мало, что оно и так в мертвой земле? Но диавол знает, что душа может ожить, прийти в себя и ухватить семя.

Но что же он делает с унесенным? А он украшает им свою ложь, и возвращает назад через еретиков и сектантов. Как и Самому Господу Иисусу диавол предлагал такое вырванное из Библии слово. Он вознес Иисуса на высоту и сказал:

«бросься отсюда вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Господь знал, что на это ответить. Но другой, с терниями гордыни в душе, жаждущий лести и похвал, мог бы соблазниться и броситься, забыв, что сказано также: «Не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4, 6–7).

Поэтому будем скоры на слышание, а главное — на исполнение (Иак. 1, 19, 22). Потому что если не услышим спокойно звучащее для нас Божие Слово, диавол тут же унесет его. Переиначит, сделает увлекательным, приспособит к нашим страстям и подсластит им свою отраву. И это последнее, ложное знание будет хуже первого, т. е. полного невежества.

СЕДМИЦА 22-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О видах лжи

Понедельник **Лк. 9, 18–20**
Кол. 2, 13–20

В послании к Колоссянам, которых смущали разные лжеучители, апостол Павел пишет: Бог «вас, которые были мертвы во грехах», оживил вместе с Ним, простив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас. ... Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою».

Это реальность, это именно то, что с нами произошло, и что всегда с нами. Эти слова сказаны не для заучивания, но чтобы мы, услышав их, возрадовались о избавлении от неминуемой гибели, о сокрушении лютого врага, и благодарили бы Господа нашего Спасителя.

Враг как раз и старается увести от реальности, от правды, и делает он это самыми разными путями. Он может, например, предложить обратить пристальное внимание не на сам предмет, а на его тень. Ветхий Завет и был такой тенью новозаветных событий.

И некоторые, даже приняв Христа, не только сами излишне увлекались наблюдением этой тени, но и других принуждали. И Апостолу приходилось освобождать смущенные совести: «Итак, — пишет он колеблющимся, — никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело во Христе». Какой бы причудливой и занимательной ни была тень, но — что она по сравнению с самой реальностью, объемной и многокрасочной!

Но если врагу не удается увлечь вниз, он круто начинает манить вверх. Ему все равно: вверх или вниз, влево или вправо, — лишь бы увести от того, что есть на самом деле. Не желающим возвратиться к простым обрядам Ветхого Завета он может предложить интеллектуальную утонченность, открыть как бы сокрытые от прочих тайны, призвать к чрезмерному, не по разуму, аскетизму.

Но «никто, — предостерегает Апостол, — да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом».

Апостолы как раз и проповедовали только то, что сами «слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали» их руки (1 Ин. 1, 2).

Вне реальности — только ложь, как бы «высоко» или «низко» она ни выглядела. Когда Господь спросил учеников: «за кого почитает Меня народ?» — в ответ посыпалось множество самых удивительных, но далеких от истины мнений: одни почитали Его «за Иоанна Крестителя, а иные за Илию; другие же говорили, что один из древних пророков воскрес». Но некоторые о Нем говорили и то, что Он просто-напросто обманщик, и «обольщает народ» (Ин. 7, 12).

Вне истины самые «возвышенные» варианты лжи смыкаются с самыми простыми и низменными.

А мы должны пребывать в реальности — и душой, и плотью и кровью. Мы должны держаться «Главы, от Которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим».

А говорить правильные слова, не живя ими, иметь вид благочестия, не имея его силы (2Тим. 3, 6), — значит подавать повод к глумлению над Христом и христианством.

Поэтому когда Петр на вопрос Спасителя: а сами они за Кого Его почитают? — от лица всех учеников Духом Святым ответил: «За Христа Божия», — Господь «строго приказал никому не говорить о сем».

Потому что земной путь Христов еще не до конца стал реальностью; еще не пригвоздил Он ко кресту бывшее против нас рукописание; еще не посрамил враждующие против нас начала и власти; и еще не оживил нас вместе с Собою, простив нам все грехи.

О противоестественном

Вторник **Лк. 9, 23–27**
Кол. 2, 20–3, 3

В послании к Колоссянам Апостол пишет: «Итак, если вы со Христом умерли»...

А через несколько строк читаем: «Итак, если вы воскресли со Христом»...

И тут же снова: «Ибо вы умерли»...

Итак, живы мы или мертвы? Умерли или воскресли? И вообще: что для нас жизнь и что смерть? В мирском сознании они не терпят друг друга рядом. Или одно, или другое. Пусть еле теплится, но это жизнь. Пусть героическая, достойная удивления, но это смерть.

Но для христианина, по слову Апостола, «жизнь, или смерть... — все ваше» (1 Кор. 3, 22). Апостол и укоряет тех, кто как бы не до конца умер: «если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире», делаете нечто, не свойственное этому состоянию?

И тех же людей он укоряет как бы в неполном воскресении: «если вы воскресли со Христом», то и делайте то, что безусловно доказывает подлинность вашего воскресения.

Заметим, что не говорит Апостол: «если вы хотите умереть», или «если вы хотите воскреснуть». В обоих случаях он утверждает: «вы воскресли», или: «вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге».

Без смерти нельзя войти в жизнь. Господь однажды показал Царствие Божие еще не вкусившим смерти (Мф. 17).

И видим, что Петр, Иаков и Иоанн на Фаворской горе подобны щепкам, которые хотя и будешь силой погружать в воду, но вода все равно вытолкнет по неумолимым законам природы.

Господь говорит: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее».

А идти за Христом, это и значит — стать причастником и Его смерти, и Его жизни.

Но в чем же обрести точку опоры, какой помысел может помочь взять и перевернуть себя?..

Пожалуй, вот какой. Поскольку мы, по утверждению Апостола, «умерли со Христом», действительно умерли, то значит: рабствовать стихиям мира, служить им или бояться их, даже до того, что «не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся», — все это не просто ошибочно. Это для нас — невозможно и противоестественно.

А искать «горнего, где Христос сидит одесную Бога», — это не совет, не предложение, не очередные задачи. Потому что «вы воскресли». Уже воскресли. Смерть уже побеждена. А значит, не помышлять о горнем Отечестве, не искать его, тоже не просто недостаток. Но — совершенное попрание своего христианского естества.

О преодолении плотского самоутверждения

Среда **Лк. 9, 44–55**
Кол. 3, 17–4, 1

Однажды Господь сказал ученикам: «Вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие». Но ученики «не поняли слова сего».

Апостолы в своих писаниях не старались показать себя в лучшем свете, и мы видим, какими они были до сошествия Святого Духа.

Мало того, что не понимали простых слов Христовых, но еще и «спросить Его о сем слове боялись».

И все-то их занимала мысль: «кто бы из них был больше?» И однажды Господь, «взяв дитя, поставил его пред Собою, и сказал им: кто примет сие дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня». И указал им прямой путь к истинному величию: «кто из вас меньше всех, тот будет велик».

Ученики после этих слов, кажется, перестали величаться друг перед другом; но сила плотского самоутверждения осталась и устремилась на чужих, на внешних: «Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами».

Вот плотской человек: невежество, плюс предпочтение оставаться в этом невежестве, лишь бы не уронить себя в чужих глазах; плюс желание быть первым среди своих, или по крайней мере толкнуть чужого.

Лишь когда Святой Дух сошел на Апостолов, они уразумели, что значит: «кто из вас меньше всех, тот будет велик». И они стали учить этому всех, каждого применительно к его жизненной ситуации.

Они говорили это и мужу, и жене; и родителям, и детям; и рабам, и господам. Они говорили: «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога... Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах».

Выполнение этих заповедей дает удивительные результаты. Искреннее смирение подвластных обезоруживает старших, буквально вырывает у них милость и снисхождение. Давно замечено, что «кротостью склоняется к милости вельможа, и мягкий язык переламывает кость» (Пр. 25, 15).

Также и смиренная милость господ сильнее всего способна вызвать усердие в слугах.

То же и по отношению к внешним. Известен рассказ, как ученик некоего старца встретил идольского жреца, несущего бревно, и обозвал «демоном». Жрец со злобой побил ученика. Вслед за учеником встречает жреца и сам старец, и

ласково приветствует: «Спаси тебя Бог, трудолюбче!» Жрец был поражен, и сердце его мгновенно расположилось слушать слово о Христе.

Истинный раб Божий не стыдится учиться даже до седых волос. Он невысокого мнения о себе, и поэтому не смущаясь спрашивает учителей. Он и подчиняясь, и господствуя, помнит о своей подчиненности Богу. И он постоянно чувствует благоговение перед образом Божиим в любом человеке.

О тех, кто с нами, и кто против нас

Четверг **Лк. 9, 49–56**
Кол. 4, 2–9

Однажды один из учеников сказал Иисусу Христу: «Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что не ходит с нами». Но Господь сказал ему: «не запрещайте, ибо, кто не против вас, тот за вас». Этот отрывок часто приводят в доказательство, что вовсе не обязательно быть в едином стаде, в единой видимой Церкви.

Но ведь ученики в то время были еще плотскими, поэтому и Господь говорил с ними как с плотскими. Когда Святой Дух сойдет на них, то наставит на всякую правду: научит и как разрешать, и как связывать, и как присоединять к Церкви, и как отлучать от нее. Научит и как определять, кто в Церкви, а кто вне ее.

В Деяниях Апостолов говорится, например, о некоем Аполлосе, который «был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил о Господе», но не вполне правильно (Деян. 18, 24–28). Когда же ему «точнее объяснили ... путь Господень», он смиренно внял наставлениям. И через это выяснилось, что он «не против вас».

Но в общении с сектантами видим совсем другое. Видим слепоту ко всем аргументам. Они боятся взять в руки книгу по церковной истории. Они не хотят знать фактов участия Божией Матери и святых Ангелов в жизни людей. Разговоры с ними мгновенно превращаются в споры. В их учебных заведениях идет прямое натаскивание против Церкви, без кон-

ца повторяются обвинения, которые уже давно и многократно объяснены в церковной литературе.

Приходилось слышать от них такие сладкие слова, что, дескать, просто все люди разные: одни хотят молиться в храме, другие — на травке почитать слово Божие. Но в своих собраниях они проповедуют, что Православная Церковь и есть тот самый зверь, в которого древний дракон, то есть диавол вдохнул свой дух (Откр. 13).

Невозможно быть просто не с нами. Чтобы удержаться на плаву, им надо активно быть против нас. Они обязательно должны прямо или косвенно нападать на нас, потому что им надо объяснить, почему, вопреки словам Апостола, что «едина вера» (Еф. 4, 5), у них все же своя, иная вера, которой всего сотня-другая, а то и десяток-другой, лет.

Слово Божие учит: «С внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому».

Духовный человек не будет желать, «чтобы огонь сошел с неба и истребил» всякого, кто не ходит за нами или не принимает нас. Он подойдет с любовью и кротостью, как Акила и Прискилла к Аполлосу. Он внимательно распросит о вере, изложит свою веру. И оттого, отвергнут ли с гордостью его слова, или со вниманием выслушают, будет ясно: с нами здесь или против нас.

А дальше тоже по слову Божьему: «Еретика после первого и второго вразумления отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3, 10–11).

О послании Семидесяти

Пятница **Лк. 10, 1–15**
Кол. 4, 10–18

Кроме двенадцати, Господь однажды избрал «и других семьдесят учеников, и послал их по два пред лицем Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти». Господь послал их «как агнцев среди волков».

Агнец перед волком и так беззащитен, а Господь лишает их и последней опоры независимости: «Не берите, — говорит, — ни мешка, ни сумы, ни обуви». И не разрешает соб-

лазняться ничем душевным, ничем так сказать естественно человеческим, и даже повелевает «никого на дороге не приветствовать». Он как бы полностью отдает Своих посланцев на волю тех, к кому их посылает.

Как агнцы, должны они входить и в жилища волков, и всех приветствовать: «Мир дому сему». Они должны бросать это приветствие, как семя в неведомую темную землю, не зная, почиет их мир на хозяевах дома, или возвратится к ним в виде неприязни и злобы. Словами и чудесами должны они свидетельствовать, что «приблизилось к ним Царствие Божие».

Сыны Царствия узнают в этих агнцах голос пославшего их Пастыря. А волкам должно сказать: «И прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам». Ничего вашего мы не искали, кроме вашего спасения. И снова свидетельствуем: «Однако ж знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие». Хотя и изгнали благовестника, но Царствие Божие уже стоит, и будет стоять у ворот. Посланец Царствия отойдет прочь, но ненависть, направленная на него, на тебя же самого возвратится.

Еще надо сказать, что эти посланцы — до Пятидесятницы. И чудеса не они совершают Святым Духом, но Сам Дух Святой через них.

Когда они возвратились, в них — радость детей, которым дали понажимать кнопки за пультом огромной машины: мол, получается! «Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем».

А в Пятидесятницу, кроме прочих даров, Апостолы получили и дар ведения, и уже могли различать, кто имеет достаточную веру, чтобы быть исцеленным (Деян. 14, 9), а кто находится в узах неправды (Деян. 8, 23). То есть в какую землю какое бросить семя.

Сейчас, как и тогда, «жатвы много, а делателей мало». И сейчас тоже — как агнцы среди волков. И хотя у нас нет таких даров, как у Апостолов, но все-таки идти надо.

Один старец сказал впавшему в уныние священнику: «Ты, иерей Божий, сей семя Слова Божьего. Сей и на доброй земле, и в тернии, и при дороге: может, где и взойдет».

Но как и тогда, надо чувствовать неловкость даже от чужого праха, прилипшего к ногам.

И при всех своих деяниях не следует думать о себе как о истинном делателе, и всегда молить «Господина жатвы, чтобы» все-таки выслал настоящих «делателей на жатву Свою». И — быть готовым отойти в сторону, когда Господь их действительно пошлет.

О удивительной вере

Суббота **Лк. 7, 2–10**
2 Кор. 5, 1–10

Некоторые исповедуют могущество Господа Иисуса Христа, но при этом как-то не чувствуют своего недостоинства.

А некоторые — наоборот: остро переживая свою убогость, не находят утешения в помыслах о могуществе и любви Небесного Отца.

А римский сотник, о котором сегодня говорит Евангелие, и верит в силу Господа Иисуса, и одновременно не считает себя достойным даже явиться пред Его очами. Хотя жизнь его исполнена добрых дел. О нем ходатайствуют иудейские старейшины. «Пришедши к Иисусу», они сказали, что «он любит народ наш, и построил нам синагогу».

А что же нужно сотнику? О чем он так заботится? Оказывается, даже не о себе, а о своем слуге! «Услышав о Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы пришел исцелить слугу его». Вот какой человек!

Иисус подходит к дому. Но у ворот Его встретили друзья сотника и передали еще более удивительные слова: «не трудись, Господи! ибо я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой...»

А далее приоткрывается, откуда у этого человека такая правильная, последовательная вера: «...ибо я и подвластный человек, - продолжает сотник, — но имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «пойди», и идет; и другому: «приди», и приходит; и слуге моему: «сделай то», и делает».

И видим, что источник веры сотника — его способность удивляться. И разве не удивительно уже то, что человек способен слышать сказанное другим человеком? Неужели не ясно, что и говорящего, и слушающего, и уста, и уши — создать и приспособить одно к другому мог только Единый?

А еще более удивительно — человеческое общество. Одни люди подчинены другим, у каждого свое дарование, и все вместе способны делать одно дело. Наверное, сотник особенно удивлялся тому, как это Бог подчинил ему людей, на его взгляд более достойных, и они даже на смерть идут по его слову! Каково же слово Того, Кто все это сотворил и устроил?..

Сотник по существу повторяет слова пророка Исаии: «Как дождь и снег нисходит с неба, и туда не возвращается, но напояет землю, и делает ее способною рождать и произращать, ... так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис. 55, 10–11).

И все эти Божьи чудеса всегда вокруг нас, и всем нам даны глаза и уши. Так что удивляться надо скорее тому, что кто-то ничего этого не видит и не слышит.

Но Господь все-таки «удивился» сотнику «и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры».

Потому что вера, как и любовь, — акт свободной воли, и поэтому всегда — чудо, всегда — подвиг, и всегда достойна удивления.

О загробных тайнах

Неделя 22 **Лк. 16, 19–31**
Гал. 6, 11–18

Господь сказал, что в конце веков одни люди пойдут «в муку вечную», а другие «в жизнь вечную» (Мф. 25, 46). Но как представить себе вечную муку, и неужели она угодна Богу, Который есть Любовь (1Ин. 4, 16)?..

Сегодняшнее Евангелие — на эту тему.

Жили два человека. Один «был богат, одевался в порфиру и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно. Был также нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях».

Для богача — Лазаря как будто не существовало, и не было случая, чтобы он хоть что-то подал ему.

Лазарь же никогда не питал ни злобы, ни зависти. Не строил планов передела мира, не мечтал о «раскулачивании» жестокого богача, и даже не надеялся на милость с его стороны. Мечты его были строго в пределах его возможностей: он желал лишь «напитаться крошками, падающими со стола богача».

Оба были постоянны в своей жизни. И богатый — в упорном нежелании считать Лазаря за человека, и Лазарь — в смиренном приятии своего жребия.

Но вот оба умерли. И там их постигает тоже разная участь, только наоборот: Лазарь «отнесен был Ангелами на лоно Авраамово», а богач оказался в аде, в муках.

Далее узнаем, что оттуда, где богач, видно то место, где находится Лазарь. Узнаем также, что люди там не лишены свободы: они могут говорить, выражать свои чувства и пожелания.

Отметим, что все это происходит еще до второго пришествия Христова, и до окончательного суда. И братья богача еще живы, и Господь прямо здесь еще не присутствует.

Но богач уже всем своим существом ощущает, куда завели его грехи, и в то же время видит, чего удостоился Лазарь. Однако предварительный суд Божий для него — ничто: удостоившийся пребывать «на лоне Авраамовом» для него, как и прежде, «в струпьях». И он, как будто Лазарь — бессловесное животное, обращается к Аврааму: «Отче Авраме! умилосердись надо мною, и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем».

Авраам терпеливо и кротко объясняет, что и так уже всякому ясно: «Чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страждешь».

И Авраам объясняет богачу еще одну особенность загробного мира: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Там, в отличие от нынешнего века, уже закрыта возможность деятельно помогать друг другу.

Но говорить же, повторяем, не запрещено! И богач продолжает: «Так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев: пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения».

По отношению к Лазарю все то же: пусть сбегает...

Но неужели у богача проснулось нечто доброе, забота о братьях, желание наставить их на путь спасения?

Увы, нет. Тут не забота о братьях. Тут косвенное обвинение Бога и оправдание себя: если бы мне в свое время было послано чудесное знамение, я не был бы здесь. А так — я не виноват, и каяться не в чем!

Очевидно, наша загробная участь зависит не только от прожитой жизни, но и от нашей самооценки ее пред Богом. Когда Он придет совершить окончательный суд, то не просто взвесит на весах наши дела, но каждому даст возможность последнего слова. А пока — душе, отделившейся от тела, дается возможность достойно к этому последнему слову приготовиться.

Богач говорит одно, но мог бы сказать и другое. Что мешает воскликнуть: «Прости, Лазарь, мое жестокосердие! Помолись за меня, отче Аврааме!» Неужели небожители не станут ходатайствовать за него, и неужели Господь, по пришествии Своем, не окажет милость?

Как не отнимается у нас за гробом свобода, так не может иссякнуть и Божественная любовь.

Значит, в вечную муку идет тот, кто сам отталкивает спасающую Божью руку, кто отвергает всякую очевидность, всякое вразумление от Моисея, пророков и апостолов.

И когда, например, видишь, как иной богослов, прижатый прямыми Господними словами (Мф. 25, 46), буквально извиваясь, отрицает возможность вечных мук, тут-то особенно остро и чувствуешь их неизбежность.

СЕДМИЦА 23-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О чудесах и о вере

Понедельник **Лк. 10, 22–24**
1 Фес. 1, 1–5

Однажды Господь сказал: «Все предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть».

После этого Господь, «обратившись к ученикам, сказал им особо: блаженны очи, видящие то, что вы видите».

Тех же, кто имея очи не видит, Господь укоряет такими словами: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел» (Ин. 8, 42). Значит, как Сын открывает Отца, так же и Отец открывает Сына; и люди, приходящие к Иисусу Христу, не столько познают чужое и незнакомое, сколько узнают родное.

Так же мыслит и Апостол Павел. «Всегда благодарим Бога за всех вас, ... зная избрание ваше», — пишет он Фессалоникийцам, — «потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе...» Получается, что в сотворенных им чудесах Апостол видел не столько причину обращения людей, сколько свидетельство, «удостоверение», что они уже избрали Бога, и сами Им избраны.

Хотя и чудо способно рождать веру. После превращения воды в вино «уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2, 11).

А однажды Апостол воскликнул с горьким укором: «Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него» (Ин. 12, 37)!

Но чаще — прежде, чем сотворить чудо, Господь требовал веры. Прежде чем вернуть зрение слепцам, Он спросил: «веруете ли, что Я могу это сделать?» (Мф. 9, 28). Также Иаиру, когда пришла весть о смерти дочери, Господь сказал: «Не бойся, только веруй» (Мк. 5, 36). А придя в Свое отечество, Он «не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф. 15, 38)...

Дело в том, что человек — не зеркало, просто отражающее нечто; и не бумага, на которой пиши что хочешь. Бог «просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1, 9), и всякий человек несет в себе таинственную печать Божественного просвещения.

Бог вдунул душу живую, и каждая душа должна помнить, ради чего создана, и с Кем должна быть в союзе любви. В том-то и ужас, что Сотворивший человека «пришел к своим, и свои Его не приняли». (Ин. 1, 11).

Господь чудесами старался пробуждать тех, кто почти забыл о своем небесном отечестве. Но с другой стороны, если чудо совершалось, это было свидетельством, что перед Господом души, которые все-таки помнят, из Чьих уст вышли, которые вместе со всеми от века благочестивыми царями и пророками именно «желали видеть ... и слышать».

Чудо и вера всегда рядом, как Бог и человек. Чудо, это все, что делает Бог. Это и сотворение мира, и установление в нем определенного порядка. Это и промысел о всем творении, и — особый, о каждом человеке.

Но только вера способна опознать чудо, как чудо, а не как «естественное», просто еще «научно» не объясненное.

И дай Бог, чтобы и вера наша и видела, и рождала чудеса, и чтобы чудеса эти еще более оживляли и укрепляли нашу веру.

О молитве Господней

Вторник **Лк. 11, 1–10**
1 Фес. 1, 6–10

Однажды, когда Господь «в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих».

И следует молитва «Отче наш».

По Матфею же Господь Сам предложил эту молитву, предварительно сказав: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6, 7–8).

В чем же особенность христианской молитвы, и в чем ее отличие от молитвы языческой?

Во-первых, я называю Бога Отцом, и в то же время исповедую, что живет мой Отец не здесь, а в ином, и даже совсем ином месте: «на небесах». Тем самым я сразу уподобляю себя блудному сыну из евангельской притчи (Лк. 15), который вдруг пришел в себя и понял, что нет другой дороги, кроме как возвращаться к отцу. И я понял, что мое спасение только в бесконечном возрастании славы, милосердия и могущества моего Отца, чтобы их хватило покрыть и мои грехи. Об этом я молюсь прежде всего:

«да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое».

Я своими глазами увидел, куда завела меня моя воля. Я отрекаюсь от нее. Хочу, чтобы отныне и на земле, и во мне воля Отца столь же безусловно совершалась, как и на небе, в мире бесплотных Ангелов, беззаветно Ему преданных:

«да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли».

Далее прошу:

«хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Но почему именно «наш», а не просто «насущный», как в притчах Соломона? Там все понятно: «нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом», то есть не давай мне лишнего, а только необходимое. Но мы упорно просим именно «наш насущный» хлеб. Значит, выражаем готовность принять как насущный хлеб — даже если Господь сочтет для нас «насущным» остаться «днесь» вообще без хлеба.

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

А этим прошением Господь в наши собственные руки вверяет наше спасение: как будем прощать, так и нам простится. Кажется, вот оно, в руках!..

Но с ужасом вижу, «что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего, и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7, 21—24). И остается только умолять:

«не введи нас во искушение».

Да, мы знаем, что не Бог нас искушает, «но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак. 1, 13–15). Но все же молимся, чтобы Господь избавил нас от последствий нашей греховной похоти. Да, нам сказано: «С великой радостью принимайте, ... когда впадаете в различные искушения» (Иак. 1, 2). Что же, и будем радоваться, когда Господь этому попустит. Ну а пока — молимся, чтобы все-таки не попустил.

И, наконец, просим у Бога, чтобы окончательно избавил нас от князя, от властителя мира сего:

«но избави нас от лукаваго».

Не хотим ничего общего иметь с тем, кто нас, обнищавших, послал пасти свиней, и заставил мечтать лишь о том, чтобы разделить со свиньями их пойло. Не будем больше воздавать ему славу, говоря: «враг силен!» Хотим быть только Твоими, потому что знаем: только

«Твое есть Царство, и сила, и слава во веки. Аминь» (Мф. 6, 13).

Таким образом, христианин стремится войти в Божественную жизнь, в Божественную волю, в Божественную славу. А язычник — наоборот: старается стащить своих «богов» на землю, и заставить работать на свои житейские нужды.

В конце Господь особо заострил внимание на том прошении, исполнение которого всецело зависит от нас самих. Он подчеркнул: «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит вам и Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 14–15).

И опытные наставники запрещали тем, кто находится во вражде, произносить молитву Господню. Потому что если мы, строя в душе планы мести, просим Бога: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», то — или не понимаем, что говорим.

Или сознательно просим себе такого же зла, какое желаем врагу.

Или просто издеваемся над Тем, Кому молимся.

О чем просить

Среда **Лк. 11, 9–13**
1 Фес. 2, 1–8

Господь говорит: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».

Но «всякий» как раз мог бы привести много случаев, когда его прошения почему-то исполнены не были.

Апостол Иаков объясняет, почему: «Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4, 3).

И в Евангелии есть примеры, какие прошения похвальны и будут непременно удовлетворены.

«Положим, — говорит Господь, — что кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: «друг! дай мне взаймы три хлеба, ибо друг мой с дороги пришел ко мне, и мне нечего предложить ему».

Он пришел не потому, что ночью вдруг захотел есть. Ему надо исполнить священный, заповеданный Богом закон гостеприимства. Он будет стоять и просить, не смущаясь ни отказами, ни укоризненными словами. И если его просьбу не исполнят сразу, все равно исполнят «по неотступности его» (Лк. 11, 5–8)!

И другой пример. Господь рассказывает про вдову, как она, загнанная в угол своими обидчиками, просила защиты у судьи, который так прямо и говорил о себе: «я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь» (Лк. 18, 3–7). Но так уж она доняла его отчаянными просьбами, что и этот бессовестный человек пошел навстречу, только бы отвязалась. И Господь заканчивает: «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя медлит защищать их?»

Апостолы Христовы именно день и ночь вопияли к Богу. Но чтобы их молитвы были услышаны, они еще и постоянно испытывали свои сердца, чтобы в них не было «ни заблуждения, ни нечистых помыслов, ни лукавства», «ни слов ласкательства», «ни видов корысти», ни искания «славы человеческой».

Господь обращается к тем, кто считает Его своим Отцом. Если сын попросит хлеба, неужели отец даст камень? Если попросит рыбы, неужели даст змею? Если попросит яйцо, неужели даст скорпиона?

Ну, а если сын просит змею или скорпиона, не зная, какой яд кроется в них? Если просит камень, думая, что это и есть хлеб?..

Кого называют отцом, тому доверяют. Даже человек способен «нежно обходится с детьми своими». Даже слуга Божий имеет дерзновение говорить: «мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши». «Тем более Отец Небесный».

Поэтому будем просить с сыновним доверием, и не забывать благодарить за все исполненные просьбы.

А еще более — благодарить за просьбы неисполненные. Потому что именно тут, может быть, сильнее всего сказывается Его любовь, которая «не ищет своего» (1 Кор. 13, 5), не ищет славы и похвал, а ищет только истинной пользы и совершенного блага своему возлюбленному.

О разделении сатаны в себе.

Четверг **Лк. 11, 14–23**
1 Фес. 2, 9–14

Однажды Господь «изгнал беса, который был нем; и когда бес вышел, немой стал говорить». А фарисеи вместо того, чтобы прославить Исцелителя и порадоваться за исцеленного, сказали: «он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского».

Откуда такая мысль? Лишь бы отмахнуться от истины? Или — кто упорно враждует против истины, тот неизбежно начинает верить только в силу бесов?..

А Господь далее показывает, что в этих словах не Ему укор, но приговор самому темному царству. Он показывает, что и во лжи может быть прославление истины, и тем большее прославление, чем бессовестнее ложь. Он говорит: даже если вы правы, даже если Я «силою веельзевула изгоняю бесов», то значит «сатана разделился сам в себе». Ну а если так, то «как устоит царство его?»

Как часто мы наблюдаем смертельную борьбу зла со злом же. Страсти борются за человека. Гневливость разрушает блудные союзы. Тщеславие не дает воли чревоугодию. А иногда низкие страсти в прах сокрушают гордость. Кажется, победил ту или иную страсть, а на самом деле просто хозяин переменился, а ты так и остался рабом.

Но как же все-таки радостно мгновение, когда многолетняя страсть вдруг отпустила, и оказалось, что она не всесильна!

А в общественной жизни идет борьба тирании с анархией. Только падет жестокая тирания, как наступает такой разгул анархии, что с тоской вспоминаешь прежние времена. А едва кто-то начнет восстанавливать порядок, сразу такие реки крови потекут, что подумаешь: ну его, этот порядок!

Но как сладок самый первый глоток свободы!

Или — как радостно узнать, что появился человек, бросивший вызов анархии и распаду!

Во всем этом залог того, что зло не устоит, потому что оно всегда разделяется само в себе и восстает само на себя.

Ну а по-настоящему противостоять злу может лишь то, что имеет силу соединять. Причем, соединять даже разделенное по природе. Апостол Христов в Духе Христовом пишет: «мы были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими» (1 Фесс. 2, 7). И тут же: «вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу».

Материнская нежность, соединенная с отцовским мудрым и властным назиданием — вот сила, способная поистине «перстом Божиим» окончательно побеждать бесов.

О Боге и о сатане.

Пятница **Лк. 11, 23–26**
1 Фес. 2, 14–19

Апостол Павел пишет к Фессалоникийцам: «Мы ... с большим желанием старались увидеть лице ваше... И раз, и два хотели придти к вам; но воспрепятствовал нам сатана».

Кажется, благочестивее было бы сказать: «но не было на то воли Божией». Но Апостол сказал то, что сказал.

Вспомним Ветхозаветную книгу Иова. В самом ее начале с удивлением видим, как Бог кротко, поучительными примерами из жизни наставляет... сатану, как будто еще надеясь его спасти! «Обратил ли ты внимание, — говорит Он, — на раба Моего Иова? Человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла» (Иов. 1, 6–8). Сатана возразил: «Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него?» (Иов. 1, 10).

И тогда Бог предает Своего верного раба во власть сатаны, который лишает Иова имущества, детей, дома, а потом поражает «проказою лютою от подошвы ног его по самое темя его» (Иов. 2, 7–8).

Жена сказала: «ты все еще тверд в непорочности своей! Похули Бога и умри». А он в ответ: «ты говоришь, как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого принимать не будем?» (Иов. 2, 9–10).

Но вот пришли друзья «и возвысили голос свой, и зарыдали; и разодрали каждый верхнюю одежду свою, и бросили пыль над головами своими к небу. И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико» (Иов. 2, 12–13).

Наконец, открыл Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов, и сказал: «погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмою» (Иов. 3, 1–4). А друзья стали как бы защищать Бога. Стали утверждать, что несомненно Иов имеет тайные грехи, и ему надо покаяться, чтобы вернуть Божию милость. Но он упорно не хотел с этим согласиться.

Дело в том, что хотя самую перемену своей судьбы Иов и принял, как Божию волю, но потом, изо дня в день ощущая всю несправедливость, всю беспощадную жестокость своей новой участи, отказался верить, что он и сейчас в Божиих руках. Совесть Иова протестует, и он наотрез отказывается назвать черное белым. Он не хочет уступить своей непорочности и благословить это бессмысленное и несправедливое мучительство.

В этом его правда, и неправда его друзей, что и засвидетельствовал, наконец, Сам Бог: «Горит гнев Мой на» вас «за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов. 42, 7). Бог был рядом, и снова связав сатану, вернул Иову благополучие. А Иов, в свою очередь, увидев пред собою Бога, забыл все, что пережил, и отрекся от всего, что говорил: «Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал Тебя слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 41, 3–6).

И вот, спустя много веков, продолжая, наверное, вразумлять сатану (ведь любовь не имеет предела), Бог указал ему и на Апостола Павла. А в жизни Павла было еще более поучительного, чем в жизни Иова. Наверное, Бог в каких-то пределах дал власть сатане и над Павлом. Но в отличие от Иова, который только стонет, Апостол, просвещенный Христом, ясно видит, где чьи дела. И он прямо и спокойно говорит: «но воспрепятствовал нам сатана».

Павел не смешивает благой плод терпения гонений с грехом самих гонителей, «которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся».

Так что все надо называть своими именами. И ужасно, когда люди, подобно друзьям Иова, пытаются быть самозванными адвокатами Бога, стараясь с точки зрения Божественной любви объяснить сатанинскую жестокость. Порой лучше помолчать и помолиться друг за друга, веря в неизбежную победу Господа Бога над всем царящим в мире злом.

О цветах добра и цветах зла.

Суббота **Лк. 8, 15–21**
2 Кор. 8, 1–5

В послании к Коринфянам Апостол Павел делится радостью о преуспеянии Македонских христиан, «ибо они среди

великого испытания скорбями преизобилуют радостью, и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия; ибо они доброхотны по силам и сверх сил — я свидетель». «Они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым». «И не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией».

Преподобный Симеон Новый Богослов отмечал, что прекрасный цветок любви к Богу вырастает только на безвидном и неприглядном стебельке страха Божия.

Увидишь где-нибудь в горах алый тюльпан, и с удивлением подумаешь: как из этой серой земли мог возникнуть его яркий, сочный цвет? Так и здесь: великое испытание скорбями, глубокая нищета, и вдруг — из этой печальной земли — «радость и богатство радушия»! И с какой силой выбивается этот мощный росток: доброхотность не только по силам, но и «сверх сил»! И не просто соглашаются сделать нечто доброе, но убедительно просят принять их дар!

Чудо — прорастание: великое чудо — цветок; но самое большое чудо — плод. И у Македонян — как плод: «не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией».

Удивительно, как в Божьем мире все дышит единством. Так, имеющий зерно, уже имеет все, и в то же время не имеет еще ничего. В духовной жизни зерно — Слово Божие. Его хранят «в добром и чистом сердце, и приносят плод в терпении». Имеющему зерно Бог еще должен дать и погоду, и дождь ранний и поздний. И сам имеющий в зерне «все» — сколько должен положить труда и терпения, чтобы ему, уже имеющему, было бы, наконец, дано! А иначе — отнимется и то, что имеет: зерно останется без плода.

«Итак», не обольщайтесь, но «наблюдайте, как вы слушаете: ибо кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь».

Закон прорастания — и в других словах Господних: «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы». По этому закону не только благие цветы прорастут и будут явлены миру, но и цветы зла. Одни распускаются навстре-

чу свету, который «пришел в мир» (Ин. 3, 19), к которому тянется каждый, «поступающий по правде». Другие же распускаются как бы в обратную сторону, стараясь скрыться от света. Они в конце концов тоже расцветут во всем своем безобразии, чтобы зло для нас наконец-то потеряло и малейший привкус добра.

Но тьма только тогда настоящая тьма, когда она в ответ на Божественный свет. Зло только тогда безнадежное зло, когда оно в ответ на совершенную любовь. Так и добро, и радость, и любовь к Богу и к ближнему в этой жизни только тогда поистине таковы, когда — сквозь зло, сквозь препятствия, сквозь искушения.

А иначе — то, что издали кажется живым, поднявшимся к Богу ростком, вблизи может оказаться уже давно завядшим и засохшим.

О ожившей надежде.

Введение во храм Пресвятой Богородицы **Лк. 10, 38–42; 27–28**
Евр. 9, 1–7

Сегодня, выполняя обет, престарелые Иоаким и Анна привели свою трехлетнюю дочь в Иерусалимский храм, где она останется до совершеннолетия.

Первосвященник по вдохновению свыше взял Ее за руку и ввел прямо во Святое Святых, куда и сам-то должен был входить «не во всякое время» (Лев. 16, 2).

Но закон здесь не нарушен. В законе нет запрещения, а просто есть богослужебное предписание: «В первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую (то есть именно в Святое Святых) — однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа».

И в Библии есть пример, что кто-то мог постоянно там находиться, и даже спать. Некогда другая, тоже праведная Анна тоже по обету привела маленького сына навсегда в храм, «и отрок Самуил служил Господу». «И было в то время, когда» «Самуил лежал в храме Господнем, где ковчег Божий», «воззвал Господь к Самуилу» (1 Цар. 3, 1–4).

Так что хотя о введении Пресвятой Девы в храм не говорится в Священном Писании, а только в предании, — нельзя утверждать, что этого не могло быть.

Да и где, как не в храме, надлежало пребывать Той, Которая Сама предназначена была стать храмом Живого Бога?

Введение в храм Пресвятой Богородицы — великий для нас праздник. Представим себе, что наше спасение еще не совершилось, что Сын Божий еще не пришел в мир, но уже открыто, каким путем Он придет, и указано на Ту, Которой предназначено стать как бы лестницей, по которой Он сойдет с неба. Но — при условии, если Она до конца сохранит верность Богу, навсегда пребудет пресвятой и пречистой.

С какой отчаянной надеждой мы взирали бы, как Она шаг за шагом идет по жизни, словно по острию меча! Если Она оступится, мы окончательно погибнем. Как мы взывали бы к Ней и устами, и сердцем: спаси нас, Мария! Не отступи, не оступись, сохрани верность Господу!

И вот, когда Ее вводят в храм, можем облегченно вздохнуть. Тут единственное место, где Бог обещал особым образом присутствовать (3 Цар. 8, 22–66), и где почти не слышно шума житейского моря. Она будет среди людей, тоже посвятивших себя Богу. Значит, растет наша надежда на спасение!

Вспомним, какой для нас праздник, когда родные и близкие находят дорогу в храм. Кто сюда пришел, кто ощутил как бы вкус благодати в церковных таинствах, кто научился руководствоваться Священным Писанием и выбрал себе духовника, тот поистине встал на твердую землю. И кто хоть раз, хоть за кого-нибудь испытал такую радость, тот особенно остро почувствует сегодняшний праздник, праздник ожившей надежды спасения всех людей.

О свойствах бесов

Неделя 23 **Лк. 8, 26–39**
Еф. 2, 4–10

В Евангелии много примеров изгнания бесов. Но сегодняшнее чтение особенно пространно говорит о свойствах злых духов.

Во-первых, поражает их сила, ужасает та власть, которую они могут брать над человеком, и тот ужас, который могут наводить. Гадаринский бесноватый был так страшен, «что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы, и был гоним бесом в пустыню».

Но тут же видим и слабость, и даже совершенное бессилие: бесы не способны переступить черту, которую проведет Бог. Они так и не смогли погубить свою жертву, и даже не смогли увлечь подальше от берега. Бесноватый, «увидев Иисуса», «пал пред Ним», чего бесы, конечно, не могли желать.

Видим беспредельную наглость бесов: мучая человека и не собираясь этого прекращать, они еще смеют просить не мучить их.

Узнаем, что бесы это духи, не занимающие пространства. Вот, в одном человеке целый легион. Но находиться они могут лишь в одном месте: сейчас они здесь, но скоро будут изгнаны, рассеются и войдут во множество других существ.

И снова видим их бессилие пред Богом: даже в свиней не могут войти без Его разрешения. Но опять же видим и огромную силу, когда Бог предает кого-то в их руки: вот, стадо мирных животных вдруг рванулось с места и погибло в море.

Видим их нетерпеливость: они спешат наброситься на свои жертвы.

Но видим и хитрость, и разум в иных случаях: они не трогают жителей Гадаринской страны, не терзают их, зная, что те и так им принадлежат.

Во время недавней борьбы с алкоголем один человек сказал: «как же хочет сатана, чтобы мы пришли к нему трезвыми!» Пьяный протрезвится и опомнится. Освобожденный от бесов сядет «у ног Иисуса», одетый «и в здравом уме». Но что сказать о том, кто свободно и трезво делает бесовское дело? А ведь так и поступили гадаринские жители, спокойно и вежливо попросив Его «удалиться от них».

Видим и то, как Господь использует силу бесов во вред им же самим. Он наглядно, на низшей твари показывает людям, что им грозит. Тех, кто создан «во Христе на добрые дела», Он учит помнить о своем достоинстве. И ужасаться надо не гибели бессловесных животных, и так рожденных «на уловление и

истребление» (2 Пет. 2, 12), а тому, что ждет нас, разумных, богоподобных, и даже уже спасенных Господом Иисусом, если отгоним Его от себя своей непотребной жизнью!

СЕДМИЦА 24 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О любви, чуде и знамении

Понедельник **Лк. 11, 29–33**
1 Фес. 2, 20–3, 8

Однажды приступили к Господу Иисусу Христу «фарисеи и саддукеи, и, искушая Его, просили показать знамение с неба» (Мф. 16, 1). Но Господь ответил: «род сей лукав; он ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка».

Любое дело Господа Иисуса, это во-первых, любовь и милосердие.

Во-вторых, это всегда чудо, то есть свободное и независимое распоряжение всем, что в мире.

И в-третьих, это еще и «знамение», то есть указание на высочайшее достоинство Иисуса Христа.

Господь просто делает, а в результате получается и одно, и другое, и третье. Он и обличает тех, кто пытается оторвать одно от двух других. Потому что любовь без чуда, это не любовь, а бессилие. Чудо без любви — всего лишь фокус. А просто знамение, чего как раз и искали фарисеи, — всего лишь самореклама.

Чтобы рассеять тьму, в которой находились Его враги, Господь приводит два примера из Священной истории. А всякий пример, это тоже, во-первых, чей-то свободный выбор.

Во-вторых, это — конкретное событие.

А в-третьих, это еще и суд над тем, кто в подобной ситуации поступил не так. «Пример», это как свеча, поставленная «на подсвечнике, чтобы входящие» не просто услышали о свете, но реально бы «видели свет», и спохватились бы, что их тайное вдруг стало явным.

Потому-то «царица Южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их». «Ниневитяне восстанут на суд с

родом сим и осудят его». И как же не осудит их царица Южная! Она, женщина, оставляет надолго свое царство, и «от пределов земли», за тысячу верст, и не в кресле самолета, а на верблюде, по аравийской пустыне отправляется только затем, чтобы «послушать мудрости Соломона»! А «здесь», совсем рядом, Тот, Кто неизмеримо «больше Соломона».

И как же не осудят их Ниневитяне! Они поверили пророку Ионе, «и объявили пост, и оделись во вретища», «и крепко вопияли к Богу», и «каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих» (Иона 3, 5–8). А «здесь» Тот, Кто «больше Ионы», терпеливо зовет покаяться.

А что касается собственно «знамения», если уж так упорно хотите видеть, то — вот вам знамение, ярче которого нет и не может быть: «Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи».

Потому что самое великое дело, которое совершил Господь, это Его жертвенная тридневная смерть и воскресение. В этом, во-первых, высшее откровение Его любви;

во-вторых, совершенная победа над косностью вещества, над смертью.

И кто увидит в этом всего лишь «знамение», тот сам себя осудит последним, страшным судом.

О очищении ока

Вторник **Лк. 11, 34–41**
1 Фес. 3, 9–13

Господь сказал: «Светильник для тела есть око; итак, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло; а если око твое будет худо, то и тело твое будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?»

Значит, как солнце освещает весь внешний мир, так и око призвано освещать все тело. Но часто вполне зрячее око способно погрузить все тело во тьму.

Преподобный Дорофей в своих «Душеполезных поучениях» приводит пример. Стоит человек на улице. Проходит некто мимо и думает: «вот, ждет, кого бы ограбить». Тут же проходит другой и думает: «вот раб Божий ждет друга, чтобы вместе пойти помолиться».

Потому что у одного око темное, а у другого светлое.

Или еще пример. Один епископ увидел проходящую мимо известную в городе блудницу и... заплакал. «Посмотрите, — сказал он своим собратьям, — с каким тщанием эта женщина украшает себя, чтобы угодить поклонникам. С таким ли усердием мы украшаем себя добродетелями, чтобы угодить Небесному Жениху?» Даже при взгляде на источник греха и соблазна, все тело святого человека просветилось, воля еще более окрепла, чтобы трудиться для Царства Небесного. Что же он скажет глядя на тех, кто преуспевает в добре? Конечно же, вместе с Апостолом воскликнет: «Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом!»

А человек с темным оком от всего оскверняется. На что бы ни взглянул, в нем оживают темные страсти: гнев, вожделение, зависть. Фарисеи осквернились, даже взглянув на Господа Иисуса, осудив Его за то, что не совершил ритуального омовения рук перед едой.

Сами же они всегда тщательно мыли руки, потому что для них все вокруг было скверным и нечистым, настолько темно было их око, настолько «внутренность» их была «исполнена хищения и лукавства»!

Господь обличил их и открыл, какой помысел должен быть в сердце, чтобы светлым оком смотреть вокруг: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть; тогда все будет у вас чисто».

Как только научишься видеть во всем повод для творения милостыни, сразу все темные чары рассеются, мир преобразится, и все внутри и вокруг «будет светло» «так, как бы светильник освещал тебя сиянием».

Так и в приведенном в начале примере. Второй прохожий поистине желал творить милостыню «из всего, что у него есть». Едва увидев человека на улице, он первым делом подал ему милостыню хотя бы только добрым помышлением о нем.

О десятине и о милостыне

Среда **Лк. 11, 42–46**
1 Фес. 4, 1–12

Продолжая обличать фарисеев, Господь сказал: «Горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей».

А вчера мы слышали: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть».

Но милостыня не противопоставляется десятине. Просто понятие милостыни и шире, и глубже, как и все, чему учил Господь Иисус Христос, по сравнению с Ветхим заветом.

Закон о десятине был установлен для совершенно конкретной, временной цели. Бог через Моисея повелел, чтобы одиннадцать колен Израилевых, между которыми была разделена земля обетованная, давали бы «десятину из всего» двенадцатому колену, колену Левия, «за то, что они исправляют службы в скинии собрания» (Чис. 18, 21).

Но вот настали новозаветные времена. На вопрос богатого юноши, «что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» — Господь не десятину предлагает платить, но: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19, 16, 21).

Вот Закхей мытарь восклицает: «Господи! половину имения я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо», и в ответ слышит: «ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19, 8–9).

Бедная вдова тайно принесла в сокровищницу две лепты, и пред Богом оказалось, что она положила «больше всех» (Мк. 12, 43–44). Да и стакан воды, поданный ради Христа, тоже Ему дорог.

И десятина может быть как милостыня, если она по свободному произволению, от чистого сердца. Авраам сам, по своей воле, дал Мелхиседеку, «священнику Бога Всевышнего», «десятую часть из всего» (Быт. 14, 18–20). Иаков обещал на пути в Месопотамию: «Из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть» (Быт. 28, 22).

И не за то укорял Господь фарисеев, что давали десятину, но за то, что при этом не заботились о главном: «о суде и о любви Божией».

Милостыня — все то, что в духе свободы и любви. А все, что в духе свободы, трудно. Проще — когда назначили цену, и отдал. Тут, кстати, и погордиться можно, и одновременно пороптать. А когда о цене молчат, для иного человека начинается мучительная борьба помыслов: мало дать стыдно, много — жалко...

Наша церковь сохранила дух Христовой свободы. Она не облагает своих членов обязательной десятиной. И хотя, как правило, в «свечном ящике» на все установлены определенные цены, но все мы понимаем, что так быть не должно. Ревнующие о благочестии священники стараются вводить в своих храмах свободное пожертвование за все, даже за свечи, по заповеди Апостола, чтобы мы «ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво».

Но как недопустимо говорить дающему: «мало», столь же недопустимо говорить: «много». Один Бог знает, что для кого много, а что мало. Главное, чтобы давать смиренно, понимая, что ничем не сможешь оплатить благодати Святого Духа.

Но и не давать, или давать мало — тоже надо смиренно, и не смотреть при этом завистливым оком на плоды чужой щедрой милостыни.

О «мире и безопасности»

Четверг **Лк, 11, 47–12, 1**
1 Фес. 5, 1–8

Господь сказал: «Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши. Сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними; ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы».

Очевидно, убить Божьего человека, а потом построить ему памятник, — дела одного рода. Не выполнив Божью волю, строим памятник тому, кто эту волю возвещал! Что будет, если пришествие Господне в сонме всех воскресших праведников застанет нас за этим занятием?

А «день Господень так придет, как тать ночью», неожиданно, когда перестают ждать, когда особенно крепок сон, «когда будут говорить: «мир и безопасность». Именно тогда, «внезапно постигнет их пагуба».

По-видимому, будет такое время, когда человечество после всех столкновений «народ на народ и царство на царство» на время успокоится, объединится под одной рукой в одну всемирную империю. И все религии объединятся, потому что каждая пожертвует своей исключительностью. При этом весь мир будет уставлен памятниками и гробницами тем, кто за единственность своей истины когда-то положил душу. Библиотеки будут полны их книгами, прекрасно изданными. По этим книгам будут писать научные работы, изыскивая то, что является общим для всех религий. Всякое отличие и своеобразие будет считаться предрассудком своего времени, и поэтому случайным и лишним.

Тогда же, очевидно, будет ставиться на чело и на руку единая имперская печать, позволяющая покупать и продавать. Ставиться она будет только в обмен на обещание не лезть со своей истиной и не смущать мирно пасущиеся народы.

Но мир, принявший в себя семя лжи, неизбежно, по закону природы, выносит его. Семя зла, чтобы принести сторичный плод, тоже должно, по всеобщему закону, на время как бы умереть. Все получившие печать уснут, успокоенные, примиренные и накормленные. И если у организаторов нового порядка хватит коварства, они и тех, кто не примет печать, не будут беспокоить гонениями, чтобы и из них некоторые постепенно заснули бы, обольщенные гордым чувством «выполненного христианского долга»...

Но злое семя прорастет, мнимые «мир и безопасность» взорвутся, и все вспыхнет с новой, страшной силой, и в новом, невиданном качестве. «Подобно, как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут».

«Но вы, братия», — обращается Апостол к тем, кто никогда и ни за что не продаст своего первородства, — «вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. Ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не сыны ночи, ни тьмы».

Чем спокойнее для нас время, тем беспокойнее должно быть на сердце. «Итак, не будем спать, как прочие, но будем

бодрствовать и трезвиться» и от вина, и от объедения, и от обольщения тишиной и миром, и от смущения войнами и военными слухами, и от гордости, что мы-де пребываем в истине...

Ну а помыслить, что убитому за истину праведнику нужен и приятен величественный монумент, разве это не значит — вторично убить его?

О тайном и явном

Пятница **Лк. 12, 2–12**
1 Фес. 5, 9–13, 24–28

Господь предостерегал от «закваски фарисейской, которая есть лицемерие» (Лк. 12, 1), когда одно внутри, втайне, а другое — наружу, перед всеми.

А сегодня Господь говорит, что и вообще «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях». Это закон. Каждый, наверное, мог бы привести немало примеров действия этого закона. И особенно — на хороших людях. Тут уж и одна, самая маленькая, подлость сразу оборачивается всемирным позором. Поэтому всякое зло, не только сказанное или сделанное, но и сокрытое в сердце, должно быть как уголь в руках, как меч над головой.

Но бывает и другое тайное, то, что хотят сделать с нами враги: оклеветать, заточить, уничтожить. Бывает сокрытым то, что могло бы мгновенно разрушить все обвинения. И тут уже те же слова Господни звучат утешением. И это тайное будет открыто. Если надо, Господь и в этой жизни оправдает, как, например, Сусанну от клеветы развратных стариков (Дан. 13), или как Пресвятую Деву от подозрений Иосифа (Мф. 1, 19–20).

Если же все-таки придется пострадать за правду, то истина откроется в вечной жизни, к величайшей славе невинного страдальца. Господь Сам перед всеми оправдает, и Сам введет в круг Ангелов Небесных.

Но это при условии, что мы сделаем явной — нашу тайную, если она такова до сих пор — веру в Иисуса Христа. Господь сказал, что «исповедает пред Ангелами Божиими» лишь того, «кто исповедает» Его «пред человеками».

Того, кому мешает обычная трусость, Господь побуждает не бояться «убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать». Он напоминает, что ни одна даже из малых птиц «не забыта у Бога».

Но некоторые не исповедают Господа Иисуса пред людьми совсем по другой причине: они боятся вызвать хулу на Него, и стать невольной причиной гибели богохульника. Кажется, именно таковых Господь успокаивает обещанием, что «всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет». Не бойтесь, не постигнет мгновенная кара того, кто в ответ на ваши слова скажет — по неразумию, по страсти, по горячности — какую-нибудь хулу. Господь не спешит казнить, но терпеливо ждет обращения грешника.

Главное, чтобы вера не была лицемерной, когда одно «в душе», а другое перед людьми. А что не так — Бог поправит, ведь Он «определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли или спим, жили вместе с Ним».

О «другом Иисусе»

Суббота **Лк. 9, 1–6**
2 Кор. 11, 1–6

Апостол Павел писал к Коринфянам: «если бы кто, придя, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, то вы были бы очень снисходительны к тому».

Да, так бывает. Проповедуют вроде бы Иисуса, и говорят вроде бы правильно и складно, но чувствуется, что это именно какой-то другой Иисус. И предлагают духа, и вроде бы демонстрируют действие этого духа, но сердце гово-

рит, что это тоже какой-то иной дух, а не Тот, Который в Пятидесятницу сошел на верных учеников.

В чем тут дело?..

Господь прожил на земле тридцать три года, из которых последние три непрерывно проповедовал. А незадолго до Своих страданий еще и послал Апостолов на проповедь, дав «им силу и власть над всеми бесами, и врачевать от болезней». Они «проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду». Целое движение, целый поток посланцев Христовых: сначала двенадцать, потом еще семьдесят.

А каждое из четырех Евангелий — тоненькая книжечка, содержащая в основном параллельные тексты!

Но ничто, сказанное Богом, или по велению Бога, не могло исчезнуть. Просто все вошло не в книгу, а в самую плоть и кровь первой церкви, первых последователей Христовых.

Люди, не видевшие Иисуса, видели Апостолов, видели их непрестанные труды, участвовали с ними в общих молитвах, от которых колебалась земля под ногами (Деян. 4, 31).

Судившие первомученика Стефана «видели лице его, как лице Ангела» (6, 15).

Читая жития святых, мы видим, как раскрывалась в Церкви та или иная сторона жизни Господа Иисуса.

В мучениках — Его жертвенная любовь к Отцу.

В преподобных — Его молитвенный труд.

В святых епископах и пресвитерах — Его пастырское служение, Его радость и об одной обратившейся овце.

В богословии церкви постепенно проявлялась совершенная точность Его учительных слов.

Только Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь приняла в себя Иисуса Христа.

И когда встретишь одного-единственного истинного сына Церкви, это мгновенно разрешает все вопросы, устраняет все сомнения и смущения, и самому хочется стать причастником этой тихой, неземной красоты.

А Евангелие, это, конечно, «твердое основание», это слово Божие. Но кто, когда и где стал христианином, просто случайно взяв с полки Евангелие и прочитав его? И евангелист Лука письменно излагает это «основание» нашего учения именно тому, кто уже был в нем наставлен (Лк. 1, 1–4)!

А тот, кто преподносит только Евангелие, тот как раз и преподносит другого Иисуса, которого не знала первая Церковь. Но если бы они молча, без единого слова, просто раздавали эту книгу! А то ведь у них и свое «богословие», и свои «жития», и свои собрания. Только все это уже совсем от другого корня. А мы бываем «очень снисходительны» к таковым, потому что у них проще, удобнее, «по-человечески»...

Но никакого «другого Иисуса» нет. «Другой», это уже не Иисус. «Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою», — говорит Апостол о Единственном Иисусе.

А «другой», это тот, который уже однажды «хитростию своею прельстил Еву», и теперь, маскируясь под Иисуса, хочет и нас увести от Того, Кто как раз и пришел освободить нас от этого прельщения.

О «национальности» Иисуса Христа

Неделя 24 **Лк. 8, 41–56**
Еф. 2, 14–22

В послании к Ефесянам Апостол Павел пишет о Господе Иисусе Христе, что «Он есть мир наш, соделавший из обоих одно, и разрушивший стоявшую посреди преграду». Он упразднил «вражду Плотию Своею, а законы заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем».

Два мира, иудейский и языческий, обретают примирение в Иисусе, и именно на Его кресте. И до такой степени, что уже говорится даже не о двух, живущих в мире, но об «одном новом человеке».

А если Христос смог «из двух создать в Себе Самом одного», то возможен ли вообще вопрос: а кто Сам Он «по национальности»?

Никто, конечно, не будет отрицать, что Его человеческое родословие — от Авраама, через Иуду и Давида. Но Авраам-то кто был «по национальности», если Апостол именует его не только «отцом обрезанных», но и «отцом всех верующих в необрезании» (Рим. 4, 11)? Причем, отцом только тех «обрезанных», которые ходят «по следам веры» его (Рим. 4, 12).

И когда кто-то начинает гордо и настойчиво напоминать: «Иисус был иудей, как и мы», то начинаешь сочувствовать тем, кто столь же упорно доказывает, что не иудей Он вовсе, а галилеянин, а Галилея, это почти Галиция...

По Своей милости, «не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал» (Рим. 11, 2). Но и другие народы имеют полное право называть Иисуса Христа своим Царем, своим Господом и Богом. И одновременно — своим братом. И есть глубокая правда, что у разных народов икона Иисуса Христа имеет свои национальные черты. У японцев Он похож на японца, у чернокожих — чернокожий. Тем самым каждый говорит: Бог стал человеком именно ради меня, и поэтому уподобился именно мне.

Но уподобился Он мне не для того, чтобы дать мне на земле преимущество перед другими, а для того, чтобы меня уподобить Себе и сделать гражданином Небесного Царства. И если какой-либо принявший Христа народ продолжает считать себя избранником Божиим, или начинает считать себя новым избранником, значит — пришел с гордостью собою и своими заслугами. Значит, надеешься еще на что-то, кроме креста Христова. А если так, то не произойдет чуда, не упразднится вражда, и не получится «один новый человек».

Вспомним, как пришла к Иисусу больная кровоточивая женщина. Едва прикоснулась она сзади к Его ризам, как сразу почувствовала, что вошла в нее исцеляющая сила и сокрушила болезнь. Но не смогла бы эта женщина с такой верой прикоснуться к Нему, если бы прежде совершенно не разуверилась во всех земных врачах, издержав на которых «все имение, ни одним не могла быть вылечена».

СЕДМИЦА 25 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О дележе наследства

Понедельник **Лк. 12, 13–15, 25–31**
2 Фес. 1, 1–10

Однажды к Господу Иисусу подошел некий человек и попросил: «Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною

наследство». И услышал в ответ: «Кто поставил Меня судить или делить вас?»

В Евангелии нет ни одного случая, чтобы Господь обогатил бедного или защитил угнетенного. Когда с обеих сторон кипят страсти, то встав на одну сторону, еще более ожесточишь другую. Господь пришел спасти и обиженного, и обидчика, и бедного, и богатого, раздвинуть горизонты жизни, показать путь на небо. И Он предостерегает всех до одного: «Смотрите, берегитесь любостяжания».

И еще Он сказал: «Жизнь человека не зависит от изобилия его имения».

С этими словами сразу согласится тот, кто под словом «жизнь» понимает жизнь вечную.

Эти слова должны встряхнуть и того, кто до сих пор вообще не задумывался, что такое жизнь.

На эти слова не сможет возразить и тот, для кого вся жизнь — лишь ожидание исполнения смертного приговора или исхода неизлечимой болезни, кто убедился, что никакое имение уже не поможет.

Чтобы укрепить первых, слово Божие напоминает о терпении христиан «во всех гонениях и скорбях, переносимых ими «в доказательство того, что будет праведный суд Божий».

Вторым, самоуверенным и не задумывающимся, предназначена притча о некоем богаче, который все распланировал «на многие годы», и одного только не учел, что «в сию ночь» возьмут его душу (Лк. 12, 19, 20).

Третьим, а заодно и всем остальным Господь сказал: «Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

Удивительная вещь цветок. Мало того, что это пример Божией заботы даже о травинке, которая «сегодня есть, а завтра будет брошена в печь». Цветок и сам — посланец вечности. Это свободный дар Божией любви. И Божий совет «посмотрите на лилии» настолько вошел в жизнь, что все мы дарим друг другу цветы и в дни радости, и в дни скорби.

В дни радости мы как бы говорим: «Смотри, Кто дал тебе эту твою радость: Тот же, кто дал и эти цветы! Будь же достоин Его, не забывай о Нем». А в дни скорби — «вот, эти

прекрасные цветы и эту утрату ты получил из одних и тех же рук. А течет ли из одного «источника сладкая и горькая вода» (Иак. 3, 11)?

Ну а кто не видит и не слышит ни первого, ни второго, ни третьего, но при этом считает себя христианином, — для чего такому человеку нужен Христос?

Неужели только для того, чтобы в клетке этой жизни, делить добро между приговоренными к смерти?

О раздаянии меры хлеба

Вторник **Лк. 12, 42–48**
2 Фес. 1, 10–2, 2

Однажды Господь рассказал притчу о рабах, которые, ожидая хозяина, старательно выполняли порученные дела, и потом обратился к слушателям: «Будьте же готовы, ибо, в который час не думаете, приидет Сын Человеческий» (Лк. 12, 40).

А тут Петр спросил: «Господи! К нам ли притчу сию говоришь, или и ко всем?» (Лк. 12, 41). Не знаем, что Петр рассчитывал услышать в ответ, но Господь сам задал встречный вопрос: «Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими — раздавать им в свое время меру хлеба?»

Этот вопрос остался без ответа. Но чувствуется, что в нем — вызов, обращенный ко всем. В ответ каждый должен бы встрепенуться и спросить: «не я ли, Господи» (Мф. 26, 22)?

И наверное, каждому Господь ответил бы: «ты сказал» (Мф. 26, 25).

Потому что каждый и должен, и может быть не только верным рабом Божиим, но и верным Его домоправителем. Не только хозяин может одарить рабов богатством, но и рабы могут одарить его верностью и послушанием от чистого сердца. И последнему рабу есть что раздавать слугам Божиим «в свое время»: «кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13, 7).

И «блажен раб тот, которого господин его, пришед, найдет поступающим так». «Блаженны те рабы, которых госпо-

дин, пришед, найдет бодрствующими». И если даже каждого «найдет поступающим так», каждого и поставит «над всем Своим имением»! И если всех «найдет бодрствующими», то «препояшется и посадит» всех, и «станет служить» каждому (Лк. 12, 37).

Невозможное человеку возможно Богу, «когда Он придет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших».

«Для сего и молимся всегда за вас, — пишет Апостол, — чтобы Бог наш соделал вас достойными звания», «да прославится имя Господа Иисуса Христа в вас, и вы в Нем». И каждый друг в друге, и каждый во всем творении Божием, и все творение Божие в каждом. «По благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа».

О том, кто — антихрист

Среда **Лк. 12, 48–59**
2 Фес. 2, 1–12

Апостол Павел советовал «не спешить колебаться умом», и не «смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает» второе пришествие Христово.

Сам же Господь во время Своей земной жизни, напротив, укорял людей за то, что они «лице земли и неба распознавать» умеют, а «времени сего» распознать не смогли.

Но ведь пришествие Христа в мир было совершившимся фактом, и не видеть этого было нельзя. Второе пришествие будет еще более очевидным. Тут уж совсем будет не до гаданий.

Но прежде должно закончиться духовное расслоение, которому Сам Господь положил начало: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: три против двух, и два против трех; отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери».

Пока же все в тайне: и «великая благочестия тайна» (1 Тим. 3, 16), и «тайна беззакония». Пока и за маской веры

может крыться совершенное беззаконие, и за маской безверия — жизнь, достойная подражания.

Когда же все до предела наберет силу, тогда Господь, наконец, возьмет «от среды» всех, кто по Его воле сдерживал разлитие зла. И тогда «откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога». Причем, это, «по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением».

«Вы укоряли христиан, почему нет чудес? — Правильно укоряли. Вот вам чудеса во множестве, когда только пожелаете. Вы справедливо спрашивали, где Бог, и почему Его нельзя видеть? — Вот, теперь видите, и всегда, когда захотите, сможете видеть».

И тогда все сыны погибели, все, которые так и «не приняли любви истины для своего спасения», увидят, вокруг кого им собираться.

А сыны спасения увидят, откуда бежать, чтобы не попасть на суд, где «будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду», и чтобы не быть рядом с тем, «которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего».

А пока наша задача — распознать «пятую колонну», разглядеть, кто тот таинственный «соперник», от которого надо успеть освободиться, «чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу». А то мы все не от того, от кого надо, хотим избавиться. Чуть кто нарушит наш покой, наступит на ногу, сразу кричим: «антихрист»! Чуть Господь стеснит наш путь, чтобы помочь спастись, мы сразу: «последние времена»!

А на самом деле «антихрист», это — всякий день, проведенный в лености и расслаблении, в сварах и суете. Потому что подрывает и веру, и силу, и мудрость, и все меньше оставляет надежды, что сможем «распознать» и достойно пройти сквозь действительно последние грядущие времена.

О бедах и о грехах

Четверг **Лк. 13, 1–9**
2 Фес. 2, 13–3, 5

Однажды Господь Иисус Христос со Своими учениками проходил мимо слепорожденного, сидящего при дороге (Ин. 9, 1–3). Наверное, этот человек имел такой жалкий вид, что ученики захотели узнать причину: «Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?»

И тут не простое любопытство, но сокровенное желание самим избежать такой беды.

Вообще человеку свойственно искать закономерности, чтобы увереннее идти по жизни. Так, при виде всякого несчастья, всякой страшной смерти, очень хочется найти видимую причину, чтобы самому ее обойти. И в то же время хочется оправдать случившееся, успокоить себя, мол, по грехам этот человек получил заслуженное. Со мною такое не случится, потому что я не такой.

Нам хочется весь мир заключить в простую формулу. Почему «четыре»? А потому что здесь «два умножено на два».

Сегодня тоже узнаем о двух несчастьях. Понтий Пилат жестоко казнил нескольких Галилеян. А в Иерусалиме обрушилась Силоамская башня.

Не дожидаясь обычных вопросов, Господь сказал: «Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала Силоамская башня и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете».

И на вопрос о слепорожденном Господь ответил: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин. 9, 3).

Господь не отрицает связи наших бед с нашими грехами. Но все гораздо глубже. При виде чужих несчастий, действительно, надо со страхом поглядеть под ноги, не стою ли я на этом же обрыве? И если так, то первым делом — покаяться и оставить грех.

Но бывает, каемся, исправляемся, делаем все, что советуют, а беды не отступают. Закон не срабатывает, и возникает обида на Бога. А по причине Его недоступности, набрасываемся на своего духовника...

А может быть тебе, как большому кораблю, Бог определил и большое плавание, и по твоим силам дал тебе такой крест?

Может быть Он хотел, чтобы на тебе, как на многострадальном Иове, явились миру великие Божьи дела?

А может быть это и есть та самая Божья воля, которую ты все время выпрашиваешь: «Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли»? Ведь если это не моя воля, если я этого не хотел и не ждал, не хочу принимать, не хочу нести; и в то же время не могу от этого уклониться, — значит это и есть мой путь, мой крест, Божья обо мне воля. И просто надо взять и смиренно понести.

«Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово».

Но ни у кого никогда не получится заключить всю свободу Бога и человека, все бесконечное богатство Божией премудрости — в любые, даже самые благочестивые «дважды-два-четыре».

О жизни по преданию

Пятница **Лк. 13, 31–35**
2 Фес. 3, 6–18

Апостол пишет: «Завещаваем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас».

Здесь уже не в первый раз встречаем слово «предание». Недавно читали: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фес. 2, 15). Как видим, «предание», это и устное, и письменное слово.

А сегодня — еще об одном виде предания. Запретив поступать «бесчинно, а не по преданию», Апостол объясняет:

«Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас. Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работали день и ночь, чтобы не обременить кого из вас».

И писаное слово, и устное, и личный пример — все это и есть живое предание Церкви. Все это постепенно записывалось, обогащалось опытом жизни во Христе и сохранялось для последующих поколений.

Кто же вступает на путь пересмотра этих ценностей, кто начинает превозносить одно за счет другого, тот вступает на опасный путь. Преподобный Дорофей в своей книге рассказывает, как некто сначала унижал всякого, и говорил: «Нет никого достойного, кроме Макария». Спустя немного, стал говорить: «что такое Макарий? Нет никого, кроме Василия и Григория». Но скоро начал осуждать и сих, говоря: что такое Василий? И что такое Григорий? Нет никого, кроме Петра и Павла». Я сказал ему: «поистине, брат, ты скоро и их станешь уничижать». И, поверьте мне, чрез несколько времени он начал говорить: «что такое Петр? И что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы». Наконец, возгордился он и против Самого Бога и, таким образом, лишился ума».

Чтобы предотвратить подобные падения, в Церкви существует обычай: не дожидаясь, пока человек дойдет до полной погибели, отлучать его на время от церковного общения. Так и Апостол, напомнив Фессалоникийцам правый путь, одновременно советует «удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию». И речь шла даже не о нарушении важнейших догматов церкви. Речь шла о заповеди, чтобы верные, «работая в безмолвии, ели свой хлеб». «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». А некоторые упорно «ничего не делают, а суетятся».

Апостол подчеркивает, что ограничение церковного общения имеет врачующий характер. «Если же кто не послушает слова вашего в сем послании, того имейте на замечании, и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его; но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата».

Господу тоже пришлось отлучить от Себя Своих предателей: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков, и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья. И вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня». Но и это отлучение не навечно: дверь покаяния откроется тому, кто придет в себя и воскликнет: «Благословен грядый во имя Господне!»

Лишение, это тоже способ научения, и тоже сохраненный церковным преданием. Иной — сразу и навсегда должным образом оценит то, что ему дано, а иному необходимо на время лишиться церковного общения, чтобы понять, что нет ничего драгоценнее, чем быть и со Христом, под Его крыльями, и со всеми Его птенцами, со всеми христианами от самого Рождества Христова и даже от самого сотворения мира, со всеми, кто послан был к нам «во имя Господне», и привел нас к Нему.

О том, кому «предал Себя» Христос?

Суббота **Лк. 9, 37–43**
Гал. 1, 3–10

Когда Господь с тремя учениками сошел с горы после Преображения, «встретило Его много народа». И подошел некий человек с просьбой изгнать беса из его сына. «Я просил учеников Твоих изгнать его; и они не могли», — добавил он. И тогда Господь воскликнул: «О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами, и буду терпеть вас?»

О ком это? О том ли, кто своим неверием и своими грехами дает власть бесам над собою? Или о том, кто имеет лишь вид благочестия, и поэтому не может помочь страждущим? Скорее всего, и о тех, и о других.

Но все же и тем, и другим Господь помогает. Он возбуждает веру в отце бесноватого отрока, Он освобождает и самого отрока. И Он объясняет ученикам, как обрести должную силу.

Ну а воскликнул так Господь, наверное, потому что только что сошел с Фаворской высоты. Там было Преображение,

Небесный свет, Небесная слава. А здесь — глубокое падение тех, кто тоже сотворен для участия в славе и блаженстве. В конце Своей земной жизни Господь именно за этот «род неверный и развращенный» «отдал Себя Самого», и тем самым положил твердое начало избавлению «от настоящего лукавого века».

Но если мы не пережили, подобно, например, исцеленному отроку и его отцу, что такое настоящее пленение, если свыклись со своим унизительным рабством, то и слово об избавлении не прозвучит с должной силой. Не испытаем мы непосредственного, живого чувства освобождения, а будем любопытствовать: а у кого именно выкупил нас Господь? Кому именно принес Себя в жертву?

И нам будут предлагаться разные ответы. Одни скажут, Он принес Себя в жертву сатане, другие скажут, что — Отцу, удовлетворив Его оскорбленное человеческим грехом достоинство. Но кощунственно думать, что Господь приносит Себя в жертву сатане, когда Он Сам изгонял легионы бесов. И не менее кощунственно представить себе разгневанного Бога, жаждущего крови и требующего отмщения.

Но не надо ничего придумывать. Слово Божие само отвечает и на этот вопрос. Но отвечает не так, чтобы просто удовлетворить любопытство, но чтобы, как всегда, побудить к соответствующим делам: «Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас, и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу...» Но не во удовлетворение Его «оскорбленного достоинства», а «... в благоухание приятное» (Еф. 5, 1–2).

Потому что Бог Сын, как и Бог Отец, как и Бог Святой Дух — «есть любовь» (1 Ин. 4, 8), а любви без жертвы не бывает.

И в то же время сказано, что Христос предал Себя «за нас», «за грехи наши», «за людей» (Ин. 11, 50), «за нечестивых» (Рим. 5, 6), «за всех нас» (Рим. 8, 32). Сказано, что мы искуплены «драгоценною Кровию Христа» (1 Пет. 1, 18–20).

Я как бы сидел в камере смертников и ждал неотвратимой казни. А Он пришел и сказал: «Иди. Я буду страдать и умру вместо тебя». Что же я сделаю? Неужели тут же радостно выскочу, и поспешу вернуться в ряды «лукавого и развращенного рода»? Неужели не останусь разделить с Ним временные страдания, чтобы вместе войти в вечную жизнь?

О пределах любви и о «религиозной нетерпимости»

Неделя 25 **Лк. 10, 25–37**

Еф. 4, 1–6

Однажды некий законник, искушая Иисуса, спросил: «Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Но тут же выяснилось, что он сам прекрасно это знает, потому что знает главную заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя».

Тогда лукавый вопрошатель, «желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?»

И Господь стал отвечать. Он рассказал, как некий человек был изранен и ограблен, как мимо равнодушно прошли и один, и другой. И только третий прохожий, «увидев его, сжалился».

Рассказав до конца, Господь задал законнику неожиданный вопрос: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?».. А законник-то спрашивал, кто ближний ему самому, кого он сам обязан любить как самого себя, мимо кого сам он может пройти, а мимо кого не может?

Но с первых же строк рассказа, как только мимо несчастного прошли священник и левит, ясно, что твой ближний тот, кто попался тебе на пути, и кто в тебе нуждается. А вот избитый разбойниками сам уже ни к кому приблизиться не может. Он лежит и ждет: «кто же мой ближний? Кто сам приблизится ко мне?» И наконец такой человек нашелся, и кто же? — самарянин, иноверец! А ведь «Иудеи с Самарянами не сообщаются» (Ин. 4, 9).

Продолжая рассказ, Господь раскрыл совсем другое «неизвестное» в этой заповеди, показал, что значит «возлюбить», и до какого предела любовь должна простираться. Самарянин не только обработал и перевязал раны; не только довез до гостиницы, не только и здесь ухаживал за ним. И даже не только, уезжая, дал гостиничнику денег с про-

сьбой присмотреть за пострадавшим. Он еще и сказал: «если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе». Ни на чем не остановился, никого не счел обязанным разделить с ним заботу о больном, но все взял на себя.

Вот что значит «любить». Вот чему надо учиться всю жизнь. «Иди, и ты поступай так же», — говорит каждому Господь.

Иногда из этого рассказа делают вывод, что не за то с нас спросится, как именно мы веровали, но — были ли мы хоть в чем-то подобны этому самарянину?

Но одно нельзя противопоставлять другому. Вспомним, что сказал Господь в разговоре с другой Самарянкой, тоже заслужившей от Него похвалу. Он не сказал: «смотри, сколько общего в наших религиях, и сколь большее нас объединяет, чем разъединяет, дескать, и отцы у нас одни, и история, и Пятикнижие Моисеево, и все мы Мессию ждем». А Он сказал прямо и резко: «Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев» (Ин. 4, 22). Нравится нам это или не нравится, но в то время только иудеи были хранителями единой истинной веры, только они составляли единую истинную церковь...

Господь зовет к единству не только всех исповедующих имя Христово, но и весь вообще человеческий род. Но не просто к единству, а к единству в истине.

Да, надо созидать и хранить «единство духа в союзе мира», и для этого снисходить друг к другу «со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением». Но всегда надо помнить, что «один Господь», и поэтому лишь «одна вера» — нравится нам это или не нравится — является истинной и спасительной.

И наша жизнь, конечно, должна соответствовать нашей вере, и мы у всех должны учиться всему доброму: и у иноверцев, и у совсем неверующих; и даже у птиц и растений (Мф. 6, 25, 28). Даже волов и ослов Господь иногда ставит в пример: «вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего», а Мой народ «не знает Меня» (Ис. 1, 3).

Но не должны же мы подражать ослиному упрямству и воловьей тупости!

СЕДМИЦА 26 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О мере любви

Понедельник **Лк. 14, 12–15**
1 Тим. 1, 1–7

Обращаясь к Тимофею, направленному в Ефес устраивать церковную жизнь, Апостол Павел особенно просит вразумлять тех, кто занимался «баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере». И далее, говоря о конечной цели всех пастырских трудов, Павел определяет ее, как «любовь от чистого сердца и доброй совести, и нелицемерной веры».

Вот, сегодня опять о любви. Вчера мы видели урок человеку, желавшему узнать, кто его ближний, уверенному, что он знает, что такое любовь.

Впрочем, есть традиция толковать вчерашний рассказ, как притчу о нашем спасении. «Впавший в разбойники» — погибающий в грехах человеческий род. Священник и левит — ветхозаветные закон и пророки, не давшие спасения. Самарянин — сам Иисус Христос. Гостиничник — епископ, которому вверено попечение о Божьих людях. Предполагаемое возвращение Самарянина — второе пришествие Христово... И как же хочется, чтобы все это было, действительно, только притчей! Но слова «иди, и ты поступай так же» (Лк. 10, 37) звучат неумолимо ясно.

Итак, во вчерашнем рассказе Господь показал высокую меру любви по отношению ко всякому, кого Он Сам в данный момент к тебе приблизил. Но оставалась надежда, что, может быть, не попадется на моем пути чужой человек в подобной беде, и не придется мне, подобно священнику и левиту, пройти мимо...

Сегодняшнее чтение разрушает и эту лукавую надежду.

Господь говорит: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зо-

ви нищих, увечных, хромых, слепых: и блажен будешь, что они не могут воздать тебе: ибо воздастся тебе в воскресение праведных».

Мы устраиваем пиры специально для близких сердцу. Но оказывается, надо звать тех, кто нам чужд, незнаком, а порой и грязен, и противен. И даже не ждать, пока сами случайно забредут, но — самому звать! Невероятно и непостижимо, как... сама любовь. Как Сам Бог. Потому что Бог и есть любовь (Ин. 4, 8).

И тут только одно может немного утешить и обнадежить. Вспомним, как еще в сомнениях бродя вокруг церковной ограды, мы с ужасом узнавали, что нам предстоит соблюдать посты, оставить те или иные греховные навыки, выполнять те или иные непривычные обязанности.

И вот, сколь многое из этого уже стало естественным и привычным, без чего уже не представляем своей жизни!

О том, для кого пишутся святые книги

Вторник **Лк. 14, 25–35**
1 Тим. 1, 8–14

Господь Иисус Христос продолжал Свой земной путь и как обычно, «с Ним шло множество народа». Тут были все: и кто сознательно искал путь в Царство Небесное, и кто, не отдавая себе отчета, просто хотел быть с Иисусом, видеть и слышать Его; и кто искал только исцеления, или был увлечен любопытством. Среди всех были и ученики Господни, которых Он Сам избрал и приблизил к Себе.

Иисус же постоянно учил. Что-то Он говорил наедине ученикам, но чаще обращался ко всем. И многое казалось невыполнимым. Например, даже в Нагорной проповеди: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48), или о том, чтобы подставлять правую щеку после удара по левой.

Так и сегодня. Ко всем, кто шел за ним, Господь, «обратившись, сказал»: «если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев,

и сестер, притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником. И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником». Эти слова до конца поймет лишь тот, кто уже сделал свой выбор. У остальных они могут вызвать или желание понять, или безнадежное недоумение, или сокрушенный вздох о своем несовершенстве. У иных же — даже протест.

Но слышать должны все.

Так и до наших дней. Подавляющее большинство православных книг написано монахами и о монашеской жизни. И житийная литература показывает, в основном, примеры людей, которые до смерти подвизались за Христа.

Почему же почти нет наставлений, как обыкновенному мирянину жить в обычном течении жизни, выполняя обычные житейские обязанности?..

Дело в том, что и Сам Господь, и святые учители Церкви говорили и писали для тех, кто готов идти до конца, чтобы никому не поставить преграды. А то — познакомится начинающий христианин с узким кругом своих обязанностей, и гордо успокоится. Дескать, остальное меня не касается. Остальное только для каких-то совсем других людей, называемых «святыми», или «монахами»!

На самом же деле, все — для всех. Хотя, конечно, не всякий уже сейчас готов ко всему. Да и сохрани Бог — покуситься на то, что пока превышает твои возможности! Господь учил трезво оценивать свои силы: «Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он что нужно для совершения ее?» «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, когда тот еще далеко, он пошлет к нему посольство — просить о мире».

Во вступлении к своей замечательной книге, именуемой «Лествица», автор ее, игумен Синайской горы Иоанн, пишет: «Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?» Я отвечал им: «все доброе, что только можете делать, делайте. Никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возноситесь, ни к кому не

имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний. К нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте. Не касайтесь чужой части, будьте довольны оброки жен ваших. Если так будете поступать, то не далеко будете от Царствия Небесного».

Это предисловие к книге. А далее — сама духовная книга, помогающая взойти на самую высоту. И уже в том будет великая польза, если прочитав ее, перестанем думать, что уже достигли совершенства, едва перестав воровать или пьянствовать.

О драхме, овце и сыне

Среда **Лк. 15, 1–10**
1 Тим. 1, 18–20; 2, 8–15

Несмотря на суровые слова Господа Иисуса, несмотря на Его высокие требования, люди еще более «приближались к Нему». И особенно «мытари и грешники».

Но как и в последующие времена, были вокруг и те, кто не видя бревна в своем глазу, не по разуму ревновал «о чистоте рядов» последователей Христовых. Эти люди, называемые в те времена «книжниками и фарисеями», «роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними». В ответ Господь рассказал три притчи, в которых не только показал, насколько каждый человек дорог Ему, но и — насколько все в человеке Ему дорого.

Во-первых, Он сказал: «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А нашед, возьмет ее на плечи свои с радостью».

«Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет?»

А напоследок Господь рассказал притчу о блудном сыне.

В этих трех притчах перед нами и свободный, самоопределяющийся дух (блудный сын); и телесный состав человека (драхма); и его животная душа (овца). На небе же радость о спасении всего. И нашедшая драхму «созовет подруг и со-

седок, и скажет: «порадуйтесь со мною!» И нашедший овцу «созовет друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу». И обретший сына устраивает пир на весь мир.

Вот только овцу и драхму активно искали. А сына отец не искал, но терпеливо ждал, когда сам возвратится.

Потому что и душа, и тело — в полной власти Бога. Он может и попустить телесной болезни, и в один миг исцелить. Он может попустить бесам овладеть душой, и одним словом изгнать их. И все это для того, чтобы заблудший дух сам свободно пришел в себя. И тогда уж — «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

Встреча Небесного Отца с возвратившимся сыном может произойти на всяком месте: «Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения».

Но если человек сам не придет в себя, если не вразумится ни бедами, ни победами, ни болезнями, ни здоровьем, ни богатством, ни нищетой; если не начнет активно подвизаться, «как добрый воин», то при всех стараниях Отца, непременно потерпит «кораблекрушение в вере».

Хотя при этом Господь может сохранить здоровыми и душу, и тело. Но тогда на страшном суде они будут еще большим укором, будут дополнительным обвинением и обличением так и не обратившегося духа.

О догадливом управителе

Четверг **Лк. 16, 1–9**
1 Тим. 3, 1–13

«Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его». Хозяин призывает управителя, но не разбирается, прав он или виноват, ложный или справедливый был донос. Он ставит точку, коротко и ясно требуя сдать дела: «Дай отчет в управлении твоем, ибо ты не можешь более управлять».

И управитель тоже не спрашивает, мол, за что? Он не пытается ни оправдаться, ни покаяться. Он трезво оценивает свое положение, свои силы и возможности: «что мне делать? Господин мой отнимает от меня управление домом: копать не могу, просить стыжусь».

Он весь устремлен вперед: «что делать?.. » А это, кстати, единственный вопрос, на который, в отличие от иных вопросов, Господь всегда прямо отвечал. И управитель придумал: «Знаю, что сделать, чтобы приняли меня в домы свои, когда буду отставлен от управления домом». И он призывает «должников господина своего, каждого порознь», и предлагает каждому переписать свою расписку, значительно уменьшив величину долга.

Кажется удивительным, что за этот поступок «похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил». И еще более удивительно, как Господь заканчивает эту притчу: «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители».

Скажут: возмутительно пользоваться неправедным богатством!.. Но вспомним притчу о Блудном сыне, возвращение которого тоже справедливо возмутило старшего брата: свое расточил, и хватило наглости прийти назад, на готовое, не растраченное!

Господь же похвалил решимость обоих этих странных героев. Потому что в этих притчах хозяин — не только хозяин, но и отец. И не только отец, но и Отец Небесный. Блудный сын пришел пользоваться именно не своим, и за это был обласкан отцом. И Управитель тоже за чужой счет нашел возможность выжить. И тоже получил похвалу.

Но Блудный сын расточил все, дошел до конца, так и не сумев приобрести себе расточенным имением друзей. А Управитель был остановлен на этом пути. И вместо того, чтобы напоследок еще что-то хозяйское утащить, он решил этим же имением помочь другим людям.

Конечно, похищается и расточается чужое, хозяйское. Но дело в том, что вообще все, что мы имеем в этой жизни, — не наше. Апостол Павел писал: «Что ты имеешь, чего бы не получил?» (1Кор. 4, 7). И надо все уметь употреблять для своего истинного, вечного блага, чтобы приобрести веч-

ные обители, стяжать молитвенников за себя. Как важно, когда кто-то молится за тебя, или хотя бы поминает добрым словом!

Что же касается справедливости, то, в конце концов, все мы живем за счет замученного за нас Единого Безгрешного, что является вопиющим попранием всякой справедливости!

О непростительном грехе

Пятница **Лк. 16, 15–18; 17, 1–4**
1 Тим. 4, 4–8, 16

«Всякий разводящийся с женою своею и женящийся на другой прелюбодействует; и всякий женящийся на разведенной с мужем прелюбодействует». Этими словами, по-видимому, запрещается всякий развод, и любой второй брак разведенного приравнивается к прелюбодеянию. А прелюбодеи, как известно, «Царства Божия не наследуют» (1Кор. 6, 10).

Но в Евангелии от Матфея видим несколько иное: «Кто разведется с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф. 5, 32). Оказывается, все же есть причина, по которой можно развестись.

Супружеская измена, это совершенно исключительный вид греха. О других Господь говорил: если «согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему». Но грех прелюбодеяния Господь разрешил не прощать ни одного раза. Потому что этим грехом брак уже разрушен, и последующий развод только говорит об этом вслух. По церковным правилам, виновная сторона не имела права вступать в новый брак, а невиновная могла.

А на вопрос, равно ли это относится и к мужу и к жене, святитель Василий Великий отвечал: «Господне изречение, яко не позволительно разрешатися от брака, разве словесе прелюбодейна, по разуму онаго, равно приличествует и мужам, и женам, но не то в обычае».

В те времена социальное положение женщины было таково, что она должна была простить мужу измену, а он за то же мог изгнать ее. Сейчас обычаи другие, и обе стороны

имеют равные права, тем более, что «по разуму» великого святителя, так оно и должно быть.

Церковь допускала и второй брак, считая его «врачевством против блуда», как пишет Василий Великий, напоминая слова Апостола Павла: «Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1Кор. 7, 9). Таковые подвергались церковной епитимьи, отлучались на некоторое время от причастия. Сейчас второбрачные венчаются по особому чину, где присутствуют мотивы покаяния.

Возможен был даже третий брак. Святитель Василий писал, что «на троебрачие нет закона: посему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем, как на нечистоты в церкви. Но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшее, нежели распутное любодеяние.

Так в церкви, при высоких требованиях к святости и нерасторжимости брака, допускается и снисхождение, чтобы не погрузить человека в отчаяние. «Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него». Но при этом необходимо вникать и «в себя, и в учение», соразмеряя одно с другим: не только в себя, в свои состояния и желания, забыв о учении Господнем. И не только в учение, забыв о себе, о своих силах и возможностях.

А о том, кто способствует падению ближнего и разрушению семьи, Господь говорит: «Горе тому, через кого соблазны приходят: лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих».

Как одна женщина жаловалась: «Я живу с мужчиной, а его жена «делает» мне». Что на это ответить? — мало еще делает, если ты никак не поймешь, что делаешь сама!

О начале ученичества

Суббота **Лк. 9, 57–62**
Гал. 3, 8–12

Сегодня перед нами три коротеньких разговора Господа Иисуса с тремя людьми, на тему возможного вхождения в число учеников.

Двое хотели этого сами, третьего призвал Сам Господь. И у тех, кто сами, по-видимому, ничего не получилось. Хотя один, кажется, был настроен довольно решительно: «Господи! Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел»! А Господь в ответ сказал: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову». Значит, этот человек ожидал от Господа Иисуса совсем не того, что Он мог ему сейчас дать.

И вообще в подобных случаях все начинается не со слов. Бывает, например, скажет кто-нибудь священнику: «Будьте моим духовным отцом!» Что на это ответить? — Да ты не спеши. Походи, посмотри, послушай. Пусть пройдет время, и незаметно, может быть, совершится таинство духовного родства. И обоим без слов станет ясно, кто кому отец, а кто сын.

И тому человеку надо бы тихо пристроиться и смиренно идти вместе со всеми, как например, Иоанн и Андрей. Иоанн Креститель только указал: «Вот Агнец Божий. Услышавши от него эти слова, оба ученика пошли за Иисусом». И они так и шли за ним молча, пока Иисус, наконец, не обернулся и не спросил: «что вам надобно?» (Ин. 1, 35–39).

Другой — тоже сам вызвался, но не так решительно, как первый. Он сказал: «Я пойду за Тобою, Господи! Но прежде позволь мне проститься с домашними моими». Чувствуется, что он и Господа Иисуса уважает, и в то же время — в сетях и своих забот, и своих близких. А «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

И только тот, кого призвал Сам Господь, сказав «следуй за Мною», мы уверены, действительно последовал за Ним. Хотя и он тоже просил «прежде пойти и похоронить отца» своего. Мы не знаем, хотел ли он дожить со своим отцом до его кончины, или — над уже умершим совершить погребальный обряд. Господь, наверное, видел мертвость по греховной жизни и отца этого человека, и всего окружения. Поэтому Он сказал довольно жестко: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

Так, для желающего следовать за Господом путь и труден, и легок. И начинается он с того, что человек пристроится незаметно где-то с краю, в алтаре или на клиросе, с книгой,

с метлой или с тряпкой, и все дальнейшее полностью возложит на Бога, Который знает, когда кого приблизить, когда принять и поднять выше.

О отнятии души от богатства

Неделя 26 **Лк. 12, 16–21**
Еф. 5, 9–19

Одному богатому человеку дан был еще и богатый урожай. Сидит он и рассуждает «сам с собой: что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. И скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись!»

Так и видишь этого богача, развалившегося в кресле, потягивающегося от удовольствия, точь-в-точь как на рекламе страхового агентства. Все у него «схвачено», все застраховано, все рассчитано на многие годы вперед. Кажется, навсегда он устроился в этом мире, и не зависит уже ни от кого и ни от чего!

Но вдруг Бог, Которого он совсем сбросил со счетов, «сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя».

Человек может расстаться с богатством двумя путями: или богатство отнимется у него, или он отнимется у богатства. В первом случае бывает, что потрясенный внезапным изменением судьбы, человек начинает размышлять о неверности всего земного, и постепенно выходит на то, что истинно и нетленно. Но когда Бог забирает его самого, когда душу навсегда отрывает от того, к чему была так привязана, — что тут происходит с душой? Чем она будет мучиться?

Господь приоткрывает тайну такой души, задавая тот самый вопрос, который более всего будет ее волновать: «Кому же достанется то, что ты заготовил?..»

Сколько бы человек ни называл законным и честно приобретенным свое богатство, он не может не видеть, что вокруг множество нищих и голодных, которые далеко не равнодушно смотрят на его преуспеяние. Они не только

завидуют, но и строят планы, как бы все у него отобрать. Приходится строить высокий забор, вооружаться, нанимать охрану.

Но надо и успокоить свою совесть. Надо разумно объяснить и себе, и другим, почему у меня есть, а у других нет. И когда это удается, начинаешь смотреть вокруг и с торжеством, и с презрением: как они смеют желать того, что принадлежит только мне?! Мне Бог дал по моим заслугам, а им не дал по их недостоинству. Я труженик, а они лентяи! Какое право имеют они подглядывать, желать, роптать?

Так, он вроде бы со всеми разобрался, снял все вопросы. Но в каком смятении окажется душа, когда все «обнаруживаемое делается явным от света»! И каково видеть, как все переходит в чужие, ненавистные руки! «Кому же достанется то, что ты заготовил?» — Как раз тем, от кого прятал, кого презирал, кого даже порой и за людей не считал.

В рассказе о богатом и Лазаре оба одновременно были взяты из жизни, и вспомним, какое презрение даже там испытывал богач к Лазарю, даже будучи сам в муках. Но какими были бы его муки, если бы он еще и увидел, что богатство переходит в руки именно этого Лазаря! Именно так бывает с каждым, — заканчивает Господь, — «кто собирает сокровище себе, а не в Бога богатеет».

А как богатеть «в Бога»? А вот пример: Петру однажды тоже вдруг дано было богатство: его трудовая нива «угобзилась», Бог дал огромный улов. А что же Петр? — А он припадает к ногам Давшего ему богатство, и говорит: «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный»!..

Так он сразу обогатился и страхом Божиим, и знанием Его всемогущества, и видением своей греховности, и надеждой на Его милость, и готовностью все оставить и последовать за Ним (Лк. 5). Вот этого уже никто не сможет отнять. Такая душа сама только и ждет, чтобы «разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп. 1, 23).

Посему и сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос». И — наше счастье, когда у нас отнимают прежде, чем нас отнимут от всего!

СЕДМИЦА 27 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О том, где находится Царство Небесное

Понедельник **Лк. 17, 20–25**
1 Тим. 5, 1–10

Однажды фарисеи спросили Господа Иисуса Христа: «Когда придет Царствие Божие?» Вопрос «когда?» может означать и «когда по времени?» и «при каких условиях?»

Но Господь не ответил ни в первом, ни во втором смысле. Он неожиданно сказал, что Царствие Божие вообще нельзя понимать, как нечто внешнее, само собой приходящее. Оно не приходит, как приходит день, как приходят одно за другим времена года. И даже нельзя сказать, что оно вообще придет: «Не придет Царствие Небесное приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть».

Заметим, что именно уже есть «внутрь вас». И поэтому даже и не дожидаться надо, когда оно, наконец, внутри нас образуется и появится, но — ужаснуться той мысли, что его в нас может не быть!

Человек вообще только тогда поистине живет, когда живет настоящим моментом. Как в притче: какое дело самое важное? — которое делаешь в данный момент. Какой человек самый главный? — который сейчас рядом.

Однажды послушник спросил старца: «Как спастись?» Старец ответил: «Для этого надо угомониться». — «А как это?» — «А вот, ты сейчас послушник, а наверное ждешь, когда тебя постригут?» — «Да» — «А потом будешь ждать, когда тебя в иеродиаконы произведут, а потом в иеромонахи?» — «Да» — «Вот, сейчас пост, а для тебя — скорей бы Пасха?» — «Да» — «И ждешь, когда лед сойдет, и паломники станут приезжать?» — «Да» — «А вот когда тебе будет все равно, что пост, что Пасха, что лето, что зима, послушник ты или игумен, — вот тогда ты и угомонишься, и спасешься»...

Иначе говоря, все и всегда должно быть пронизано светом Царствия Небесного. В любом событии должно быть ощущение радости и достаточности, ощущение Божьего присутствия и Божьей победы. И даже не «должно быть», а — есть на самом деле. Ведь кому ответил Господь, что «Царствие Божие внутрь вас есть»? Даже не ученикам, а врагам, фарисеям. Потому что поистине оно есть в каждом, и для каждого. Надо только протянуть руку и взять. Только щелкни выключателем, и зажжется свет.

И напрасно будем ожидать, что река времени сама по себе принесет нечто доброе. Даже если где-то по этой реке и плывет к тебе счастье, то одновременно и тебя, заснувшего и бездействующего, эта же река с такой же скоростью сносит по течению вниз.

О социальном служении

Вторник **Лк. 17, 26–37**
1 Тим. 5, 11–21

В послании к Тимофею Апостол Павел заповедал заботиться о нуждающихся, среди которых особую категорию составляли вдовы. Церковь с самого начала считала своим долгом поддерживать таковых. Книга Деяний рассказывает, как едва послышались нарекания, что христианами это делается недостаточно усердно, Апостолы сразу избрали для этого семерых мужей. Казалось бы, несложное дело «пещись о столах» (Деян. 6, 2), но Апостолы избрали людей «изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости» (Деян. 6, 3). Потому что и тут все не просто.

Апостол Павел, например, не советует брать на обеспечение церкви молодых вдов. Очевидно, женщина при этом давала обет навсегда оставаться в чине вдовства. А всякий шаг назад всегда «в противность Христу». И кроме того, женщины, имеющие достаток и не имеющие забот, «приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят чего не должно». Поэтому Апостол считает, что лучше, чтобы молодые вдовы «вступа-

ли в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода для злоречия».

Но и пожилых вдов, которые уже не помышляют о браке, Апостол советует принимать с большим разбором. «Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим, и была усердна ко всякому доброму делу» (1 Тим. 5, 9–10). Она должна была своей жизнью заслужить безбедную старость. А также — если у нее нет взрослых детей и внуков, которые могли бы ее содержать.

А в современной церковно-общественной жизни иногда видим, как молодые, чистые сердцем люди, желающие послужить Богу и ближнему, вывешивают объявление о своем намерении. По этому объявлению начинают обращаться люди, самые разные, и чаще неверующие. И вот, молодой человек начинает ухаживать за таким стариком. Разумеется, совершенно бесплатно. Хотя порой и есть чем заплатить; хотя порой есть и дети, и внуки. Но старик со всеми порвал, потому что всю жизнь любил только себя. Как последняя надежда, дана ему немощная старость, чтобы хоть тут разжал руку, попросил бы у родных прощения и помощи. А усердный христианин лишает его и этой возможности. Сам же часто оказывается в положении раба, которым помыкают, капризничают, и в результате — ни пользы, ни радости.

Поэтому жить надо так, чтобы в старости вокруг тебя были люди: и детей рожать, а не убивать их во чреве, и воспитывать по-христиански, и к послушанию приучать с раннего возраста, и с внуками не лениться сидеть, тоже стараясь воспитать их людьми. Ну а если не смог заслужить ответной любви, роптать не на кого: пожинай, что посеял. И надо быть готовым хотя бы платить за помощь, когда будешь в ней нуждаться.

А усердному христианину лучше бы вспомнить, что Господь велел взять именно «свой крест» (Мф. 16, 24). У каждого есть свои старики, свои больные. Но тут не интересно: тут обыкновенный человеческий долг, а не «христианский подвиг». Да и тоже порой надо преодолеть вражду, гордость, отчужденность. И пока ты ухаживаешь за чужи-

ми, они тоже где-то ищут помощи, и к ним тоже, может быть ходит такой же ревностный христианин, оставив своих стариков.

О детстве и богатстве

Среда **Лк. 18, 15–17, 26–30**
1 Тим. 5, 22–6, 11

Приходящие к Иисусу Христу женщины приносили «и младенцев, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же, видя то, возбраняли».

Почему возбраняли? Может быть потому же, почему и сейчас иные считают, что общение с Богом, участие в церковной жизни возможно только для сознательных, взрослых людей. А может быть просто потому, что бегают, шумят, отвлекают.

Господь же одобрил не ревность учеников о тишине, правильности и разумности, но — упорное стремление матерей хотя бы поднести своих детей к Нему, хотя бы, как говорится, «приложить» их к святыне: «Пустите детей приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Божие».

И потом добавил: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствие Божие как дитя, тот не войдет в него». И ученики, обескураженные повелением учиться у неразумных детей, со страхом и недоумением спросили: «Кто же может спастись?»

Но строго говоря, этот вопрос был задан не сразу после разговора о детях. В сегодняшнем «зачале» — так называемая «преступка»: пропущен рассказ о богатом и хорошем человеке, который с печалью отошел от Господа, когда услышал, что для входа в Царствие Небесное ему придется все продать и раздать нищим. Господь сказал о нем: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» И тут-то ученики ужаснулись: «кто же может спастись?!»

Тот, кто когда-то установил читать это «зачало» с «преступкой», остро чувствовал одинаковую трудность двух задач: стать как дети, и оставить богатство.

Апостол даже говорит, что «корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от

веры, и сами себя подвергли многим скорбям». Апостол напоминает, что «мы ничего не принесли в мир, ясно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушения и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу».

Кто решается все раздать, тот как бы заново рождается в мир, как ребенок, обнаженный, беззащитный, зависящий от других. Как же это трудно! Тут и воскликнешь вместе с учениками: «Кто же может спастись?!» Но Господь утешает: «невозможное человекам возможно Богу».

И правда: сумел же Он без нашей помощи родить нас в эту жизнь! Сможет родить и в жизнь вечную, если только будем послушно следовать «здравым словам» Его «и учению о благочестии».

Но зато как всегда радостно, когда рождается новый человек — для этой ли жизни, для Царствия ли Небесного!

Поэтому только тот дом, где есть и старики, готовящиеся «Туда», и малые дети, недавно пришедшие «сюда», — есть по-настоящему полный, живой дом, воздух которого насыщен трудом и терпением, назиданием и любовью.

О «сокровенном»

Четверг **Лк. 18, 31–34**
1 Тим. 6, 17–21

Однажды Петр, испуганный судьбой юноши, который, предпочтя богатство, отошел от Иисуса Христа, — со страхом напомнил: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою». Господь успокоил его. Он пообещал, что «нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более».

Господь сказал, как власть имеющий.

И вдруг тут же отвел в сторону учеников, и неслышно для остальных сказал: «Вот, мы восходим в Иерусалим, и совершится все написанное чрез пророков о Сыне Человеческом: ибо предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и ос-

корбят Его, и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его; и в третий день воскреснет»... И это говорит Тот, кто минуту назад столько наобещал Своим последователям! Ученики ничего не поняли. Потому что, как объясняет Евангелист, «слова сии были для них сокровенны».

«Сокровенны»... Такое удивительное, объемное слово. Но что, в свою очередь, сокрыто за ним?

Часто оно звучит как укор тому, кто имея глаза не видит, и имея уши не слышит.

Что-то бывает сокровенным, потому что «тьма ослепила» «глаза» (1 Ин. 2, 11). Или потому что «бог века сего ослепил умы, чтобы» «не воссиял свет благовествования о славе Христа» (2 Кор. 4, 4).

Могут и страсти ослеплять, сокрывая истину. Сребролюбец, не желая расстаться с богатством, сам закрывает глаза, и хочет, чтобы прямое, конкретное повеление все раздать и следовать за Христом — оказалось бы только притчей, которую надо разуметь как-нибудь «духовно».

А ученики были ослеплены и лучами славы своего Учителя, и радостной надеждой — уже в этой жизнии во много раз получить за понесенные труды.

И вдруг эти слова, что Его Самого оскорбят, оплюют и в конце концов распнут! Они, наверное, тоже подумали, что это какая-то новая, еще не истолкованная притча...

Итак, надо заботиться, чтобы никакое пристрастие не ослепляло ни глаз, ни ума. Чтобы, например, богатые «не высоко думали о себе и уповали бы не на богатство неверное», но «богатели добрыми делами, были щедры и общительны». В попытках объяснить необъяснимое надо также беречься «негодного пустословия» и «лжеименного знания».

И тогда «сокровенное» предстанет в своем чистом виде: как Божественная тайна, которую не разгадывать надо, но погрузиться в нее, и которую «в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих, и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может.

Ему честь и держава вечная! Аминь». (1 Тим. 6, 15–16).

О постоянной и переменной составляющих

Пятница **Лк. 19, 12–28**
2 Тим. 1, 1–2, 8–18

Читая сегодня притчу «о минах», естественно вспомнить притчу «о талантах», и сравнить их.

И там, и здесь некий господин, отходя, оставляет каждому рабу некую сумму денег. Но талантов давалось разное количество, «каждому по его силе» (Мф. 25, 15). Мина же — только одна каждому. Приращение талантов шло половина на половину. А на одну мину один приобрел десять, другой — пять. Нерадивый же раб возвратил либо единственный талант, либо единственную мину.

Еще обратим внимание, что в притче о талантах — некий замкнутый мир, где только господин и его рабы. А в притче о минах, кроме рабов, есть еще и свободные граждане той страны, которые «ненавидели» господина, и не хотели, чтобы он был над ними царем. В обоих случаях и единственный талант, и единственная мина, не принесшие приращения, были отобраны и отданы тому, у кого было десять талантов или мин.

Все добрые и верные рабы получили похвалу за то, что были верны в малом. Но те, которые умножали таланты, просто были приглашены войти в радость господина. А приобретшие мины получили власть над городами, соответственно количеству приобретенных мин. Враги же господина, не желавшие, чтобы он получил царство, были избиты пред его очами.

И в той, и в другой притче говорится, что все мы получаем от Бога некие дары. Но в этих дарах есть некая «переменная» величина, которая дается каждому «по силам его». А есть и некая «постоянная», которая дается каждому в равной мере.

«Переменная», это те дары, которые в разной степени Бог дает всякому человеку, верующему и неверующему.

Но есть дар, который получает только тот, кто называется христианином. Христиане говорят, что Господь Иисус

Христос «по Своему изволению и благодати» спас нас, разрушив смерть и даровав каждому «жизнь и нетление через благовестие». Благовествуется всему миру, но христианин — кто принял эту благую весть, признал Иисуса Христа своим Спасителем, Царем и Богом, а себя — Его рабом.

Вот христиане и получили каждый по одной мине, не больше, не меньше. Потому что как жизни, так и смерти не может быть больше или меньше: если живем, то живем вечно, а если умираем, то умираем навсегда. Христос распялся за каждого — ни больше, ни меньше. И если мы признаем этот факт, он меняет всю нашу жизнь. А эта наша новая жизнь работает, свидетельствует о нашей вере. Она как бы отдается торгующим, чтобы работать не только в нас, но и вокруг нас.

Благовестник и делом, и словом говорит каждому: «Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовию во Христе Иисусе». И мина благовествующего рождает мину в слушающем — и в одном, и в другом, и в пятом, и в десятом. От свечи зажигается новая свеча, и другая, и третья. И все это приносится Господину.

Но как же тот, кто ничего не принес? Ведь он знал, что господин имеет обыкновение брать, «чего не клал», и жать, «чего не сеял». Знал, и не сделал. Почему? Может быть, стыдился «свидетельства Господа нашего Иисуса Христа»? может быть, не хотел страдать «с благовестием Христовым»?

Но может быть, и лучше, если мы этого никак не можем понять. Потому что понять богопротивника, это значит приспособить свой ум к его уму, точнее — отравить свой ум его лукавым умом. И то, что это нам никак не удается, — может быть как раз и говорит о том, что мы не совсем безнадежны для Царствия Небесного, и что «благодать Божия» все-таки «не тщетно» была принята нами.

О плодах и корнях

Суббота **Лк. 10, 19–21**
Гал. 5, 22–6, 2

Всякое растение должно плодоносить. А иначе — его «срубают и бросают в огонь». (Мф. 7, 19). Но всякое дере-

во имеет и корни. Когда дерево плодоносит, о корнях не вспоминают. Когда же плоды прекращаются, вспоминают и о корнях, что без них не может быть никаких плодов, и что пора окопать и удобрить. И все должно быть на своем месте: плоды — на виду, а корни — глубоко в земле. Чтобы доказать, что корни — сильные, достаточно показать плоды.

А если вырвать растение, чтобы похвалиться корнями? — Да, все увидят и убедятся, но... растение в этот миг будет на грани смерти.

Так и в духовной жизни. Наши корни, это наши молитвы к Богу, чтение Слова Божия, хождение в храм, очищение в таинстве покаяния, обновление в причащении Тела и Крови Христовых. Все это необходимо для духовной жизни, но все это должно быть целомудренно сокрыто, как сокрыты в земле корни растения.

А наверху должны быть плоды: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание». Если это есть, люди будут радоваться на нас и спрашивать, как бы им тоже вырастить такие замечательные плоды?

У кого есть истинные плоды, тому и в голову не придет вообще чем-то гордиться. Даже если через него Господь явит и такие чрезвычайные плоды, как — «наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью»; или даст силу повелевать духам злобы и изгонять их из людей.

Ну а если плодов нет, остается только трясти корнями, хвалиться, как мы молимся, ходим в Церковь, причащаемся.

Имеющий истинные плоды будет радоваться лишь тому, что укоренен в Господе, что неразрывно связан с небесами. Как и Господь сказал: «Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах».

Плоды Господь явит сам, а нам надо беречь корни, чтобы они всегда были в плодородной земле Царствия Небесного, и чтобы они были целомудренно сокрыты. И радоваться надо не победе над врагом и не людской славе, а тому, что в жилах течет и невидимо тебя очищает и согревает благодатная Кровь Господа Иисуса.

О всеоружии Божием

Неделя 27 **Лк. 13, 10–17**
Еф. 6, 10–17

Однажды в синагоге Господь Иисус Христос исцелил сгорбленную женщину.

Другие видели в ней просто больного человека, а Господь видел и ее, и «духа немощи» в ней. Бывает, злой дух наводит ужас на окружающих, а бывает безобидным для других, и вредит только самому одержимому. Но в любом случае природа его враждебна Богу и Его творению. И истинный продолжатель дела Христова ведет «брань не против плоти и крови», но за самого человека, за его душу и тело, «против властей, против мироправителей века сего, против духов злобы поднебесных».

Выходя на эту битву, надо облечься «во всеоружие Божие». И делается это так.

Во-первых, «станьте», — говорит Апостол. Встать, значит отбросить леность, побуждающую сидеть и лежать.

Затем надо препоясать «чресла». От воина требуется, чтобы ремень был туго застегнут, чтобы чресла всегда чувствовали его подтягивающую, собирающую силу, чтобы одежда не мешала работе, путешествию, борьбе. Христианин же должен быть препоясан «истиною», чтобы она собирала мысли, и не давала уклониться ни направо, ни налево.

Еще надо облечься «в броню праведности». Броня со всех сторон ограждает от ударов. А уязвимым делает каждый грех, каждый порок, каждая непотребная привычка. И когда человек заслужил прочную репутацию праведника, то удары злобы, удары клеветы отлетают, как от брони, не причиняя вреда.

«А паче всего возьмите щит веры, — продолжает Апостол, — которым угасите все раскаленные стрелы лукавого». Щит тоже защищает от ударов, но в отличии от брони, которая на воине всегда и со всех сторон, — щитом защищаются активно, направляя в ту сторону, откуда пущена стрела, откуда ожидается особо сильный удар. А удары-то бывают такими, что весь мир сотрясается от них, и кажется, что Бог забыл про тебя.

Но при любой брани, ноги все же должны быть обуты «в готовность благовествовать мир».

На голове же «шлем спасения». Голова — самая важная часть тела. И защищена она должна быть самой главной мыслью: о спасении, которое соделал нам «посреди земли» Господь Иисус Христос.

Ну а «меч духовный, который надлежит взять в руки, это «слово Божие». Слово Божие даже «острее всякого меча обоюдоострого; оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4, 12). Меч слова Божия взлетает и там, и здесь: и где броня праведности, и где щит веры, и где шлем надежды спасения. Потому что без слова Божия нет ни того, ни другого, ни третьего...

А сегодня в Евангелии показано действие брони праведности. Господь, даже не обращаясь к злому духу, даже не разя его мечом слова Божия, даже не произнося повеления оставить женщину, а как бы бесстрашно повернувшись к нему спиной, просто «сказал ей: женщина! Ты освобождаешься от недуга твоего. И возложил на нее руки; и она тотчас выпрямилась, и стала славить Бога».

СЕДМИЦА 28 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О глиняных и о золотых сосудах

Понедельник **Лк. 19, 37–44**
2 Тим. 2, 20–26

Апостол Павел пишет: «в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении».

Золото и есть золото, и никогда не станет глиной, равно как и глина никогда золотом не станет. Неужели и каждому человеку раз и навсегда предопределена своя судьба? И праведник только потому таков, что создан таким? И грешник никогда не сможет перемениться?..

Но вот же — Небесный Пастырь оставляет девяносто девять овец ради одной заблудившейся, и всех без ис-

ключения призывает быть совершенными, как совершен Небесный Отец.

Апостол Павел тоже побуждает глину стать золотом: «Кто будет чист от» всего, чуждого Богу, — пишет он, — «тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным владыке, годным на всякое доброе дело». Павел также дает золоту советы, как ему оставаться золотом: «юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца».

И далее советует «с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины», не даст ли и им Бог перестать быть глиняными сосудами и стать золотыми и серебряными.

А в сегодняшнем Евангелии слышим, как и Сам Господь плакал над Иерусалимом: «о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но... придут на тебя дни, когда враги твои... не оставят в тебе камня на камне, за то, что ты не узнал времени посещения твоего».

Над глиной не плачут из-за того, что она никак не может стать золотом! Плачут над тем, что могло стать совершенно иным, и не стало.

Но если для человека возможно перемениться, то почему слово Божие дает такие образы праведных и нечестивых, как разная земля, разные сосуды, когда исключен переход в противоположное? А это, наверное, чтобы и нечестивый ужаснулся того окончательного окаменения и отпадения, которое ему грозит. И чтобы праведник тоже ужаснулся, заглянув в ту пропасть, которой он чудесным образом миновал, но которая всегда готова поглотить его, если он сделает ложный шаг.

О сгущении времени

Вторник **Лк. 19, 45–48**
2 Тим. 3, 16–4, 4

Апостол Павел пишет к Тимофею: «Итак, заклинаю тебя перед Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явление Его и Царствие Его:

проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут выбирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням».

Последнее особенно поражает. Прочитав, каждый скажет: это же про наше время! Ищем чего-то необычного — с востока ли, с запада ли. Ищем «старца», чтобы все про нас и за нас сказал, и сам бы все за нас сделал. А если не понравится, идем к другому, чтобы польстил слуху и сказал по сердцу.

Характерна для нашего времени и любовь к «басням», то есть к увлекательному вымыслу. В конце «басни», конечно, «бичуется порок». Но пока дойдешь до наказания порока, сколько налюбуешься его высокохудожественным описанием!

А в последнее время пошла мода на как бы «чисто христианские» басни, герои которых лихо посрамляют безбожие, запросто сокрушают антихриста, победным маршем проходят сквозь ад, и даже кого-то выводят оттуда.

И люди, делающие первые робкие шаги в христианстве — набрасываются на эти басни, как на родное. Как на шуточной картинке: приехали в лес, а человек жадно приник к выхлопной трубе автомобиля, чтобы отдышаться, вдохнуть родного отравленного воздуха.

А чистый воздух истины, это Священное Писание. «Все Писание Богодухновенно». Оно «полезно для назидания», потому что открывает, что есть истина. Оно полезно «для обличения», потому что показывает, что все сказанное об истине относится непосредственно к тебе, и обличает, что ты далек от истины. Оно полезно и «для исправления», помогая привести себя в соответствие с истиной, и «для наставления в праведности», чтобы помочь сохраниться в новой, Богоугодной жизни.

Но почему Апостол предостерегает о опасностях именно будущего времени, как будто его время идеально, все обращены к истине, презирают басни, и не по своим прихотям ищут учителей?

Думается, если бы мы перенеслись в ту эпоху, нас ужаснул бы беспросветный мрак язычества, и непреодолимое упорство иудейского мира. А очутись Апостол в нашем времени, он нашел бы его самым подходящим для христианской проповеди.

Потому что для истинного проповедника всегда «время благоприятное», всегда «день спасения». Он никогда не скажет: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что» помнит слова Екклезиаста: «не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Еккл. 7, 10) «Ныне» для истинного проповедника — единственное, самое благоприятное, благословенное Богом время...

Послание это было отправлено из темницы. Апостол знал, что уже не выйдет на свободу. Поэтому время для него как бы сгустилось. Как и Сам Господь, входя в Иерусалим, чувствует, что и для него время сжалось, началась страстная седмица. И поэтому Он уже не только увещевает, но и сурово обличает, и даже берет в руки бич. Так и Тимофею Павел старается передать это свое ощущение, побуждая скорее сделать все, что возможно, и даже более того. Он даже заклинает Богом: «проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием».

Нам тоже должно бы передаться ощущение Павла, что время сжалось, сгустилось, и надо успеть все возможное и невозможное. Хотя мы и не в темнице, и страстные дни вроде бы еще не наступили, но надо успеть. Потому что завтра непременно наступит уже совсем другое, совсем неблагоприятное время.

О последних днях Божьего человека

Среда **Лк. 20, 1–8**
2 Тим. 4, 9–22

Второе послание Апостола Павла к Тимофею считается предсмертным. Уже второй раз в Риме он взят под стражу, и о нем проходит суровое судопроизводство. Апостол чувствует, что освобождения не будет, «ибо, — как ему откры-

то, — я уже становлюсь жертвой, и время моего отшествия настало».

Он подводит итог своей жизни: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия» (2 Тим. 4, 6–8).

Но все же ему нелегко. Вспоминая о «первом» своем «ответе», он со скорбью отмечает, что «никого не было со мною, но все меня оставили». Кто-то по малодушию, «возлюбив нынешний век». Кого-то и сам Апостол послал по делам благовестия. И он просит Тимофея: «Постарайся придти ко мне скоро».

Потому что и Сам Господь пил «Чашу сию» не как бесплотный призрак, но как человек из плоти и крови. Даже Он во время предсмертных борений нуждался в братской поддержке, и просил учеников бодрствовать вместе с Ним.

А затем Павел открывает Тимофею то, что всегда бывает с истинным рабом Божиим, когда обстоятельства загоняют в угол, и когда по человеческому рассуждению помощи ждать неоткуда. Как Самого Господа в Гефсимании укреплял Ангел, так и теперь Сам Господь, — пишет Апостол, — «предстал мне и укрепил меня, дабы чрез меня утвердилось благовестие, и услышали все язычники».

Очевидно, судебная защита Апостола была не столько защитой, сколько проповедью о Христе, как и защита архидиакона Стефана (Деян. 7). Во многих присутствующих Павел заронил семена веры, и на этот раз избавился «от львиных челюстей». С надеждой смотрит он вперед и верит, что Господь не даст пошатнуться и в новых, последних, испытаниях...

Но при всех великих делах, в Павле неизменно чувствуется близкий, подобный нам человек.

Однажды некий подвижник во время набега врагов отказался скрыться за стены монастыря, и остался в своем незащищенном скиту. И враги, проходя совсем рядом, не заметили его. Когда же враги на время отступили, отцы пришли за ним и сказали: «Авва! Ты поступил как Бог. Теперь сотвори человеческое: пойдем в монастырь».

Так и Павел. Хотя он и совершает с Божьей помощью великий подвиг, но все же снова и снова молит Тимофея: «Постарайся прийти до зимы».

Потому что не тот велик, кто не чувствует страданий, телесных и нравственных, но кто с Божьей помощью терпит их и преодолевает.

О епископах и пресвитерах

Четверг **Лк. 20, 9–18**
Тит. 1, 5–2, 1

Однажды Господь рассказал притчу о том, как некий человек сдал свой виноградник в аренду «и отлучился на долгое время». Потом он неоднократно посылал рабов, чтобы получить оговоренную плату, а напоследок послал и сына. Но арендаторы то били, то убивали посланных. Убив же сына, рассчитывали вообще завладеть виноградником.

Удивительно, как эти арендаторы не подумали, что в конце концов хозяин непременно «придет и погубит виноградарей тех, и отдаст виноградник другим»? Ведь даже народ, слушавший эту притчу, сразу понял, что именно так оно и будет.

Но еще удивительнее, что стоявшие тут же первосвященники и книжники, хотя и «поняли, что о них сказал Он» (Лк. 20, 19); хотя и узнали заранее, какой конец у этой притчи, — все же дерзнули прожить ее до конца, все же искали, «чтобы наложить на Него руки» (Лк. 20, 19). Вот так ослепляют страсти: страсть иметь, страсть властвовать. По причине такого безнадежного ослепления Господь и отнял у иудейских первосвященников и книжников владение Своим виноградником, Своей церковью.

Теперь виноградник Господа состоит уже из всех народов, и поначалу трудиться здесь Господь определил Своим призванным Апостолам. Апостолы же, по причине непрестанного расширения виноградника Христова, передавали часть своей власти тем, кого стали называть епископами и пресвитерами.

Эти два слова тогда означали две стороны одного служения. «Епископ», значит «надзирающий» над порученной ему Апостолом общиной. Он же, естественно, и «пресвитер», то есть старший, начальствующий в ней.

Когда Апостолов не стало, их место заняли те, кого стали называть собственно «епископами». А «пресвитерами» стали называть тех, кого епископы, в свою очередь, наделяли частью своей власти.

И вот в сегодняшнем послании к Титу апостол Павел предписывает поставить «по всем городам пресвитеров». И чтобы не вышло как с теми, первыми арендаторами, он особо указывает на те качества, которыми должен обладать Христов работник.

Чтобы стать ветхозаветным священником, достаточно было быть потомком Аарона из колена Левия, не иметь телесных недостатков и быть женатым на девице.

Новый же труженик должен быть, во-первых, «непорочен», «не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец». Он не должен быть одержим страстями, потому что, как мы убедились, двум господам служить совершенно невозможно. Или платишь «положенное» Богу, или все отдаешь своей страсти. Или выполняешь волю Божию, или убиваешь Его посланников.

А еще служитель Божий должен быть «страннолюбив», то есть всегда готов дать приют братьям христианам, странствующим по причине гонений или церковной потребы. А сребролюбец, не желающий ничем поделиться, или пьяница, скрывающий свой порок, как откроет двери своего дома?

Также священнослужитель (ныне это относится только к пресвитерам и диаконам) должен быть «муж одной жены», т. е. женат первым браком. Потому что жизнь в одном браке говорит о верности, о постоянстве, о том, что человек не ходит на поводу своих очей.

Должно и «детей иметь верных, не укоряемых в распутстве или непокорности». Какие у человека дети — во многом говорит о его способности учить. Главное же воспитание — воспитание своей жизнью.

Священнослужитель должен быть «любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержен». Особо важно, чтобы он держался «истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении, и противящихся обличать».

На епископах и пресвитерах — великая ответственность. Данный им в аренду виноградник даже вдвойне не их, по-

тому что вторично куплен Хозяином, теперь уже ценою Крови Своего Сына. И как же должна вопиять эта Кровь в ответ на всякий отказ дать Богу законных «плодов из виноградника», а тем более — на всякий гордый самоуверенный помысел, будто бы именно я являюсь полновластным хозяином этого виноградника, или хотя бы самой малой его части!

О чистых и нечистых

Пятница **Лк. 20, 19–26**
Тит. 1, 15–2, 10

Продолжая наставлять Тита, апостол Павел предостерегает, чтобы христиане не внимали «иудейским басням и постановлениям» (Тит. 1, 14). Очевидно, имеются в виду постановления о «чистом и нечистом». Потому что тут же Апостол говорит: «для чистых все чисто».

Иудейская боязнь понести духовный урон от чего-то внешнего — присуща и иным христианам. Так, некоторые считают источником нечистоты в доме собаку. Несомненно, все, по возможности, должно быть на своих местах, во избежание даже просто физической нечистоты. Но духовно осквернить собака не может, потому что Сам Господь сказал: лишь «то, что выходит» из наших собственных «уст, оскверняет» нас. «Ибо из сердца исходят злые помыслы» (Мф. 15, 11, 19).

Апостолы и учили каждого блюсти чистоту своего сердца. Например, чтобы «старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здравы в вере, в любви, в терпении». А похоти и прихоти, когда они по причине возраста уже неисполнимы или вредоносны, имеют у старцев особенный оттенок нечистоты.

Апостол напоминает, чтобы и «старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не порабощались пьянству». Что, как не внутренняя нечистота выявляется, когда пожилая женщина легкомысленно одевается или красится?

А чему должны старицы учить «молодых»? Оказывается, «любить мужей, любить детей, быть ... добрыми, покорными своим мужьям». А как часто — наоборот: мать ревнует

дочь, учит настаивать на своем, не давать мужу верха в семье. И отсюда вечный конфликт: теща — зять. И сколько отсюда бывает в семьях всякой нечистоты! А мудрость-то матери в том, чтобы смириться с законом природы, понять, что дочь уже не столько твоя дочь, сколько жена своего мужа.

А для юношей главное — «быть целомудренными». Тут для них самые сильные искушения, имеющие основание в самой человеческой природе. И тут всем бы миром помогать юношам, беречь их сердца от «пищи роковой», пока не придут в духовный и телесный возраст, когда смогут вступить в нормальный брак!..

Так что причина всякой нечистоты — в нас самих. А о собаках, как видим, ничего не сказано. И если мы не заботимся о чистоте наших помыслов, то — как «для чистых все чисто», так и «для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть».

И ни один из помыслов так не способствует росту нечистоты, как — искать причину зла не в себе, а в других: в людях ли, в животных ли.

И если уж по-настоящему заботиться о чистоте наших жилищ, то не собак надо повыгонять, а... нас самих. Чтобы сквозь наши нечистые сердца, как сквозь невидимую щель в стене, не просачивалась бы всякая нечистота, и не оскверняла бы все вокруг.

О законах мира

Суббота пред Рождеством Христовым **Лк. 13, 18–29**
Гал. 3, 8–12

В самый день Рождества Христова Апостол скажет: «когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего единородного, Который родился от Жены, подчинился закону», «дабы нам получить усыновление» (Гал. 4, 4–5).

И не только Моисееву закону подчинил Себя Христос. Сегодня, в субботу перед Рождеством Христовым, напоминается о трех важнейших законах сотворенного Богом мира. Это — «закон зерна», «закон закваски», «закон тесного пути».

Господь говорит: «Чему подобно Царствие Божие? И чему уподоблю его?» — И не находит ничего более подходящего, чем обычное зерно и обычная закваска. По закону зерна все приходит в мир, а по закону закваски все происходит в мире.

По «закону зерна», одно приносит много других зерен. Но чтобы это произошло, оно должно пройти тесным путем. Оно должно умереть.

Так и Авраам сначала был одиноким странником в чужой земле, стесненный соседними племенами, потерявший надежду иметь наследника. И он поистине умер, когда по Божьему повелению занес нож над долгожданным сыном!.. А в результате — от него произошел многочисленный народ.

Этот народ, в свою очередь, был заквашен и верою своего праотца, и Моисеевым законодательством, и потом — пророческими словами. Этот народ Бог тоже повел тесным путем — долгого рабства, сорокалетнего пути по пустыне, и уже в обетованной земле тоже стеснил жестокими соседями.

И как для всего необходимо время, так и здесь — закваска постепенно делала свое дело. Народ проникался и праведностью, и ожиданием грядущего Спасителя. Через Деву, воспитанную в этом народе, Спаситель пришел в мир. Сынами этого народа Он был повсюду проповедан. И всю Свою земную жизнь Он шел тесным путем — и добровольного поста, и терпения вражды, и наконец, распятия и смерти. Погребенный в земле, Он стал зерном новой, благодатной жизни Царствия Небесного. Как закваску, послал Он Духа Святого в среду учеников, чтобы постепенно преображалась от веры в веру Его Церковь. И все это тесным путем.

И кто думает, что и без тесного пути можно благополучно пройти по миру и выйти из него, тот тщетно будет «стучать в» запертые «двери и говорить: «Господи! Господи! Отвори нам». И тогда уже не поможет ни то, что Он приходил, ни то, что жил с нами, ни то, что распялся за нас. И услышим: «говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня, все делатели неправды». Потому что только «верующие благословятся с верным Авраамом».

Итак, «закон зерна», «закон закваски», «закон тесного пути». Это — всеобщие законы мира. В этот мир Господь

готовится прийти, чтобы подчиниться этим законам; чтобы через эти законы спасти нас; и чтобы еще раз указать на них.

О законах Моисея

Неделя пред Рождеством Христовым **Мф. 1, 1–25**
Евр 11, 9–10, 17–23, 32–40

Сегодня положено читать «родословие Иисуса Христа», и сегодняшнее воскресение пред Рождеством Христовым носит название «Неделя святых отец». Отцы, это через кого Бог дает временную жизнь. А Святые Отцы — через кого Он дает жизнь вечную. Свою веру мы называем «верой отеческой», потому что приняли ее от отцов, от тех, кто родил нас во Христе благовествованием и святым крещением, кто своим личным подвигом показал, что значит быть христианином.

Святыми Отцами мы привыкли называть православных учителей церкви. Но сегодня упоминаются отцы ветхозаветные: и Авраам, которого вообще называют «отцом всех верующих» (Рим. 4, 11), и его первые потомки по плоти. Вспоминаются военачальники, в победах которых Бог являл Свою силу и славу. Вспоминаются и те, кто «сами испытали поругания и побои», «узы и темницу», которые «были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергались пытке, умирали от меча». В их терпении и в их видимом поражении Бог еще более являл свою силу и славу. И они тоже, как и новозаветные отцы, своею жизнью и рождали, и рождают веру в других...

Но какое отношение имеет приведенное родословие к Иисусу Христу? Ведь это родословие по плоти Иосифа, который не был фактическим отцом Иисуса.

За разъяснением обратимся к одному из законов Ветхого завета. По этому закону, «если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его, и восстановит семя брату своему» (Мф. 22, 24). Родившийся становился поистине сыном умершего, с его именем, с его правами, с его достоинством. И сила этого закона точно такова, как и сила закона: «плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1, 28), потому что оба закона вышли из одних Божественных уст.

И вот теперь Сам Бог Святой Дух, осенив Святую Деву, по сравнению с Которой каждый из сынов Адама — мертвец по своим грехам, — Сам Бог, согласно Своему же закону, восстановил семя умершему во грехах человеческому роду.

Поэтому Евангельское родословие поистине является родословием «Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова», хотя и кончается словами: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос».

Так, выполнив и этот ветхозаветный закон, Господь одновременно и упраздняет его, и снимает с него покрывало, показывая, для чего в конечном итоге этот закон был когда-то установлен.

О свидетелях Рождества

Рождество Христово **Мф. 2, 1–12**
Гал. 4, 4–7

Поражает, в какой глубочайшей тайне от людей совершилось пришествие в мир Царя этого мира!

О чудесном рождении Иоанна Предтечи рассказывали «по всей нагорной стране Иудейской», а рождение Самого Спасителя не привлекло внимания. Мария была в зрелом возрасте, и для всех состояла в нормальном, законном браке. А само рождение, по промыслу Божию, произошло в тот момент, когда Мария осталась одна. Она Сама и «спеленала Его, и положила Его в ясли» (Лк. 2, 7). Была ночь, вся видимая вселенная спала.

Но вся невидимая вселенная всколыхнулась. Евангелист Лука пишет о пастухах, «которые содержали ночную стражу у стада своего». «Вдруг предстал им Ангел». И тут же — «многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» Это читается в сочельник, накануне.

А в самое Рождество слышим еще более удивительное свидетельство. Пришли неведомые люди «с востока, и говорят: где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке, и пришли поклониться Ему».

На всем печать единого Творца. Все связано: и Ангелы, и звезды, и люди. И язычники тоже это чувствовали. Они всячески старались уловить связь видимого мира с человеческой судьбой. Особенно привлекали небесные светила, что вполне справедливо. Они и были сотворены не только «для отделения дня от ночи», но и «для знамений» (Быт. 1, 14).

И смогли же волхвы вычислить звезду Царя Иудейского!

Но в Иерусалиме они беспомощно спрашивают, где родившийся Царь?.. Не звезда их вела: они шли в Иерусалим, на запад, а звезда так и оставалась для них «на востоке». Волхвы вычислили самый факт рождения, но никогда не смогли бы найти Самого Царя.

В Иерусалиме они получили помощь. Пророческие книги сузили круг поиска, открыв, что Христу надлежит родиться «в Вифлееме Иудейском». Волхвы идут в Вифлеем, не представляя себе, что будет там...

Но поскольку они честно искали, Господь совершил для них чудо: звезда, которая до сих пор была вполне астрономической звездой, вдруг оживает, спускается, ведет их, и останавливается над самым «местом, где был Младенец»! Бог всегда Сам приходит на помощь, когда кончаются естественные силы.

Но что далее? Волхвы принесли дары и ушли «в страну свою». Пастухи, хотя и «славя и хваля Бога» (Лк. 2, 20), но все же возвратились к своим стадам. И никто из этих свидетелей никому прямо не указал на Младенца! Святое семейство скоро ушло в Египет. Пастухи продолжали наполнять землю слухами. Волхвы, придя в свою землю, хранили глубоко в сердце то, что видели и слышали.

Для кого же все это было? Похоже, только для Марии, Которая «сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк. 2, 19).

Упало в землю горчичное зерно, малейшее из всех. Прикоснулась к пораженному грехом, мертвому естеству Божественная закваска. Встревоженная ангельским пением, ночная тьма снова сомкнулась, и будет еще долго торжествовать, пока, наконец, придет час, и ее окончательно разорвет свет Христова Воскресения.

О видении на расстоянии

Суббота по Рождестве Христовом **Мф. 12, 15–21**
1 Тим. 6, 11–16

Сегодня, в субботу по Рождестве Христовом, Евангелист Матфей приводит слова Пророка Исаии о Иисусе Христе.

Но зачем очевидцу ссылаться на того, кто жил несколько сотен лет назад? Зачем указывать на то, что является только тенью событий?..

Но часто только на расстоянии взор может охватить всю картину. А тень порой может подчеркнуть то, чего не замечаешь, разглядывая сам предмет.

Итак, перед нами — повседневные дела Господни. В очередной раз «последовало за Ним множество народа», в очередной раз Он «исцелил их всех», и в очередной раз тщетно «запретил им объявлять о Нем». Все видят великого чудотворца.

А Исаия смотрит издали, и вот что открывается его взору: «Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя; положу Дух Мой на Него, и возвестит народам суд. Не воспрекословит, ни возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы».

Ну разве могли это увидеть те, которые со своими бедами и нуждами ходили за Ним, и старались хотя бы прикоснуться? А Пророк увидел только это, и не увидел ни чудес, ни власти над стихиями.

А что мы видим сейчас, спустя две тысячи лет? Чудес, вроде бы, особенно не видно; стихии текут своими путями. Но ведь обещал Он перед вознесением: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20). И Апостолы свидетельствовали, что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

И мы сейчас, как Исаия тогда, видим то, чего люди не замечали за Его чудесами: «Не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах гласа Его; трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит». И сколько

богохульства изливается на Него! А Он, «единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете», все терпит, «не воспрекословит, не возопиет».

И только иногда какой-нибудь богохульник и гонитель вдруг услышит: «что ты гонишь Меня?» И в ответ: «Господи! Что повелишь мне делать?» (Деян. 9, 4–6).

И вдруг станет ясно, что Он и всегда был рядом, но не ломал тебя, не угашал твоей свободы. И вдруг увидишь, как Он ждал, пока вырастет зерно веры в твоей душе, пока проникнет в твою душу закваска Его пришествия в мир. И увидишь, что весь мир пронизан Его присутствием.

И принесешь «доброе исповедание», и если надо, то и «перед многими свидетелями», и более всего видимого прославишь Того, «Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная. Аминь!»

О Иосифе и Давиде

Неделя по Рождестве Христовом **Мф. 2, 13–23**
Гал. 1, 11–19

Эта Неделя посвящена царю и пророку Давиду, и святым праведным Иосифу обручнику и Иакову, «брату Господню».

О том, что «братья Господни по плоти», это не дети Марии, можно бы и не говорить. Даже для рождения Мессии Она не собиралась нарушать обета девства (Лк. 1, 24). Также замечаем, что «братья» обращаются к Иисусу как к младшему: поучают (Ин. 7, 3–8), беспокоятся (Мк. 3, 21, 31). А были еще и сестры. Очевидно, это дети Иосифа от первого брака. И скорее всего, они были не намного старше Иисуса. Поскольку глубока была тайна Благовещения и Рождества, то и женитьба вдовца Иосифа не должна была ни у кого вызывать недоумений и насмешек. Святое семейство для всех было обыкновенной, нормальной семьей (Мф. 13, 54–57).

А между тем, Иосиф, как и его святая Обручница, был совершенно необыкновенным человеком. Писание не сохранило ни одного его слова. Во всех непростых ситуациях он хранит удивительную молчаливость.

Вот Мария после Благовещения уходит из дома навестить Елизавету, и возвращается с внешними признаками беременности. Иосиф знал, что на ней обет девства, и что Она Божья избранница. Но все-таки он не может дать тому, что видит, иного объяснения, кроме естественного. А если так, — о чем спрашивать, к чему укорять? «Будучи праведен», он должен поступить по закону, который гласит: «да будут преданы смерти и прелюбодей, и прелюбодейка» (Лев. 20, 10). Но он не желал «огласить Ее», а хотел «тайно отпустить» на Божий суд.

Своей молчаливостью он вполне достоин Ее молчаливости. И Она молчит, хотя и видит, что Иосиф переменился к Ней. Она чувствует причину, но молчит, потому что понимает, как нелепо при таких подозрениях ссылаться на «Святого Духа». Она верит, что чудесно Вселившийся в Нее Сам же Ее и оправдает.

И такое мудрое молчание обоих было вознаграждено. «Ангел Господень явился ему во сне, и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого».

Бог все время направлял Иосифа. По слову Божьему он спешно отправляется в Египет. По слову Божьему небоязненно возвращается. «Получив во сне откровение», селится «в городе, называемом Назарет».

Несомненно, и Марию он взял в жены именно по таинственному Божьему повелению. Несомненно, Мария перед обручением, как это положено по закону, открыла Иосифу, что на ней такой странный обет, не совместимый с супружеством. Несомненно, Иосиф по прямому повелению Божьему «промолчал», услышав об этом обете, и взял Ее в дом, чтобы быть хранителем Ее девства.

И в то же время Ангел все-таки называет Иосифа «мужем Марии». Значит, он безусловно является таковым по Божественному наречению, хотя и столь же безусловно «не знал Ее». По Слову Божьему и Давид именуется «Богоотцем», и Иисус «Сыном Давида». Что устоит перед Богом, «животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее»! (Рим. 4, 17).

В отличие от молчаливого Иосифа, Давид наполнил мир звуками своих Богодухновенных молитв, в которых и отча-

янная мольба о избавлении от врагов, и воспоминание путей Промысла Божия, и хвала Его величию. А сколько у него пророчеств о Христе: о Его Божестве, о Его Человечестве, о Его страданиях, о Его славе!

И не знаешь, чему более удивляться: славословию Давида или молчанию Иосифа?

И еще в сегодняшнем чтении — важный практический совет: как распознавать сны и видения, от Бога ли они? На примере Иосифа видим, что если от Бога, то не станешь гадать, что сей сон означает, а просто встанешь от сна, и без всяких сомнений и колебаний пойдешь и радостно выполнишь сказанное.

О дарованном и приобретенном

Суббота **Лк. 12, 32–40**
Еф. 1, 16–23

«Не бойся, малое стадо, — говорит Господь, — ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство». Не пообещал, а уже «благоволил дать».

Но однако же Господь не вместилища для дарованных сокровищ повелевает готовить, но, говорит, «приготовляйте себе» и самое «сокровище неоскудевающее на небесах»...

Дело в том, что в этом отрывке снова — о соотношении Божьей воли и свободной воли человека. Истина торжествует, когда обе эти воли действуют так, что не различишь, где кончается одна и начинается другая. Так и сокровище, уже дарованное нам на небе, одновременно должно быть приобретено нашим трудом на земле.

Сокровище Царствия Небесного, это прежде всего — познание всего, что к нему относится.

И познание — тоже, с одной стороны, труд души и ума человека, но одновременно надо и молиться, чтобы «Отец славы» Сам дал нам «Духа премудрости и откровения к познанию Его».

Вершина познания — увидеть собственными глазами; но и для этого надо молиться, чтобы Сам Бог «просветил очи сердца».

Чтобы войти во владение сокровищем Царства, необходимо встретиться с его Хозяином. И с одной стороны, Господь говорит, чтобы чресла наши «были препоясаны и светильники горящи», то есть мы должны быть готовы всегда в радостный путь навстречу Господу. Как и народ Божий перед выходом из рабства совершал пасхальную трапезу: «Пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших, и посохи в руках ваших» (Исх. 12, 11). Но эта готовность в путь была одновременно и готовностью к встрече грозного Ангела, истребляющего первенцев Египетских. Так и здесь: готовность в путь — одновременно и ожидание «господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему».

А когда произойдет встреча, служение рабов господину не отличишь от служения господина рабам. Он уже сам «препояшется, и посадит их, и, подходя, станет служить им». «Блаженны рабы те!..»

Итак, дав нам Царство, Господь предлагает самим уже в этой жизни это царство приобретать. И самое трудное, но и самое успешное, что может человек сделать на этом пути, это, как сказал Господь, — «продавайте имения ваши и давайте милостыню».

И наверное только тот, кто смог во всей полноте выполнить это, тот и сумел в полной мере ощутить, какова «надежда призвания Его», и в полной мере познать, «какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его»

О утраченной возможности

Неделя 28 **Лк. 14, 16–24**
Кол. 1, 12–18

Однажды, когда Господь Иисус Христос был на обеде «у одного из начальников фарисейских», «некто из возлежащих с Ним» «благочестиво» вздохнул: «блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!».

Господь же по этому поводу рассказал притчу, как «один человек сделал большой ужин». Сначала он позвал желанных и достойных. Но они «все, как бы сговорившись», стали

«извиняться», ссылаясь на важные, неотложные дела. Зачем куда-то идти: у них и так все есть, они независимы и самодостаточны, у них и свой ужин не хуже.

И теперь хозяин велит собрать действительно нуждающихся — «нищих, увечных, хромых и слепых», которые сразу согласились, и «наполнился дом» его.

А что ожидает тех, кто отказался придти? На первый взгляд — ничего особенного: просто, как сказал хозяин, «никто из тех званных не вкусит моего ужина». И всего-то.

А Матфей излагает эту притчу более сурово. У него на вечерю звал не кто-нибудь, а царь. И званные не просто отказались, но оскорбили и убили посланников. Царь же на это «разгневался и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их». А тот, кто оказался на пиру не в брачной одежде, был связан и выброшен «во тьму внешнюю», где «плач и скрежет зубов».

И Матфей не противоречит Луке. Просто вот это и означает — не вкусить вечери Господней, не вкусить хлеба в Царствии Божием. Ведь и сотворил нас Бог для того, чтобы мы во веки веков разделяли с Ним трапезу Его радости, были бы причастниками Его блаженной жизни. Принявший приглашение Владыки воскликнет вместе с апостолом Павлом: Благодарю «Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов!»

А мы-то гадаем, в чем смысл жизни, и в чем наше назначение, мы думаем, что есть нечто большее, чем собственно сама жизнь!

Только не эту жизнь, полную страданий и смерти, дал нам Бог. Эту жизнь мы сами себе придумали, и поэтому в ней, действительно, все не то и не так. И когда мы вдруг это поймем, то поймем, и какая печаль таится в этих словах: «Сказываю вам, что никто из тех званных не вкусит Моего ужина»...

Это звучит страшнее, чем у Матфея. Как иногда человек к концу жизни вдруг осознает: «а счастье было так возможно, так близко!..» Но с чем сравнить эту утрату: не вкусить ужина Господня. Оскорбить и убить его посланников; отвергнуть Его любовь, Его простоту, Его крестный труд, затраченный для твоей же радости!

СЕДМИЦА 29 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О силе женщин и о силе истины

Понедельник **Лк. 20, 27–44**
Евр. 3, 5–11, 17–19

Однажды саддукеи, которые отрицали возможность воскресения, задали Господу Иисусу хитрый вопрос: чьей женой будет женщина в будущей жизни, если в этой она имела семь мужей?.. Они хотели наглядно показать безумие идеи вечной жизни. Мол, накопившиеся здесь проблемы никому, никогда и нигде не решить к общему согласию.

Подобные вопросы нередки. Например, где смогут разместиться все воскресшие жители земли, и чем они будут заниматься в вечности?

Но можно задать встречный вопрос: а что можно было бы сообщить ребенку во чреве матери о том мире, в который ему предстоит родиться? Наверное, только одно: «там совсем не то, что здесь». Господь саддукеям тоже сначала отвечает через «не»: «Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят».

Брачные отношения важная сторона этой жизни. Что такое женщина для мужчины, — очень ярко говорит Зоровавель во Второй книге Ездры: «О, мужи! Не велик ли царь и многие из людей?.. Но кто господствует над ними и владеет ими? Не женщины ли? ... Если соберут золото и серебро и всякие драгоценности, а потом увидят одну женщину, хорошую лицом и красивую, оставив все, устремляются к ней более, чем к золоту и серебру и ко всякой дорогой вещи. Человек оставляет воспитавшего его отца и страну свою и прилепляется к жене своей. И с женою оставляет душу, и не помнит ни отца, ни матери, ни страны своей ... Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами через них ... Я видел ... Апамину, ... сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается

и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О мужи! Как же не сильны женщины, когда так поступают они» (2 Ездр. 4, 13–32)?

И многие, действительно, не знают ничего сильнее. Таких бесполезно предостерегать, что если «не познали путей» Господних, то и «не войдут в покой» Его. Они с недоумением скажут: «а зачем нам в тот покой, где «ни женятся, ни замуж не выходят»?

И еще сказал Господь, что «сподобившиеся достигнуть того века и воскресения мертвых» «равны Ангелам». А что мы знаем об Ангелах?

Если о муже сказано: «да оставит» он «отца и мать свою и прилепится к жене своей» (Быт. 2, 24), а о жене: «и к мужу твоему влечение твое» (Быт. 3, 16), то об Ангелах ничего не сказано в отношении пола. Но Ангелы ничем не обделены, и ничего не лишены, по сравнению с людьми. И мы, став, как Ангелы, ничего не лишимся, и ничем не обеднеем. И потом — есть же люди, которые, при всей силе женщин, уже здесь выбрали путь безбрачия, и нашли несравненно сильнейший источник радости и удивления.

Тот же Зоровавель, с таким вдохновением сказавший о силе женщин, с еще большим вдохновением говорит далее: «Неправедно вино, неправеден царь, неправедны женщины, несправедливы все сыны человеческие, и все дела их таковы, и нет в них истины, и они погибнут в неправде своей; а истина пребывает, и остается сильною в век, и живет, и владычествует в век века ... Благословен Бог истины!» (2 Ездр. 4, 37–40).

Человек ничего не лишается в Царствии Небесном, но обретает то, что превыше всего. И все мы: и Ангелы, и мужчины, и женщины, «будучи сынами воскресения», пред лицем нашего Господа забудем и все свое, и самих себя, и кто чей муж, и кто чья жена, и ни о чем не будем жалеть, и ни на что не будем оглядываться.

Ну а пока... однажды молодой христианин спросил: «А можно ли в праздники позволять себя плотские утешения?» И наставник ответил: «Можно. Если ты еще не дорос до утешений духовных».

О том, кого следует опасаться

Вторник **Лк. 21, 12–19**
Евр. 4, 1–13

В беседе о последних временах Господь предупреждает учеников, что ничего завидного их на земле не ждет. «Возложат на вас руки, и будут гнать вас, предавая в синагоги и темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое; будет же это вам для свидетельства».

Как оказалось впоследствии, самым сильным свидетельством христиан было свидетельство своей жизнью, своей кровью. А на случай, когда придется свидетельствовать и словом, Господь говорит: «Положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать; ибо Я дам вам уста и премудрость».

Но — что удивительно: хотя этой премудрости «не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам», — это не сможет остановить гонений. Мало того, гонения будут даже со стороны самых близких, единокровных: «преданы будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое». Это — для всех христиан, без исключения, на все времена.

Но как после этого должны мы смотреть на всех вокруг, и даже на самых близких? От всех в любой момент ждать предательства? Ну а что тут удивительного, если не только от других, но в первую очередь от самих себя предостерегает слово Божие: «Будем опасаться, чтобы ... не оказался кто из вас опоздавшим». Ведь было же это: те ветхозаветные избранники, которым было «прежде возвещено, не вошли» в обетованную землю за свою собственную «непокорность». Поэтому «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших». Потому что и наши собственные сердца могут ожесточиться, и из них может выйти злая воля, несмотря на все откровения и предостережения.

Ни о себе, ни о других — ничего мы до конца не знаем. Это только для Бога «нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его».

И не с таким вниманием и опасением должен я смотреть вокруг себя, сколько за самим собой, чтобы не пострадать мне, например, просто за злословие и пустословие, а не за Христа. Как писал Иоанн Лествичник: «убоимся Бога, по крайней мере так, как боимся зверей: ведь не лезем же мы в чужой сад, когда знаем, что там злая собака». И заповедь Божья говорит: «Даже в мыслях твоих не злословь царя, и в спальной комнате твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою» (Еккл. 10, 20).

И не птица будет виновата, не доноситель, а сам ты, потому что нарушил сказанное тебе Божие слово.

О земле негодной и близкой к проклятию

Среда **Лк. 21, 5–7, 10–11, 20–24**
Евр. 5, 11–6, 8

«О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать», — пишет Апостол Павел в послании к Евреям.

Перед этим он начал было объяснять значение слов «Ты Священник вовек по чину Мелхиседека», но вдруг остановился. На него как бы нахлынуло все, что пришлось, проповедуя Евангелие, претерпеть от своих соплеменников. Вспомнилось с досадой, потому что много столетий Бог учил Свой народ, и теперь кому же, как не им, «надлежало быть учителями».

Судя по времени, они уже в зрелом возрасте, а оказывается, их самих надо «учить первым началам слова Божия», оказывается, им еще «нужно молоко, а не твердая пища». Такой «несведущ в слове правды». Ему надо объяснять, что добро, а что зло. А у духовно взрослого «чувства навыком приучены к различению добра и зла». И он уже будет делать добро, хотя бы весь мир делал противоположное, и не сделает зла даже под страхом лишений и смерти.

«Посему, оставивши начатки учения Христова, поспешим к совершенству», — продолжает Апостол. Ему досадно, что евреям все еще нужно доказывать необходимость обращения «от мертвых дел» закона к живой «вере в Бога». Он хочет, чтобы перестали спорить «о крещениях», то есть о ветхозаветных омовениях, как некогда «у Иоанновых учеников произошел спор с иудеями об очищении» (Ин. 3, 25). Он хочет, чтобы они не дознавались, каким образом в «возложении рук» сходит Святой Дух, и чтобы не допытывались конкретных подробностей «о воскресении мертвых и о суде вечном». Все «это сделаем, если Бог позволит». Но всему свое время.

Апостолу досадно, ведь он обращается к тем, которые даже уже «вкусили, что благ Господь» (1Пет. 2, 3). А таких, вкусивших и отпадших, «невозможно опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия, и ругаются Ему».

И правда, бывают такие ситуации, когда, например, церковный человек, много читавший, много знающий, вдруг совершает явный смертный грех, и считает себя правым. Священнику тут и сказать-то нечего, как нечего было сказать Иосифу Марии, когда он заподозрил Ее в нарушении целомудрия.

«Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь, и произращающая злак», «получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы — негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение».

Не все адресаты Апостола были в таком состоянии, хотя он и обращается ко всем. Он не боится обидеть не согрешивших. Усердные станут еще усерднее, и что в них есть доброго, того не убудет.

Но напрасно будут обижаться те, кого касается обличение. На упорных и противящихся, как мы знаем из истории, вскоре действительно пришли «дни отмщения», «великое бедствие на земле и гнев на народ сей». От этого и хотел Апостол спасти тех, за кого, как он писал в послании к Римлянам, «желал бы сам быть отлученным от Христа» (Рим. 9, 3).

О самодостаточности Священного Писания

Четверг **Лк. 21, 28–33**
Евр. 7, 1–6

Продолжая показывать живую, неразрывную связь Ветхого и Нового заветов, Апостол Павел сегодня отталкивается от сто девятого псалма Давида, где есть такие слова: «Клялся Господь и не раскается: Ты Священник вовек по чину Мелхиседека». Кто этот Мелхиседек? И кто этот «Ты»?

О Мелхиседеке известно крайне мало. Однажды Авраам возвращался с победой. В это время «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священником Бога Всевышнего, и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои». И «Аврам дал ему десятую часть из всего» (Быт. 14, 17–20). Вот и все. Лет четыреста это событие хранилось в памяти потомков Авраама, потом было записано Моисеем.

А спустя еще четыреста лет пророк Давид пишет этот таинственный псалом, начинающийся словами: «сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня ... Из чрева прежде денницы родих тя ... Ты Священник вовек по чину Мелхиседека».

Павел пишет об этом же спустя еще тысячу лет.

И то, что о Мелхиседеке больше ничего не сказано, — и для Давида, и для Павла является не недостатком, но прямой характеристикой.

В отличие от других героев Ветхого Завета, он «без отца, без матери, без родословия». А значит, только он один не имеет «ни начала дней, ни конца жизни».

И священство Мелхиседека именно потому, что оно неизвестно как установлено, — является особым, высшим чином священства, в отличии от «правильного», наследственного, священства Ааронова.

А из того, что начало священства Мелхиседека не указано, следует, что он «пребывает священником навсегда».

Апостол обращает внимание и на то, как к Мелхиседеку отнесся Авраам. Он, хотя и сам был избран Богом, хотя и сам имел «обетования», но все же, как меньший, дал Мелхиседеку «десятину из лучших добыч своих». И Апостол не строит предположений, почему Авраам так сделал. Он просто отмечает это как факт, из которого видно, что здесь «сам Левий», которому впоследствии дано было потомственное священство и право получать десятину, еще находясь в чреслах Авраама, сам дал десятину Мелхиседеку. И это тоже говорит о превосходстве священства по чину Мелхиседека.

Так, через ветхозаветный образ Мелхиседека Апостол Павел объясняет наследникам Ветхого завета и вечность Иисуса Христа, и Его особое священство. Объясняет, кто есть тот «Господь», Которому «рече Господь» в псалме Давида, кто тот «Священник иной» (Евр. 7, 15), Который раз и навсегда Своим единым жертвоприношением очистил наши грехи.

И мы не устаем удивляться, как все книги Ветхого и Нового заветов, писанные самыми разными людьми на протяжении почти полутора тысяч лет, мирно умещаются в одну обложку. И не тесно им, и не противоречат друг другу! И еще обратим внимание на самодостаточность Священного Писания. Оно не требует ни дополнения, ни подтверждения из других источников.

И не только то, что в нем сказано, но и то, что умолчено, — одинаково красноречиво и исполнено смысла.

О Священнике и священниках

Пятница **Лк. 21, 37–22, 8**
Евр. 7, 18–25

Назначение священства — быть посредником между человеком и Богом. Люди всегда чувствовали вину пред Высшим Существом, и всегда желали, чтобы кто-то заступился за них, принеся умилостивительную жертву. Предоставленные своей воле, люди порой приносили в жертву даже сынов и дочерей.

Но Бог, заключая через Моисея завет со Своим народом, повелел приносить животных. Он подробнейшим образом

установил виды жертв и порядок их приношения. Бог также назначил потомство Левия, одного из двенадцати сынов Иакова-Израиля, совершать эти жертвоприношения, и строго повелел: «соблюдай и исполняй их от всего сердца твоего и от всей души твоей» (Втор. 26, 16).

И вдруг, спустя почти полторы тысячи лет, обнаруживается полная «немощь и бесполезность» этих Божественных установлений! Как же трудно было евреям понять и принять это!

Но, с другой стороны, как же трудно принять и почувствовать Новый завет без Ветхого!

Ветхий завет называется тенью Нового. Казалось бы, что такое тень? Но предмет, не имеющий тени, тут же утрачивает реальность. Да, Ветхий закон «ничего не довел до совершенства», и подлежит упразднению, по причине «немощи и бесполезности». Но именно ветхозаветным языком Апостол объясняет истины завета Нового.

Для евреев каждое слово Писания было священно, и Апостол указывает на слова псалма, где уже за тысячу лет до Христа говорится о двух типах священства, и уже там преимущество отдается священству «по чину Мелхиседека». Как замечает Павел, «те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано: «клялся Господь и не раскается: Ты Священник вовек по чину Мелхиседека».

Апостол говорит, что Иисус Христос и есть этот Священник, тенью которого был Мелхиседек. Те были «поручителями» и «ходатаями» Ветхого завета. Он же — «поручитель», «ходатай» завета Нового. Союз, мир должен быть прочным. Чтобы восстановить мир, «ходатай» нужен авторитетный, уважаемый обеими сторонами. Он должен гарантировать возмещение причиненного ущерба, ставшего причиной разрыва. Он должен и подтвердить серьезность намерений сторон впредь не нарушать мира. И всегда необходима кровь, как самое твердое свидетельство.

Итак, то священство кончается, и восстает Священник иной. «Тех священников было много, потому что смерть не допускала быть одному; а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них».

Итак, тех, ветхозаветных священников было много, а Он Один.

А как же мы, христианские служители Алтаря? Уже встал Иной, Один. А нас опять, как в Ветхом завете, много. Кроме того, слово «священник» в нашем, христианском смысле, в новозаветных книгах не употребляется ни разу. Есть «епископы» и «пресвитеры», надзиратели и старейшины. И думается, что как Господь запретил называть кого-либо «учителями», «наставниками» и «отцами», так же Он запретил бы называть кого-либо и «священниками». Потому что Один у нас Священник — Христос, единожды принесший Самого Себя в жертву, достаточную для искупления всех людей.

Но служители Христовы все-таки именуются в том же Священном Писании и «учителями», и «наставниками», и «отцами» (1 Кор. 4, 15; 12, 28), разумеется, помня, Кто есть наш единый истинный Учитель, Наставник и Отец.

Так же и «священники» христианские помнят, что совершая Богослужение, они не новые жертвы приносят, но дают возможность всем людям, всегда и везде быть причастниками Его единой истинной и совершенной жертвы.

О смысле Ветхозаветного обрезания

Обрезание Господне **Лк. 2, 20–21**

Кол. 2, 8–12

Для христианина полноценная жизнь начинается с крещения.

Чем-то подобным было обрезание в Церкви ветхозаветной. Еще Аврааму было сказано: «Сей завет Мой»: «да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между Мною и вами» (Быт. 17, 10–14).

Только вот человек крестившийся наследует вечную жизнь, а не обрезавшийся лишался и жизни временной: «Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей в восьмой день, истребится душа та из народа своего, ибо он нарушил завет Мой».

Итак, в обрезании человек, во-первых, посвящался Богу, входил в завет с Ним.

Во-вторых, в обрезании, как сейчас в крещении, нарекалось имя. «По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать младенца, дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде его зачатия во чреве». А наречение имени — очень важный момент. В отличии от всего на земле, человек — существо личностное и общественное. Имя и обособляет человека, и одновременно дает ему возможность взаимодействовать с остальными членами общества.

Все это понятно. Непонятно только, почему именно таким странным, и даже как бы неприличным образом повелел Бог входить в состав Своего народа?

С этой очередной ветхозаветной загадки, как всегда, покрывало снимается только Христом. Дело в том, что когда над Младенцем Иисусом совершался этот обряд, все своими глазами увидели, что в Нем такая же, как и во всех, кровь, и такие же, как у всех, члены тела.

И думается, что именно для того и было когда-то установлено обрезание, чтобы впоследствии, когда воплотится Христос, все могли бы убедиться, что Он воплотился не призрачно и не частично, и «вся полнота Божества» в Нем «обитает» в полной мере «телесно».

Ведь сколько потом появлялось еретиков, которые не верили, что Бог может унизиться до принятия человеческой плоти! Апостолам уже вскоре после Вознесения Христова пришлось предостерегать: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, а не по Христу»...

Мы исповедуем веру в Господа Иисуса Христа, воплотившегося и вочеловечившегося. И если Рождество, это праздник Его воплощения, то Обрезание, можно сказать, — праздник Его вочеловечения, поскольку совершенный человек, это и биологическое, и общественное, и религиозное существо.

И поэтому самый первый листок календаря Христианской эры, это именно первое января, день обрезания Христова, восьмой день после Его славного Рождества.

А исполнив закон обрезания, Иисус Христос тем самым и упразднил этот закон. Теперь, как Он стал причастником нашей природы, так и нам надо быть причастниками Его жертвенной любви, Его чистоты, Его святости. И поскольз-

ку Он имеет всю полноту в нас, то и вы, — пишет Апостол Павел, «имеете полноту в нем».

Он, — продолжает Апостол, — «есть глава всякого начальства и власти; в Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; бывши погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых».

О широком пути

Суббота **Лк. 13, 18–29**
Еф. 2, 11–13

Однажды Господь сказал: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут».

Так растение входит в жизнь тесным путем: оно пробивается сквозь толщу земли, а иногда — сквозь асфальт, или между вплотную лежащими камнями. У растения нет другого пути. Так же и в вечную жизнь другого пути нет.

Все святые, как видим из истории, шли тесным путем. Причем, одни сами искали и выбирали этот путь. А для иных в конце жизни Сам Господь стеснял его.

Так было, например, со святым мучеником Вонифатием. Сначала он жил довольно легкомысленно. Но однажды, при виде казни христиан, был увлечен Господом на исповедание Его имени и на мученичество.

Так было и с благоразумным разбойником, который всю жизнь провел непотребно. Но вот — путь его сузился, даже до креста. Он же просто принял этот крест, как должное и заслуженное, и пожалел другого, невинного Страдальца. Так он первым из всех услышал: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43).

Но неправильно было бы жить в греховном расслаблении в надежде, что когда-то Господь неизбежно проведет тесным путем и спасет. Как правило, идущий широким путем не находит в себе сил в нужный момент перестроиться. Злые навыки укореняются. Ум все время озабочен,

как бы обогнуть острый угол, как бы увильнуть с тесного участка пути. И молитва-то всегда об этом, а не о том, чтобы Господь, дав тесный путь, дал бы и силы идти этим путем.

Например, живет человек в браке. Начались трудности. Вот он — спасительный тесный путь, требующий терпения, любви, жертвенности. А человек — раз! — и обошел, развелся. Думает: лучше встану на путь безбрачия, оно и спасительнее! Но вскоре и тут настает необходимость терпения, борьбы с похотью. А человек снова — раз! — и вступил в новый брак. И так всю жизнь. И с полной уверенностью считает себя христианином!

Но придет время, и встанем пред затворенными вратами. Вот наш последний шанс. А мы что? — «Господи! Господи! Отвори нам!» То есть снова: сделай шире наш путь, потому что иначе не умеем! И услышим: «Не знаю вас, откуда вы; отойдите от меня все делатели неправды».

Тесный путь и тут возможен: «Господи! Помилуй и прости нас!» А мы все оправдываемся и оправдываемся, чем угодно, даже тем, что «мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил ты»!

Но если Господь учил, почему же ничему не научились? Немилосердный богач даже «будучи в муках», не находит слов покаяния (Лк. 16, 23–24). И стоящие перед престолом Судии тоже не хотят выговорить спасительных слов (Мф. 25).

И Церковь все время напоминает, каким тесным путем пришел в мир Спаситель, какой ценой мы спасены, кем были и кем стали: «Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти», «что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды законов обетования, не имели надежды, и были безбожники в мире; а теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою».

Да, Кровию Христовой мы приблизились. Но окончательно войти не удастся никаким иным путем, как только кровию своею.

О благодарении делами

Неделя 29 **Лк. 17, 12–19**
Кол. 3, 4–11

Однажды, когда Господь входил «в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдали, и громким голосом говорили: Иисус Наставник, помилуй нас»! Они не просили исцеления, но просто просили милости.

Люди по разным причинам именно так обращаются к Богу. Или от совершенной веры, когда все готов принять, как Божью милость. Или от малой веры, когда страшно потерять и ее, если не получишь конкретно просимого. Ну а когда просят многие одновременно, то один Бог знает, у кого какая вера, и по чьей вере дается всем.

Так просили и прокаженные. Веры им хватило назвать Иисуса только «наставником». И Господь по их малой вере так им и ответил: «Пойдите, покажитесь священникам». И они пошли. И пошли, наверное, тоже с разными чувствами. Кто с робкой надеждой, а кто с разочарованием. И вдруг по дороге начали совершаться чудеса: один за другим, а может быть, все одновременно, «когда они шли, очистились».

Очистились, и... пошли дальше! И только один «из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его».

Но почему не пришли остальные? «Не десять ли очистились? Где же девять?» Трудно представить, чтобы, все вместе получив исцеление, они могли допустить, что это простое совпадение. Скорее всего, некоторые размышляли так: «зачем возвращаться? Виновник всего Бог. А Он на всяком месте. Достаточно даже на ходу воскликнуть: «слава Тебе, Боже», и довольно, и Он услышит. Так, успокоив совесть, избавили себя от труда обратного пути.

А иные, может быть, рассуждали так: «По Его слову я исцелился. Но разве Он велел мне вернуться и благодарить? Он велел идти и показаться священникам, что я и выполняю, строго по Его словам».

В первом случае, скорее всего, благочестивыми рассуждениями хочет оправдать себя простая леность. Конечно,

хорошо, что ты веруешь, что Бог присутствует на всяком месте. Но тебе-то даны ноги, чтобы переходить с места на место. И ведь не только ради житейских нужд надо трудиться ногами, но в первую очередь — ради Бога. И чтобы принести Богу жертву благодарности, надо бы тебе вернуться, пройти обратный, может быть и немалый путь.

Во втором случае видим послушание не по разуму. Вы же именно к Иисусу обращались, именно у Него просили исцеления? Получили? Значит, надо именно к Нему вернуться, именно Его поблагодарить, а потом уже идти к священникам...

Пусть когда-то в тяжелой болезни ты робко вместе со всеми в храме произнес: «Господи, помилуй», даже не веря, что будешь услышан. А тут вдруг и врач хороший нашелся, и нужные лекарства, и курс лечения удачно прошел. И пусть много протекло времени, но все-таки вспомни, что когда-то, пусть и неуверенно, ты попросил Бога.

И прежде чем благодарить людей, поблагодари Его. Поблагодари делом, с утруждением себя. Приди в церковь, постой, помолись, поклонись, закажи благодарственный молебен, подай милостыню. И увидишь, как возрастет твоя вера. И в следующий раз будешь просить не как посторонний, но как сын, который знает, что у родителей одна цель: чтобы тебе было хорошо и в будущей, и в этой жизни.

СЕДМИЦА 30 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О Новом Завете

Суббота **Мк. 8, 11–21**
Евр. 8, 7–13

Пророк Иеремия за семь веков до Рождества Христова возвестил Божьему народу: «Вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской».

Новый завет будет более совершенным. В Ветхом завете Бог просто «взял их за руку». О Новом же сказано: «вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их, и буду их Богом, и они будут моим народом».

Но обычно более совершенное доверяют тем, кто выполнил предыдущее, менее совершенное. А тут — наоборот: более совершенное дается именно «потому, что они не пребыли в том завете Моем!»

Еще Господь говорит: «дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное. И дам им сердце плотяное, чтобы они ходили по заповедям Моим» (Иез. 11, 19).

И опять вопрос: почему Бог не сделал этого в Ветхом завете? Почему еще тогда не вложил законы в мысли и не написал «на сердцах»? А почему удастся сделать это теперь? Разве люди стали совершеннее? Вот, даже ближайшим ученикам Он говорит: «Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите?»

Что же такое совершит Бог, если после этого даже «не будет учить каждый ближнего своего, и каждый брата своего, говоря: познай Господа»? Почему вдруг «все, от малого до большого, будут знать» Его?

А произойдет вот что: «Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более». Не добьется Господь усвоения и выполнения первого, Ветхого завета, но простит все, что не выполнили, и даст новое, более высокое.

Мы в недоумении: можно ли простить то, что ребенок не выучил в первом классе, и перевести во второй?..

Но у Бога все совсем по-другому. Для Него простить грехи и неправды, простить непослушание, не значит просто махнуть на все рукой. Но — Самому выполнить послушание, причем, «даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 8). Таким образом, мы снова и снова возвращаемся к Кресту, который воздвигнут «посреди земли» (Пс. 73, 12), пред лицем всех народов.

И разве умаляется сила Креста, откровение Божественной любви — тем, что мы не чувствуем этого, и не веруем в это? Если при взгляде на Крест у тебя все еще каменное сердце,

то неужели из-за этого может быть подвергнуто сомнению пророческое обетование о том, что «все, от малого до большого будут знать Меня»?

Здесь такое же мнимое противоречие, как в Послании к Римлянам, где сказано, что «весь Израиль спасется» (Рим. 11, 26). Истинный Израиль, который весь спасется, это лишь тот «остаток», который не приклонил «колена пред» ложными богами (Рим. 11, 4). И только жители этого нового Израиля, «все, от малого до большого», вообще достойны упоминания.

И поэтому задумаемся, как же это будет: весь Израиль спасется, а ты — нет? «Все, от малого до большого, будут знать» Бога, а ты — нет? А потом однажды заметишь, что как-то перестали вокруг тебя «учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа». И вдруг увидишь, что остались вокруг тебя только «все гнусности ... и все мерзости» (Иез. 11, 18).

И тогда исполнятся слова Иоанна Богослова: «Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия» (Ин. 3, 18).

О Ходатае Нового завета

Вторник **Мк. 8, 22–2**
Евр. 9, 8–10, 15–23

Однажды Господь исцелил слепого. Причем, на этот раз Он совершил семь действий: «взял слепого за руку» — «вывел его вон из селения» — плюнул «ему на глаза» — «спросил его, видит ли что?» — «опять возложил руки на глаза ему» — «велел ему взглянуть» — «послал его домой».

Здесь прообраз истории нашего спасения. Не сразу. Длительно и мучительно, как и все в мире. Как сегодня слепца, так и тогда: первое, что сделал Бог, — «взял их за руку, чтобы вывести из земли Египетской» (Иер. 31, 32).

После первого исцеления слепец сказал: «вижу проходящих людей, как деревья». Хорошо хоть что-то видеть! Но видеть людей как деревья — все равно, что вообще их не видеть.

Как и ветхозаветный храм, который и приближал Бога, и одновременно закрывал. Апостол напомнил, что в третью часть, во Святое Святых, мог входить только Первосвященник, и только раз в год. Тем самым «Дух Святый показывает, что» для всего народа «еще не открыт путь во святилище». И он не откроется, «доколе стоит прежняя скиния», то есть прежний храм.

И это «есть образ» дохристианского «времени». Это воплощение бессилия. Без конца приносятся «дары и жертвы», но никогда кровь жертвенных животных не сможет «сделать в совести совершенным приносящего». Количество никогда не перейдет в качество. Так все и будет, «как деревья», «до времени исправления», до времени нового завета, до второго, окончательного исцеления.

Слово «завет» родственно слову «завещание». А «где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя». «Оно не имеет силы, когда завещатель жив». Наглядное выражение смерти — кровь. «Первый завет» тоже был утвержден «не без крови». «Моисей, произнесши все заповеди», «взял кровь тельцов и козлов», «и окропил как самую книгу, так и весь народ, говоря: «это кровь завета, который заповедал вам Бог».

Но Моисей не именуется «ходатаем».

«Ходатаем нового завета» Апостол Павел называет только Иисуса Христа, Который, во-первых, есть Ходатай от Бога, от Завещателя. Но Он же, собственно, и есть Завещатель. И он ходатайствует перед нами, чтобы мы, «призванные к вечному наследию», в результате Его смерти, «получили обетованное».

Но Он же и Ходатай за нас пред Богом. Единственный Ходатай. Ибо, если «человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем?» (1Цар. 2, 25). А Господь, по словам Пророка Исаии, «понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53, 12) .

Но чтобы ходатайство не было тщетным, необходимо, чтобы и грешник, и преступник осознал себя таковым. Необходимо, чтобы и сам слепой, увидев как бы деревья, не счел «в совести своей», что это и есть люди. Наверное, отчасти благодаря этому, наш слепец вторым усилием Господа и был «исцелен, и стал видеть все ясно».

О жертвах и Жертве

Среда **Мк. 8, 30–34**
Евр. 10, 1–18

Апостол Павел пишет: «Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними, иначе перестали бы приносить их». «Потому что приносящие жертву, бывши очищены однажды, не имели бы никакого сознания грехов». «Но жертвами каждогодно напоминается о грехах; ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи».

Нашему праотцу Адаму после грехопадения было сказано: «Проклята земля за тебя» (Быт. 3, 17). Именно за грех человека на всю тварь пришла смерть. Но человек не хочет этого признавать. Животные умирают, поедают друг друга, а я вроде бы не при чем, дескать, так устроено природой.

Вот человеку и дано было религиозное предписание — делать пред Богом своими руками то, чему он явился прямым виновником. «Так жертвами каждогодно напоминается о грехах».

Помнить о нашей виновности перед тварью, это благо, ибо только осознав вину, можно рассчитывать на прощение.

Но это и — тень будущего истинного блага. Мы еще должны осознать свою главнейшую вину. И тогда уж получим совершенное прощение. Мы должны осознать, что своим непослушанием человек также вычеркивает из своей жизни и Бога, поистине убивает Его.

И мы должны были сделать это своими руками, чтобы никто не оставался в заблуждении. Потому что «без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9, 22). И чтобы это могло совершиться, Сын Божий, готовясь стать Сыном Человеческим, говорит Отцу: «Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне». Тело дает возможность выполнить послушание даже до смерти. Для этого «Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту».

И когда распяли Господа, — поняли, осознали всю правду. И вследствие этого «освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа». «Он же, принесши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога... Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых». Кто же эти «освящаемые»?

А вот как раз те, кто бил себя в грудь, отходя от Голгофы (Лк. 23, 48).

О начале отсчета времени

Суббота пред Богоявлением **Мф. 3, 1–11**
1 Тим. 3, 14–4, 5

«В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». «Тогда Иерусалим и вся Иудея, и вся окрестность Иорданская выходили к нему».

Почему — все?.. Во-первых, пришла некая полнота времен. Сошлись пророчества. Все чувствовали: одно кончилось, другое не началось. Все понимали, так дальше нельзя: или все рухнет, или окончательно потеряет смысл. У всех была потребность смыть с себя некую вековую нечистоту.

А во-вторых, с самого рождения Иоанна Крестителя жители той земли с волнением ожидали: «Что будет младенец сей?» (Лк. 1, 66). А он еще «и был в пустынях до дня явления своего Израилю» (Лк. 1, 80). И — самый его облик: «Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мед».

Аскетический образ жизни сам по себе располагает к уважению, в то время как толстый живот вызывает законное чувство недоверия и напоминает библейский образ лжепастыря: «Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец закалали, а стада не пасли». (Иез. 34, 2–3). Таких-то сразу видно, толстый живот никуда не спрячешь.

А вот предостерегать надо как раз от соблазна ложного аскетизма. Апостол и говорит сегодня о неких, «сожженных в совести своей», которые будут запрещать «вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и

познавшие истину вкушали с благодарением». Ложные аскеты могут поражать воображение. Но они приходят «во имя свое» (Ин. 5, 43) и проповедуют только себя. Они могут научить лишь, как выделиться из толпы, а не как собственно приблизиться к Богу.

Иоанн же никому не запрещал ничего, кроме противозаконного, никого не заставлял есть вместе с ним акриды.

И он все время повторял: «Идущий за мною сильнее меня; я недостоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем».

А его самого принимали за Христа. Недаром еще в Прологе Иоанн Богослов подчеркивает: «Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о свете» (Ин. 1, 8). И сам Иоанн Креститель на вопрос фарисеев, кто ты? — первым делом ответил: «я не Христос» (Ин. 8, 20).

Выход Иоанна на проповедь всколыхнул всю Палестину. Евангелист Лука указывает и на время, когда это было: «в пятнадцатый год правления Тиберия кесаря». Так вообще принято было датировать до пришествия Христа в мир. Не было всемирной, для всех важной точки отсчета. Людям достаточно было знать, в каком месте, при каком царе, в какой год его правления. Так и о рождестве Иоанна Крестителя: «во дни Ирода, царя Иудейского» (Лк. 1, 5)...

И о Рождестве Спасителя говорится, что это было во время переписи, которая происходила при таком-то императоре, при таком-то правителе...

Но уже с этого момента весь мир начнет новый отсчет времени, от Рождества Христова.

И теперь даже тот, кто утверждает, что все эти события выдумка, что даже Иисуса Христа не было на свете, — даже такой человек, спустя даже две тысячи лет, твердо знает, когда все это произошло.

О понижении гор и наполнении рвов

Неделя пред Богоявлением **Мк. 1, 1–8**
2 Тим. 4, 5–8

Иоанн Креститель призывал к покаянию. Он исполнял пророчество Исаии: «Приготовьте путь Господу, прямыми

сделайте стези Ему». «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути станут гладкими» (Лк. 3, 5).

Евангелист Лука приводит несколько примеров, как Иоанн Креститель понижал «горы» и наполнял «долы» человеческих сердец.

Когда Иоанн увидел «многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься», он «сказал им: порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния, и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам» (Мф. 3, 7–9). Потому что эти люди хотя и шли, увлекаемые общим потоком, но были уверены, что если ты потомок Авраама, спасение и так обеспечено. А Иоанн требовал плодов покаяния.

Согласно Луке, Иоанн так говорил не только фарисеям, но и вообще всему «приходившему креститься от него народу» (Лк. 3, 7). Потому что гордость и самоуверенность бывают свойственны людям и из самых низших слоев.

Так Иоанн понижал «горы».

Но «долы» он всегда рад был наполнить. Приходящие с истинным смирением и покаянием, задававшие самый главный вопрос: «что же нам делать?» — получали ответ: «У кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3, 11). Вот — универсальный совет. Кто бы ты ни был, поступай так, не ошибешься.

Обращались к Иоанну и мытари. Эти люди брали на откуп у римских властей право собирать налоги. Они сразу выплачивали ожидаемую сумму. При этом четко оговаривалось, сколько они, собирая уже с людей, могли оставить в свою пользу. Но как проследишь, сколько собрали и сколько взяли себе? Тут была безграничная возможность неправедного обогащения, и мытари были ненавидимы народом. Однако на вопрос «что нам делать?» — Иоанн не принуждал оставить это занятие, как заведомо греховное. Он только говорил: «ничего не требуйте более определенного вам». Точно выполняйте свой же договор.

Приходили и воины. Воину дано оружие и право применять его. И всегда есть соблазн употребить оружие не для защиты, а для ограбления слабых. Но и от воинов Иоанн не требует: бросай оружие и спасешься. Служение

воина необходимо, но выполнять его надо с честью: «никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованием».

Воин окружен уважением. Существует специальный чин освящения оружия. Священник молится, чтобы Господь благословил это оружие для защиты вдов и сирот, и Церкви Божией.

Итак, гордых Иоанн Креститель обличает, а смиренным с радостью дает советы.

И еще он учит, чтобы никакой род деятельности мы не отдавали на откуп врагу. Все, даже самое шаткое, надо стараться преобразить своим честным трудом, и тем самым отвоевать для Господа Бога.

О главном вечере

Богоявление **Мф. 3, 13–17**
Тит. 2, 11–14;3, 4–7

Сегодня день, когда Господь Иисус Христос пришел к Иордану, чтобы вместе со всем народом принять от Иоанна водное крещение.

«Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды». При этом отверзлись «небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на» Иисуса. «И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

После этого Иоанн стал говорить народу: «Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: «на кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым».

Иоанн действительно сначала «не знал Его», хотя и ужаснулся, когда Иисус пришел креститься, хотя и «удерживал Его, и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» Иоанн только чувствовал Его величие, и ничего не мог сказать о Нем, кроме загадочного и неопределенного: «стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете». Или: «за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня» (Ин. 1, 26, 30).

Но теперь, после увиденного и услышанного, Иоанн прямо свидетельствует: «Он есть Сын Божий» (Ин. 1, 34).

Входя в воду, Господь сказал Иоанну: «так надлежит нам исполнить всякую правду». А «правда», во-первых, в том, «что все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3, 23). А Иисус, как мы знаем, «понес на Себе грех многих» (Ис. 53, 12). Но прежде чем понести, надо взять.

Погружение в воду, переполненную человеческими грехами, и было взятием грехов на Себя. Как пишет Иоанн Дамаскин, «Он крестился не потому, что Сам имел нужду в очищении, но усвояя Себе мое очищение».

Но не тут же после вхождения Иисуса в воду очистились все, чьими грехами был переполнен Иордан. Вспомним ветхозаветное установление о водном очищении: прикоснувшийся к какой-либо нечистоте «должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера» (Лев. 15, 5). Не сразу после омовения человек становился чистым, но ждал «вечера».

Это очередной ветхозаветный прообраз. Так и после вхождения Господа Иисуса в Иордан пройдет три года, настанет вечер Его жизни, и только после этого приходящие с покаянием и верою смогут во всякое время и на всяком месте получать очищение водою и Духом.

Итак, спасение совершается и Божеским, и человеческим усилием. Человек приходит и кается в грехах. Господь же приходит, берет на Себя эти грехи и пригвождает ко Кресту. И совершается эта встреча в воде крещения...

И раньше вода в этот день освящалась именно для крещения тех, кто на протяжении Рождественского поста к этому готовился. Это было праздником всей Церкви.

И сейчас это для нас великий праздник. Слушая молитву Великого освящения воды, вспомним и свое собственное крещение, и как бы заново, сознательно переживем его. Ведь многие из нас крещены во младенчестве. И один сожалеет, что не может креститься теперь, когда уже сознательно пришел к вере.

А другой со слезами благодарят Бога, что родители позаботились об этом в свое время. Потому что, оглядываясь назад, видит, что во всяком возрасте, даже в период неверия, благодать Святого Крещения хранила и не отступала ни на шаг.

О искушении Иисуса

Суббота по Богоявлении **Мф. 4, 1–11**
Еф. 6, 10–17

Апостол Павел пишет в послании к Ефесянам: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие».

А сегодня Господь Иисус Христос показывает, как этим мечом надо действовать.

Сразу после крещения «Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал».

И вот тут-то, когда Иисус проявил естественную человеческую слабость, «приступил к Нему искуситель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Ты, как я слышал, Сын Божий, и Ты хочешь есть. Ну что же, употреби Свою Божественную силу, преврати камень в хлеб. Чего проще?

Но Господь отвечает: «Написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». И идет ссылка на то место книги Второзаконие, где рассказывается, как перед входом в обетованную землю Господь через Моисея дает Своему народу последние наставления. Он говорит: «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать и узнать, что в сердце твоем, будешь ли хранить заповеди Его или нет. Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты, и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек. Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла, вот уже сорок лет. И знай в сердце твоем, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего» (Втор. 8, 1–5).

Хлеб — символ стабильности, уверенности в завтрашнем дне. А всесильное слово Божие способно напитать человека любым, самым неожиданным образом. Питал же Бог Свой народ манной, которая падала с неба. И теперь, опира-

ясь на Священное писание, Иисус, как человек, выразил Свою веру, что в случае необходимости даже при полном отсутствии хлеба — прямо из Божьих рук непременно придет помощь.

Тогда диавол сделал новое предложение. Он поставил Иисуса «на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Но если написано, зачем же бросаться? И так ясно. А вот другое написано: «не искушай Господа Бога твоего». И опять ссылка на Второзаконие, где Моисей продолжает наставления народу: «Не искушайте Господа Бога вашего, как вы искушали Его в Массе» (Втор. 6, 16). Тогда евреи захотели пить и возроптали на Моисея, и «искушали Господа, говоря: есть ли Господь среди нас, или нет?» (Исх. 17, 1–7).

Ну а третье искушение, это когда диавол показал Иисусу «Все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи». И опять ссылка на Второзаконие, где говорится: «Господа, Бога твоего бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись. Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас» (Втор. 6, 13–14).

Иисус Христос был искушаем как человек, как был когда-то искушаем и весь народ Божий. Но в отличии от народа, Он показал Свою твердость в трех вещах, которые суть одно.

1. Живи под рукой Бога, все с радостью от Него принимая.

2. Не сомневайся и не испытывай, с тобой ли Бог, не покинул ли Он тебя, но твердо пребывай под Его рукой.

3. Что бы ни случилось, не ищи других источников жизни, не ищи других богов.

Так начал Свое человеческое служение Господь Иисус Христос. Так и всякий христианин, родившийся во святом крещении и вооруженный мечем Слова Божия, должен проходить свой жизненный путь.

О духовных советах

Неделя по Богоявлении **Мф. 4, 12–17**
Еф. 4, 7–13

В неделю пред Богоявлением мы читали, как Иоанн Креститель «понижал горы и наполнял долы», как он отвечал на вопросы: «что нам делать?»

Несомненно, ему приходилось отвечать и на множество вопросов: «что мне делать?» Но Евангелисты не приводят таких случаев. Когда сказанное авторитетным человеком одному — становится достоянием всех, каждый старается примерить это и на свой счет, что не всегда полезно.

В наше время появилось много печатных воспоминаний церковных людей о своих духовных наставниках. Это — сокровищница духовного опыта.

Но с другой стороны, все это когда-то говорилось конкретному человеку, в конкретный момент его жизни, причем, тому человеку, кто связал свою жизнь именно с этим наставником. И наставник влагал свои слова в уже давно открытую и доверяющую ему душу.

А посторонние могут смутиться или чрезмерной строгостью советов, или излишней мягкостью, или необычностью...

Но один ответ одному человеку Евангелисты все-же приводят, потому что этот ответ был решающим для собственной жизни Иоанна Крестителя.

Человек этот — царь Ирод. Он был довольно любознателен, и тоже пришел и спросил: «а что мне делать?» Иоанн сразу указал на главное, служившее соблазном для всего народа: «Не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего» (Мф. 14, 4–3).

После этого Иоанн был «отдан под стражу» и мог сказать, как и Апостол Павел потом скажет: «я уже становлюсь жертвой, и время моего отшествия настало» (2Тим. 4, 6). Иоанн и в темнице не перестал обличать Ирода. Его не смутило, что из-за этого он вынужден прекратить дело, для которого послан Богом. Его не размягчило, что Ирод с охотой слушал его, и многое даже делал по его совету.

Потому что один-единственный нераскаянный грех — и есть тот самый «грех к смерти», о котором писал Иоанн Богослов (1 Ин. 5, 16).

Но никто не мог бы причинить Иоанну зла, если бы уже не «пришел час его» отойти в сторону и дать место Тому, ради Кого он и был послан (Ин. 7, 30). Иоанн чувствовал это и говорил: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин. 3, 30). И Сам Иисус лишь с этого времени «начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное».

Господь каждому дал свое дело. Он поставил «одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова», Его церкви. И каждому надо знать и меру своих обязанностей, и меру своих возможностей, и меру своей ответственности.

У пророка Иезекииля сказано: если «ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей. Если же ты остерегал беззаконника, ... но он от пути своего не обратился, — то он умирает за грех свой, а ты спас душу твою» (Иез. 33, 8–9).

Мы ответим за свое дело, например, за то, что не предостерегли. Услышит беззаконник или нет, это уже на его совести. И какими бы ни были лично для нас от этого последствия, Божие дело не остановится. Бог и совершал, и будет совершать, не через нас, так через других, «доколе не придем в единство веры, и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова».

О вере

Четверг **Мк. 9, 10–16**
Евр. 10, 35–11, 7

Сегодня Апостол Павел дает определение, что такое вера:

«Вера ... есть осуществление ожидаемого, и уверенность в невидимом». Иными словами: то, что еще только ожидается, и неизвестно — настанет ли, для верующего человека уже на-

стало и уже определяет его жизнь. Причем, определяет сильнее, чем то, что принято называть «реально существующим».

Так же и то, что для других невидимо, и неизвестно — существует ли, для верующего безусловно и несомненно существует.

Можно еще сказать, что вера — один из двух методов познания. Верою познаем то, что нельзя увидеть, пощупать, взвесить.

Так, только «верою познаем, что веки устроены словом Божиим». Никто из людей не видел акта творения, но мы считаем его совершенно достоверным. Потому что происхождение мира из пустоты силами самой же пустоты совсем уж невероятно.

«Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин».

Как свидетельствует Библия, «Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего» (Быт. 4, 3–4). Нам не открыто, учил ли Бог уже тогда, как совершать Ему служение. И поэтому тут дело не в ослушании Каина, а именно в вере Авеля. Он поверил, что надо делать именно так. От отца, Адама, он должен был узнать о грехопадении, о проклятии всей твари за вину человека. И еще до того, как Бог вменил это в обязанность, он поверил, что надо именно вот так, прямым убийством пред Богом жертвенного животного, признать и исповедать наш первоначальный грех.

Каин же, очевидно, понял богослужение так, что надо просто поделиться с Богом своими прибытками. И Бог призрел именно на жертву Авеля.

Далее Апостол пишет, что верою же Авель «и по смерти еще говорит». Позже, после потопа, Бог скажет Ною и его потомкам: «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя. Взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его» (Быт. 9, 5). А душа Авеля, значит, еще тогда верою провидела этот Божий закон отмщения, закон неизбежного воздаяния. И услышав этот вопль его души, Бог сказал Каину: «голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт. 4, 10).

Подобно как в Откровении Иоанна Богослова видим «души убиенных за слово Божие», которые вопияли «громким голо-

сом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу» (Откр. 6, 9–10)?

«Верою Енох» понял, какой образ жизни угоден Богу, и настолько понял, что «Бог переселил его» на небо живым.

«А без веры угодить Богу невозможно, — продолжает Апостол, — ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает». Потому что связь с Богом, это связь с живой личностью, бесконечно близкой, более чем видимой и более, чем существующей.

«Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо», о грядущем всемирном потопе, начал строить на суше огромный плавучий дом, веря, что этот нелепый дом совершенно необходим. И интересно, что этой своей верою «осудил он весь мир». Значит, и все могли верить в грядущее всемирное бедствие, все должны были чувствовать его справедливость и неизбежность. Но — или не верили, или верили только, как говорится, «в душе». А живая вера должна побуждать к соответствующим делам.

Поэтому, кстати, Апостол Павел, объясняя важнейшие вопросы веры, всегда заканчивает свои богословские рассуждения обращением прямо к слушателям: «итак ... да приступаем...» «будем держаться исповедания...» «будем внимательны друг к другу...» «не будем оставлять собрания своего...» (Евр. 10, 19–25)

Или как сегодня: «Итак, не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние. Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное».

Да и вообще цель всякой христианской проповеди — чтобы предметы нашей веры стали видимыми, объемными, яркими, и чтобы исходя именно из них, мы начали определять свои дела и строить свою жизнь.

О нашем отечестве

Пятница **Мк. 9, 33–41**
Евр. 11, 8, 11–16

Апостол Павел продолжает перечислять великих подвижников веры.

И на первом месте Авраам. Он настолько поверил голосу Божию, что не задумался перевернуть свою жизнь, повинуясь «призванию идти в страну», совершенно ему неведомую, так что буквально «пошел, не зная, куда идет». И это испытание длилось всю жизнь. Всю жизнь помнил, что ему назначено эту землю «получить в наследие», и его не смутило, что до самой смерти он жил на этой земле, «как на чужой» (Евр. 11, 9).

Павел пишет и о подвиге веры его жены: «Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила; ибо знала, что верен обещавший». Бог Своим могуществом дал, и Сарра своей верой приняла. Для нее сказанное Богом было как уже осуществившееся. Услышав обетование, «Сарра внутренне рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение» (Быт. 18, 12)?

Смех ее не был смехом над нелепыми словами, но радостным смехом, когда невероятное вдруг стало реальным. Ведь Павел подчеркивает, что именно благодаря ее вере «от одного, и притом омертвелого, родилось так много, как много звезд на небе, и как бесчислен песок на берегу морском».

И далее Апостол говорит о главном, что объединяло всех подвижников ветхозаветной веры. Разные у них были подвиги, но все они «говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле. Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества». И разумеется, если бы это их вожделенное отечество было где-то на земле, они «имели бы время возвратиться». Поэтому ясно, что «они стремились к лучшему, то есть к небесному».

И именно за это «Бог не стыдится их, называя Себя их Богом».

Ведь когда родители стыдятся детей? — когда дети забывают родителей, бросают отечество. Значит не увидели в отчем доме настоящей любви, не услышали слов истины. Позор детей покрывает позором и родителей. А слава родителей — когда дети в любой стране помнят об отечестве, стремятся в него, и со слезами возвращаются.

Так и слава Бога — в Его верных, помнящих о Небесном отечестве. Хваля детей, хвалим родителей, и хваля верных, хвалим Бога. Поэтому и говорит Он: «Кто

примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но пославшего Меня».

Поэтому должны мы не спорить «кто больше» из нас, но помнить о нашем общем отечестве, о нашем общем Отце Небесном, у Которого для всех хватит любви.

О болящих и о целителях

Суббота **Лк. 14, 1–11**
Еф. 5, 1–8

Однажды Господь пришел «в дом одного из начальников фарисейских», где оказался «человек, страждущий водяною болезнью. По сему случаю Иисус спросил законников и фарисеев: позволительно ли врачевать в субботу? Они молчали».

По их законам врачевание, в числе прочих дел, в субботу было запрещено, и они не могли сказать: «позволительно». А сказать: «не позволительно» не давала человеческая совесть. Потому что одно — когда сидим и рассуждаем в кабинете, и совсем другое — когда живой, страждущий человек молит о помощи. Тут теории проверяются на прочность.

Это касается и вопроса — к каким средствам можно, а к каким нельзя прибегать в болезнях. Например, пришла маловерная, отчаявшаяся женщина. Неверующий муж или сын погибает и всех губит своим пьянством. Можно ли прибегнуть к методу, в котором последняя надежда?.. Чтобы объяснить, почему нельзя, надо начинать буквально от Адама и Евы. А ей не до того: ей надо именно сейчас принять решение.

И совсем другое, когда спрашивает церковный человек, для которого страшнее всего повредить душе. Вот здесь можно порассуждать о допустимости того или иного метода.

Также не все однозначно, когда человек вдруг обрел в себе дар целителя, и уже испытал радость помогать тем, кого оставили врачи. Ему доказывают, что делать этого почему-то нельзя, а у него живой опыт. И он никогда не согласится, что победить страдания — плохо.

Когда не действуют слова, надо, очевидно, предать все на волю Божью. Жизнь сама покажет, что вырастет из этого семени. Но надо посоветовать быть особенно внимательным. Вот, ты вылечил рак. А больной после этого лишился разума. Другому больному, недавно уверовавшему, ты посоветовал сначала пособороваться и причаститься. Он со слезами, с покаянием исполнил это. И... почему-то предпочел обычные методы лечения. А другой, избавленный тобою от рака, впал в пьянство; болезнь возвратилась, и он умер.

Конечно, ты пытаешься обратить больного к вере, рассказать о Христе, приобщить к Церкви. Тот слушает, старается выполнять. Но — лишь до излечения. Потому что пришел он не за этим. Получается, что религию ты обратил на службу здоровью.

Надо и за собой особенно внимательно смотреть. Чисто ли ты живешь? И не является ли, например, «любостяжание» главной пружиной твоей деятельности? Не жалуешься ли, когда тебе мало заплатят? Ведь «блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым». И «никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в царстве Христа и Бога».

И помнишь ли ты, что «возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится»? Получается ли у тебя всегда и везде постараться сесть «на последнее место»? И не обижаешься ли, когда тебе приходится это сделать поневоле?

Наблюдай и размышляй. Молись: «Господи, если это от Тебя, то пусть будет, а если не от Тебя, от отними»

И «никто да не обольщает вас пустыми словами», величая благодетелем страждущего человечества. Бог дает Свои особые дары только за многие подвиги, дает их тому, кто достиг бесстрастия.

А если не так, то скорее всего эти дары не от Бога, а от Божьего и твоего врага, чтобы прельстить, погубить через гордость и самоуверенность, и не допустить войти в царство «Христа и Бога» и тебя, и тех, кто прибегнул к твоей помощи.

О задавании вопросов

Неделя 30 **Лк. 18, 18–27**
Кол. 3, 12–16

Однажды Господа Иисуса Христа спросил «некто из начальствующих: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Господь знал, чем этот разговор кончится. Но Он не сразу произнес слово, которое опечалит. Сначала Он сказал: «Знаешь заповеди: не прелюбодействуй; не убивай; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца твоего и матерь твою».

И лишь когда человек ответил, что «все это сохранил» он «от юности», и продолжал настойчиво спрашивать, «чего еще не достает мне?» — Господь сразил его: «еще одного не достает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, следуй за Мною».

Вопрос вещь не простая. За всяким вопросом может последовать ответ, который тебя свяжет. Человек отошел с печалью и, несомненно, со стыдом, равным той самоуверенности, с которой подошел. И если человек до вопроса пребывал в неведении, достойном некоторого оправдания, то узнав истину и не последовав ей, он уже сознательно сошел с пути Христова.

Поэтому вопрос — дело серьезное. К тому же, в своей жизни нам не всеведущего Иисуса Христа приходится спрашивать, но священника. И пусть этот священник даже очень уважаемый, называемый «старцем», но и он тоже человек. К подобному разговору надо тщательно приготовиться, продумав, о чем же хочешь спросить?

Может быть, ты задумал явный грех, о котором прямо сказано в Священном Писании, и лукаво надеешься, вдруг скажут по твоей воле?

Не стоит задавать вопрос, на который может быть много ответов. Надо, чтобы ответ был: или — или. Или так, или наоборот. Например, жениться или идти в монахи? Жить в городе или перебираться в глушь? Уходить или не уходить с работы, на которой начались искушения? И обязательно продумай: можешь ли ты выполнить одно, и можешь ли вы-

полнить противоположное? И если ты на одно из двух заведомо не готов, то и не спрашивай.

Тем более, если сам не представляешь, чего хочешь. А то бывают такие диалоги: решил я жениться — ну, женись; а я боюсь того-то — ну, не женись; а все-таки одному трудно — ну, женись; нет, все же не могу решиться — ну, не женись... И до бесконечности.

А еще бывает: привезет человек от «старца» строгое указание, а домашние — против. Вот и бежит он к приходскому священнику, дескать, старец сказал, а жена против. Что мне делать?..

Спрашивать надо так, чтобы потом не попрать священническое слово, и тем самым не отойти от Христа. И хорошо, если отойдешь с печалью, а то ведь — и с раздражением, и с обидой!

Не приходи также с жалобой ни на кого. Никакой священник не может рассудить заочно и не имеет права верить твоим односторонним обвинениям. Он обязан расспросить и противоположную сторону.

И конечно же, надо знать, кого спрашивать. Христос будет посреди вас только тогда, когда и священник, и ты сойдетесь во имя Христово и в духе Христовом, со смиренной готовностью узнать и выполнить Божью волю. Чтобы оба вы были облечены, насколько это возможно, «в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу. Как Христос простил вас, так и вы».

СЕДМИЦА 31 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О вере и легковерии

Понедельник **Мк. 9, 42–10, 1**
Евр. 11, 17–23, 27–31

Апостол Павел продолжает говорить о вере.

И снова перед нами Авраам. Он имел такую решимость выполнить Божью волю, что Апостол говорит, как о уже содеянном, о том, чего Авраам до конца все же не совер-

шил. Апостол утверждает, что Авраам уже «принес в жертву Исаака», «принес единородного»! Потому что верил, «что Бог силен и из мертвых воскресить».

Потом Исаак в старости «благословил Иакова и Исава». Потом Иаков перед кончиной благословил свое потомство. И когда благословляли, видели как бы уже сбывшимся то, на что благословляли.

Причем, что-то видели с радостью, а что-то со страхом и беспокойством. Например, о Дане Иакову было открыто, что «он будет змеем при дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня». Увидев это, Иаков восклицает: «на помощь Твою надеюсь, Господи» (Быт. 49, 17–18)!

Иосиф, когда перед кончиной прощался с братьями, видел будущее своего народа, как настоящее. Казалось бы, недавно пришли в Египет, поселились на лучших землях, впереди спокойная жизнь. Но Иосиф видел неизбежный исход отсюда, и как о самом важном, «завещал о костях своих», чтобы они взяты были в землю обетованную.

Апостол говорит о родителях Моисея, которые «верою» три месяца скрывали его, хотя фараон велел уничтожать всех новорожденных евреев мужского пола. Родители видели, «что дитя прекрасно», и поэтому уверовали в избранничество своего сына, и что Бог его как бы уже сохранил. Поэтому и «не устрашились царского повеления».

И далее — о великих делах Моисея, которому был открыт путь Божьего народа. Моисей вывел народ из Египта, под предлогом принести жертву в пустыне, хотя ясно было, что обман обнаружится, и не миновать погони.

Перед исходом он, по повелению Божию, совершил с народом пасху. При этом велел помазать косяки дверей жертвенной кровью, веря, что истребитель первенцев египетских не переступит этого знака. А потом он ввел народ посреди двух водных стен Чермного моря, веря, что они не сомкнутся.

Когда подошли к Иерихону, Моисей вместо того, чтобы вести правильную военную осаду, приказал зачем-то обходить вокруг города семь раз, трубя в трубы. И по его вере «пали стены Иерихонские».

Так, верою совершался этот великий исторический путь Божьего народа.

Так, верою совершается и все великое в человечестве. Верою в невидимое, в то, чего еще нет.

А что всегда стоит на пути веры? — Плоть: то, что видимо, осязаемо, и кажется единственно реальным. Но Господь говорит: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огнь не угасает». Также «и если нога твоя соблазняет тебя», «и если глаз».

Но вера должна быть обоснованной. Верить надо не потому, что просто во что-то надо верить. И не потому, что очень хочется верить. Вера должна быть проверена и умом, и сердцем.

А то получится как с Египтянами. Они вслед за евреями вступили на дно моря. Но сделали это не по вере, а по легковерию. Они необоснованно подумали: то, что мы видим сейчас, будет и всегда; и что открыто для Божьего народа, будет открыто и для них. И вступили посреди вод самовольно, не получив повеления и благословения от Бога, как получил человек Божий, Моисей.

О колебании неба и земли

Вторник **Мк. 10, 2–12**
Евр. 12, 25–26;
13, 22–25

Сравнив силу и значение Ветхого и Нового заветов, Апостол Павел обращается к своим слушателям с предостережением: «Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушавши глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес».

Оказывается, Тот, кто некогда говорил в громе, огне и в трубном звуке, так что «слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово» (Евр. 12, 19), — говорил «на земле». А Кто был подобен обычному человеку, до Кого каждый мог дотронуться — оказывается, говорил «с небес»!

Это — как явление Бога пророку Илии. Ему было сказано: будет «большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь» (3Цар. 19, 11–12).

Видя грозные явления, мы ожидаем и суровых повелений. Но сравним, что говорилось тогда, и что потом. Например, о браке и о возможности расторжения. В огне и буре было позволено «писать разводное письмо и разводиться». А сейчас, в «веянии тихого ветра», сказано: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

Оказывается, когда мыслим Бога выше самых высоких гор и страшнее всех стихий, Он для нас еще на земле, и мы мыслим еще по-земному. Когда Бог в огне и трясении земли, это — снисхождение к нам, к нашему жестокосердию. Но когда мыслим «в веянии тихого ветра», то и сами поднимаемся до неба, и небо стремительно приближается к нам.

И еще Апостол пишет, что если тогда Бог «поколебал землю», то потом дал такое обещание: «еще раз поколеблю не только землю, но и небо». О первом колебании говорит книга «Исход»: «Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел не нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась» (Исх. 19, 18).

А о втором — в книге Пророка Аггея «так говорит Господь Саваоф: еще раз, и это будет скоро, Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, и придет Желаемый всеми народами, и наполню дом сей славою» (Агг. 2, 6–7).

Какова же цель второго трясения? — Апостол объясняет: «Слова «еще раз» означают изменение колеблемого», «чтобы пребыло непоколебимое».

Может быть, как встряхивают сосуд, чтобы плотнее уложилось его содержимое, так и все колебания неба и земли, все содрогания природы и народов, тел и душ: чтобы все, некогда сдвинутое с места человеческим грехом, встало бы, наконец, на свое твердое, определенное Богом место, и стало бы навеки непоколебимым. Земля и небо, люди и духи, бесы и Ангелы, праведники и грешники, — чтобы все пришло туда, куда упорно стремится.

Ощущение этих колебаний должно вселять в нас радостную надежду, что не вечно будем пребывать во лжи, висеть над пропастью, сидеть на двух стульях, разрываться между Богом и мамоной.

Веяние тихого ветра довершит то, с чем не справилась буря. И «мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом» (Евр. 12, 27–29).

«Прошу вас, братия, примите сие слово увещания».

О искушениях

Среда **Мк. 10, 1–16**
Иак. 1, 1–18

«Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа, двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, — радоваться»... Чему же он предлагает радоваться? — Все наши попытки угадать будут напрасны.

«С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения»!

Иной христианин произносит слово «искушение», как некое ругательство. Но ведь искушение, это значит испытание. Без испытания не узнаешь, верующий ты или неверующий. И вдобавок, «испытание вашей веры производит терпение». А терпение, оказывается, самое главное! Терпение «должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка».

Ты думал, тот уважения достоин, кто активно действует и добивается цели. А тут прославляется обычное терпение, и не только прославляется, но и приравнивается к мудрости. Говорится: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога».

Потому что терпение, это твердое стояние в потоке времени, какие бы камни этот поток не приносил. И чтобы устоять, «брат униженный», захлестнутый обстоятельствами, всегда должен помнить о «высоте своей», о своем Божественном избранничестве.

А «богатый» должен быть всегда готов терпеливо принять увядание «в путях своих», когда неожиданно налетевшая волна отнимет богатство.

Вот в чем мудрость. И эту мудрость надо просить у Бога. Но просить — как просит дитя у любящего отца: «с верою, ни мало не сомневаясь». А иначе — «да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа»!

И снова повторяет Апостол, что «блажен человек, который переносит искушения» с честью, «потому что» только «быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его».

Так. Но если искушение — благо, значит, источник его — Бог?

Апостол предостерегает от такого прямолинейного вывода: «В искушении никто не говори: «Бог меня искушает»; потому что Бог не искушается злом, и Сам не искушает никого». От Бога исходит лишь недвусмысленно «доброе», лишь «дар совершенный». Потому что у Него, «Отца светов», «нет изменения, и ни тени перемены».

А искушается человек, «увлекаясь и обольщаясь собственной похотью». Причина искушений в нас самих. «Похоть же, зачавши, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть». Очередная злая похоть, от которой не смогли удержаться, возвращается в виде очередного искушения.

И что же делать? — А просто-напросто, как мы читали вначале, принять «с великой радостью». Не похоть, конечно, а уже искушение. Просто пожать то, что сам посеял, — без ропота, без раздражения, без обиды. И посеянное злое семя принесет, с Божией помощью, богатые и спасительные плоды.

В этом — сугубая мудрость, которая только у Бога, и которую надо просить и просить «у Бога, дающего всем просто и без упреков».

О медлении на слова и на гнев

Четверг **Мк. 10, 17–27**
Иак. 1, 19–27

Апостол Иаков писал, что источник наших искушений — наша злая похоть. И хотя от искушений — великая польза,

но похоть от этого не становится добром. Получая пользу от искушений, надо одновременно и очищать сердце от греховной похоти.

Для этого — «всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев». Если заткнуть источник в скале, он постепенно иссякнет. Так и с многословием. Так и с гневом.

Но «скорым» надо быть не на все слышимое, а только на «слово, могущее спасти». Бессмысленно давить в себе нечистоту, ради «скорого» принятия другой нечистоты.

Но и благое учение принимаем в сердце только для того, чтобы оно само стало исходить из сердца в виде добрых дел. Мы должны быть «исполнителями слова, а не слышателями только», обманывающими «самих себя. Ибо, кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел не себя, отошел — и тотчас забыл, каков он».

Так некий юноша подошел к Иисусу Христу и спросил, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную. Господь сначала ответил: «знаешь заповеди»... Но юноша упорно продолжал спрашивать, а значит, до мелочей хотел увидеть себя таким, как есть на самом деле.

И Господь крупным планом показал: «одного тебе не достает: пойди, все, что имеешь, продай, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест».

Собственно, об этом же пишет и Апостол Иаков, говоря, что «чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неосквернённым от мира». Только Господь сказал о необходимости оторвать от себя, а Апостол — о цели приложения.

«А юноша, услышав это, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение». Он «посмотрел на себя», увидел «природные черты лица своего в зеркале», и — «отошел». И будем надеяться, что он все-таки не успеет забыть их.

И еще Апостол пишет: «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие».

А что, кроме языка, остается у человека, когда он отходит от Господа Иисуса Христа? Ему остается только без конца объяснять всем, и в первую очередь — самому себе, почему все-таки отошел? Ему остается словами о доброделании заменять само доброделание. И сердце его, по мере успеха таких речей, будет успокаиваться и обольщать себя.

А лучше бы опять же — помедлить на слова. И прислушаться к той печали, которая возникла в сердце, когда отошел от Господа Иисуса.

О богатых в церкви

Пятница **Мк. 10, 23–32**
Иак. 2, 1–13

Господь сказал: «истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей».

Христианин входит в новую семью, члены которой «не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1, 13). Так должно быть.

Но читая Апостольские послания, видим, что с самого начала далеко не всегда было так. Многое напоминает наше, более холодное время. Далеко не все богатые, входя в церковь, все продавали и раздавали. Да Господь и не требовал этого. Он просто с глубоким сочувствием отмечал: «дети! Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Богатый, как никто, врастает в эту жизнь. Он привыкает к роскоши, к покою, к уважению. И часто получается, что именно богатые, забывшись, «бесславят доброе имя» христианина.

Но и чужое богатство тоже порой завораживает. Апостол именно бедных предостерегает: «если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скудной одежде, и вы» первому скажете: «тебе

хорошо сесть здесь», а второму — «ты стань там», то не пересуживаете ли вы в себе»?

Неужели в церкви то же, что и в миру? Неужели и здесь смотрят не на сердце, а на кольца и на одежду?

И даже не в том беда, что с уважением отнеслись к богатому. Беда в том, что при этом «презрели бедного». Тем самым нарушили «закон царский, по Писанию: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». А преступив один закон, немедленно стали преступниками и «во всем». Преклонившись пред сильным мира, тем самым преклонились и пред самим миром, показав себя «судьями с худыми мыслями»!

Чтобы вошедший в церковь «богатый» стал, по слову Апостола, хвалиться «унижением своим», надо чтобы сначала «брат униженный» стал хвалиться «высотою своею» (Иак. 1, 9–10). Если бедный будет помнить, какое богатство приобрел здесь, то и богатый ощутит всю бедность и нищету, которая тащится за ним из мира.

О праведном и неправедном

Суббота **Лк. 16, 10–15**
Кол. 1, 3–6

Рассказав притчу о управителе, который сумел выпутаться из беды, Господь посоветовал: «приобретайте себе друзей богатством неправедным» (Лк. 16, 9). И потом сказал: «верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто даст вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше»?

Итак, малое — многое, неправедное — истинное, чужое — ваше. В руках управителя было большое имущество, а Господь называет его малым. Полученное управителем было неправедным, но он заслужил похвалу. И неужели «ваше» и есть то, что получаешь за чужой счет?

Все в нашей греховной жизни запутано. Может ли вообще богатство быть праведным, если вокруг нищета, и если Господь сказал: «не можете служить Богу и маммоне»?

Но перед фарисеями эти вопросы не стояли. Слушая Иисуса, «они смеялись над Ним». Они считали, что их богатство несомненно праведно, что оно — дар Бога за тщательное следование закону. Господь же сказал им: «вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши: ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом».

Вот — тоже противопоставление: «высоко у людей» — «мерзость пред Богом». Всегда ли это так безусловно? Святыми угодниками мирские люди тоже порой восхищаются, еще при жизни почитая их.

Как же нам выбраться из этой путаницы?..

Очевидно, прежде всего, не следует спешить произносить суждения о ком-либо и о чем-либо.

Ничего из того, что умеем, не следует считать великим и многим; а из того, что имеем, — «нашим», праведным, истинным.

Надо смиренно, с чувством вины, нести крест своих дарований и своего достатка в этой жизни. От всего нас могут отставить в любой момент.

Также ничего из наших обыденных задач и дел не следует считать малым и незначительным. Например, время, отведенное на утренние и вечерние молитвы мы должны почитать как святое, Божье, неприкосновенное. И если за воровство может постигнуть кара, то тем более — за посягательство на Божье.

Надо бояться показаться великим пред людьми, чтобы приняв это как должное и заслуженное, не оказаться мерзостью пред Богом.

А истинное, — оно уготовано «на небесах». Оно открывается «в истинном слове благовествования». Оно «приносит плод и возрастает» у всех, которые «услышали и познали благодать Божию в истине». И оно постепенно все расставляет на свои места и в нашем разуме, и в нашей жизни.

О самом первом из грешников

Неделя 31 **Лк. 18, 35–43**
1 Тим. 1, 15–17

Каждый раз, приступая к причащению Тела и Крови Христовых, мы слышим одни и те же слова священника,

выносящего Святую Чашу: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз».

Мы готовились, постились, прочитали молитвенное правило, со всеми примирились, и даже получили на исповеди прощение грехов. И все равно — пред Чашей, вместе со священником, мысленно произносим: «...от них же первый есмь аз...». Как будто ничего не произошло, и мы ни на шаг не приблизились к Господу Иисусу.

Но зато мы, как никогда, приблизились к... святому Апостолу Павлу, который тоже пишет в послании к Тимофею: «Верно, и всякого принятия достойно слово, что Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый».

Павел, действительно, сначала был первым из всех, лютейшим гонителем церкви. Но Господь призвал его, и он стал избранным сосудом. Прошло уже много лет, он как никто потрудился во славу Христову. Он знает, что он «помилован, чтобы Иисус Христос» на нем «первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него».

И все равно он пишет эти слова. Не говорит: «когда-то я был первым грешником». Но — снова в настоящем времени: «...я первый...». Как будто он все еще идет со своим карательным отрядом по Дамасской дороге.

И каждый подходящий к Святой Чаше — вместе с ним...

Осознание себя первым грешником не должно отчуждать от Чаши Господней, но — наоборот — устремлять к ней.

Иерихонскому слепцу, наверное, говорили: куда лезешь? Есть и слепее тебя. Но он ощущал себя первым и единственным из слепцов. И поэтому хотя и «заставляли его молчать», он, ничего не желая слышать, «еще громче кричал: Сын Давидов! Помилуй меня»! И действительно: можно ли быть слепее слепого? Можно ли быть грешнее грешного?

И чем сильнее буду осознавать, что «я первый из грешников», тем — более «верно и всякого приятия достойно» будет для меня открываться, «что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников», и что именно на мне Он «показал все долготерпение». И тем сильнее буду воздавать Ему, «нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и славу во веки веков. Аминь».

СЕДМИЦА 32 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О вере и о делах

Понедельник **Мк. 10, 46–52**
Иак. 2, 14–26

Апостол Иаков пишет: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его»?

Кто для нас в жизни дороже, видно из того, чьи просьбы мы стараемся выполнять в первую очередь. И что для нас важнее, видно «из дел», которые мы предпочитаем другим делам.

Апостол приводит два примера веры. Авраам, по велению Бога, возложил «на жертвенник Исаака, сына своего». Потому что для него громче всего звучало слово, ранее сказанное Богом: «посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их». «Столько будет у тебя потомков. Авраам поверил Господу, и Он вменил ему в праведность».

А Раав, жительница Иерихона, осажденного Израилем, скрыла у себя в доме двух разведчиков. Она «сказала им: я знаю, что Господь отдал землю сию вам, ибо вы навели на нас ужас, и все жители земли сей пришли от вас в робость.... Ни в ком из нас не стало духа против вас; ибо Господь Бог ваш есть Бог на небе наверху, и на земле внизу». Для нее этот факт перевесил национальные привязанности, и она сочла своим святым долгом помочь воинству Бога неба и земли (Нав. 2, 8–11).

В нашем Символе веры двенадцать членов, и каждый член, это либо факт прошлого, либо факт будущего, либо факт невидимого мира. Произнося Символ веры, мы провозглашаем, что все, что мы перечислили, — важнейшее для нас, и именно оно должно определять нашу жизнь. Мы провозглашаем, что должны жить, исходя из того, что есть Бог и вечная жизнь; что через пророков и Апостолов нам открыта Его воля, и что за мои грехи, за мою жизнь отдал Свою жизнь Единый Безгрешный. И если мы словами перечисляем эти факты, а сами живем, как будто их не существует, то наша вера «мертва сама по себе».

«Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы»?

Мы верим в Бога, Который дал нам Свои заповеди. И вера наша живая, если мы эти заповеди соблюдаем. И что толку было бы в вере Авраама, если бы он веровал только «в душе», а повеление Божье, как «негуманное и изуверское», отказался бы исполнить? И если бы Раав только в душе поняла все, а сама выдала бы лазутчиков, чего стоила бы ее вера?

И когда просим Господа с надеждой, что получим просимое, это тоже дело веры. Ну что за польза для Вартимея, иерихонского слепца, если бы он просто сидел у дороги и верил, что по ней идет «Иисус, Сын Давидов»? Но он, узнав об этом, стал вопить: Иисус, Сын Давидов, помилуй меня! И вера, явленная делами, принесла богатые плоды.

Но есть и такая «вера», от которой да сохранит нас Бог: «и бесы веруют». Веруют в вечный огонь, уготованный им, и лишь «трепещут», никак не стараясь его избежать.

«Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва». Как тело оживляется и приводится в движение духом, так и в вере должно присутствовать то, что оживляло бы ее. Мы помним, что и Апостолы, хоть и говорили, что веруют в Господа, но делами стали свидетельствовать о своей вере только тогда, когда на них сошел Святый Дух.

Значит, дела свидетельствуют, что вера оживотворена Духом Святым. И значит, когда понуждаем себя к подобным делам, то — силою расчищаем в своем сердце место для Святого Духа.

О языке

Вторник **Мк. 11, 11–23**
Иак. 3, 1–10

Сегодняшним «зачалом» Апостол Иаков способен прямотаки отбить охоту заниматься учительством: «Братия мои! Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся

большему осуждению, ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело».

Нигде больше в Писании не найдем таких грозных слов о языке: «Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их; вот, и корабли, как ни велики они, и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык — огонь, прикраса неправды». «Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся, и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто не может: это неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда».

Получается, что желающий использовать язык, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное», сам рискует попасть во власть языка, который «в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело, и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны».

В чем тут дело? Почему виноватым может оказаться язык, а не тот, кому он принадлежит? И почему меня может соблазнять мое же око или моя же рука? Почему члены моего же тела могут становиться как бы самодействующими, служащими не мне, а моей погибели?..

А потому, что они теснейшим образом соприкасаются с миром. И если я неумело воздействую на мир, то мир сам начинает этими же моими членами воздействовать на меня. Подобно как рукой, протянутой утопающему, можно быть утащенным в воду.

Так и язык. Всегда есть соблазн: вместо того, чтобы показать веру свою «из дел своих», пытаться показать веру свою из слов своих. Красиво говорить о вере, вместо того, чтобы просто жить по вере. Тут как раз и можно уподобиться бесплодной смоковнице, которая прельщала листвой, но не имела плодов. Господь иссушил ее, оставив наглядный пример, куда может приплыть корабль от неправильного поворота руля.

Немногословная праведная жизнь во Христе не должна подменяться лекторством. Стихия лекторства — совсем не та

стихия, в которой способно жить истинное православие. Как раньше говорили: хочешь научиться страху Божию? — Иди... Но не на курсы, не в Богословский институт. Иди, прилепись к человеку, имеющему страх Божий. Тогда и язык, и все остальное будет на своем месте.

О двух водах и одном источнике

Среда **Мк. 11, 23–26**
Иак. 3, 11–4, 6

«Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода»? — Риторически спрашивает Апостол Иаков. Потому что этого не может быть, как не может «смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы».

Но ведь не об источниках и не о деревьях заботится Апостол. Он напоминает, что из одного человеческого сердца не может одновременно исходить доброе и злое. А отсюда неумолимо следует, что сердце каждого либо горький, либо сладкий источник.

Прочитав это, нельзя не задуматься со страхом: а кто же я?

Ну что же, — говорит Апостол, — испытайте, «мудр ли и разумен кто из вас»? Для этого не надо копаться в глубинах подсознания. Как из источника вода непременно выходит наружу, так и доброе сердце непременно выказывает себя, и не иначе, как «добрым поведением с мудрою кротостью». Истинная «мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна».

А если нет этого тихого мирного духа, то и за правильными, и даже «мудрыми» словами скрываются обыкновенные «зависть и сварливость». А мы порой недоумеваем: почему, вроде бы все правильно говорится, а в результате — «неустройство и все худое»? Кажется, что человек строгий и принципиальный, требовательный и ревнующий о истине, а на самом деле его «мудрость» не есть «мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная», и даже «бесовская»!

И все «вражды и распри», — продолжает Апостол, — только из ваших гнилых источников, «от вожделений ваших, вою-

ющих в членах ваших». Вожделение агрессивно смотрит на все вокруг. Оно желает, завидует, препирается и враждует, и даже убивает. И при этом — все равно не может насытиться.

Все испытав, оно даже пробует просить. Но и тут ничего не выходит, потому что, как говорит Апостол, «просите не на добро, а» опять же, «чтобы употребить для ваших вожделений».

«Прелюбодеи и прелюбодейцы»! — называет таких Апостол, — Не могущие прилепиться, выбрать, хранить верность, не желающие, чтобы из вас исходила сладкая вода, — «не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу». «До ревности любит дух, живущий в нас».

«Но тем большую дает благодать», и все сделает, чтобы очистить нас и спасти...

Ну а нам-то что делать? — Надо просто выбрать, с чего легче начать. Ну, хотя бы, «когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши».

И потом, надо запомнить, что всякий плод «правды в мире» и сеется, и принимается, и вырастает лишь на той почве, лишь в той среде, лишь «у тех, которые хранят мир». И никогда — среди вражды и споров.

Вот так, тихо и незаметно начинается в сердце источник доброй, сладкой воды. Сначала он еще вытекает в смеси с оставшейся горькой и соленой водой. Но постепенно — вытолкнет ее остатки. И такую он может набрать силу, что «если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет».

О путях к смирению

Четверг **Мк. 11, 27–33**
Иак. 4, 7–5, 9

Сегодня Апостол более подробно объясняет, как приблизиться к Богу, как покориться Ему, и как противостать диаволу.

Мы в руках диавола, пока продолжаем пользоваться каким-либо неправедным приобретением. Поэтому, во-первых, «очистите руки, грешники».

Мы в опасном положении, когда сердце надеется угодить и Богу, и миру, смотрит и туда, и сюда. Поэтому во-вторых, «исправьте сердца, двоедушные».

И если не получается ни то, ни другое, то остается одно: «сокрушайтесь, плачьте и рыдайте: смех ваш да обратится в плач, и радость — в печаль». Поняв свое бессилие, «смиритесь пред Господом», и Господь Сам «вознесет вас».

А чтобы это получилось вернее, «не злословьте друг друга, братия». Не злословить друг друга, как это просто! А злословить — какое безумие: ведь «кто злословит брата или судит брата своего, тот злословит закон и судит закон; а если судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья». Ну какой же ты, в самом деле, судья? Истинный судья только тот, чей приговор, каким бы он ни был, будет непременно исполнен. А ты и дело-то не можешь исследовать объективно, со всех сторон.

Еще очень мешает, когда самоуверенно заявляем, например: «Сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать, и получать прибыль». Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий»! И напротив, очень способствует смирению, если планируя не то, что на год, а даже на день или на час, прибавим: «Если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое».

И снова обращается Апостол к богатым, к тем, кто всегда рискует в упоении своим могуществом гордо воскликнуть: «Кто Господь?» (Притч. 30, 9) Апостол говорит им: «Послушайте, вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас. Богатство ваше ... изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь».

И как всегда, Апостол говорит о необходимости терпения. Как ничто в мире не существует вне времени, так и без терпения нет никакой другой добродетели: «Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия Господня. Вот, земле-

делец ждет драгоценного плода от земли, и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний».

Так, и «пришествие Господне приближается», и не кончается Его пребывание с нами. Он Сам готовит нас к Своему пришествию, и от нас требуется только не мешать Ему. И как наше смирение дает возможность Господу «вознести» нас, так и наше терпение позволит Ему довести дело нашего спасения до желанной цели.

О краеугольном камне

Пятница **Мк. 12, 1–12**

1 Пет. 1, 1–2, 10–12; 2, 6–10

Господь рассказал притчу о виноградарях, которые упорно не хотели отдавать хозяину законную часть. Они даже убили сына хозяина, в дикой надежде, что теперь-то уж «наследство будет наше»!

А Господь указал на такую закономерность: «Неужели вы не читали сего в Писании: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла: это — от Господа, и есть дивно в очах наших»?

Да, иной камень никак не положишь в прямую стену. Близорукий каменщик отбрасывает все, что не годится ему в данный момент. А мудрый архитектор дорожит таким камнем, потому что только он способен связать две стены дома. На протяжении веков в этом находили и духовный смысл. Об этом говорит и Давид в сто семнадцатом псалме, и пророк Исаия. И Апостол Павел приводит эту притчу в послании к Римлянам, и Апостол Петр в сегодняшнем чтении.

Близорукий мир всегда претыкается об этот камень, никак не может найти ему место, и поэтому отвергает с презрением. Но когда всеми отверженный и униженный вдруг становится выше всех, — в этом всегда чувствуется рука небесного Архитектора.

Вспомним, как воспела Анна, мать пророка Самуила, когда ей, презираемой за бесплодие, Бог наконец дал сына: «Не умножайте речей надменных; дерзкие слова да не исходят из уст ваших». «Лук сильных преломляется, а немощные пре-

поясываются силою; сытые работают из хлеба, а голодные отдыхают; даже бесплодная рождает семь раз, а многочадная изнемогает» (1Цар. 2, 3–5). И в притчах Соломона замечено, что славе предшествует смирение» (Пр. 15, 33).

Вспомним, как над Тихоном Задонским, который в семинарии был не как все, — соученики потешались, кадили лаптем, и говорили: «Величаем тя»! А когда он стал епископом, пришлось и настоящими кадилами пред ним кадить.

И во всех этих историях «Дух Христов» «предвозвещал», или напоминал «Христовы страдания, и последующую за ними славу».

Пророки исследовали, «на которое и на какое время указывал сущий в них Дух Христов». Но хотя «им самим» не дано было это увидеть, зато — тоже дано было испытать судьбу этого камня.

И обращаясь к христианам, Апостол Петр называет их «пришельцами», разумея, что все они в этом мире отверженные, беженцы, вынужденные жить на чужой земле, в чужих людях, среди вражды и недоверия.

Но этих же «пришельцев» он называет и «избранными» — «по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению Кровию Иисуса Христа». Всеми гонимым Апостол говорит: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святый, люди взятые в удел».

Так что никого и никогда нельзя уничижать. Потому что истинная святость, она и в христианской среде безвидна и непривлекательна. Все у них не как у людей, ни в какой ряд не уложишь!

Но вдруг — воссияет такой, будучи прославлен Господом, и, как никто, будет «возвещать совершенства Призвавшего» его «из тьмы в чудный Свой свет».

О разном

Суббота **Лк. 17, 3–10**
1 Фес. 5, 14–23

Апостол Павел пишет: «вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых». В церковной ограде есть и такие, и другие, и третьи. Бесчинные мешают, мало-

душные оглядываются назад, слабые замедляют путь. Но это и было, и всегда будет. Это нам необходимо, как и прочие искушения.

Так было и в Ветхом завете. Бог предупреждал Свою церковь: «нищие всегда будут среди земли твоей; потому я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15, 21).

А о соседних, враждебных Израилю народах Он говорил: «Я не изгоню их от вас, и они будут вам петлею, и боги их будут для вас сетью» (Суд. 2, 3).

Вспомним, наконец, как Господь запретил вырывать плевелы, чтобы тем самым не повредить пшенице (Мф. 13, 24–30). Ведь только сталкиваясь с различными нестроениями в нашем доме, в нашем храме, мы видим, кто мы сами, чего мы стоим, и что успели приобрести за нашу христианскую жизнь!

Поэтому при виде чужого греха, первым делом — «смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу, и всем».

Но и проходить мимо греха нельзя: «Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему». Но если уж он покается, то «прости ему; и если семь раз в день согрешит против тебя, и семь раз в день обратится, и скажет: «каюсь», прости ему».

Услышав это, ученики ужаснулись и взмолились: «умножь в нас веру», чтобы нам поднять такие подвиги любви! Господь одобрил их желание. Но при этом сказал: «если бы вы имели веру с зерно горчичное, и сказали смоковнице сей: «исторгнись и пересадись в море», то она послушалась бы вас».

Еще Апостол говорит: «всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите». Именно «всегда», «непрестанно», и «за все», без исключения. И для этого, пожалуй, нужна не меньшая вера, чем пересадить смоковницу.

Конечно, слыша о «горчичном зерне», земля может пойти из-под ног. Мы считали себя верующими, а у нас и такой веры нет. Но вспомним, что даже ученикам Господь по их просьбе сразу не умножил веру, хотя и сказал о ее важности.

Божьими дарами надо уметь пользоваться. Иному только дай настоящую веру, он такого натворит! И реки вспять пустит, и всех больных исцелит, пусть грешат в полную силу! И уж конечно после этого не скажет: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать». Выполнив даже самое малое, ничтожное, мы уже втайне ждем, что Господь тут же скажет: «пойди скорее, садись за стол»!

«Все испытывайте, хорошего держитесь», — продолжает Апостол. Испытывая все, совершенно не обязательно, например, самому вываляться в грязи, чтобы понять, что это — «не хорошее». Глупый двадцать раз спотыкается на одном месте, а умный может даже ни разу не споткнуться, потому что пользуется накопленным опытом — и церковным, и просто человеческим.

Вот сколько важного и полезного услышали мы сегодня от Апостола Павла. Но — что это? Заповеди? Но заповеди даются в повелительном тоне. Наставления? Советы? Но здесь и не учительный тон, и даже не тон братского совета.

Апостол пишет: «Умоляем» «вас, братия»! Как будто ему наше спасение во много раз нужнее, чем нам самим!

А чтобы это хоть в какой-то степени дошло до нас, Апостол умоляет и Бога: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа».

О Закхее

Неделя 32

Лк. 19, 1–10
1 Тим. 4, 9–15

Однажды Господь Иисус Христос проходил через Иерихон. «И вот, некто именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом; и, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его».

Закхей хотел только «видеть Иисуса». И он не постыдился перед людьми этой своей жажды. Как мальчишка, забрал-

ся на смоковницу. А Иисус, в Свою очередь, увидел его и сказал: «Закхей! Сойди скорее». Закхей хотел только увидеть, и вдруг сам был не только увиден, но и узнан. И мало того: Господь говорит: «сегодня надобно Мне быть у тебя в доме». Не сказал: «хочу», или: «так и быть, зайду». Но именно «надобно», как будто кто-то или что-то понуждает Его, Владыку неба и земли, это сделать!

Закхей «поспешно сошел, и принял Его с радостью».

Но Закхей, как начальник мытарей, был отгорожен стеной всеобщей ненависти. И даже то, что Иисус почтил его Своим вниманием, ничуть не возвысило Закхея в глазах людей. Наоборот: Сам Иисус, войдя в дом грешника, пал в их глазах. Все «начали роптать, и говорили, что Он зашел к грешному человеку».

И Закхей почувствовал это. Он ощутил вину и перед людьми, и перед Иисусом — и за свои грехи, и за то, что невольно, как говорится, «подставил» своего дорогого гостя. И всем сердцем возжелав, наконец, пробить эту стену, воскликнул: «Господи! Половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо».

Он сказал это и перед Иисусом, и перед народом. Он открыл свое сердце и перед Иисусом, и перед народом. А сердце открывается не словами, а делом, или готовностью тут же это дело совершить.

Апостол Павел говорит, что Бог «есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных». И Господь, хотя уже и находится в доме Закхея, но только тут Он говорит: «ныне пришло спасение дому сему...» Хотя Закхей формально числился потомком Авраама, но только «ныне» Господь признал и утвердил это, сказав, что «и он сын Авраама». Только с этого момента Закхей стал и братом детей Авраама, вошел в семью верных, спасающихся и свидетельствующих о своей вере делами.

Так, у кого-то из современников Иисуса было желание прикоснуться к Нему, как у кровоточивой; у кого-то желание поговорить с Ним, у кого-то — пригласить в свой дом, у кого-то — омыть слезами ноги. А у Закхея — только видеть. Именно с этого начался его путь.

И этому законному человеческому желанию видеть Иисуса отвечают святые иконы. Церковь дорожит этой возможностью, и никому никогда ее не уступит.

И сколько людей, взирая на иконы, сами ощущали себя увиденными Господом, и начинали новую жизнь во Христе!

А как бывает удивительно и радостно, когда вдруг узнаешь, что тот, о ком мечтаешь, — тоже мечтает о тебе! И тот, кого так хотел увидеть, считает просто необходимым для себя прийти и поселиться у тебя в доме!

СЕДМИЦА 33 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О печати кесаря

Понедельник **Мк. 12, 13–17**
1 Пет. 2, 21–3, 9

Однажды фарисеи задали Господу Иисусу очередной хитрый вопрос: «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Давать ли нам, или не давать»?

В конечном итоге «Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

Но как трудно в иных случаях понять, что кому принадлежит. Это так же трудно, как и разделить, что требуется для души, а что для тела, настолько тесно они соединены в этой жизни. Хотя в данном случае все очевидно: на монете — «кесаревы» «изображение и надпись».

А если на монете изображение Господа Иисуса Христа? Или, например, святого Георгия Победоносца? Неужели эти монеты сразу станут Божьими, и мы уже не должны отдавать их тому, кто их чеканил?

Ну а кому принадлежит драгоценный богослужебный сосуд с изображением Господа Иисуса Христа? Что делать, если кесарь-богоборец говорит: я требую, чтобы вы под страхом смерти отдали мне все ценное, и в том числе богослужебные предметы? А мы сказали бы: нет, богослужебные предметы отказываемся отдать. И вступили бы в физическую борьбу. И, конечно же, были бы побеждены и казнены, о чем кесарь и предупреждал. За что бы мы приняли смерть: за Христа, или за золото?..

Господь однажды сказал: «Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 20). И мы, христиане, всегда должны быть готовы, что нас начнут гнать и убивать, а для начала отбирать все ценное.

Но разве мы отречемся от Христа, когда уступим силе, и отдадим то, что они считают ценностью? Глядя на драгоценную чашу, мы удивляемся только красоте и мастерству. И совсем другие чувства возникают перед Евхаристическими сосудами преподобного Сергия, сделанными просто из дерева, и которые никому, кроме нас, не нужны.

Когда срывали с икон драгоценные оклады, разве иконы не явились от этого в подлинной своей красоте? А когда отнимали иконы, объявляя их «художественной ценностью», разве с меньшим благоговением прикладывался христианин к простой бумажной иконке с изображением священных ликов?

А страдать за золото? Страдать за ценности?.. Какие чувства испытывает человек, вцепившийся и не отдающий? Те же самые, что и пытающийся отобрать. Точно так же в нем вскипает кровь, и точно так же его охватывает злоба.

А Христос-то «пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его». Апостол говорит: «не воздавайте злом за зло, или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение».

Чтобы мы не заблудились, слово Божие постоянно напоминает, что именно «драгоценно пред Богом». Вот и сегодня, например: «Жены», «да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом».

А за почитание каких сосудов с нас спросится? — «Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах».

Конечно, все связанное с нашей верой, с Богослужением, для нас драгоценно, почитаемо, и не допускает небрежения. Но древние христиане предавали души именно за Христа, а не за то, что как-то косвенно связано с Ним. Мы не долж-

ны повторять ошибок прошлого, когда Богоборческая власть снова будет провоцировать нас: хватать ценности, вырывая вместе с ними и наши души, которые прилепились к ним, не сумев отличить Божьего от кесарева.

О схождении Господа Иисуса Христа во ад

Вторник **Мк. 12, 18–87**
1 Пет. 3, 10–22

На вопрос саддукеев о будущей жизни Господь ответил, что «когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах».

Ну а пока воскресение не настало, что происходит с душами умерших?..

Однажды, накануне своей смерти, царь Саул в отчаянии просил волшебницу вызвать дух пророка Самуила. И Самуил, всю жизнь верно служивший Богу, сказал тому, кто прогневал Бога: «Завтра ты и сыны твои будете со мною» (1 Цар. 28, 19). И от этих слов «Саул вдруг пал всем телом своим на землю, ибо сильно испугался» (1 Цар. 28, 20). Значит, в одно место приходили и праведник, и грешник.

И даже праведники рассуждали так: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память их предана забвению, и любовь их, и ненависть, и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем» (Еккл. 9, 4–6).

Но из сегодняшних слов Апостола Петра вдруг узнаем, что от самого Адама и до сегодняшнего дня никто и никогда не был брошен или окончательно отвержен Богом! Мы узнаем, что Христос, «быв умерщвлен по плоти, но ожив духом», «сойдя, проповедовал» «находящимся в темнице духам», и даже — «некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению». И даже — погибшим «во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды».

Значит, Господь сходил и в место страданий, называемое «темницей», или «адом». Не забыл он, не выбросил из памяти, не уничтожил души тех, чьи тела некогда погубил водами потопа, когда грех грозил затопить вселенную! А значит, кто-то и услышал Его, кто-то и вышел за Ним, и в первую очередь и Самуил, и Ной. И еще многие и многие, о ком мы ничего пока не знаем.

От первого и до второго пришествия Христова и умирают, и будут умирать и грешные, и праведные. Одни — в наказание и в пример остальным, чтобы одумались. А другим, не менее страдающим, и тоже лютой смертью отходящим, Господь говорит: «вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь». Но ни те, ни другие не брошены Богом

«Пострадав за грехи наши», Он, «восшед на небо, пребывает одесную Бога». И в то же время Псалмопевец свидетельствует: «Куда пойду от духа Твоего? И от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо, Ты там...» И с такой же определенностью продолжает: «сойду ли в преисподнюю, и там Ты» (Псл. 138, 7–8)!

Все пронизано Божеством. Не только здесь, но и там — «очи Господа обращены к праведным, и уши Его к молитве их, но лице Господне против делающих зло». И кто упорно не хочет ни там, ни здесь видеть очей, исполненных любви и милости, перед тем не только там, но и здесь — бездушная маска, грозное, немилосердное лицо без очей.

И еще Апостол говорит: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета о вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением».

Но как нам вложить в простые человеческие слова всю ту надежду, которая не только для нас, но и для наших отшедших братьев открывается из сегодняшнего Апостольского чтения!

О страдающих плотию

Среда **Мк. 12, 28–37**
1 Пет. 4, 1–11

«Итак, как Христос пострадал за вас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью», — пишет Апостол Петр.

Мы не раз слышали, что выше, чем пострадать и умереть за Христа, христианин подняться не может. Но сегодня Апостол говорит, что и вообще «страдающий плотию перестает грешить».

А правда, какими бы ни были грехи человека, но при виде его страданий не отходит ли все куда-то на задний план? Какие бы ни были грехи до-потопного человечества, но вот — люди отчаянно забираются все выше от наступающей воды, видят гибель детей и неотвратимое приближение своей смерти, и вот — мучительное удушье от воды, судорожное желание вдохнуть хотя бы глоток воздуха. До греха ли тут? И можем ли мы их судить, какими бы ни были их грехи?

И как судить злодея, который, пройдя врата мучительной смерти, с успокоенным, скрывающем тайну его страданий лицем, лежит перед нами в гробу!

И ко всем этим душам, в темницу, сходит Господь. Значит, теперь, после страданий, возросла надежда, что они услышат...

А далее Апостол сравнивает погибших в водах потопа с нами, крещеными во Христа Иисуса, и давшими Богу «обещание ... доброй совести» (1Пет. 3, 21). Значит, в крещении с нами происходит то же, что произошло с ними. И обещать Богу добрую совесть — то же самое, что умереть. Умереть миру, чтобы жить «уже не по человеческим похотям, но по воле Божией». Ведь язычники смотрят на христиан с изумлением, как на мертвых. Апостол пишет, что они «дивятся, что вы не участвуете с ними в том же распутстве, и злословят вас».

Но вот, мы пережили это в крещении, добровольно. А другие достигли того же невольно, пройдя через горнило страданий. Что же, значит, спасение всех людей тем или иным образом неизбежно? Но если бы так, то Господь и Апостолы не учили бы, а пустили бы все на самотек: воды и огня на всех хватит.

Однако же учительное слово не умолкает, убеждая любить Бога «всем сердцем, и всем умом, и всею душею, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя».

«Близок всему конец», и не за горами последние испытания, о которых повествует «Откровение Иоанна Богослова». Но не уповайте слепо на спасающую Божью премудрость.

Еще более «будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах, — говорит Апостол. — Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов».

А то ведь и забираясь на высоту от наступающей воды, можно отталкивать более слабых. И на кресте можно злословить распятого рядом (Лк. 23, 39). И как сказано в Откровении, люди, даже терпя лютые страдания, все-таки «не раскаялись в делах рук своих. ... И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем» (Откр. 9, 20–21).

А если бы и раскаялись. Все равно — лучше через свободу и через любовь, а не через невольные страдания. Это достойнее человека.

О искушениях, о пастырях и о вдовице

Четверг **Мк. 12, 38–44**
1 Пет. 4, 12–5, 5

«Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения, для вас странного», — пишет Апостол Петр, — «но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете».

И хотя в любых страданиях есть очищающая сила, но как все-таки важно, чтобы страдания были именно «Христовы». И если страдаешь «как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь».

«Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое». Такая опасность есть всегда, и особенно в смутные времена, когда все путается, и не сразу разберешь: обманываешь ли ты законную власть, или применяешь военную хитрость против врага.

Особенно Апостол беспокоится о пастырях. «Пастырей ваших умоляю»: «пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для

гнусной корысти, но из усердия». Пастыри в церкви всегда пользовались уважением и заботой. Но отсюда — опасность: чувствовать себя, как ослица, на которой ехал Христос. Она вполне могла думать, что именно ради нее ей под копыта постилают одежды. Такой «пастырь» только покрикивает, да укоряет, да поучает: «будем же, братья и сестры, то-то и то-то»!

А в случае гонений падает первым. А за ним и все овцы оказываются разогнанными. И Апостол умоляет пастырей управлять своей паствой «не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду».

Гонения для церкви неизбежны. Надо пройти сквозь тьму, и при этом сохранить в душе свет Христов. «Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнется, то какой конец не покоряющимся Евангелию Божию? И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится»?

Когда-то Господь сказал: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет, и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин. 3, 19—21). Вот и получается, что те, которые поднимаются к свету, встречают на своем пути поток опускающихся во тьму, и этот поток старается увлечь за собою.

И как устоять в этом потоке, если подниматься и так труднее, чем лететь вниз? — А только так, как бедная вдова, которая, когда все клали в церковную сокровищницу «от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела». Что сможет помешать ей? Кто сможет остановить ее? За что сможет уцепиться враг, чтобы увлечь ее в бездну, когда она возложила всю надежду на Бога, положив в сокровищницу «все пропитание свое»?..

«Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро».

О добродетели в добродетели

Пятница **Мк. 13, 1–8**
2 Пет. 1, 1–10

Святый Апостол Петр пишет: «покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь».

В вере должна быть видна добродетель. Потому что, как и Апостол Иаков писал, «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак2, 17). Вера и видна только «из дел» (Иак. 2, 18), и больше никак.

Но и в добродетели должна быть видна рассудительность. Не все для всех является добром. Иногда надо промолчать, иногда сказать, иногда дать, иногда отнять. Иногда надо с человеком «даже и не есть вместе» (1Колр. 5, 11), а иногда и нарушить пост ради совместной трапезы. Кого-то надо впустить в дом, а о ком-то сказано: «того не принимайте в дом и не приветствуйте его» (2Ин. 10). Так, прежде чем делать то, что тебе кажется добрым и полезным, рассуди, будет ли оно на деле таковым.

А в рассудительности надо показать воздержание. Потому что иное — рассудительность на основании Слова Божия и церковного опыта. А иное — лукавое мудрование на основании скрытых страстей. Например, пост может быть нарушен по любви, а может и по чревоугодию, которое только и ищет благовидного предлога.

В воздержании должно быть видно терпение. Как и вообще любая добродетель без терпения невозможна. Терпение дает всякому подвигу как бы плоть и кровь. Ибо сказано, что спасется только претерпевший «до конца» (Мф. 10, 22).

В терпении непременно должно быть благочестие. Терпение спасительно не само по себе, а только ради Господа, ради вечной жизни. Потому что иные терпят и по гордости, и по тщеславию, чтобы выставить свою силу, прославиться своими подвигами.

А благочестие невозможно без братолюбия.

Ужасно то «благочестие», которое мыслит себя только в неукоснительном выполнении обрядов и уставов, и сразу взрывается ненавистью к живому человеку, который вольно или невольно вторгнется в твою жизнь.

А вот в братолюбии должна быть видна любовь, которая «не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1Кор13, 5). Потому что любовь к брату может быть и по пристрастию к нему, и потому что он чем-то полезен, и потому что сам тебя любит.

Так, все должно быть во всем. Потому что каждое, взятое само по себе, зачастую выглядит плоским, карикатурным. А то и страшным, как, например, образцовое послушание дочери Иродиады (Мф. 14).

Всякая добродетель, взятая в отрыве от других, может быть даже маской диавола. Говоря о последних временах, Господь предостерегает: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас», потому что «многие придут под именем Моим, и будут говорить, что это Я». Придут в маске той или иной добродетели.

Иной — уж такой правоверный, но только в душе, а не в делах.

Иной — весь добродетель, безо всякой рассудительности, а иной — весь лукавая рассудительность, умеющая все повернуть на любой вкус.

Иной — весь воздержание, на удивление, выше всякой меры.

Иной — такой братолюбивый, что всех обольстит, всех заставит даром работать на себя.

А иной — весь кажущаяся любовь, безразличная к добру и злу, не останавливающая зло, не встающая грудью на защиту слабого, безразличная к истине и к вере...

Так что рабу Божьему надо заботиться, чтобы в нем было все, и одно было бы видно в другом, и другое в третьем, и так все во всем.

И предела этому тоже нет. Потому что не только «если это в вас есть», но и если это постоянно «умножается», только тогда вы «не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа».

О необходимости вопиять к Богу

Суббота **Лк. 18, 2–8**
2 Тим. 2, 11–19

Слово Божие говорит, «что должно всегда молиться и не унывать», и что Бог непременно «защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защитить их». А в подтверждение приводится притча, как некая вдова упорно просила бессовестного судию защитить ее. И так она ему надоела, что он сделал-таки по ее просьбе. А уж что тогда говорить о Боге, о нашем любящем Отце!

Однако же обратим внимание, что согласно этой притче, на прямую помощь Бога может рассчитывать только тот, кто уже исчерпал все данные Богом возможности. А так же, кто взывает «к Нему день и ночь».

А то иной, отвергая всех врачей, просит, чтобы Бог Сам исцелил его.

Иной, не желая трудиться, просит, чтобы Бог дал все необходимое для жизни.

Иной просит освобождения от гнета врагов, не желая ни встать грудью против них, не щадя своей жизни; ни — смиренно просить мира, просить пощады, не щадя своей гордости или части своего состояния.

Бывали в истории такие случаи. Маленькая страна гордо отвергает требование сильного соседа, требование, пусть и ущемляющее национальное самолюбие, но не безосновательное. И что же? В результате начинается мировая война, конечно, с верой, что «с нами Бог»! А в результате — погибли миллионы, рухнула великая империя, заступившаяся за гордого союзника, и в этой бывшей империи воцарился такой режим, от которого погибли еще десятки миллионов людей.

А вот — другой пример, из наших дней. Во время межнациональной войны одна группировка была окружена, и ей грозило полное уничтожение. Тогда ее предводитель пришел в стан врагов и смиренно, и даже униженно, на коленях, стал просить пощады для своих людей. И — спас свой народ, и врагов удержал от кровопролития. К сожалению, такие

случаи только мелькают, а не ставятся перед властителями в качестве примера, как надо служить своему народу, как добиваться его блага: не ценой чужой крови, а ценой победы над собой, над своей гордыней.

А вот — замечательный пример из нашей истории. Святой Димитрий Донской пришел к преподобному Сергию просить благословения на войну с идущим на Русь татарским ханом. Преподобный же сначала сказал: «Ты, князь, данник хана, ты обещал ему верность. Что ему надо? Может быть, золота? — Дай. Может быть, чести? — Так пойди, поклонись». Князь ответил: «Я пробовал и то, и другое». «Ну, если ты уже ничего не можешь сделать для сохранения мира и душ своих подданных, — иди. Бог поможет тебе, и ты победишь». И — помним, как потом день и ночь стоял преподобный на молитве, испрашивая победу!

Все наши жизненные трудности не случайны. Нам необходимо упражняться и в мужестве, и в терпении, и в смирении пред Богом, и в верности Ему. Это важнее побед, здоровья и преуспеяния в жизни. «Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас».

Но если даже «мы неверны», если все время пытаемся отклонить крест, сойти с него, обойти тесный путь, и вопреки Его предостережению пойти широким путем, то все равно «Он пребывает верен». Он снова будет пытаться спасти нас, сужая путь жизни и побуждая снова взойти на крест. «Ибо Себя отречься не может».

О мытаре и фарисее

Неделя 33 **Лк. 18, 10–14**
2 Тим. 3, 10–15

Начинается приготовительное к Великому посту время.

«Два человека вошли в храм помолиться», — звучат сегодня знакомые до слез слова.

Хотя нас и много в храме, но Господь всегда видит только двоих. И в последующие недели будут: два сына одного отца; два человека, стоящие один по правую, а другой по левую сторону престола Судии; один идущий в вечную жизнь, другой — в вечную муку.

А пока — два человека, пришедшие в храм: «один фарисей, а другой мытарь». И вот, мытарь, безжалостный и корыстный сборщик налогов, «пошел оправданным в дом свой более, нежели» фарисей, принадлежавший, по словам Апостола Павла, «к строжайшему в нашем вероисповедании учению»!

Но мало ли удивительного? Не удивительно ли, например, что по словам Апостола, всегда «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы; злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь»?

Все удивительно и таинственно и в Божьем мире, и в нашей церковной жизни. И надо бы уже привыкнуть, что молитвой «да будет воля Твоя» мы обрекаем себя непрестанно удивляться и недоумевать, а потом плакать от неожиданно мудрого и радостного исхода...

Но вернемся к мытарю и фарисею и прикоснемся к тайне каждого. Господь приоткрывает, о чем «сам в себе» молился фарисей: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю».

Слышишь эту молитву и чувствуешь, что перед фарисеем все время стена чужих грехов. За этой стеной уютно, потому что на этом фоне растешь и растешь в своих глазах. Но Бога-то за этой стеной совсем не видно!

А что же мытарь? А перед его глазами тоже стена грехов. Но грехов собственных. И ему не от кого отворачиваться, не от кого брезгливо отодвигаться. Стоя в храме, он все время помнит, кто он, где он, перед Кем он. Поэтому он не смеет даже «поднять глаза на небо», и только «ударяя себя в грудь», без конца повторяет: «Боже! Будь милостив ко мне грешнику!»

Господь рассказал эту притчу для тех, «которые уверены были в себе, что они праведны, и уничижали других» (Лк. 18, 9). Он показал, что как нельзя одновременно смотреть вперед и назад, так невозможно видеть одновременно и свои, и чужие грехи. Когда занимаешься разглядыванием чужих, не видишь своих, и не испытываешь нужды в покаянии. А когда по-настоящему уви-

дишь свои, обо всем забудешь и начнешь как мытарь бить себя в грудь и плакать: «Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!»

Мытарь ощутил духовную нищету, и Бог ему необходим, чтобы хоть во что-то одеться, «чтобы не видна была срамота наготы» его (Откр. 3, 18). Мытарь открыт Богу, и стоит перед бездной Божьего милосердия, и в этом залог его будущего бесконечного обогащения.

А фарисей ушел ни с чем, потому, что у него и так все есть, и Бог ему не нужен. Господь же, как в песне Пресвятой Девы, «алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем».

Ладно, если бы фарисей хоть благодарил за помощь в борьбе с грехами. Но чувствуется, он и не боролся, и не пролил ни пота, ни крови. Все досталось ему с рождения, даром. Он, как тот нерадивый раб, который получил от своего господина один талант, но не преумножил его, — гордо заявляет: «вот тебе твое» (Мф. 25, 25).

Фарисей хвалится, что у него нет таких грехов, как у «прочих людей». Но что же у него есть? А лишь то, что он постится два раза в неделю и дает десятину от всего, что приобретает!

И святая церковь заповедует в эту седмицу как раз не соблюдать поста в среду и пятницу. Это — чтобы мы осознали: ни среда, ни пятница, ни десятина не заменит, «важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф. 23, 23). Суд над собой, милость к падшим, веру в Бога, Которому все одинаково дороги. Вот «сие надо делать», а потом уж «и того не оставлять».

А некоторые в эту седмицу все равно, вопреки церковному установлению, постятся. Почему же? А потому что, как у того фарисея, у них ничего нет за душой: ни любви, ни милости, ни веры. У них есть только внешнее, только форма, которую всегда можно предъявить и которой всегда можно похвалиться. Отними эту форму, и они сразу почувствуют себя нагими и нищими.

Но не перед Богом, а перед теми самыми «прочими людьми», над которыми так превозносятся, и с которыми не хотят иметь ничего общего.

СЕДМИЦА 34 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О основании бесстрашия

Понедельник **Мк. 13, 9–13**
2 Пет. 1, 20–2, 9

Господь предупредил, что перед вторым Его пришествием будут войны, землетрясения, голод и прочие бедствия. Когда у человека такая перспектива, в сердце заранее вселяется страх. В воображении — самое худшее: боль, стыд, беспомощность, предсмертные страдания, ужас смерти. Этого еще нет, но оно уже терзает душу.

Эти бедствия — грядущий удел всего мира. А учеников Христовых еще и «будут предавать в судилища и бить в синагогах, и пред правителями и царями поставят вас за Меня». «Предаст же брат брата на смерть, и отец детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их. И будете ненавидимы всеми за имя Мое». И вдобавок — «будут лжеучители, которые введут пагубные ереси», «и многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении. И из любостяжания будут уловлять вас льстивыми словами».

Тяжелейший предстоит путь. И чтобы его пройти, надо скрыть в глубине сердца, как драгоценную жемчужину, память о том, что «знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания». А также — что Бог не подвергает одной участи праведника с нечестивым.

Бог даже и «ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания». Все виновники соблазнов «навлекут сами на себя скорую погибель».

Но, погубив мир водами потопа, Бог сохранил «Ноя, проповедника правды», и даже вместе с его семейством. И когда Он «города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел», то и тут избавил «праведного Лота». Потому что Лот не гордился тем, что он не таков, как прочие содомские жители. Он, «живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные».

Тот, кто всегда держит в сердце эти, и множество других примеров, — не усомнится, что и впредь будет так. Когда Авраам провожал шедших в Содом, то настойчиво спрашивал, не помилует ли Бог город, если там найдется хоть несколько праведников? Но сам же и отвечал на свой вопрос: «Не может быть, ... чтобы то же было с праведником, что с нечестивым..! Судия всей земли поступит ли неправосудно»? И он не ошибся. Выводя Лота из обреченных городов, Ангелы говорили: «поспешай, спасайся», «ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь» в безопасное место (Быт. 18, 25; 19, 22)!

А на случай ответа перед людьми, перед любым судом, надо бережно хранить в сердце слова Господни: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святый».

Пусть же основанием нашей жизни будет не то, что мы сами выдумали и вообразили, чего еще нет, и Бог даст, не будет; но — то, что всегда было и есть: всемогущество и премудрость Божьи, Его любовь к каждому из нас.

О испытании чудесами

Вторник **Мк. 13, 14–23**
2 Пет. 2, 9–22

Господь говорит, что в последние дни, среди прочих искушений, будут и такие: «Восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь; вот, Я наперед сказал вам все». Как видим, чудо само по себе не является безусловным доказательством божественности и праведности того, кто его совершил.

Священное писание Нового завета начинается не с чудес. Оно начинается с родословия, чтобы сразу показать, что Тот, о Ком далее пойдет речь, действительно, согласно пророчествам, является «сыном Давида, сыном Авраама»

(Мф. 1, 1). Далее сказано, что Он «от Духа Святого» (Мф. 1, 18). Немного позже — о Нем засвидетельствовали Ангелы (Лк. 2, 9–14), вещественный мир (Мф. 2, 1–2), и наконец, Сам Бог — гласом и явлением Духа в виде голубя (Мф. 3, 16–17). Сказано также, что Он победил искушение от диавола (Мф. 4, 1–11).

И только после этого — о чудесах...

Итак, когда прослышим о чудесах, первым делом надо убедиться, что чудо совершилось в ограде Святой Православной церкви, а не в тех сообществах, которые когда-то вышли из нее, обольщенные или своим первенством, или своей мнимой чистотой, или уверенностью в своей непогрешимости.

Но бывают и такие случаи. Некие церковные люди, почитающие кого-либо за святого, не дожидаясь общецерковного акта прославления, уже написали его икону, и вовсю служат ему молебны. При этом они, конечно, и «презирают начальства», отстающие от их понимания вопроса.

И вдруг... икона начинает мироточить, и от нее совершаются чудеса! Тут кончается предел самоуверенности. Они уже совсем «не страшатся злословить высших». И каждый, кто не спешит с ними согласиться, объявляется еретиком...

Когда видишь такой напор, то уже только поэтому не хочется последовать этим людям. Насилие над совестью чуждо христианскому духу.

В книге Второзаконие есть такие слова: «Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им», — то не слушай слов пророка сего или сновидца сего». «Ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы» Его «от всего сердца вашего и от всей души вашей» (Втор. 13, 1–5).

Господь «наперед сказал» нам. И Он всегда будет испытывать нас: любим ли мы Его, или бросимся сломя голову вслед любому чудотворцу, забыв и о совести, и о церковном порядке, и о том, что только в тихом, мирном духе может быть явлена истина.

О Божией Матери

Сретение Господне **Лк. 2, 22–40**
Евр. 7, 7–17

Когда пришло предписанное законом время, Пресвятая Дева Мария и праведный Иосиф принесли Младенца Иисуса в Иерусалимский храм, «чтобы представить пред Господа» и совершить положенные обряды.

Здесь мы встречаем еще двух свидетелей Боговоплощения. Уже были пастухи, были волхвы. Теперь — старец Симеон, «муж праведный и благочестивый», которому «было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня».

Существует предание, что он жил очень долго, почти три века. В свое время он был в числе семидесяти переводчиков Библии с еврейского на греческий язык. Когда он дошел до пророчества Исаии «се, Дева во чреве приимет и родит сына», то сначала он слово «альма», которое в еврейском языке означает и деву, и молодую женщину, — перевел словом «парфенос», что по-гречески — собственно «дева». Но вдруг он спохватился, мол, как же дева может родить? Он хотел зачеркнуть слово «парфенос», но был остановлен Ангелом, и ему было возвещено, что он своими глазами увидит и эту Деву, и этого Младенца.

Потекли годы, десятилетия. Ушли сверстники, проходили новые, чуждые поколения. Но обещание Ангела давало силу нести бремя жизни.

И вдруг Дух повелевает: иди, пора. Симеон поспешно приходит в храм и видит, и берет на руки, и благословляет, и ничего не может сказать, кроме своего знаменитого: «Ныне отпущаеши» — и от тяготы жизни, и от страха смерти.

Симеону дано было увидеть в этом Младенце и «спасение ... всех народов», и грядущее «просвещение язычников», и «славу» истинного «Израиля». Увидел он и грядущее сотрясение мира, неожиданное падение одних и восстание других, и что младенец этот будет в «предмет пререканий».

А в конце он предрекает страдания. Но не Иисусу, а Его Матери. Он говорит: «и Тебе Самой оружие пройдет душу...»

А дальше прибавляет: «...да откроются помышления многих сердец».

Дело в том, что отношение к Божией Матери является показателем, насколько человек стал христианином. Через это и открываются «помышления многих сердец». По иному относится к Ней новообращенный, по иному зрелый христианин. Чем более оценил спасительный подвиг Христа, тем более любишь Ту, благодаря Которой Он смог выйти на этот подвиг. И чем более ценишь искупительную силу Его невинных страданий, тем более чувствуешь силу оружия, пронзившего Ее душу.

Вспоминается сегодня и еще одна свидетельница пришествия Христова, «Анна пророчица, ... достигшая глубокой старости, ... вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь».

Мудрый книжник и простая труженица храма. Как ранее: ученые волхвы и простые пастухи. Волхвы ушли на родину. Пастухи возвратились к своим стадам. Симеон вскоре преставился. А пророчица Анна, хотя и «говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме», но самого Младенца в Иерусалиме уже не было: святое семейство должно было уйти в Египет.

А мы видим, что и книжная наука, и добросовестное изучение законов природы, и подвиг молитвы и поста, и честное выполнение своего простого дела — все сходится у яслей Спасителя. А тут уже все равны: нет ни большего, ни меньшего, ни престижного, ни низкого, никто не возвышается ни над кем, но всем хватает светлой, победоносной радости.

О разных лжецах

Среда **Мк. 13, 24–31**
2 Пет. 3, 1–16

Христова Церковь с самого начала выглядит как маленький островок истины в океане лжи.

Так, уже в самом раннем послании, к Фессалоникийцам, Апостол Павел предостерегает «не спешить колебаться умом

и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов» (2 Фесс. 2, 2). Церковь только делает первые шаги, и уже — какой натиск лжи! И в словесной форме, и в письменной, и непосредственно в духовной. И цель достигнута: люди лихорадочно ждут конца, перестают трудиться, суетятся, и в результате искажается вся церковная жизнь.

А через пару десятилетий ложь приняла противоположный облик. Видя, что долго нет обещанного второго пришествия, дух лжи стал внушать: «где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как начали умирать отцы, от начала творения, все остается так же». Эту ложь пришлось опровергать уже Апостолу Петру незадолго до мученической кончины.

И во-первых он напоминает, что вовсе не «так же» все было всегда. Однажды естественное течение жизни уже было прервано, и «мир погиб, быв потоплен водою». А «думающие» иначе просто «не знают» и не хотят знать истории. И они по существу просто «наглые ругатели, поступающие» исключительно «по собственным своим похотям».

А что касается времени, «быстро» или «медленно» оно течет, то ведь «у Господа один день, как тысяча лет». А «тысяча», равно как и миллион, и миллиард, — тоже всего лишь «как один день».

Для духа лжи: если не тут же, значит — никогда!

А для Божьего человека — во всем милость и любовь Творца. В быстром течении времени он видит неудержимое стремление к нам нашего Господа.

Если же не сбываются первые, горячие ожидания, Божий человек принимает это как новое откровение любви и мудрости. Он понимает, что «не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию».

Не надо торопить этот день.

Потому что «небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля, и все дела на ней сгорят ...; солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»! Или как поется в чине погребения: «Увы ищущим зрети страшный

день Господень! Сей бо есть тьма: огнем бо искушаются всяческая».

Но не надо и трепетать его. Потому что мы, в отличии от неверующих, все-таки ожидаем «нового неба и новой земли, на которых обитает правда».

При воспоминании об этом дне христианин должен от всего сердца вздохнуть: «Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии нам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия»!

И всем, кто использует каждую минуту долготерпения Божия, Господь говорит: «Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (Лк. 21, 28)!

«Итак, возлюбленные», — подводит итог Апостол, — заботьтесь только об одном: чтобы когда Он явится, — самим «явиться пред Ним неосквернеными и непорочными в мире».

Не смутимся же «ни от духа, ни от слова» мира сего. Будем крепко держаться за «слова, прежде реченные святыми пророками, и заповедь Господа и Спасителя, преданную Апостолами» нашими.

О грехе и о истине

Четверг **Мк. 13, 31–14, 2**
1 Ин. 1, 8–2, 6

Апостол Иоанн Богослов пишет: «Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас». Что же получается: в ком нет греха, в том нет и истины?!

«Никак!» — ответил бы Апостол Павел на этот лукавый поворот мысли (Рим. 6, 15). Ибо далее Иоанн Богослов пишет: «Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать, как Он поступал». И «кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины». Значит, все-таки если согрешаем, нет в нас истины!

Недаром Апостол всех, без исключения, просит: «Дети мои! Сие пишу вам, чтобы вы не согрешали».

Но если эта просьба дойдет до сердца, и вдруг совсем перестанем грешить, и наконец-то радостно отчитаемся, «что

не имеем греха», то... — снова представим Бога «лживым»! Что же, замыкается круг, из которого нет выхода?

Но в этот круг мы сами себя загоняем своей лукавой логикой. А вслушаемся внимательно в слова Апостола. Он ополчается против двух конкретных людей: против того, кто говорит «не имею греха», и против того, кто говорит: «Я познал Его».

И ублажает он третьего человека, который не говорит ни первого, ни второго, а просто исповедует грехи свои. И если мы это делаем, «то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды».

И лучше не утверждать, что «пребываем в Нем», а просто стараться по мере сил «поступать так, как Он поступал». А если вдруг оступимся, — какие силы сразу приходят на помощь: «мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, праведника; Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира»!

И мгновенно круг размыкается.

У одного подвижника некий человек спросил: «Почему ты, отче, такой молитвенник и чудотворец, столь почитаемый людьми, говоришь, что ты грешнее всех»? А тот в ответ спросил: «Скажи мне, кто ты в своей деревне»? — «Самый богатый человек». — «А кем ты себя чувствуешь в Антиохии»? — «Одним из равных». — «А в Константинополе»? — «Одним из бедных». — «Ну а кем ты себя почувствуешь при царском дворе?» — «Последним нищим», — ответил тот.

Вот так меняется духовное самочувствие человека по мере приближения к Богу, по мере познания Его, по мере того, как соблюдаем Его заповеди, и по мере того, как истина входит в душу. А если в душе истина, то и в голову не придет, «что не имеем греха»!

О древнем и новом, о свете и тьме

Пятница **Мк. 14, 3–9**
1 Ин. 2, 7–17

«Возлюбленные! пишу вам не новую заповедь, но заповедь древнюю, которую вы имели от начала: заповедь древ-

няя есть слово, которое вы слышали от начала. Но притом и новую заповедь даю вам».

Древнее и новое... В мире, оторванном от Бога, новое во вражде с древним. Люди, не знающие Бога, как сейчас, так и всегда, «ни в чем охотнее не» проводят «время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян. 17, 21). Они думают, что «новое» наконец-то принесет решение всех проблем. Но тот, кто долго жил и много наблюдал, приходит к выводу: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Екл. 1, 9–11).

Но совсем другое — древнее и новое в Боге. Мы «слышали от начала», что «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5). «Древняя заповедь», это заповедь о том, что тьма не смогла поглотить свет. Он всегда светил во тьме, свидетельствуя тьме, что она — тьма, чтобы она не возомнила себя светом.

А «новая заповедь» уже о том, что «тьма проходит, и истинный свет уже светит». Как видим, древнее в нашем случае — то, что всегда стояло над нами, и вдруг, наконец, стало входить в нас. Свет начал входить во тьму.

И теперь, «кто любит брата своего, тот пребывает во свете». Будучи еще во тьме, мы рассуждаем так: «я не знал, меня не научили, у меня нет сил и решимости, мне, наконец, мешают бесы. А брат мой все знает, всему научен, ему никто не мешает; он по своей злодейской воле не хочет поступать так, чтобы мне было приятно».

А во свете — наоборот: начинаешь видеть и свои грехи, и немощь брата, и понимаешь, что невозможно ненавидеть того, за кого Христос распялся.

Апостол и пишет к тем, кто уже во свете. Нет смысла писать к тому, кто во тьме, «потому что тьма ослепила ему глаза». Он пишет к тем, кто способен слышать и воспринимать.

«Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его», и вас теперь ничто от Него не отделяет.

«Пишу вам, отцы, потому что вы» пришли в зрелый духовный возраст, и «познали Сущего от начала».

«Пишу вам, юноши, потому что вы» выстояли в борьбе с юношескими страстями, и «победили лукавого».

«Пишу вам, отроки, потому что вы» познали то, что только и могли познать в своем возрасте. Вы поняли, что вы не сироты: «вы познали Отца».

Апостол радуется возможности говорить и быть услышанным теми, кто уже во свете.

Но тьма еще остается, и она совсем рядом. И Апостол предостерегает: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего».

«Мир», это до чего еще не достиг Божественный свет, что еще противится Богу. Мир хватает и тянет к себе. Он гордится тем, что имеет, и смертельно завидует тому, до чего не может дотянуться.

Но ведь о том же мире говорится, что Бог так возлюбил его, «что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16)! Поэтому «мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек».

Но мир еще имеет силу поглотить всякого, кто оторвется от света, и как блудный сын, рискнет сделать шаг во тьму.

О Боголюбии и сластолюбии

Суббота **Лк. 20, 45–21, 4**
2 Тим. 3, 1–9

«Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие», — предостерегает Апостол своего ученика. — «Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отвергшиеся».

Апостол говорит вовсе не о язычниках. Он предвидит, что эти пороки проникнут в церковную ограду. Упомянутые «Ианний и Иамврий», когда «противились Моисею», тоже были в числе Божьего народа.

Все перечисленное нам знакомо. Особенно это: «более сластолюбивы, нежели боголюбивы»! Мы приходим ко Христу не для того, чтобы разделить его страдания, но чтобы получить некое услаждение: насладиться церковным искусством, благолепием, пением. Сейчас для этого — все средства техники. Можно лежа на диване слушать пение церковных молитв. Можно не выходя из дома смотреть по телевизору Богослужение в лучшем исполнении, крупным планом, без всякой давки.

От постоянного произнесения молитвы ждем только приятной сердечной теплоты. От исповеди ждем только «облегчения».

А вот тоже родное и близкое: Апостол говорит о «всегда учащихся, и никогда не могущих дойти до познания истины»! Сейчас учение, как никогда, связано со стихией слова, а не с послушанием и подражанием тому, кто преуспел в добродетели.

Господь говорил: «Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежание на пиршествах». Апостол тоже противопоставляет «вид благочестия» силе его.

Кто прельщается «видом», неизбежно проходит мимо «силы». Ну кто, кроме Господа Иисуса, обратил внимание на бедную вдову, которая положила в церковную сокровищницу какую-то жалкую мелочь? Кому какое дело до того, что она «положила все пропитание свое, какое имела»? Но в конце концов все «обнаружится пред всеми».

А пока еще ни для кого ничто не потеряно. И завтра мы услышим назидательную историю одного из заблудившихся, который начнет свой путь к нашему общему Небесному Отцу.

О Блудном сыне

Неделя 34 **Лк. 15, 11–32**
1 Кор. 6, 12–20

Сегодня, как и в прошлое воскресение, перед нами два человека, два сына одного отца. Детство и юность провели в

отчем доме, были воспитаны настолько хорошо и правильно, насколько это вообще возможно.

Воспитание играет огромную роль. Но приходит время, когда с родителей снимается ответственность за детей, когда молодой человек должен сделать свободный выбор и нести за него ответ. И выбор этот может быть вопреки всему, что можно было бы ожидать, причем, как в лучшую, так и в худшую сторону.

Так сделал свой выбор младший сын. Сначала он сказал: «Отче! Дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение». А «по прошествии нескольких дней», «собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно».

А что же отец? Конечно, когда сын потребовал свою часть, он знал, что последует далее. Но он ничего не говорит, ни от чего не предостерегает, не бранится и не употребляет силу. Если вся предыдущая жизнь, совместные труды и молитвы не смогли предопределить благого выбора, то о чем еще говорить?

Далее — закономерный путь падения. Все промотал, погрузился в нужду, почувствовал необходимость за кого-то уцепиться в чужой земле. А тот — ничего лучше не придумал, как послать «пасти свиней». И вот, пределом мечты стало «наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи».

Что впереди? Судя по обычному ходу вещей, только бороться за свое «законное право» есть из свиного корыта и изощрять ум для достижения этой цели.

Но случилось чудо. Блуждавший до сих пор по чужой стороне вдруг пришел... Не куда-то, а «в себя»! В себя самого. Пришел к исходной точке своих странствий, в то место, откуда вышло желание идти погибельным путем. Пришел, чтобы снова принять решение.

И тут словно ожило и заработало все некогда полученное в родительском доме. «Пришед же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! Я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих».

Решил и пошел. А отец уже с полпути выбежал навстречу, и не дав даже договорить, приказал одеть в лучшую одежду и устроить пир.

Но тут выходит на сцену старший сын, который никуда не уходил, отчей воли не нарушал, наследства не пропивал, ни в чем дурном замечен не был. Этот сын, возвращаясь с трудов, услышал о причине праздничного шума, и до глубины души возмутился такой «несправедливостью». Он отказался войти и принять участия в общей радости, что брат его «был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Поведение этого сына тоже довольно неожиданно. Оказывается, и он в доме отца не научился главному, не научился любить. Поистине, нет на земле Царствия Божия, и даже в идеальных условиях не вырастают идеальные люди. Время этой жизни отпущено для познания и для изживания грехов.

Но что теперь старший сын? Войдет ли он все-таки в общую радость, или тоже уйдет странствовать «на страну далече», расточать все приобретенное былым трудом? Но он уйдет уже не в телесные, а в духовные, богоборческие блудилища, где отвергают Божественный порядок мира, где говорят: «нет правды на земле, но правды нет и выше»!

Ведь отец этих двух братьев — еще и наш общий Небесный Отец

Эта притча для всех.

И — чтобы удержать от плотских падений: смотри, непременно дойдешь до свиного корыта.

И — чтобы сказать тем, кто все же пал: главное — не отчаивайся! Небесный Отец всегда ждет, и всегда на небесах радость «и о едином грешнике кающемся».

И — чтобы тот, кто не пал, не возгордился бы, и не проникся презрением к тому, кто смиренно просит прощения, и к тому, кто от всего сердца прощает.

Рассказана эта притча и для тех отцов и матерей, чьи дети все же пошли «на чужую сторону». Надо верить и в силу всего доброго, вложенного в детей, и в любовь Небесного Отца, Который всегда рядом с заблудшим, и все делает, чтобы обратить и спасти.

Будь только сам готов принять его в любой момент и в любом виде, в котором он к тебе возвратится.

СЕДМИЦА 35 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О «наших» и «вышедших от нас»

Понедельник **Мк. 11, 1–11**
1 Ин. 2, 18–3, 10

«Дети! Последнее время», — пишет Апостол Иоанн Богослов.

И признак этого — умножение лжеучителей, или как он их называет, «антихристов». «Антихрист» — не тот, кто прямо против Христа, а тот, кто перестает строит свою жизнь вокруг Христовых законов, и незаметно предлагает свои законы, в центре которых он сам.

И «антихристы» эти не откуда-то вдруг явились. «Они вышли от нас», — продолжает Апостол. Они страшны тем, что соприкоснулись с учением Христовым, умеют затуманить глаза соответствующими словами, знают те места, куда больнее ударить.

Но Апостол не клеймит их как предателей и изменников. Из того факта, что «они вышли от нас», неумолимо следует, что они и «не были наши». Просто только сейчас мы об этом узнали.

За что их судить? Они не наши, они внешние, они живут по другим законам. Как и Апостол Павел писал: «что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог».

Для нас такой ход мысли может показаться неожиданным.

Но далее увидим не менее удивительное. Оказывается, тех кто остается «нашими», уже незачем и нечему учить! Едва сказав что-то, Апостол почти всегда оговаривается: «Впрочем, вы имеете помазание от Святого, и знаете все».

Для него находящиеся в церкви обладают полнотой истины. Он и пишет к ним не потому, что они «не знали истины». Но именно «потому, что знаете ее». Только знающим можно писать, только со знающими можно говорить. Апостол все время подчеркивает, что он не сообщает ничего нового, но «что вы слышали от начала, то да и пребывает в вас».

Сказав, например, что содержание Христова обетования «есть жизнь вечная», он тут же добавляет, что вовсе не учит их, а только уповает на изначальное, через помазание Святым Духом, пребывающее в них знание. Он говорит: имея это помазание, «вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас». Апостол только желает, чтобы это помазание громче говорило в них. Оно «истинно и неложно», и то, «чему оно научило вас, в том» именно, а не в чем ином, «пребывайте».

Потому что всякий «наш», всякий «делающий правду», по мысли Иоанна Богослова, не просто угоден Богу, не просто заслужил Его расположение. Он поистине «рожден от Него»! Чада Божии, это те, «которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1, 13). Рожденный от Бога не может не узнавать и не любить своих братьев.

Но с другой стороны, он не может и рассчитывать на любовь со стороны тех, кто не родился от Бога и не принадлежит к Божьей семье. «Мир потому» и «не знает нас, что не познал Его». Они чужие, они совсем другой крови, они не «от Бога» родились, а как раз «от крови», «от хотения плоти», «от хотения мужа». А если дальше прослеживать их корни, то увидим, что тот, «кто делает грех», — «от диавола, потому что сначала диавол согрешил»!

А что в дальнейшем ждет детей Божиих, в которых пребывает Его семя? Апостол и тут ничему новому не учит, а приоткрывает, какая сила кроется в этом семени: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть».

Тут, конечно, не предопределение одного к спасению, а другого к погибели. Просто человек для Апостола Иоанна — не камень, который можно поставить туда или сюда. Апостол мыслит человека как живое, полноценное растение, непременно с корнем, с ветвями и плодами. И кто наш, тот — наш. Хотя бы еще только-только пробился росток из посеянного и принятого семени Божьего слова. «Всякий, рожденный от Бога, не делает греха». И яблоня,

безусловно, рождает яблоки, но не с первого же года. И наша забота в этой жизни — непрестанно расти, очищая «себя, так как Он чист».

И еще, по поводу «последних времен». Мы считаем наше время «последним». Но для Апостола, как видим, «последним» было именно его время. А это — почти две тысячи лет назад. Что из этого следует? А то, что последнее время началось сразу после Вознесения Господня и схождения на Апостолов Святого Духа.

Все. Больше ничего нового на земле не произойдет. И задача любого последующего поколения одна и та же: вобрать в себя все связанное с земной жизнью Господа, навсегда войти в число «наших». Потому что во все времена «дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего».

О любви и о ненависти

Вторник **Мк. 14, 10–42**
1 Ин. 3, 11–20

«Таково благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга», — снова и снова повторяет Апостол Иоанн Богослов. Быть всем вместе, всей «братии вкупе» с нашим Небесным Отцом, — для этого, собственно, и создан человеческий род.

Апостол напоминает, что впервые этот Божественный замысел был нарушен, когда Каин «убил брата своего. А за что убил»? Оба брата принесли жертву, каждый свою. «И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел». Книга Бытия не говорит, почему так случилось. Но Иоанн Богослов по данной ему премудрости свидетельствует, «что дела» Каина «были злы, а дела» Авеля «праведны».

«Каин сильно огорчился, и поникло лице его» (Быт. 4, 4–5). Но не о том он задумался, как исправить себя, но — как устранить брата.

И никто не обольщай себя, что не делаешь брату зла, а только не любишь его. Если хоть чуть оттолкнулся от берега любви, течение уже не даст оставаться на месте.

Сначала безразличие: есть человек или нет его.

Потом просто нежелание, чтобы он был.

Потом желание, чтобы его не было.

И так — до вольного или невольного содействия этому.

Любовь же, напротив, активно желает, чтобы брат был, и даже до жертвы своей жизнью ради него. Ведь и узнали мы любовь лишь из того, что Христос «положил за нас душу Свою». И если мы действительно Его ученики, то «и мы должны полагать души свои за братьев».

А если кто безразличен к бедствию брата, «как пребывает в том любовь Божия»? Какой он ученик Христов? Сердце только тогда успокоится, когда «станем любить не словом или языком, но делом и истиною». А пока сердце «осуждает нас», мы не должны обольщать себя, дескать, ничего, поболит и перестанет. Это как физическая боль. Ее можно заглушить таблетками, но болезнь от этого развивается еще быстрее.

Заглушив сердечное беспокойство, мы как бы гасим свет, и в темноте остаток любви окончательно перерождается в ненависть. И если я не хочу видеть, что происходит во мне, то ведь «Бог больше сердца нашего и знает все»...

Сегодняшнее чтение — словно специально для старшего брата из воскресной притчи, который поистине встал на путь Каина. И начинает он даже не с того, что Бог не призрел на него, но с того, что Бог призрел на его брата!..

Но вот — суд. И для тебя, и для твоего брата только два исхода: жизнь или смерть, ад или рай. Ты не хочешь быть с ним вместе в раю? Ну что же: тогда своими собственными руками отправляй его в ад!

О признаках истины

Среда **Мк. 14, 43–15, 1**
1 Ин. 3, 21–4, 6

«Возлюбленные, — пишет Апостол Иоанн Богослов. — Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу». Апостол указывает на голос сердца, как на свидетельство внутри нас, что поступаем правильно и богоугодно.

И если оно «не осуждает нас», то по-детски не сомневаемся, что «чего ни попросим, получим от» нашего любящего Небесного Отца.

Но и разум должен отслеживать правильность жизни. Собственно сердце лишь тогда и дает сигнал к дерзновению, когда сознательно и осмысленно «соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним». Основная же заповедь — «чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам». Тот, кто «сохраняет заповеди Его», и кого «не осуждает» сердце, «тот пребывает в Нем, и Он в том».

Но должно быть и свидетельство свыше. В конечном итоге, о том, «что Он пребывает в нас, узнаем по духу, который Он дал нам».

Но сколь бы сильным ни был голос духа, Апостол и тут предостерегает: «не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире». «Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет, и теперь уже есть в мире».

А из факта пришествия Иисуса Христа во плоти неизбежно следует:

и основание Им на земле Своей единой церкви;

и данная церкви власть «вязать и решить» на земле, с тем, что это будет связано и разрешено на небе;

и почитание земного облика Господа Иисуса Христа, сохраненного на святых иконах.

И наконец, Иоанн Богослов приводит еще один, пожалуй, решающий критерий, в истине ли мы, со Христом ли? От лица всех уже уверовавших и составляющих единую церковь он говорит: «Мы от Бога: знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. Посему-то узнаем духа истины и духа заблуждения».

Итак, чтобы быть в Боге, надо быть в единстве с единой церковью, основанной Иисусом Христом, пришедшим во плоти, с церковью, хранящей истину и донесшей ее до нас.

Истина в точке пересечения многих признаков. Поэтому необходимо бодрствовать. Не обольщаться ни сердцем, ни разумом, ни духами, ни людьми, утверждающими, что они в истине, но не входящими в единую церковь.

Одно испытывается другим, другое третьим, третье четвертым, четвертое — снова первым. И только после этого услышим: «Дети! Вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире».

О молитве за других

Четверг **Мк. 15, 1–18**
1 Ин. 4, 20–5, 21

Апостол Иоанн Богослов пишет: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего».

Одно из проявлений деятельной любви к человеку — молитва за него. Господь заповедал любить даже врагов, и молиться за них...

А сегодня вдруг у Апостола Иоанна читаем, что даже не за всякого брата можно молиться! Апостол пишет: «Если кто видит брата своего согрешающим грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился». Но разве может быть такой грех, которого Господь не простил бы искренне кающемуся?..

Очевидно «грех к смерти», это грех, в котором человек упорно пребывает, не считая грехом, а порой даже считая своей добродетелью, а может быть и своим долгом...

Вот несколько житейских ситуаций.

Допустим, я где-то работаю. Есть начальник, есть мои сослуживцы. И вдруг я узнаю, что одного из них выгоняют с работы. Я иду просить за него. А начальник мне говорит: «ты сам не знаешь, за кого просишь: он и меня последними словами обозвал, и дело делать отказывается, и вообще уже нашел новое место работы».

Другая ситуация. Человека увольняют, потому что он не хочет выполнять одну из своих обязанностей. Тогда я прихожу и прошу: «не выгоняй его. Я возьму на себя, сверх своих обязанностей, еще и то, что он не хочет делать». Тут есть шанс на успех. Но прежде надо рассчитать, вынесу ли я эту нагрузку?

А вот и третья ситуация. Человек сделал оплошность, даже большую, но раскаивается. Не надеясь на себя, просит меня: «Мне стыдно показаться начальнику на глаза. Попроси за меня. Я обещаю, что никогда больше не буду так поступать». Тут уже с дерзновением идем просить, и скорее всего, будет успех.

Примерно так же и с нашими молитвами за разных людей.

Не надо бы самовольно браться молиться за того, кто тебя об этом не просит.

Чтобы ходатайствовать вторым образом, надо бы прежде вспомнить Апостола Павла, который, переживая отпадение от Бога своих соплеменников, говорил: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9, 3).

Самая же нормальная ситуация для нас, простых людей, третья.

Ну а как нужно молиться?.. Однажды некто спросил великого старца Иоанна, жившего в шестом веке: «Если кто скажет мне: помолись о мне, — что мне делать? Должен ли я всегда поминать его»? Старец на это ответил: «Когда кто скажет: помолись о мне, скажи в сердце своем: «Бог да помилует нас», и этого достаточно. А поминать его всегда — дело не твое, но совершенных, могущих молиться друг о друге», то есть дело тех, кто действительно любит того, за кого молится, и любит настолько, что готов, как Апостол Павел, быть отлученным за него от Христа.

И когда наше дерзновение находится в соответствии с нашими духовными силами, то «Он слушает нас». «А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни

просили, — знаем и то, что получаем просимое от Него». И это — если даже просто вздохнем: «Бог да помилует нас».

Именно нас, обоих, а не только его, как будто он более меня нуждается в молитвенной помощи.

О любви и о истине

Пятница **Мк. 15, 22–25, 33–41**
2 Ин. 1, 1–13

Сегодня читается второе послание Апостола Иоанна, написанное в его последние годы. Физические силы уходили, и предание говорит, что Апостол постоянно повторял одно: «Дети, любите друг друга»! И в послании это очень чувствуется.

Здесь два главных слова: «любовь» и «истина».

Уже в начале читаем: «Старец — избранной госпоже и детям ее, которых я люблю по истине». И тут же оговаривается: «и не только я». Он как бы говорит: дело не в моих личных чувствах. Я не просто «люблю», но «люблю по истине». И не только я. Вас любят «и все, познавшие истину». Любовь наполняет все пространство истины во Христе.

Преподав благословение, Апостол выражает радость, «что нашел из детей твоих, ходящих в истине, как мы получили заповедь от Отца». И об одном только просит, «чтобы мы любили друг друга».

Но любовь Апостола — не старческое благодушие, когда «и все хороши, и все хорошо, и ничего мне не надо, и всем я доволен; когда — и ты прав, и он прав — только не шумите и не ругайтесь»! Рядом с совершенной любовью видим и жесткую нетерпимость к врагам истины.

Апостол с тревогой отмечает, что «многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти; такой человек есть обольститель и антихрист». А как мы уже говорили, прямым следствием пришествия Христа во плоти является основание на земле единой церкви, хранящей единство веры.

И «всякий, преступающий учение Христово и не пребывающий в нем» не просто в чем-то не прав, но вообще «не

имеет Бога». А «пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына».

По отношению к врагам истины «Апостол любви» оказывается Апостолом совершенной нетерпимости. Он не говорит: «впустите его, выслушайте, и пусть в свободном споре восторжествует истина». Он исключает общение с врагами истины даже на чисто человеческом уровне: «Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его».

Потому что не всякий может противостоять яду лжеучения. Всегда были христиане, которые пришли в церковь вслед за кем-то: за мужем, за женой, за своими односельчанами, за своими соотечественниками. Этих людей нельзя считать неполноценными христианами. Но их надо физически ограждать от вторжения еретиков. Потому что не может быть свободного и равного спора, когда простому верному во Христе противостоит натасканный, подготовленный специально для обольщения «малых сих» распространитель лжи. И об этом должен заботиться и отец семейства, и властитель, если он действительно хочет быть отцом своего народа. Ведь столько примеров, когда только единство веры позволяло всему народу выжить!..

Ну а в конце послания снова видим, как Апостол тяготится разлукой, тяготится необходимостью писать «на бумаге чернилами». Он написал лишь самое необходимое: о любви и о ненависти. Он надеется «скоро» придти «и говорить уста к устам», насладиться радостной полнотой общения во Христе.

О приближении Страшного суда

Суббота **Лк. 21, 8–9, 25–27, 33–36**
1 Кор. 10, 23–28
За уп.: Ин. 5, 24–30
1 Фес. 4, 13–17

Картина страшного суда открывается после недели о блудном сыне, и это глубоко не случайно. Потому что для

кого страшный суд, а для кого радостный конец долгого и трудного пути.

Нам открыто, что последний этап пути будет особенно тяжким. Во-первых, всякие лжехристы станут звать: «остановись, поверни сюда! Это я, твой отец, которого ищешь»! И очень трудно будет не пойти «вслед их». Они будут очень похожи на настоящего, особенно, если знание у нас только теоретическое, школьное. В школе учат о «свойствах» Бога. А лжехристы смогут продемонстрировать и как бы «всеведение», и что-то очень похожее на «всемогущество», и мнимое, призрачное «вездеприсутствие».

Скажется крайнее утомление, когда под любым предлогом хочется, чтобы путь, наконец, завершился. А тут еще слухи «о войнах и смятениях» там, впереди.

Но «не ужасайтесь», — говорит Господь. Идите, не оглядываясь, как Лот из Содома.

Потом «будут знамения в солнце и луне и звездах». Наступит всеобщее «уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются».

И вдруг — увидим перед собою престол праведного Судии, увидим «Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою». И чем ближе к Нему, тем больше будет людей. Потому что «мертвые услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут» и вольются в общий поток. И чудесным образом каждый из этой невообразимой толпы будет на виду, перед самым престолом, каждый будет наедине с Ним.

Кто же сможет пройти этот путь без потерь? А вот именно тот, кто пришел в себя, для кого все земные блага стали свиным корытом с «рожками», кто понял, что безнадежно и навсегда утратил сыновнее достоинство, но все же не отчаивается, веря, что у Отца и для него, последнего, хватит милосердия и любви. Он сам осудил себя, и его уже ничто не удивит и не испугает.

Собственно, предыдущая неделя тоже была неделей о страшном суде, только в ней открывалась окончательная судьба лишь одного человека, того, кого мы знаем под име-

нем «блудного сына». Конечно же, он будет поставлен среди тех, кто одесную. Как бы ни хвалил его Отец и Судия, в ответ он только скажет, что «согрешил на небо и пред Тобою», не сделал ничего доброго, и не достоин никакого блага.

И уже не для него, а для остальных, еще не пришедших в себя, говорит сегодня Господь: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному. Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого».

О Страшном суде

Неделя 35 **Мф. 25, 31–46**
1 Кор. 8, 8–9, 2

Суд этот совершится, когда в конце земной истории «приидет Сын Человеческий во славе Своей, и все святые Ангелы с Ним». Тогда Господь «сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы», все до одного потомки Адама.

Всех Господь сразу разделит, «как пастырь отделяет овец от козлищ». Господь видит без обвинителей и свидетелей, кто куда стремится, кто что любит, кто чему предал свою душу. Но чтобы никто не мог обвинить Его в пристрастии, в предопределении каждого заведомо к погибели или к спасению, Он непременно даст каждому сказать последнее, свободное слово, чтобы и весь мир увидел то, что всегда видит Он.

Господь обратится сначала к «тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ»...

И Господь знает, что скажут праведники. Господь уверен, что они спросят с недоумением: «Господи! Когда мы видели» Тебя таким и «послужили Тебе»?!

Но почему они спросят именно так? Ведь читали же они Святое Евангелие, и в том числе сегодняшнее «зачало». Они прекрасно знают слова, которые Господь скажет далее: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Праведники все это «проходили», много раз слышали с амвона, что делая добро ближнему, делаем Самому Господу.

Но Господь знает, что не ответят праведники согласием, дескать, «да, Господи, мы это знаем, это написано в двадцать пятой главе Евангелия от Матфея»! Господь знает, что они ответят таким искренним, недоуменным вопросом.

Потому что праведник хотя и трудится, и старается выполнять все, что повелел Господь, но перед его глазами всегда, в первую очередь, крест Господень, это главное, ни с чем не сопоставимое знамение его любви. Праведник не может даже помыслить, что способен дать что-то Тому, Кто Сам дает всем все, включая и возможность давать что-то другим.

Потом Господь обратится к «тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня»...

Но и этим тоже дается право последнего слова. Причем, они находятся в более выгодном положении. Даже если они и не читали Евангелия, то вот, только что слышали, как отвечали праведники, как отрицали свою праведность, споря даже с Самим Богом. И они слышали, что сказал праведникам Господь.

Но они все равно упорно оправдывают себя, как оправдывал себя богач из притчи о богатом и Лазаре. Они ни в чем не виноваты. Они, по их словам, от всей души послужили бы Господу, если бы Он явился им. И одновременно они всю жизнь отталкивали от себя всякую протянутую к ним руку. И так прошла их жизнь. Но Господь дает последнюю возможность. Что им стоит сказать: «Да, Господи, ничего доброго мы не сделали ни Тебе, ни людям, но помилуй нас «по велицей милости Твоей»!..

Некоторые, рассуждая об этом Евангелии, делают вывод: для спасения надо только помогать ближнему, делать добрые

дела. А вероучение и Богослужение — только человеческая выдумка.

Но без правой веры и без участия в Таинстве Тела и Крови Христовых просто невозможно ответить так, как ответили праведники, дать такую оценку своим трудам!

Думается, если бы праведники согласились с Господом, а грешники взмолились о милости, участь и тех, и других была бы противоположна. Но Господь сразу поставил одних по правую, а других по левую руку. Он знал, кто что ответит. Своею любовью Он все сделал, чтобы все ответили как первые, и не Его вина, если иные ослепили себе глаза и заткнули уши.

«И пойдут сии в муку вечную», уготованную «диаволу и ангелам его». Заметим: не потащат их, но сами пойдут, в своем поистине бесовском противлении Богу и Его правде.

СЫРНАЯ СЕДМИЦА

О свидетельстве и о мнении

Понедельник **Лк. 19, 29–40; 22, 7–39**
3 Ин. 1, 1–15

В третьем послании Апостола Иоанна Богослова несколько раз повторяется слово «свидетельствовать».

Апостол обращается к некоему Гаию и говорит, что очень «обрадовался, когда пришли братья и засвидетельствовали» о его «верности», и что он ходит «в истине». Братья также «засвидетельствовали перед церковью о» его любви и заботе о них.

О некоем Димитрии Апостол пишет, что о нем «засвидетельствовано всеми». И не только «всеми» людьми, но «и самою истиною». К этому обилию свидетельств Апостол прилагает и свое собственное. «Свидетельствуем также и мы». И добавляет: «и вы знаете, что свидетельство наше истинно».

Апостолы и вообще только свидетельствовали о том, что сами видели и слышали. Свидетельствовали о том, что им было открыто. И сами свидетельствовали, и принимали сви-

детельства от братьев. И никаких «мне кажется», «мне думается», никаких «то «да», то «нет». И подтверждали то, о чем свидетельствовали, своей кровью.

А в наше время — наоборот: каждый считает своим законным правом обо всем вслух высказывать свое личное мнение. Но кому и какую пользу может принести просто личное мнение? Огромное множество этих непроверенных, необоснованных мнений окутывают всю нашу общественную жизнь как бы густым туманом лжи. А когда требуешь ответственности, говорят: «а это просто мое личное мнение, я имею на него право».

Но за каждое слово надо быть готовым к ответу. И если обличаем, и если хвалим.

И если голосуем за кого-то, например, за того, кто станет главой нашего народа. Голосуя, мы свидетельствуем об этом человеке. Мы ручаемся за чистоту его намерений. Мы утверждаем, что он в силах привести эти благие намерения в жизнь. Короче говоря, готов положить за него голову? Ну тогда поднимай руку.

Но свидетельствовать о том, чему мы действительно стали свидетелями — наша обязанность, особенно если дело касается Божией славы. Когда Господь входил в Иерусалим, «все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели». При этом враги истины говорили Господу Иисусу: «Учитель! Запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют».

И может быть, умножающиеся землетрясения, это и есть свидетельство о прекращении Христова свидетельства перед народами.

И может быть, только когда мы перестанем наполнять воздух своими пустыми, самоуверенными мнениями о самых главных вещах, когда научимся просто говорить «не знаю»; когда перестанем делать лишь бы что-то сделать; говорить лишь бы что-то сказать; когда перестанем голосовать лишь бы за кого, — тогда и Господь Сам войдет в нашу жизнь, и наполнит истиной, и установит мир и порядок на нашей земле.

О мечтательстве и о мечтателях

Вторник **Лк. 22, 39–42; 45–23, 1**
Иуд. 1, 1–10

Говоря о нечестивцах, древних и новых, Апостол Иуда неожиданно называет их «мечтателями». Приводя примеры казней, которые постигали древних, он указывает на новых: «Так будет и с сими мечтателями».

В нашем обиходе слово «мечтатель» имеет скорее положительный оттенок. «Мечтать, надо мечтать», — поется в песне.

Но мечтательность — вовсе не безобидная вещь. Погружаясь в мечты, человек уходит от действительности. Он воображает, как побеждает сердца, достигает успеха, и все ненавистники склоняются к его ногам. Каково после этого возвращаться туда, где снова придется терпеливо нести крест своей жизни?

А иной мечтает, как бы он переустроил жизнь на земле, как развел бы на севере южные растения, повернул бы реки вспять, и по справедливости разделил бы все между всеми. Хорошо, если у него нет сил и власти воплощать в жизнь свои мечты. Ну а если есть?.. Наша новейшая история показала, чем это может обернуться.

И так было с самого начала. Почему Каин убил Авеля? Потому что действительность разрушила его мечты, как Бог примет его жертву, а жертву брата отвергнет.

Почему Валаам упорно шел на не угодное Богу дело? Потому что в мечтах уже ощущал в своем кармане богатую обещанную мзду.

Почему Карей и иже с ним «в упорстве» погибли? Потому что возмечтали о себе нечто, вопреки Божьему установлению, «и собрались против Моисея и Аарона, и сказали им: полно вам; все общество, все святы, и среди их Господь! почему же вы ставите себя выше народа Господня» (Чис. 16, 3)?

Отчего, наконец, люди «оскверняют плоть» и «растлевают себя», как не от необузданной мечтательности?

Ну а почему Петр отрекся от Иисуса? А тоже потому, что перед этим размечтался, как он геройски «и в темницу, и на смерть» пойдет ради любимого Учителя (Лк. 22, 33)!

Вот и говорит Апостол: «не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе» (Рим. 12, 16).

И Сам Господь от подножия Своего креста пробуждает от сладкого мечтательного сна: «Что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение».

О пастырской печали

Четверг **Лк. 23, 1–34; 44–56**
Иуд. 1, 11–25

С великой болью переживает Апостол Иуда отпадение людей от истины, и пишет о них: «Это безводные облака, носимые ветром; осенние деревья, бесплодные, дважды умершие, исторгнутые».

Это образы попранной надежды. Все знают, что такое — в засуху появившееся облако, и что такое плодовое дерево для садовода. И вдруг облако проходит, не подарив ни капли дождя. И дерево, от которого ждали плода, оказывается мертвым! Так истинный пастырь воспринимает духовную гибель тех, кто был на его попечении. Так он связан с ними.

Так же болезненно и Апостол Павел переживал пастырские неудачи. Он говорил, что если «у кого дело сгорит», то есть рассеется его паства, «тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3, 15).

Но обманув надежды, отпавшие еще и обнажили свое непотребство, свои нечистые корни. Они еще и «свирепые волны морские, пенящиеся срамотами своими». Волны во время бури выбрасывают на берег то, что таится в их недрах, — мусор ли, остатки ли умерших животных. Обнажается все, что скрывалось за внешней красотой. Поистине, как пишет и Апостол Иоанн Богослов, «они вышли от нас», «и чрез то открылось, что не все наши» (1Ин. 2, 19).

И еще святой апостол Иуда добавляет, что это «люди, издревле предназначенные к сему осуждению» (Иуд. 1, 4).

Ни одного человека Господь не сотворил специально для погибели. Человек свободен. Перед ним еще в раю открылись два пути: один — к славе, а другой как раз «к сему осуждению».

О тех, кто избрал путь к осуждению, Апостол говорит, что они еще и «звезды блуждающие». Они покинули свое место в сонме других звезд. Они думали найти свой, более светлый путь. Но вне Божественных законов такого пути нет. И сами они виноваты, что теперь им «блюдется мрак тьмы на веки».

Ну а тем, кто не узнает себя в этих сравнениях, Апостол говорит и более простым языком: это те, которые даже в Божьей благодати умеют найти «повод к распутству» (Иуд. 1, 4). Это те, которые «пиршествуя с вами, без страха утучняют себя». И «это — ропотники, ничем не довольные».

Вот так, иногда взглянешь на себя со стороны, с отвращением увидишь себя жующим, выпивающим, всех самоуверенно судящим. Вспомнишь, как Христос на кресте воскликнул: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». И вдруг поймешь, кто «безводные облака», и кто «блуждающие звезды».

И не дожидаясь начала поста, поспешишь положить начало исправлению жизни.

О правильном настрое на милостыню и на молитву

Суббота **Мф. 6, 1–13**
Рим. 14, 19–26

Перед нами спасительное время Великого поста, когда Господь ожидает не только самоограничения в пище, но и милости к нуждающимся. А также — неотделимой от поста молитвы, как личной, так и общецерковной, храмовой.

И самое главное, чтобы было правильное соотношение между внешним деланием и внутренним настроем души. Тогда все усилия — велики они или малы — принесут пользу.

Говоря о милостыне, Господь не к чрезмерной щедрости призывает. Его забота о другом. Он говорит: «Смотрите», не погубите и малой вашей милостыни: «не творите» ее «пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам

награды от Отца вашего Небесного». А для этого, во-первых, «не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди».

Но просто не трубить, это еще не все. Надо активно стараться скрыть свои добрые дела, даже до того, что «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». А также — радоваться, если за добро тебе заплатили черной неблагодарностью.

Но все же милостыня предназначена человеку, и очень трудно сохранить свою руку невидимой. А вот молитва обращена к невидимому Богу, и Он предупреждает: «когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою».

И если милостыня, пусть и умаленная похвалой, все же дойдет до человека, то куда дойдет молитва, за которую ищем похвалы у людей?.. Во избежание пустой траты сил, Господь советует: «когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

А чтобы и молитва в храме тоже была только для Бога, надо соблюдать две вещи.

Во-первых, стараться внешними знаками молитвы не выделяться среди других. В Типиконе, в богослужебном уставе на понедельник Великого поста, точно предписывается, когда великие, а когда малые поклоны надлежит делать. А то — «один другого предваряет, мятутся, словно трости, ветром колеблемы»... В общем, поглядывай, как поступают люди в том храме, в который ты пришел.

А во-вторых, сколько бы ни молился в храме, нельзя оставлять домашнее молитвенное правило. Это особенно опасно для тех, кто на клиросе. И так — соблазн покрасоваться своим искусством. А если еще и не молиться дома, в тайне, то молитва в храме постепенно вообще перестанет быть молитвой, а лишь «пением и чтением» за похвалу и зарплату.

«Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию». А этому ничто лучше не служит, как если хотим угодить «Отцу», «Который втайне». А уж Сам Он все

тайное сделает явным, когда и как сочтет нужным, ко всеобщей пользе и назиданию.

О правильном настрое на пост

Неделя Сыропустная **Мф. 6, 14–21**
Рим. 13, 11–14, 4

Молитва — для Бога. А милостыня и пост, — для ближнего и для себя. Но чтобы была истинная польза и ближнему и себе, — и милостыня, и пост тоже должны быть прежде всего для Бога.

Поэтому, «когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Но как поститься втайне, если Шестьдесят девятое Апостольское правило гласит: «Если кто епископ или пресвитер, или диакон, или иподиакон, или чтец, или певец, не постится во святую четыредесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пяток, кроме препятствия немощи телесной, да будет извержен. Если же мирянин: да будет отлучен»?

Но дело в том, что «немощь телесная» у каждого своя. И степень строгости поста каждый выбирает по силе, испытав себя своей совестью. Никто, кроме тебя самого, не знает, где у тебя кончается немощь и начинается прихоть.

Однажды некий епископ спросил у старцев Иоанна и Варсонофия: «Я в постные дни ем один раз в день, и только хлеб и воду. Правильный ли мой пост»? Ему ответили: «Испытай себя: если это не мешает тебе выполнять твоих обязанностей, и если ты не окрадываешься тщеславием, то пост твой правильный».

Предметом тайны при общецерковном посте должно быть — если постишься строже, чем другие. Но и при самом строгом и тайном посте, кто даже совсем «не ест», — смотри, «не осуждай того, кто ест», чтобы не потерять всех своих трудов.

А тем более — «кто ест», кто еще не решился ввести пост в свою жизнь, — и ты «не уничижай того, кто не ест».

Не придумывай никаких «научных» отговорок, не считай себя выше заповедей о пище. И тогда у тебя будет надежда хоть как-то продвигаться вперед.

Ну а если сошлись за одним столом, то лучше избегать разговоров, кто что ест, а кто не ест, и есть ли, например, в хлебе, который на столе, скоромные включения?

Пост, как и всякое христианское делание, требует свободного, творческого подхода, в духе любви к Богу и к ближнему. Например, в субботы и в недели Великого поста уставом разрешается вино. Но вот с нами за столом человек, которому нельзя ни капли. Что же? Пусть и не пьет, это его проблемы, а мы будем?.. Любовь не так рассуждает. Любовь говорит устами Апостола Павла: лучше вообще «не пить вина и не делать ничего такого, от чего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает» (Рим. 14, 21).

Еще сегодня мы слышали о том, без чего не получится никакой подвиг, и без чего даже молитва не будет услышана. «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

И сегодня вечером, перед самым началом поста, в храмах совершается чин прощения. Это всегда очень торжественно и умилительно. Но вот мы у всех в храме попросили прощенья — у знакомых и незнакомых, и у тех, кому ничего плохого не сделали, и кто нам ничего такого не сделал.

А между тем, у каждого есть один-единственный человек, перед кем действительно серьезно виноват. И вот у него-то мы прощенья не попросим! И сразу все торжественное, красивое и умилительное станет обыкновенной показухой. Спасительное время Великого поста начнется ложью.

И в заключение Господь говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут».

А людская похвала, удивление и уважение, это тоже сокровище, собранное на земле, которое тоже можно потерять

в один миг. Только оступись в чем-то малом, и вся твоя «великая слава» рухнет. Потому что люди, хотя и удивляются чужому благочестию, и вроде бы уважают его, но еще больше любят, когда падает благочестивый человек, потому что это снимает с них моральную обязанность трудиться и подражать ему.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

О ключе к сокровищнице

Суббота первая **Мк. 2, 23–3, 5**
Евр. 1, 1–12

Сегодня первая суббота Великого поста. Прошла уже первая седмица, а церковь не оставляет заботы о правильном настрое души.

Сегодня речь о «субботе». Суббота, это как символ всех предписаний, по которым жила ветхозаветная церковь. Но и в христианстве за две тысячи минувших лет тоже образовался целый свод различных правил. И если к этому подходить неразумно, это бремя неудоборносимое, а если правильно, — бесценное сокровище. И сегодня к этой сокровищнице дается ключ.

Однажды, проходя засеянными полями, ученики стали срывать колосья, выбивать из них зерна, и есть. Законники укорили учеников, потому что это считалось молотьбой, и запрещалось делать в субботу. А Господь привел пример из истории, как священник Авиафар тоже нарушил одно правило, причем, прямо написанное в Моисеевом законе. Он дал голодным Давиду и его спутникам хлебы, «которых не должно было есть никому, кроме священников».

После этого Господь и назвал две истины, с помощью которых следует подходить ко всякому религиозному правилу. Во-первых, что «Сын Человеческий есть Господин и субботы». И во-вторых, что «суббота для человека, а не человек для субботы».

«Сын Человеческий», это Господь наш Иисус Христос, именуемый и «Сыном Божиим», и «Наследником всего». Чрез Него Бог Отец «и веки сотворил». О Нем говорится,

что Он совершил «Собою очищение грехов наших» и «воссел одесную (престола) величия на высоте». И нет ничего, что существовало бы само по себе, независимо от Его воли. Он устанавливает, Он и отменяет. И как мы чувствуем Его волю за видимым миром, так и за всеми церковными установлениями должна ощущаться Его воля, живая, разумная, любящая. Он Господин всего. Он Господин и субботы.

А суббота для человека. Как все в мире служит тем или иным потребностям человека, так и суббота. Потому что человек не только алчет и жаждет телесной пищи. Он еще и восклицает: «чем заплачу Господу за всю Его любовь и за все Его дары»?.. Чтобы это живое чувство благодарности нашло свой выход, нам и даны — и Богослужебный устав, и посты, и все остальное. Как хлеб для голодного, так и суббота для человека.

Поэтому, как нельзя насильно кормить сытого, так нельзя перегружать правилами того, у кого еще не проснулся духовный голод, желание потрудиться для Господа.

От поста к посту — все всегда по-новому. То возьмешь слишком круто, возгордишься и сорвешься. То — слишком расслабишься, и почувствуешь себя ленивым рабом, которого только пинками можно заставить трудиться. Когда-то еще научишься отличать попечения о плоти от похотей. Когда-то еще поймешь, что ты просто-напросто раб своего чрева, своих привычек, и жадно ухватишься за протянутую руку поста!

Понимая, как непросто достичь такой простоты во Христе, будем особенно чутки к тем, кто от нас зависит, к нашим детям. Тут особенно опасно перегнуть. Надо постепенно, терпеливо, именно своим примером пробуждать в них любовь к посту, желание присоединиться к отцу и матери. Чтобы всем вместе, как иной жаждет и предвкушает угощения, — жаждать и предвкушать благословенного, сопряженного с молитвой и милостыней, времени воздержания.

О торжестве православия

Неделя первая **Ин. 1, 43–51**

Евр. 11, 24–26, 32–12, 2

Это воскресение называется «Торжество православия». В этот день на седьмом вселенском соборе была осуждена последняя из крупных ересей.

К этому времени церковь уяснила и о Лицах Святой Троицы, о соединении Божества и человечества в Иисусе Христе, и о том, что Дева Мария есть истинная Богородица. И вдруг — новое, еще невиданное: иконоборчество. Начал император Лев Исавр. Иконы были объявлены идолами. Их стали уничтожать, и жестоко преследовать несогласных. Это продолжалось более века.

Глубоко не случайно, что именно восстановление иконопочитания празднуется как торжество православия. Когда Филипп радостно сообщил Нафанаилу, что они «нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки», Нафанаил с сомнением спросил: «из Назарета может ли быть что доброе»? На что Филипп сказал: «пойди и посмотри».

А мы разве не мечтаем увидеть своими глазами все удивительное, о чем слышим от людей? Разве не спрашиваем в случае сомнений: «А ты сам видел»? Видеть, это торжественная полнота знания, которая стала доступной с воплощением Сына Божия: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым, и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

Посылая Апостолов на проповедь, Господь говорил: «Идите, научите все народы» (Мф. 28, 19). Он не ограничил в способах учения. Не написано, чтобы создавать иконы. Но не написано, и чтобы писать книги. История не отмечает момента, когда началось иконописание и иконопочитание, потому что это было в церкви всегда.

Наши иконы, это торжественное свидетельство обо всем, что видела церковь от воплощения Господа Иисуса Христа, и до сего дня. Потому что все, о чем говорит Евангелие, действительно происходило в определенное время и в определенном месте.

Бог поистине стал Человеком, и вот Его человеческий облик, который видели, и который попытались запечатлеть и сохранить. Вот так младенец Иисус лежал в яслях, в кормушке для скота. Вот так Он крестился от Иоанна в Иордане. Вот так въезжал в Иерусалим. Вот так был распят на кресте. Вот так вознесся на небо. Вот так пришел впоследствии, чтобы взять на небо душу Своей Пречистой Матери.

Как же эти изображения должны волновать сердце и укреплять веру! Господь говорил ученикам: «Ваши же блаженны очи, что видите» (Мф. 13, 16).

Были христиане и до Христа, которые, как говорил о них Господь, только «желали видеть», «и не видели» (Лк. 10, 24). И все же их вера была такова, что они «побеждали царства, творили правду», «заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча». «Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу». Они тоже свидетельствуют о Божией славе, о торжестве Православия. Это их имеет ввиду Апостол, когда говорит: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех, и в терпении будем проходить предлежащее нам поприще».

А ведь для нас это «облако свидетелей» несравненно больше: для нас встают в памяти еще и бесчисленные свидетели последних двух тысячелетий!

И наши иконы, это наше боевое, походное знамя, которое всегда впереди. Это видимое свидетельство нашей веры. Это изобразительное предание нашей церкви...

Но знамя победы только тогда — знамя победы, когда оно в руках радостных победителей, а не в руках уныло отступающей толпы.

О молитве среди не молящихся

Суббота вторая **Мк. 1, 35–44**
Евр. 3, 12–16

Перед нами один вечер и одно утро из жизни Господа Иисуса Христа.

Уже после захода солнца приносили к Нему «всех больных и бесноватых. И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями», и «изгнал многих бесов» (Мк. 1, 32–34). Не скоро удалось отойти ко сну.

Но едва настало утро, Он «встав весьма рано, вышел», не потревожив учеников, «и удалился в пустынное место, и там молился. Симон и бывшие с ним» встали гораздо позже, увидели что Его нет, и «пошли за Ним». Найдя Его, говорят Ему: все ищут Тебя.

Он» тут же — навстречу: «пойдем в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать; ибо Я для того пришел».

И так изо дня в день. Допоздна трудился и рано утром вставал на молитву. Всеми силами избегал славы, повелевая исцеленным никому об этом не говорить, но выполнять свой религиозный долг, делать, «что повелел Моисей».

Этот небольшой отрывок еще раз учит, что молитва — глубоко личное дело (разумеется, не храмовая молитва, а именно твое личное, как мы говорим, «молитвенное правило»). Она не должна быть на виду, не должна раздражать тех из нашего окружения, кто не так усердно и не так долго молится, или вообще еще не научился молиться.

Не людей надо выгонять, чтобы они тебе не мешали, но самому незаметно удаляться. Вставать ли пораньше, использовать ли удобное время, когда другие ушли по своим делам или еще не вернулись.

Также и с посещением храма, когда вокруг тебе еще не уверовавшие. В воскресный день все дома, хотят побыть вместе. А ты встаешь вместе со всеми, и — на позднюю обедню. А что бы тебе встать пораньше, когда еще спят, и сходить на раннюю? Вернулся — все еще только встают, и ни у кого нет претензий ни к тебе, ни к Богу, отнимающему у них жену, мать, или отца.

Неправильно и отказать в просьбе, дескать, подожди: не видишь — молюсь! Господь, когда ученики утром нашли его, не заставил их ждать. А уж Его молитва была не в пример нашей. Один только раз ученики стали свидетелями этой молитвы. Они увидели, как во время молитвы Господь преобразился, и «одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И» явились Ему небожители и беседовали с Ним (Мк. 9, 3–4)!

Молитва, это святое, великое дело, и она не должна быть причиной соблазна, поводом к нарушению мира. И если что-то не так, надо серьезно подумать, поразмышлять, спросить совета у более опытных. А также и самому со смирением поделиться, на чем успел обжечься, или что почерпнул из сокровищницы церковного опыта.

«Наставляйте друг друга каждый день, — советует Апостол, — доколе можно говорить «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом», и особенно — своей мнимой праведностью, своей показной молитвенностью.

О Ангельском деле

Неделя вторая **Мк. 2, 1–12**
Евр. 1, 10–2, 3

Апостол Павел говорит о Господе Иисусе Христе, что Он несравненно выше Ангелов, ибо «кому из Ангелов сказал Бог: «седи одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног твоих»?

В то же время про Ангелов открыто, что они выше человека, что они «на небесах всегда видят лице Отца» Небесного (Мф. 18, 10), что они очень сильны, и во мгновение ока могут переноситься с места на место, что они утверждены в преданности Господу, и уже не могут отпасть.

Но при всех своих небесных свойствах, Ангелы, как открывает Апостол, это «служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение». Могущественные, бесплотные, они должны служить нам, грешным, плотским, постоянно спотыкающимся и отступающим от Бога!

А для нас-то самих прислуживать, угождать кому-то — какой тяжелый, порой невыносимый крест! Поступить в прислуги многими считается несовместимым с человеческим достоинством. Но Ангелы-то, чистейшие и мудрейшие нас, служат! И делают это с величайшей радостью и с величайшим усердием.

И ничего в этом удивительного нет. Кто на самом деле обогащается: тот, кому служат, или тот, кто сам служит? Тот, кому служат, порой служит лишь своим страстям. А тот, кто прислуживает, сколько приобретает такта, внимания, терпения! Надо угадывать желания, чувствовать, что хозяину приятно, а что раздражает. Настоящий слуга поистине уподобляется Ангелу, которого не видно, а видно только его дело, только помощь и поддержка в нужный момент.

И какая за этим скрывается сила! Послушная, кроткая, во всем угождающая мужу жена незаметно сама начинает им управлять. И сколько мы знаем примеров из истории и литературы, как умный, до тонкости знающий своего господина раб, на самом деле сам над ним господствует.

В житиях святых находим примеры еще высшего порядка. Один поступил в услужение к странствующему комедианту, безбожнику, и долгим терпением привел его к вере. Другой много лет служил расслабленному, жестокому и неблагодарному человеку, и тоже обратил его.

Можно вспомнить и Самого Господа, умывающего ноги своим ученикам.

А сегодня в Евангелии читаем, как несколько друзей решили услужить своему больному другу: принесли, и сквозь кровлю опустили к ногам Иисуса Христа. И благодаря их усердию и больной получил прощение грехов и исцеление, и все увидели славу Божию.

Поэтому не будем гнушаться делом услужения человеку, но — ценить и радоваться, когда Господь призовет к этому очень трудному, но поистине ангельскому делу.

О том, к нам ли пришел Господь?

Суббота третья **Мк. 2, 14–17**
Евр. 10, 32–38

Прошли почти три недели Великого поста. Мы потрудились, получили в таинстве покаяния прощение грехов, причастились Тела и Крови Христовых.

И только-только ощутили некоторый прилив духовного здоровья, как вдруг Господь говорит: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

Тогда эти слова были обращены к фарисеям, которые осудили Господа за то, что Он имел общение «с мытарями и грешниками». После этих слов считавшие себя праведниками должны были почувствовать, что всеми уважаемый Учитель не имеет к ним никакого отношения. Зато грешники должны были воспрянуть духом...

Трудно оставить грех, особенно если грехом зарабатываешь на жизнь. Порой ничего не остается, как только плакать. А от Господа не сокрыта ни одна слеза. Вот зашел мытарь между своими делами помолиться в храм, поплакал, а Господь уже приводит его в пример, противопоставляет видимым праведникам. И хотя этот мытарь еще не может оставить своего ремесла, Господь уже не забудет его слез.

Возможно, будущий Апостол Матфей и был тем самым мытарем, слезы которого подсмотрел Господь и рассказал о них в притче (Лк. 18). Но все же Матфей продолжал сидеть «у сбора пошлин». Тогда Господь Сам подошел к нему и сказал: «следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним».

А мы — кем себя считаем: праведниками или грешниками? Конечно, скажем: «грешниками», и даже «грешнейшими из всех людей». Но почему же мы вдруг остановились, стали оглядываться назад и по сторонам, с тайным удовлетворением, что вот, могу же и я! — Не так, как другие, «прочие человецы»...

Только почувствуешь себя здоровым, самоуверенным, как вдруг — словно Господь отвернулся, словно стал чужим: «Ты здоров, значит, Я тебе не нужен. Ты не грешник, значит, Я не к тебе пришел». И словно отнимается Его рука, все начинает рушиться.

Слова Господни о том, что Он пришел «призвать не праведников, но грешников к покаянию», должны для каждого христианина всегда звучать радостной вестью, словно Господь говорит тебе, как единственному: «Я пришел и пострадал только ради тебя. И только ради тебя еще раз приду на землю во славе».

Ну кто мог от лица всех грешников выразить такую дерзновенную надежду, что когда «Сам Господь» «сойдет с неба», мы «восхищены будем на облаках, в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4, 17)? Конечно же только тот, кто всю жизнь помнил и говорил, «что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15)!

О лежащем кресте

Неделя третья, **Мк. 8, 34–9, 1**
Крестопоклонная **Евр. 4, 14–5, 6**

Напомнив вчера, что Господь пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию, сегодня церковь выносит перед нами святой крест.

Дважды в году совершается вынос креста из алтаря на середину храма: в день Воздвижения, и сегодня, в Крестопоклонную неделю. Но тогда он воздвигается над людьми, торжественно и победоносно. А сегодня — «полагается» пред нами. Преступника сначала клали на лежащий крест и прибивали гвоздями, а потом этот крест поднимали.

Итак, крест лежит посреди храма. Из недр этого креста, как из неопалимой купины, звучит слово Божие: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною». Причем, всякого «себя»: не только плохого, но и «хорошего»: не только своих грехов и страстей, но и своей праведности, своих заслуг...

А чтобы отвергнуться себя, надо сначала придти в себя, как пришел в себя блудный сын (Лк. 15, 17). Вот он возвращается — грязный, все промотавший. Идет, по-видимому, бесстыдно пользоваться тем, что за это время приобретено и преумножено отцом и братом...

Но на самом деле он идет положить к ногам отца свое сыновство, и просить милости быть хотя бы наемником в его доме. Он распял не только свои страсти и свои былые влечения, но и свое достоинство, свою гордость.

Но и чтобы простить, тоже надо себя распять, забыть надругание над любовью, над заботой, над бесчисленными дарами. И отец тоже это делает. Но не в ответ на самораспятие сына. Любовь отца еще раньше, изначально распята, сердце его давно открыто, лишь бы сын вернулся.

Не смог себя распять лишь старший брат. Не смог отвергнуться себя, такого хорошего, преданного, никуда не уходившего, ни копейки не промотавшего. Он презирает и кающегося брата, и так легко прощающего отца.

Он вполне человек мира, человек «рода сего». В «роде сем» человек, это звучит гордо! Род сей говорит: как ты мо-

жешь унизиться и просить прощения? Как ты можешь вот так легко прощать? И даже просто носить на груди крест в «роде сем» стыдно: значит, показываешь слабость, сам на себя не надеешься. Да и надеешься-то на кого? На того, кто сам себя не мог защитить!

А Господь говорит: «Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами».

Человек приходит в себя, когда осознает, что именно ему, и никому другому предназначен этот лежащий посреди храма крест. Казалось бы, как никогда приблизились страдания. Но на самом деле «ныне ближе к нам спасение». Казалось бы, пришла ночь смерти, но на самом-то деле «ночь прошла, а день приблизился», и «наступил уже час пробудиться нам от сна». (Рим. 13, 11–12). И не взяв креста, невозможно «получить милость и обрести благодать для благовременной помощи».

Потому что лежащий перед нами крест, это одновременно и тот самый жертвенник, на котором Первосвященник великий прошел небеса с приношением Своей безгрешной плоти. И слово Божие побуждает приступать «с дерзновением» к этому «престолу благодати». Потому что этот Первосвященник может и «сострадать нам в немощах наших», так как Он, «подобно нам, искушен во всем, кроме греха».

О усопших

Суббота четвертая **Ин. 5, 24–30**
1 Кор. 15, 47–57

Три субботы Великого поста посвящены поминовению усопших. Слово Божие не оставляет «в неведении о умерших», не хочет, чтобы мы «скорбели, как прочие, не имеющие надежды» (1 Сол. 4, 13).

«Истинно, истинно говорю вам, — обращается к нам Господь. — Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

И вот уже эти два слова: «слушающий» и «верующий» способны пробудить надежду. Потому что Господь не говорит: «день и ночь слушающий» и «верующий совершенной верой», но просто — «слушающий» и «верующий». В этих словах и самое великое, и самое малое. Здесь и самые начатки, и совершенная вера, засвидетельствованная делами.

И мы, по церковному обычаю, отпеваем всех отшедших от нас крещеных людей, кто при жизни не был формально отлучен от церкви. Кто знает, может быть, хоть малое слово они когда-то услышали, и хоть какая-то вера зашевелилась в ответ?..

А далее Господь говорит: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут». «Наступает», и одновременно «настало уже», как две тысячи лет назад, так и сегодня. «Настало», потому что крестом уже открыта дверь небесных обителей. А «наступает», потому что каждому еще предстоит туда войти. «Настало» и «наступает», как Божье и человеческое, как совершившееся, и еще должное совершиться.

Мы знаем и то, что для одних будет «воскресение жизни», а для других «воскресение осуждения». Пусть каждый выбирает, что хочет. Мы же свой выбор сделали. В нашем Символе веры нет ничего ни об аде, ни о вечных муках. Не оглядываясь назад, мы все, стоя в храме, поем: «...Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

И Апостол Павел открывает «тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся». «Мы», — говорит Апостол, обращаясь к братьям христианам, — мы «восхищены будем на облаках, в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1Фесс. 4, 17). Он всех приглашает за собой, как и Сам Господь всех слушающих зовет к Себе. Господь говорит, что верующий и слушающий «и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь». Уже «перешел»!

И мы верим вместе с Апостолом, что в конце концов неизбежно «сбудется слово написанное: «поглощена смерть победою». «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа»?

и это время «наступает», и «настало уже». Оно настало для всех, но должно наступить и для каждого.

Мысль о последнем, страшном суде, не должна пронизывать страхом. Господь ищет не Своей воли, но воли пославшего Его Отца. А значит, суд Его основан на любви. И осуждение увидит только тот, кто так и не захочет этой любви увидеть.

О якоре

Неделя четвертая **Мк. 9, 17–31**
Евр. 6, 13–20

Господь после Своего славного Преображения спускается вниз. Там, на горе был глас Отца Небесного, были верные рабы Божьи, Илия и Моисей. Все было пронизано Божественным нетварным светом, силою Духа Святого.

Но вот подножие горы. Какая жалкая картина: кучка учеников, на которых наседают, споря с ними, враги Господни. Вокруг — толпа с любопытством ждет, чем это кончится.

Господь встает на защиту Своего малого стада, готовясь принимать удары врагов: «О чем спорите с ними»? — спрашивает Он книжников (Мк. 9, 14–16)...

А тут еще подошел человек со своим несчастьем: «Учитель! Я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет; говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и не могли».

Вот картина нашего мира: кто поумнее, только спорят друг с другом, и не могут помочь чужому горю. Те же, кто попроще, только с бессмысленным любопытством смотрят, кто кого переспорит. А бесы делают свое дело. Увидев все это после торжества Фаворской горы, Господь воскликнул: «О, род неверный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас»?

Да и отец больного отрока, хотя подошел к Иисусу Христу с какой-то надеждой, но чувствуется, что эта надежда — и самая маленькая, и самая последняя: «Если что можешь, сжалься над нами и помоги нам».

Но вдруг Господь на самого этого слабого человека перекладывает ответственность за происходящее: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему». И тогда в человеке что-то произошло. Он пробудился от оцепенения и «воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию». Он пришел в себя: понял и свое глубочайшее неверие, и возымел глубочайшее желание обрести веру. И Господь тут же «запретил духу нечистому». Дух же, «вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел».

Потом, на вопрос учеников, почему они не могли исцелить отрока, Господь ответил: «сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста». А ученики все только спорили. А когда спорим, не только не до поста и не до молитвы, но и последние силы теряем в этом бесплодном занятии.

Ну а надежда, хотя порой мала и незаметна, она, как «якорь безопасный и крепкий», входит туда, «куда предтечею за нас вошел Иисус».

И часто кресты над храмами имеют в подножии как бы полумесяц. Это именно полумесяц якоря. Кажется, понесла волна, одолело неверие, и вдруг — спасительный удар: якорная цепь натянулась: «Верую, Господи! Помоги моему неверию». И Господь на это отчаянное исповедание ничего не говорит, а просто совершает Свое дело.

О соответствии Писания и Предания

Благовещение **Лк. 1, 24–38, 49, 56**
Евр. 2, 11–18

«Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление». Сегодня такой день, когда небо соединилось с землею, когда Сын Божий стал Сыном Девы. Произошло это и по воле Божией, и по святости, по верности Богу Самой Девы Марии.

Через шесть месяцев после того, как престарелая Елизавета зачала Иоанна Крестителя, Архангел Гавриил был послан «в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария». И далее следует небольшой диалог, из которого открываются удивительные качества Божией избранницы.

Вообще о Деве Марии мы больше узнаем из церковного предания, из церковной истории. Нам известно, что с раннего детства Она воспитывалась в храме, жила во Святом Святых, где занималась молитвой, чтением Слова Божия и рукоделиями; что Ангелы посещали Ее, и что Она дала неслыханный тогда обет — навсегда пребыть девой. Протестанты спрашивают: а где это в Священном писании?.. А вот как раз в сегодняшнем коротеньком диалоге.

Архангел вошел к Ней. Но в отличии от Захарии, который, едва «увидев его, смутился, и страх напал на него» (Лк. 1, 12), Мария не испугалась. И Архангел не называет свое имя, как назвал Захарии. Это говорит о том, что Мария уже была «своя» в мире Ангелов, и явившийся не был Ей незнаком.

Смутилась Мария не от его вида, но от удивительного приветствия: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Но смутившись, Мария не смешалась, не потерялась. Она спокойно «размышляла, что бы это было за приветствие»? А как размышляет благочестивый человек? Он погружается умом в Священное писание, ищет там примеров, аналогий, ищет прямого ответа на возникший вопрос. Мария, очевидно, привыкла так делать, и всегда получала ответы. Но тут, мысленно пробегая историю великих мужей и жен древности, Она нигде не нашла, чтобы кто-то кого-то приветствовал такими удивительными словами. И отсюда Ее смущение. Она ничего не отвечает, потому что Ей нечего ответить; и ничего не спрашивает, потому что верит, что все, что Ей надо знать, непременно откроется.

И Архангел возвещает то необыкновенное, что Ей уготовано: «Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик, и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца».

Подумать только: именно Ей предназначено родить Того, Кого Сама же Она вместе со Своим народом с нетерпением ожидает!

Но Она задает странный вопрос: «Как будет это, когда Я мужа не знаю»? И Архангел не стал объяснять, что, дескать,

ты же для того и вступила в брак, чтобы познать мужа. Он признал законность вопроса. И отсюда ясно, что во-первых, Мария знала, что значит «знать мужа», а во-вторых, что Она дала обет не делать этого, и не собирается отступать даже ради рождения такого Сына!

Архангел не укорил Ее, как укорил Захарию, но объяснил, каким образом Мария соединит девство с рождеством: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя. Посему и рождаемое святое наречется Сыном Божиим».

То, что услышала Мария, было удивительным и непонятным. Но главное она поняла: нарушить данного Богу обета не придется. И поэтому Она с легким сердцем сказала: «Се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему».

Вот — путь святости, путь простой веры и преданности Богу. Бог совершит все свои великие дела. Он знает, как это сделать. От нас же требуется верность Ему в том, что в наших силах. А Господь, в частности, говорит: «Если дашь обет Господу Богу твоему, ... выполни его, ибо Господь Бог твой взыщет его с тебя, и на тебе будет грех... Что вышло из уст твоих, соблюдай и исполняй так, как обещал ты Господу Богу твоему» (Втор. 23, 21–23).

Господь ждет от нас глубокого погружения в Его Слово, во все то, что Сам Он открыл о Себе; Он ждет от нас выполнения Его заповедей; и — благоразумного и мудрого молчания, когда еще нечего сказать, и когда надо показать свое сердечное доверие Божьему о нас промыслу.

О шествии за Христом

Суббота пятая **Мк. 8, 27–30**
Евр. 9, 24–28

Во время Великого поста в церкви, в основном, читается послание «К Евреям». Сын Божий в первую очередь «пришел к Своим» (Ин. 1, 11), к тем, кому было «вверено слово Божие» (Рим. 3, 2), кому Бог «многократно и многообразно» говорил «в пророках» (Евр. 1, 1). И они должны были узнать пришедшего Мессию, Христа, Спасителя.

«Разве Израиль не знал?» (Рим. 10, 19) — вопрошает Апостол.

Господь говорит: «Исследуйте Писания, ибо ... они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5, 39). И: «если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5, 46). С такой определенностью говорит Господь!

А действительно, вспомним, что когда Моисей пересказывал народу о том, как строить скинию собрания, ковчег завета, жертвенник и другие священные предметы, он передал и такие Божьи слова: «Смотри, сделай их по тому образу, который показан тебе на горе» (Исх. 25, 40).

Что же показано было Моисею? Неужели только то, что он потом повелел выполнить из дерева, металлов и тканей? Кажется, нечто большее, потому что именно он со знанием и пониманием впоследствии говорил на Фаворской горе с Господом «об исходе его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лк. 9, 31). А все созданное руками мастеров призвано было устремлять сердца к этому будущему «исходу».

Ветхозаветное богослужение вводило народ в тайну искупления. Слова: «священник», «жертва», — были привычными и понятными. Ветхий завет пронизан потоками крови жертвенных животных. Но одновременно он пронизан и ощущением недостаточности этой крови для очищения человеческих грехов.

«Рукотворенное святилище» было устроено только «по образу истинного», в которое, когда исполнилась полнота времен, вошел уже Сам «Христос». И Он уже не как ветхозаветный «первосвященник входит во святилище». Тот входил «с чужою кровью». А Христос «явился для уничтожения греха жертвою Своею. И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение».

А заповедь о субботе должна была, кроме всего прочего, возводить души ко дню вечного блаженного покоя. Она была знамением между Богом «и сынами Израилевыми на веки, потому что в шесть дней сотворил Господь небо и землю, а в день седьмой почил и покоился» (Исх. 31, 17).

И только сквозь Ветхий завет и могло прозвучать свидетельство, сказанное Иоанном Крестителем своим ученикам: «Вот Агнец Божий, Который берет на себя грех мира».

И те ученики, которые усвоили дух Ветхого завета и чаяли того, к чему была устремлена вся ветхозаветная история, молча «пошли за Иисусом» (Ин. 1, 37), как за агнцем, назначенным в жертву. Пошли, чтобы и за них пролилась Его жертвенная кровь.

И мы, просвещенные Божественным писанием, тоже должны со страхом Божиим и верой идти вслед за Ним, к Его страстной седмице. Чтобы Его жертвенная кровь очистила и наши кающиеся души, и не пролилась бы мимо, на землю, на попрание людям и на посмеяние диаволу.

О подведении итогов

Неделя пятая **Мк. 10, 32–45**
Евр. 9, 11–14

Сегодня — последние новозаветные чтения перед Лазаревой субботой, с которой уже пойдет точный отсчет последних дней земной жизни Господа Иисуса Христа. Подведем некоторые итоги всему услышанному за это время.

В первую субботу поста строго-настрого напоминалось, что «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2, 27). Пост должен укреплять духовные силы и не подрывать сил физических. Он должен помогать думать о Боге, а не заставлять думать о чреве. Какая польза, если из последних сил угнетаем себя постом, и при этом мечтаем, когда же он, наконец, кончится?..

В первую неделю Господь обещал не оставлять нас и всячески укреплять: «Увидишь больше сего», — сказал Он Нафанаилу (Ин. 1, 50–51). И мы видели, как Он единым словом очистил прокаженного (Мк. 1, 40–42), исцелил бесноватого. Ученикам же при этом говорил, что и они смогут совершать такое, если будут укрепляться «постом и молитвой» (Мк. 9, 29).

Мы видели, как Господь исцелил расслабленного, принесенного на одре, и попутно напомнил, как важно собирать-

ся вместе для общего дела, молиться друг за друга. Ведь и расслабленного Господь исцелил, «видя веру» всех, кто его принес.

Господь предостерегал от возношения и от самообольщения. Считающие себя духовно здоровыми и праведными сразу выпадают из числа тех, к кому пришел Господь (Мк. 2, 14–17).

Но как трудно победить желание быть первым! Даже узнав о предстоящей катастрофе, ученики протискиваются поближе к Господу, чтобы сесть «одному по правую сторону, а другому» хотя бы «по левую в славе» Его. И Господь снова напоминает главное правило, которое никогда не подведет: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет вам рабом». Об этом Господь говорил и в Крестопоклонную неделю: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8, 34–35).

И еще сегодня мы слышали притчу о том, как «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят; но как они не имели, чем заплатить, он простил обоим». И вопрос: «который из них более возлюбит его»? Разумеется «тот, которому более простил».

Ты же весь пост молился Господу: «даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего». И если в начале думал, что тебе прощено пятьдесят динариев, а теперь понял, что все пятьсот, значит время Великого поста не прошло для тебя напрасно.

О том, почему Господь плакал

Суббота шестая, Лазарева **Ин. 11, 1–45**
Евр. 12, 28–13, 8

Сегодня вспоминаем, как Господь Иисус Христос воскресил святого праведного Лазаря, брата Марфы и Марии, о которых слышим во все Богородичные праздники.

Господь был за пределами Иудеи, когда «сестры послали сказать Ему: Господи! Вот, кого Ты любишь, болен». Кстати,

далее Евангелист подтверждает: «Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря». О себе Иоанн Богослов тоже говорит как о ученике, «которого любил Иисус» (Ин. 13, 23). Но неужели Бог, Который есть любовь, Который заповедал любить и врагов, может кого-то любить, а кого-то не любить?..

Дело, очевидно, в том, что каждый христианин должен понять и почувствовать, что Господь именно его любит больше всех. Марфа и Мария, как и Иоанн Богослов, открыли для себя эту тайну. Поэтому и послали сказать именно так.

Иисус промедлил два дня. Лишь когда Лазарь умер, Он «сказал ученикам: пойдем опять в Иудею». Ученики без восторга встретили это предложение: «Равви! Давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и ты опять идешь туда»? Иисус сказал, что Лазарь «уснул», и они спешат ухватиться за это: «если уснул, то выздоровеет».

И лишь когда Иисус прямо сказал, что Лазарь умер, но идти все равно надо, ученики с робостью двинулись вслед за Учителем. «Пойдем и мы умрем с Ним», — выразил общее настроение Фома.

Подходят к Вифании. Марфа, услышав, что Он идет, поспешила навстречу и сказала: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». В этих словах слышится укор: она знала, что Господь пошел не сразу. Но Марфа все равно верит: «Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог».

Однако на обещание Иисуса, что «воскреснет брат» ее, она отвечает: «Знаю, что воскреснет», но воскреснет «в последний день». Она верит, что Иисус есть «Сын Божий, грядущий в мир», но не может представить, что воскреснет четырехдневный мертвец!

Марфа позвала Марию. Мария пришла с тем же, что и Марфа: «Господи! Если бы ты был здесь, не умер бы брат мой». С нею Иисус уже и не говорит, как говорил с Марфой, не требует веры, видя, что она в безмерной печали.

Пришли ко гробу. Иисус велит отвалить камень от входа в погребальный склеп. Марфа, верная своей многозаботливости, пытается подсказать: «Господи! Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе». Господь же, воздав благодаре-

ние, «воззвал громким голосом: Лазарь! Гряди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет». И — сколь потрясающее было зрелище, когда родные, видя перед собой полностью завернутую мумию, снимают покров за покровом, постепенно обнажая дорогие, живые черты любимого брата и друга!

Но вернемся на мгновение назад, где перед гробом и ученики в страхе от грядущих опасностей, и плачущие сестры, и сострадающие друзья усопшего. Вокруг такая скорбь и уныние, что даже Иисус, Который знал, что Он сейчас совершит, и что «эта болезнь не к смерти, но к славе Божией», — и «Сам восскорбел духом» и «прослезился».

Как удивительно! Божественное знание, что жизнь победит смерть, не устраняет человеческой скорби и сострадания.

Иисус — и совершенный Бог, и совершенный Человек. А нормальный человек не может привыкнуть к смерти, не может считать ее естественным законом, хотя она и постигает всякое живое существо. Да человек и не имеет права к ней привыкать, потому что «Бог смерти не сотворил». Кто привык, тот и не ждет победы над нею.

А Господь Иисус Христос, как истинный Человек, и о чужой смерти плакал, и перед собственной молился до кровавого пота. Именно поэтому Он, как истинный Бог, и победил смерть.

О приближении Страстной седмицы

Неделя Ваий **Мф. 21, 1–11, 15–17**
Ин. 12, 1–18
Флп. 4, 4–9

Господь Иисус Христос за три года земной жизни совершил много чудес. Апостол Иоанн Богослов пишет, что «если бы писать о том подробно, то, думаю и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21, 25). Господь непрестанно являл Свою власть и над силами природы, и над стихиями, и над бесами.

И вот настал день, когда вся слава, все восхищение, вся благодарность как бы хлынули из берегов. Господь входит в

Иерусалим, и «весь город пришел в движение, и говорили: кто Сей»? Господь въезжает в город, сидя на молодом осле. А множество «народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге». Другие же «взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» Мало того: даже «из уст младенцев и грудных детей» раздавалась хвала.

В этот день и Святым Духом, и людьми торжественно провозглашалась справедливая оценка земных трудов Господа Иисуса Христа. Его земная жизнь достигла вершины славы, вершины успеха. Завтра уже начнется стремительное падение, пока не достигнет страстной пятницы. То, что накапливалось три года, расточится за несколько дней.

А пока — с какой надеждой переживают ученики славу Учителя! Какие планы строят на будущее!.. Но вскоре и они в страхе разбегутся и оставят Его одного и перед судом, и на кресте.

Но значение наступающих скорбных и бесславных дней несравненно выше: «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24).

Так, и в жизни каждого человека время заката несравненно важнее. Все, что мы в расцвете творческих сил даем людям, все это Господь мог бы дать и через кого-то другого. Он даже и из камней мог бы создать детей Аврааму (Мф. 3, 9). Но вот нести крест своего одиночества, бессилия, болезней может только сам человек, и никто за него этого сделать не может.

Поэтому пик своего торжества мы должны переживать с величайшим смирением, с ощущением непрочности, зыбкости человеческой славы. А вот своего страстного времени следует ожидать, как ждут истинного блага, истинного торжества и победы, которых уже никто не разрушит и не отнимет.

Когда приближается страстная седмица жизни, надо бы смотреть вперед, как смотрели вперед в юности: с радостным замиранием сердца. Помните, как это было? Впереди

вся жизнь, еще неизведанная, но такая заманчивая и полная счастья!

А тем более — сейчас, когда мы пришли в зрелый духовный возраст. Ведь сколько уже лет мы в церкви, сколько пережили Великих постов, и должны же, наконец, убедиться, что за страстной седмицей всегда и неизбежно следует Пасха, Светлое Христово Воскресение!

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА

О том, чтобы ничем не прельститься

Великий понедельник **Утр: Мф. 21, 18–43**
Лит: Мф. 24, 3–35

Покидая на ночь Иерусалим, Господь остановился с учениками на горе Елеонской. Открылся величественный вид на Иерусалимский храм, и ученики невольно воскликнули: «Учитель! Посмотри, какие камни, и какие здания» (Мк. 13, 1)!

Господь же вдруг сказал: «Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф. 24, 2). Подавленные ученики спросили: «Скажи нам, когда это будет, и какой признак Твоего пришествия и кончины века»?

И Господь начал говорить о тех временах, когда нынешний мир начнет «сворачиваться», «яко риза».

И самое первое, а значит и самое главное, что Он сказал: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас». Самое страшное, это принять ложь за истину. А как мы в своей самоуверенности этому подвержены! Мы ведь все знаем: где есть благодать, где нет; кто святой, кто нет; кто в раю, кто в аду. Мы осуждаем человека по первому навету, верим любой клевете. Мы трепещем, что нас хотят «сосчитать», «внести в компьютер», присвоить налоговый номер. И в то же время готовы голосовать за каждого, кто сам себя хвалит и обещает золотые горы! И это уже сейчас.

А что будет, когда коварство, обман, жестокость достигнут невиданной степени? Тогда, как говорит Господь, «мно-

гие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос». Придут не с пустыми руками, «дадут великие знамения и чудеса», какие и не снились, «чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

А уж как мы падки на чудеса! Чуть прослышим что-то где-то, летим туда, забыв, что весь мир — чудо, которое всегда перед нами.

Господь говорит, что даже «если кто скажет вам: «вот, здесь Христос», или «там», не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки» и будут манить в пустыни, в потаенные комнаты, в подвалы, в секты, в общины «чистых», «истинных» христиан.

А любовь до того «охладеет», и до того «во многих», что даже двое или трое не смогут собраться действительно во имя Христа, чтобы Христос был посреди. Все будет получаться или трудовой коллектив, или социальная ниша для одиноких людей, или ревнивая толпа почитателей замечательного батюшки.

А для тех, кто ничем не прельстится, кто сохранит жажду истины, жажду Христа, — вдруг, «как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие» Его.

И тут уже не оглядывайся ни назад, ни друг на друга; «кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои»...

А уж когда именно это будет — не наша забота. У Господа один день, как тысяча лет. Вспомним Симеона Богоприимца, как он нес крест своего одиночества сквозь поколения, был чужд всему на земле, и жил одним только чаянием: когда-то, все равно когда — увидеть Его.

О свойствах прельстителей

Великий вторник **Утр. : Мф. 22, 15–23, 39**
Лит. : Мф. 24, 36–26, 2

В беседе о последних временах — первое, от чего предостерегает Господь, это: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас» (Мф. 24, 4). Прельстители будут всегда, и в каждое время у них свои особенности. Но есть для всех и нечто общее,

в чем Господь только что обличал Своих современников, которые самозванно уселись «на Моисеевом седалище».

Во-первых, всегда надо отличать слова от дел, и дела от слов, и оценивать то и другое в отдельности. Иначе говоря, «все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте». Совершенных людей нет, и надо беречься соблазна — отвергнуть учение, лукаво ссылаясь на то, что сам проповедник его не соблюдает. От неприятного человека тоже можно услышать мудрое слово, и увидеть достойное подражания дело.

Но всегда должно настораживать, когда на тебя пытаются взвалить «бремена тяжелые и неудобоносимые», когда не хотят видеть твоих сил и возможностей. Прочитаешь иную книгу, и в отчаянии скажешь: «если все так, то спастись невозможно»! Но разве, прочитав Евангелие, так скажешь? В Евангелии — дух живой любви. Господь хочет милости, «а не жертвы» (Мф. 9, 13); милостыни, а не десятины; а для начала — хотя бы чаши холодной воды (Мф. 10, 42). Все прочитанное и услышанное надо тщательно сличать с евангельским духом.

Должно настораживать и благочестие, когда оно слишком уж режет глаза. Господь неоднократно говорил, что истинное благочестие всегда в тайне, всегда только для Небесного Отца. Если же все подчеркнуто на виду, то за этим обязательно скрывается корысть. За всем внешне очень уж привлекательным, как за раскрашенными гробами, могут скрываться «мертвые кости и всякая нечистота».

Не должна обольщать и повышенная миссионерская активность, когда обходят «море и сушу, дабы обратить хотя одного». На самом деле это может вести лишь к тому, чтобы сделать новообращенного «сыном геенны, вдвое худшим», чем сам миссионер. Сектанты не сидят на месте, они ходят по домам, пристают на улице. Для всякого ложного учения, которое не может дать истинного блага своим последователям, свойственно устремляться во все стороны, чтобы привлекать новых и новых членов в свою западню.

Господь предостерегает и от тех, которые любят величаться высокими словами: «Учитель»! «Наставник»! «Отец»!

Например, кто спешит объявить себя твоим «духовным отцом». А ты не спеши. Порой проходит очень много времени, пока откроется, кто поистине твой духовный отец во Христе Иисусе, в нашем единственном Небесном Отце.

«Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас», — говорит Господь. А прельстители не только себя могут выдавать за кого-то великого. Они могут и в нас пробуждать самоуверенность и тщеславие. Так, желая спровоцировать Иисуса Христа на поспешное суждение, давать или не давать подать кесарю, фарисеи сначала польстили: «Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо». Как легко после этих слов сказать что-нибудь необдуманное, к своей же погибели!

Внезапное «пришествие Сына Человеческого» все обнажит, все поставит на свои места. Так магнит выхватывает из земли крупицы железа: «будут двое в поле: один берется, а другой оставляется. Две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется».

И конечно же, будут двое молящихся; двое проповедующих; двое учащих; двое называемых «отцами». Листва пышная, а плодов нет. «Иду, государь», а сам не пошел.

И снова — Господни слова, позволяющие распознавать истинное величие и избежать как прельщения, так и самопрельщения: «Больший из вас да будет вам слуга. Ибо, кто возвышает сам себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится».

О Иуде Искариоте

Великая среда **Утр. : Ин. 12, 17–50**
Лит. : Мф. 26, 6–16

В среду Господь сказал ученикам: «Вы знаете, что чрез два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие» (Мф. 26, 2).

Этими словами были развязаны силы зла. Именно после этих слов «собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и

убить» (Мф. 26, 3–4). Именно после этих слов и Иуда «пошел к первосвященникам и сказал: «что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников; и с того времени он искал удобного случая предать Его».

О поступке Иуды есть разные суждения. Некоторые даже считают его самым верным учеником. Чтобы совершилось дело нашего спасения, кто-то должен был предать. Иуда понял, и сознательно взял на себя эту черную, но необходимую работу...

Но все гораздо проще. Священное писание прямо говорит об Иуде, что он был обыкновенный вор. Богослужебное предание тоже воспринимает Иуду как одержимого страстью сребролюбия: «Егда славные ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Иуда злочестивый, сребролюбием недуговав, омрачашеся, и беззаконным судиям Тебе, праведнаго судию, предает».

Эта Иудина страсть испытала особенное потрясение, когда на вечери, накануне входа в Иерусалим, к Иисусу подошла Мария с «сосудом мира драгоценного, и возливала Ему, возлежащему, на голову». Иуда от всего сердца возмутился: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим»?! А Иоанн Богослов тут-то и объясняет истинные причины этого «благородного возмущения»: «Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик», и ему, очевидно, не давало покоя «что туда опускали» (Ин. 12, 6).

Наверное, воображение Иуды настолько было захвачено столь близкими и ускользнувшими деньгами, что он любой ценой хотел вернуть их. А тут еще и Сам Иисус говорит, что Ему надлежит быть предану и убиту, и даже что Он уже приготовлен к погребению. Вот возможность сделать сразу два «полезных» дела: и ускорить исторический процесс, и заработать на этом. Некоторые философы так и учат: «падающего подтолкни»!

Но для чего же Господь приблизил к Себе Иуду? Конечно же, чтобы исцелить. Исцелить всем тем, что сделал для него,

что дал увидеть и услышать. Но свободную волю, упорно направленную к злу, даже Бог не может преодолеть.

Если человек стал рабом страсти, она постепенно выжигает все остатки добра. Увидев, что Учитель осужден, Иуда испытывает раскаяние (Мф. 27, 3–6). Он хочет расторгнуть сделку, и тем самым снять с себя вину. Он протягивает деньги и говорит: «Согрешил я, предав кровь невинную». Но старейшины отказываются брать: «Что нам до того? Смотри сам». Ну что же, вот и повод. И раскаялся, и деньги возвращать не надо. Но голос совести продолжает говорить: «Брось эти кровавые деньги».

Тогда Иуда бросает «сребреники в храме». Но вот этого он уже не выдержал. Нельзя, как говорится, наступать на горло собственной песне. Именно после этого, невыносимого для него деяния, он «пошел и удавился».

Есть поговорка: и за копейку удавится, такой человек!..

Иные же считают, что Иуда по-настоящему раскаялся, но в отличие от Петра впал в отчаяние. Это предположение возвышает образ Иуды, потому что отчаяние не столь презренная страсть, как сребролюбие. Отчаяние все же говорит о глубине осознания падения, что не может не вызвать сочувствия.

Но имеем ли мы право оправдывать или смягчать вину, если Сам всемилостивый Господь уже произнес приговор? Какое, например, мы имеем право защищать человеческий род, который Бог погубил всемирным потопом? Или те народы, Которые Он потом повелевал уничтожать полностью, до одного человека (Втор. 7, 2)?

Так и о грехе Иуды Господь сказал: «Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26, 24)!

И святая церковь из года в год в эти страстные дни, с ужасом указывая на Иуду, повторяет и повторяет всем, прилепившимся к земному: «Виждь, имений рачителю, сих ради удавление употребивша»! Смотри, все силы кладущий на приобретение и умножение имений: именно из-за этого че-

ловек удавился. Вот куда ведет и твоя ненасытность. Но ты «бежи несытыя души, Учителю таковая дерзнувшия.

Иже о все благий, Господи, слава Тебе!»

О Тайной вечери

Великий четверг

Лк. 22, 1–39
1 Кор. 11, 23–32
Мф. 26, 1–20
Ин. 13, 3–17

Сегодня день, когда Господь во время празднования ветхозаветной пасхи установил таинство Пасхи новозаветной, таинство Евхаристии, таинство Его Тела и Крови.

Незадолго до этого над Господом, еще живым, был совершен, словно над уже усопшим, обряд приготовления к погребению. Это невольно сделала Мария, сестра Марфы, возлив на Него миро. Это было настолько важно, что Господь сказал, и все четыре Евангелиста повторяют: «Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала».

А на самой пасхальной вечери Господь первым делом «взяв полотенце, препоясался; потом влил воды в умывальницу, и» стал делать нечто немыслимое в любом сообществе, где есть учитель и ученики. Он «начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан»!

Сначала подошел к Петру. Петр был готов на все для Учителя. Он бы с радостью сам омыл Ему ноги. А тут ужаснулся: «Господи! Тебе ли умывать мои ноги? ... Не умоешь ног моих вовек»!

Но Господь и Петру, и вообще всем желающим быть с Ним поставил одно непременное условие: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». Если не примешь Моего рабского служения тебе, ты Мне чужой!

Петр из этого понял только одно: не иметь части с любимым Господом и Учителем — погибель. И если уж таково условие, то — «Господи! не только ноги мои, но и руки и голову».

А дальше пришло время вспомнить и другие, еще ранее сказанные Господом, еще более непонятные и страшные слова: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 53–54).

И вот теперь Господь, «взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов». А поскольку это сказал Тот же, Кто единым словом вызвал из небытия весь мир, то можем ли мы сомневаться, что хлеб и вино тут же сделались Его истинными Телом и Кровью?

А чтобы это продолжалось вовек, Господь постановил: «сие творите в мое воспоминание».

Вот оно — главное таинство церкви: мы все вместе, Христос посреди, и питает Своими Телом и Кровью! И это еще страшнее, чем принять умовение ног.

Когда мы приступаем к этому таинству, что здесь: неслыханная дерзость или сверхъестественное смирение? Чтобы было второе, а не первое, Апостол предостерегает: «Кто будет есть Хлеб сей или пить Чашу сию Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от Хлеба сего и пьет из Чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем».

Но при всем этом не отгоняет нас Апостол от Чаши, не говорит «не приступайте», мол, все равно нет у вас сверхъестественного смирения, а значит будет неслыханная дерзость. Приступайте. Но только будьте готовы ко всему: и к исцелению, и к усилению болезни, и к радости, и к скорби. И к самой смерти. И к тому, что будут укорять: вот, часто причащается, святой нашелся!

А приступив, нельзя оглядываться назад, мол, а вдруг я причастился недостойно? Смотреть надо все время вперед.

И приступая, молимся: «да не в суд или во осуждение будет мне причащение пречистых Твоих таин» (Молитва перед причащением). И приступив, тоже — вперед: «...и сподоби мя до последнего издыхания, неосужденно приимати пречистых Таин освящение...» (Благодарственная молитва).

И если вдруг за недостоинство все же постигнет нечто, то ведь для того мы только и «наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром».

О Разбойнике и о Петре

Великая пятница

В этот день, когда Господь Иисус Христос был распят, — и на утрени, и на царских часах, и на вечерне, — читаются в разном порядке Евангелия о Его Страстях. Все время перед нами крест и люди вокруг креста.

Когда-то Симеон Богоприимец взял на руки младенца Иисуса и сказал: «се, лежит сей на падение и на восстание многих в Израиле» (Лк. 2, 34). А из чего вообще состоит жизнь, как не из падений и восстаний? А перед Крестом — особенно.

Ученики, уже делившие главные места в Царствии, в страхе бегут, оставив схваченного Царя. Палачи делят Его одежды. А бывшие до сих пор «страха ради иудейска» в тени — вдруг разгибаются, сбрасывая страх, и дерзают идти к Пилату просить для погребения тело казненного!

Сотник, который, может быть, сам вбивал гвозди в руки и ноги Иисуса Христа, вдруг увидел, как Иисус на кресте «возгласив, испустил дух». Это так его поразило, что он «сказал: истинно Человек сей был Сын Божий».

Рядом с Единым Безгрешным два разбойника, распятые за свои преступления. Все трое в смертных муках. Но сердце одного от этого еще более окаменевает. Ему еще тяжелее оттого, что рядом бредит этот сумасшедший, со своими претензиями на царское достоинство. И он присоединяется к злобной толпе, стоящей перед крестом: «Если Ты Христос, спаси себя и нас»!

А сердце другого наоборот, как бы отогревается. Только что единодушный со своим собратом (Мф. 27, 44), он вдруг

осознает и справедливость своей казни, и глубочайшую несправедливость казни Иисуса, и даже начинает увещевать своего товарища: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал». И сквозь предсмертные страдания он находит силы сказать Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»

Что это? Истинное прозрение? Или просто желание утешить «ненормального», который возомнил себя царем, а сам и с креста сойти не может?.. Но и в том, и в другом случае он достоин услышать: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». (Лк. 23, 39—43).

Рассказывают, что однажды один священник в Великую пятницу во время выноса Плащаницы сказал такую короткую и исчерпывающую проповедь: «Братия! Будем плакать»!

Но как плакать? Конечно, не так, как иерусалимские женщины, которые просто сочувствовали страданиям молодого красивого человека.

Не можем мы уподобиться и Апостолам, «плачущим и рыдающим». Потому что не можем даже представить себе того горя, в котором они пребывали до самого воскресения Христова!

Но все мы и можем, и должны плакать, как плакал будущий апостол Петр. Он обещал верность до смерти (Мф. 26, 35), и вдруг — троекратно с клятвой отрекся! Он даже не сразу понял, что сделал. Лишь когда пропел петух, он пришел в себя, «и вышед вон, плакал горько». Или как пишет Марк: «и начал плакать». Начал. А когда перестал? Говорят, всю жизнь плакал, слыша пение петуха.

И мы, спустя две тысячи лет, плачем. И сколько приходится выслушивать историй, подобных Петровой! Одна женщина рассказывала, как во времена, не столь отдаленные, на собрании ее спросили: «Ну разве может нормальный человек верить в Бога»? — Она поспешно согласилась. А потом пришла домой и стала читать очередное Евангелие, по календарю. И как раз попалось ей отречение Петра. И как раз, — а она совсем забыла об этом, — была страстная пятница. И как же она «начала плакать»! Поистине, как тогда на Петра, «Господь, обратившись, взглянул» и на нее. (Лк. 22, 61).

Об отречении Петра пишут все четыре Евангелиста. И несомненно каждый из них плакал, выводя эти слова. Каждый чувствовал, что и с ним могло случиться подобное.

Наверняка плакал и Иоанн Богослов, хотя он один из всех был и во дворе, и потом у креста. «Ну и что же, — наверное думал он, — просто я «был знаком первосвященнику», а никакой тут заслуги моей нет».

О тех, кто твердо стоит и не падает, одно можно с уверенностью сказать: сколько же в них должно быть смирения и сочувствия к падшим! Ведь давно уже замечено, что «погибели предшествует гордость, а падению — надменность» (Притч. 16, 18), и что «пред падением возносится сердце человека, а смирение предшествует славе» (Притч. 18, 13).

Особенно перед Крестом.

О самом длинном вечере

Великая суббота **Мф. 28, 1–20**
Рим. 6, 3–11

Великая суббота — самый длинный, самый удивительный, самый насыщенный день церковного года. На утрени Великой субботы совершается чин погребения Спасителя. Мы обносим вокруг храма тело нашего Господа, полагаем, как во гробе, в середине храма.

Тут же вспоминаем последнее деяние врагов Христовых, которые пришли к Пилату и сказали: «Господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну». Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня». Пилат повелел. «Они пошли, и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать». Кажется, все кончено.

Но начинается Вечерня Великой субботы. Особенность этой службы — пятнадцать паремий, то есть избранных чтений из ветхозаветной истории. Медленно проходят картины сотворения мира, примеры Божьего промысла о человечестве, установление Ветхозаветной Пасхи, пророчества о грядущем Спасителе, примеры воскрешения мертвых пророками.

Вообще — удивительная вещь наше Богослужение. Перед нами вся история мира. С нами здесь реально присутствуют, как с Господом на Фаворе, и — чающие пришествия Христова пророки, и потерявшие Его Апостолы; здесь же и мы, уже знающие о Его воскресении. Все «здесь», все «ныне».

В древней церкви в Великую субботу крестили тех, кто весь пост готовился не только к празднику Воскресения Христова, но и к своему собственному воскресению во Христе. И вот, представим себе: кончаются паремии, звучит торжественное пение «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся», и в белых одеждах входят только что крестившиеся!..

Что переживали остальные верные, когда Христос умер, и вдруг входят эти воскресшие? Как остро вспоминается здесь Евангелие от Матфея: «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим» (Мф. 27, 51–53).

И вся церковь слушает крещальный Апостол, который напоминает, насколько в святом крещении нити жизней христиан сплетаются в единый жгут с жизнью и смертью Господа Иисуса Христа, и друг с другом: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения».

После Апостола звучит прокимен: «Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наследиши во всех языцех». Он звучит несколько раз, к нему поются четыре стиха, и в это время и священнослужители, и все в алтаре переоблачается из черных, постовых, в белые одеяния.

Это переломный момент службы, и он совершается как бы в тайне. Еще продолжается пост. Мироносицы только отправились ко гробу, чтобы с плачем помазать миром тело погребенного Иисуса.

А в это время в темноте ночи «сделалось великое землетрясение; ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем». Уже охранявшие гроб воины от ужаса «стали как мертвые», но мироносицы только еще идут туда.

В храме уже звучит воскресное Евангелие, в том числе и слова Христовы, что дана Ему «всякая власть на небе и на земле». Но это еще только «Ангели поют на небеси» воскресение Христово. А мы вместе с мироносицами все еще идем ко гробу, и пост еще продолжается.

Великая суббота, это удивительное время, когда уже совершилось, но еще не открылось. Вечерня и должна бы совершаться вечером, за несколько часов до утрени Светлого Христова воскресения. Но по нашей традиции она совершается или ранним утром в субботу, или даже в ночь с пятница на субботу. Весь этот день люди идут в храмы освящать пасхальную трапезу. Вся суббота как бы превращается в один долгий вечер. Солнце этой субботы, словно останавливается, как во времена Иисуса Навина, но не посреди неба, а перед восходом, и всходит уже только в день Воскресения. И весь этот день озарен тихим предрассветным светом.

И все это время «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси»... Мироносицы все идут, и идут ко святому Гробу. У нас же в сердцах не смолкает: «...и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити»! **Аминь**.

УКАЗАТЕЛЬ СТРАНИЦ ПРОПОВЕДЕЙ НА СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ И АПОСТОЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ

Евангелие от Матфея

(глава, стих ..... страница)

1, 1–25 441
2, 1–12 442
2, 13–23 445
3, 1–11 468
3, 13–17 471
4, 1–11 473
4, 12–17 475
4, 18–23 120
4, 25–5, 13 99
5, 20–26 101
5, 27–32 103
5, 33–41 104
5, 42–48 106
6, 1–13 547
6, 14–21 549
6, 22–33 132
6, 31–34; 7, 9–11 109
7, 1–8 118
7, 15–21 111
7, 21–23 112
7, 24- 8, 4 131
8, 5–13 144
8, 14–23 142
8, 23–27 115
8, 28–9, 1 156
9, 1–8 168
9, 9–13 155
9, 14–17 117
9, 18–26 166
9, 27–35 179
9, 36- 10, 8 121
10, 16–22 126
10, 23–31 127
10, 32–33; 37–38; 19, 27–30.. 108
10, 32–36; 11, 1 129
10, 37–11, 1 178
10, 37–11, 1 254
10, 9–15 125
11, 16–20 135
11, 2–12 134
11, 20–26 137
11, 27–30 139
12, 1–8 140
12, 9–13 145
12, 14- 16; 22–30 147
12, 15–21 444
12, 38–45 149
13, 24–30 160
13, 10–23 158
13, 24–30; 36–43 359
13, 31–36 162
13, 36–43 163

13, 4–9 153
13, 44–54 165
13, 54–58 169
14, 1–13 171
14, 14–22 192
14, 22–34 205
14, 35–15, 11 172
14, 46- 15, 3 151
15, 12–21 174
15, 21–28 309
15, 29–31 176
15, 32–39 202
16, 1–6 181
16, 13–19 123
16, 20–24 184
16, 24–28 185
16, 6–12 182
17, 1–9 187
17, 10–18 189
17, 14–23 216
17, 24–18, 4 214
18, 1–11 194
18, 10–20 97
18, 18–22;19, 1–2, 13–15 .. 196
18, 23–35 227
19, 16–26 239
19, 3–12 225
20, 1–16 197
20, 17–28 199
20, 29–34 236
21, 1–11, 15–17 570
21, 12–14, 17–20 200
21, 18–22 206
21, 18–43 572
21, 23–27 208
21, 28–32 209
21, 33–42 252
21, 43–46 211
22, 1–14 269
22, 15–22 250
22, 23–33 213
22, 35–46 283
22, 15–23, 39 573
23, 1–12 268
23, 13–22 218
23, 23–28 219
23, 29–39 221
24, 1–13 281
24, 3–35 572
24, 13–28 222
24, 27–33, 42–51 224
24, 34–44 294
24, 36–26, 2 573
25, 1–13 307
25, 14–30 296
25, 31–46 541
26, 1–20 578
26, 6–16 575
28, 1–20 582

Евангелие от Марка

(глава, стих ..... страница)

1, 1–8 469
1, 16–22 230
1, 23–28 231
1, 29–35 233
1, 35–44 554
1, 9–15 229
2, 1–12 556
2, 14–17 557

2, 18–22 235
2, 23–3, 5 551
3, 13–19 242
3, 20–27 245
3, 28–35 247
3, 6–12 240
4, 1–9 248
4, 10–23 253
4, 24–34 262
4, 35–41 264
5, 1–20 266
5, 22–24, 35–6, 1 267
5, 24–34 271
6, 1–7 273
6, 14–30 237
6, 30–45 278
6, 45–53 280
6, 54–7, 8 285
6, 7–13 275
7, 14–24 289
7, 24–30 290
7, 5–16 287
8, 1–10 292
8, 11–21 463
8, 22–2 465
8, 27–30 565
8, 30–34 467
8, 34–9, 1 261
8, 34–9, 1 559
9, 10–16 476
9, 17–31 562
9, 33–41 478
9, 42–10, 1 483
10, 1–16 487
10, 17–27 488
10, 2–12 485
10, 23–32 490
10, 32–45 567
10, 46–52 298
10, 46–52 494
11, 1–11 531
11, 11–23 299
11, 11–23 495
11, 23–26 302
11, 23–26 497
11, 27–33 304
11, 27–33 498
12, 1–12 305
12, 1–12 500
12, 13–17 505
12, 18–87 507
12, 28–37 508
12, 38–44 510
13, 1–8 512
13, 14–23 519
13, 24–31 522
13, 31–14, 2 524
13, 9–13 518
14, 10–42 533
14, 3–9 525
14, 43–15, 1 534
15, 1–18 536
15, 22–25, 33–41 538
15, 43–16, 8 33

Евангелие от Луки

(глава, стих ..... страница)

1, 24–38, 49, 56 563
1, 5–25 276
1, 5–25, 57–68, 76, 80 114
1, 39–49, 56 243

2, 20–21 458
2, 22–40 521
3, 19–22 310
3, 23–4, 1 312
4, 1–15 314
4, 16–22 316
4, 22–30 318
4, 32–36 320
4, 37–44 323
5, 1–11 321
5, 12–16 325
5, 17–26 333
5, 27–32 345
5, 33–39 327
6, 1–10 357
6, 12–19 328
6, 17–23 330
6, 24–30 336
6, 31–36 334
6, 37–45 338
6, 46–7, 1 339
7, 11–16 347
7, 17–30 341
7, 17–30 343
7, 2–10 371
7, 36–53 349
8, 15–21 383
8, 22–25 351
8, 22–25 353
8, 26–39 386
8, 41–56 397
8, 5–15 361
9, 1–6 395
9, 12–18 356
9, 18–20 363
9, 23–27 365
9, 37–43 406
9, 44–55 366
9, 49–56 368
9, 57–62 417
9, 7–11 354
10, 1–15 369
10, 16–21 359
10, 19–21 428
10, 22–24 375
10, 25–37 408
10, 38–42, 11, 27–28 203
10, 38–42; 27–28 385
10, 38–42;11, 27–28 243
11, 1–10 376
11, 9–13 379
11, 23–26 381
11, 14–23 380
11, 29–33 388
11, 34–41 389
11, 42–46 391
11, 47–12, 1 392
12, 13–15, 25–31 398
12, 16–21 419
12, 2–12 394
12, 32–40 447
12, 42–48 400
12, 48–59 401
13, 1–9 403
13, 10–17 430
13, 18–29 439
13, 18–29 460
13, 31–35 404
14, 1–11 480
14, 12–15 410
14, 16–24 448
14, 25–35 411
15, 1–10 413
15, 11–32 528

16, 1–9 414
16, 10–15 491
16, 15–18; 17, 1–4 416
16, 19–31 372
17, 12–19 462
17, 20–25 421
17, 26–37 422
17, 3–10 501
18, 10–14 515
18, 15–17, 26–30 424
18, 18–27 482
18, 2–8 514
18, 31–34 425
18, 35–43 492
19, 1–10 503
19, 12–28 427
19, 29–40; 22, 7–39 543
19, 37–44 431
19, 45–48 432
20, 1–8 434
20, 19–26 438
20, 27–44 450
20, 45–21, 4 527
20, 9–18 436
21, 12–19 452
21, 28–33 455
21, 37–22, 8 456
21, 5–7, 10–11, 20–24 453
21, 8–9, 25–27, 33–36 539
22, 1–39 578
22, 39–42; 45–23, 1 545
23, 1–34; 44–56 546
24, 12-35 13
24, 36–53 74

Евангелие от Иоанна

(глава, стих ..... страница)

1, 35–51 14
1, 18–28 11
1, 43–51 552
2, 1–11 22
2, 12–22 17
3, 1–15 15
3, 13–17 256
3, 16–21 24
3, 22–23 19
4, 5–42 55
5, 1–15 44
5, 17–24 26
5, 24–30 560
5, 24–30 539
6, 14–27 31
6, 27–33 36
6, 35–39 38
6, 40–44 40
6, 5–14 61
6, 56–69 45
7, 14–30 49
7, 37–52, 8, 12 93
7, 37–52; 8, 12 95
8, 12–20 50
8, 21–30 52
8, 21–30 259
8, 31–42 53
8, 42–51 57
8, 51–59 59
9, 1–38 68
9, 39–10, 9 62
10, 17–28 64

10, 27–38 66
11, 1–45 568
11, 47–57 70
12, 1–18 570
12, 17–50 575
12, 19–36 71
12, 28–36, 19, 6–11, ... 258
12, 36–47 73
13, 3–17 578
14, 1–11 76
14, 10–21 78
14, 27–15, 7 82
15, 17–16, ... 43
16, 15–23 86
16, 2–13 83
16, 23–33 88
17, 1–3 80
17, 18–26 90
19, 13–20, 25–28, 30–35 258
20, 19–31 21
21, 15–25 91
21, 15–25 123

Деян. 1, 1–12 74
Деян. 1, 12–17, 21–26 11
Деян. 2, 1–11 93
Деян. 2, 1–11 95
Деян. 2, 14-21 13
Деян. 2, 22–36 14
Деян. 3, 11–16 19
Деян. 3, 19–26 22
Деян. 4, 13–22 26
Деян. 4, 23–31 27
Деян. 5, 1–11 29
Деян. 5, 21–33 31
Деян. 6, 8–7, 5, 47–60 34
Деян. 8, 18–25 38
Деян. 8, 26–39 40
Деян. 8, 40–9, 19 41
Деян. 9, 20–31 43
Деян. 10, 21–23 47
Деян. 10, 34–43 50
Деян. 13, 13–24 61
Деян. 13, 25–31 237
Деян. 14, 6–18 49
Деян. 15, 5–34 64
Деян. 16, 16–34 68
Деян. 18, 22–28 73
Деян. 20, 16–18, 28–36 80
Деян. 20, 7–12 78
Деян. 21, 26–32 85
Деян. 21, 8–14 82
Деян. 23, 1–11 86
Деян. 27, 11–44 90
Деян. 28, 1–31 91

Иак. 1, 1–18 487
Иак. 1, 19–27 488
Иак. 2, 1–13 490
Иак. 2, 14–26 494
Иак. 3, 1–10 495
Иак. 3, 11–4, 6 497
Иак. 4, 7–5, 9 498

1 Пет. 1, 1–2, 10–12; 2, 6–10 500
1 Пет. 2, 21–3, 9 505
1 Пет. 3, 10–22 507
1 Пет. 4, 1–11 508
1 Пет. 4, 12–5, 5 510

2 Пет. 1, 1–10 512
2 Пет. 1, 20–2, 9 518
2 Пет. 2, 9–22 519
2 Пет. 3, 1–16 522
2 Пет. 1, 10–19 187

1 Ин. 1, 8–2, 6 524
1 Ин. 2, 18–3, 10 531
1 Ин. 2, 7–17 525
1 Ин. 3, 11–20 533
1 Ин. 3, 21–4, 6 534
1 Ин. 4, 20–5, 21 536
2 Ин. 1, 1–13 538
3 Ин. 1, 1–15 543
3 Ин. 1, 1–15 543

Иуд. 1, 1–10 545
Иуд. 1, 11–25 546

Рим. 1, 18–27 101
Рим. 1, 28–2, 9 103
Рим. 1, 7–12 106
Рим. 2, 10–16 120
Рим. 2, 14–29 104
Рим. 2, 28–3, 9 109
Рим. 3, 19–26 118
Рим. 3, 28- 4, 3 131
Рим. 4, 13–25 112
Рим. 4, 4–12 111
Рим. 5, 1–10 132
Рим. 5, 10–16 115
Рим. 5, 17–6, 2 117
Рим. 6, 3–11 582
Рим. 6, 11–17 142
Рим. 7, 1–13 121
Рим. 7, 14–8, 2 125
Рим. 8, 14–21 155
Рим. 8, 2–13 126
Рим. 8, 22–27 127
Рим. 9, 1–5 166
Рим. 9, 18–33 134
Рим. 9, 6–19 129
Рим. 10, 1–10 156
Рим. 10, 11–11, 2 135
Рим. 11, 13–24 139
Рим. 11, 2–12 137
Рим. 11, 25–36 140
Рим. 12, 1–3 178
Рим. 12, 4–5, 15–21 145
Рим. 12, 6–14 168
Рим. 13, 1–10 190
Рим. 13, 12–14, 4 114
Рим. 13, 11–14, 4 549
Рим. 14, 6–9 202
Рим. 14, 9–18 147
Рим. 14, 19–26 547
Рим. 15, 1–7 179
Рим. 15, 17–29 151
Рим. 15, 7–16 149
Рим. 15, 30–33 214
Рим. 16, 1–16 153
Рим. 16, 17–24 158

1 Кор. 1, 3–9 225
1 Кор. 1, 1–9 160
1 Кор. 1, 10–18 192
1 Кор. 1, 18–24 258
1 Кор. 1, 26–29 236
1 Кор. 1, 26–29 259
1 Кор. 2, 6–9 250
1 Кор. 2, 6–9 254
1 Кор. 2, 9–3, 8 162
1 Кор. 3, 18–23 163
1 Кор. 3, 9–17 205
1 Кор. 4, 1–5 268
1 Кор. 4, 17–5, 5 281
1 Кор. 4, 5–8 165
1 Кор. 4, 9–16 216
1 Кор. 6, 20–7, 12 171
1 Кор. 6, 9–5, 11 169
1 Кор. 6, 12–20 528
1 Кор. 7, 12–24 172
1 Кор. 7, 24–35 174
1 Кор. 7, 35–8, 7 176
1 Кор. 8, 8–9, 2 541
1 Кор. 9, 2–12 227
1 Кор. 9, 13–18 181
1 Кор. 10, 23–28 539
1 Кор. 10, 12–22 184
1 Кор. 10, 23–28 294
1 Кор. 10, 28–11, 7 185
1 Кор. 10, 5–12 182
1 Кор. 11, 31–12, 6 194
1 Кор. 11, 8–22 189
1 Кор. 11, 23–32 578
1 Кор. 12, 12–26 196
1 Кор. 13, 4–14, 5 197
1 Кор. 14, 26–40 200
1 Кор. 14, 6–9 199
1 Кор. 14, 20–25 307
1 Кор. 15, 1–11 239
1 Кор. 15, 12–19 206
1 Кор. 15, 29–38 208
1 Кор. 15, 47–57 560
1 Кор. 15, 39–45 320
1 Кор. 15, 58–16, 32 333
1 Кор. 16, 4–12 209
1 Кор. 16, 13–24 252

2 Кор. 1, 1–7 211
2 Кор. 1, 8–11 345
2 Кор. 1, 12–20 213
2 Кор. 1, 21–2, 14 269
2 Кор. 2, 14–3, 3 218
2 Кор. 2, 14–3, 3 219
2 Кор. 3, 4–12 221
2 Кор. 3, 12–18 357
2 Кор. 4, 1–6 222
2 Кор. 4, 6–15 283
2 Кор. 4, 13–18 224
2 Кор. 5, 1–10 371
2 Кор. 5, 10–15 229
2 Кор. 5, 15–21 230
2 Кор. 6, 1–10 296
2 Кор. 6, 1–16 231
2 Кор. 6, 16–7, 1 309
2 Кор. 7, 1–10 233
2 Кор. 7, 10–16 235
2 Кор. 8, 1–5 383
2 Кор. 8, 7–15 240
2 Кор. 8, 16–9, 5 242
2 Кор. 9, 6–11 321
2 Кор. 9, 12–10, 7 245
2 Кор. 10, 7–18 247
2 Кор. 11, 1–6 395

2 Кор. 11, 21–12, 9 123
2 Кор. 11, 31–12, 9 334
2 Кор. 11, 5–11 248
2 Кор. 12, 10–19 253
2 Кор. 12, 20–13, 2 262
2 Кор. 13, 3–13 264

Гал. 1, 1–10, 20–25 266
Гал. 1, 3–10 406
Гал. 1, 11–19 445
Гал. 1, 11–19 347
Гал. 2, 11–16 271
Гал. 2, 16–20 261
Гал. 2, 16–20 361
Гал. 2, 21–37 273
Гал. 2, 6–10 267
Гал. 3, 15–22 275
Гал. 3, 23–4, 5 278
Гал. 3, 8–12 417
Гал. 3, 8–12 439
Гал. 4, 4–7 442
Гал. 4, 8–21 280
Гал. 4, 22–31 276
Гал. 4, 26–5, 10 285
Гал. 5, 11–21 287
Гал. 5, 22–6, 2 428
Гал. 6, 2–10 289
Гал. 6, 11–18 256
Гал. 6, 11–18 372

Еф. 1, 16–23 447
Еф. 1, 1–9 290
Еф. 1, 1–17 292
Еф. 1, 22–2, 3 298
Еф. 2, 4–10 386
Еф. 2, 11–13 460
Еф. 2, 14–22 397
Еф. 2, 19–3, 7 299
Еф. 3, 8–21 302
Еф. 4, 1–6 408
Еф. 4, 7–13 475
Еф. 5, 1–8 480
Еф. 4, 14–19 304
Еф. 4, 17–25 305
Еф. 4, 25–32 310
Еф. 5, 9–19 97
Еф. 5, 9–19 419
Еф. 5, 20–26 312
Еф. 5, 25–33 314
Еф. 5, 33–6, 9 316
Еф. 6, 10–17 430
Еф. 6, 10–17 473
Еф. 6, 18–24 318

Флп. 1, 1–7 323
Флп. 1, 8–14 325
Флп. 1, 12–20 327
Флп. 1, 17–24 330
Флп. 1, 20–27 328
Флп. 2, 5–11 203
Флп. 2, 12–16 336
Флп. 2, 17–23 338
Флп. 2, 24–30 339
Флп. 3, 1–8 341
Флп. 3, 1–8 343
Флп. 4, 10–23 349
Флп. 4, 4–9 570

Кол. 1, 1–2, 7–11 351
Кол. 1, 3–6 491
Кол. 1, 12–18 448
Кол. 1, 18–23 353
Кол. 1, 24–29 354
Кол. 2, 1–7 356
Кол. 2, 8–12 458
Кол. 2, 13–20 363
Кол. 2, 20–3, 3 365
Кол. 3, 4–11 462
Кол. 3, 12–16 482
Кол. 3, 17–4, 1 366
Кол. 4, 2–9 368
Кол. 4, 10–18 369

1 Фес. 1, 1–5 375
1 Фес. 1, 6–10 376
1 Фес. 2, 1–8 379
1 Фес. 2, 14–19 381
1 Фес. 2, 20–3, 8 388
1 Фес. 2, 9–14 380
1 Фес. 3, 9–13 389
1 Фес. 4, 1–12 391
1 Фес. 4, 13–17 539
1 Фес. 5, 1–8 392
1 Фес. 5, 14–23 501
1 Фес. 5, 9–13, 24–28 394

2 Фес. 1, 1–10 398
2 Фес. 1, 10–2, 2 400
2 Фес. 2, 1–12 401
2 Фес. 2, 13–3, 5 403
2 Фес. 3, 6–18 404

1 Тим. 1, 1–7 410
1 Тим. 3, 1–13 414
1 Тим. 1, 15–17 492
1 Тим. 1, 8–14 411
1 Тим. 1, 18–20; 2, 8–15 .. 413
1 Тим. 3, 14–4, 5 468
1 Тим. 4, 4–8, 16 416
1 Тим. 4, 9–15 503
1 Тим. 5, 1–10 421
1 Тим. 5, 11–21 422
1 Тим. 5, 22–6, 11 424
1 Тим. 6, 11–16 444
1 Тим. 6, 17–21 425

2 Тим. 1, 1–2, 8–18 427
2 Тим. 2, 11–19 514
2 Тим. 2, 20–26 431
2 Тим. 3, 1–9 527
2 Тим. 3, 10–15 515
2 Тим. 3, 16–4, 4 432
2 Тим. 4, 5–8 469
2 Тим. 4, 9–22 434

Тит. 1, 5–2, 1 436
Тит. 1, 15–2, 10 438
Тит. 2, 11–14;3, 4–7 471

Евр. 1, 1–12 551
Евр. 1, 10–2, 3 556
Евр. 2, 2–10 359
Евр. 2, 11–18 563
Евр. 3, 12–16 554
Евр. 3, 5–11, 17–19 450
Евр. 4, 1–13 452
Евр. 4, 14–5, 6 559
Евр. 5, 11–6, 8 453
Евр. 6, 13–20 562
Евр. 7, 1–6 455
Евр. 7, 18–25 456
Евр. 7, 7–17 521
Евр. 8, 7–13 463
Евр. 9, 1–7 385
Евр. 9, 11–14 567
Евр. 9, 24–28 565
Евр. 9, 8–10, 15–23 465
Евр. 10, 1–18 467
Евр. 10, 32–38 557
Евр. 10, 35–11, 7 476
Евр. 11, 8, 11–16 478
Евр 11, 9–10, 17–23, 32–40 441
Евр. 11, 17–23, 27–31 483
Евр. 11, 24–26, 32–12, 2.. 552
Евр. 11, 33–12, 2 108
Евр. 12, 25–26; 13, 22–25 485
Евр. 12, 28–13, 8 568

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. 5

Светлая Седмица **8**
Пасха 8
О священной иерархии. 10
О свидетельстве и свидетелях 11
О приготовлении души. 13
О свидетелях и лжесвидетелях 14
О рождении свыше. 15
О биче Божием. 17
О росте и умалении 19
Седмица 2-я по Пасхе **21**
О блаженном неверии 21
О самом первом чуде 22
О Божием суде 24
О служении истине. 26
О молитве. 27
О первой лжи. 29
О Небесном и о земном хлебе 31
Седмица 3-я по Пасхе **33**
О безрассудной верности 33
О первомученике Стефане 34
О белой магии 36
О святыне и о деньгах 38
О чуде воцерковления 40
О обращении гонителя. 41
О твердой руке Господней 43
Седмица 4-я по Пасхе **44**
О надежде сверх всякой надежды. 44
О Святой Чаше 45
О спасении вне Церкви 47
О том, как узнать посланца истины 49
О жизни во свете и жизни во тьме. 50

О тайне Святого Креста 52
Об отцах 53
Седмица 5-я по Пасхе 55
О пшенице Господней 55
О лжи и о смерти 57
О невидении смерти 59
О соработниках Господних 61
О истинном пастыре 62
Об истинных овцах Христовых 64
О Боге и богах 66
Седмица 6-я по Пасхе 68
О зрении и слепоте 68
О даре священства 70
О пути к истинной славе 71
О последнем дне 73
О невозможности оставаться на земле 74
О пути, истине и жизни 76
О «том дне» 78
Седмица 7-я по Пасхе 80
О единосущии Отца и Сына 80
О единении в свободе 82
О единосущии Отца и Сына и Святого Духа 83
О тщетности компромиссов 85
Об истине и ее осколках 86
О совершенной радости 88
О буре и надежде 90
О прощении Петра 91
Пятидесятница 93
О единстве Церкви 93
О чуде Пятидесятницы 95
Седмица 1-я по Пятидесятнице 97
О «малых», о согрешающих и о просящих 97
О блаженствах 99
О дубе и о желудях 101
О чужой и о своей жене 103
О двух болезнях 104

О православии 106
О тайне и о суде святых 108
Седмица 2-я по Пятидесятнице 109
О лукавстве 109
О добрых и о худых плодах 111
О вере Авраама 112
О «основаниях» 114
О пребывании в грехе и в благодати 115
О вине и мехах 117
О трех сторонах правды 118
О Царствии Небесном и царстве земном 120
Седмица 3-я по Пятидесятнице 121
О первом приближении Бога 121
О высоте и глубине 123
О ждущей душе 125
О живущих по духу и живущих по плоти 126
О духовных руках 127
О помиловании и ожесточении 129
О вере и о делах 131
О темном и светлом оке 132
Седмица 4-я по Пятидесятнице 134
О «сомнении» Иоанна Крестителя 134
О видах противления истине 135
О том, как Бог не отверг народ Свой 137
О маслине и ее ветвях 139
О спасении всего Израиля 140
О жертвах и жертве 142
О вере сотника 144
Седмица 5-я по Пятидесятнице 145
О вере в Церковь 145
О немощных в вере 147
О свободе и ответственности 149
О Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной . . . 151
О притче 153
О нуждающихся и не нуждающихся 155
О христианских и нехристианских чувствах 156
Седмица 6-я по Пятидесятнице 158

О семени и о земле 158
О пшенице и плевелах 160
О семени и о закваске 162
О мудрости и «мудрости» 163
О сокровище, о жемчужине и о неводе 165
О желании быть отлученным от Христа 166
О «вере их» 168
Седмица 7-я по Пятидесятнице 169
О суде и неосуждении 169
О браке 171
О входящем и исходящем 172
О горизонтали и вертикали 174
О браке и безбрачии 176
О жертве, жертвеннике и участниках жертвенника 178
О истинном угождении 179
Седмица 8-я по Пятидесятнице 181
О закваске 181
О смысле жизни 182
О том, чтобы не упасть 184
Об отвержении себя 185
О Царствии Небесном 187
О волосах и о чести 189
Об отношении к власти 190
О единстве Церкви 192
Седмица 9-я по Пятидесятнице 194
О детском и взрослом 194
О пути к согласию 196
О справедливости и о любви 197
О даре языков 199
О духовных дарах 200
О взаимной терпимости 202
О узнавании друг друга 203
О хождении над бездной 205
Седмица 10-я по Пятидесятнице 206
О духовном бесплодии 206
О последовательности 208
О послушании и непослушании 209

О краеугольном камне 211
О воскресении мертвых 213
О воспитании учеников 214
О вере, посте и молитве 216
Седмица 11-я по Пятидесятнице 218
О православном миссионерстве 218
О раскрашенных гробах 219
Об отцах и детях 221
О прозревании 222
О видимом и невидимом 224
О венчании 225
О злом должнике 227
Седмица 12-я по Пятидесятнице 229
О умершем за меня 229
О любви и смерти 230
О признаках Божьего служителя 231
О человеческом сиротстве 233
О печали к смерти и о печали к жизни 235
О блаженной слепоте 236
Об отсечении главы 237
О скрытом лукавстве 239
Седмица 13-я по Пятидесятнице 240
О христианской благотворительности 240
О взаимодействии воль 242
О двуедином служении 243
О духовном воинствовании 245
О хуле на Святого Духа 247
О кознях сатаны 248
О Божественной мудрости 250
О злых виноградарях 252
Седмица 14-я по Пятидесятнице 253
О праве собственности 253
О точке и лучах 254
О точках и контуре 256
О православном сознании 258
О даре и жертвеннике 259
О стыде 261

О сеянии, росте и жатве 262
О стойкости в бурях 264
О легионе бесов 266
О сохранении и исправлении веры 267
О учителях, наставниках и отцах 268
О званых, призванных и изгнанных 269
Седмица 15-я по Пятидесятнице 271
О прикосновении к ризам Господним 271
О Божестве и о Человечестве Иисуса Христа 273
О истинных посланниках Господних 275
О ветхозаветной праведности 276
О ереси жидовствующих 278
О окамененном нечувствии 280
О последних временах 281
О наибольшей заповеди 283
Седмица 16-я по Пятидесятнице 285
О свободе 285
О врагах свободы 287
О сердце 289
О Церкви и святости 290
О церкви и церквях 292
О сне и бодрствовании 294
О талантах 296
Седмица 17-я по Пятидесятнице 298
О полноте света и о полноте тьмы 298
О святыне храма 299
О движении и покое 302
О укорененности 304
О безумных виноградарях 305
О мудрых и неразумных девах 307
О прохождении сквозь стену 309
Седмица 18-я по Пятидесятнице 310
О совлечении ветхого человека 310
О нашей родословной 312
О силе Священного Писания 314
О рабах и господах 316
О разных молитвах 318

О радостном утре 320
О неоскудевающей руке 321
Седмица 19-я по Пятидесятнице 323
О последовании событий 323
О Боге и Божьем человеке 325
О делающем, Помогающем и мешающем 327
О совершенной свободе 328
О нищих, алчущих и плачущих 330
О том, что легче сказать 333
О наградах 334
Седмица 20-я по Пятидесятнице 336
О богатых, о ропщущих и о сомневающихся 336
Об искании своего и угодного Иисусу Христу 338
О строительстве домов 339
О истинном обрезании 341
О мышлении совершенных 343
О самоприговоре 345
О наинской вдове и царе Давиде 347
Седмица 21-я по Пятидесятнице 349
О том, что первично 349
О женщинах, следовавших за Иисусом 351
О корабле Церкви 353
О любознательности 354
О жалобщиках 356
О покрывале 357
О Бесплотных Силах 359
О плодоносном семени, и о украденном 361
Седмица 22-я по Пятидесятнице 363
О видах лжи 363
О противоестественном 365
О преодолении плотского самоутверждения 366
О тех, кто с нами, и кто против нас 368
О послании Семидесяти 369
О удивительной вере 371
О загробных тайнах 372
Седмица 23-я по Пятидесятнице 375

О чудесах и о вере 375
О молитве Господней 376
О чем просить 379
О разделении сатаны в себе 380
О Боге и о сатане 381
О цветах добра и цветах зла 383
О ожившей надежде 385
О свойствах бесов 386
Седмица 24 по Пятидесятнице 388
О любви, чуде и знамении 388
О очищении ока 389
О десятине и о милостыне 391
О «мире и безопасности» 392
О тайном и явном 394
О «другом Иисусе» 395
О «национальности» Иисуса Христа 397
Седмица 25 по Пятидесятнице 398
О дележе наследства 398
О раздаянии меры хлеба 400
О том, кто — антихрист 401
О бедах и о грехах 403
О жизни по преданию 404
О том, кому «предал Себя» Христос? 406
О пределах любви и о «религиозной нетерпимости» 408
Седмица 26 по Пятидесятнице 410
О мере любви 410
О том, для кого пишутся святые книги 411
О драхме, овце и сыне 413
О догадливом управителе 414
О непростительном грехе 416
О начале ученичества 417
О отнятии души от богатства 419
Седмица 27 по Пятидесятнице 421
О том, где находится Царство Небесное 421
О социальном служении 422
О детстве и богатстве 424
О «сокровенном» 425

О постоянной и переменной составляющих 427
О плодах и корнях 428
О всеоружии Божием 430
Седмица 28 по Пятидесятнице 431
О глиняных и о золотых сосудах 431
О сгущении времени 432
О последних днях Божьего человека. 434
О епископах и пресвитерах. 436
О чистых и нечистых 438
О законах мира 439
О законах Моисея 441
О свидетелях Рождества 442
О видении на расстоянии. 444
О Иосифе и Давиде 445
О дарованном и приобретенном. 447
О утраченной возможности 448
Седмица 29 по Пятидесятнице 450
О силе женщин и о силе истины 450
О том, кого следует опасаться 452
О земле негодной и близкой к проклятию 453
О самодостаточности Священного Писания. 455
О Священнике и священниках. 456
О смысле Ветхозаветного обрезания. 458
О широком пути. 460
О благодарении делами 462
Седмица 30 по Пятидесятнице 463
О Новом Завете 463
О Ходатае Нового завета 465
О жертвах и Жертве 467
О начале отсчета времени. 468
О понижении гор и наполнении рвов. 469
О главном вечере 471
О искушении Иисуса 473
О духовных советах 475
О вере 476
О нашем отечестве 478

О болящих и о целителях 480
О задавании вопросов 482
Седмица 31 по Пятидесятнице 483
О вере и легковерии 483
О колебании неба и земли 485
О искушениях 487
О медлении на слова и на гнев 488
О богатых в церкви 490
О праведном и неправедном 491
О самом первом из грешников 492
Седмица 32 по Пятидесятнице 494
О вере и о делах 494
О языке 495
О двух водах и одном источнике 497
О путях к смирению 498
О краеугольном камне 500
О разном 501
О Закхее 503
Седмица 33 по Пятидесятнице 505
О печати кесаря 505
О схождении Господа Иисуса Христа во ад 507
О страдающих плотию 508
О искушениях, о пастырях и о вдовице 510
О добродетели в добродетели 512
О необходимости вопиять к Богу 514
О мытаре и фарисее 515
Седмица 34 по Пятидесятнице 518
О основании бесстрашия 518
О испытании чудесами 519
О Божией Матери 521
О разных лжецах 522
О грехе и о истине 524
О древнем и новом, о свете и тьме 525
О Боголюбии и сластолюбии 527
О Блудном сыне 528
Седмица 35 по Пятидесятнице 531
О «наших» и «вышедших от нас» 531

О любви и о ненависти 533
О признаках истины 534
О молитве за других 536
О любви и о истине 538
О приближении Страшного суда 539
О Страшном суде 541
Сырная седмица 543
О свидетельстве и о мнении 543
О мечтательстве и о мечтателях 545
О пастырской печали 546
О правильном настрое на милостыню и на молитву 547
О правильном настрое на пост 549
Великий пост 551
О ключе к сокровищнице 551
О торжестве православия 552
О молитве среди не молящихся 554
О Ангельском деле 556
О том, к нам ли пришел Господь? 557
О лежащем кресте 559
О усопших 560
О якоре 562
О соответствии Писания и Предания 563
О шествии за Христом 565
О подведении итогов 567
О том, почему Господь плакал 568
О приближении Страстной седмицы 570
Страстная седмица 572
О том, чтобы ничем не прельститься 572
О свойствах прельстителей 573
О Иуде Искариоте 575
О Тайной вечери 578
О Разбойнике и о Петре 580
О самом длинном вечере 582

Указатель страниц проповедей на соответствующие евангельские и апостольские чтения 585

Протоиерей Вячеслав Резников

Полный круг проповедей на ежедневные Апостольские и Евангельские церковные чтения

Издание второе, исправленное

Отпечатано в типографии ООО «Самарский дом печати»
443052, г. Самара, пр. Кирова, 24